Боспорские исследования

Вып. XLIV

BOSPOROS STUDIES

Vol. XLIV

Керчь Симферополь
Kerch Simferopol
2022

УДК 94(477.75)082
ББК 63.4-63.3 (0)32
Б85

Научная подготовка журнала осуществляется
Научно-исследовательским центром истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского
и Центром археологических исследований
Благотворительного фонда «Деметра»

Рекомендовано к изданию Научно-техническим советом Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Протокол № 2 от 12.04.2022 г.)

Редакция:
Зинько В.Н., д.и.н., ответственный редактор
Зинько А.В., к.и.н., ответственный секретарь

Редакционная коллегия:
Айбабин А.И., главный редактор, д.и.н., проф., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Виноградов Ю.А., д.и.н., проф., Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург)
Зинько В.Н., заместитель главного редактора, д.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Зубарев В.Г., д.и.н., проф., Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого (Тула)
Казанский М.М., д.и.н., Центр истории и цивилизации Византии Колледж де Франс (Париж, Франция)
Сидоренко В.А., к.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Храпунов И.Н., д.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Цецхладзе Г.Р., PhD, проф., главный редактор «Ancient West and East» (Левен, Бельгия)
Цукерман К., д.и.н., проф., Центр истории и цивилизации Византии Коллеж де Франс (Париж, Фрация)

Состав редколлегии утвержден Ученым советом Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Протокол № 2 от 12.04.2022 г.)

Боспорские исследования. Вып. XLIV / Отв. ред. В.Н. Зинько. –
Б 85 Керчь: Керченская городская типография, 2022. – 400 с.
ISBN 978-5-6046127-2-9

В XLIV выпуске «Боспорских исследований» публикуются статьи и материалы по результатам исследований античных и средневековых памятников Боспора и Северного Причерноморья, а также по отдельным вопросам изучения истории материальной культуры и методике проведения археологических раскопок.

Для археологов, историков, музейных сотрудников, студентов и преподавателей, а также всех, кто интересуется древней историей и археологией юга России.

УДК 94(477.75)082
ББК 63.4-63.3 (0)32

Издание профинансировано Благотворительным фондом «Деметра»

ISSN 2413-1938
ISBN 978-5-6046127-2-9

© Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2022
© Центр археологических исследований БФ «Деметра», 2022
© Авторы, текст, 2022

СТАТЬИ

С.Г. КОЛТУХОВ
S.G. KOLTUKHOV

ПОГРЕБЕНИЯ ПЕРИОДА СКИФСКОЙ АРХАИКИ В ВОСТОЧНОМ И СТЕПНОМ КРЫМУ
BURIALS OF THE SCYTHIAN ARCHAIC PERIOD IN THE EASTERN AND STEPPE CRIMEA

Понятие «скифская архаика», как обоснованно замечает И.Н. Медведская, восходит к хронологии, созданной на основе предметов античной архаики, фигурировавших в роли датирующего инструмента в раннескифских комплексах. Такой подход базируется на материале, поступавшем в варварский мир во время сосуществования греческих эмпориев, временных или постоянных [Буйских, 2013, с. 225 – 233], первых апойкий и наиболее ранних скифских памятников Северного Причерноморья и Северного Кавказа. Античные хроноиндикаторы зафиксировали представления о возникновении собственно скифской культуры в границах VII в. до н.э. [Медведская, 1992, с. 86 и сл.].

Термин «архаический период» традиционно использовали В.И. Ильинская и А.И.Тереножкин [Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 16], хотя в той же работе определили интервал в рамках VII – V вв. до н.э., включающий два периода: собственно архаический – VII – VI вв. до н.э. и классический – V в. до н.э. Не столь жесткой была периодизация А.И. Мелюковой, следовавшая классической схеме А.А. Спицина [Спицин, 1918]. Раннескифский период был соотнесен со второй половиной VII – VI в. до н.э., а последующий среднескифский датирован концом VI – V в. до н.э. [Мелюкова, 1989, с. 49].

В целом, спектр представлений о скифской архаике ведущих скифологов в вопросах периодизации памятников Европейской Скифии убедительно показан А.Ю. Алексеевым [Алексеев, 2003, с. 23, табл. 1]. Исследователь, рассмотрев различные периодизации, существовавшие на 90-е гг. прошлого века, определил архаический период Европейской Скифии в рамках последней четверти VIII – последней трети VI в. до н.э. [Алексеев, 2003, с. 29], хотя и время формирования скифской классики уместно отнести к последней трети VI в. до н.э.

К памятникам скифской архаики, условно к VII – VI вв. до н.э., на территории Крымского полуострова можно отнести крайне ограниченное число достоверных комплексов (рис. 1)[1]. По мнению С.А. Скорого [Скорый, Зимовец, 2014, с. 13], это

[1] В 1914 г. киевские исследователи С.А. Скорый и Р.В. Зимовец опубликовали обильную и крымскую, по их мнению, коллекцию скифского оружия и украшений [Скорый, Зимовец, 2014], а в 2021 г. после нескольких визитов в Крым переиздали ее с дополнениями [Скорый, Зимовец, 2021]. У меня не

5 погребальных комплексов, исследованных археологами: погребение второй половины VII в. до н.э. в кургане на Темир-Горе, погребение второй половины VII в. до н.э. в кургане у с. Филатовка на Перекопском перешейке, погребение 5/10[2] у Григорьевки в Степном Крыму, погребение 3/1 у с. Черноземное в степи и погребение у с. Изюмовка на границе степи и предгорья. Суть отсева, по С.А. Скорому, заключена в отсутствии в собственно скифских комплексах кизилкобинской керамики, характерной для второй, близкой по обряду группы погребений, сосредоточенных в предгорьях[3].

В.А. Колотухин, публикуя степной материал из раскопок Северо-Крымской экспедиции, не видел принципиальных оснований для использования подобного фильтра [Колотухин, 2000, с. 68]. По мнению автора, вывод коллег из ИА НАНУ отчасти верен[4], а в число памятников, характеризуемых как архаические скифские, можно было бы включить погребение Филатовка-11/4 и погребение в культурном слое Кировского поселения.

Скифские погребения архаического периода

Древний курган на Темир-Горе и его основное погребение (рис. 2). Наиболее обстоятельно этот памятник и историю его исследования охарактеризовала М.Ю. Вахтина, рассмотревшая и архивные источники, и материалы коллекции [Вахтина, 2016, с. 73 – 82; Вахтина, 2016а, с. 44 – 68; Вахтина, 1917, с.389 – 410]. Благодаря ее публикациям стали заметны моменты, не отмеченные Э.В.Яковенко, подготовившей первую обстоятельную публикацию материалов [Яковенко, 1972], однако мне понятна и критическая оценка «загадочного» памятника, данная Т.М. Кузнецовой [Кузнецова, 2002].

Курган располагался в Восточном Крыму на вершине Темир-Гора (рис.1,1) в

вызывает сомнений профессионализм ученых, хотя и здесь встречаются погрешности. Поставщиками древностей были «поисковики», и это минус, весьма существенный при условии полного доверия ученых мужей к сведениям о локализации находок, которые, как правило, скрывают или фальсифицируют. У меня доверия нет, так А.В. Гаврилов, известный крымский археолог, знаток античных и варварских древностей Восточного и Юго-Восточного Крыма, для многих опубликованных предметов получил от тех же людей совершенно иную локализацию. Все это ставит под сомнение и саму коллекцию, и исторические выводы коллег в той их части, в которой они базируются на материалах свода [Скорый, Зимовец, 2021, с.287 – 326]. Вскоре после появления первого издания я опубликовал свои замечания [Колтухов, 2017], однако интерпретация материала не изменилась, а свободно формулируемые историко-географические оценки так и не были подкреплены обоснованиями. Однако об этом отдельно и не здесь.

[2] В дальнейшем в числителе – номер кургана, в знаменателе – номер могилы.

[3] Этот вывод убедителен при оценке пятерки памятников архаического времени, но ошибочен для скифской классики. Лепная керамика с резным декором в конце архаического, начале классического времени хорошо известна в скифских погребениях западной части Крымского полуострова: между реками Альма в предгорье и Самарчик в Присивашье, а в восточном направлении она фиксируется вплоть до предгорных окрестностей Симферополя [Колотухин, 2000; Кравченко, 2009; Колтухов, 2012; Колтухов, 2012 а; Колтухов, Сенаторов, 2016].

[4] Об этом ниже.

7км к северо-востоку от исторического ядра г. Керчи, у северо-восточной границы курганного некрополя античного Пантикапея. Высота доминирующей вершины, господствующей над местностью на многие километры, 154 м над уровнем моря.

Раскопки кургана проводились неоднократно и разными исследователями: П.И. Хицуновым, а затем А.Е. Люценко в 1869 и 1870 гг. [ОАК – 1869, с.XII – XIII; ОАК – 1870-1871, с. XX – XXIII]. В 1878 г. остатки кургана доследовал С.И. Веребрюсов, но безрезультатно.

Высота кургана по П.И. Хицунову в 1869 г. составляла 4 саж. (8,5 м), окружность – 42 саж. (около 90 м при диаметре 28 м), курган имел каменную крепиду. По данным А.Е. Люценко, высота насыпи в 1970 г. составляла 2 ½ саж. (5,3 м) [Вахтина, 2016а, с.53].

Размеры кургана и время его сооружения ставили памятник в один ряд с курганами Келермесского могильника, однако находки, в сравнении с Келермесом, выглядели более чем скромными. Уже это противоречие дает основание для предположения о сложной стратиграфической структуре памятника и существовании у него как первоначальной насыпи, так и досыпок, разнесенных по времени на несколько столетий.

Полевые работы велись раскопами и траншеями, но позволили вскрыть почти всю площадь памятника от крепиды к центру [Вахина, 2017, с. 393]. Судя по рисунку Ф.И. Гросса (рис. 2,*1*), после работ Хицунова и Люценко внутри кромлеха оставались лишь останцы насыпи. Завершенной или просто выразительной стратиграфии кургана мы не имеем, тем не менее наклонные слои на рисунке Ф.И. Гросса свидетельствуют о сложном формировании насыпи.

В стандартном случае что-то подсказала бы планиметрия памятника, но она существует лишь в виде интересной, но весьма условной схемы, выполненной по описанию [Кузнецова, 2002, с.87, рис.1]. Рассматривая памятник как курган, начнем с так называемых «точков» античного времени. Первый точок, обнаруженный Хицуновым, располагался не где-либо в насыпи, а на материке у каменной крепиды[5]. Сама крепида состояла, судя по обобщению А.Е.Люценко, из нескольких рядов тесаных плит, как и во многих пантикапейских курганах [Вахтина, 1917, с. 399]. Следовательно, она сооружена по боспорским строительным канонам и ее стоит синхронизировать с кремациями, а значит, отнести к V – IV вв. до н.э.

Затем через 6 сажен (13 м) по направлению к центру, а практически в центре кургана, под каменным завалом, что показательно, после выемки земли (в материке на глубине 1/2 арш.) был найден еще один точок этого же времени[6]. Общая глубина явно

[5] Подобная ситуация известна автору в курганах античного времени Восточного [Колотухин, Колтухов, 2007 с. 213-217] и Северо-Западного Крыма [Колтухов, 2012, с. 51-52], в которых основные погребения в каменных склепах находились в центре, а погребения лиц с не столь высоким статусом примыкали в крепиде.

[6] В кургане были и другие погребения, однако их позиция либо не ясна, либо они еще моложе кремаций.

велика для впускной могилы с остатками кремации в кургане высотой и 5 и 8 м. Из сказанного следует, что курган к V – IV вв. до н.э. стал двухслойным. В пользу такой интерпретации свидетельствует и рисунок Ф.И. Гросса (рис.2,*1*), отображающий слоистую структуру насыпи, тогда как сооружение его крепиды относится ко времени существования Боспорского царства. Досыпку кургана, придавшую ему оптимальные параметры, рационально соотнести с кремациями боспорян.

Основное скифское погребение находилось под центральной частью насыпи в вырубленной в скале округлой яме, расположенной «…с северной стороны кургана, близ центра его под теми же завалами[7].., длиною 2, шириною 1 ½ и глубиною 2/3 саж., вырубленной в скалистом материке и заключавшей в себе только одного, лежавшего головою на запад, человеческого остова, при костях которого найдено: у ног – один раздавленный землёю и камнями глиняный кувшин, с изображением на желтом поле черною и красною красками разных зверей в древнейшем стиле (кувшин этот, которого все черепки собраны, может быть вполне реставрирован); возле левой руки – один бронзовый загадочного значения прутик в золотой оправе, поврежденный окисью бронзы, костяное отчего-то, состоящее из двух частей украшение фантастической формы, с весьма курьёзною на нём резьбою, шесть костяных конической формы трубочек с двумя бронзовыми, по-видимому, принадлежащими к ним наконечниками, и восемь маленьких костяных вещиц в виде пуговок и закруглённых цилиндриков…»[8].

По определению Л.В. Копейкиной, античный расписной сосуд охарактеризован как ойнохоя с валикообразным венчиком (рис. 2,*2*)[9]. Описание росписи приведено Л.В.Копейкиной [Копейкина, 1972, с. 148]. «Роспись ойнохои очень изящна. Горло украшает широкая полоса меандра. Сверху и снизу его окаймляет петлеобразная плетенка. Вокруг горла по плечикам идет неширокая полоска палочного орнамента. Плечики и среднюю часть тулова ойнохои украшают два фриза с изображением животных. В верхнем фризе в центре мы видим фигуры пантеры и быка, идущих навстречу друг другу. Между ними маленькая фигурка лисы. Справа и слева от центральной композиции – фигуры козлов. Один из них (слева), гордо подняв голову, идет вперед, другой (справа) спокойно щиплет траву.

В нижнем фризе изображена сцена охоты: собаки преследуют зайцев и козлов. Свободное пространство между фигурами животных в обоих фризах заполнено орнаментом. Он расположен негусто, удачно сочетаются крупные и мелкие элементы его, так что остается много свободного пространства. Мотивы орнамента очень раз-

---

[7] В данном случае, имеются в виду те же «завалы», что и над центральной боспорской кремацией, судя по описанию, и они могут относиться к античному времени, следовательно, это наблюдение вновь позволяет считать насыпь кургана, существовавшую в V–IV вв., двухслойной. Появление последующих досыпок и их характер вопрос иной и не имеющий отношения к этой работе.

[8] Ссылка М.Ю. Вахтиной на НА РА ИИМК РАН. ф. 1, 1870. д. № 23. л. 29, об.

[9] Добавим такие типологические признаки, как коническое горло и овоидное в сечении широкое тулово на низком поддоне.

нообразны: различного вида розетки, свастика, ромбики, крестики. Между фризами и под нижним фризом проходят два пояса петлеобразной плетенки. Нижнюю часть тулова сосуда около самой ножки украшает палочный орнамент. Ручка, как было указано выше, трехстворчатая. Средний ствол украшен прямоугольниками темного лака, а боковые стволы украшены точками. Под ручкой – орнамент лучей.

Вся роспись сделана кистью, без применения гравировки и накладных красок. Изображение животных выполнено в технике «пропущенных» линий (собака, бык, козлы, лиса) или просто в контурной технике (пантера, заяц), частью обозначено контурными линиями, и пространство внутри заполнено штриховкой [Копейкина, 1972, с. 148].

Сосуд принадлежит к группе Middle Wild Goat Styl 1, относящейся к продукции одной из восточно-греческих мастерских, предположительно милетской, работавшей в третьей четверти VII в. до н.э., ее продукция в это же время зафиксирована и в иных пунктах Северного Причерноморья [Денти, 2016, с. 15, 33]. По мнению современных исследователей, сосуды с близкой росписью были в то же время в ходу у обитателей Немировского городища в Лесостепном Побужье [Вахтина, Кашуба, 2014, с. 80] и в Прикубанье. Можно допустить, что кувшин из Темир-Горы морфологически близок к прикубанским сосудам из кургана у хут. Красный [Шевченко, 2013, с.117].

Проблема с хронологией охарактеризована Л.В. Копейкиной, датировавшей сосуд 40-ми гг. VII в. до н.э. [Копейкина, 1972, с. 156]. Дата ойнохои определяет и датировку самого погребения в рамках третьей четверти VII в. до н.э. [Алексеев, 2003,с. 295].

М.Ю. Вахтина и ее коллеги, основываясь на предположении о существовании скифского сезонного маршрута, связывающего Прикубанье и лесостепь Украины [Вахтина, Виноградов, Рогов, 1980; Вахтина, 2016, с. 15-16], высказали гипотезу о распространении античной расписной керамики в соответствии с маршрутами перекочевок. Параллельно существует не менее убедительная версия торговых маршрутов. Например, время появления березанского поселения – Борисфена археологически отнесено к концу VII – первой половине VI в. до н.э. [Чистов, 2012, с. 6,7]. А.В. Буйских допускает первоначально сезонный, связанный с навигацией характер эмпория, что отвечает во второй-третьей четверти VII в. до н.э. факту появления в украинской степи и лесостепи античной керамики [Буйских, 2013, с.226 – 229]. Думается, что подобная система эмпориев охватывала не только Северо-Западное но и Северо-Восточное Причерноморье и обоснованием для этого могут послужить керамика Новозаведенного-2 [Петренко, Маслов, Канторович, 2000], сосуды Темир-Горы [Вахтина, 2016, Вахтина 2017] и Филатовки [Корпусова, 1980]. Основание постоянного эмпория на территории Пантикапея относят к последней четверти VIIв. до н.э., предположительно к 615 – 610 гг. до н.э. [Толстиков, Тугушева, Асташова, 2017, с. 25]. Временный торжок, возможно более ранний, вероятен в Нимфейской бухте, лежащей вне узостей пролива.

Зооморфное костяное налучье и костяная зооморфная пряжка полноценно охарактеризованы Н.Ю. Смирновым [Смирнов, 2015].

Костяное налучье в виде головки фантастического существа (рис. 2,*3*), в версии А. Р. Канторовича барано-птицы – келермесско-новозаведенского типа [Канторович, 2017, с. 169, рис. 5,5]. Это изделие с внутренней глухой втулкой и узким отверстием для штифта, закрепляющим навершие на некой деревянной или костяной основе. База изделия оформлена в виде круглой головы хищной птицы с массивным сильно загнутым клювом. Глаза переданы несколькими концентрическими кругами, в основании головы дополнительное рельефное изображение в виде небольшой раздвоенной фигурки хищника [Канторович, 2015а, с.172-173; рис. 20,31], скорее всего, пантеры. Аналогичное рельефное по стилю и технике изображение расположено на восковице птицы и представляет собой завершение рогов барана. Изображение голов животных с двух сторон клюва полностью подчинено стилизации.

Ближайшей аналогией этому изделию, с учетом его морфологических и стилистических особенностей, является налучье из впускного скифского погребения Новоалександровка-7/8, исследованного в кургане эпохи бронзы на левобережье Нижнего Дона [Кореняко, Лукьяшко, 1982, с. 153 и сл.][10]. Погребение было датировано на основе античной амфоры, которую И.Б. Брашинский отнес ко времени не ранее середины VI в. до н.э. [Кореняко, Лукьяшко, 1982, с.157], а В.П.Копылов[11] – ко времени не позднее второй четверти VI в. до н.э. [Копылов, 1994, с. 23]. С.Ю.Монахов охарактеризовал эту же амфору [Монахов, 2003, табл. 17. 5] как милетскую архаического типа варианта 1 С и датировал вариант второй – третьей четвертью VI в. до н.э. или же серединой VI в. до н.э. [Монахов, 2003, с. 32]. Не вызывает сомнений ее сходство с амфорой из Репяховатой могилы, которую сам С.Ю. Монахов относит к первой половине VI в. до н.э. [Монахов, 2003, с. 32], впрочем, ее же относят либо ко второй половине VII в. до н.э., либо ко времени не позднее рубежа VII – VI вв. до н.э. [Медведская, 1992, с. 86; Дараган, 2010, с. 197]. Все сказанное в пользу ранней даты амфоры из Новоалександровки и практической синхронности налучий из Темир-Горы и Новоалександровки.

В близком стиле украшено костяное налучье в виде головы птицы из кургана Новозаведенное-II/13, датированного исследователями второй половиной VII – началом VI в. до н.э. [Петренко, Маслов, Канторович, 2000, с. 244, рис. 5,1, с. 246]. Третьей, морфологической и стилистической аналогией изделию из Темир-Горы является навершие в виде головы птицы из кургана Нартан-6 [Батчаев, 1985, табл. 21, 23; Канторович, 2015, с.643 и сл.], датируемого А.Ю. Алексеевым 625 – 590 гг. до н.э. [Алексеев, 2003, с. 108, табл. 5].

Несколько необычно, скорее даже нестандартно, изделие из кости в виде небольшой подтреугольной пряжки (рис. 2,*4*) или бляхи с двумя отверстиями, крупным

---

[10] В данном случае мы не рассматриваем характеристику погребального сооружения и соотношение подбойной могилы с некой овальной ямой или подбоем, в котором находились кости барана и милетская амфора.

[11] Со ссылкой на С.Ю. Монахова.

отверстием в центре и небольшим на краю. На лицевой стороне существует низкорельефное изображение свернувшейся пантеры [Артамонов, 1968, с.33]. Однако сама моделировка объема и изображения соответствует изображениям пантер на костяных навершиях Келермесских курганов [ср. Галанина, 1997, табл. 16, 259, 377, 375] или на литых наконечниках ножен из Закавказья [Техов, 1980, с. 251, рис. 21]. А это можно рассматривать как указание на территорию производства изделий из погребального комплекса Темир-Горы.

Учитывая расположение двух находок слева от костяка, их можно рассматривать и как детали лука и колчана или горита с луком. Сравнительно недавно и головку, и бляху[12] было предложено рассматривать как украшения нагайки [Смирнов, 2015, рис. 2, 1]. Однако на втулке центрального отверстия бляхи (?), судя по рисунку Н.Ю.Смирнова, отсутствует место для штифта или иного жесткого крепления, что не придает необходимой убедительности новой реконструкции.

В пользу горита или колчана свидетельствует тот факт, что с этой же стороны была найдена стержневидная, круглая в сечении застежка (рис.2,7), бронзовая и плакированная золотом. В центре она разделена на две части узким и гладким перехватом, далее по направлению к концам, поверхность оформлена в виде рубчатых и гладких колец, окончания имеют вид грубых, скорее всего, львиных головок. Прямой аналогией находке является застежка из Литого (Мельгуновского) кургана [Придик, 1911, с. 20, рис. 14], широко датируемого А.Ю. Алексеевым второй половиной VII в. до н.э. [Алексеев, 2003, с. 295],что, в принципе, отвечает времени Темир-Горы.

«Восемь маленьких костяных вещиц…» (рис. 2, *5*) относятся к числу так называемых костяных гвоздиков, пуговиц, застежек-скреп и т.п., широко распространенных в архаическое время в Прикубанье, Приазовье и Причерноморье. Их вероятная связь с горитом или колчаном в Темир-Горе [Яковенко, 1972, с.262] подтверждается тем, что такие же изделия были обнаружены среди деталей колчана или горита в погребении 2 Репяховатой могилы, где лежали полукруглыми шляпками наружу [Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, с.44].

«Шесть костяных конической формы трубочек…» (рис. 2,*6*) Э.В. Яковенко предложила рассматривать как элементы составных стрел [Яковенко, 1972, с. 262 – 264]. Сами бронзовые наконечники, найденные в количестве двух штук, то ли в трубочках, то ли вместе с ними, то ли не сохранились, то ли еще будут найдены, в коллекциях Эрмитажа.

В весьма узком типологическом спектре скромный инвентарь основного захоронения Темир-Горы находит аналогии в таких выразительных памятниках, как Новозаведенное-II или же погребение у Новоалександровки. Однако сходства с выдающимися элитными памятниками степи, лесостепи и Кубани, при сравнении погребально-поминальных действий и разнообразия погребального инвентаря, не обнаруживается в принципе.

---

[12] Опубликованных в виде тщательного и надежного чертежа.

Подытожим доступные данные. Первоначальный курган на Темир горе был заметно меньше, чем это принято считать. То крупное сооружение, которое видели Хицунов и Люценко, относилось ко времени не ранее V – IV вв. до н.э. Основное погребение древнего кургана, скрытого под античной насыпью, действительно датируется третьей четвертью VII в. до н.э. Пол человека не установлен, отсутствие клинкового оружия и наличие деталей лука и стрел свидетельствуют о вооружении лучника или лучницы. Исходя из особенностей погребального инвентаря, формы могильной ямы, положения и ориентации костяка, наиболее близким к основной могиле Темир-Горы представляется погребение Новоалександровка-7/8,[13]. Приазовье, Кубань и Северный Кавказ – это ареалы распространения погребальных памятников с наиболее близкими изделиями в скифском зверином стиле. Древнейшее погребение в Темир-Горе не относится к числу элитных. По мнению автора, более вероятен вариант с захоронением в отдельном небольшом кургане представителя или представительницы родовой верхушки кочевников[14].

Филатовка-11/1 [Бессонова, Черных, Куприй, 1980, с.61], погребение исследовано в 1987 г. Северо-Крымской экспедицией под руководством В.Н. Корпусовой. Памятник расположен на Перекопском перешейке южнее Литовского полуострова (рис.1,*2*) [Колтухов, 2012, рис. 1, 7]. Впускное захоронение было совершено в сильно распаханном кургане эпохи поздней бронзы высотой 1,3 м и смещено на 8м от центра в северную полу насыпи (рис. 3,*1*). Это позволяет предположить, его «подчиненный» характер по отношению к синхронному погребению, занимавшему центр кургана. Не исключено, что сакральным объектом, образующим пространство, в данном случае послужило погребение 4, вполне обоснованно отнесенное исследователями кургана к раннему железному веку. [Бессонова, Черных, Куприй, 1980, с.62-63][15].

В погребении 1 могильное сооружение не прослежено, поза погребенного не установлена. Судя по остаткам черепа, обнаруженным на глубине 0,4-0,5 м от поверхности кургана, захоронение человека было совершено головой на запад. Рядом с остатками черепа находилась кость некрупного животного (овцы-козы) по определению исследователей и обломки ангобированной ойнохои из красно-коричневой глины,

---

[13] Не исключено, что западная часть могилы из Новоалександровки с ее содержимым могла представлять собой другое, более позднее погребальное сооружение.

[14] Критерии выявления этой социальной группы в погребальном обряде скифов давно и убедительно изложены Е.П. Бунятян [Бунятян, 1985].

[15] Захоронение взрослого человека располагалось в центре кургана и было совершено в подбойной могиле. Под северной стенкой подбоя находился костяк взрослого человека, погребенного вытянуто на спине головой на юго-запад. Недалеко от черепа был отмечен отпечаток деревянного сосуда. Иного инвентаря не обнаружено. Это позволяет датировать погребение 4 как предскифским, так и скифским временем. Ничего другого для определения позиции погребения 1 в этом кургане нет. Конечно, нельзя полностью исключать вариант, при котором в центре кургана находилось еще одно скифское погребение, разрушенное и не прослеженное исследователями, но хоть кто-нибудь, хоть что-нибудь, да увидел бы…

расписанной в восточногреческом (родосско-ионийском) стиле [Корпусова, 1980].

Высота сосуда 25 см, диаметр тулова 19,5 см. Горловина трехлепестковая, высоко поднятая ручка, в сечении трехствольная (рис. 3,*3,4*). Венчик и ручка сосуда покрыты буровато-черным лаком. На горле поясок жемчужника, под ним на лицевой стороне сосуда изображение козла, преследуемого собакой. Свободное пространство заполнено ромбами, свастиками, двойными спиралями, овами, жемчужником и буквой «Р» в уголках (рис. 3,*5*). Ниже несколько поясков бурого лака, под ними фриз лучевого декора и залитое лаком основание с низким кольцевым поддоном (рис. 3,*4*). По особенностям росписи и морфологическим признакам сосуд на основе аналогий из различных коллекций был отнесен В.Н. Корпусовой к третьей четверти VII в. до н.э. [Корпусова 1980, с. 102-103]. По мнению автора, сосуд может относиться ко второй половине или к последней четверти VII в. до н.э., так же как и еще одна восточно-греческая ойнохоя [Boardman, 1998, 361].

Погребение-4 [Бессонова, Черных, Куприй, 1980, с.62-63] впускное, находилось в центре кургана, подбойная могила 2,45 х 0,95 м прослежена на глубину 1,45 м (рис.3,*1,2*). Костяк взрослого человека лежал вытянуто на спине головой на юго-запад. В южном углу – ямка со следами дерева, надо полагать, это след деревянного сосуда. Судя по взаиморасположению погребений 1 и 4, только погребение 4 могло служить пространственным репером для погребения 4.

Григорьевка-5/10 – погребение впускное, исследовано Северо-Крымской экспедицией в 1986 г. [Колотухин, 2000, с. 37; Колтухов, 2012, с. 83], находилось в центральной части крымской степи на восточной оконечности одного из увалов Тарханкутской возвышенности (рис.1,*3*). Погребальное сооружение располагалось в центре курганной насыпи эпохи бронзы, современная высота насыпи около 2м. Могила представляла собой катакомбу с крупной полуовальной или овальной входной ямой, забитой бутовым камнем, дно которой отделено от дна погребальной камеры маленькой ступенькой. Форма лаза в камеру и форма потолка не известны (рис.4,*4*). Погребальная камера полуовальная размером 2,0 х 1,4 м. Наиболее близкой конструктивно представляется катакомба архаического времени Новокорсунская-1/2, в пользу аналогии служат и скорченное положение костяка, и костяные «столбики» [Дубовская, 1990, с. 182, 183, рис.1]. Захоронение взрослого человека было совершено в скорченном положении на правом боку с разворотом на живот при западной ориентации (рис.4,*4*). В области грудной клетки находились два костяных «столбика» (рис.4,*6*)[16], а в заполнении над костяком – бронзовый наконечник стрелы (рис. 4,*5*). В ногах на остатках овального деревянного изделия, блюда, по мнению В.А.Колотухина [Колотухин, 2000, с. 37], лежали лопатка, ребра и кости ноги небольшого животного (овцы, козы?).

Ближайшие аналогии грибовидным столбикам с короткой цилиндрической ножкой известны в Крыму в погребении на Темир-Горе [ср. Вахтина 2016, с. 13, рис.1, 3], в Подонье, в курганах группы Высочино VII.3/2, VII.8/2 [Дубовская, 1997,

[16] Известен рисунок одного из них.

с.200, рис. 9, 10,14], в Новоалександровке-24/5 [Дубовская, 1997, с. 204, рис. 11,7], в погребениях Новокорсунской [Дубовская, 1990, с. 183, рис. 1; Дубовская, 1997, с. 202, рис.10,6], в правобережной лесостепи в погребении 2 Репяховатой могилы [Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, с. 45, рис. 13 21].

Трехлопастной лавролистный наконечник стрелы с редуцированным шипом в основании короткой втулки (рис. 4, *5*). Аналогичный наконечник известен в лесостепи в погребении 1 Репяховатой могилы [Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, с. 36с. 45, рис. 13, 2], в Подонье, в комплексе Новокорсунская-2/3 [Дубовская, 1990, с. 183, рис. 1, 12], в Молдавии в комплексе Старые Куконешти [Дубовская, 1997, с. 202, рис. 10, 22], аналогичные образцы можно найти и в других архаических наборах стрел из Предкавказья [Петренко, 1990, с. 78, 80-81].

Исходя из анализа античной керамики из погребения 2 Репяховатой могилы, этот памятник относится ко времени не ранее и не позднее второй половины – конца VIIв. до н.э. [Дараган, 2010, с. 188, 197]. Интересно, что абсолютная дата около середины VII в. до н.э. предложена для протомеотского погребения Железнодорожный-2/8 с несколькими подобными стрелами в колчанном наборе [Лимберис, Марченко, с. 167, рис. 2, 10-12, с. 180]. В случае с Григорьевкой-5/10, исходя из различных современных обоснований, приемлемой представляется широкая датировка в рамках второй половины VII – возможно, начала VI в. до н.э.

Судя по датировкам и погребальному сооружению, захоронение в Григорьевке относится к числу редких погребальных памятников, обнаруженных в Степном Причерноморье – Приазовье, где катакомбы, они же крупные подбойные могилы, [ср. Ольховский, 1990, с. 215, табл. II. I/1, III/ 1-2А] единичны в VII – VI вв. до н.э. Среди пяти архаических памятников с близкими характеристиками, отмеченных О.Р. Дубовской [Дубовская, 1997, с. 200, рис.9,18, с. 202, рис.10,1,6,11,22], наиболее близкими представляются погребения из Прикубанья у ст. Новокорсунской. Погребение-1/2 было совершено в могиле, по форме соответствующей катакомбе с подпрямоугольной камерой с закругленными углами, костяк лежал скорченно на правом боку головой на восток, среди погребального инвентаря лепная лощеная корчага биконической формы и несколько костяных «столбиков» с цилиндрическим и приостренным основаниями [Дубовская, 1990, с. 182, рис. 1, 1-7]. Погребение по инвентарю может быть отнесено ко времени не ранее VII в. до н.э., но по типу могилы, положению и ориентации погребенного – это памятник, близкий захоронениям черногоровского типа. Думаю, это подтверждение существования в границах архаической Скифии предскифского или протоскифского населения. В Григорьевке-5/10 отмечена катакомба с захоронением на правом боку, но с западной ориентацией, которая хорошо известна в предскифское время при вытянутых погребениях, в Крыму встречена и при скорченном на спине положении костяка, в черногоровско-новочеркасском погребении Льговское-2/16 [Рукавишникова, Бейлин, Зайцев, 2018; Рукавишникова, Бейлин, Зайцев, 2019, с. 49 – 53].

Столь же интересно погребение Новокорсунская-2/3, в котором сочетаются признаки, характерные для новочеркасского (позднечерногоровского) обряда: крупная подбойная могила, слабо скорченное положение на правом боку головой на запад, а также раннескифский инвентарь, близкий находкам из Григорьевки[17], мясная пища, представленная остатками костей барана со следами обжига, во входной яме находились кости конечностей и ребра лошади.

Погребение Черноземное-3/1 обнаружено в Восточном Присивашье (рис. 1,*4*). Захоронение впускное в кургане эпохи бронзы, расположено в центре насыпи, затронуто распашкой [Колотухин 2000, с. 16,17; Колтухов, 2012а, с. 57]. Остатки костяка подростка позволяют реконструировать вытянутое положение на спине головой на юго-запад. У кисти левой руки три железных наконечника стрел (рис. 4,*7*), на левом плече обломок узкого, прямоугольного в сечении песчаникового оселка (рис. 4,8) и костяная застежка горита (рис.4,*9*).

Двухлопастной железный наконечник стрелы с лавролистной головкой длиной около 7 см, втулка утрачена. Предмет достаточно крупный, вместе с втулкой его длина была бы не менее 10 см, аналогий такому большому наконечнику мне неизвестны, однако в Закубанье в то же время известны миниатюрные втульчатые наконечники копий или дротиков [Новичихин, 2006, с.53]. Два других наконечника меньше, длина первого – 5 см, длина второго – 4,3 см. О датировке стрел можно судить по колчанному набору из погребения Гладковщина-4/1 [Григорьев, Скорый, 2012, с. 453; Дараган, 2016, с.66,67], отнесенного ко времени не позднее последней четверти VII – рубежа VII – VI вв. до н.э. [Дараган, 2016, с. 71]. В VII – V вв. до н.э. втульчатые двухлопастные и трехлопастные наконечники с лавролистной головкой, изготовленные из бронзы или железа, распространены на Северо-Западном Кавказе [Батчаев, 1985, табл. 19, 27,28; 25, 26,27; Новичихин, 2006, с. 55]. Набор бронзовых и железных двухлопастных и трехлопастных железных наконечников происходит из погребения Высочино-7/4, датирован в пределах VII – V вв. до н.э., вероятно, это вторая половина VIIв. до н.э. [см. Кореняко, Лукьяшко,1982, с. 153, рис. 4]. В Правобережной украинской лесостепи интересен колчанный набор бронзовых и железных стрел из погребения Гладковщина-4/1, в частности включающий те же типы стрел, что и Высочино-7/4 и датирован последней четвертью – рубежом VII – VI вв. до н.э. [Дараган, 2016; Григорьев, Скорый, 2012, с. 458]. Отличаются от черноземненских более поздние железные наконечники стрел из Свинаревой могилы 26/1, памятника, относящегося ко второй половине – последней четверти VI в. до н.э. [Дараган, 2017, с. 55, рис. 1, 1-2, с.99 – 101].

Костяная орнаментированная колчанная биконическая застежка (рис. 4,*9*) длиной 6,3 см с перехватом в центре и личинами на концах относится к типу, известному в раннескифское время в Северном Причерноморье и на Кавказе. По форме этой на-

[17] Впрочем, в Григорьевке-5/10 не было лепного сосуда.

ходке близка беспаспортная металлическая застежка, связываемая с Келермесским курганом-4/Ш [Галанина, 1997, с. 190-191, табл.13, 68] с широкой датой в рамках второй половины VII в. до н.э.[18]

Небольшие узкие оселки с отверстием для подвешивания, а обломок из Черноземного относится к такому типу, характерны для Северного Причерноморья и Северного Кавказа начиная с предскифского времени [ср. Махортых, 2005, с. 36] и широко распространены вплоть до первых веков н.э.

Сказанное выше позволяет отнести скифское погребение из Черноземного ко времени не ранее второй половины VII в. до н.э., а судя по стрелам и застежке горита (колчана?), можно предположить связь со скифским населением Северного Кавказа.

Погребение в культурном слое Кировского поселения на Керченском полуострове (рис. 1,*5*) [Лесков, 1970, с. 15]. Контур погребального сооружения не прослежен. Захоронение взрослого человека было совершено вытянуто на спине головой на запад (рис. 4,*3*). Возле таза находился лепной горшок (рис. 4,*1*) и костяной столбик грибовидной формы с приостренным основанием (рис. 4,*2*), аналогичный многим костяным «гвоздикам», в том числе и из колчанов Репяховатой могилы [Ильинская, Мозолевский, Тереножкин,1980, с. 39, 44]. С учетом современной датировки Репяховатой могилы [Дараган, 2010] есть основания датировать кировское погребение второй половиной VII – началом VI в. до н.э.

Погребение у Изюмовки [Скорый, 1977; Скорый, 1981] обнаружено на границе степи и предгорий близ г. Старый Крым (рис.1,*6*) в распаханном или разрушенном кургане в 1961 г. при проведении сельскохозяйственных работ. По сообщению С.А.Скорого, опубликовавшего находку, в погребении помимо меча находились шлем и панцирь [Скорый, 1977, с. 280, прим. 3]. Обоюдоострый меч длиной 110 см обладал почковидным перекрестием, гладкой рукоятью и прямым навершием и был датирован исследователем VI – V вв. до н.э. [Скорый, 1977, с.281]. Несколько позже исследователь охарактеризовал находку в числе наиболее длинных мечей тяжеловооруженных скифских всадников [Скорый, 1981, с. 23].Несколько лет назад дата была уточнена, теперь меч относится им ко времени не позднее VI в. до н.э. либо к концу VII – VI вв. до н.э. [Скорый, Зимовец, 2014, с. 14]. По мнению автора, воинское погребение со шлемом, панцирем и мечом в этой части Крыма не единственное. Севернее, у с. Надежда, обнаружено такое же погребение, скорее всего, это захоронение сопровождалось каменной стелой, а его датировка соответствует концу VI– началу V в. до н.э. [Полин, Колтухов, 2014]. Вероятно, оба памятника тяготели к античной Феодосии, появившейся не позднее второй половины VI в. до н.э. Представляется, что погре-

[18] Недавно выразительная подборка металлических застежек была представлена в публикации находок из кургана 4164-15 у с. Китайгород. Некоторое сходство с крымской находкой имеет относящаяся к этому же времени металлическая застежка из кургана Журовка-406 [см. Ромашко, Скорый, Филимонов, 2014, рис. 5].

бение в кургане у Изюмовки, если данные о шлеме и панцире достоверны, это памятник конца архаического – начала классического периода.

Погребальный обряд и погребальный инвентарь

Пространственное распределение памятников этого периода даже при незначительном их количестве весьма показательно. Скифские погребения, а это единственный вид комплексов[19], расположены следующим образом (рис. 1): курган на Темир-Горе (рис. 1,*1*) находился вблизи Керченского пролива, в северо-восточной части Керченского полуострова, на восточной оконечности хребта, вытянутого с востока на запад. Если использовать «транзитную» гипотезу проникновения в Крым ярких архаических погребальных комплексов [Вахтина, Виноградов, Рогов, 1980; Вахтина, 2017; Масленников, 1999, с. 171-172; Виноградов, 2006, с. 37], то можно предположить, что памятник лежит на маршруте, связывавшем Северный Кавказ и Предкавказье со степью и лесостепью Украины и относится ко времени не ранее третьей четверти VII в. до н.э.

С противоположной стороны крымского отрезка, на Перекопском перешейке, расположено погребение в кургане у Филатовки (рис. 1,*2*) [Бессонова, Черных, Куприй, 1984, с.62 – 63], относящееся к тому же периоду, что и Темир-Гора [Корпусова, 1980, с. 102 – 103][20]. В принципе миграционный фактор в появлении Филатовки можно принять, памятник удачно расположен у входа на Крымский полуостров. С другой стороны, гипотеза остается гипотезой, в архаическое время, судя по карте-схеме О.Р.Дубовской [Дубовская, 1997, с. 198, рис. 8], рядовые раннескифские погребения не единичны ни в Северном Приазовье, ни далее, между Перекопом и Днепро-Бугским лиманом, а Филатовка, исходя из материала и описания [Бессонова, Черных, Куприй, 1980, с.61], погребение рядовое. К тому же западнее Перекопа с конца VII – VI в. до н.э. функционирует Ягорлыцкое поселение греческих ремесленников, надо думать и торговцев [Оленковский, 2010; Буйских С.Б., Островерхов, 1978 с. 304 – 305; Островерхов, 1978;], а восточнее Чонгарского пролива лежали Кремны, хорошо известные по письменным источникам [Зубарев, 2005, с. 290], но не найденные на современном побережье Азовского моря.

Погребение Черноземное-3/1 у с. Черноземное впускное в кургане эпохи бронзы, расположено в Крымском Присивашье в узкой полосе, насыщенной памятниками разных эпох, лежащей между современным и древним руслами р. Карасу (рис.1,*4*), ориентировочно там, где и мог бы пролегать путь от Керченского пролива к Перекопскому перешейку.

Погребение в культурном слое Кировского поселения (рис.1,*5*). Не исключено,

---

[19] Рассматриваемая С.А. Скорым и Р.В. Зимовцом коллекция артефактов может иметь прикладное значение, так как нет ни уверенности в их аутентичности, ни в точности локализации места находки [Колтухов, 2017], а раз так, то сомнительны и историко-географические реконструкции почтенных артефакторов[Скорый, Зимовец, 2021, с.287 – 326].

[20] Греческая расписная керамика редкость, но с появлением черноморской торговли она вполне доступна для кочевников.

что в этом случае можно предположить некий признак скрытости в беспокойном микрорельефе поселения. Судя по расположению и скромному инвентарю, захоронение принадлежит представителю рядового населения и свидетельствует о продвижении скифов в глубинной части Восточного Крыма.

Погребение Григорьевка-5/10 находилось в стороне от пути, пролегавшего вдоль Меотиды. Оно было впускным в кургане, расположенном в глубине Степного Крыма (рис. 1, *3*). В 15 км к юго-востоку проходит современное русло Салгира, столь же близко находится точка древней бифуркации этой реки, старое русло которой, ныне степная речка Чатырлык, ведет на север к Перекопскому заливу. Памятник явно не случайный, расположенный вблизи двух водных артерий Степного Крыма, свидетельствующий о хозяйственной деятельности новых обитателей степи.

На общем неярком фоне крайне интересно воинское погребение в кургане у Изюмовки, расположенное на границе равнинного Крыма в восточной части предгорья (рис. 1,*6*), ныне датируемое временем не позднее конца VII – VI вв. до н.э. [Скорый, Зимовец, 2014, с. 14]. По мнению автора, оно может относиться к концу архаического – началу классического периода[21]. В географическом отношении памятник связан с бассейном предгорной реки Чурук-Су и, скорее всего, находится в уже начавшей формироваться ресурсной зоне древней Феодосии.

Общий же вывод заключается в том, что передвижение кочевников на ограниченной и небогатой ресурсами территории крымской степной провинции выбиралось с учетом размещения постоянных водотоков и водоемов.

Погребальный обряд: погребения этого времени обнаружены в курганах и в одном случае на древнем поселении, почти все они впускные в насыпи эпохи бронзы. Исключением является курган на Темир-Горе, но при анализе результатов полевых работ [Вахтина 2017] становится понятно, что погребение хотя и было основным, однако параметры первоначального кургана были намного скромнее [Кузнецова, 2002].

Топография захоронений в курганах традиционна как для эпохи бронзы, так и для I тыс. до н.э., расположение единственного основного погребения центральное [Кузнецова, 2002, с. 87, рис. 1]. Большинство впускных погребений также обнаружены в центральной части курганов. Несколько выпадает из этой системы погребение 11/1 в Филатовке (рис. 3,1), заметно смещенное в северную полу. Скорее всего, оно носило подчиненный характер по отношению к некоему объекту, находившемуся в центре кургана, скорее всего, к погребению 11/4.

Прослеженные погребальные сооружения единичны. В Темир-Горе это вырубленная в скале округлая яма, ориентированная с запада на восток. В Григорьевке это катакомба с погребальной камерой размером 2,0 х 1,4 м, глубиной 2,0 м и полуовальной входной

---

[21] Вряд ли памятник возник в ходе недоказуемой попытки покорения тавров [см. Скорый, Зимовец, 2015, с. 43; Колтухов, 2017, с. 61]. Вряд ли стоит верить «поисковикам», они и их эмиссары еще не то подскажут ученому люду.

ямой, ориентированная с запада на восток (рис. 4,*4*). В Филатовке 11/1 форма погребального сооружения не прослежена, но его ориентация должна соответствовать оси запад – восток. Форма погребального сооружения в Черноземном-3/1 неизвестна, однако ориентация соответствовала оси юго-запад – северо-восток. Погребение в Филатовке-11/4 совершено в подбойной могиле, видимо это наследие новочеркасского (позднечерногоровского) обряда.

Следовательно, погребальные сооружения неоднородны и разнообразны, присутствуют ямы различной формы и катакомба, вероятна и подбойная могила. Относительно стабильна лишь широтная ориентация могил с сезонными отклонениями.

В основном погребении Темир-Горы отмечено вытянутое положение костяка при западной ориентации, нечто подобное было в Филатовке-11/4, погребение в Григорьевке характеризуется скорченным положением на боку с разворотом на живот при западной ориентации (рис. 4,*4*). Погребение Черноземное-3/1 совершено в вытянутом положении на спине головой на юго-запад, в Кировском поселении погребение было совершено в вытянутом положении на спине головой на запад (рис. 4,*3*).

Погребальный инвентарь: как и в предскифское время, присутствуют оружие и элементы снаряжения (рис.2,4). Появляется античная столовая керамика: два расписных античных сосуда из Темир-Горы и Филатовки (рис. 2,2; 3,3-5), относящиеся ко второй половине VII в. до н.э. и свидетельствующие о ранних контактах с греками.

Категории находок в погребальном инвентаре по сути те же, что и в предскифское время [Дубовская, 1997], но изменились признаки, характеризующие тип. Длинный меч из Изюмовки достаточно древний, отличается почковидным перекрестием и брусковидным навершием рукояти, однако дата самого погребения, по мнению автора, относится к концу архаического – началу классического времени. Чрезвычайно интересным был бы шлем и панцирь из Изюмовки, однако автор, равно как и читатель, знает лишь то, что они были упомянуты находчиками[22]. К новым типам относятся бронзовые и железные наконечники стрел (рис. 4,*5,7*), по-настоящему новы лишь изделия в зверином стиле из Темир-Горы (рис. 2,*3,4*) и костяные «столбики» из Темир-Горы, Григорьевки и Кировского (рис.2,*5*; 4,*6,2*).

Завершая обзор погребений, можно утверждать, что к памятникам собственно скифской архаики в Крыму следует отнести 5 погребений: Филатовка-11/1, Темир-Гора, Григорьевка, Черноземное и погребение на Кировском поселении. Весьма вероятно скифское происхождение шестого погребения – Филатовка-11/4. В плане абсолютной хронологии погребения у Филатовки и на Темир-Горе следует соотнести со второй половиной VII в. до н.э.[23] Учитывая современную тенденцию удревнения

[22] Что может, а скорее всего, и должно понизить датировку комплекса в рамках VI в. до н.э., особенно в свете существования расположенного чуть севернее воинского погребения Надежда, относящегося к концу VI – началу V в. до н.э. [ср. Полин, Колтухов, 2014].

[23] Более строгие датировки оставим строгим авторам, замечу лишь то, что датировка сосуда из Темир-Горы, скорее всего, не изменится, тогда как дата сосуда из Филатовки будет стремиться к последней четверти этого столетия.

комплексов, ранее относимых к VI в. до н.э. до второй половины – конца VII – начала VI в. до н.э., таким же образом можно датировать памятники из Григорьевки, Черноземного и Кировского, впрочем, вероятна и более широкая датировка, за счет еще большего повышения верхней хронологической границы.

Показательно и то, что погребения нельзя отнести к числу воинских. В четырех случаях, включая и Филатовку с ее расписным античным сосудом, это погребения представителей рядового населения, не слишком отличающиеся от синхронных захоронений предскифского и раннескифского времени в степях Приазовья – Причерноморья.

Погребение на Темир-Горе, скорее всего, принадлежит представителю родовой верхушки, вряд ли статус этого человека был выше. Некоторые особенности погребального обряда и инвентаря указывают на близость скифских погребений Восточного и Степного Крыма отдельным скифским погребениям Подонья – Приазовья. Учитывая расположение самых ярких крымских памятников, как бы очерчивающих маршрут Перекоп – Керченский пролив и локализацию аналогий, можно отдать предпочтение миграции через Боспор Кимерийский. Параллельно существовал и другой путь, ведущий в Крым через Северное Приазовье, так как препятствий на этом маршруте не было, а раннескифские погребения вплоть до низовий Днепра есть [см. Дубовская, 1997, с.198, рис.8].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII – IV вв. до н.э. СПб., Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003, 416 с.

Батчаев В.М. Курганы скифского времени у селения Нартан // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972 – 1979 гг. Нальчик: Эльбрус, 1985. С. 19 – 115.

Бессонова С.С., Черных Л.А., Куприй С.А. Курганы у с. Филатовка // Курганы степного Крыма. Сборник научных трудов /Отв. ред. В.Н. Корпусова. К.: Наукова думка,1984. С.41 – 68.

Буйских А.В. Архаическая расписная керамика из Ольвии (восточногреческая, лаконская, коринфская, имитации). Київ: Стародавній Світ, 2013. 456 с.

Буйских С.Б., Островерхов А.С. Работы на Ягорлыцком поселении //АО-1977. М.: Наука, 1978. – С.304-305.

Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии: на материалах скифских памятников IV – III вв. до н.э. К.: Наукова думка, 1985. 225 с.

Вахтина М.Ю. Еще раз об основном погребении кургана Темир-Гора и об одном из путей распространения раннего греческого импорта в Северном Причерноморье // Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время. Материалы Международного круглого стола 7-8 июля 2016 г. / Д.В. Журавлев, У. Шлотцауер. М.: ГИМ, 2016. С. 12 – 18.

Вахтина М.Ю. Из истории раскопок кургана на Темир-Горе (по материалам научного архива ИИМК РАН). Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Исследователи и исследования. Вып. XVII / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Керчь, 2016 а. С.73 – 82.

Вахтина М.Ю. Из истории раскопок кургана на Темир-Горе (по материалам научного архива ИИМК РАН) // Боспорские исследования. Вып. XXXV. Симферополь: КФУ, 2017. С. 389 – 410.

Вахтина М.Ю., Виноградов А.Ю., Рогов Е.Я. Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. 1980 № 4. С.155 – 161.

Вахтина М. Ю., Кашуба М. Т. Находки ранней греческой керамики в варварских памятниках Северного Причерноморья и время появления постоянных античных поселений в регионе // Боспорские чтения. Вып. XV. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Актуальные проблемы хронологии: Материалы. Керчь: Керченская городская типография, 2014. С. 69 – 79.

Виноградов Ю.А. Боспор Киммерийский: основные этапы истории в доримскую эпоху // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII – I вв. до н.э./ Науч. ред. С.Л. Соловьев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. С. 37.

Галанина Л.К. Келермесские курганы. Царские погребения раннескифской эпохи. М., 1997. 269 с. + ил.

Григорьев В.П., Скорый С.А. Курганы у с. Гладковщина – памятники скифской архаики в Левобережной Приднепровской террасовой лесостепи // Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicatae / red. W. Blajer. Краков: Prol-Archeo, 2012. P. 441 – 459.

Дараган М.Н. О датировке амфоры из Репяховатой могилы // Античный мир и археология. Саратов, 2010, № 14. С. 175 – 202.

Дараган М.Н. О раннескифском колчанном наборе из погребения 1 кургана 4 у с. Гладковшина // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Марии Николаевны Погребовой (Москва, 25–27 апреля 2016 г.) / отв. ред. А. С. Балахванцев, С. В. Кулланда. М.: ИВ РАН, 2016. С. 62 – 75.

Дараган М.Н. О формировании скифских колчанных наборов второй половины VI в. до н.э. // Stratum + 2017. № 3. С. 51 – 112.

Денти М. Распространение керамики «Middle Wild Goat Styl 1» от Черного моря до Западной Греции: Контекст восприятия и назначения // Аристей. Т. XIV. М.: Университет Дм. Пожарского, 2016. С. 15 – 52.

Дубовская О.Р. Раннескифские погребения у ст. Новокорсунской // СА. 1990 , № 4. С. 182 – 189.

Дубовская О.Р. Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских» погребений Северного Причерноморья // Археологический альманах / Ред. А.В. Колесник. № 6, Донецк, 1997. С. 181 – 218.

Зубарев В.Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М.: ИД ЯСК, 2005. 504 с.

Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. Сборник научных трудов / Отв. ред. А.И. Тереножкин. К,: Наукова думка, 1980. С.31 – 63.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII – IV вв. до н.э. К.: Наукова Думка, 1983. 380 с.

Канторович А.Р. Скифский звериный стиль Крыма как региональный компонент восточноевропейского скифского звериного стиля (репертуар, хронология и статистические показатели) // «И музою его была наука». Сборник памяти В.А. Кореняко (1952 – 2016) / Отв. ред и сост. С.В.Кузьминых, А.А. Горбенко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2017. С. 143 – 180.

Канторович А.Р. Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция. Дисс. … докт. ист. наук. М.: 2015,1686 с.

Канторович А.Р. Образы синкретических существ в восточноевропейском скифском зверином стиле: классификация, типология, хронология, иконографическая динамика // «Исторические исследования», электронный журнал исторического факультета МГУ № 3, 2015а. С. 113 – 218.

Колотухин В.А. Киммерийцы и скифы Степного Крыма (подкурганные погребения Степного Крыма начала железного века). Симферополь: Сонат, 2000. 120 с.

Колотухин В.А., Колтухов С.Г. Скифские погребения в Крымском Приазовье (курганы 11 – 13 у с. Астанино) //Древности Боспора. Т. 11. М.: ИА РАН, 2007. С. 213 – 224.

Колтухов С.Г. Скифы Северо-Западного Крыма в VII – IV вв. до н.э. (погребальные памятники). Донецк: Донбасс, 2012, 268 с. (Археологический альманах, № 27).

Колтухов С.Г. Скифы Крымского Присивашья в VII – IV вв. до н.э. Погребальные памятники. Ландшафтно-историческое районирование археологических памятников Крыма. Симферополь: Феникс, 2012а, 140 с.

Колтухов С.Г., Сенаторов С.Н. Погребения предскифского и скифского времени в курганах долины р.Салгир // История и археология Крыма. Вып. III / Отв. ред. В.В. Майко. Симферополь, 2016. С.47 – 78.

Колтухов С.Г. Скифы и кизил-кобинская культура Горного Крыма (к публикации одной коллекции) // История и археология Крыма. Вып. 5. / Отв. ред. В.В. Майко. Симферополь: Бровко А.А., 2017. С. 46 – 66.

Копейкина Л.В. Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана Темир-Гора // ВДИ. 1972, № 1. С.147 – 159.

Копылов В.П. Греческая керамика из раннескифских погребений Нижнего Подонья // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Тезисы докладов VII Международной конференции, Ростов-на-Д.,1994. С. 22 – 25.

Кореняко В.А., Лукьяшко С.И. Новые материалы раннескифского времени на левобережье Нижнего Дона // СА. 1982, № 3. С. 181 – 189.

Корпусова В.Н. Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана у с. Филатовка // ВДИ. 1980, № 2. С. 101 – 104.

Кравченко Є.А. Кизил-кобинська кераміка Керкінітіди VI – IV ст. до н.є. // Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию С.А. Скорого /Отв. ред. С.С. Бессонова. Киев – Полтава: ИА НАНУ, 2009. С. 189 – 200.

Кузнецова Т.М. Загадки Темир-Горы // БФ: погребальные памятники и святилища. Ч. 2. СПб: Изд-во ГЭ, 2002, С.79 – 90.

Лесков А.М. Кировское поселение // Древности Восточного Крыма (предскифский период и скифы) / Отв. ред. А.М. Лесков. К.: Наукова думка, 1970. С. 7 – 59.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Меотские древности VI – V вв. до н.э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани). Краснодар: Кубанский гос. университет, 2012. 316 с.

Масленников А.А. Греки и варвары на границах Боспора (взгляд на проблему к концу тысячелетия) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996 – 1997 гг. Северное Причерноморье в Античности: Вопросы источниковедения / Отв. ред. А.В. Подосинов. М.: «Восточная литература» РАН, 1999. С. 170 – 192.

Медведская И.Н. Периодизация скифской архаики и Древний Восток // РА. 1992, № 3. С. 86 – 107.

Мелюкова А.И. Локальные группы скифской и скифообразной культур Восточной Европы. Скифские памятники степи Северного Причерноморья // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время М.: Наука, 1989. С. 48 – 66.

Новичихин А.М. Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н. э. (по материалам погребальных памятников). Анапа: РИО СГУТ и КД, 2006. 220 с.

Оленковский Н.П. Древности Ягорлыцкого края (уникальная история на фоне уникальной природы). – Херсон, 2010. – 20 с.

Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII – III вв. до н.э.) М.: Наука, 1991. 256 с.

Островерхов А.С. Антична склоробна майстерня на Ягорлицькому поселенні // Археологія. – Вип.25. – К.: Наукова думка, 1978. – С.41 – 49.

Петренко В.Г. К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья // Проблемы скифо-сарматской археологии / Отв. ред. А.И. Мелюкова. М.: ИА РАН, 1990. С. 60 – 81.

Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Хронология центральной группы курганов Новозаведенное-II // Скифы и сарматы в VII – III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. Сборник статей / отв. ред. В.И. Гуляев, В.С. Ольховский. М.: ИА РАН, 2000. С. 238 – 248.

Полин С. В., Колтухов С. Г. Скифское погребение в кургане у с. Надежда в Крыму // Война и военное дело в скифо - сарматском мире: материалы Международной научной конференции, посвящённой памяти А.И. Мелюковой (с. Кагальник, 26 – 29 апреля 2014 г.). Ростов Н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. С. 310 – 328.

Придик Е.М. Мельгуновский клад 1763 г. // МАР. № 31. СПб., 1911. С.1 – 29.

Рукавишникова И.В., Бейлин Д.В., Зайцев Ю.П. Исследования кургана у с. Льговское // КСИА. Вып. 253. М.: ИА РАН. 2018. С. 42 – 53.

Рукавишникова И.В., Бейлин Д.В., Зайцев Ю.П. Исследования кургана № 2 у с. Льговское // Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017 – 2018 гг. Т.2. М.: ИА РАН, 2019. С. 29 – 56.

Скорый С.А. Раннескифский меч из с. Изюмовка близ Старого Крыма // СА. 19 77, № 1. С. 280 – 281.

Скорий С.А. Скіфські довгі мечі // Археологія. 1981. Вип. 36. С. 19 – 25.

Скорый С.А., Зимовец Р.В. Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции. Киев: О. Филюк, 2014. 180 с.

Скорый С.А., Зимовец Р.В. Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции. Изд. 20-е доп. и перераб. Полтава: ООО «АСМИ», 2021. 344 с.

Смирнов Н.Ю. Зверь и птица из Темир-Горы // Боспорские исследования: сборник / Отв. ред. В.Н. Зинько. Вып. XXXI. Керчь, 1915. С.50 – 59.

Спицин А.А. Курганы скифов пахарей. ИАК. Вып. 65, 1918. С. 87 – 143.

Техов Б.В. Скифы и материальная культура Центрального Кавказа в VII – VI вв. до н.э. (по материалам Тлийского могильнка // Скифия и Кавказ. Сборник научных трудов / Отв. ред. А.И. Тереножкин. К.: Наукова думка, 1980, С.219 – 257.

Толстиков В.П., Тугушева О.В., Асташова Н.С. О времени основания Пантикапея // Таврические студии. № 12. Симферополь, 2017. С.12 – 44.

Чистов Д.Е. Комплексы и напластования последней четверти VI — первой четверти V в. до н.э. // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. Т. 2. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2012. С. 41–63. (История исследований на острове Березань).

Шевченко И.Ф. Курган раннескифского времени у хутора Красный // АСГЭ. Вып. 39. СПб.: Изд-во ГЭ, 2013. С. 100 – 118.

Яковенко Э.В. Курган на Темир - Горе // СА. 1972, № 3. С.259 – 267.

Boardman J. Early Greek Vase Painting. New York:Thames and Hadson, 1998. 287 p.

REFERENCES

Alekseev A.Yu. Hronografiya Evropejskoj Skifii VII – IV vv. do n.e. SPb., Izd-vo Gos. Ermitazha, 2003, 416 s.

Batchaev V.M. Kurgany skifskogo vremeni u seleniya Nartan // Arheologicheskie issledovaniya na novostrojkah Kabardino-Balkarii v 1972 – 1979 g. Nalchik: Elbrus, 1985. S. 19 – 115.

Bessonova S.S., Chernyh L.A., Kuprij S.A. Kurgany u s. Filatovka // Kurgany stepnogo Kryma. Sbornik nauchnyh trudov /Otv. red. V.N. Korpusova. K.: Naukova dumka,1984. S.41 – 68.

Bujskih A.V. Arhaicheskaya raspisnaya keramika iz Olvii (vostochnogrecheskaya, lakonskaya, korinfskaya, imitacii). Kiyiv: Starodavnij Svit, 2013. 456 s.

Bujskih S.B., Ostroverhov A.S. Raboty na Yagorlyckom poselenii //AO-1977. M.: Nauka, 1978. – S.304 – 305.

Bunyatyan E.P. Metodika socialnyh rekonstrukcij v arheologii: na materialah skifskih pamyatnikov IV – III vv. do n.e. K.: Naukova dumka, 1985. 225 c.

Vahtina M.Yu. Eshe raz ob osnovnom pogrebenii kurgana Temir-Gora i ob odnom iz putej rasprostraneniya rannego grecheskogo importa v Severnom Prichernomore // Aziatskij Bospor i Prikubane v dorimskoe vremya. Materialy Mezhdunarodnogo kruglogo stola 7-8 iyulya 2016 g. / D.V.Zhuravlev, U. Shlotcauer. M.: GIM, 2016. S. 12 – 18.

Vahtina M.Yu. Iz istorii raskopok kurgana na Temir-Gore (po materialam nauchnogo arhiva IIMK RAN) Bosporskie chteniya. Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekovya. Issledovateli i issledovaniya. Vyp. XVII / Red.-sost. V.N. Zinko, E.A. Zinko. Kerch, 2016 a. S.73-82.

Vahtina M.Yu. Iz istorii raskopok kurgana na Temir-Gore (po materialam nauchnogo arhiva IIMK RAN) // Bosporskie issledovaniya. Vyp. XXXV. Simferopol: KFU, 2017. S. 389 – 410.

Vahtina M.Yu., Vinogradov A.Yu. , Rogov E.Ya. Ob odnom iz marshrutov voennyh pohodov i sezonnyh migracij kochevyh skifov // VDI. 1980 № 4. S.155 – 161.

Vahtina M. Yu., Kashuba M. T. Nahodki rannej grecheskoj keramiki v varvarskih pamyatnikah Severnogo Prichernomorya i vremya poyavleniya postoyannyh antichnyh poselenij v regione // Bosporskie chteniya. Vyp. XV. Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekovya. Aktualnye problemy hronologii: Materialy. Kerch: Kerchenskaya gorodskaya tipografiya, 2014. S. 69–79.

Vinogradov Yu.A. Bospor Kimmerijskij: osnovnye etapy istorii v dorimskuyu epohu // Greki i varvary na Bospore Kimmerijskom VII – I vv. do n.e./ Nauch. red. S.L. Solovev. SPb.: Izd-vo Gos. Ermitazha, 2006. S. 37.

Galanina L.K. Kelermesskie kurgany. Carskie pogrebeniya ranneskifskoj epohi. M., 1997. 269 s. + il.

Grigorev V.P., Skoryj S.A. Kurgany u s. Gladkovshina – pamyatniki skifskoj arhaiki v Levoberezhnoj Pridneprovskoj terrasovoj Lesostepi // Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicatae / red. W. Blajer. Krakov: Prol-Archeo, 2012. R. 441 – 459.

Daragan M.N. O datirovke amfory iz Repyahovatoj Mogily // Antichnyj mir i arheologiya. Saratov, 2010, № 14. S. 175 – 202.

Daragan M.N. O ranneskifskom kolchannom nabore iz pogrebeniya1 kurgana 4 u s. Gladkovshina // Kavkaz i step na rubezhe epohi pozdnej bronzy i rannego zheleza materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashennoj pamyati Marii Nikolaevny Pogrebovoj (Moskva, 25 – 27 aprelya 2016g.) / otv. red. A. S. Balahvancev, S. V. Kullanda. M.: IV RAN, 2016. S. 62 – 75.

Daragan M.N. O formirovanii skifskih kolchannyh naborov vtoroj poloviny VI v. do n.e. // Stratum + 2017. № 3. S. 51 – 112.

Denti M. Rasprostranenie keramiki «Middle Wild Goat Styl 1» ot Chernogo morya do Zapadnoj Grecii: Kontekst vospriyatiya i naznacheniya // Aristej. T. XIV. M.: Universitet Dm. Pozharskogo, 2016. S. 15 – 52.

Dubovskaya O.R. Ranneskifskie pogrebeniya u st. Novokorsunskoj // SA. 1990 , № 4. S. 182 – 189.

Dubovskaya O.R. Ob etno-kulturnoj atribucii «novocherkasskih» pogrebenij Severnogo Prichernomorya // Arheologicheskij almanah / Red. A.V. Kolesnik. № 6, Doneck, 1997. S. 181 – 218.

Zubarev V.G. Istoricheskaya geografiya Severnogo Prichernomorya po dannym antichnoj pismennoj tradicii. M.: ID YaSK, 2005. 504 s.

Ilinskaya V.A., Mozolevskij B.N., Terenozhkin A.I. Kurgany VI v. do n.e. u s. Matusov // Skifiya i Kavkaz. Sbornik nauchnyh trudov / Otv. red. A.I. Terenozhkin. K,: Naukova dumka, 1980. S. 31 – 63.

Ilinskaya V.A., Terenozhkin A.I. Skifiya VII – IV vv. do n.e. K.: Naukova Dumka, 1983. 380 s.

Kantorovich A.R. Skifskij zverinyj stil Kryma kak regionalnyj komponent vostochnoevropejskogo skifskogo zverinogo stilya (repertuar, hronologiya i statichticheskie pokazateli) // «I muzoyu ego byla nauka». Sbornik pamyati V.A. Korenyako (1952 – 2016) / Otv. red i sost. S.V. Kuzminyh, A.A. Gorbenko. Azov: Izd-vo Azovskogo muzeya-zapovednika, 2017. S. 143 – 180.

Kantorovich A.R. Skifskij zverinyj stil Vostochnoj Evropy: klassifikaciya, tipologiya, hronologiya, evolyuciya. Diss. … dokt. Ist. Nauk. M.: 2015,1686 s.

Kantorovich A.R. Obrazy sinkreticheskih sushestv v vostochnoevropejskom skifskom zverinom stile: klassifikaciya, tipologiya, hronologiya, ikonograficheskaya dinamika // «Istoricheskie Issledovaniya» elektronnyj zhurnal Istoricheskogo fakulteta MGU № 3, 2015a. S. 113 – 218.

Kolotuhin V.A. Kimmerijcy i skify Stepnogo Kryma (podkurgannye pogrebeniya Stepnogo Kryma nachala zheleznogo veka). Simferopol: Sonat, 2000. 120 s.

Kolotuhin V.A., Koltuhov S.G. Skifskie pogrebeniya v Krymskom Priazove (kurgany 11=13 u s. Astanino) // Drevnosti Bospora. T. 11. M.: IA RAN, 2007. S. 213 – 224.

Koltuhov S.G. Skify Severo-Zapadnogo Kryma v VII – IV vv. do n.e. (pogrebalnye pamyatniki). Doneck: Donbass, 2012, 268 s. (Arheologicheskij almanah. № 27).

Koltuhov S.G. Skify Krymskogo Prisivash'ya v VII – IV vv. do n.e. Pogrebal'nye pamyatniki. Landshaftno-istoricheskoe rajonirovanie arheologicheskih pamyatnikov Kryma. Simferopol': Feniks, 2012a, 140 s.

Koltuhov S.G. Skify i kizil-kobinskaya kultura Gornogo Kryma (k publikacii odnoj kollekcii) // Istoriya i arheologiya Kryma. Vyp. 5. / Otv. red. V.V. Majko. Simferopol: Brovko A.A., 2017. S. 46 – 66.

Koltuhov S.G., Senatorov S.N. Pogrebeniya predskifskogo i skifskogo vremeni v kurganah doliny r. Salgir // Istoriya i arheologiya Kryma. Vyp. III / Otv. red. V.V. Majko. Simferopol', 2016. S.47 – 78.

Kopejkina L.V. Raspisnaya rodossko-ionijskaya ojnohoya iz kurgana Temir-Gora // VDI. 1972, № 1. S. 147 – 159.

Kopylov V.P. Grecheskaya keramika iz ranneskifskih pogrebenij Nizhnego Podonya // Mezhdunarodnye otnosheniya v bassejne Chernogo morya v drevnosti i srednie veka. Tezisy dokladov VII mezhdunarodnoj konferencii Rostov-n/D,1994. S. 22 – 25.

Korenyako V.A., Lukyashko S.I. Novye materialy ranneskifskogo vremeni na Levoberezhe Nizhnego Dona // SA. 1982, № 3. S. 181 – 189.

Korpusova V.N. Raspisnaya rodossko-ionijskaya ojnohoya iz kurgana u s. Filatovka // VDI. 1980, № 2. S. 101 – 104.

Kravchenko Ye.A. Kizil-kobins`ka kerami`ka Kerkenitidi VI – IV vv. do n.e. // Epokha rannego zheleza. Sbornik nauchny`kh trudov k 60-letiyu S.A. Skorogo /Otv. red. S.S. Bessonova. Kiev – Poltava: IA NANU, 2009. S. 189 – 200.

Kuznecova T.M. Zagadki Temir-Gory // BF: pogrebalnye pamyatniki i svyatilisha. Ch. 2. SPb: Izd-vo GE, 2002, S.79-90.

Leskov A.M. Kirovskoe poselenie // Drevnosti Vostochnogo Kryma (Predskifskij period i skify) /Otv. red. A.M. Leskov. K.: Naukova dumka, 1970. S. 7 - 59.

Limberis N.Yu., Marchenko I.I. Meotskie drevnosti VI – V vv. do n.e. (po materialam gruntovyh mogilnikov pravoberezhya Kubani). Krasnodar: Kubanskij gos. universitet, 2012. 316 s.

Maslennikov A.A. Greki i varvary na granicah Bospora (vzglyad na problemu k koncu tysyacheletiya) // Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 1996-1997 gg. Severnoe Prichernomore v antichnosti: Voprosy istochnikovedeniya / Otv. red. A.V. Podosinov. M.: «Vostochnaya literatura» RAN, 1999. S. 170 – 192.

Medvedskaya I.N. Periodizaciya skifskoj arhaiki i drevnij Vostok // RA. 1992, № 3. S. 86 – 107.

Melyukova A.I. Lokalnye gruppy skifskoj i skifoobraznoj kultur Vostochnoj Evropy. Skifskie pamyatniki stepi Severnogo Prichernomorya // Stepi evropejskoj chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya M.: Nauka, 1989. S. 48 – 66.

Novichihin A.M. Naselenie Zapadnogo Zakubanya v pervoj polovine I tysyacheletiya do n. e. (po materia¬lam pogrebalnyh pamyatnikov). Anapa: RIO SGUT i KD, 2006. 220 s.

Olenkovskij N.P. Drevnosti Yagorlyckogo kraya (unikalnaya istoriya na fone unikalnoj prirody). – Herson, 2010. – 20 s.

Olhovskij V.S. Pogrebalno-pominalnaya obryadnost naseleniya Stepnoj Skifii (VII – III vv. do n.e.) M.: Nauka, 1991. 256 s.

Ostroverhov A.S. Antichna sklorobna majsternya na Yagorlickomu poselenni // Arheologiya. – Vip.25. – K.: Naukova dumka, 1978. – S.41 – 49.

Petrenko V.G. K voprosu o hronologii ranneskifskih kurganov Centralnogo Predkavkazya // Problemy skifo-sarmatskoj arheologii / Otv. red. A.I. Melyukova. M.: IA RAN, 1990. S. 60 – 81.

Petrenko V.G., Maslov V.E., Kantorovich A.R. Hronologiya centralnoj gruppy kurganov Novozavedennoe II // Skify i sarmaty v VII – III vv. do n.e.: paleoekologiya, antropologiya i arheologiya. Sbornik statej / otv. red. V.I. Gulyaev, V.S. Olhovskij. M.: IA RAN, 2000. S. 238 – 248.

Polin S. V., Koltuhov S. G. Skifskoe pogrebenie v kurgane u s. Nadezhda v Krymu // Vojna i voennoe delo v skifo - sarmatskom mire: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashyonnoj pamyati A.I. Melyukovoj (s. Kagalnik, 26 - 29 aprelya 2014 g.). Rostov n/D: Izd - vo YuNC RAN, 2014. S. 310 – 328.

Pridik E.M. Melgunovskij klad 1763 g. // MAR. № 31. SPb., 1911. S.1 – 29.

Rukavishnikova I.V., Bejlin D.V., Zajcev Yu.P. Iissledovaniya kurgana u.s. Lgovskoe // KSIA. Vyp. 253. M.: IA RAN. 2018. S. 42 – 53.

Rukavishnikova I.V., Bejlin D.V., Zajcev Yu.P. Issledovaniya kurgana № 2 u s. Lgovskoe // Krym – Tavrida. Arheologicheskie issledovaniya v Krymu v 2017-2018 gg. T.2. M.: IA RAN, 2019. S. 29 – 56.
Skoryj S.A. Ranneskifskij mech iz s. Izyumovka bliz Starogo Kryma // SA. 19 77, № 1. S. 280 – 281.
Skorij S.A. Skifski dovgi mechi // Arheologiya. 1981. Vip. 36. S. 19 – 25.
Skoryj S.A., Zimovec R.V. Skifskie drevnosti Kryma. Materialy odnoj kollekcii. Kiev: O. Filyuk, 2014. 180 s.
Skoryj S.A., Zimovec R.V. Skifskie drevnosti Kryma. Materialy odnoj kollekcii. Izd. 20-e dop. i pererab. Poltava: OOO «ASMI», 2021. 344 s.
Smirnov N.Yu. Zver i ptica iz Temir-Gory // Bosporskie issledovaniya: sbornik / Otv. red. V.P. Zinko. Vyp. HHHI. Kerch, 1915. S.50 – 59.
Spicin A.A. Kurgany skifov paharej. IAK. Vyp. 65, 1918. S. 87 – 143.
Tehov B.V. Skify i materialnaya kultura Centralnogo Kavkaza v VII – VI vv. do n.e. (po materialam Tlijskogo mogilnka // Skifiya i Kavkaz. Sbornik nauchnyh trudov / Otv. red. A.I. Terenozhkin. K.: Naukova dumka, 1980, S.219 – 257.
Tolstikov V.P., Tugusheva O.V., Astashova N.S. O vremeni osnovaniya Pantikapeya // Tavricheskie studii. № 12. Simferopol, 2017. S.12 – 44.
Chistov D.E. Kompleksy i naplastovaniya poslednej chetverti VI — pervoj chetverti V v. do n.e. // Materialy Berezanskoj (Nizhnebugskoj) antichnoj arheologicheskoj ekspedicii. T. 2. SPb.: Gosudarstvennyj Ermitazh, 2012. S. 41–63. (Istoriya issledovanij na ostrove Berezan).
Shevchenko I.F. Kurgan ranneskifskogo vremeni u hutora Krasnyj // ASGE. Vyp. 39. SPb.: Izd-vo GE, 2013. S. 100 – 118.
Yakovenko E.V. Kurgan na Temir - Gore // SA. 1972, № 3. S.259 – 267.
Boardman J. Early Greek Vase Painting. New York:Thames and Hadson, 1998. 287 p.

Резюме

К архаическому периоду в Крыму относится не более 6 скифских погребений VII – VI вв. до н.э. Погребение в кургане на Темир-Горе принадлежит представителю родовой верхушки, остальные принадлежат рядовым кочевникам. Погребальный обряд и погребальный инвентарь свидетельствуют об их близости погребениям рядовых кочевников левобережья Нижнего Дона, Приазовья и Прикубанья. Расположение таких памятников, как Темир-Гора, Черноземное, Филатовка, может свидетельствовать в пользу функционирования пути, пролегающего от Керченского пролива через Степной Крым и соединяющего Кавказ и Предкавказье с Северо-Причерноморской степью и лесостепью.

Ключевые слова: Боспор, архаика, Темир-Гора, скифы.

Summary

No more than six Scythian burials of the 7th - 6th centuries BC belong to the archaic period in Crimea. The burial in the burial mound on Temir-Gora belongs to a representative of the tribal elite, the rest belongs to ordinary nomads. The burial rite and grave goods testify to their proximity to the burials of ordinary nomads on the left bank of the Lower Don, Azov and Kuban regions. The location of such monuments as Temir-Gora, Chernozemnoye, Filatovka may testify in favor of the functioning of the route running from the Kerch Strait through the Steppe Crimea and connecting the Caucasus and Ciscaucasia with the North-Black Sea Steppe and Forest-Steppe.

Key words: Bosporus, Archaic, Temir Mountain, Scythians.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Колтухов Сергей Георгиевич, к.и.н., с.н.с.
Института археологии Крыма РФ, РК,
г. Симферополь, пр. Вернадского, д.2.
Koltukhov@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR
Koltukhov Sergey Georgievich,
CSc, Senior Researcher,
Institute of Archeology of Crimea.
RF, RK, Simferopol, Vernadsky prosp., 2.
Koltukhov@mail.ru

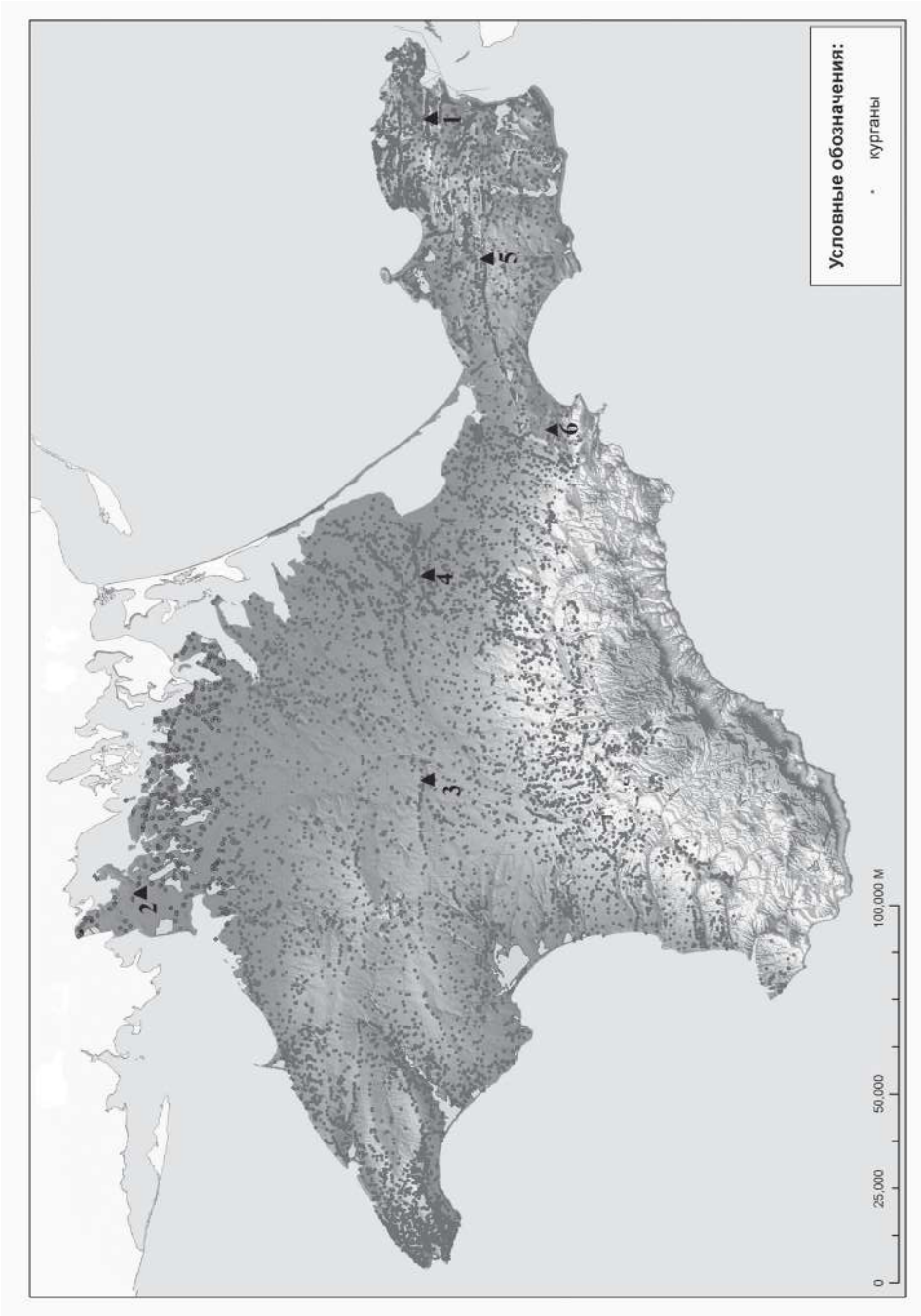


Рис. 1. Локализация погребений архаических погребений. 1 – Темир-Гора; 2 – Филатовка; 3 – Григорьевка; 4 – Черноземное; 5 – Кировское поселение; 6 – Изюмовка.

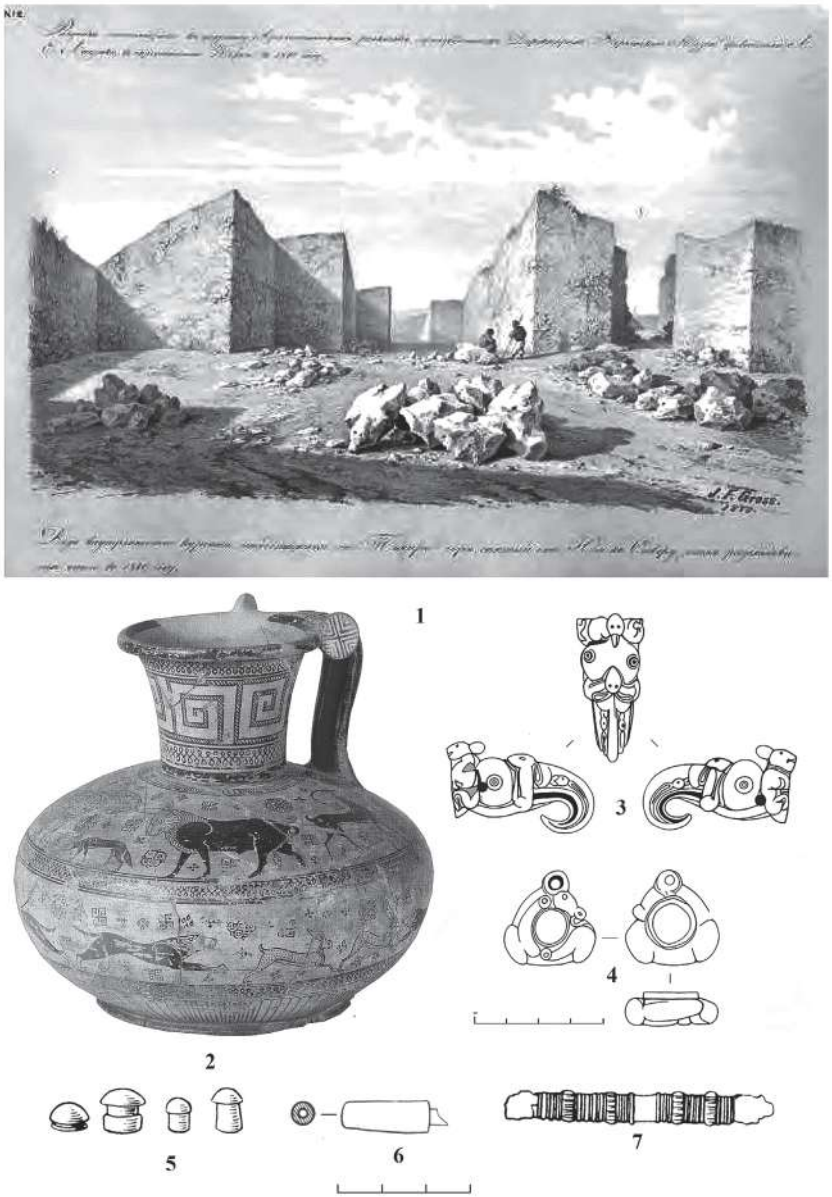
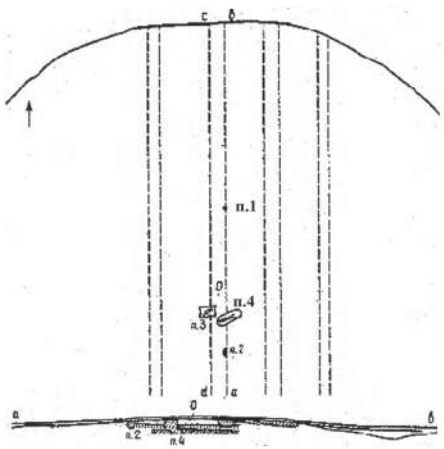
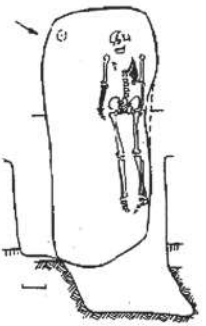


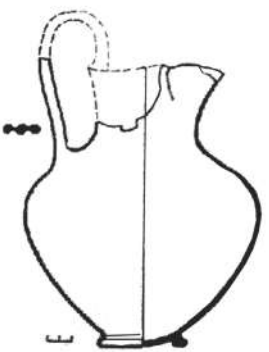
Рис. 2. Темир-Гора. 1 – фрагментарные участки курганной насыпи на рисунке Ф.И. Гросса; 2 – расписной сосуд из погребения на Темир-Горе; 3 – костяное налучье в зверином стиле (по Н.Ю. Смирнову); 4 – костяная бляха (?) в зверином стиле (по Н.Ю. Смирнову); 5 – костяные «столбики»; 6 – цилиндрический костяной переходник; 7 – бронзовая застежка горита (5-7 – по М.Ю. Вахтиной).



1



2



3

4

5

Рис. 3. Филатовка. 1 – фрагмент плана и стратиграфии кургана 11; 2 – план и разрез погребения 4 (1-2 по Бессоновой, Черных, Куприй); 3 – профиль ойнохои; 4 – фото ойнохои; 5 – развертка росписи (3-5 – по Л.В. Копейкиной).

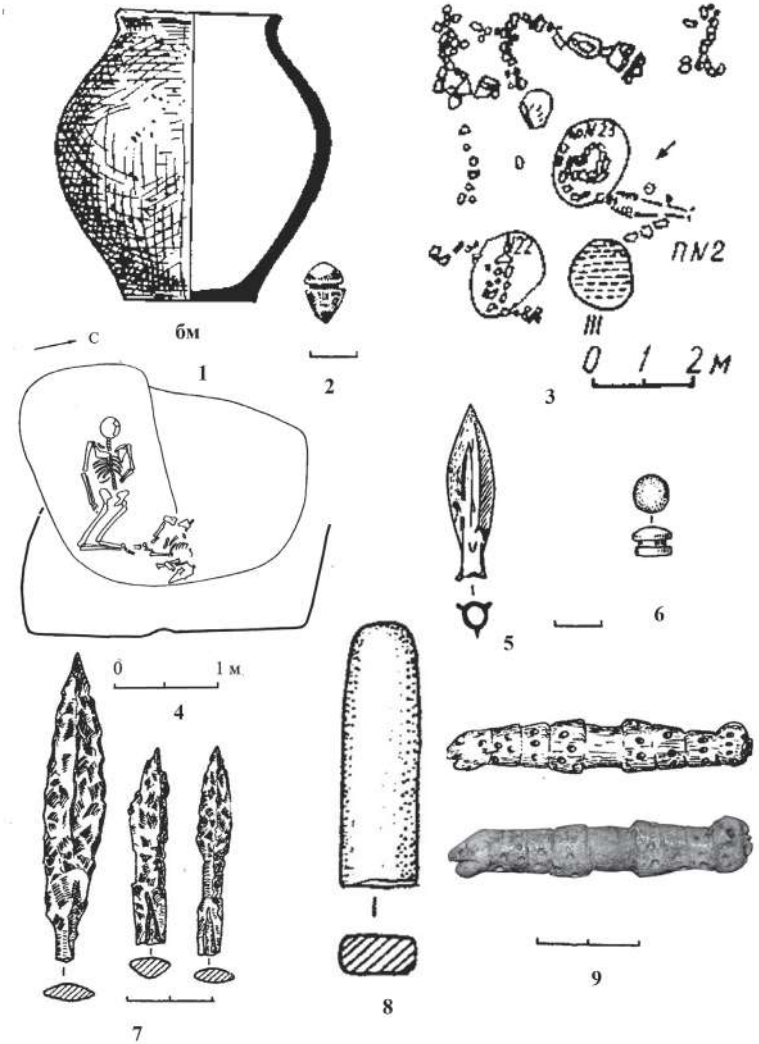


Рис. 4. Кировское поселение: 1 – лепной горшок; 2 – костяной столбик-скрепа; 3 – план участка поселения с погребением (по А.М. Лескову). Григорьевка: 4 – погребение, план и разрез; 5 – бронзовый наконечник стрелы; 6 – костяной столбик – скрепа (по В.А. Колотухину). Черноземное: 7 – железные наконечники стрел; 8 – обломок каменного оселка; 9 – костяная застежка горита (по В.А. Колотухину).

А.Е. ПЕТРАКОВА
A.E. PETRAKOVA

АТТИЧЕСКИЕ ЧЕРНОФИГУРНЫЕ ВАЗЫ РЕДКИХ ФОРМ ИЗ РАСКОПОК ТИРИТАКИ
ATHENIAN BLACK-FIGURE VASES OF RARE SHAPES FROM THE EXCAVATIONS IN TYRITAKE

Помимо стандартных, массово изготовлявшихся форм сосудов, которые дошли до нас в больших количествах, аттические гончары также создавали вазы более редких и даже исключительно редко встречающихся форм. К редким аттическим формам можно причислить, например, псиктер, который интерпретируют как вазу, использовавшуюся для охлаждения вина; известно немногим более ста черно- и краснофигурных аттических ваз такой формы, датируемых в пределах 530 – 450гг. до н.э. [Drougou 1975]. Крайне редкой модификацией являются амфора-псиктер [BAPD 310175] и кратер-псиктер [BAPD 15922], дошедшие до нас вообще в единичных экземплярах. Еще одна довольно редкая форма аттической керамики – фиала, которую интерпретируют в качестве чаши для жертвенных возлияний с возможностью применения также и в контексте симпосия; целых и фрагментированных фиал, расписанных в чернофигурной технике и в технике Сикса [The Six's technique, см. о ней: Six, 1888; Haspels, 1969; Grossman, 1991; Cohen, 2006, p.72–104; Αβρονιδάκη, Σαμπετάι 2016, σ. 18–20] известно немногим более ста [см. об этих фиалах: Lushey, 1939; Tsingarida, 2008; Tsingarida, 2009; Tsingarida, 2014]; существуют также краснофигурные и белофонные фиалы. К редким формам относится и эпинетрон – наколенник, который женщины использовали при занятиях ткачеством; черно- и краснофигурных эпинетронов на сегодняшний день опубликовано чуть менее ста [Heinrich, 2006]. Киаф и алабастр можно также назвать довольно редкими, хотя и более распространенными, чем псиктер или фиала, формами: к настоящему моменту опубликовано несколько сотен аттических киафов [Eisman, 1971], а аттических алабастров – немногим более шестисот [Algrain, 2014]; эти формы расписаны чаще всего в черно- и краснофигурной технике, но также известны киафы с росписью в технике Сикса и полихромные белофонные алабастры. Для сравнения аттических черно- и краснофигурных амфор только лишь в базе данных керамики Архива Бизли [BAPD] зафиксировано более девяти тысяч, кратеров – более одиннадцати тысяч, киликов разных форм – более тридцати тысяч. В целом, если речь идет о публикации материалов городища или некрополя, подобное пропорциональное соотношение между вазами редких и распространенных форм соблюдается: килики, амфоры, кратеры встречаются во много раз чаще, чем фиалы, киафы или псиктеры. Исключения бывают, но они, как

правило, обусловлены специфическим контекстом, например, раскопки святилища Деметры и Коры в Кирене дали значительное количество эпинетронов, что и не удивительно с учетом того, что речь идет о женских божествах, а приношениями являются керамические изделия, связанные с ткачеством – одним из характерных занятий добропорядочной женщины [Moore, 1987].

В отличие от массового материала, наличие которого может дать представление о масштабе вывоза ваз той или иной формы в разные центры Средиземноморья и Причерноморья [см., например, статистические данные по ввозу чернофигурных аттических киликов на Березань: Петракова, 2017], вазы редких форм и вазы, декорированные при помощи редких техник росписи, интересны тем, что сам факт их находки, даже в виде фрагментов, позволяет утвердительно ответить на вопрос о том, ввозили ли их вообще в определенный регион.

Аттические вазы редких форм известны в раскопках Северного Причерноморья. В их числе следует назвать, например, чернофигурный «сифон» (он же «клепсидра») из Ольвии [Trofimova, 2007, cat. 16; датирован 540–530 гг. до н.э., атрибутирован Мастеру скифоса из Карлсруэ], фрагментированные чернофигурные эпинетроны с Березани [Smith, 2010, cat. 215 – 216, fig. 206a–c, 207a–d; датированы концом VI – началом V вв. до н.э.], фрагменты краснофигурных ритонов V века до н.э. из Пантикапея [BAPD 275885, CVA Moscow, Pushkin State Museum of Fine Arts, fasc. 4, pl. 37,4, сопоставлено с работами Мастера Сотада; BAPD 25945, CVA Moscow, Pushkin State Museum of Fine Arts, fasc. 4, pl. 37,6-7; сопоставлено с работами Мастера Эретрии], белофонные алабастры из Пантикапея и Нимфея [Петракова, 2011]. Современные раскопки Тиритаки позволяют дополнить этот ряд, в том числе такими формами, находка которых ранее не была зафиксирована в публикациях керамики из раскопок различных центров Северного Причерноморья (хотя, возможно, они впоследствии будут выявлены среди не опубликованных к настоящему моменту материалов).

По крайней мере, один фрагмент из раскопок Тиритаки (рис. 1в) является частью стенки киафа – тонкостенного черпака с глубоким вместилищем и длинной тонкой вертикальной ручкой. Фрагмент был найден в 2018 году на раскопе XXVII в хозяйственной яме №35, датируемой концом VI – первой четвертью V в. до н. э. [Петракова, Букина 2021, кат. 37.1]. Обломок представляет собой часть стенки киафа с кромкой, к сожалению, других частей найдено не было. В стандартном варианте формы ручка киафа значительно возвышалась над туловом вазы и нередко украшалась рельефными деталями: можно предположить наличие таких деталей и у киафа из Тиритаки, а на основе близких аналогий (рис. 1б) представить себе даже характер и расположение этих деталей (рис. 1а). Аналогии позволяют восстановить не только общую композицию с орнаментом в виде ветви стилизованного плюща по краю, но и сюжетную роспись в виде изображения единоборства Пелея с Фетидой в центральной части сосуда, как, например, это представлено на киафе в Бохуме (рис. 1г).

Киафами (наряду с бронзовыми черпаками типа половника), судя по изобра-

жениям на вазах, участники пиров зачерпывали вино из больших сосудов и разливали его по чашам. Слово «κύαθος» встречается в античных текстах, например, у Ксенофонта в «Киропедии»: «Как известно, виночерпии царей, когда подают фиалу, зачерпнув из нее киафом, наливают себе в левую руку вина и выпивают. Делается это для того, чтобы они сами испытали на себе действие яда, если подмешают его в вино» [Ксенофонт. Киропедия, I.3.9; пер. В.Г. Боруховича]. Однако, как понятно из контекста, речь идет о каком-то небольшом предмете, скорее всего, о металлическом черпаке, раз им можно зачерпнуть из неглубокой и небольшой чаши-фиалы. Как и многие другие названия вазовых форм, слово «киаф» применяется к данному керамическому сосуду достаточно условно [см. подробнее: Richter, Milne, 1935, p. 30–31].

Слишком тонкие стенки вместилища и тонкая изящная ручка киафа, не очень удобная для изготовления в таком материале, как глина, заставляют предположить наличие у формы металлического прототипа, в частности – до нас дошли бронзовые этрусские киафы. В Аттике эта форма стала практиковаться, по-видимому, под влиянием привозной этрусской продукции (киафов буккеро) в последней трети VIв. – первой трети V в. до н.э., а к середине V века до н.э. форма вышла из употребления, возможно, вследствие проблем при использовании: тонкая ручка ломалась [см. о киафах: Sparkes, Talcott, 1970, p. 143; Eisman, 1971, p. 1–15; Eisman, 1973; Eisman, 1975; Schreiber, 1999, p. 144 – 147; Lynch, 2011a, p. 78, 131; Madina Tonglet, 2018].

Наиболее ранние экземпляры аттических чернофигурных киафов датируют около 530 г. до н. э. и связывают с мастерской гончара Никосфена; возможно, с изделиями этой мастерской следует связать и киаф из Тиритаки. Никосфен (NIKOΣΘEN<EΣ>) – гончар, владелец мастерской, его подпись сохранилась на более чем ста вазах, атрибутированных разным аттическим вазописцам, как черно-, так и краснофигурным. Ему приписывают изобретение различных оригинальных вариантов стандартных форм ваз (амфор, чаш, пиксид, киафов), в том числе – под влиянием привозной из Этрурии продукции, с целью последующей продажи в Этрурии же; в его мастерской экспериментировали также с росписями в разных техниках, например – в упоминавшейся выше технике Сикса. Работы Никосфена и мастеров его круга датируют второй половиной VI в. до н. э. [см. о нем: Beazley, 1956, p. 216; Beazley, 1963–68, p. 122 – 123; Boardman, 1974, p. 11–12, 64–65; Tosto, 1999; Lyons, 2009]; для продукции этой мастерской характерно особое изящество формы и качественные росписи, поэтому она пользовалась спросом не только в Афинах или Этрурии, но и по всему Средиземноморью.

В материалах из раскопок Северного Причерноморья чернофигурные аттические киафы редки (в раскопках Тиритаки к настоящему моменту описываемый фрагмент – единственный известный киаф). Те киафы, информация о происхождении которых известна, преимущественно найдены при раскопках на территории Италии (в первую очередь этрусских некрополей); известны единичные экземпляры с территории Сицилии, Греции, Турции. Кроме того, фрагмент из Тиритаки относится к довольно

редкой разновидности, украшенной в верхней части пояском со стилизованной ветвью плюща. Особенности формы и декора фрагмента киафа из Тиритаки позволяют датировать его ок. 520 г. до н.э.

Поясок в верхней части киафов – скорее исключение из правила; гораздо больше сохранилось киафов, вместилище которых украшено сюжетной росписью во всю высоту наружной стороны. В тех случаях, когда поясок все же присутствует, он может быть похож на триглифо-метопный фриз, как на киафе в Омахе [CVA Omaha, Joslyn Art Museum, fasc. 1, pl. 28, 1–4; 29, 1–4; Eisman, 1971, p. 485 no 1; Borgers, 2004, pl. 44; Φριτζίλας, 2006, πίν. 121, 389; BAPD 352587; датирован 515 – 500 гг. до н. э., соотнесен с работами Мастера Тезея], также может быть украшен зубчатым орнаментом, как на киафе в Музее Польди-Пеццоли в Милане [Beazley, 1956, p. 293 no 15; Carpenter, Mannack, 1989, p. 74; Madina Tonglet, 2014, p. 17, pl.2, cat. 4; BAPD 320361; атрибутирован Псиаксу]; может представлять собой ломаную линию с точками, как на киафе в Малибу [The Colors of Clay, 2006, p.242, fig. 1; BAPD 30359] и фрагменте в Гейдельберге [CVA Heidelberg, Universität, fasc. 1, Taf. 40, 8; Beazley, 1956, p. 697; BAPD 306650; датирован концом VI в. до н. э., сопоставлен с работами Мастера Лондон B 620]. На краснофигурных киафах орнаментальный поясок вверху также изредка встречается [CVA Berlin, Antikensammlung-Pergamonmuseum, fasc. 1, Taf. 39,1-4; BAPD 203429].

Киафы, украшенные, как и фрагмент из Тиритаки, пояском со стилизованной ветвью плюща, хранятся в частной коллекции в Лугано [Beazley, 1971, p. 305 no 7; BAPD 342257], в Музее Клавдио Фаина в Орвьето [Haspels, 1936, p. 105; Beazley, 1956, p. 613 no 6; Beazley, 1971, p. 305; BAPD 306180], в Лувре [Eisman, 1973, p. 72, cat. 1, инв. CA 3309], все они атрибутированы «близко» Группе Ватикан G.57 [см. о ней: Beazley, 1956, p. 610–613; Eisman, 1973, p. 72], связанной с мастерской гончара Никосфена [Eisman, 1970], но на них немного другой рисунок листиков плюща, а гравировки менее свободные. Наиболее близкой по форме, характеру орнаментального и фигуративного декора представляется единственная на сегодняшний день известная подписная работа вазописца по имени Лидос-Раб (Lydos the Slave) – киаф в собрании Виллы Джулия (рис. 1б), происходящий из могилы 145 некрополя Остерия в Вульчи [Carpenter, Mannack, 1989, p. 400; Canaciani, Neumann 1978, fig. 1–6; BAPD 6247], на котором написано: ΛΥΔΟΣ ΕΓΡΑΦΣΕΝ ΔΟΛΟΣ ΟΝ ΜΥΔΕΑΣΣ ΕΥΓΕ[...]Ο («Лидос расписал, раб из Мирины»). Хотя имена и одинаковы, Лидоса-Раба не отождествляют со знаменитым Лидосом, работавшим в 560 – 540 гг. до н. э. [см. о нем: Beazley, 1956, p. 107–113; Beazley, 1971, p. 43–46; Carpenter, Mannack, 1989, p. 29–32; Boardman, 1974, p. 52–54; Τιβέριος, 1976]; росписи Лидоса-Раба характеризуют как более слабые и поздние по сравнению с работами Лидоса.

Как уже было сказано, в материалах из раскопок Северного Причерноморья чернофигурные аттические киафы редки; целый экземпляр с происхождением из Ольвии относится к группе Ватикан G.57 [Beazley, 1956, p. 611 no 7; Carpenter, Mannack, 1989, p. 143; BAPD 306134], с работами которой сопоставим также и фрагмент из

Тиритаки. Частично сохранившуюся роспись на вместилище киафа из Тиритаки следует восстановить как сцену единоборства Пелея и Фетиды – похожая композиция украшает тулово киафа, хранящегося в Бохуме [CVA Bochum, Kunstsammlungen der Ruhr-Universität, fasc. 1, Taf. 45, 1–3; BAPD 4880; LIMC ID 15852]. По сюжету и композиции этот киаф (рис. 1г) может быть назван аналогией киафу из Тиритаки, однако стиль росписи другой, гравировки гораздо более беглые; этот киаф датирован ок. 500 г. до н. э. и атрибутирован «в манере» Мастера Хаймона (The Haimon Painter), позднего чернофигурного вазописца, которого Э. Хаспельс образно охарактеризовала как «паука, находящегося в центре большой паутины из многочисленных вазописцев-подражателей» [Haspels, 1936, p. 130]. Похожую композицию можно также видеть на киафе в Британском музее [LIMC VII, pl. 189, Peleus, 82; BAPD 46060; LIMC ID 12524], но в принципе этот сюжет встречается в росписях киафов не так уж и часто. Еще одна любопытная особенность киафа из Тиритаки состоит в том, что, по-видимому, мы имеем дело с примером производственного брака: в результате нарушения температурного режима в процессе обжига лак приобрел не черный, а коричневый оттенок [ср. Lynch, 2011b, fig. 3], а красная охра выглядит темно-пурпурной, почти черной.

Несколько фрагментов из раскопок Тиритаки являются частями пиксид, также не самой распространенной формы аттических чернофигурных ваз: большее распространение форма получила в краснофигурной и белофонной вазописи [см.: Roberts, 1978]. Пиксиды принято интерпретировать как контейнеры для хранения, преимущественно косметических средств и украшений [см. о пиксидах: Sparkes, Talcott, 1970, p. 173–178; Moore, Philippides, 1986, p. 49–50; Roberts, 1978, p. 2–6; Schreiber, 1999, p.224–235; Lyons, 2009]; именно в этом контексте слово фигурирует в античных текстах, например: «целая куча склянок [в оригинале «пиксид» – А.П.], …в которых, как сокровища, хранятся зелья для чистки зубов или средства для окраски ресниц [Лукиан из Самосаты, Две любви, 39; пер. С. Ошерова] или: «Зубы на ночь свои ты вместе с шелками снимаешь / И отправляешься спать в сотне коробочек [в оригинале «пиксид» – А.П.] ты» [Марциал. Эпиграммы, IX, 37,3-4; пер. Ф.А. Петровского]. Термин «πυξίς,» применяется к аттической керамической продукции с еще меньшей степенью правомочности, чем термин «киаф»: в Афинах эпох архаики и классики это слово для названия таких глиняных сосудов не использовалось, оно известно из текстов римского времени и применялось к контейнерам для косметических принадлежностей, сделанным из самых разных материалов [см.: Richter, Milne, 1935, p. 20].

Из сырцового развала на раскопе XXVII (работы производились в 2010 году) происходит миниатюрная пиксида [Петракова, Букина, 2021, кат. 41.12], являющаяся своеобразной вариацией пиксиды так называемого коринфского типа (The Corinthian type) [см. о них, например: Moore, Philippides 1986, p. 49–50, cat. 1265–1296]. Пиксида из Тиритаки украшена простым рядом пятнышек на венчике и рядом овалов на тулове (рис. 2а). По форме и декору она весьма близка той, что хранится в Тюбингене (рис. 2б) в собрании университета [CVA Tübingen, Antikensammlung

des Archäologischen Instituts der Universität, fasc. 3, S. 65, Taf. 52, 6–7; BAPD 5946]; высота аналогии составляет 2,9 см (с крышкой – 3,6 см), а высота фрагментированной пиксиды из Тиритаки – 2,2 см, т.е. размеры двух ваз также близки. У пиксиды в Тюбингене сохранилась крышка, отсутствующая у пиксиды из Тиритаки, но все остальные элементы формы и декора очень похожи. Также похожий предмет, аттестованный в публикации как «миниатюрная чернофигурная чашечка» высотой 2,3см, происходит из раскопок грунтовой могилы 54, возможно детской, архаического некрополя Ольвии [Скуднова, 1988, кат. 75.4, фото на с. 63]; могила датирована 510 – 500 гг. до н. э.

Из раскопок 2007 года на территории хозяйственного двора строительного комплекса XXIII (большой сырцово-каменный дом) на раскопе XXVI происходит часть крышки с орнаментом (ил. 3а). В заполнении двора также были найдены фрагменты ионийских чаш второй и третьей четверти VI в. до н.э. [Буйских, 2014, кат. IV.3,85,86,123], транспортных амфор [Зинько, 2014, с. 164], коринфских [Петракова, Букина, 2021, кат. 8.1–2] и чернофигурных аттических [Петракова, Букина, 2021, с. 73] ваз второй половины VI и первой четверти V в. до н.э. Крышка из Тиритаки украшена орнаментами; на внутренней стороне лак приобрел оранжевый цвет [дефект обжига – ср. Lynch 2011b, fig. 3]. По форме и размеру крышку из Тиритаки можно сравнить с крышкой пиксиды (ил. 3б) в собрании университета в Эрлангене [CVA Erlangen, Antikensammlung der Friedrich-Alexander-Universität, fasc. 2. Taf. 23,1–7; BAPD 9033127], датированной концом VI в. до н. э. Такая разновидность получила название «трехногой пиксиды» [The Tripod-Pyxis; см. Moore, Philippides 1986, p. 50] – именно для них наиболее характерны такие нарядные крышки с поясками орнаментов.

Еще два фрагмента из Тиритаки (ил. 4а, ил. 5а) являются частями пиксид «никосфеновского типа» [см. о них: Schreiber, 1999, p. 234–235; Lyons, 2009], получившего название по имени уже упоминавшегося гончара Никосфена, которое сохранилось на нескольких таких пиксидах, например, на той, что хранится во Флоренции [Lyons, 2009, p. 170, fig. 4; BAPD 201951] и датирована 525 – 500 гг. до н. э. Наиболее ранние экземпляры пиксид никосфеновского типа ваз датируются 550-ми гг. до н. э., наиболее поздние – 500-ми гг. до н. э. По мнению К. Лайонс, такие пиксиды, с туловом, похожим на перевернутый цветок тюльпана, с изящной ножкой с широкой базой, крышкой с ручкой в виде бутона лотоса или желудя, служили, вероятно, для каких-то церемониальных и ритуальных целей, пиров (свадебных, погребальных); содержимым их могли быть благовонные смолы и травы; «никосфеновская пиксида, – по ее словам, – как бы выражала свое экзотическое содержимое через элегантные растительные аналогии своей формы» [Lyons, 2009, p. 174]. Происхождение такой необычной формы пиксиды связывают с вероятным деревянным, каменным или костяным прототипом, возможно из Леванта или Египта.

Из хозяйственной ямы I – III вв. н. э. в раскопе XXVI (кв. 16, яма № 109) происходят два фрагмента (ил. 4а), которые, несомненно, принадлежат крышке никос-

феновской пиксиды [Петракова, Букина, 2021, кат. 55.1]. При расчистке этой ямы были также найдены фрагменты транспортной и столовой керамики второй половины VI – первой четверти V в. до н. э. [Буйских, 2014, кат. I.75, IV.2.20], обломки аттических чернофигурных чаш рубежа третьей – последней четвертей VI в. до н.э. [Петракова, Букина, 2021, кат. 55.2–55.3], фрагменты чаши и скифоса конца VI – начала V в. до н. э. [Петракова, Букина, 2021, кат. 55.4–5]. Судя по профилю, размеру и характеру декора по свесу (черный свес и три полоски разбавленным лаком выше), фрагменты из Тиритаки принадлежали крышке, вроде той, что сохранилась на пиксиде в Бохуме [CVA Bochum, Kunstsammlungen der Ruhr-Universität, fasc. 1, Taf. 45,6, 46,1–4, Beilage 13,3; Lyons, 2009, cat. 8; BAPD 9026914] (ил. 4б, ил.4д). Эта крышка украшена только орнаментальными поясками (ил. 4д); возможно, и крышка из Тиритаки была декорирована только орнаментами. На крышке из Орвьето (ил.4г), украшенной изображением всадников [CVA Orvieto, Museo Claudio Faina, fasc. 1, tav. 4,1–5; Wojcik, 1989, cat. 76; BAPD 9703], можно видеть такой же декор свеса – он черный, а сверху три тонких полоски разбавленным лаком; аналогичен и декор на другой крышке из Орвьето (ил. 4е) с изображением женщин, мужчин и воинов [CVA Orvieto, Museo Claudio Faina, fasc. 1, tav. 1,2,4; 3,1–4; Wojcik, 1989, cat. 75; BAPD 9704]. Это – вообще характерный способ украшения крышек никосфеновских пиксид, не важно, декорированных поясками с фигурами (ил. 4г, ил. 4е), поясками с орнаментами и фигурами (ил. 4в) или исключительно орнаментами (ил.4б, ил.4д). Крышка в Бохуме датирована 530 – 520 гг. до н. э. и атрибутирована как «вероятно из мастерской Никосфена». Крышки из Орвьето датированы 540 – 530гг. до н. э. в томе CVA и музейном каталоге и чуть более поздним временем – 530 – 520гг. в специальной публикации К. Лайонс о пиксидах никосфеновского типа [Lyons, 2009, cat. 28–30]. Крышка в Бохуме имеет диаметр 17,2см, обе крышки из Орвьето – 19см, диаметр крышки из Тиритаки определяется как 17,5–18 см. На основе особенностей формы крышку пиксиды из Тиритаки можно датировать 530 – 520-ми гг. до н.э.; декор на ней сопоставим с декором на киликах и скифосах этого времени, также на лекифах и так называемых «никосфеновских амфорах» [ср., например, BAPD 30538, 302823]. Изменения формы с 550 по 500г. до н.э., которая становилась со временем все более вытянутой, а также разнообразие профилей венчиков, ножек, пропорций указывают на то, что пиксиды никосфеновского типа производились в нескольких мастерских [Lyons, 2009, p. 166–168]; однако приведенные аналогии, связанные именно с мастерской Никосфена, а также характерный растительный орнамент позволяют предположить, что крышка пиксиды из Тиритаки может быть изделием мастерской Никосфена.

Еще один фрагмент (ил. 5а) происходит из раскопок 2017 года [Петракова, Букина, 2021, кат. 35.1]. Он был был найден в хозяйственной яме № 34, датируемой концом VI – первой четвертью V в. до н. э. на раскопе XXVII. В заполнении ямы обнаружены фрагменты аттических чернофигурных сосудов, среди которых есть обломок леканы или чаши [Петракова, Букина, 2021, кат. 35.11] третьей четверти VI в. до н. э., фраг-

менты закрытых сосудов [Петракова, Букина, 2021, кат. 35.2–35.3] и чаш [Петракова, Букина, 2021, кат. 35.4–35.6] последней трети VI в. до н.э., обломки чернофигурных чаши [Петракова, Букина, 2021, кат. 35.7] и скифосов [Петракова, Букина, 2021, кат.35.8–35.9] конца VI – начала V в. до н. э. Фрагмент из Тиритаки является частью тулова пиксиды никосфеновского типа, вероятно, украшенной изображением танцующих женщин. Она могла быть похожей на ту, что хранится в Берлине [Lyons, 2009, p. 173, fig. 8; cat. 44] (ил. 5б), можно также привести в пример две пиксиды (одна из них – ил. 5в) в Орвьето [Beazley, 1956, p. 622 no 125; Lyons, 2009, cat. 42; BAPD 306337; Lyons, 2009, cat. 43; BAPD 306338]. Все три названные аналогии происходят из раскопок погребений в Орвьето; ср. также фрагмент из Марцаботто [Beazley, 1971, p. 307 no 99quater; BAPD 352278 – ошибочно назван фрагментом скифоса] (ил. 5г). Все аналогии к фрагменту из Тиритаки определены как пиксиды никосфеновского типа, класса журавля (The Heron Class), группы CHC (The CHC Group); датируют их по особенностям формы и декора 500 – 490-ми гг. до н. э. [Lyons, 2009, p.177]. Группа CHC – одна из групп ваз внутри класса журавля, она состоит из грубых («rough») скифосов (но есть и вазы других форм), на которых фигуративный декор помещен в довольно узком пояске – наиболее часто встречающимися сценами декора на них являются (1) колесницы в три четверти между парой бегущих амазонок; и (2) юноша, флиртующий («courting») с мальчиком, который держит большого белого петуха. От двух наиболее распространенных тем росписей группа получила свое условное название CHariot–Courting, где CH – начальные буквы слова «колесница» (chariot), а C – начальная буква слова «ухаживание/флирт» (courting); другие сценки бывают, но реже. Группа активно работала в последние десятилетия VI в. – первые десятилетия V в. до н. э., пиком ее активности считается время около 500 г. до н.э. [см. о ней: Beazley, 1956, p. 617–623; Beazley, 1971, p. 306–308; Borgers, 2004, p. 3–8; Lynch, 2011a, p. 113; Malagardis, 2017, p. 89–92]. Изображения танцующих сатиров и менад, комоса с участием мужчин и женщин, а также группы танцующих и играющих на музыкальных инструментах женщин характерны для декора пиксид никосфеновского типа, происходящих из Этрурии [Lyons, 2009, p. 173]; именно танцующие женщины, как и на фрагменте из Тиритаки, представлены на трех пиксидах группы CHC и одной крышке. Некоторые из этих изображений интерпретируют в связи с иерогамией в контексте Анфестерий.

К. Лайонс в специальной статье о никосфеновских пиксидах собрала список из восьмидесяти восьми единиц; те, что имеют подтвержденное археологическое происхождение, на территории Апеннинского полуострова найдены в погребениях (в том числе вместе с аттической керамикой для симпосия); на территории Греции и в восточной части Эгейского побережья, главным образом, в святилищах различных женских божеств (Артемиды, Деметры) в качестве подношений; также известны находки в святилищах (Геры, Афродиты) в Навкратисе, в раскопках дома архаического времени в Фокее вместе с кратерами, диносами, чашами, то есть вазами, связанными с симпосием [Lyons, 2009, p. 168–171]. Чернофигурные пиксиды различных типов

известны в раскопках агоры в Афинах, в святилищах и жилых домах на территории Эгейского бассейна, в некрополях на территории Апеннинского полуострова. В Северном Причерноморье пиксиды вообще редки – известны единичные экземпляры из Ольвии и Пантикапея [Скуднова, 1988, кат. 75,3–4; Самар, 2017, кат. Атт.31–32], но это не пиксиды никосфеновского типа, что делает находку ваз этой формы в раскопках Тиритаки особенно ценной и позволяет дополнить статистику распространения этой формы в Средиземноморье.

Еще два фрагмента из Тиритаки [Петракова, Букина, 2021, кат. 53.1, 59.30] (ил.6а, ил. 7а), несомненно, являются частями фиал – широких и неглубоких чаш без ручек и ножки, в большинстве случаев – со сферическим выступом в центральной части [см. о них: Moore, Philippides, 1986, p. 105–106; Schreiber, 1999, p. 215–216]. Это еще одна редкая форма в аттической чернофигурной вазописи. В отличие от киафа или пиксиды слово «φιάλη» может быть применено к керамической вазе данной формы со значительной долей уверенности: из материалов раскопок на Кипре происходит серебряная чаша такой формы с надписью «Я – фиала Эпиора»; часть слова «фиала» сохранилась также на другой чаше – из Боскореале [см. подробнее: Richter, Milne, 1935, p. 29–30].

Фиалы использовали чаще всего для жертвенных возлияний – в пользу этого говорят и рисунки на вазах, и упоминания в текстах, например: «Тогда последний царь Псамметих, так как у него не было чаши [в оригинале «фиалы» – А.П.], снял с головы медный шлем и протянул его для возлияния» [Геродот. История, II,151; пер. Г.А. Стратановского]. Однако их также использовали и для питься вина, например: «Слей вино с водой, / В чаше, сладкой вестнице пира, / Буйный сын лозы / Пусть разольется по серебряным фиалам» [Пиндар. Немейские песни, IX,49-52; пер. М.Л. Гаспарова]. По мнению А. Цингариды, фиалы использовались для питья вина в особых случаях, а также чтобы выделиться среди других участников симпосия, выразить эстетические и политические пристрастия [Tsingarida 2009].

В центре фиалы, как правило, имелся сферический выступ (используются названия «умбон», «омфал», «мезомфал»); с обратной стороны чаши, таким образом получалась выемка, за которую фиалу было удобно держать в руке. Форма появилась в Аттике в начале VI в. до н. э., как полагают, под влиянием восточных металлических образцов [Tsingarida, 2008, p. 105]. Известны аттические фиалы с черно- и краснофигурными, а также полихромными росписями VI–V веков до н.э., и чернолаковые, но их мало; по-видимому, гораздо большее распространение эта форма получила в металле [Lushey, 1939; Sparkes, Talcott, 1970, p.105–106; Moore, Philippides, 1986, p. 56–57; Cardon, 1978/79; Schreiber, 1999, p.215–216; Tsingarida, 2008; Gaifman, 2018]. Большинство чернофигурных аттических фиал датируют концом VI – началом V в. до н. э.

Фрагменты из Тиритаки украшены в технике Сикса, получившей название по фамилии ученого, описавшего ее в публикации 1888 года [см. о ней: Six, 1888; Haspels, 1969; Grossman, 1991; Cohen, 2006, p. 72–104; Αβρονιδάκη, Σαμπετάι, 2016, σ. 18–20].

Это довольно редкая аттическая техника, при которой поверхность вазы покрывалась черным лаком, а уже после того, как он подсох, сверху наносили роспись, используя для этого белую, желтую, розовую или красную краску; иногда по ней делали тонкие гравировки, причем искусство мастера состояло в том, чтобы при их исполнении дойти лишь до слоя «черного лака», а не процарапывать линии до слоя незакрашенной глины. При помощи этой техники украшали вазы, преимущественно небольших размеров – фиалы, киафы, алабастры, скифосы. Аттические фиалы, декорированные в технике Сикса, как правило (как и фрагменты из Тиритаки), оставлены с наружной стороны в цвете глины (за исключением широкого пояска черным лаком вдоль края), а внутри покрыты черным лаком и украшены росписью; вокруг омфала расположен поясок с «язычками», фигуры в росписи ориентированы головами к омфалу, иногда могут быть расположены в два яруса. Большинство таких аттических фиал датируют концом VI – началом V в. до н. э. [Moore, Philippides, 1986, p. 56–57].

Первый фрагмент (ил. 6а) был найден в 2007 году в хозяйственной яме № 84, датируемой I – III вв. н. э., рядом со строительным комплексом XXIX, на раскопе XXVI [Петракова, Букина, 2021, кат. 53.1]. При расчистке ямы были также обнаружены обломки чернофигурной миниатюрной чаши-скифоса VI в. до н. э. [Петракова, Букина, 2021, кат. 53.2] и чернолаковой леканы V в. до н.э. [Петракова, Букина, 2021, кат. 53.3]. На фрагменте фиалы сохранилась часть орнамента в виде «язычков» вокруг омфала и часть фигуры сирены (хвост и крыло), вероятнее всего – музицирующей. Две играющие на лирах сирены (и две небольшие птицы, стоящие у их ног) украшают фиалу из раскопок в Камиросе (ил. 6б), хранящуюся в Британском музее [Hofstetter, 1990, Taf. 10, Kat. A 144; BAPD 28968]; сирены изображены идущими вправо, между ними – по три крупных пальметты. Также похожие сирены изображены на фиале (Ил. 6г) в Археологическом музее в Элевсине [Φριτζίλας, 2006, σ. 95, κατ.175, εικ. 26, πίν. 46, 175; BAPD 9040423] и фиале из раскопок Камироса (ил. 6в), хранящейся на Родосе [Φριτζίλας, 2006, σ. 96, κατ.176, πίν. 46, 176; 47, 176; BAPD 9040425]; эти сирены также изображены идущими вправо, но, в отличие от сирен на фиале в Британском музее, они не смотрят вперед, а оглядываются, маленьких птиц у ног сирен нет.

Второй фрагмент (ил. 7а) происходит из суглинистых слоев первых веков нашей эры раскопа XXVI [Петракова, Букина, 2021, кат. 53.1]. Пальметты, как на фрагменте из Тиритаки, украшают фиалу из раскопок в Камиросе (ил. 7б), хранящуюся в Британском музее [Hofstetter, 1990, Taf. 10, Kat. A 144; BAPD 28968]. На ней изображены шесть похожих крупных пальметт – они сгруппированы по три, при этом каждая группа занимает чуть больше четверти пространства. В каждой группе боковые пальметты ориентированы к омфалу, а центральная – к наружной кромке фиалы. Также похожие пальметты представлены на фиале (ил. 7в) в Археологическом музее в Элевсине [Φριτζίλας, 2006, σ. 95, κατ.175, εικ. 26, πίν. 46, 175; BAPD 9040423] и фиале из раскопок Камироса (ил. 7г), хранящейся на Родосе [Φριτζίλας, 2006, σ. 96, κατ.176, πίν. 46, 176; 47, 176; BAPD 9040425]. В отличие от фиалы в Британском му-

зее, на этих изображено по две пальметты. Все пальметты ориентированы к омфалу, а из основания пальметты выходит крупный спиралевидный завиток, который располагается справа от пальметты, визуально уравновешивая композицию.

Аналогии к обоим фрагментам из Тиритаки Фритцилас предлагает датировать 505 – 500 гг. до н.э. и отнести к Фазе I1 работы Мастера Тезея (The Theseus Painter) [Φριτζίλας 2006, σ. 288] – вазописца, получившего условное имя из-за пристрастия к изображению в вазовых росписях подвигов Тезея. Ему атрибутируют лекифы и скифосы (всего более двухсот ваз), расписанные в чернофигурной технике, нередко – по белой облицовке. Мастер Тезея принадлежит к поколению поздних чернофигурных вазописцев, расписывавших свои изделия в старой технике, когда гораздо большим спросом стали пользоваться вазы, декорированные при помощи новой – краснофигурной – техники. В то время как многие его современники зачастую выполняли росписи довольно небрежно, без гравировок и дополнительных цветов, работы Мастера Тезея отличают качественные росписи с многочисленными гравировками, а также деталями, выполненными при помощи красной и белой краски. В целом время его работы определяют между 510/505 и 485/480 гг. до н.э., при этом скифосы и фиалы связывают с начальным этапом его карьеры, а лекифы – с поздним творчеством [Haspels, 1936, p. 141–165, 249–254; Ure 1955; Beazley, 1956, p. 518–521; Borgers, 2004; Φριτζίλας, 2006].

Фиалы-мезомфалы стали атрибутировать Мастеру Тезея лишь в недавних публикациях, причем называя их одними из лучших примеров вазописи в технике Сикса; их считают современными по времени изготовления скифосам Мастера Тезея [Φριτζίλας, 2006, σ. 282–282]. Кроме того, Афина Цингарида в специализированной публикации об аттических фиалах, украшенных именно в технике Сикса [Tsingarida, 2008], предложила связать ряд из них с работами описанной в начале этой статьи мастерской Никосфена. В частности, упомянутая фиала из Элевсина [Φριτζίλας, 2006, σ. 95, κατ. 175, εικ. 26, πίν. 46, 175; BAPD 9040423] определяется ею как работа мастерской Никосфена [Tsingarida, 2008, p. 109]. В такой атрибуции нет противоречия, поскольку и Дж. Бордман [Boardman, 1974, p. 108], и В. Тосто [Tosto, 1990, p. 138, 160–161], один из главных специалистов по творчеству Никосфена, отмечали наличие связи между работами мастерской Никосфена и группой Крокотос [The Krokotos Group; см. о ней: Beazley, 1956, p. 205–207; Ure 1955 Borgers, 2004, p. 4–5] – одной из групп скифосов, связанных с Мастером Тезея и получившей название из-за использования вазописцами этой группы шафранно-желтой краски (krokotos) для передачи хитонов у некоторых персонажей; эти вазописцы расписывали преимущественно скифосы и «чаши с глазами», их работы датируют последней третью VI в. до н.э. [Beazley, 1956, p. 205–207; Ure 1955; Borgers, 2004, p. 4–5]. По идее Цингариды, фиалы могли быть изготовлены в мастерской Никосфена и расписаны вазописцами, которые сотрудничали с ним, то есть, как и рассмотренные выше киаф и пиксиды, эти изделия из раскопок Тиритаки могут быть ассоциированы с гончарной мастерской, отличавшейся интересом к разнообразным экспериментам с формами ваз. Большинство

ученых говорит о восточном влиянии (ионийском, хиосском, милетском, самосском) на появление аттических фиал, украшенных в технике Сикса, Цингарида при этом отмечает: «общеизвестно, что Никосфен обращался к Востоку в поисках новизны … атрибуция фиал в технике Сикса его мастерской показывает, что он не только имитировал восточногреческую продукцию, чтобы порадовать этрусков, но также создавал полихромную продукцию, вдохновленную восточными мотивами, техниками и формами, желая сбывать ее на греческих, в частности – аттических, рынках» [Tsingarida, 2008, p. 109–110].

Известные экземпляры аттических фиал, украшенных в технике Сикса, происходят, главным образом, из Аттики (Афины, Элевсин), греческих поселений Эгейского бассейна (Коринф, Беотия, Делос, Родос, Кирена) и из Этрурии; одна фиала найдена на севере Греции (Полиирос) [Tsingarida, 2008, p. 109]; довольно много находок происходит из раскопок акрополя в Афинах [Moore, Philippides, 1986, p. 56–57], а одна фиала найдена в колодце при раскопках позднеархаического дома, причем в публикации обсуждается фиала в контексте симпосия [Lynch, 2011a, p. 144, cat. 23]. Находка таких изделий на территории Тиритаки позволяет дополнить информацию об импорте аттических фиал (а также аттических керамических ваз, украшенных в технике Сикса).

Кроме редких вазовых форм, вроде фиал или киафов, в Тиритаке также представлены редкие модификации форм распространенных. Из раскопок 2008 года в помещении IV на территории большого сырцово-каменного дома в центральной части раскопа XXVI [Петракова, Букина, 2021, кат. 4.8] происходит фрагмент килика (ил. 8а), который представляет собой нижнюю часть тулова, по-видимому, в районе середины стороны. На фрагменте представлена амазономахия Геракла – сохранилась нижняя часть фигуры героя, подпоясанного львиной шкурой, ноги двух амазонок в поножах; ниже расположен поясок из цепи чередующихся бутонов и цветков лотоса. Этот фрагмент, вне всяких сомнений, следует определить как часть «чаши с ручками-вилочками» (The Merrythought Cup) – крайне редкой разновидности, которая получила название благодаря ручкам необычной формы, унаследованным, по-видимому, от металлического прототипа [см. о них: Ramage 1983, p. 453; Schreiber 1999, p. 160–163]. Это чаши типа прото-А (Type proto-A) с глубоким туловом; ручки у них похожи на то, что получило название «дужки» или «вилочки», т.е. особой формы косточки между грудиной и позвоночником у курицы. Английское название этой косточки – «merrythought», поскольку ее использовали в гадании: кому достанется часть с верхом при разламывании, тот скорее будет думать о свадьбе; в англоязычной литературе фигурирует еще одно название «The Wishbone Cup», от «wishbone», «косточка желаний». В месте срастания ключичных косточек у курицы имеется дискообразный элемент: на некоторых чашах он выглядит очень похожим на природный прототип; также есть чаши, где этот дискообразный элемент выражен очень ярко, что привело к появлению своего названия такой формы в немецком языке – Knopfhenkelschale, т.е. чаша с кнопками/пуговицами на ручках (ил. 8 г). Эта разновидность чаш крайне

необычна для аттической (и даже в целом греческой) керамики; известно лишь несколько десятков экземпляров [см. список из 44 чаш и фрагментов точно и «предположительно» такой формы – Ramage, 1983, p. 454]; временем их изготовления считают 560 – 540 гг. до н. э. [Ramage, 1983, p. 453].

Именно для «чаш с ручками-вилочками» характерен орнамент в нижней части тулова в виде цепи бутонов – его можно видеть, например, на чаше в Бостоне [CVA Boston, Museum of Fine Arts, fasc. 2, pl. 88,1–5; BAPD 302569] (ил. 8в) и особенно – на чаше в Берлине [ABV, p. 79; Schefold, 1992, fig. 323; LIMC ID 33784; BAPD 258] (ил. 8б). На чаше в Берлине орнамент может быть назван идентичным тому, который сохранился на фрагменте из Тиритаки, а фигуры расположены вплотную и перекрывая друг друга, то есть по такому же принципу, как на чаше в Берлине. Трактовка одежд, кнемид, щитов при помощи дополнительных цветов и гравировок, в частности – ряды белых точек, на фрагменте из Тиритаки сопоставима с трактовкой таких же элементов на чаше из раскопок Сард (ил. 8г). Нэнси Рамадж предложила назвать вазописца Мастер чаш с ручками-вилочками из Сард, охарактеризовала его как близкого Мастеру Бостонского Полифема, который работал в 550 – 525 гг. до н. э. и который расписал упомянутую выше чашу в Бостоне.

«Чаши с ручками-вилочками» известны из раскопок в Сардах, на Родосе, на территории Италии, в Фивах, Коринфе, Афинах [Ramage, 1983, p. 454]. Теперь мы можем добавить к статистике распространения таких чаш и фрагмент из Тиритаки. В заполнении помещения помимо этого фрагмента были найдены обломки транспортных амфор, а также ионийская, коринфская и аттическая керамика VI – первой половины V в. до н. э. [см. характеристику с библиографией – Петракова, Букина, 2021, с. 49], в том числе – фрагмент чаши Сиана конца второй четверти VI в. до н.э. [Петракова, Букина, 2021, кат. 4.9] и фрагменты мелкофигурных чаш третьей четверти VI в. до н.э. [Петракова, Букина, 2021, кат. 4.10, 4.12-14], то есть предметы того же времени, что и «чаша с ручками-вилочками».

Из находок, сделанных в 2008 году в заполнении водостока в юго-западной части раскопа XXVI вблизи строительного комплекса XXXVII, происходят фрагменты еще одной редкой чаши [Петракова, Букина, 2021, кат. 24.6]. Это три обломка тулова с ручками и часть дна с сохранившимся фрагментом очень короткой ножки на уплощенном кольцевидном основании (ил. 9а). На двух фрагментах тулова сохранилась роспись в виде крупных тонких спиралевидных завитков, закрученных в сторону ручки. По степени деликатности декора, изящно размещенного на фоне, оставленном в цвете глины, фрагменты из Тиритаки можно сравнить с чашами группы пальметт из Камироса (The Group of Camiros Palmettes) (ил. 9г), датированными последней третью VI в. до н. э. и хранящимися в Риме [CVA Roma, Musei Capitolini, fasc. 1, tav. 42,4; ABV, p. 215 no 4; Para, p. 104; BAPD 302747], в Париже [ABV, p.215 no 2; BAPD 302745], в Киле [CVA Kiel, Kunsthalle, Antikensammlung, fasc. 1, Taf. 25,7–8; 26,3–4; BAPD 30677]. Группа пальметт из Камироса – малочисленная из аттических «чаш на низкой ножке» (The Stemless Cup); они украшены свободно распо-

ложенным по поверхности узором из пальметт и спиралевидных завитков, по словам Дж. Бизли, «все они выполнены в одном стиле» [ABV, p. 215; Borgers, 2004, p. 58; Schauenburg, 1988, p.152, 155]. Однако гораздо больше по форме и росписи фрагменты из Тиритаки похожи на чаши, которые атрибутированы Мастеру Никосии C 975 (The Painter of Nicosia C 975), получившему имя по вазе с таким номером в Никосии [Beazley, 1971, p. 99]. Этому вазописцу атрибутированы чаши особой формы, с ножкой, как у Типа C (Type C), с широкой полосой по краю, с одной фигурой на каждой стороне снаружи и особым орнаментом в виде крупных спиралей у каждой ручки; под изображением все пространство оставлено в цвете глины, ножка тоже; как отметил Бизли – по такому же принципу, как на чашах Мастера Амазиса (The Amasis Painter): можно вспомнить атрибутированные ему чаши с изящными спиралями у ручек в Малибу [BAPD 28112] и в ватиканских музеях [BAPD 310516]. Фрагменты из Тиритаки следует сравнить с атрибутированными Мастеру Никосии C 975 чашей в Никосии [Para, p. 99; Add2, p. 56; BAPD 340241] (ил. 9д) и с чашей, некогда выставленной на аукционе в Базеле, фотографии которой сохранились в Архиве Бизли [Para, p. 99; BAPD 340240]. Обе эти чаши украшены крупными спиралевидными завитками у ручек, только они загнуты не к ручке, как на чаше из Тиритаки, а в противоположную от нее сторону. На чаше, некогда выставленной на аукционе в Базеле, по центру обеих сторон изображен сидящий на дифросе Дионис с канфаром в руке, а на чаше в Никосии – менада, едущая на быке; в обоих случаях вокруг центральных персонажей размещены виноградные лозы с гроздьями. Возможно, композиции из одной или двух фигур также украшали центр сторон чаши из Тиритаки. Еще более близкими аналогиями к чаше из Тиритаки, чем названные, представляются фрагменты из раскопок агоры в Афинах [Moore, Philippides, 1986, pl. 117, cat. 1825; Para, p. 100; Borgers, 2004, fig. 70, pl. 41b; BAPD 340242] (ил. 9в), атрибутированные Мастеру Никосии C 975 – Дж. Бизли, а Олафом Борджерсом – упоминавшемуся выше Мастеру Тезея, а также чаша в Музее агоры в Афинах (ил. 9б), которая названа «мелкой чашей-скифосом особой формы» и атрибутирована Мастеру Тезея и Бизли, и Борджесом [ABV, p. 520 no 31; Borgers, 2004, fig. 69, pl. 41a; Φριτζίλας, 2006, εικ. 37–38, πίν. 52, 196; BAPD 330713]. Последняя украшена изображением одной фигуры на каждой стороне, на фрагментах же сохранилась всего лишь часть одной фигуры; виноградных лоз нет. Все приведенные аналогии относятся к редкому и малочисленному типу аттических чернофигурных чаш; из них наиболее близкими к фрагментам из Тиритаки являются изделия, связанные с Мастером Никосии C 975 и Мастером Тезея. В заполнении водостока, помимо описанного фрагмента, также были найдены обломки аттических чернофигурных чаш третьей четверти VI в. до н.э. [Петракова, Букина, 2021, кат.24.1-5] и скифоса первой четверти V в. до н. э. [Петракова, Букина, 2021, кат.24.7], что прекрасно согласуется с датировкой аналогий к рассмотренному фрагменту.

В отличие от рассмотренных в начале этой статьи киафов или фиал, кратеры – форма в аттической вазописи весьма распространенная, особенно в находках в жи-

лом контексте [Moore, Philippides, 1986, p. 23-27; Lynch, 2011a, p. 130-131], поскольку они использовались для смешения вина с водой [Lissarague, 1990; Luke, 1994]. Слово «κρατήρ», применительно к сосуду для смешивания вина с водой, фигурирует в греческих текстах неоднократно, начиная с «Одиссеи»: «Эти – вино наливали в кратеры, мешая с водою» [Гомер. Одиссея. Песнь I,110; пер. В. Вересаева]. Классификация кратеров по форме вместилища и ручек («кратер с колонками», «чашевидный кратер», «колоколовидный кратер», «кратер с волютами») относится к Новому времени [см. Richter, Milne, 1935, p. 6 – 8 с библиографией]. Если говорить именно о чернофигурных кратерах, преобладающей формой является «кратер с колонками» [Sparkes, Talcott, 1970, p. 54; Moore, Philippides, 1986, p. 23-25; Schreiber, 1999, p. 129 – 135], у которого ручки похожи на маленькие колонны; именно эта форма наиболее часто встречается и в раскопках Пантикапея [Сидорова, 1984, с. 71], и в раскопках Тиритаки [Петракова, Букина, 2021, с. 6]. Однако фрагмент (ил. 10а), происходящий из находок в хозяйственной яме № 20 в кв.5 раскопа XXVII [Петракова, Букина, 2021, кат. 31.1], следует определить как часть «чашевидного кратера» («calyx krater», где под «calyx» понимается чашечка цветка, на которую похоже тулово кратера) – редкой формы в чернофигурной аттической вазописи, но широко распространенной в краснофигурной [см. о них: Sparkes, Talcott, 1970, p. 54; Moore, Philippides, 1986, p. 26–27; Frank, 1990; Schreiber, 1999, p. 138–140]. Фрагмент из Тиритаки имеет значительную толщину, малый изгиб и высокое качество лакового покрытия на внутренней стороне; он принадлежал крупной толстостенной вазе большого диаметра, расширяющейся кверху. Снаружи сохранилось изображение покрытого белой краской лба, что указывает на женский пол представленного персонажа, и венка из листьев плюща, надетого очень низко. Этот фрагмент мог принадлежать чашевидному кратеру, украшенному изображением дионисийского шествия, как, например, кратеры в собрании Лувра [Beazley, 1956, p. 281 no 19; CVA Paris, Louvre fasc. 2, pl. 7,3-4; BAPD 320239] (ил. 10б), в Брюсселе [Beazley, 1956 p. 281 no 17; CVA Brussels fasc. 2, pl. 17,2a-d; BAPD 320237] (ил. 10г), в Сиракузах [Beazley, 1956, p. 281 no 18; Zisa, 2007, cat. 12; BAPD 320238] (ил. 10в). Их росписи сопоставлены с работами Мастера Антимена (The Antimenes Painter) [см. о нем: Beazley, 1956, p. 266–291; Burow, 1989], который получил условное имя по надписи «Антимен прекрасен» на атрибутированной ему гидрии в Лейдене [BAPD 320011]. Производство чашевидных кратеров в Афинах было начато, очевидно, около 520 г. до н. э. [Moore, Philippides, 1986, p. 27]; работы Мастера Антимена и его круга датируют последней третью VI в. до н.э.; яма же, откуда происходит фрагмент из Тиритаки, содержала также фрагменты аттической керамики конца VI – начала V в. до н. э. [Петракова, Букина, 2021, кат. 31.2–3]. Чернофигурные чашевидные кратеры редко находят в Северном Причерноморье, хотя форма известна, например в Пантикапее [Сидорова, 1992, с. 205].

Из находок 2004 года в суглинистых слоях первых веков нашей эры на раскопе XXVI происходит фрагмент диноса [Петракова, Букина, 2021, кат. 59.1] (ил.11а) – формы того же назначения, что и кратер, но гораздо более редкой [Richter,

Milne, 1935, p. 9–10; Moore, Philippides, 1986, p. 33–35; Schreiber, 1999, p. 98–105; Alexandridou, 2012, p. 10–11]. Речь идет, по сути, о вазе-котле со скругленной нижней частью, а потому требующей подставки. Термин «динос» (δῖνος) используется применительно к этой форме наряду с термином «лебес» (‘λέβης), особенно когда речь идет о чернофигурных аттических вазах, хотя в античных текстах слово «динос» указывает, скорее, на то, что подразумевается чаша, а вот «лебес» как раз упоминается вместе с подставкой-треножником и в нужном контексте [см. с библиографией Richter, Milne, 1935, p. 9–10]. Тем не менее, термин «динос» закрепился в научных трудах, даже в условном имени одного из вазописцев – Мастера Диноса (The Dinos Painter), расписывавшего краснофигурные аттические вазы во второй половине V в. до н.э. [Beazley, 1963–68, p. 1151–1155]. Судя по форме профиля и сохранившимся частям росписи, фрагмент из Тиритаки принадлежал диносу высотой около 30 см с чернофигурной росписью в три или больше фризов. Такие сосуды помещали не только на бронзовые треножники, но и на керамические же профилированные подставки, которые тоже расписывали в несколько фризов (ил. 11б) – фрагмент, найденный на Березани, по определению В. М. Скудновой, принадлежал такой подставке диноса [Smith, 2010, cat. 199]. Диносы с многофризовой чернофигурной росписью датируют в пределах первой половины VI в. до н. э.; начиная с 560 годов до н.э. фризы с фигурами помещали в основном на плечиках, а нижнюю часть покрывали черным лаком [см. Moore, Philippides, 1986, p. 33–34]. Изображение на фрагменте из Тиритаки напоминает изделия, выполненные Софилосом и его подражателями. Форма диноса не была распространена в афинском керамическом производстве, однако в продукции Софилоса и мастеров его круга диносов больше, чем у любого другого аттического вазописца. Подобные диносы в большинстве известны из раскопок на западе Малой Азии, в Киренаике и Навкратисе [Alexandridou, 2012, p. 10]. В Северном Причерноморье фрагменты, предположительно, диносов и их подставок известны на Березани [Smith, 2010, cat. 137–143], в Фанагории [Morgan, 2004, cat. 395] и Пантикапее [Сидорова, 1984, с. 173; Самар, 2017, кат. 4, кат. 11].

И, наконец, несколько фрагментов из раскопок Тиритаки могут быть определены как, вероятно, мастоиды (ил. 12а) – глубокие чаши для вина с плоским дном и небольшим венчиком, четко отделенным от тулова, с ручками (ил. 12в) и без (ил.12б). Эта форма является производной от мастоса [см. Richter, Milne, 1935, p. 30] – чаши, по форме напоминающей женскую грудь (μαστός), но, в отличие от мастосов, которые действительно воспроизводят по форме грудь с соском (ил. 12г), то есть не имеют ножки, на которой могли бы стоять, мастоиды больше напоминают скифос, имея плоское основание. Появление формы мастоида относят к концу VI в. до н. э., она продолжала существовать в первой четверти V в. до н. э. [Richter, Milne, 1935, p.30; Moore, Philippides, 1986, p. 98; Schreiber, 1999, p. 195] – именно к первой четверти Vв. до н.э. относятся фрагменты из Тиритаки. Два из них [Петракова, Букина, 2021, кат. 41.11, 54.2] можно связать с группой Хаймона (The Haimon Group), которой атрибутировано большинство известных мастоидов, два [Петракова, Букина,

2021, кат. 41.8, 45.2], возможно, с Безлистной группой (The Leafless Group), с которой также связано несколько ваз подобных форм [Moore, Philippides, 1986, p. 57]. В Северном Причерноморье чернофигурные аттические мастоиды известны, например, в раскопках Ольвии [Скуднова, 1988, кат. 122.9].

Подводя итоги, следует признать, что если раскопки Тиритаки, имевшие место в XIX и XX веках [Марти, 1941; Книпович, Славин, 1941; Шмидт, 1952], дали довольно стандартный набор аттической черно- и краснофигурной керамики с явным преобладанием киликов и скифосов, то раскопки 2002 – 2019 гг. значительно обогатили наши представления о вывозе аттических ваз, часто встречающихся и редких форм, в Северное Причерноморье. Помимо множества фрагментов широко распространенных форм аттических чернофигурных ваз, таких, как килики, чаши-скифосы, скифосы (что изменило мнение о количественном составе этих видов сосудов в Тиритаке), было выявлено несколько десятков кратеров и лекан, а также ольпы, ойнохои, лекифы, амфоры, гидрии, представляющие работы разных аттических мастерских. Помимо этого, в материалах Тиритаки также выявлены вазы редких форм, в том числе таких, которые к настоящему моменту известны во всем мире в количестве от нескольких десятков до нескольких сотен (в отличие от тысяч киликов, амфор, кратеров). Особенности формы редких ваз и характер выявленных в Тиритаке фрагментов позволяют не сомневаться в их принадлежности именно к названным вазовым формам, а виртуальные реконструкции дают возможность представить внешний вид этих изделий на момент их появления в Тиритаке. Некоторые из этих форм были ранее известны в раскопках центров Северного Причерноморья, некоторые же зафиксированы впервые, что позволяет изменить представление о вывозе из Аттики в этот регион подобной исключительной продукции гончарных мастерских.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Буйских А. В. Амфоры и столовая посуда // Зинько В. Н. Тиритака: Раскоп XXVI. Том II: Археологические комплексы VI–V вв. до н. э. / При участии Буйских А. В., Глушек И., Каспарова А. К., Котина М. А., Русяевой А. С., Шевченко Т. Н. Симферополь-Керчь, 2014. С. 318–445.

Зинько В. Н. Тиритака: Раскоп XXVI. Том II: Археологические комплексы VI–V вв. до н. э. / При участии Буйских А. В., Глушек И., Каспарова А. К., Котина М. А., Русяевой А. С., ШевченкоТ.Н. Симферополь-Керчь, 2014. (Боспорские исследования. Supplementum ; [Т.] 11).

Марти Ю. Ю. Разведочные раскопки вне городских стен Тиритаки. // МИА Вып. 4: Археологические памятники Боспора и Херсонеса / Ред. Жебелев С. А., Гайдукевич В. Ф. М., Л. 1941. С. 4–36.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Институт истории материальной культуры АН СССР, Институт археологии АН СССР. М., Л., 1940 (1941)–1972 (1973).

Книпович Т.Н., Славин Л.М. Раскопки юго-западной части Тиритаки. // МИА Вып. 4: Археологические памятники Боспора и Херсонеса / Ред. Жебелев С. А., Гайдукевич В. Ф. М., Л. 1941. С. 37–60.

Петракова А.Е. Аттическая белофонная керамика в городах Северного Причерноморья: к вопросу о торговых контактах // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. СПб, 2011. С. 21–26.

Петракова А. Е. Чернофигурные аттические чаши из раскопок на острове Березань в собрании Эрмитажа: к вопросу о торговых контактах // ТГЭ [Т.] 88 : Перипл: от Борисфена до Боспора : Материалы юбилейных конференций. СПб., 2017. С. 49–64.

Петракова А.Е., Букина А.Г. Аттическая чернофигурная и чернолаковая керамика Тиритаки. Керчь-Симферополь, 2021.

Самар О. Ю. Аттическая расписная керамика архаического периода из раскопок Пантикапея 1945–2017гг. // Древнейший Пантикапей. От апойкии к городу / Авт.-сост. Толстиков В. П., Асташова Н. С., Ломтадзе Г. А., Самар О. Ю., Тугушева О. В. М., 2017. С. 165–198.

СГМИИ – Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М., 1960–.

Сидорова Н. А. Чернофигурная керамика из Пантикапея (раскопки 1959–1969) // СГМИИ Вып. 7. С. 71–110.

Сидорова Н. А. Чернофигурная керамика из раскопок Пантикапея, раскопки 1969–1984 гг. // СГМИИ Вып. 10 (1992). С. 204–233.

Скуднова В. М. Архаический некрополь Ольвии: публикация одной коллекции / Ред. Борисковская С. П. Л., 1988.

ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа. Л. –СПб., 1956.

Шмидт Р. В. Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритаки // МИА Вып. 25: Боспорские города. Ч. 1 : Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. М.–Л., 1952. С. 236–239.

Αβρονιδάκη Χρ., Σαμπετάι Β. Λευκά Πουλιά της Βοιωτίας Ηχάδιν Τιμητικός τόμος για τη Στέλλα Δρούγου Επιμέλεια Γιαννοπούλου Μ., Καλλίνη Χρ. Αθήνα, 2016. Σ. 6–50.

Τιβέριος Μ. Α. Ο Λυδός και το έργο του. Συμβολή στην έρευνα της αττικής μελανόμορφης αγγειογραφίας. Αθήναι, 1976. (Δημοσιεύματα του Αρχαιολογικού δελτίου ; αρ. 23).

Φριτζίλας Σ. Ο ζωγράφος του Θησέα : Η αττική αγγειογραφία στην εποχή της νεοσύστατης αθηναϊκής δημοκρατίας. Αθήνα, 2006. (Βιβλιοθήκη της εν Αθήναις Αρχαιολογικής Εταιρείας; αρ. 245).

AJA – The American Journal of Archaeology. Boston (MA), Archaeological Institute of America, 1885–1896 (The American Journal of Archaeology and of the History of the Fine Arts), 1897.

Alexandridou A.–F. Early sixth-century directional trade: The evidence of Attic early black-figured pottery: The contexts of painted pottery in the ancient Mediterranean world (seventh-fourth centuries BCE) / Ed. by Paléothodoros D. Oxford (UK), 2012. (BAR international series; [vol.] 2364). P. 5–20.

Algrain I. L'Alabastre attique: Origine, forme et usages. Bruxelles, [Paris], 2014. (Études d'archéologie. Vol. 7).

BAPD – Beazley Archive Pottery Database, https://www.beazley.ox.ac.uk/carc/pottery

Beazley J. D. Attic black-figure vase-painters. Oxford (UK), 1956.

Beazley J. D. Attic red-figure vase-painters / 2nd ed. Oxford, 1963–1968.

Beazley J. D. Paralipomena: Additions to Attic black-figure vase-painters and to Attic red-figure vase-painters. Oxford (UK), 1971.

Boardman J. Athenian black-figure vases: A handbook. London (UK), c1974.

Borgers O. The Theseus Painter: Style, shapes and iconography. Amsterdam, 2004. (Allard Pierson series Studies in ancient civilization; Vol. 16).

Burow J. Der Antimenesmaler. Mainz am Rhein, 1989. (Forschungen zur antiken Keramik: Kerameus ; Bd. 7).

Canaciani F., Neumann G. Lydos, Der Sklave? // Antike Kunst, Bd. 21 (1978). S. 17–22

Cardon C. Two omphalos phialai // JPGMJ Vol. 6/7 (1978/1979). P. 131–138.

Carpenter T. H., Mannack Th., Mendonça M. Beazley Addenda 2nd ed. Oxford (UK), 1989.

Cohen B. Six's technique black ground // The Colors of Clay: Special Techniques in Athenian Vases. Los Angeles, 2006. P. 72–104.

Drougou S. Der attische Psykter. (Beiträge zur Archäologie, 9). Würzburg: Konrad Triltsch, 1975.

Eisman M. M. New attributions of Attic kyathoi // AJA Vol. 77 (1973). P. 71–73.

Eisman M. M. Attic kyathos production //Archaeology Vol. 28 (1975). P. 76–82.

Eisman M. M. Attic kyathos painters: Thesis / University of Michigan. Ann Arbor (MI), c 1971.

Eisman M. The Nikosthenic workshop as the producer of Attic kyathoi: Summary of the paper: Seventy-first

General meeting of the Archaeological Institute of America // AJA Vol. 74 (1970). P. 193.
Frank S. Attische Kelchkratere: Eine Untersuchung zum Zusammenspiel von Gefassform und Bemalung. Frankfurt a. M., 1990. (Europäische Hochschulschriften: Archäologie; Bd. 24).
Gaifman M. The Greek libation bowl as embodied object // The embodied object in Classical art = Art History Vol. 41, no 3 [2018]. P. 444–465.
Grossman J. B. Six's technique at the Getty // Greek vases in The J. Paul Getty Museum. Vol. 5. Malibu (CA), 1991. P. 13–26.
Haspels C. H. E. Attic black-figure lekythoi. Paris, 1936.
Haspels C. H. E. A lekythos in Six's technique // Muse Vol. 3 (1969). P. 24–28.
Heinrich, F., Das Epinetron, Aspekte der weiblichen Lebenswelt im Spiegel eines Arbeitsgerats (Rahden, 2006).
Hofstetter E. Sirenen im archaischen und klassischen Griechenland. Würzburg, 1990.
JHS – The Journal of Hellenic Studies. Oxford (UK), 1880–.
JPGMJ – The J. Paul Getty Museum Journal. Malibu (CA), The J. Paul Getty Trust, 1975–1996.
LIMC – Lexicon iconographicum mythologiae classicae / La Fondation pour le Lexicon Iconographicum Mytho-logiae Classicae ; Comité de rédaction Boardman J. et al. Zürich, München, 1981–2009.
LIMC ID – Digital LIMC database. Universität Basel, LIMC Basel and DHLab. https://weblimc.org
Lissarrague F. Around the krater: An aspect of banquet imagery // Sympotica: A symposium on the symposion / Ed. by Murray O. Oxford (UK), New York (NY), 1990. P. 196–209.
Luke J. The krater, "kratos", and the polis // Greece and Rome vol. 41 (1994). P. 23–32.
Luschey H. Die Phiale. Bleicherode am Harz, 1939.
Lynch K. The symposium in context Pottery from a Late Archaic house near the Athenian Agora. Princeton (NJ), 2011a. (Hesperia. Supplement; [vol.] 46).
Lynch K. Depositional patterns and behavior in the Athenian Agora: When disaster strikes // Pottery in the archaeological record: Greece and beyond: Acts of the international colloquium / Ed. by Lawall M. L., Lund J. Aarhus, 2011b. (Gösta Enbom monographs; vol. 1). P. 58–74.
Lyons C. L. Nikosthenic pyxides between Etruria and Greece // Athenian Potters and Painters II. Oxford: Oxbow Books, 2009. P. 166–180.
Malagardis N. Skyphoi attiques a figures noires: Typologie et recherches: Ateliers et peintres. Athènes, 2017. (Βιβλιοθήκη της εν Αθήναις Αρχαιολογικής Εταιρείας; αρ. 313).
Madina Tonglet D. Le kyathos attique de Madame Teithurnai: Échanges artisanaux et interactions culturelles entre Grecs et Étrusques en Méditerranée archaïque. Études d'Archéologie 13. 2 vols. Centre de Recherches en Archéologie et Patrimoine, Brussels 2018.
Moore M. B., Lowenstam, S., Kenrick, P. M., Fuller, T., White, D. The extramural Sanctuary of Demeter and Persephone at Cyrene, Libya: Final reports. Philadelphia, 1987.
Moore M. B., Philippides M. Z. P. The Athenian Agora: Results of excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Vol. 23: Attic black-figured pottery / With coll. of D. von Bothmer. Princeton (NJ), 1986.
Morgan C. Attic fine pottery of the Archaic to Hellenistic periods in Phanagoria / Ed. by Tsetskhladze G. R. Leiden, Boston, 2004.
Ramage N. A Merrythought Cup from Sardis // AJA Vol. 87 (1983). P. 453–460.
Richter G., Milne M. Shapes and names of Athenian vases. New York (NY), 1935.
Roberts S. The Attic pyxis. Chicago (IL), 1978.
Schreiber T. Athenian vase construction: A potter's analysis. Malibu (CA), 1999.
Smith T. J. Athenian black-figure pottery from Berezan, in Борисфен – Березань: Археологическая коллекция Государственного Эрмитажа, vol. 2 (ТГЭ, vol. 54). Санкт-Петербург, 2010. С. 171–290.
Sparkes B. A., Talcott L. The Athenian Agora: Results of excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Vol. 12: Black and plain pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B. C. Princeton (NJ), 1970.
Six J. A rare vase-technique // JHS Vol. 30 (1888). P. 323–326.

The Colors of Clay: Special techniques in Athenian vases: Exhibition catalogue / Ed. By Cohen B.; The J. Paul Getty Museum. Los Angeles (CA), 2006.

Tosto V. The black-figure pottery signed ΝΙΚΟΣΘΕΝΕΣ ΕΠΟΙΕΣΕΝ. Amsterdam, 1999.

Trofimova A. (ed.) Greeks on the Black Sea: Ancient Art from the Hermitage, Los-Angeles, 2007.

Tsingarida A. À la santé des dieux et des hommes: la phiale, un vase à boire au banquet athénien? // Mètis № 7 (2009). P. 91–109.

Tsingarida A. Nikosthenes looking east? Phialai in Six's and polychrome Six's technique // Essays in Classical archaeology for Eleni Hatzivassiliou 1977–2007 Ed by Kurtz D. Oxford (UK), 2008. P. 105–114. (Studies in Classical Archaeology; vol. IV).

Tsingarida A. The Attic phiale in context: The Late Archaic red-figure and coral-red workshops // Athenian potters and painters III, Oxford. 2014. P. 265–272.

Ure A. D. Krokotos and White Heron // JHS Vol. 75 (1955). P. 90–103.

Wojcik M. R. Museo Claudio Faina di Orvieto: Ceramica attica a fiure nere. Perugia, 1989. (Catalogo regionale dei beni culturali dell'Umbria).

Zisa F. Ceramica ateniese a figure nere dal Museo Archeologico «P.Orsi» di Siracusa (Allemandi & Co.). Torino, 2007.

Резюме

Статья посвящена атрибуции фрагментов аттических чернофигурных ваз редких форм, происходящих из раскопок античного городища Тиритака (на территории современного города Керчь), проводившихся в 2002–2019 гг. Среди них был выявлен фрагмент киафа редкой разновидности с декором в виде пояска плюща по краю и с изображением единоборства Пелея и Фетиды на тулове; киаф может быть сопоставлен с киафом Лидоса-раба. Также были выявлены фрагменты четырех пиксид, в том числе – никосфеновского типа. Две сильно фрагментированные фиалы, расписанные в редкой технике Сикса, могут быть атрибутированы Мастеру Тезея. Пиксиды никосфеновского типа и фиалы-мезомфалы в технике Сикса ранее не выявляли в материалах раскопок Северного Причерноморья. Один фрагмент, несомненно, является частью так называемой «чаши с ручками-вилочками» – редкой разновидности аттической чернофигурной чаши для питья. Также в статье идет речь о фрагментах чаши на низкой ножке, напоминающей работы Мастера Никосии С 975, Мастера Тезея и группы пальметт из Камироса, о фрагментах чернофигурного диноса и редкого для чернофигурной техники чашевидного кратера, о фрагментах, которые могут быть частями мастоидов.

Ключевые слова: раскопки Тиритаки в 2002–2019 гг., чернофигурная аттическая керамика, аттическая керамика из Северного Причерноморья, киаф Лидоса-раба, чернофигурные аттические пиксиды, никосфеновские пиксиды, аттические фиалы, техника Сикса, «чаша с ручками-вилочками», аттический динос, аттический чернофигурный чашевидный кратер, аттические чернофигурные мастоиды.

Summary

The article deals with the problems of reconstruction and attribution of the fragments of the Athenian black-figure vases, excavated in ancient settlement Tyritake (in modern Kerch) in 2002–2019. Among the fragments there is a part of kyathos with a rare kind of painting with ivy-wreath along the ridge and Peleus fighting Thetis on the body; the kyathos can be compared with the kyathos by Lydos the Slave. Fragments of four pyxides of different kinds are studied, among them two fragments of the Nicosthenic pyxided. Two fragments belong to phialae decorated in

the Six's technique and attributed to the Theseus Painter. One cup fragment definitely belongs to a Merrythought cup, a rare kind of Athenian drinking-cups. Fragments of a stemless cup can be connected with the items, attributed to the Painter of Nicosia C 975, The Theseus Painter and The Group of Camiros Palmettes. There is a fragment of black-figure dinos and a fragment of a black-figure calyx-krater. Some fragments could be defined like parts of mastoids.

Key words: excavations of Tyritake in 2002–2019, Athenian black-figure, Attic pottery from the Northern Black Sea area, kyathos by Lydos the Slave, black-figure Athenian pyxides, Nicosthenic pyxis, Athenian phialae, the Six's technique, the Theseus Painter, the Merrythought cup, Athenian dinos, Athenian black-figure calyx-krater, Athenian black-figure mastoid.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Петракова Анна Евгеньевна,
доктор искусствоведения, доцент,
старший научный сотрудник,
Государственный Эрмитаж,
Отдел античного мира,
+7 (921) 307-68-74.
petrakova.anna@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Petrakova Anna,
Dr. Hab., associated professor,
Senior scientist,
The State Hermitage Museum,
The Department
of Ancient Greece and Rome,
+7 (921) 307-68-74.
petrakova.anna@gmail.com

Рис. 1: а – киаф из Тиритаки, реконструкция А.Г. Букиной; б – подписной киаф Лидосараба в собрании Виллы Джулия, воспроизводится по публикации: Canaciani, Neumann, 1978; в – фотография фрагмента киафа из Тиритаки; г – киаф с изображением единоборства Пелея и Фетиды в Бохуме, воспроизводится по публикации: CVA Bochum, Kunstsammlungen der Ruhr-Universität, fasc. 1, Taf. 45,1–3.

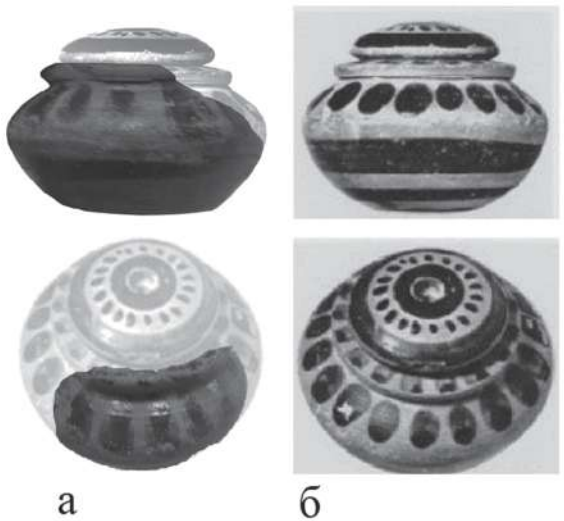


Рис. 2: а – пиксида из Тиритаки, реконструкция А.Г. Букиной; б – пиксида в Тюбингене, воспроизводится по публикации: CVA Tübingen, Antikensammlung des Archäologischen Instituts der Universität, fasc. 3, Taf. 52, 6–7.

Рис. 3: а – пиксида из Тиритаки, реконструкция А.Г. Букиной; б – пиксида в Эрлангене, воспроизводится по публикации: CVA Erlangen, Antikensammlung der Friedrich-Alexander-Universität, fasc. 2. Taf. 23,1–7.

Рис. 4: а – крышка пиксиды из Тиритаки, реконструкция А.Г. Букиной; б, д – пиксида с крышкой в Бохуме, воспроизводится по публикации: CVA Bochum, Kunstsammlungen der Ruhr-Universität, fasc. 1, Taf. 46,1–4; в – пиксида с крышкой во Флоренции, воспроизводится по публикации: Lyons 2009, fig. 4; г – крышка пиксиды в Орвьето, воспроизводится по публикации: CVA Orvieto, Museo Claudio Faina, fasc. 1, tav. 4,1–5; е – крышка пиксиды в Орвьето, воспроизводится по публикации: CVA Orvieto, Museo Claudio Faina 1, tav. 1,2.

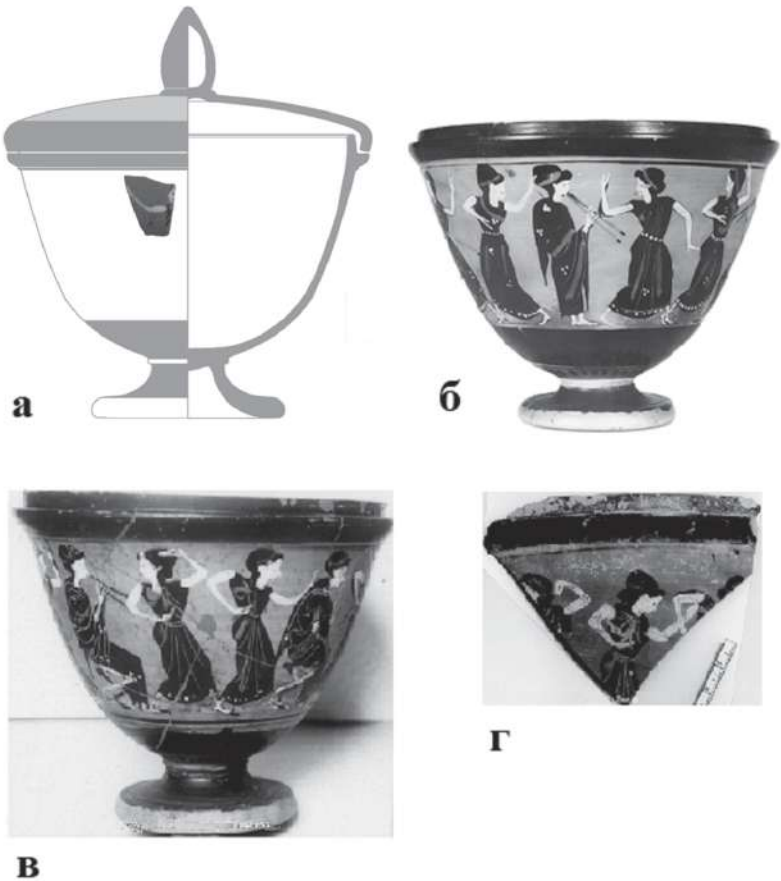


Рис. 5: а – пиксида из Тиритаки, реконструкция А.Г. Букиной; б – пиксида в Берлине, воспроизводится по публикации: Lyons, 2009, p. 173, fig. 8; в – пиксида в Орвьето, воспроизводится по фото в Архиве Бизли: BAPD 396337; г – фрагмент пиксиды из Марцаботто, воспроизводится по фото в Архиве Бизли: BAPD 352278.

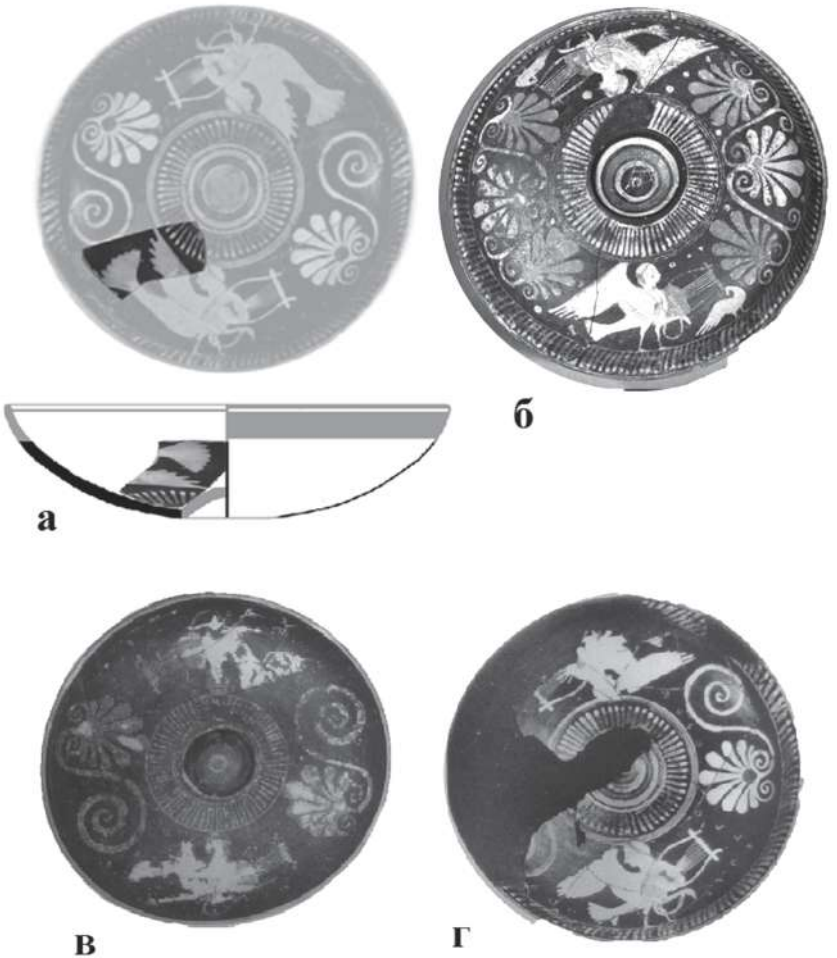


Рис. 6: а – фиала из Тиритаки, реконструкция А.Г. Букиной; б – фиала из собрания Британского музея, воспроизводится по фото в Архиве Бизли: BAPD 28968; в – фиала из раскопок Камироса, воспроизводится по публикации: Φριτζίλας 2006, πίν. 46, 176; г – фиала в Элевсине, воспроизводится по публикации: Φριτζίλας 2006, πίν. 46, 175.

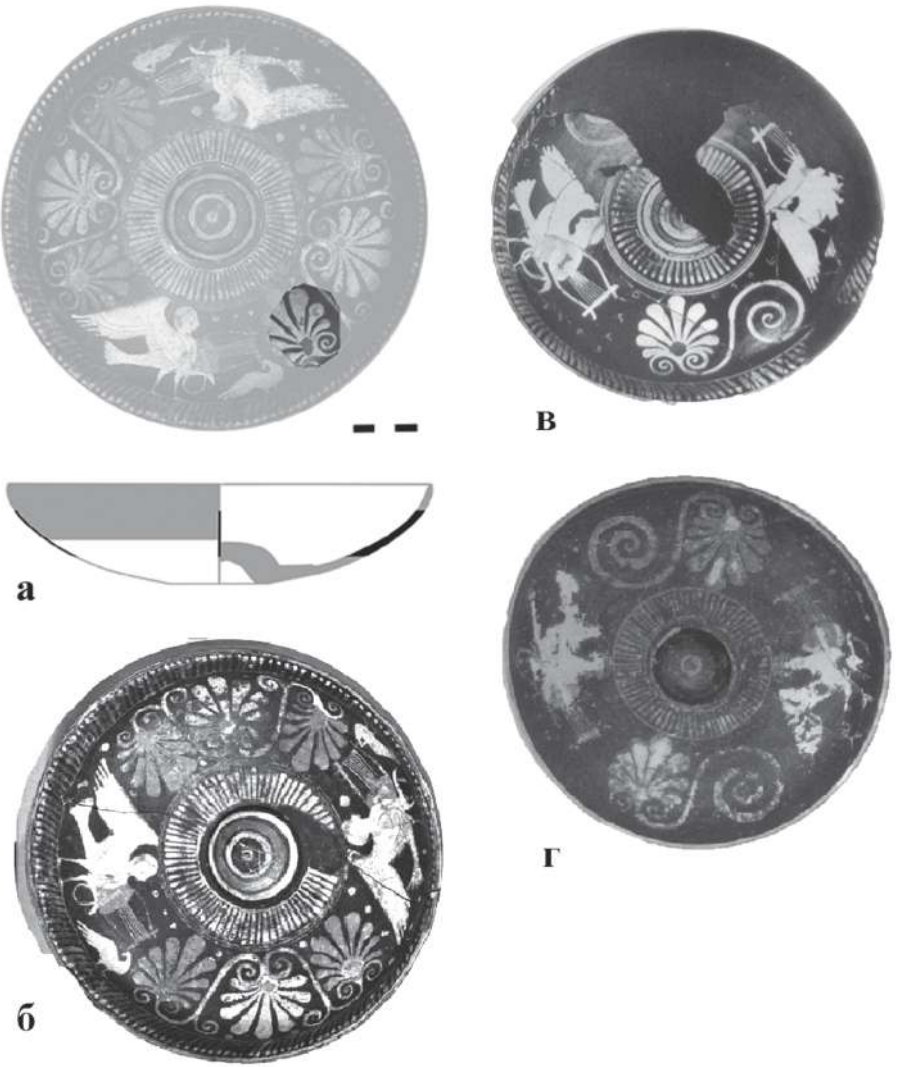


Рис. 7: а – фиала из Тиритаки, реконструкция А.Г. Букиной; б – фиала из собрания Британского музея, воспроизводится по фото в Архиве Бизли: BAPD 28968; в – фиала в Элевсине, воспроизводится по публикации: Φριτζίλας, 2006, πίν. 46, 175; г – фиала из раскопок Камироса, воспроизводится по публикации: Φριτζίλας, 2006, πίν. 46, 176.

а

б

в

г

Рис. 8: а – «чаша с ручками-вилочками» из Тиритаки, реконструкция А.Г. Букиной; б – две стороны «чаши с ручками-вилочками» в Берлине, воспроизводится по фотографиям в Архиве Бизли: BAPD 258; в – две стороны «чаши с ручками-вилочками» в Бостоне, воспроизводится по публикации: CVA Boston, Museum of Fine Arts, fasc. 2, pl. 88,1–5; г – «чаша с ручками-вилочками» из Сард, воспроизводится по публикации: Ramage, 1983, pl. 63, fig. A.

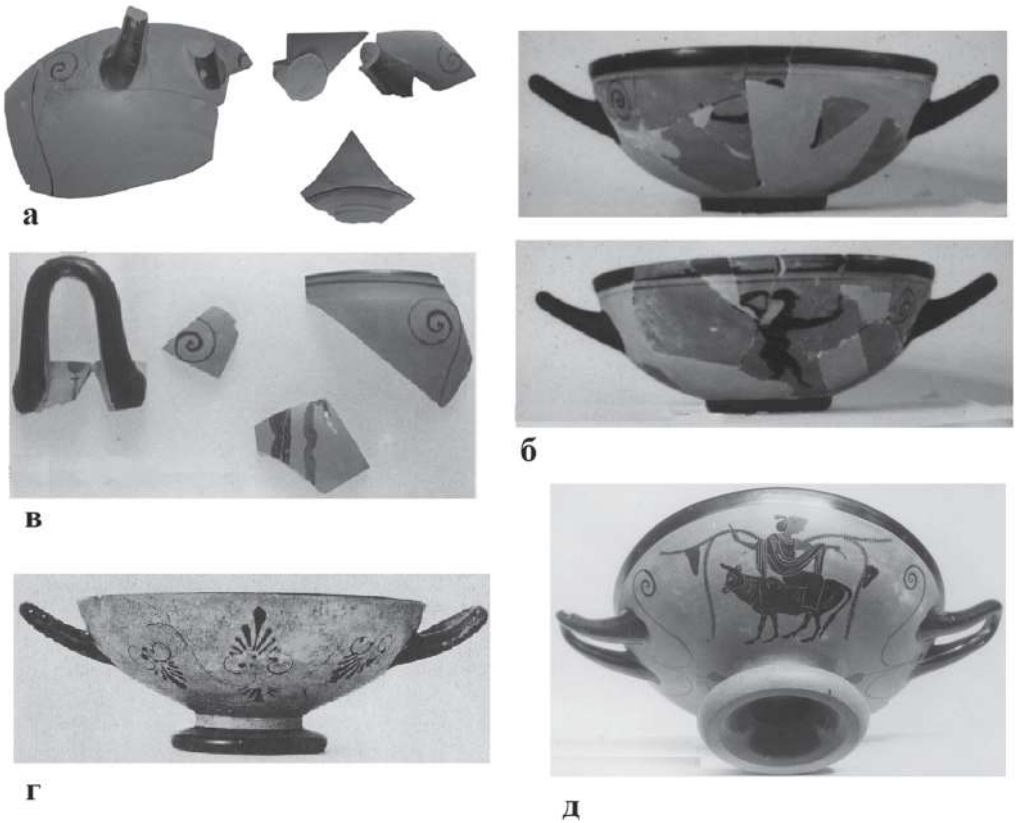


Рис. 9: а – фотография фрагментов чаши из Тиритаки; б – две стороны фрагментированной чаши в Музее агоры в Афинах, воспроизводится по фото в Архиве Бизли: BAPD 330713; в – фрагменты чаши из находок на агоре в Афинах, воспроизводится по публикации: Moore, Philippides 1986, pl. 117, cat. 1825; г – чаша в Риме, воспроизводится по публикации: CVA Roma, Musei Capitolini, fasc. 1, tav. 42,4; д – чаша в Никосии, воспроизводится по фото в Архиве Бизли: BAPD 340241.

Рис. 10: а – чашевидный кратер из Тиритаки, реконструкция А.Г. Букиной; б – чашевидный кратер в собрании Лувра, воспроизводится по публикации: CVA Paris, Louvre fasc.2, pl. 7,3-4; в – чашевидный кратер из Сиракуз, воспроизводится по публикации: Zisa, 2007, cat. 12; г – чашевидный кратер в Брюсселе, воспроизводится по публикации: CVA Brussels, fasc, 2, pl. 17,2a-d.

Рис. 11: а – динос из Тиритаки, реконструкция А.Г. Букиной; б – динос с подписью Софилоса в Британском музее, воспроизводится по фото в Архиве Бизли: BAPD 350099.

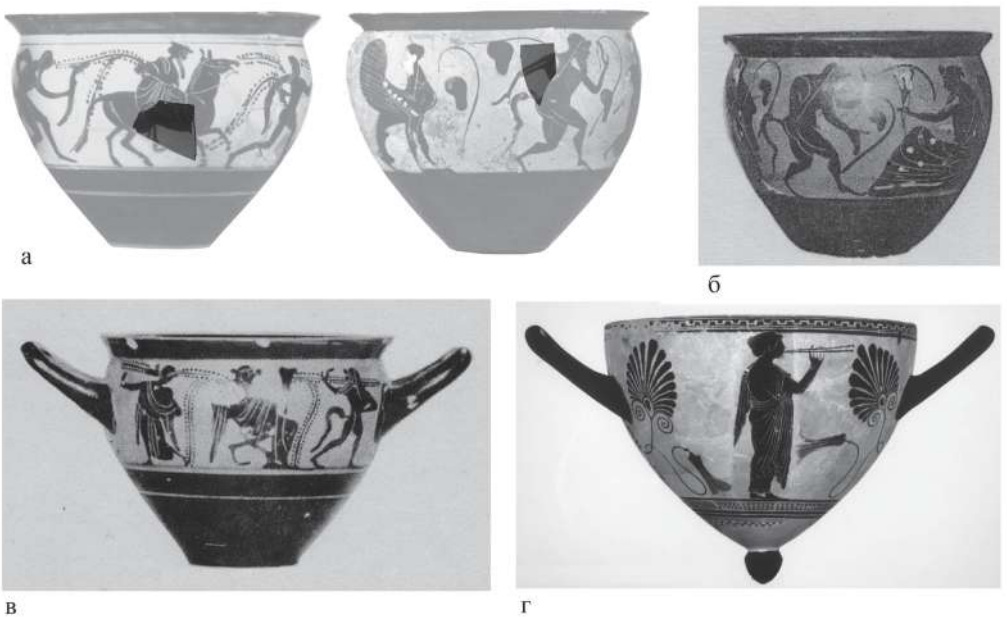


Рис. 12: а – мастоиды из Тиритаки, реконструкция А.Г. Букиной; б – мастоид в Голухуве, воспроизводится по публикации: CVA, Goluchow, Musee Czartoryski, pl. 15,1; в – мастоид в Праге, воспроизводится по публикации: CVA Prague, fasc. 1, pl. 38,3–5; г – мастос в Малибу, воспроизводится по фотографии в Архиве Бизли: BAPD 4523.

Н.И. СУДАРЕВ, А.В. ПОРОТОВ, Г.П. ГАРБУЗОВ
N.I. SUDAREV, A.V. POROTOV, G.P. GARBUZOV

К ВОПРОСУ О ДРЕВНИХ ДОРОГАХ И ПЕРЕПРАВАХ ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА
ON THE QUESTION OF ANCIENT ROADS AND CROSSINGS OF THE SOUTHERN PART OF THE TAMAN PENINSULA

При изучении системы расселения древних сообществ, торговли, причин возвышения и расцвета или наоборот опустения и падения тех или иных городов и даже государств одним из важнейших является вопрос изучения путей и дорог, их пронизывающих, путей, связывающих их с внешним миром (Паромов, 1998. С. 216 – 225; Сударев, 2017. С. 525 – 535; Сударев, Поротов, Гарбузов, 2018. С. 485 – 494; Sudarev et al., 2021. S. 44 – 46). По древним путям и дорогам шли кочевые народы, двигались торговые караваны, маршировали войска. По ним же люди ездили друг к другу в гости, выбирали себе невест, ездили на рынок и т.д.

Древние дороги хорошо видны на аэрофотоснимках и современных космоснимках (Гарбузов, 2020. С. 57 – 72; Гарбузов Г. П., Сударев, 2015. С. 136 – 142). Глядя на современные космоснимки, а также на аэрофотосъемку, мы замечаем некие полосы, отличающиеся по цвету, которые пересекают Таманский полуостров в различных направлениях (рис. 2)[1]. Они могут идти прямо, огибать какие-то естественные преграды, возвышенности. На каких-то участках они пересекаются, образуя перекрестки (рис.3-4), где-то две полосы сливаются в одну, более широкую. На отдельных участках они прерываются и их не видно, однако если проследить направление, то мы видим их продолжение.

По большей части это были грунтовые дороги, как правило, без какого-то ни было мощения. Более всего они напоминают шляхи (от немецкого slag – утоптанная дорога) – степные дороги, которые существовали вплоть до недавнего времени. По ним шли кочевники, перегонялись стада, проходили торговые пути. Они существовали столетия, а многие даже тысячелетия. За время существования таких путей выбирались оптимальные с природно-географической точки зрения участки. Некоторые из шляхов функционировали круглогодично, некоторые были сезонными. Постепенно почва на этих путях утаптывалась, становясь твердой, как камень, растительность практически не росла. Когда такие дороги переставали действовать, то растительность на них еще многие годы не росла. Их можно сравнить с глубокими шрамами на теле Земли. Распахать их было очень тяжело из-за сильной утоптанности. Многие из

[1] Рис. 2. Перекресток основной дороги, ведущей с востока на запад, к Южной переправе, и дороги, ведущей от Фанагории на юг в р-не поселения Виноградный-7. Аэрофотосъемка 1958 г.

таких дорог и сейчас видны на местности – либо в виде ложбин, напоминающих небольшие овраги (Гарбузов, 2020. С. 57 – 76; 2021, с. 78), либо в виде широких полос, на которых растительность отличается по цвету. По этим ложбинам стекала вода и скапливался гумус, поэтому обычно они видны как более темные полосы, но иногда наоборот, как более светлые.

Однако все долго действующие дороги выглядят приблизительно одинаково. И как нам понять, к какой эпохе они относятся? И тут нам помогают данные археологии. Если мы возьмем археологическую карту Таманского полуострова, то мы увидим, что вдоль многих дорог расположены цепочки курганов (рис. 1). Наиболее известной является т.н. «Аллея курганов», расположенная к югу от городища Фанагория и даже отмеченная на картах как «Урочище Археологическое» (рис. 5)[2]. Казалось бы, все очень просто – «Аллея курганов» ведет к известнейшему древнегреческому городу, значит, и возникла она в античное время. Однако раскопки, проводившиеся на этой цепочке курганов, показали, что многие курганы были построены значительно раньше – еще в эпоху среднего бронзового века (2000 – 1600 гг. до н. э.), а возможно, и еще ранее (3500 – 2000 гг. до н.э.) (Иванов, Сударев, 2012. С. 192 – 197; Сударев, Поротов, Гарбузов, 2018. С. 485 – 494; Sudarev et al., 2021. S. 44 – 45). В более поздние эпохи на свободных местах строились новые курганы, а в уже имевшихся устраивались новые погребения, насыпи досыпались, достраивались, пока не приобрели тот вид, который они имеют сейчас[3]. Такую же историю имеют и другие цепочки курганов, ведущие к Фанагории. Иными словами, Фанагория возникла на месте, к которому с разных направлений подходило несколько дорог, которые были отмечены расположенными вдоль них цепочками курганов. Причем возникли эти дороги значительно раньше, чем на этой территории появились греки. Но, может быть, такая ситуация только в окрестностях Фанагории? Как показали исследования, точно такая же ситуация и в районе Кеп, Гермонассы и т.д. (Sudarev et al., 2021. S. 44 – 45).

Из этого мы можем сделать вполне обоснованный вывод, что система дорог Таманского полуострова в своей основе сформировалась еще в эпоху среднего бронзового века, а кое-где и ранее. И просуществовала она вплоть до появления на данной территории греческих колонистов. Дороги продолжали существовать и в то время, когда здесь жили греки, а в большинстве случаев и позже, вплоть до настоящего времени (Sudarev et al., 2021. S. 44 – 45).

Тысячелетиями люди выбирали для своих дорог и путей оптимальные участки. Они вели к наиболее удобным переправам через водные преграды, обходили балки, шли по наиболее сухим местам, где в то же время были источники питьевой воды

---

[2]Рис. 5. Древняя дорога «Аллея курганов». Аэрофотосъемка 1958 г.

[3]Точнее имели до того времени, когда их стали массово исследовать (с начала XIXв.). В последние годы с развитием тяжелой сельскохозяйственной техники многие курганы сильно разрушаются в связи с распашкой. Проведенный нами анализ показал, что многие курганы, отмеченные на картах XIX – XX веков, в настоящее время исчезли или потеряли в высоту от 1 до 3 метров.

(Сударев, Поротов, Гарбузов, 2018. С. 485 – 494; Поротов, Сударев, Гарбузов 2020. С. 318 – 323). На этих дорогах были колодцы, к которым эти дороги вели. В районе источников питьевой воды возникали перекрестки древних дорог, там появлялись торжища, святилища и т.д.

Однако современная деятельность человека и изменившиеся природные условия приводят к тому, что не на всех участках мы можем проследить эти дороги. Появились новые балки, исчезли источники питьевой воды. Колебания уровня моря привели к тому, что исчезали под водой те или иные участки дорог, дороги становились непроходимыми. И в настоящее время восстановление системы древних дорог, понимание логики их прокладки невозможны без тесного взаимодействия историков, археологов с палеогеографами, палеоклиматологами и т.д. А без этого невозможно и понять логику системы расселения древних сообществ. Все это в полной мере относится и к периодам накануне и во время греческой колонизации.

В последние годы в связи с развернувшимися на территории Анапского района и Таманского полуострова большими разведочными работами и раскопками мы получили большое количество нового материала, который позволяет уточнить некоторые детали и переосмыслить известные некоторые материалы (Sudarev et al., 2021).

Остановимся на системе дорог южной части Азиатского Боспора[4], под которой мы понимаем южную часть Таманского полуострова и регион окрестностей Анапы. Одним из важнейших направлений – путей Таманского полуострова является дорога, пересекающая южную часть полуострова с запада на восток (рис. 1). Данное направление начало осваиваться еще в эпоху раннего бронзового века, интенсивно использовалось в эпоху среднего бронзового века. В эпоху поздней бронзы и вплоть до начала греческой колонизации на всем протяжении этого пути располагались многочисленные поселения и совершались захоронения в курганах (Паромов, Гей, 2005. Иванов, Сударев, 2012.). В период Античности данное направление не только не потеряло своего значения, но даже стало основной трассой, пересекающей весь Боспор с запада на восток. Остановимся на этом подробнее.

На территории Керченского полуострова, к югу от столицы Боспорского государства – Пантикапея, расположен знаменитейший курганный некрополь Юз-Оба. Он начинается от двух мысов – Паловского и Ак-Бурунского и тянется на запад на десятки километров (Бутягин А. М., Виноградов, 2014). В этом некрополе похоронены представители высшей знати Боспора, представители царской фамилии и лучших семей Пантикапея. Этот курганный некрополь располагался вдоль дороги, ведущей в сторону Южной Переправы через Керченский пролив. От Пантикапея, в сторону этой же переправы, мы видим еще несколько цепочек курганов, также ведущих к этой переправе. Уже на основании только этих данных мы можем пред-

[4] Северной части, Фанталовскому полуострову и Северной переправе мы собираемся посвятить отдельную работу.

положить большое, если не основное значение Южного перехода через Керченский пролив для жизни Боспорского государства (Федосеев, 1999).

И действительно, на таманской стороне Боспорского государства мы видим продолжение этого пути. На этом пути знаменитые Тузлинские курганы, копавшиеся с начала XIX века и давшие замечательные находки (Кашаев, 2013). Несколько восточнее, на гряде, идущей по южной части Таманского полуострова, мы видим знаменитые курганы: Васюринский, Большая и Малая Близницы, Буерова Могила (Баюр Гора)… По мнению многих исследователей, к которым принадлежим и мы, в этих курганах также захоронены представители высшей аристократии Боспора, а возможно, и представители царской фамилии.

Южное направление состоит из нескольких дорог, наиболее значительной из которых, несомненно, является центральная (рис.1, 6). Именно вдоль нее расположены наиболее значительные курганы Таманского полуострова (Сударев, 2017). И именно на ней находится множество догреческих поселений, на которых мы видим остатки каменного домостроения, целые улицы, колодцы и т.д. (Кияшко и др., 2016). В античное время на этой дороге (рис. 6) располагались крупные поселения и некрополи Виноградный-7, Сенной-2, Вышестеблиевская-14 и др. (Sudarev et al., 2021). Эта дорога сохраняла свое значение и позже, вдоль нее расположено множество раннесредневековых поселений и поселений времен Тмутараканского княжества. Дорога начинается от мыса Тузла, идет к Гермонассе (Тамань) и далее уходит чуть южнее по северному склону и водоразделу Карабетовой гряды, которая пересекает всю северную часть Таманского полуострова с запада на восток. Очень вероятно, что одно из ответвлений проходило южнее, через очень крупное поселение Тамань-1 (х. Кротенко, Пятиколодезный) и далее в нескольких сотнях метров к северу от еще одного древнего города (пос. Волна-1) (Sudarev et al., 2021), после чего, немного смещаясь к северо-востоку, сливалось с основной трассой. В пользу этого говорят цепочки курганов и поселений, расположенных на этой части трассы.

Не доходя до станицы Старотитаровской, эта центральная дорога распадается на несколько дорог, которые ведут к переправам через пойму и русло старой Кубани (рис. 3,4). Параллельно этой центральной и основной трассе существовали еще две дороги, которые, начинаясь у м. Тузла, шли параллельно главной с юга и севера и выходили к тем же переправам. На различных участках между этими дорогами были промежуточные дороги, которые их соединяли (рис.2, 6) . Обе эти дороги также возникли в эпоху бронзы. Однако северная дорога, судя по величине курганов и отсутствию на ней поселений эпохи бронзы, видимо, в то время имела вспомогательное значение. Связано это было, вероятно, с тем, что на отрезке между Таманью и Сенным ее пересекают несколько довольно глубоких балок, которые затрудняли движение кочевников. В античное время эта дорога соединяла крупнейшие города Азиатского Боспора – Фанагорию и Гермонассу и выводила к м. Тузла и переправе. Но и в это время она не была основной трассой.

Большее значение из этих двух дорог-«дублеров» явно имела южная. Она от м.Тузла уходила к югу, в сторону упомянутых выше поселений Тамань-1 и Волна-1, далее в районе пос. Волна-1 она раздваивалась, проходила по северному склону гряды Зеленского, выходила на северо-восточный берег лимана Цокур и далее по долине между Васюринским курганом и Близницами шла в сторону Фанагории, образуя с центральной дорогой перекресток в районе крупного древнего пос. Виноградный-7. (Сударев, 2017). Перекресток, поселение и некрополь на этом месте возникли впервые еще в эпоху бронзы. В V – III вв. до н.э. это поселение и некрополь переживают расцвет, существуют вплоть до II – III вв. н.э. Полностью жизнь не замирает на этом месте и позднее, вплоть до VIII – XI вв., когда поселение и некрополь вновь разрастаются и переживают новый расцвет. У этой, южной дороги есть и еще одно ответвление – в районе пос. Виноградный она уходит к востоку в сторону ст. Вышестеблиевская и далее – в сторону ст. Старотитаровская, где, соединяясь с остальными дорогами, она также идет к переправам через долину Кубани (рис. 4).

Как мы уже отметили выше, чуть западнее ст. Старотитаровская эти дороги, соединившись, вновь распадаются и идут далее в трех направлениях в сторону поймы Кубани. Северная проходит к северу от Старотитаровского и к югу от Ахтанизовского лиманов в сторону урочища Дубовый Рынок. Она четко прослеживается до крупного поселения Старотитаровская-14, расположенного на берегу Ахтанизовского лимана, где и заканчивается. Значительно важнее две южные дороги, которые выводят нас прямо к древнему руслу Кубани в районе:

1. пос. Стрелка-1 (восточнее совр. пос. Стрелка),
2. Белый-1, Белый юго-восточный, Белый восточный (восточнее х. Белый),
3. в районе 3-го отделения совхоза Радуга (пос. Старотитаровская-5, Старотитаровская-16 и поселение Радуга), восточнее и северо-западнее горы Гирляная.

Далее, на противоположной стороне Кубани, мы видим несколько пологих подъемов, по которым можно было подняться от поймы Кубани. Наиболее удобные подъемы расположены в устьях:

1. Уташской (западнее пос. Уташ) балки,
2. Михайловской (совр. пос. Джигинка) балки,
3. и к северо-востоку от пос. Джигинка.

Самое короткое расстояние (между пос. Белое юго-восточное и устьем Михайловской балки) совпадает с трассой современной железной дороги и составляет менее 4-х км (рис. 1). В районе всех этих возможных подъемов расположены крупные укрепленные городища, от них тянутся линии дорог в сторону Горгиппии, перевалов и предгорьев Кавказа, а также в сторону левобережья Кубани. Вдоль этих путей также находятся курганные группы, которые предполагают высочайший статус людей, в них похороненных. Датируются эти поселения от эпохи позднего бронзового века. Античные поселения возникают во второй половине VI в. до н.э.

Говоря о путях и трактах, ведущих в Синдику, нельзя не упомянуть и еще об

одном. Безусловно, в числе одного из важнейших путей, проходящих по южной части Таманского полуострова, был путь из Анапского региона по Бугазской косе по направлению к косе Тузла и далее к Южной переправе через Керченский пролив. Эта дорога использовалась еще в первой половине XX века и вела с одной стороны в сторону Горгиппии (Анапы) и Предкавказья, а другим ответвлением – в сторону левобережной Кубани. На этой дороге расположены поселения, курганы и клады начиная с эпохи ранней бронзы и (с перерывами) вплоть до средневекового времени. Но чрезвычайно активно она использовалась в период накануне греческой колонизации и в течение всего античного периода (Sudarev et al., 2021). В это время она, видимо, была главным путем из Синдики. По крайней мере, картографирование памятников этого времени показывает нам, что именно по ней шла основная коммуникация между синдским населением Анапского региона и населением южной части Тамани (Мимоход и др., 2019). На Таманском полуострове она начиналась в местах, где полуостров соединяется с косами Бугазская и Голенькая, далее шла в западном и северо-западном направлении. На месте, где к полуострову подходит коса Голенькая и есть удобный подъем, расположено недавно исследованное В. Басовым и А. Плотниковым крупное поселение Веселовка-24, наиболее ранние материалы которого датируются в пределах второй половины VI в. до н.э.[5] На месте соединения Бугазской косы с полуостровом расположен целый куст поселений и курганов Веселовка-2, 5, 6, 7 и т.д., которые датируются от VI в. до н.э. до позднего Средневековья. Далее, через пересыпь, отделяющую озеро Соленое от моря, расположены крупные памятники Артющенко-1 и 2, на которых зафиксированы материалы от эпохи поздней бронзы и архаического времени до Средневековья (Кашаев, Сударев, 2021).

Одно из ответвлений этого пути шло в сторону древней Гермонассы и хорошо прослеживается по вытянутой цепочке курганов. В районе крупного поселения Западно-Цукурский (Таманский-3) к западу от лимана Цокур она образует перекресток с южной дорогой Южного пути (см. выше). Данное поселение датируется начиная с 3 четверти VI в. до н.э. Приблизительно там же, у лимана Цокур, был расположен и знаменитый курган, давший одно из самых ранних погребений с античным импортом на Таманском полуострове (Вахтина, 1993; Рябкова, Вахтина, 2020). В этом же районе известны и находки эпохи поздней бронзы (Паромов, Гей, 2005).

Другое ответвление идет в сторону горы Зеленская и, проходя по удобному переходу к востоку от нее, сливается с той же дорогой в сторону Южной (Тузлинской) переправы. Следует отметить, что вдоль южного склона гряды г.Зеленского – г. Круглой[6] между этими дорогами раскинулось обширное поселение эпохи поздней бронзы – раннего железного века.

Если обобщить сказанное, то можно утверждать, что все основные дороги Южной

---

[5] Материалы работ готовятся к публикации. Благодарю авторов за возможность ознакомиться с результатами работ.

[6] Иначе говоря, закрытое от северных ветров.

части Таманского полуострова были частью транзитных путей из Прикубанья и Предкавказья к Керченскому проливу и переправе через него (рис. 1).

Предлагаю заострить на этом внимание. По мнению большинства исследователей, около 4000 лет до н.э. Таманский полуостров представлял собой морской архипелаг, состоящий из нескольких островов: Таманского, Голубицкого, Кандаура (Темрюкско-Курчанский) и Благовещенского (Поротов и др, 2020). Возможно, отдельным островом или частью Благовещенского острова являлась банка Марии Магдалины, которая сейчас расположена в 5,5 км к северо-западу от северной оконечности Благовещенского останца и глубины, на которой начинаются от 1 – 1,5 м. Дельта р. Кубань в это время находилась значительно восточнее, практически в районе г. Краснодара. Постепенно дельта Кубани выдвигалась к западу, одновременно в связи с морскими течениями, размыванием берегов и выносами песка и ракушки и т.д. вокруг Таманского архипелага формировались береговые валы, бары, переймы, томболо, косы и пересыпи.[7] К 2000 г. до н.э. дельта Кубани уже доходила до поселка Красный Октябрь на восточной оконечности Темрюкско-Курчанской гряды. Начали формироваться косы и томболо по краям Голубицкого и Благовещенского останцов, в основном сформировалась Анапская пересыпь между Анапой и пос. Веселовка в юго-восточной части Таманского полуострова. Однако современная пойма Кубани между Благовещенским и Голубицким останцами представляла собой мелководную морскую лагуну с выходами как в Черное, так и в Азовское море. А Таманский полуостров являлся, таким образом, полноценным островом, со всех сторон окруженным морской водой. Ширина водного зеркала между таманским и анапским берегами достигала 4 – 8 км, а глубина доходила до 2-х и более метров.

Ряд исследователей считает, что еще в первом тысячелетии до н.э., вплоть до начала греческой колонизации, по этому маршруту между Черным и Азовским морями было возможно морское судоходство (Журавлев и др., 2009; 2010; 2011; 2015; Журавлев, Кельтербаум, Шлотцауер, 2010; Журавлев, Шлотцауер, 2011; 2014; Schlotzhauer, Zhuravlev, 2014; Кельтербаум, Журавлев, Шлотцауер, 2016.). Более того, в своих работах они называют его то «Кубанским», то «Синдским» Боспором, ставя знак равенства между Боспором Киммерийским (совр. Керченским проливом) и «Боспором Кубанским» (Dan et al., 2016, 2020). Однако этому утверждению противоречат как данные археологии, так и данные геоморфологии.

Наиболее ранние поселения и курганы на Таманском полуострове появляются в IV – III тысячелетии до н.э. Уже во второй половине четвертого – начале третьего тысячелетия до н.э. на территории Таманского полуострова появляются курганы и поселения майкопской культуры. Данная культура относится к числу подвижно-оседлых раннеземледельческих. Нам известна серия памятников и поселений этого

[7] Все это различные аккумулятивные формы рельефа, образовывающиеся из выносов рек, осаждения речных и морских наносов, прибойных и морских потоков и т.д.

времени в Анапском и Крымском районах. На территории южной части Таманского полуострова в настоящее время достоверно известно о трех поселениях майкопской культуры (южнее м. Тузла, в верховьях Балки Лисовицкого и Старотитаровское-19) (Коренеский, 2020), однако, вероятно, их было больше[8]. Большинство известных курганов майкопской культуры также расположены в этой части Таманского полуострова, в районе южной и центральной дорог Южного пути через Таманский полуостров. Более того, на отдельных участках мы уверенно можем говорить о цепочках курганов и связанных с ними дорогах. Однако известны курганы и поселение(?) этого времени и в Северной части Таманского полуострова (Паромов, Гей, 2005).

Еще более активное освоение Таманского полуострова приходится на середину III – начало II тысячелетия до н.э. и связано с представителями племен катакомбной культуры (Паромов, Гей, 2005). Эта культура распространена по всему Северному Причерноморью и Предкавказью, однако имеет ряд локальных вариантов. В это время система дорог и связанных с ними курганных групп получает в своей основе тот вид, который мы наблюдаем потом на протяжении тысячелетий, вплоть до появления на данной территории черноморского казачества (Паромов, 1999).

Отметим еще одну деталь. Несмотря на то, что система путей, направлений и дорог формируется уже в это время, мы видим следы постоянных контактов, перемещений и проникновения на Таманский полуостров со стороны Прикубанья и Предкавказья (Кореневский, 2016) и в то же время такие связи с Керченским полуостровом и Крымом пока либо не прослеживаются, либо носят спорадический характер. В настоящее время на Керченском полуострове и в Крыму не известны памятники майкопской культуры (хотя следы контактов, видимо, имеются) (Тощев, 2007). Памятники катакомбной культуры в Крыму есть, но они в большей степени группируются в северной, центральной и западной частях полуострова и связаны в первую очередь с проникновением носителей т.н. «ингульского» варианта этой культуры через Перекоп (Тощев, 2007) Прослеживаются направления и в сторону Керченского пролива, однако, по мнению исследователей, преобладали внутренние связи между различными группами, проживающими в Крыму.

Это очень важный момент, на котором хотелось бы заострить внимание. Если для племен майкопской культуры, для которых свойственно подвижно-оседлое ведение хозяйства, возможно периодическое проникновение населения на Таманский полуостров и дальнейшая жизнь в замкнутом полуизолированном пространстве, то для кочевников катакомбной культуры предполагается возможность сезонных перекочевок на довольно большие расстояния. В случае отсутствия такой возможности происходит их частичное оседание на землю, что мы и наблюдаем в Восточном Крыму, но абсолютно не видим на Таманском полуострове. Если мы предполагаем,

[8] Все это различные аккумулятивные формы рельефа, образовывающиеся из выносов рек, осаждения речных и морских наносов, прибойных и морских потоков и т.д.

что Таманский полуостров в эпоху бронзы представлял собой остров, со всех сторон окруженный водой, то возникает естественный вопрос: а как же на эту территорию проникало население? Казалось бы, ответ на поверхности: естественно, зимой, по льду. Однако обратимся к данным палеоклиматологии. Даже сейчас средние температуры в Анапско-Таманском регионе зимой плюсовые. Безусловно, бывают и минусовые температуры, при которых вода в лиманах и Керченском проливе замерзает. Стоит помнить, что морская соленая вода замерзает при более холодной температуре, чем пресная (приблизительно при 2 градусах ниже нуля), лед образуется более пористый и быстрее тает. И сейчас Керченский пролив замерзает не каждый год и то только в северной части. В южной части, южнее косы Тузла, он замерзает только в исключительно суровые зимы. При этом из-за частых зимних оттепелей ледовый покров на нем нестабилен и за зиму он может покрыться льдом и освободиться от него не один раз.

Такая ситуация в Керченском проливе сейчас. А по данным палеоклиматологии, средние температуры в эпоху раннего и среднего бронзового века были значительно более высокие (Bolikhovskaya et al. 2018). Относительное похолодание (то есть температуры были приблизительно как сейчас) наблюдалось в периоды между 2660 – 2400 гг. до н.э., 1430 – 910 гг. до н.э., 460 – 770, 1420 – 1695гг. Иными словами, Керченский пролив и пролив на месте современной поймы Кубани замерзали на непродолжительное время и не каждый год. А в значительные периоды, когда общие температуры были больше, чем сейчас, его замерзание было чем-то экстраординарным или как минимум не регулярным. В такой ситуации мы можем предполагать спорадическое проникновение на данную территорию отдельных групп населения и их дальнейшее существование если и не в полной, то в значительной изоляции. Более того, если полагать, что проникновение на Таманский полуостров происходило нерегулярно и исключительно по льду, то логично было бы предположить, что проникновение шло с двух сторон – со стороны Анапского региона и со стороны Восточного Крыма. Отметим, что нынешнее расстояние через пойму Кубани (древний «пролив») составляет минимум 3,7 км в районе переправы «Белый-Джигинка» и минимум 5,5 км в районе переправы «Стрелка-Джигинка». Предполагаемая переправа «Стрелка-Темрюк» составляет более 8,5 км. Переправа через Керченский пролив составляет от 4,5 до 3,5 км, причем в древности это расстояние, вероятно, было еще меньше. Исходя из имеющихся данных, более вероятным представляется переход по льду с Керченского полуострова на Таманский, нежели из Анапского региона на Тамань. Однако археологические данные нам демонстрируют прямо противоположное. Исходя из имеющихся археологических данных, мы можем уверенно говорить о коммуникации между Таманским и Анапским регионами и лишь об эпизодических связях между Таманью и Крымом. Более того, нерегулярная и сравнительно кратковременная возможность коммуникации по льду не объясняет возникновение обширной и разветвленной сети путей и дорог на Таманском полуострове.

Видимо, необходимо искать причину этого несоответствия и возможности иных путей коммуникации между Таманским и Анапским регионами. И здесь нам дают объяснение данные геоморфологии.

При столкновении разнонаправленных течений происходит возникновение разнообразных аккумулятивных образований. При столкновении течений Черного и Азовского морей происходит образование кос, которые идут как от Керченского полуострова, так и от Таманского. Со стороны Таманского полуострова мы видим косы Чушка (северная коса) и Тузла (южная коса). Со стороны Керченского полуострова мы видим Камыш-Бурунскую косу. По мнению палеогеографов, в древности их направление и расположение было несколько иным и связано это было с общим повышением уровня Мирового океана. Но, несмотря на некоторые отклонения, переправы в районе м. Фонарь, Ак-Бурун и Камыш-Бурун, видимо, существовали. При этом глубина Керченского пролива в настоящее время достигает 18 м. Хотя и в древности она была достаточно большой, чтобы исключить возможность коммуникации иным способом, кроме как по льду (или на лодках и кораблях).

Такие же и даже более сложные и интенсивные процессы происходили и в районе современной поймы Кубани. С одной стороны происходило столкновение течений между Азовским и Черным морями, с другой стороны эти течения сталкивались с мощными выносами Кубани. Видимо, наиболее ранние аккумулятивные образования появились в устьях рек Анапка и Гостагайка, в результате чего сформировалась Анапская Пересыпь, включающая Джеметинскую и Витязевскую косы вплоть до Благовещенского останца. Возможно, чуть позднее формируется пересыпь, соединяющая Благовещенский останец (и остров Марии Магдалины) с Таманским полуостровом[9]. В то же время в той или иной мере параллельно формируются и внутренние томболо, соединяющие Благовещенский останец с материком – между современной станицей Благовещенской и пос. Суворово-Черкесским на юге и косой Голенькой на севере. В периоды, когда коса между Благовещенским останцом и полуостровом Веселовка (Янтарь) размывалась или прорывалась, неизбежно должны были формироваться переймы между горой Гирланная на Таманском полуострове и Уташской Балкой, а также мысом восточнее х. Белый и Джигинкой. При изменениях водного режима и подъемов уровня моря одни переймы могли отмирать, а другие – наоборот формироваться. Аналогичная ситуация должна была происходить и с северной стороны Таманского полуострова между островом Голубицкий, Темрюкско-Курчанской грядой и пос. Пересыпь. А в периоды, когда воды Азовского моря поступали в Ахтанизовский лиман, переймы должны были формироваться на участке между Темрюком – Южным склоном с одной стороны и урочищем Дубовый Рынок – Стрелка с другой.

---

[9] В древности эти косы и пересыпи имели несколько другое положение, находились чуть «мористее». Однако это тема совершенно отдельных исследований.

Однако в отличие от Керченского пролива, глубины в палеолимане, находившемся на месте нынешней поймы р. Кубань, были значительно меньше, в результате чего переймы, пересыпи и косы могли формировать практически сплошной сухопутный путь с небольшими и неглубокими разрывами-гирлами, через которые воды Кубани имели сток в море. Такую картину мы видим сейчас в районе современного Пересыпного гирла Кубани, которое легко перейти вброд. Аналогичную картину описывает и академик Петр Симон Паллас, который в 1794 году посетил Таманский полуостров и описал в том числе и Бугазскую косу. «Южный Кубанский лиман – самый большой из всех, куда впадает главный рукав реки Кубани, изливается в Черное море маленьким протоком, проходимым вброд, называемым Бугас, находящимся между двумя узкими косами; от него с западной стороны есть отдельный залив…Пикет Бугас находится приблизительно в восемнадцати верстах от Тамани. Узкая и низкая коса, идущая к юго-востоку на протяжении менее версты, соединяется своим концом с другой, еще более узкой, но в шесть раз более длинной, лежащей напротив, на турецкой стороне, и сопровождается еще третьей внутри лимана, оканчивающейся маленьким островом около русского берега. Две первые косы, на концах которых находится с одной стороны русский, с другой – турецкий пост, имеют едва сто саженей ширины между собою, где вытекает Кубанский лиман в море. При взятии Анапы кавалерия Крымского вспомогательного корпуса переходила вброд с одного мыса на другой» (Паллас, 1999).

Как мы видим, ситуация в районе переправ через Керченский пролив и через Кубанский палеолиман заметно отличалась. Переправа через Керченский пролив была возможна в короткие промежутки времени нерегулярно зимой по льду, а в остальное время для форсирования пролива – лодками или кораблями. При этом необходимо учитывать довольно сильные течения в проливе, что усложняло водную переправу.

Иная ситуация в районе Кубанского палеолимана. Помимо зимней переправы по льду, здесь были возможны и переправы в другие времена года по косам, пересыпям и переймам. Иначе говоря, коммуникация между Анапским и Таманским берегами была круглогодичной и возможной для перекочевок. И данные археологии нам это подтверждают. Связи между Крымским и Таманским берегами с эпохи раннего бронзового века и до VI в. до н.э. (до появления греков) хотя и прослеживаются, но носят нерегулярный характер. И совсем другая картина в юго-восточном направлении. В эпоху раннего бронзового века мы видим регулярные контакты и переселение на Таманский полуостров жителей Анапского региона – носителей майкопской культуры (Кореневский, Юдин, 2019. С. 60 – 69). Уже в этот период формируются пути южного направления – от переправ в сторону косы Тузла. Не исключено, что уже в это время существовал путь через Бугазскую косу, но, если исходить из картографирования памятников этого времени, то более вероятно, что существовали переймы между

х. Белый и пос. Джигинка[10] и Уташ – г. Гирляная[11]. И именно с юга они проникают и на северную часть Таманского полуострова (Фанталовский полуостров). Еще более яркую картину мы видим позднее. Но в это время уже явно существовали пути и связанные с ними дороги, пересекающие Таманский полуостров и на севере и на юге.

Какие же выводы мы можем сделать из полученной картины? Прежде всего, мы должны констатировать, что для периода раннего и среднего бронзового века Таманский полуостров заселялся в основном с юга и юго-востока, с территории Анапского региона. В период среднего бронзового века, вероятно, шло заселение так же с востока, с территории правобережья Кубани. В то же самое время ни переселений с Таманского полуострова на запад, через Керченский пролив в Восточный Крым, ни наоборот из Крыма на Тамань мы надежно зафиксировать не можем. То есть какие-то контакты, видимо, были, но серьезного значения они не имели. Это позволяет предположить, что, несмотря на одинаковую ширину водного пространства, отделяющего Таманский полуостров с запада (Керченский пролив) и с востока (т.н. «Кубанский Боспор» или Кубанский палеолиман), Керченский пролив являлся более серьезной преградой для коммуникаций, нежели Кубанский палеолиман. Объяснение этому, на наш взгляд, только в одном: если связь с керченской стороной была возможна только зимой по льду, нерегулярно, и в первую очередь в северной части, то коммуникации между Таманским полуостровом и нижним Прикубаньем были возможны также и в весенне-осенний период по косам, пересыпям и переймам.

Несколько другая ситуация в период позднего бронзового века. В этот период, по археологическим данным, мы фиксируем проникновение групп оседлого населения с запада, через территорию Крыма, и видим весьма незначительные следы миграций с востока. Более того, мы можем утверждать и о движении населения с территории Тамани в юго-восточном направлении. Это можно объяснить тем, что для оседлого населения были неактуальны постоянные перекочевки туда и обратно, для них вполне были возможны переходы на Таманский полуостров в зимний период по льду с последующим освоением и расселением на свободной территории. Однако это позволяет предполагать, что на момент их появления на Таманском полуострове местного кочевого населения там либо было мало, либо новое население его смогло вытеснить. Вновь меняется ситуация в начале железного века и особенно накануне греческой колонизации. Мы наоборот можем предположить довольно активное проникновение населения с востока, особенно в

---

[10] В пользу этого говорят также отдельные находки майкопского времени, сделанные на пос. Белый юго-восточный (раскопки А.А. Козорезова), и исследования кургана этого времени, проведенные там же А.Б. Белинским. Пользуясь случаем, благодарим авторов за возможность ознакомиться с неопубликованными материалами.

[11] Именно на этой дороге расположены пос. Балка Капустина, курганные группы №4960, 4960Б, 4962 и курган №4961 (раскопки Яцюка Д.А.).

северной части полуострова. Новое население довольно близко протомеотскому населению Прикубанья и во многом отличается от синдского населения Анапского региона. В то же время в южной части Тамани формируется группа населения, близкая синдскому, но во многом отличная от протомеотского (Иванов, Сударев, 2013, 2014, 2018). Особенно ярко это проявляется уже в ранний период освоения греками полуострова. В этот период мы видим два сильно отличающихся микрорегиона.

В Северной части Таманского полуострова у косы Чушка раскопано поселение, которое существовало с эпохи позднего бронзового века и вплоть до начала V в. до н.э. (Сударев, Соловьев, Шаров, 2018) Если материальные остатки с поселения позднего бронзового и раннего железного века аналогичны тому, что мы видим и на остальной части полуострова, то материалы из комплексов VI – V вв. до н.э. настолько близки прото и раннемеотским материалам Прикубанья, что это позволило ряду исследователей предполагать, что перед нами два разных поселения с полностью сменившимся населением. Отличная ситуация в юго-западной части Таманского региона, в районе поселений Волна-1, Артющенко, у м. Тузла. Там также накануне греческой колонизации чувствуются восточные влияния, однако комплексы VI – IVвв. до н.э. демонстрируют нам культуру населения, близкую той, что мы видим в Анапском районе (см., например, Мимоход и др., 2019, Sudarev et al., 2021). Более того, мы можем довольно уверенно говорить о влиянии традиций изготовления керамики местного населения юго-западной части Анапского района на традиции юго-западной части Таманского полуострова (Клемешова, 2021. С. 103, рис. 4). Если мы посмотрим на карту Таманского полуострова, то мы можем понять, как шли проникновения новых групп населения в этот период (рис. 1).

На территорию юго-западной части Таманского полуострова, из Синдики, основной переход в это время, безусловно, был по Благовещенской косе и далее по полуострову, на котором расположен поселок Веселовка, в сторону косы Тузла и Южной переправы и в сторону Гермонассы. На всех ответвлениях этой дороги известны как поселения эпохи финальной бронзы и раннего железа, так и крупные античные поселения. В наиболее узком месте этого полуострова, между лиманами Цокур и озером Соленое (Бугазское), расположен хорошо сохранившийся ров и вал длиной около 1,7 км. Этот ров и вал имел в первую очередь не оборонительное значение (в силу слабой возможности его оборонять на всем протяжении), а служил серьезным препятствием для перекочевок. Возможность его преодоления была в северной части у крупного укрепленного поселения Вышестеблиевская-1.

Также, безусловно, продолжали оставаться актуальными и пути перехода в районе Джигинка-Белый и в меньшем масштабе – Уташ-г. Гирляная[12].

---

[12] Переход Белый-Джигинка, судя по имеющимся археологическим данным, активно использовался от эпохи бронзы вплоть до средневекового времени. Следует отметить, что согласно новейшим исследованиям в районе этого перехода выявлены не только следы поселения, временных стоянок и погребений эпохи позднего бронзового и раннего железного века (раскопки Козорезова А.А., Соколова П.М. и

Таким образом, мы видим, что система дорог и система расселения на Таманском полуострове уже с третьего тысячелетия до н.э. являлась составной частью аналогичной системы Нижнего Прикубанья и Анапского региона, но в то же время отличалась от Восточного Крыма. Наличие круглогодичных переходов через древнюю лагуну, располагавшуюся на месте нынешней поймы Кубани, позволяет снять вопрос о нахождении на этом участке поймы пролива-дублера Керченского (т.н. «Кубанского» или «Синдского» Боспора). Однако уже в это время формируются пути в сторону двух основных переправ через Керченский пролив – Северной, в районе косы Чушка, и Южной, в районе косы Тузла. Видимо, по этим направлениям была возможна коммуникация между Таманским полуостровом и Крымом. Сильные различия между двумя этими регионами, при наличии следов контактов между ними, говорят в пользу того, что Керченский пролив не являлся непреодолимым, но в то же время являлся серьезным препятствием для того, чтобы эти два района стали единой системой. Это говорит о том, что контакты были, но нерегулярные, в основном в зимний период по льду. Так как лед в Керченском проливе быстрее устанавливается и более стабилен в Северной части, то, возможно, Северная переправа на определенном этапе имела большее значение.

Ситуация несколько меняется после появления греков, что, видимо, связано с наличием у последних технических средств для водной переправы. С этого времени основным путем из Азиатского Боспора на Европейский становится Южная переправа в районе косы Тузла. Более того, путь от косы Тузла в сторону Синдики является продолжением дороги, начинающейся в Крыму и у Пантикапея, столицы Боспорского государства. Вдоль этой дороги на Керченском полуострове расположен самый элитный курганный некрополь Боспора. И продолжение этого некрополя мы видим и на таманской стороне. Более того, и на территории Анапского региона, вплоть до границ Боспора, продолжение этого некрополя в виде элитных курганов и курганных групп. Следует отметить, что в древности курганы служили своего рода указателями на древних путях. Они показывали границы расселения тех или иных групп, маркировали границы и политическую принадлежность территорий.

В связи с вышесказанным отметим еще одну деталь. Ни один из авторов не говорит нам о наличии обширного Кизилташского (Палеокубанского) лимана между Горгиппией и Корокондамой (городище у м. Тузла), и при этом большинство описывает Корокондамитское озеро (совр. Таманский залив). А Кизилташский лиман (или

Магиря-Кирсановой А.П.), поселения античного времени с материалами VI – IV вв. до н.э. (раскопки Матаева В.В.), но и следы некрополя с характерными для некрополей круга фанагорийских погребальных конструкций и наборами (раскопки А.П. Магиря-Кирсановой), что говорит о важности этого пункта для торговли в VI – IV вв. до н.э. (см. Сударев, 2017. С. 525 – 535). Что касается перехода между Уташским городищем и г. Гирляная, то, судя по имеющимся на этой дороге памятникам, он использовался в эпоху позднего бронзового века (раскопки Сергеевой О. В.), однако его использование в античное время пока под вопросом. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить авторов раскопок за возможность ознакомиться с неопубликованными материалами.

так называемый «Кубанский Боспор», или даже лагуна на месте поймы Кубани) явно были не меньше, а больше, чем Таманский залив в античное время. И для путешественника, плывущего из Черного в Азовское море (из Понта в Меотиду) или наоборот, это должен был быть важный ориентир. А описания – лоции в первую очередь и должны были помочь путешественнику на корабле сориентироваться на местности. Однако это противоречие пропадает, если предположить, что мореплаватель с борта судна видел полосу берега, включавшего Анапскую Пересыпь с Благовещенским останцом и примыкающими косами – Бугазской с севера и Витязевской с юга. Такая трактовка источника косвенно подтверждается и еще одним автором. Древнегреческий поэт Гиппонакт Эфесский жил во второй половине VI в. до н.э. Будучи изгнан из Эфеса, он перебрался в город Клазомены (город, находящийся по соседству с г. Теос, метрополией Фанагории) и вел там нищенскую жизнь «шута и балагура», оставив нам в наследство большое количество весьма фривольных отрывков, в которых смачные ругательства соседствуют с откровенным натурализмом. В его выражениях встречается эвфимизм «синдская расселина (щелка)», означающий «женский срам». По мнению ряда исследователей, за этим словосочетанием скрывается реальный топоним, или, скорее, намек на него. С этой «Σινδικόν διάσφαγμα» связывали и северную часть Боспора Киммерийского у косы Чушка и русло Кубани и даже тот самый «Боспор Кубанский» (Dan et al., 2020., см.также Тохтасьев, 2002). Однако, на наш взгляд, все может объясняться проще: узкое и мелководное гирло в Бугазской косе (аналогичное описанному П.С.Палласом), через который Кубань лениво выносила в Понт через мелководный, вонючий, заросший камышом[13] и кишащий комарами лиман свои нечистые, наполненные лёсом и илами мутные воды, значительно больше подходит для рождения эвфемизма «синдская (варварская) щелка», чем устье Керченского пролива, русло реки или пролив-дублер Боспора (см. также Тохтасьев, 2002).

Подведем итоги. Картографирование древних путей, дорог, а также курганов, поселений, некрополей, рвов, валов, кладов вкупе с результатами уже проведенных раскопок и исследований позволяет нам понять не только значение тех или иных путей в разное время, но и причины появления, возвышения или, наоборот, запустения тех или иных поселений в различные исторические периоды (см., например, Сударев, 2017). Важным моментом является также картографирование и учет природных ресурсов, таких как наличие плодородных почв, пригодных для земледелия или скотоводства, наличие пресной воды, полезных ископаемых (железа, соли, глины, камня, древесины и т.д.). Немаловажную роль играют и водные ресурсы – наличие удобных бухт, для стоянки кораблей и наличие в море, реках и лиманах промысловой рыбы. Большое значение имеют данные палеогеографии, реконструкции древнего

[13] Следует отметить, применяя в качестве топонима «Σινδικόν διάσφαγμα», многие современные исследователи древней географии забывают, что это выражение употреблялось вместе с «Κοραξικὸν λῶπος» (Кораксийская накидка), – эвфемизм, обозначающий волосяной покров «синдской щелки», коим вполне могут быть заросли камыша, обрамляющие эту протоку (Мусбахова, 2014. С. 681– 682).

ландшафта, данные палеоклиматологии. Наличие тех или иных «маркеров», таких как курганы, некрополи, святилища, позволяет говорить о границах племенной, поселенческой, полисной или государственной (в зависимости от времени, территории и статуса) структуры. Обобщение всех этих данных в сопоставлении с общими закономерностями расселения древнего населения в те или иные периоды помогает не только лучше понять хозяйственный уклад и систему хозяйствования того или иного поселения, но и прогнозировать наиболее перспективные места для поиска новых, неизвестных ранее поселений, некрополей, святилищ или предположить наличие несохранившихся (распаханных или снесенных) курганов.

Работа выполнена в рамках участия одного из авторов в программе «Палеогеографические реконструкции природных геосистем в условиях изменения климата и уровня моря среды и прогноз их развития».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Бутягин А. М., Виноградов Ю. А. Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. 2: Курганы на мысе Ак-Бурун //Боспорские исследования. Supplementum 13. Симферополь-Керчь. 2014.

Вахтина М. Ю. Скифское погребение у Цукурского лимана на Тамани // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М. И. Ростовцева. Новочеркасск. 1993.

Гарбузов Г. П. Лощинный вариант дорог Таманского полуострова //Древности Боспора. – 2020. Т. 25. С. 57 – 76.

Гарбузов Г. П. Поселенческий потенциалТаманского полуострова //Боспорские исследования. – 2021. – №. 43. – С. 74 – 91.

Журавлев Д.В., Шлотцауер У. Некоторые итоги работ Боспорской археологической экспедиции на Таманском полуострове. 2006–2013 гг. // Труды ГИМ. Вып. 201. Государственный исторический музей и отечественная археология: к 100-летию отдела археологических памятников. М., 2014. с. 150 –186.

Журавлев Д.В., Кельтербаум Д., Шлотцауер У. Новые данные о Таманском полуострове в VIв. до н.э. // ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Вып. 1. М.-Киев, 2010. с. 69–73.

Иванов А. В., Сударев Н. И. К вопросу о догреческом населении Таманского полуострова // Древности Боспора. Т. 16. М., 2012. С. 178 – 199.

Иванов А. В., Сударев Н. И. Комплексы догреческого населения, исследованные на Западном некрополе Гермонассы. // XIV Боспорские чтения. Керчь, 2013а. С.213 – 217.

Иванов А. В., Сударев Н. И. Об автохтонном населении Тамани накануне колонизации// Древности Боспора. Т. 17. М., 2013б. С. 176 – 186.

Иванов А.В., Сударев Н.И. О двух моделях колонизации Азиатского Боспора//XV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Керчь. 2014. С. 197 – 205.

Иванов А.В., Сударев Н.И. О Восточной границе Синдики //XVI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Географическая среда и социум. Керчь. 2015. С. 173 – 179.

Иванов А.В., Сударев Н.И. Поселение Красное-1 // V«Анфимовские чтения» по архео-

логии Западного Кавказа. Краснодар. 2015. с. 107 – 114.

Иванов А.В., Сударев Н.И. 2017. Курган № 44/45 некрополя Кеп и его место среди других погребальных памятников Азиатского Боспора//Древности Боспора. Т.21. М. С. 160 – 189.

Иванов. А.В., Сударев Н.И. «Урочище Самойленко» – поселение в Синдике (предварительное сообщение) //XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Традиции и инновации. Керчь. 2018а.С.179 – 184.

Иванов А. В., Сударев Н. И. Арифарн – царь фракийцев?// Боспорский феномен: общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург. 2018б. Ч. 2. С.48 – 55.

Иванов А. В., Сударев Н. И. «Урочище Самойленко» – эталонный памятник греко-варварских взаимоотношений// Боспорский феномен: общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург. 2018г. Ч. 2.С. 257–262.

Кашаев С. В. Тузлинские курганы (по материалам публикаций и архивов) //Российский археологический ежегодник. – 2013. – №. 3. – С. 360 – 409.

Кашаев С.В., Сударев Н.И. Материалы эпохи бронзы на поселении Артющенко-2//XXII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Новые открытия, новые проекты. Симферополь-Керчь 2021. С. 169 – 178.

Кислый А.Е. Ливенцовская крепость – поселение Каменка – знаковые памятники на карте эпохи средней бронзы Северного Причерноморья. Социокультурные сходства и отличия// Проблемы археологии Восточной Европы: материалы XVI Международной археологической конференции студентов и аспирантов. Ростов-на-Дону. 2021. С. 168 – 178.

Кияшко А.В., Гугуев В.К., Ильяшенко С.М., Петров П.А., Коробков П.А. Предварительные сведения о раскопках поселений эпохи бронзы – Средневековья у балки Лисовицкого на Тамани в 2015 – 2016 гг. // Проблемы археологии Восточной Европы: материалы XI Международной археологической конференции студентов и аспирантов (Ростов-на-Дону, 7 – 9 ноября 2016 г.) – Ростов-на-Дону. 2016. С. 66 – 76.

Клемешова М. Е. Предварительные итоги изучения лепной керамики Азиатского Боспора VIв. до н. э. – III в. н. э// Hyranis. Труды отдела классической археологии ИА РАН. Т. 3. 2021. С. 97 – 110.

Клемешова М. Е., Мимоход Р. А., Сударев Н. И. Горизонт погребений эпохи поздней бронзы в некрополе античного времени Волна-1 на Таманском полуострове //Российская археология. 2021. №. 1. С. 59 – 73.

Кореневский С. Н. Поселение раннего бронзового века Тузла-15 на Тамани. М. 2020.

Кореневский С. Н., Давудов Ш. О. Поселение эпохи раннего бронзового века у станицы Старотитаровской Краснодарского края и найденное на нем погребение //Краткие сообщения Института археологии. – 2019. – №. 255. – С. 127 – 138.

Кореневский С. Н., Юдин А. И. Поселения майкопско-новосвободненской общности Тузла-15 и Чекон: особенности культурного слоя и стратиграфия (предварительное сообщение) //Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V – III тыс. до н. э. М. 2019. – С. 60 – 69.

Мимоход Р.А., Сударев Н.И., Успенский П.С.. Исследования грунтового некрополя Волна-1 в 2017 г.//Причерноморье в античное и раннее средневековое время. Вып. 2. Сборник научных трудов, посвященный 70-летию профессора В.П. Копылова. Ростов-на Дону. 2019. С. 120 – 144.

Паромов Я. М. Главные дороги Таманского полуострова в античное время //Древности Боспора. 1998. Т. 1. С. 216 – 225.

Паромов Я. М., Гей А. Н. Памятники эпохи камня и бронзы на Таманском полуострове (краткий обзор) //Древности Боспора. – 2005. – Т. 8.

Поротов А.В., Сударев Н.И., Гарбузов Г.П. 2020. Палеогеографические условия формирования путей этнокультурных миграций в Северо-Восточном Причерноморье в эпохи поздней Бронзы-раннего Средневековья// Актуальные проблемы палеогеографии плейстоцена и голоцена: Материалы Всероссийской конференции с международным участием «Марковские чтения 2020 года» / Отв. редакторы Н. С. Болиховская, Т. С. Клювиткина, Т. А. Янина. Географический факультет МГУ М.

Сударев Н.И., Поротов А.В., Гарбузов Г.П. Путь из Синдики в Синдику: значение Анапской пересыпи в истории региона//XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Традиции и инновации. Керчь. 2018.С. 485 – 494.

Сударев Н.И., Соловьев С.Л., Шаров О.В. 2018. Население северо-западной части Таманского полуострова накануне и в период греческой колонизации// XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Кавказ в системе культурных связей Евразии в Древности и Средневековье. Карачаевск. С. 263 – 266.

Сударев Н. И., Шаров О. В. Население северо-западной части Таманского полуострова накануне и в период греческой колонизации (по материалам поселения Ильич-1). //Древности Тамани (под ред. В.Д. Кузнецова). Тамань, 2022. С. 40 – 43(в печати).

Тохтасьев С. Р. ΣΙΝΔΙΚΑ//Таманская старина. Вып. 4. 2002.

Тощев Г. Н. Крым в эпоху бронзы. Запорожье – 2007.

Федосеев Н. Ф. Еще раз о переправе через Боспор Киммерийский //Археология и история Боспора. – 1999. – Т. 3.

REFERENCES

Butjagin A.V., Vinogradov Yu.F. Oz-Oba. Ground-mound necropolis of the Bosporus aristocracy // Bosporos Reseach. Supplementum 13. Kerch-Simpheropol.2014.

Vachtina M.Yu. The Scythian burial in vicinity of the Zukur liman on the Taman peninsula// Archeological contribution to conference in Honor of the V.I.Rostovtsev. Novocherkask, 1993.

Garbuzov G. P. The settlement's resources of Taman peninsula // Bosporus studies.2021. №. 43.

Dan A., Gehrke H.-J., Kelterbaum D., Schlotzhauer U., Zhuravlev D. Foundation Patterns on the Two Bosporus: Some Preliminary Thoughts on How and Why the Greeks Settled on the Asiatic Shores of the Black Sea Straits // Журавлев Д.В., Шлотцауер У. (ред.) Азиатский Dan, A.Brückner, H., Gehrke, H. J., Kelterbaum, D., Schlotzhauer, U., Zhuravlev, D. Coracanda, Korokondamè, Korokondamitis: Notes on the most ancient names of the Cimmerian Bosporus, the Kuban Bosporus and the southern part of the Taman Island// Homo omnium horarum: Сборник статей в честь 70-летия А.В. Подосинова. М. 2020. P.682 – 725.

Dan A., Gehrke H.-J., Kelterbaum D., Schlotzhauer U., Zhuravlev D. Foundation Patterns on the Two Bosporus: Some Preliminary Thoughts on How and Why the Greeks Settled on the Asiatic Shores of the Black Sea Straits // Журавлев Д.В., Шлотцауер У. (ред.) Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время. Материалы Международного круглого стола 7 – 8 июня 2016 г. ГИМ. М., 2016. с. 109–120.

Dan, A., Brückner, H., Gehrke, H. J., Kelterbaum, D., Schlotzhauer, U., Zhuravlev, D. Coracanda, Korokondamè, Korokondamitis: Notes on the most ancient names of the Cimmerian Bosporus,

the Kuban Bosporus and the southern part of the Taman Island// Homo omnium horarum: Сборник статей в честь 70-летия А.В. Подосинова. М. 2020. Р.682 – 725.

Fedoseev N.F. About the crossing across The Bosporos Cimmerian// Archaeology and History of Bosporos. 1999. V.3.

Garbuzov G. P. Hollow ways of the Taman Peninsula//Bosporos Antiquity. 2020. V.25.

Ivanov A.V., Sudarev H. And. About the pre-classic population of Tamansky peninsula//Drevnosti Bospora. V. 16. Moscow, 2012. Pp. 178 – 199.

Ivanov A.V., Sudarev H.И. About two models of colonisation of Asian Bospora//XV Bosporsky readings. The Actual problems of chronology. Kerch, 2014. 2014. Pp. 197 – 205.

Ivanov And. B, Sudarev N. I «Natural boundary Samojlenko» - a reference monument of Greek-barbarous mutual relations//the Bosporsky phenomenon: the general and especial in historical and cultural space of a classical antiquity. Materials of the international scientific conference. St.-Petersburg. 2018. p. 2, pp. 257 – 262.

Ivanov A. V., Sudarev N.I. 2019 About two unusual objects investigated in Sindike//XX Bosporsky readings.The basic results and prospects of researches. Kerch, pp. 250 – 255.

Kijashko A.V., Sudarev N.I. 2018. The questions of an ethnocultural accessory and chronology of monuments of a late bronze age on Tamansky peninsula//XIX Bosporsky readings. Traditions and innovations. Kerch, pp. 212 – 218.

Korenevsky S.N. 2020. Settlement of an early bronze age Tuzla-15 on Tamani. M.Izd. News agency of the Russian Academy of Sciences. 200 p.

Mimohod R. F, Sudarev N.I., Uspensky P.S. Novyj «a city» necropolis of archaic and classical time on Tamansky peninsula (the preliminary information)//Drevnosti Bospora. № 21. M, 2017, pp. 295 – 310.

Mimohod R. A, Sudarev N.I., the Uspensky. 2019. Researches of a soil necropolis the "Wave 1" in 2017//Black Sea Coast in antique. Issue. 2. The proceedings conf. to the 70 anniversary of professor V.P.Kopylov. Rostov/ Don. 2019. P. 120 – 144.

*Porotov A.V., Gorlov J.V., Yanin T.A.*feature of development of the Black Sea coast of Tamansky peninsula in late голоцене//Geomorphologie. 2004. № 2, pp. 63 – 77.

Sudarev N.I. Porotov A.V., Garbuzov G. P. the Way from Sindiki in Sindiku: value of the Anapsky rerash in the history of region //XIX Bosporsky readings. «Trade: ways - the relation goods» Simferepol-Kerch, 2018. Vol. XIX, pp. 485 – 493.

Sudarev N.I., Porotov A.V. Garbuzov G. P. Some results arheologo-paleogeograficheskih researches in a valley of Kuban// XX Bosporsky readings. Simferepol-Kerch, 2017. Vol. XVIII, pp. 544 – 551.

Sudarev N.I., Solovev S.L., Spheres of the Island of Century 2018. The population of the Northwest part of Tamansky peninsula the day before and in the Greek colonisation//XXX «Krupnovsky readings» on archeology of the North Caucasus. Caucasus in system of the Cultural contact of Eurasia in the ancient time and the Middle Ages. Карачаевск. Р. 263 – 266.

Fouache E., Kelterbaum D., Brückner H., Lericolais G., Porotov A. The Late Holocene evolution of the Black Sea: a critical view on the so-called Phanagorian regression// Quaternary International, 2012. v. 266, p. 162 – 174.

Paromov Ya. Gey A.N. The monuments of the Bronze Age on Taman Peninsula. Bosporos Antiquity. 2005. Vol.8.

Paromov Ya.M. The principal roads on Taman peninsula in classic time (Bref review). Bosporos Antuquity. 1998 v.1.

Porotov aa. Sudarev N., Garbuzov G. Paleoeographical condition of pattern of ethnocultural

migration in the north-eastern Black sea's coastal region during the Bronze Aage-medieval time// The Problem of Pleistocene-Holocene Paleogeography. Proc. Conference "Markovski Reading-2020" 2020. Moscow. MSU.

Schlotzhauer U., Zhuravlev D. Greek colonization in the Cimmerian Bosporus: Russian–German interdisciplinary investigations in southern Russia // Twardecki A. (ed.) The proceedings of the conference «Tyritake. Antique Site at Cimmerian Bosporus», 27 – 28 November 2013. The National Museum in Warsaw. Warsaw. 2014, pp. 203 – 219.

Sudarev N.I., Garbuzov G.P., Ivanov A.V., Kargin Yu.Yu., Mataev V.V., Voronin K.V. The Asian Bosporus before and during the Greek Colonisation //An den Ufern des Bug. На берегах Бугу. Deutsch-ukrainische Ausgrabungen in Olbia Pontike im Kontext internationaler Forschungen zu antiken Migrationsprozessen. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH 2021. S. 43 – 72.

Sudarev N. The Asian Bosporus between Greeks and Barbarians. New Research on the Taman Peninsula//Advances in Ancient Black Sea Studies: Scholarly Traditions & Preservation of Cultural Heritage. Constanta. 2018, p. 35.

Sudarev N. Colonization of the Bosporus – a view from the east//«An den Ufern des Bugs». Internationale Fachtagung anlässlich des Jubiläums: Fünf Jahre deutsch-ukrainische Ausgrabungen in Olbia Pontike Goethe-Universität Frankfurt am Main, 7 – 9 Oktober, 2019, Campus Westend, IG-Farben-Haus. Zusammenfassungen der Vorträge. 2019 Goethe-Universität Frankfurt am Main. S. 3.

Tochtasiev S. ΣΙΝΔΙΚΑ Taman's antiquity. 2002. Iss. 4.

Toshev G.N. Vrimea in the Bronze Age. Zaporozhye. 2007.

Zhuravlev D., Schlotzhauer U., Greek colonization in the Cimmerian Bosporus: Russian–German interdisciplinary investigations in southern Russia // Twardecki A. (ed.) The proceedings of the conference «Tyritake. Antique Site at Cimmerian Bosporus», 27–28 November 2013. The National Museum in Warsaw. Warsaw. 2014, pp. 203–219.

Резюме

Картографирование древних путей, дорог в контексте поселенческой ситуации позволяет нам понять не только значение тех или иных путей в разное время, но и причины появления, возвышения или, наоборот, запустения в различные исторические периоды. Важным моментом является также картографирование и учет природных условий, таких как наличие плодородных почв, пригодных для земледелия или скотоводства, наличие пресной воды, а также наличие удобных бухт для стоянки кораблей.

Обобщение всех этих данных в сопоставлении с общими закономерностями расселения древнего населения в те или иные периоды помогает не только лучше понять систему хозяйствования того или иного поселения, но и прогнозировать наиболее перспективные места для поиска новых, неизвестных ранее поселений, некрополей, святилищ или предположить наличие несохранившихся (распаханных или снесенных) курганов.

Ключевые слова: Азиатский Боспор, Таманский полуостров, дороги, система расселения, грунтовые могильники, курганы.

Summary

Mapping ancient paths and roads in the context of the settlement situation allows us to understand not only the meaning of certain paths at different times, but also the reasons for their appearance, rise, or vice versa, desolation in different historical periods. An important point is also mapping and

taking into account natural conditions, such as the presence of fertile soils suitable for agriculture or cattle breeding, the presence of fresh water, as well as the presence of convenient bays for ships.

The generalization of all these data in comparison with the general patterns of the settlement of the ancient population in certain periods helps us not only to understand the economic system of a particular settlement better. It also helps to predict the most promising places to search for new, previously unknown settlements, necropolises, sanctuaries, or to suggest the presence of unpreserved (plowed or demolished) mounds.

Key words: Asian Bosporus, the Taman Peninsula, roads, settlement system, ground burials, mounds.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
Сударев Николай Игоревич, к.и.н.,
научный сотрудник
Отдела классической археологии,
Институт археологии РАН,
Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19,
8(499)126-47-98.
sudarev@list.ru

Поротов Алексей Васильевич, к.г.н.,
старший научный сотрудник.
географический факультет МГУ,
alexey-porotov@yandex.ru

Гарбузов Геннадий Павлович, к.и.н.,
старший научный сотрудник Лаборатории
археологии ЮНЦ РАН (Ростов-на-Дону),
(863) 250-98-18 (211).
g_garbuz@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS
Sudarev Nikolay I., Ph.D.,
Institute of archaeology of RAS,
117036, Moscow, Dm. Ulyanova street, 19,
8(499)126-47-98.
sudarev@list.ru

Porotov Alexej Vasil'evich, CSc,
Moscow State University, Faculty of Geography,
Associate professor.
alexey-porotov@yandex.ru

Garbuzov Gennady Pavlovich, Ph.D.,
Senior Researcher of the Laboratory
archeology SSC RAS (Rostov-on-Don).
(863) 250-98-18 (211).
g_garbuz@mail.ru

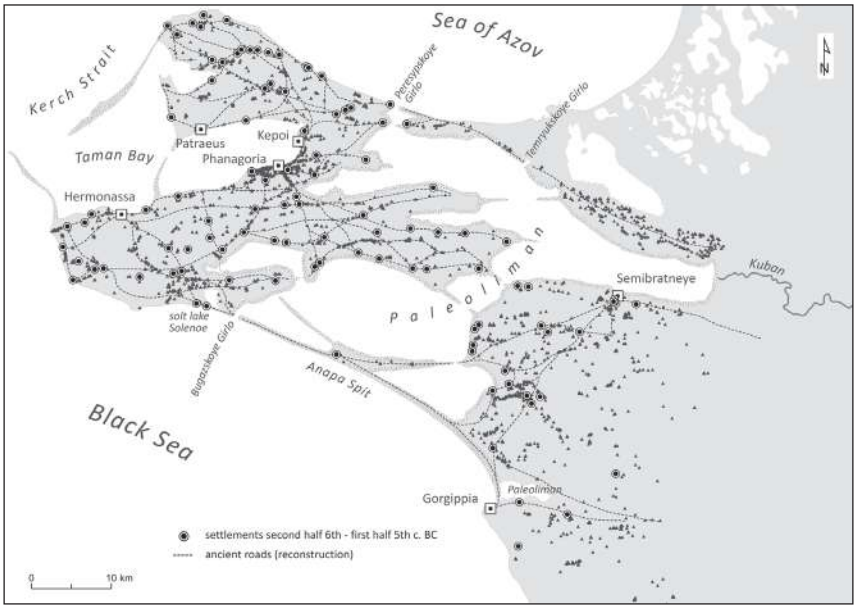


Рис.1. Система дорог Таманского полуострова.

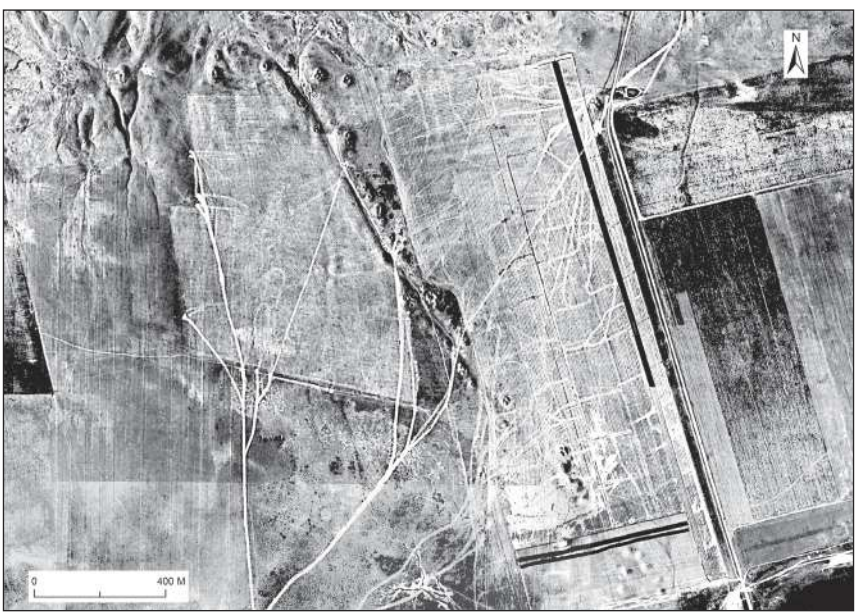


Рис.2. На различных участках между дорогами были промежуточные дороги, которые их соединяли. Обе эти дороги также возникли в эпоху бронзы.

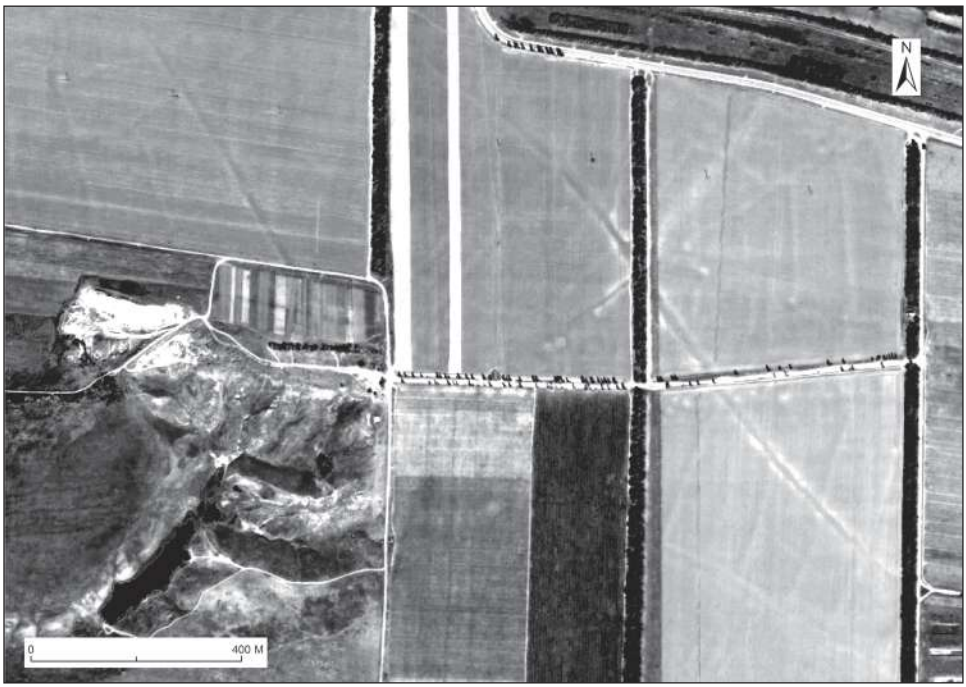


Рис.3. Дороги могут идти прямо, огибать какие-то естественные преграды, возвышенности. На каких-то участках они пересекаются, образуя перекрестки.

Рис. 4. Примеры дорог, ведущих к переправам через пойму и русло старой Кубани.

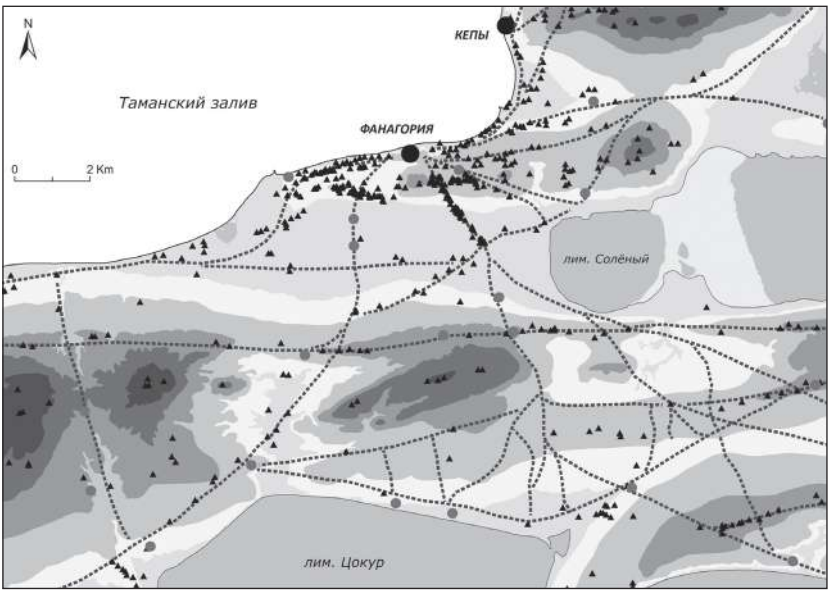


Рис. 5. Система дорог в окрестностях Фанагорийского городища.

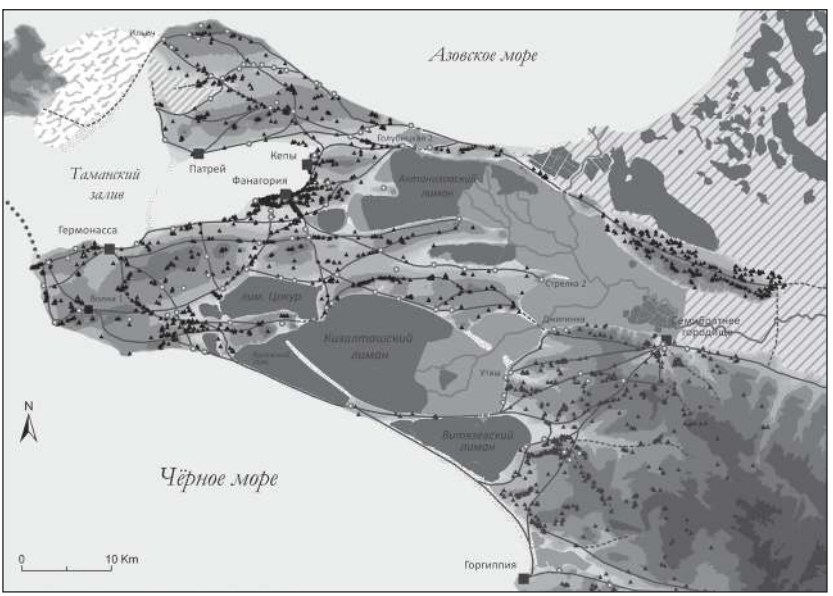


Рис. 6. Южное направление состоит из нескольких дорог, наиболее значительной из которых, несомненно, является центральная.

В. Г. ЛАЗАРЕНКО
V. G. LAZARENKO

ГЕНЕЗИС И ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТА АХИЛЛА В ЗАПАДНОМ КРЫМУ
GENESIS AND FEATURES OF THE CULT OF ACHILLES IN THE WESTERN CRIMEA

В одной из наших прежних работ было высказано предположение о возможности того, что в конце V в. до н. э., когда прекратило существование известное святилище Ахилла на мысу Бейкуш в Нижнем Побужье, или немного позже его адепты обосновались в Крыму [Лазаренко, 2019, с. 29]. Приведенные тогда сведения о культе Ахилла в данном регионе и его вероятной местной основе [Лазаренко, 2019, с. 29–47] хотя и дали картину этого феномена в общих чертах, но представляются все еще недостаточными. Задача настоящего исследования – показать детально, насколько это возможно сегодня, все стороны генезиса и особенностей культа Ахилла в Западном Крыму[1].

Прежде всего, установим, какие события предшествовали появлению здесь культа Ахилла. Поскольку в Северном Причерноморье он тесно связан со змеями, что продемонстрировали как раз находки на Бейкушском святилище [Русяєва, 1971; Буйских, 2002], следует подчеркнуть, что культ змей непрерывно существовал в Северном Причерноморье в IV–I тысячелетиях до н. э., попав туда из Балкано-Дунайского региона, то есть с территории прафракийских племен. Затем он распространился в ходе ранних индоевропейских[2] миграций (т. е. миграций носителей арийской гаплогруппы R1a) от Дунайско-Карпатского региона на восток и на юг, что послужило основой формирования здесь ранних индоевропейских представлений об Áhi-Змее (Верховном божестве и Первопредке) – возможном прообразе Ахилла [Лазаренко, 2015; 2016; 2018]. Но арии ушли из Северного Причерноморья на рубеже III–II тысячелетий до н. э. не полностью, некоторая их часть осталась на месте. О. Н. Трубачев убедительно показал, что под «Старой Скифией» Геродота (IV, 5) следует понимать местности, заселённые «старыми ариями», т. е. ариями (индоариями),

[1] Мы включили в настоящую работу и археологические памятники Центрального и Южного Крыма (степного, предгорного и горного) из местностей, которые связаны реками с Западным Крымом и находятся не восточнее Симферопольского района.

[2] Напомним, что сам термин «индоевропейский» является лингвистическим. Индоевропейские же языки на Русской равнине, в Иране и в Индии в древности ассоциируются только с носителями арийской гаплогруппы R1a [Клёсов, 2010]. Поэтому важно выделить понятие «ранние индоевропейцы» (и, соответственно, «ранние индоевропейские миграции»), когда речь идет о миграциях IV–II тысячелетий до н. э., в т. ч. – об индоариях.

оставшимися здесь после ухода их основной массы в процессе ранних миграций. Они образовали в Северном Причерноморье достаточно обширный реликтовый анклав (дандарии, тавры, ахейцы, синды, меоты), сохранившийся и в историческое время – от современной Одессы до Краснодарского края, а также в Крыму. Название ἀρχαίη Σκυθίη «старая Скифия» у Геродота относится к морскому побережью от Одесского до Каркинитского заливов [Трубачев, 1999, с. 99–102]. Данные племена реликтовых ариев и составили основу «варварского» населения Северного Причерноморья, в том числе – современного греческим колонистам. К ним относятся, как видно, и тавры.

Этнической общности тавров, обитавших в горных и предгорных районах Крыма, соответствовала, по мнению большинства исследователей, кизил-кобинская археологическая культура, которая возникла примерно в начале I тысячелетия до н. э., а погибла во II в. до н. э. [Колотухин, 1996, с. 60, 88]. Однако следует учитывать, что название «тавры» как этноним появляется лишь в V в. до н. э. С этого времени таврами греки, безусловно, называли местное население предгорьев и гор Крыма, которое и оставило кизил-кобинскую культуру. Но ее формирование относится к гораздо более раннему времени. Этот процесс был достаточно сложным и в Западном Крыму состоял, как считает Э. А. Кравченко, из нескольких периодов: старший дотаврский (вторая половина XI – середина IX в. до н. э.), младший дотаврский (вторая половина IX – середина VIII в. до н. э.), таврский (вторая половина VIII в. до н. э. – середина IV в. до н. э.), который подразделяется на две фазы – раннюю (вторая половина VIII – середина VI в. до н. э. и позднюю (середина VI – середина IV в. до н. э.), синхронную появлению греческих центров в Крыму [Кравченко, 2010, с. 108]. Из обобщения исследовательницей имеющихся данных следует, что появление в Западном Крыму поселений в самом начале старшего дотаврского периода характеризуется, как свидетельствует традиционная керамическая посуда, наличием здесь субстратного населения белозерской культуры, а некоторые типы посуды демонстрируют традиции, свойственные культурам канеллированного гальштата, то есть фракийцам. В начале X в. до н. э. усиливается влияние белозерской культуры (появляется несколько присущих ей типов керамики), а в середине X в. до н. э. вновь проявляется влияние гальштатских культур. При этом Э. А. Кравченко констатирует: «Ясное дело, что появление керамики фракийского типа не могло проходить без присутствия ее этнических носителей… Кизил-кобинская культура при белозерском субстрате старшего тотаврского периода входит в ареал культур неклассического гальштата, и является самым восточным их проявлением. Эта тенденция сохраняется и в последующем периоде» [Кравченко, 2010, с. 92–93], то есть в младшем дотаврском периоде (вторая половина IX – середина VIII в. до н. э.). Установлено, что фракийское население культуры гальштата Средней (Центральной) Европы представляет собой ветвь индоевропейских племен [Златковская, 1971, с. 28; Техов, 1996], западную по отношению к Крыму. Кизил-кобинская культура предстала как проявление прямых контактов и, вероятно, инфильтрации населения Подунавья на территорию Западного Крыма во второй половине XI в. до н. э. С этого времени и до середины IX в. до н. э. прояв-

ляются связи пришлого населения с племенами белозерской культуры, поселения которых, вероятно, уже к тому времени существовали в Крыму [Кравченко, 2010, с.105]. Но именно белозерское население, как показывают разработки крымских археологов, явилось основой для формирования кизил-кобинской культуры. При этом в белозерское время на территории Крыма продолжается развитие сабатиновских традиций, что и подтверждают материалы поселений. Поселения белозерского времени располагались вблизи балок с выходами воды, на склонах долин. Их площадь, судя по имеющимся данным, была незначительной в сравнении с предыдущими. На ряде памятников слои белозерского времени перекрывали более раннние сабатиновские [Тощев, 2007, с. 196–197, 206].

В. А. Колотухин подчеркивает: «Сабатиновский горизонт памятников являет собой качественно новое образование, сложившееся в результате взаимодействия местного, преимущественно позднекатакомбного, и пришлого, срубного этнических компонентов, то выделение их в самостоятельную сабатиновскую культуру представляется обоснованным и закономерным. Возникновение долговременных неукрепленный поселений, которые продолжали функционировать в белозерское время, свидетельствует о переходе местного населения к прочной оседлости и наступлении длительного периода стабилизации. Белозерский материальный комплекс складывался в рамках и на основании сабатиновских традиций, и переход к финальному этапу позднебронзового века носил эволюционный характер. После периода миграций срубных племен[3] восточные влияния не прослеживаются и культурные контакты осуществляются главным образом в пределах традиционного ареала – от Прикубанья на востоке и Поднепровья на северо-западе. Более западные элементы (фракийские – В. Л.) привносились в местную среду, по-видимому, опосредованным путем [Колотухин, 2003, с. 60]. Исследователь давно утверждал, что имеющиеся данные «позволяют говорить о ведущей роли позднесрубного компонента в сложении кизил-кобинской культуры, а не просто о его влиянии» [Колотухин, 1987, с. 22].

Это крайне важно, поскольку в костных остатках нескольких захоронений срубной культуры (с археологическими датировками 3540±325 лет назад и 3740±125 лет назад) в Самарской области была обнаружена гаплогруппа R1a [Allentoft et al., 2015; Mathieson et al., 2015]. Данные захоронения срубной культуры (середина II тысячелетия до н. э.) с точки зрения ДНК-генеалогии – это «хвост» миграции «классических» ариев, предки которых к тому времени уже 1000–500 лет как ушли на юг, юго-восток и восток [Клёсов, 2016, с. 211].

Белозерская же культура стала, по всей вероятности, непосредственной наследницей ариев, которые ушли из Северного Причерноморья, напомним, на рубеже III–II тысячелетий до н. э. не полностью. Кроме того, белозерская культура связывается

[3] Носители срубных традиций рассматриваются как мигранты, переселившиеся в Крым из степного Причерноморья [Тощев, 2007, с. 194].

с киммерийцами. При этом киммерийский период в Северном Причерноморье называют также раннескифским. Относящаяся к киммерийцам черногоровская культура сформировалась в степях Северного Причерноморья и Предкавказья на основе поздней срубной культуры и белозерской культуры [Вальчак, 2009, с. 684].

Археологические памятники позднебронзового века равнинного Крыма в целом аналогичны памятникам сопредельных районов Нижнего Поднепровья и Приазовья. Что касается горного Крыма, открытие в предгорьях группы поселений и могильников с сабатиновскими и белозерскими материалами позволили включить эту территорию в зону распространения степных культур; при этом для подкурганных погребений наиболее характерны скорченные захоронения на боку, ориентированные на восток и северо-восток, реже – с отклонением к юго-востоку; скорченные захоронения на спине единичны, как и захоронения в вытянутом положении единичны… единственный устойчивый элемент погребального обряда населения Крыма, оставившего плоские могильники – это скорченное на боку положение умерших [Колотухин, 2003, с. 10, 20–21, 23]. Эти сведения очень важны в связи с тем, что именно скорченные захоронения на боку ассоциируются с носителями арийской гаплогруппы R1a ещё со времен культуры шнуровой керамики [Haak et al., 2008], то есть с окончанием формирования и началом распада индоевропейской общности. С другой стороны, как подчеркивает Т. Н. Троицкая: «Таврским влиянием можно объяснить и появление скорченных костяков в скифских могилах… В горном Крыму, у тавров, обычай скорченного захоронения сохраняется вплоть до III–IV вв. н. э. … Археологические данные, подтверждаемые письменными свидетельствами, заставляют говорить о наличии тесных взаимосвязей, а возможно, и о слиянии таврской и скифской культур в последние века до н. э. – первые века н. э.» [Троицкая, 2015, с. 60-61]. Тавры представляют собой этнос, сформированный путем консолидации части племен, населявших Крым в эпоху поздней бронзы. Тавры поначалу концентрировались в предгорьях, а в VI в. до н. э. некоторые таврские племена переселились в горы и на южный берег Крыма. В результате в VI–Vвв. до н. э. тавры были разделены на две субэтнические группы. В IV в. до н. э. произошел обратный отток таврского населения в предгорья. На границе степей и предгорий в VI–IV вв. до н. э., вероятно, шел процесс метисации тавров (носителей кизил-кобинской культуры) и скифов, что нашло отражение в ряде погребений, сочетающих скифские и таврские черты поминально-погребальной обрядности. Исходя из уровня полученных знаний, правильно будет называть население горного и предгорного Крыма IX–III вв. до н. э. так, как их называли греки – таврами [Храпунов, 1993, с. 6–8]. В любом случае, местное население Западного Крыма ко времени появления греческих колонистов и далее, до начала нашей эры, представляло собой так или иначе потомков ранних индоевропейцев (ариев).

Это нашло отражение и в наличии культа змей в данном регионе на всем протяжении рассматриваемого периода. В конце сабатиновского этапа возникло поселе-

ние Бай-Кият[4], на горшках которого сохранились «архаичные» элементы орнамента – вертикальные и подтреугольные насечки в виде елочки на плечиках, и где, кроме того, представлены миски сабатиновского этапа срубной культуры. Почти половина горшков имеет валики как гладкие, так и расчлененные ногтевыми вдавлениями, косыми параллельными нарезками или отпечатками мелкозубчатого штампа и нарезками в виде зигзага, выполненными острым предметом [Колотухин, 2003, с. 43, 56, рис.52, *1–12*]. Такие валики, особенно с орнаментом в виде зигзага, можно расценивать как змеевидные, тем более – в контексте предложенной А. В. Кияшко концепции «создания змеи» в процессе декорирования валиков керамической посуды эпохи бронзы [Кияшко, 2001, с. 30]. В ряде курганных захоронений позднебронзового времени найдены горшковидные сосуды, имеющие валики с пальцевыми вдавлениями: в могиле № 7 кургана № 4 (Столбовое[5]) и в могиле № 1 кургана № 2 (Открытое[6]) [Колотухин, 2003, рис. 30, 2, 10]; очень интересны горшок, орнаментированный меандром из могилы № 1 кургана №12/1982 (Крыловка[7]), и горшок с тремя «змеевидными» валиками из могилы № 1 кургана № 8 (Далекое[8]) [Колотухин, 2003, с. 24, рис. 30, *13, 14*]. Валики с пальцевыми вдавлениями можно считать змеевидными в контексте концепции «создания змеи», а меандр является усложненным зигзагом и также трактуется как змеевидный. Существенно, что в захоронениях эпохи бронзы посуда со змеевидными валиками нередко ставилась вверх дном. Тогда сосуд олицетворял собой основу мироздания – Мировое древо, а оказавшийся внизу валик – Мирового змея у корней древа. Три змеевидных валика олицетворяют представления ранних индоевропейцев о троичности бога земли, который часто изображался в виде трех змей [Голан, 1993, с. 144]. Кроме того, Змей нередко ассоциировался с самим Мировым древом, соединяющим три мира всего сущего [Топоров, 2010, с. 66].

На поселении Бай-Кият также найдены два бронзовых браслета [Тощев, 2007, рис. 103, 3, 4], которые вполне можно считать змеевидными. Поселения этого же времени известны также в Горном и Северо-Западном Крыму. Например, поселение Фонтаны, расположенное на правом берегу реки Западный Булганак[9], южнее одноименного села в предгорном Крыму. Здесь также найдены фрагменты лепной посуды с

---

[4] Поселение Бай-Кият расположено в 3 км к северо-западу от села Владимировка (бывшее Бай-Кият) в Черноморском районе, занимающем территорию Тарханкутского полуострова на крайнем западе Крыма. Автор раскопок В. А. Колотухин считает возможным выделение на поселении четырех строительных периодов, наиболее ранний из которых относится к концу сабатиновского периода, и датировать памятник XII–XI вв. до н. э., относя в целом к белозерскому периоду [Колотухин, 2003, с. 56].

[5] Столбовое – село на севере Сакского района, в степном Крыму, у границы с Раздольненским районом.

[6] Открытое – село на юге Первомайского района, в степном Крыму, у границы с Сакским районом.

[7] Крыловка – самое западное село Сакского района, лежит в степной зоне Крыма, севернее Ойбурского озера.

[8] Село Далёкое расположено на северо-востоке Черноморского района, на Тарханкутской возвышенности, у границы с Раздольненским районом.

[9] Западный Булганак или Булганак – маловодная река на юго-западе Крыма (в Бахчисарайском и Симферопольском районах).

валиками, которые можно интерпретировать как змеевидные [Колотухин, 1996, с.53–54, рис. 17, *9, 15*; 18, *1, 2*;]. Данное поселение является субстратным белозерским, которое еще не содержит специфичного посудного набора парадной керамики – одного из основных признаков кизил-кобинского материального комплекса. Вместе с тем, появившись к концу белозерского этапа [Колотухин, 1987, с. 22], оно синхронно или непосредственно предшествует появлению первых кизил-кобинских поселений [Кравченко, 2010, с. 91]. Поселение у села Фонтаны не представляет в предгорном и горном Крыму изолированного явления: посднесрубная керамика выявляется в слоях поселений в Байдарской долине [Колотухин, 1987, с. 22]. Раскопками 1907 года продолговатого кургана Мал-Муз в Байдарской долине, неподалеку от деревни Баги[10], в каменном ящике № 22 с групповым захоронением (не менее 30 человек) выявлено несколько бронзовых браслетов с окончаниями в виде головки змеи либо с окончаниями в формах, которые можно трактовать как змеевидные [Репников, 1909, с. 138, 140–141, рис. 29].

Наиболее богатый в контексте нашего исследования материал обнаружен при раскопках могильника у поселения Дружное-2 (Симферопольский район), где сабатиновские и белозерские материалы происходят преимущественно из нижнего слоя и зольника [Колотухин, 1996, с. 22]. Данное поселение, определенное как раннее, вероятно, появляется в середине X в. до н. э. [Кравченко, 2010, с. 91]. Погребальные сооружения могильника Дружное-2[11] представляют собой относительно крупные (каменные) ящики. Наиболее распространенной категорией находок здесь являются бронзовые браслеты, представленные 41 экземпляром. Часть из них изготовлена из подтреугольной в сечении пластины, лицевые стороны срезанных под тупым углом концов у двух из них орнаментированы. Другие браслеты – проволочные, которые можно разделить на 5 типов. Тип 1 – с несомкнутыми, утолщенными в виде раструба концами; утолщения рифленые, на торцах – косые кресты. Тип 2 – с раскованными (лопаточковидными) концами; на концах одного из них – косые насечки, у двух других они оформлены в виде змеиных головок. Тип 3 – с биконическими шишечками на концах. Тип 4 – с плавно утолщенными и расширенными концами. Тип 5 – с заостренными, скругленными или обрубленными концами [Колотухин, 1987, с. 10–11, рис. 2, *1–10*]. Если браслеты типа 2 являются явно змеевидными, то остальные типы также можно отнести к таковым.

В связи с этим следует особо остановиться на браслетах с коническими (биконическими) шишечками на концах, как и на подобных браслетах из кургана Мал-Муз. Дело в том, что они отчетливо подтверждают фракийское влияние в Крыму, поскольку орнаментальный мотив в виде конических шишечек имеет северо-фракийское

[10] Байдарская долина – межгорная котловина в юго-западной части Крыма. Деревня Бага – ныне село Новобобровское в Балаклавском районе города федерального значения Севастополя.

[11] Начало функционирования могильника Дружное-2 можно отнести к VII в. до н. э. [Кравченко, 2010, с. 33].

происхождение (в четко очерченном ареале – в Словакии и на Венгерской низменности), используясь на браслетах, серьгах, шейных гривнах. В конце VII в. до н. э. украшения с коническими (биконическими) шишечками стали появляться в лесостепи, а затем и в степи Северного Причерноморья [Петренко, 1978, с. 26, 41, 44, табл. 22, *7–10*; с. 28, табл. 3–5; с. 29, табл. 6; с. 38]. А на востоке фракийского ареала серьги с коническими шишечками на окончаниях обнаружены: в погребениях 19/2 и 109/1 скифского могильника III–II вв. до н. э. у села Глиное (Слободзейский район Приднестровской Молдавской республики) [Тельнов, Синика, 2012, с. 72]. Серьги, оба окончания которых оформлены шишечками, обнаружены также на левобережье Нижнего Днестра при раскопках кургана у с. Суклея, а также скифского кургана 345 (IV в. до н.э.) у с. Чобручи на Тираспольщине; дата кургана у села Суклея определяется III–II вв. до н.э. [Мелюкова, 1962, с. 151, табл. 2, 6; 10, *3*], т.е. он синхронен комплексам могильника у села Глиное. Из погребения 5 могильника Николаевка-I на левобережье Днестровского лимана происходит серьга, у которой только одно окончание оформлено в виде шишечки [Петренко, 1978, с. 35, табл. 22, *6*]. Традиция оформления концов украшений коническими шишечками сохранялась и далее. Об этом свидетельствует, например, находка браслета с коническими головками в сарматском «диагональном» погребении (I в. н. э.) в кургане 2 у с. Ново-Филипповки близ Мелитополя (Запорожская область Украины) [Сулимирский, 2008, с. 123, рис. 49]. Всё это подтверждает не только длительное существование данного орнаментального мотива, но его распространение затем в скифской среде (как во Фракии, так и в Крыму), а также среди сарматов.

Другими словами, украшения с коническими головками на концах служат одним из маркеров распространения фракийцев к востоку, в частности – на территорию Западного Крыма. В. Г. Петренко считает такую «шишечку, имитирующей змеиную головку», как и в случае браслетов с окончаниями в виде «лопаточек», рассматривая браслеты, согнутые «из бронзового или железного стержня, круглого, сегментовидного или овального сечения, концы которого расклепаны в виде стилизованной змеиной головки и только в отдельных случаях имеют более реалистическое изображение… Этот тип не был самостоятельным, а являлся трансформацией браслетов со змеиными головками». Исследовательница указывала также на то, что имитация головки змеи имеет место, когда концы браслетов просто расклепаны или утолщены и снабжены каким-либо орнаментом или рядом круговых насечек, что также символизирует головки змей. На некоторых находках в Северном Причерноморье концы браслетов просто расклепаны или утолщены и снабжены каким-либо орнаментом или рядом круговых насечек, что также символизирует головки змей. Позднее конический символ, как, например, орнамент в виде косого креста между группами продольных линий или ряда круговых насечек, символизирующих головки змеи, заменяется (не только на гривнах, но и на серьгах, а также кольцах) её реальным изображением.

Браслеты на окончаниях головок иногда имеют орнамент в виде косого кре-

ста между группами продольных линий. В. Г. Петренко предполагала их фракийское происхождение [Петренко, 1978, с. 53]. И для этого есть все основания – подобный браслет найден в погребении 31 могильника Сентеш-Векерзуг (венгерское Придунавье, конец VII – начало VI в. до н. э.), материалы которого показывают наличие фракийских связей [Дараган, 2010, p. 106, рис. 20, *2*]. Позднее конический символ, как, например, орнамент в виде косого креста между группами продольных линий или ряда круговых насечек, символизирующих головки змеи, заменяется (не только на гривнах, но и на серьгах, а также кольцах) её реальным изображением. Кроме того, В. Г. Петренко подчеркивала, что головка змеи может быть показана не только соответствующей или подобной формой, но и «с помощью орнамента в виде полос, кружков и косых крестов, выполненного гравировкой» [Петренко, 1978, с.28, 52, 53, 55]. Последнее мнение поддерживается и сегодня. Так, Н. Тельнов и В.Синика утверждают: «Мнение о том, что такие браслеты являются трансформацией браслетов со змеиными головками, представляется обоснованным. Об этом также свидетельствует практически идентичная орнаментация в виде кружочков, линий и крестов, которая нередко присутствует на браслетах с окончаниями в виде змеиных головок и в виде лопаточек, имитируя, безусловно, глаза, раскраску и чешую змеи» [Тельнов, Синика, 2012, с. 72]. Имеющий фракийское происхождение орнамент в виде косого креста между группами продольных линий или ряда круговых насечек, символизирующих головку змеи, то он широко представлен на браслетах из могильника Дружное-2, а также на браслетах из кургана Мал-Муз, что еще раз подтверждает фракийское влияние в Западном Крыму на самых ранних этапах формирования кизил-кобинской культуры, связанной с таврами. Н. В. Пятышева давно отметила: «Культура тавров стоит на гораздо более низком уровне, чем культура скифов, но, несмотря на кажущуюся изолированность и действительную примитивность, она оказывается связанной с культурами раннескифской, позднекобанской, позднегальштаттской и раннелатенской …по инвентарю каменных ящиков прослеживается ее связь с Востоком и Западом» [Пятышева, 1949, с. 122]. Но если существенные связи культуры тавров с позднекобанской культурой в дальнейшем не нашли безусловного подтверждения, то влияние позднегальштаттской и раннелатенской (фракийских) культур несомненно на протяжение нескольких столетий.

Не только змеевидные браслеты различных форм и орнаментов свидетельствуют о культе змей – погребальные каменные ящики, характерные для тавров, были расписаны внутри белыми, черными или красными полосами, треугольниками, ромбами, точками и волнистыми линиями (использовались, соответственно, мел, сажа и охра); при этом волнистые линии могли изображать змей [Лесков, 1965, с. 76–77]. На керамике из могильника Дружное-2 несколько лепных сосудов имеют или змеевидный валик, или змеевидный орнамент: в одном из случаев это волнистая линия, в другом – это три волнистые линии в сочетании с тремя рядами орнамента из мелких кружков. Значительное количество лепной керамики кизил-кобинской культуры второй половины VI – первой половины IV в. до н. э. украшено ранним типом гребенчатого

орнамента в виде различных геометрических фигур, выполненных гребёнкой-штампом. На некоторых находках, на наш взгляд, можно выделить «змеевидный» орнамент, например: вертикальная тройная волнистая линия (из Ташлы-Баир[12]), встречаются вертикальные зигзаги (бывш. имение Э. Б. Бобовича в Евпатории, курган 1/1) и вертикальные волнистые линии (Григорьевка[13], погребение 5/9) [Сенаторов, 2011, с.354–355, 358, рис. 1, *5*; 2, *1*; 2, 3, 5] (рис. 9, *5, 1*). Более подробные данные о находках у с. Григорьевки приводит В. А. Колотухин: в могиле № 9 (вторая половина V – первая половина IV в. до н. э.) кургана 5 у села Григорьевка Красногвардейского района Крыма найдена лепная корчага с орнаментом ниже шейки в виде зигзага, ограниченного двумя линиями («лента»), а от него по тулову – вертикальные волнистые линии. В этой же могиле обнаружен лепной горшок с врезным орнаментом в виде зигзага на шейке и вертикальных, слегка волнистых линий по тулову. В этом же кургане, но в могиле № 12 (датированной серединой V – серединой IV в. до н. э.) найден лепной горшок с орнаментом в виде ленты с группами штрихов под углом между группами, а также по вертикали парными «лентами» с заштрихованными ромбами [Колотухин, 2000, с. 36–37, рис. 22, *2, 9*]. А. В. Кияшко утверждает: «Основная вертикальная композиция на сосудах делает их моделью Мирового Древа, а горизонтальный валик есть не что иное, как образ Змея, располагающегося у его корней. <…> Ещё одной особенностью змеевидных изображений является их многократное повторение на ряде сосудов, а также телескопическая способность охватывать всё тулово, фиксируя тем самым значимость этого мотива... Кроме того, известны изображения змеи на культовой керамике в виде вертикального зигзага. <…> Изучение семантики орнамента позволяет установить особенности воплощения основного мифологического сюжета – Мирового Древа и подчинённого ему персонажа – Змея-Дракона» [Кияшко, 2001]. Волнистые линии традиционно считаются символами змей, а тройная волнистая линия вполне может олицетворять, как и три змеевидных валика, представления индоевропейцев о троичности бога земли, который часто изображался в виде трех змей [Голан, 1993, с. 144]. Мы считаем, что важность изучения такой керамики и особенно интерпретации орнаментов на ней обусловлена тем, что её бытование приходится на время существенных изменений в материальной культуре племён кизил-кобинской культуры, связанных с освоением Крыма греческими колонистами и кочевыми скифами. Например, в некоторых скифских погребениях курганов Юго-Западного Крыма – в погребении 6 (конец VI – V вв. до н. э.) кургана 2, 1986 г. (в 2 км к юго-западу от с. Вилино Бахчисарайского района) и в погребении 1 (вторая половина V в. до н.э.) кургана 1 (в 1 км к северо-западу – западу от главного въезда в с. Кольчугино Симферопольского

[12] Небольшой грунтовый могильник Ташлы-Баир выявлен при исследовании грунтового некрополя Нейзац под Симферополем в 2003 г. Он расположен в 0,5 км к юго-востоку от села Баланово Белогорского района.

[13] Село Григорьевка расположено в степном Крыму, в Красногвардейском районе, севернее Симферопольского района.

района) обнаружены сосуды кизил-кобинской культуры с гребенчатым орнаментом типа «волчьего зуба» [Колтухов, Сенаторов, 2015, с. 80–81, 88, рис. 2, *12*; 9, *1*], который представляет собой по сути усложненный зигзаг; последний же в орнаменте лепных сосудов, как известно, трактуется как «змеевидный». Кстати, подобный орнамент имеется на целом ряде сосудов из могильника Дружное-2 [Колотухин, 1987, рис. 2].

Тем временем в Западном Крыму появились греки-колонисты. В середине 1980-х гг. по материалам поселения Панское-1 и его некрополя была выдвинута идея о колонизации ольвиополитами Северно-Западного Крыма и даже основания там ими городов, поселений и фортов на рубеже V–IV вв. до н. э. (Калос Лимен, городища Караджинское и Чайка), что свидетельствует о возможном расширении территориальных владений Ольвийського государства на юго-восток. В подтверждение этой гипотезы приводили сходные с ольвийскими элементы материальной культуры, в частности – архитектурные приемы домостроения и фортификации, а также погребальный обряд [Щеглов, Рогов, 1985; Рогов, 2000] и отдельные граффити [Виноградов, 1990, табл. V, VI]. Однако более логично появление на рубеже V–IVвв. до н. э. поселения Панское-1, как и других памятников Северо-Западного Крыма не в связи с волной колонистов из Нижнего Побужья, а с деятельностью других ионийских центров Северного Причерноморья, в первую очередь – Керкинитиды [Кутайсов, 2001; 2004, с. 110–111]. Но вполне возможно присутствие среди жителей Панское-1 также и выходцев из Ольвии, про что могут свидетельствовать граффити, созданные, правда, в эллинистическое время [Снітко, 2012, с. 34].

Керкинитида была выведена ионийцами в географически важную точку приморской полосы Западного Крыма, судя по археологическим данным, в третьей четверти VI в. до н. э., ближе к середине названного столетия, что, по-видимому, было связано с разгромом Персией Ионии в 545 г. до н. э. [Кутайсов, 1990, с. 143; 2004, с. 101]. На первых же порах наблюдается активный процесс метисации населения Керкинитиды, как и в других колониях Северного Причерноморья [Яйленко, 1982, с. 40, прим. 10; Кутайсов, 1987, с. 37]. О достаточно широкой практике смешанных браков на ранних этапах колонизации сообщает Геродот (I, 146), а о присутствии в Керкинитиде варваров свидетельствуют находки значительного числа кизил-кобинской и скифской керамики [Кутайсов, 1990, с. 143; 2004, с. 101]. При этом в лепной посуде Керкинитиды имеются в наличии все основные категории кизил-кобинской керамики. Данная керамика встречается преимущественно в ранних культурных отложениях города, от начала V в. до н. э. и до середины – третьей четверти IV в. до н. э. Она обнаружена при раскопках традиционных греческих жилищ, ничем не отличающихся от остальной застройки Керкинитиды. Несколько обломков в качестве исключения найдены и в более поздних слоях III в. и даже II в. до н. э. Значительная часть найденных фрагментов орнаментирована заштрихованными и обращенными кверху треугольниками или треугольниками, контуры которых прочерчены острием, а внутреннее пространство заполнено вдавлениями [Кутайсов, 1987, с. 29–35, рис. 4, *12*; 5, *6–13*],

которые можно расценивать как производные зигзага, символизирующего змей.

Отметим, что, видимо, не выходцы из Ольвии, но из другого полиса оказали некое влияние на населенные пункты Северо-Западного и Западного Крыма в позднеархаическое время. Основываясь на «очевидном стилистическом сходстве монет-стрелок Борисфена и Керкинитиды» (подчеркнем, что речь в данном случае речь может идти только о типе I монет-стрелок Керкинитиды, что мы обсудим ниже – В. Л.), С.Л. Соловьев полагает, что это «доказывает культурно-политическую связь Северо-Западного Крыма и Борисфена, а также их экономико-географическое единство в поздний архаический период. Более того, эти данные могут свидетельствовать о том, что некоторая часть населения Борисфена переселилась в Керкинитиду во второй – третьей четверти V в. до н. э., когда территория Березанского городища сократилась, а на его северо-западной окраине туземное поселение было возведено поверх заброшенных греческих городских кварталов». Исследователь показал и причину этого: «В V в. до н. э. военно-политическая нестабильность в степной зоне Северного Причерноморья заметно ударила по экономике Борисфена, лишив ее одного из важнейших условий своего процветания, которое основывалось на традиционных экономических связях со скифами в лесостепной зоне. Последствия этих негативных факторов для существования Борисфена были необратимыми. В конце концов они привели к экономическому упадку и сокращению населения полиса». Отток населения был направлен в том числе на Западный Крым, поэтому утверждение «мы можем констатировать активное участие граждан Борисфена в истории Керкинитиды в конце VI – начале V в. до н. э.» [Solovyov, 2006, p. 72] вполне приемлемо.

Времени основания Керкинитиды синхронна самая древняя археологическая находка на первоначальном херсонесском поселении – крышка беотийской леканы, датированная третьей четвертью VI в. до н. э. Удается также достаточно точно установить дату бытования здесь наиболее ранних ионийских сосудов, которая приходится на последнюю четверть VI в. до н. э., но не позднее, вероятно, времени персидского разрушения Милета. Многочисленные находки ионийской керамики в древнейших слоях Херсонеса позволяют считать ее массовым археологическим источником для Херсонеса. Надежные датировки этой категории находок определяются последней четвертью VI – второй четвертью V в. до н. э. [Золотарев, 1995]. Что касается основания Херсонеса как дорийской колонии, то это сделали несколько позже (в 424–421 годах до н. э.) выходцы из малоазийской Гераклеи Понтийской, совместно с делосцами, о чем сообщает Псевдо-Скимн. Заложенная сначала у современной Карантинной бухты Севастополя колония вскоре осваивает Гераклейский полуостров, который являлся сельскохозяйственной территорией города [Доманский, 1974, с. 42–46]. Относительно состава населения дорийского Херсонеса до сих пор есть мнение, что оно было исключительно греческим. При этом ссылаются на фрагмент Плиния Старшего (N.H. IV, 85): «Гераклейский Херсонес…Обнесенный пятимильной стеной, он отличается особым блеском во всей этой области, потому что в нем сохраняются греческие обычаи» (пер. А. В. Подосинова). В комментарии к этому отрывку

А. В. Подосинов и М. В. Скржинская безапелляционно утверждают: «Историки и археологи также отмечают особую чистоту греческого культурного и этнического компонента в Херсонесе по сравнению с Ольвией и Пантикапеем, где мирные отношения с местными жителями приводили к большей варваризации греков, эллинизируя при этом варваров» [Подосинов, Скржинская, 2011, с. 272 прим. 250].

Мало того, что это приводится без каких-либо ссылок, данное утверждение еще и противоречит давно имеющимся археологическим данным. Раскопками С.Ф.Стржелецкого еще в 1945 году установлено, что некрополь (между стеной города и северным берегом), датированный по фрагментам греческой керамики в период не ранее середины IV – начало III в. до н. э., «принадлежал аборигенам Крыма – таврам, гражданам Херсонеса. Из восьми погребений пять свидетельствуют о таврском происхождении покойников по скорченному или полускорченному положению костяков». Исследователь в итоге сделал очень важный вывод: «Тавры могли выполнять свой религиозный древний обряд в «греческом» городе, будучи не только свободными, но и равноправными гражданами Херсонеса. Маловероятно, что греки в противном случае допустили бы существование этого обряда в своем городе» [Стржелецкий, 1948, с. 86, 94–95]. Н. В. Пятышева констатировала: «Некрополь со скорченными костяками, обнаруженный раскопками Г. Д. Белова в 1936 г.[14] на северном берегу Херсонесского городища, принадлежал таврам и функционировал в течение IV–II вв. до н. э. Херсонес с самого начала своего основания был не чисто греческим, а греко-варварским городом. На основании многих данных мне представляется возможным говорить о Херсонесе как о городе, в котором местный элемент играл определенную гражданскую роль. Смешанный характер его населения сказался в быту, искусстве, религиозных обрядах и религиозно-идеологических воззрениях. Все вместе взятое выделяет его из всех других городов Северного Причерноморья и позволяет говорить о живой органической связи эллинской и варварской культур в античный период истории» [Пятышева, 1949, с. 122–124]. В развитие этого В.Ф.Гайдукевич и С. И. Капошина сделали вывод: «Совместная жизнь греков с таврами и скифами не могла не сказаться и на культурном облике Херсонеса. Наличие в Херсонесе культа синкретического греко-варварского божества [Пятышева, 1947], поклонение которому составляло главный культ херсонесцев, убедительно это доказывает. Поэтому сообщение Плиния о чистоте греческой культуры Херсонеса может

[14] Обобщая результаты этих раскопок и исследования 1952 года, Г. Д. Белов заключил: «Значительная часть погребений в скорченном положении ...позволяет считать, что на месте Херсонеса существовало местное таврское поселение, которое к тому времени (времени основания города – В. Л.) было уже довольно значительным; к нему и присоединились греки-пришельцы, поселившиеся не на новом, а на уже обжитом месте и установившие широкие связи с местными жителями. ...Тавры оставались в Херсонесе в течение длительного времени, продолжая жить в городе вместе с греками, и пользовались предметами греческой культуры. ...Убедительным тому доказательством является известный факт заимствования греками у тавров культа богини Девы» [Белов, 1953, с. 13].

быть принято с известными ограничениями» [Гайдукевич, Капошина, 1951, с. 167]. С тех пор не было получено убедительных данных, которые бы опровергли все эти факты и выводы. Обращает на себя внимание скорченное положение погребенных в указанных некрополях, что еще раз свидетельствует о том, что тавры были реликтовыми ариями (см. выше).

В IV в. до н. э. Херсонес осваивает обширные земли Северо-Западного Крыма и формирует свою дальнюю хору. Присутствие или влияние ольвиополитов было здесь решительно пресечено, древний ионийский город Керкинитида был аннексирован и стал опорным пунктом херсонеситов наряду с другими их крепостями, протянувшимися на север вплоть до Прекрасной гавани (Калос Лимен). Этот город[15] основали в IV в. до н. э. выходцы из Ионии. Но уже к концу IV в. до н. э. Калос Лимен был захвачен Херсонесом. Так Крым оказался фактически поделен между двумя греческими территориальными государствами – Боспором и Херсонесом [Доманский, Фролов, 1995, с. 106–107]. Поселение Чайка (в сегодняшнем поселке Заозерное, недалеко от западной окраины Евпатории) появляется примерно в середине IV в. до н. э. Это время строительства здесь крепости властями Херсонеса, которая была возведена в традициях греческого фортификационного искусства, несомненно, по единому плану, с привлечением архитекторов и умелых строителей [Попова, 2009, с. 106]. В последней четверти IV в. до н. э. выходцы из Херсонеса основали поселение Беляус на самом берегу моря, на небольшой природной возвышенности, в 40 км на северо-запад от Керкинитиды и в 7 км от лимана озера Донузлав [Снітко, 2020]. Примерно в это же время появляется поселение Маслины, расположенное на Тарханкутском полуострове около современного села Северное Черноморского района, на морском побережье Каркинитского залива [Котенко, 2015]. В Северо-Западном Крыму на многих античных поселениях, в т. ч. Беляус, Панское, Маслины, были сделаны находки лепной керамики кизил-кобинского типа, в Херсонесе же преобладает керамика более ранняя. На городище Чайка лепная керамика с резным орнаментом встречается в нижних горизонтах в довольно большом количестве. Несомненно, что она принадлежит к типу кизил-кобинской посуды. Эта керамика настолько специфична, что в приемах ее изготовления и орнаментации исследователи вполне оправданно усматривают отражение устойчивых традиций, сложившихся в определенном этносе, и данная керамика принадлежит, несомненно, таврам [Попова, 2009, с. 114–115]. В керамическом материале поселения Маслины выделяется группа фрагментов орнаментированной посуды, которая относится к таврскому периоду развития кизил-кобинской культуры и может датироваться второй четвертью IV в. до н. э. Это дает возможность говорить о заселении таврами данной территории еще до прихода греческих колонистов [Котенко, 2015].

---

[15] Калос Лимен расположен в северо-восточной, степной части полуострова Тарханкут, в 1,5 км от современного курортного поселка Черноморское, на побережье Каркинитского залива, в районе бухты Узкая.

Приведенные данные объясняют, почему и с началом колонизации в Западном Крыму сохранялся культ змей. В могиле № 5 (впускное погребение) кургана 6 у села Березовка Раздольненского района Крыма[16] найден лепной сосуд, характер орнаментации которого (шахматная композиция в сочетании с косым крестом из лент, вертикальными линиями и лентой с заштрихованными ромбами) находит ближайшие параллели среди кизил-кобинской посуды второй половины VI – конца V в. до н. э. Учитывая распространение орнамента на шейку и нижнюю часть сосуда – явление в Горном Крыму позднее, сосуд и соответственно погребение могут быть отнесены к концу V – первой половине IV в. до н. э. [Колотухин, 2000, с. 18–19, рис. 9,*1*]. В ящике 1 могильника Уркуста-I[17], который был отнесен к наиболее поздним из кизил-кобинских и датирован IV–III вв. до н. э. [Лесков 1965, с. 82], был найден бронзовый браслет с утолщением на одном из концов. Этот браслет принадлежит к имеющим биконические шишечки на концах [Лесков, Кравченко, 2007, с. 11, 15, рис. 13, *1*; Кравченко, 2011, с. 33], что говорит о продолжающемся фракийском влиянии.

Всё это свидетельствует о благодатной местной сакральной почве для закрепления и развития культа Ахилла в Западном Крыму. Напомним, что святилище Ахилла на Бейкуше относилось к Борисфену, бывшему в позднеархаическое время самостоятельным полисом. Поэтому, когда население ввиду возникновения военно-политической нестабильности в степной зоне Северного Причерноморья стало массово покидать Борисфен (см. выше), адепты культа Ахилла тоже вполне могли переселиться в Западный Крым после прекращения деятельности Бейкушского святилища в V в. до н. э. Но дело не только в них, но и в ионийцах, основавших Керкинитиду и Калос Лимен, а также первыми прибывшими на территорию будущего Херсонеса. Распространенное ранее мнение об исключительно милетском (греческом) происхождении культа Ахилла в Северном Причерноморье представляется несостоятельным, поскольку в Милете (как и в Ионии в целом) сколь-либо развитый культ Ахилла не подтверждается ни древними источниками, ни данными археологии. Решающим фактором формирования архаического культа Ахилла в Северном Причерноморье на начальном этапе явилась встреча колонистов с мощным идеологическим феноменом – почитанием местными племенами (реликтовыми ариями и, вероятно, фракийцами) практически непрерывно, начиная с IV тысячелетия до н. э., Áhi-Змея – Первопредка и олицетворения родившегося в Северном Причерноморье индоевропейского мировоззрения [Лазаренко, 2016; 2018, с. 323–358]. Фракийское влияние, многочисленные свидетельства которого в Западном Крыму были отмечены выше, также могло сыграть определенную роль, поскольку образ Верховного бога фракийцев – Фракийского всадника имел в истоках ранние индоевропейские корни и во многих аспектах был схож с образом Ахилла, включая тесную связь со змеями [Лазаренко, 2017].

---

[16] Раздольненский район примыкает к морю на крайнем северо-западе Крыма.

[17] Могильник Уркуста-I расположен на плато на севере Байдарской долины в 2 км от села Передовое/Уркуста в Юго-Западном Крыму.

При этом гораздо большее значение могли иметь архетипические верования дорийцев, основавших Херсонес, а затем и его дальнюю хору по всему Западному Крыму. Основанием для этого, по всей вероятности, служил весьма специфический культ Ахилла Аспета в Эпире, о котором есть несколько древних сообщений. Так, по Плутарху (Pyrrh. I), Неоптолем, сын Ахилла, придя сюда во главе своего племени, захватил страну и положил начало царской династии Пирридов. Несмотря на то, что при преемниках первых царей их род захирел, впал в варварство и утратил былую власть, с момента завоевания и до времен, по крайней мере Плутарха, там чтили наравне с богами и Ахилла, называя его на местном наречии Аспетом (пер.С.А.Ошерова). Данное сообщение подтверждается глоссой Гесихия «Аспет» – Hsch. s.u. Ἄσπετος, ὁἈχιλλεὺς ἐν Ἠπείρῳ, ὥς φησιν Ἀριστοτέλης ἐν Ὀπουντίων πολιτείᾳ (FHGII: 145, fr. 121): «Аспет – Ахилл в Эпире, как говорит Аристотель в Опунтской политии». Птолемей Гефестион (I) указывает: «Аристоник из Тарента[18] сообщает, что Ахилл, когда пребывал среди девушек в доме Ликомеда, носил имя Керкисера, также его звали Исса, Пирра, Аспет и Прометей» [Птолемей Хенн]. Можно по-разному оценивать это сообщение, как и самого Птолемея Гефестиона[19] в целом, но прозвище Ахилла, в юности Аспет, представляется здесь не случайным. Отмечу следующее. Царский род Неоптолема мог, как и любой другой, захиреть, но как он впал в варварство? Ответ напрашивается один – возможно, они и до того считались «варварами» (учитывая их «местное наречие», подчеркнутое Плутархом), а не «чистыми» греками. Примечательно, что Пиндар (Nem. IV, 46–48, 52) сравнивает Ахилла, царствующего «на Евксинском блистательном острове», в частности, с тем, как царствует его сын «Неоптолем – в пронизывающем дали Эпире» (пер. М.Л.Гаспарова). Завоевателями же Эпира тогда были в основном дорийцы. Их вторжение в Северную Грецию (около 1300 г. до н. э.) совпало по времени с продвижением туда же племен иллирийцев, также принадлежавших к индоевропейским племенам, прибывшим через территорию исторической Фракии из Северного Причерноморья. В течение столетия после начала вторжения дорийцев хотя не все районы греческого мира подпали под власть завоевателей, но центры наиболее могущественных ахейских государств были разгромлены и уничтожены. Территория ахейских государств, заселенная вновь прибывшими племенами, была поделена между отдельными племенными общинами завоевателей [Колобова, Глускина, 1958, с. 41–42]. Следует отметить, что Эпир представлялся в древности не просто одной из областей Греции. Вот что сказано по этому поводу в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона: «Словом Эпир у древних греков обозначался вообще материк, в противоположность островам…

[18] Аристоник Тарентский – греческий автор сочинений мифолого-исторического содержания, от которых сохранилось несколько фрагментов.

[19] Птолемей Гефестион или Птолемей Хенн (вторая половина I в. – первая половина II в. н. э.), согласно словарю Суды, жил в Александрии. Грамматик, чьё сочинение «Новая история для многознающих» в семи книгах сохранилось в подробном пересказе патриарха Фотия.

Постепенно это значение сузилось, и слово «Эпир» стало обозначать область, смежную на севере с Иллирией, на востоке с Фессалией, на юге с Этолией и Акарнанией. Хотя Эпир и относится к числу областей Собственной Греции, но *племена, населявшие его в историческую пору, считались «варварскими»: это были ветви индоевропейской расы,* родственной иллирийцам. Современными учеными поддерживается мнение, что *расселение эллинов с севера на юг началось с Эпира, который может быть признан колыбелью греческого народа,* впоследствии вытесненного отсюда движением соседних северных племен» [Эпир] (выделение курсивом наше − В.Л.). Так что Эпир имел с древнейших времен важное значение в индоевропейском аспекте при формировании Эллады, причем – в тесной связи с Ахиллом.

Но, пожалуй, главное здесь в контексте нашего исследования – это прозвище Ахилла Аспет, которое упоминается в античных источниках, приведенных выше. До наших исследований [Лазаренко, 2018, с. 224–228] никто из специалистов глубоко не анализировал образ Ахилла Аспета, хотя даже в гимназическом словаре А.Д.Вейсмана ἄσπετος трактуется как «несказанный, неизмеримо большой, неизмеримый, бесконечный» [Вейсман, 1899, с. 207]. Словарь Лиддела-Скотта дает еще более широкое толкование значению «аспет»: *«unspeakable, unutterable* (со ссылкой на Гомера и Гесиода); most lyinsense of *unspeakable great* (Il. 8, 558; 18, 403); more rarely of number *countless* (Od. 4, 75)» – «несказанный, невыразимый, неизреченный; в основном смысле − несказанно великий, невыразимо большой; реже – бесконечный, бесчисленный» [Liddel, Scott, 1901, p. 233]. Это делает невозможным представление об Ахилле только как герое, поскольку такие категории могут быть соотнесены только с божествами, причем верховными, богами-творцами. Так что древние представления об Ахилле дорийцев (прибывших в Западный Крым дальних потомков ранних индоевропейцев Северного Причерноморья) просто не могли не совпасть с почитанием реликтовыми ариями данного региона, в т. ч. таврами, Áhi-Змея (Верховном божестве и Первопредке) – возможного прообраза Ахилла (см. выше).

Почитание Ахилла в Западном Крыму отразилось в ряде граффити, обнаруженных в Херсонесе и на его хоре. Их действительное число и значимость, на наш взгляд, недооценены специалистами. Например, А. И. Романчук в своей капитальной монографии о Херсонесе приводит лишь следующее: «В ходе раскопок в Херсонесе памятники, которые связаны с именем другого героя – Ахилла – единичны: несколько граффити-посвящений V–II вв. до н. э.» [Романчук, 2008, с. 539]. С.Ю. Сапрыкин и С.Ю. Внуков категоричны: «Культ Ахилла не был популярен в дорийском Херсонесе и на его сельской периферии. Известно всего несколько граффити-посвящений на чернолаковой посуде, которые сохранили только начальные буквы имени этого героя: AXI, AX (ГАХ[20] № 388–402). На хоре Херсонеса зафиксировано всего два граффити AX, которые могут быть предположительно связаны с этим геро-

[20] ГАХ – *Соломоник Э. И.*, отв. ред. Граффити античного Херсонеса (на чернолаковых сосудах). Киев: Наукова думка, 1978. 139 с., табл.

ем. Одно происходит с усадьбы в районе балки Бермана, другое из Северо-Западного Крыма, из района оз. Донузлав. Не исключено, что эти аббревиатуры скрывали личные теофорные имена владельцев сосудов типа Ахиллодор, Ахиллей, Ахиллетос, Ахиллий[21] и т. п. И только одно херсонесское граффито Ἀχιλλε[ῖ] можно уверенно связывать с культом героя Ахилла (ГАХ № 388). Незначительное количество посвящений из Херсонеса показывает, что культ Ахилла там был не государственным, а скорее, частным. Ахилла могли почитать, главным образом, иностранцы, представители ионийских полисов, где его культ широко засвидетельствован» [Сапрыкин, Внуков, 2015, с. 114]. Заметим, что здесь культ Ахилла фактически «присвоен» ионийцам, что является отражением опровергнутого в настоящее время, но еще распространенного мнения об импорте культа Ахилла в Северное Причерноморье из Милета, т.е. о чисто греческом происхождении данного культа. Мы ранее показали, что количество граффити, найденных на территории Херсонесского полиса, которые могут быть отнесены к Ахиллу, несколько больше, чем считают приведенные выше авторы [Лазаренко, 2019, с. 38]. В настоящее время мы можем существенно дополнить этот перечень. Недооценка некоторых граффити предыдущими исследователями может быть вызвана тем, что они не учитывают, что подавляющее большинство ранних посвящений Ахиллу, например, из Нижнего Побужья (с Бейкуша, Черноморки-II и Березани), представлены очень кратко – А, АХ, АХІ [Русяєва, 1971; Отрешко, 1977[22]]. Кроме того, не приходится ожидать предельной четкости надписей, они нередко весьма небрежно процарапаны, как, кстати, и граффити, приведенные из ГАХ С. Ю. Сапрыкиным и С. Ю. Внуковым.

Относительно же Херсонеса Э. И. Соломоник подчеркивает: «Граффити на чернолаковых сосудах – АХΙΛΛΕ, АХІ (VI–V и II вв. до н. э.) и группа монограмм АХ (IV–III вв. до н. э.) из Херсонеса вызывают особый интерес» [Соломоник, 1976, с.135], поскольку они «неожиданно открыли новый пункт культа Ахилла в конце V–II вв. до н. э.» [Соломоник, отв. ред., 1978, с. 9]. Заметим, что «неожиданным» этот факт можно считать только в случае рассмотрения культа Ахилла изолированно и только как героя, без учета многовековых предшествующих событий в Северном Причерноморье, в т. ч. древнейших местных культов. На наш взгляд, появление синкретического культа Ахилла в Западном Крыму вполне закономерно, если учитывать его прообраз – культ Áhi-Змея (Верховного бога и Первопредка) ранних индоевро-

---

[21] Такая трактовка характерна для С. Ю. Сапрыкина в отношении граффити типа АХ и АХІ, что подтверждается, например, следующим его утверждением: «Посвящение Ахиллу в виде монограммы маловероятно» [Сапрыкин, Попова, 2019, с. 330]. Такой подход мы считаем тенденциозным, поскольку такие же граффити на Бейкуше и прилежащих памятниках были безоговорочно отнесены к культу Ахилла [Русяєва, 1971; Отрешко, 1977; Буйских, 2002].

[22] Данные по Березани, где такие граффити найдены в слоях конца VII–VI вв. до н. э. и составляют до половины всех найденных на городище граффити, любезно предоставлены нам В. В. Крутиловым, руководителем Березанской археологической экспедиции Института археологии Национальной академии наук Украины в 2004 – 2019 гг., безвременно покинувшим этот мир.

пейцев Северного Причерноморья, который вполне закономерно оставался и у реликтовых ариев данного региона, в т. ч. тавров (см. выше). Восемьдесят граффити из Херсонеса представлены только одиночной буквой А [Соломоник, отв. ред., 1978, с.15]. В связи с этим очень важно учитывать утверждение Э. И.Соломоника в связи с граффити, найденными на Бейкушском святилище Ахилла: «На многих из них одна буква А, которую с уверенностью можно рассматривать здесь как символ культа Ахилла» [Соломоник, 1976, с. 132]. При этом на Бейкуше граффити с одной буквой А составляют около 20% всех посвящений Ахиллу [Русяєва, 1971]. Граффити из Херсонеса, кроме имеющих только одну букву А, представляют собой в основном АХ (10 экз.), кроме этого, дважды имеет место надпись АХІ и один экземпляр – надпись АХІΛΛЕ.

Если суммировать их все с восьмидесятью четырьмя граффити, представленными только одиночной буквой А, то общее количество граффити античного Херсонеса с возможным посвящением Ахиллу оказывается почти в полтора раза больше найденных при раскопках святилища Ахилла на Бейкуше, где их обнаружено, по разным данным, несколько больше семидесяти. Наиболее древние из всех найденных в Херсонесе граффити с возможным посвящением Ахиллу – это две надписи, представленные одиночной буквой А на обломках сосудов, датируемых серединой V в. до н. э. и концом V – началом IV в. до н. э., а также надпись АХІΛΛЕ, которая после уточнения датирована концом V в. до н. э. [Соломоник, отв. ред., 1978, с. 15, 38]. Одно граффито АХІ датируется второй четвертью IV в. до н. э., другое подобное не имеет датировки. Большинство граффити АХ датируется от середины до второй половины IV в. до н. э., одно – IV–III вв. до н. э., два – III в. до н. э., одно – III–II вв. до н. э. [Соломоник, отв. ред., 1978, с. 15, 38, 82, 135–136, 138]. Датировка граффити, представленных одиночной буквой А, разнообразна: 47 таких надписей отнесены к IVв. до н. э., одиннадцать – к IV–III вв. до н. э., пятнадцать – к III в. до н. э. и только четыре – ко II в. до н. э. [Соломоник, отв. ред., 1978, с. 15].

На ближней хоре Херсонеса граффити данного времени, которые могли быть отнесены к культу Ахилла, в доступной нам литературе не опубликованы. На поселении Чайка (в поселке Заозерном, в нескольких километрах к западу от Евпатории) найдены граффити АХ: на стенке чернолакового блюда и на фрагменте синопской черепицы; оба граффити датированы III–II вв. до н.э., в отношении первого из них авторы категоричны: «Посвящение Ахиллу в виде монограммы маловероятно», а второе даже не обсуждается в данном контексте [Сапрыкин, Попова, 2019, с. 330, табл. 3, *1604*; 5, *891*], что мы считаем тенденциозным. В позднескифском помещении 12 в здании III в. до н. э. на городище Чайка найден фрагмент курильницы с резным орнаментом, заполненным белой пастой, имеются сквозные отверстия, обведенные белой краской. Ниже нанесены волнообразные линии. На том же фрагменте рядом с отверстием изображена «ёлочка» «ветвями» вверх [Попова, 2019, с. 208, рис. 1, *3*]. Ранее на этом же городище в слое IV–III вв. до н. э. были найдены фрагменты ещё одной курильницы, на одном из которых имеется орнамент «в виде волнистой

линии» из круглых ямок [Гаврилюк, 2016. С. 228, рис. 18, *3*]. Волнистые линии чаще всего, как известно, символизируют змей, а перевернутое дерево – потусторонний мир, что соответствует представлениям о хтоничности Ахилла; подобные граффити встречались, например, в его святилище на Бейкуше. В могильнике Фонтаны (в 5 км к юго-западу от Симферополя) в различных погребениях первого и третьего ярусов катакомбы № 5[23] были обнаружены одно бронзовое кольцо с одним расклепанным и закругленным концом, два бронзовых кольца с двумя такими концами, а также бронзовый браслет с обоими расклепанными концами [Храпунов, Мульд, 2004, с. 244, 246, рис. 4, *8, 10*; 6, *17, 18*], которые можно трактовать как стилизованные змеиные головки. При раскопках Керкинитиды обнаружены три граффити, которые можно трактовать как АХ: на фрагменте дна чашки (III в. до н. э.), на внешней стороне фрагмента рыбного блюда (IV–III вв. до н. э.), найденные при раскопках на территории современного санатория Министерства обороны, и на фрагменте горла амфоры, который не датирован, поскольку обнаружен в беспаспортном довоенном материале Евпаторийского музея [Соломоник, 1984. С. 49, 53].

Однако в Керкинитиде, на наш взгляд, есть еще одно весомое свидетельство наличия здесь культа Ахилла еще раньше – в V в. до н. э. Это так называемые монеты-стрелки, критический анализ большого круга работ о которых, вопреки распространенному и сегодня мнению об их греческом происхождении и принадлежности культу Аполлона Врача, в т.ч. в Керкинитиде [Кутайсов, 2004, с. 85; Сапрыкин, 2005, с. 17], показал следующее. Монеты-стрелки произошли на территории исторической Фракии (современные Болгария и Румыния), а затем благодаря фракийскому присутствию в греческих колониях появились и здесь. Все находки монет-стрелок в Нижнем Побужье локализуются на весьма ограниченной территории – в Очаковском районе Николаевской области Украины, на порядок меньшей по сравнению с огромной площадью распространения находок монет-стрелок на территории современных Болгарии и Румынии. Более того, здесь монеты-стрелки найдены не только на территории греческих колоний, но и в нескольких пунктах, отстоящих от них в глубину материка на десятки, а порой и более сотни километров, в то время как в Нижнем Побужье – только непосредственно на территории греческих поселений, расположенных на побережье. По числу мест находок и количеству найденных монет-стрелок Фракия (где обнаружены несколько кладов в тысячи экземпляров) значительно превосходит Нижнее Побужье. С большой долей вероятности монеты-стрелки изготовлялись в греческих колониях заезжими мастерами-литейщиками из Фракии (мнение об их принадлежности Скифии ничего не меняет, поскольку Северная Добруджа, где найдено наибольшее количество монет-стрелок, расположена в исторической Фракии и была в древности Малой Скифией). Нами показано, что возможен вариант прочтения единственного свидетельства о якобы обращении монет-стрелок в гре-

[23] Исходя из скудного датирующего материала, катакомбу № 5 могильника Фонтаны можно отнести к любому отрезку времени в пределах IV–II вв. до н. э. [Храпунов, Мульд, 2004, с. 246].

ческой среде – обсценного граффито из Ольвии, который вообще исключает упоминание монет-стрелок в этой надписи. Древние сведения о целебном действии стрел Аполлона отсутствуют, вместе с тем имеется масса свидетельств их губительности, в т. ч. что они приносили чуму. Наконец, есть много доводов в пользу того, что «монеты-стрелки» на самом деле (типологически) представляют собой «монеты-копья» [Лазаренко, 2020; 2021; 2021а].

Тесная связь Ахилла с образом копья очевидна. В чём же природа этой более чем акцентированной связи? Чтобы понять это, следует подробнее остановиться на копье из ясеня, подарке Хирона отцу Ахилла Пелею, который потом передал его сыну. Напомню, что говорит об этом копье Гомер в двух эпизодах «Илиады». Первый из этих фрагментов (XVI, 140-144) гласит, что Патрокл, забирая тайком доспехи Ахилла, «…не взял копья одного Ахиллеса героя; тяжел был / Крепкий, огромный сей ясень; его никто из ахеян / Двигать не мог, и один Ахиллес легко потрясал им, / Ясенем сим пелионским, который отцу его Хирон / Ссек с высоты Пелиона». В другом фрагменте «Илиады» (XIX, 387-391) уже Ахилл «…взял, наконец, из ковчега копьё он отцовское – ясень, / Крепкий, огромный, тяжелый: его из героев ахейских / Двигать не мог ни один; но легко Ахиллес потрясал им, / Ясенем сим пелионским, который отцу его Хирон / Ссек с высоты Пелиона». Обращает на себя внимание то, что оба текста из разных песен «Илиады» почти идентичны, напоминая собой своеобразную, повторяющуюся «мантру». Это может быть свидетельством чрезвычайной важности образа данного копья, доносимого до слушателей с помощью «магии слов». Причина этого, очевидно, вот в чем. Как отмечает А. Голан, во II тыс. до н. э. ещё сохранялось представление о семантической связи змея и копья/стрелы, а также связи копья с богом земли (ассоциированного, напомню, со Змеем), возникшее в более давние времена [Голан, 1993, с. 192]. Лингвистами зафиксировано соседство греческого и арийского языков в Северном Причерноморье ко II тыс. до н. э., когда заканчивался распад индоевропейской общности [Порциг, 2003, с. 234]. Всё это говорит о наличии семантического ряда «змей – Мировое дерево – копьё». В.Н.Топоров, блестяще показавший догреческое происхождение образа Ахилла и его «змеиные» истоки, указал, что «многие его черты могут быть реконструированы как глубокие архаизмы, остатки космогонического “пред-Ахилла”, подчеркнув его роль как “посредника между Небом и Землёй”» [Топоров, 1990, с. 91, прим. 44]. Последнее имеет четкую параллель со Змеем как аналогом Мирового дерева – оси и центра мироустройства. Согласно древнейшему поверью, ярче всего отразившемуся у Гесиода (Op. 145) и комментариях Евстафия (1262), третье – медное поколение людей произошло от ясеневых деревьев. Порой таким мыслилось даже происхождение всех людей. В скандинавских мифах ясень предстаёт в виде Мирового дерева. Всем этим обосновано мнение, что миф о происхождении людей от ясеня восходит к индоевропейской эпохе [Кагаров, 2012, с. 117]. И если помнить, что медный век – энеолит дал эпические миграции, освоение огромных территорий и начало формирования индоевропейской общности, то образ копья из ясеня приобретает огромное символиче-

ское значение. Это не только чудодейственное оружие, но и аналог Мирового дерева, а значит знак огромной власти. Поэтому понятно, почему древние обращались к копью, по свидетельству Вергилия (Aen. X, 773–774) таким образом: «Вы, о боги мои, копьё и рука! Помогите/ В этом бою!». Обожествляемое копье, естественно, служило оберегом, который клали в могилы детей, подростков, погибших в сражениях или умерших при странных обстоятельствах [Папанова, 2002, с. 282–283]. Совершенно недостаточно объяснение символизма копья, представленное В. И. Шубиным, смысл которого в том, что копьё у Гомера является символом царской власти, сменившим скипетр [Шубин, 2001]. Это, конечно, так (разве что скипетр вряд ли древнее копья), но пригодно для царского копья вообще и явно не отражает глубинной природы копья именно Ахилла, с которым никто не мог справиться, кроме него самого. И объяснение, видимо, одно – в образе копья из ясеня, принадлежащего Ахиллу (чей образ сам по себе многозначен), кроется сокровенное мировоззрение ранних индоевропейцев.

Напомним также, что предпочтение змее/змею как образу мужского божества земных недр могло быть основано на том, что змея/змей казался наглядным воплощением оплодотворяющих сил, поскольку напоминает мужской детородный орган [Голан, 1993, с. 79]. Змей и фалл взаимно ассоциировались; соответствующим образом и копьё приобретало характер фаллического символа, что отражено в мифологии и обрядности многих народов [Голан, 1993, с. 132]. Знаменательно, что наименование одного из самых воинственных племён «дорийцы» приводит к рассмотрению историко-лексического ряда: древо δένδρον, δρῦς, δόρυ – (деревянное) копьё δόρυ – (люди с копьём) дорийцы Δωριεῖς; при этом связь коренного слова δόρυς с производным этноним Δωριεῖς общепризнана [Фролов, 2012, с.57–58]. Напомним, по В. Н. Топорову, «Змея (или змей) может выступать как вариант Мирового дерева» [Топоров, 2010, с. 66]. Из всего этого следует семантический ряд «змей – копьё – дорийцы», что важно в контексте нашего исследования. Таким образом, копьё из ясеня глубоко символично и значительно усиливает значимость Ахилла, подчеркивая его место в системе древнейших представлений о Верховном боге и Мировом дереве, то есть о мироустройстве. Определенную роль в утверждении образа Ахилла в связи с копьём в Западном Крыму могло сыграть и фракийское влияние, неоднократно показанное здесь (см. выше). Дело в том, что образ Верховного бога фракийцев – Фракийского всадника, во многом схожий с образом Ахилла, был неотъемлемо связан с копьем [Топоров, 1972, с.33–34]. На основании всего этого мы предположили, что «монеты-стрелки», а точнее – «монеты-копья» во Фракии принадлежали культу Фракийского всадника, а в Нижнем Побужье принадлежали культу Ахилла. Поэтому и «монеты-стрелки» Керкинитиды, как типа I, так и типа II, который уникален – ему невозможно найти прообраз среди реальных скифских стрел (в отличие от типаI), тоже могли принадлежать культу Ахилла. В пользу же наличия в Керкинитиде культа Аполлона Врача нет ни литературных, ни археологических данных; здесь, на-

пример, даже нет ни единого граффито типа ΙΗΤΡΟΣ (Врач), что, как правило, приписывается Аполлону Врачу, хотя это весьма спорно[24].

В конце первой трети III в. до н. э. прокатился разгром сельскохозяйственных греческих поселений во всем Северо-Западном Крыму. Например, в 70–60-х гг. IIIв. до н. э. чайкинские усадьбы гибнут в пожаре, как и другие памятники Северо-Западного Крыма. Материалы как чайкинских усадеб, так и других памятников региона однозначно свидетельствуют о военном конфликте, как причине этого разгрома, и позволяют связывать его с активным проникновением в Крым теснимых сарматами скифских племен. После скифского разгрома, примерно с середины IIIв. до н. э. и вплоть до середины II в. до н. э., жизнь на некоторых из этих поселений продолжалась, но в масштабах, не сопоставимых с более ранним временем расцвета Херсонесского полиса [Попова, 2009, с. 107–108]. Материалы чайкинского городища красноречиво свидетельствуют о том, что греческое поселение просуществовало здесь до четвертой четверти II в. до н. э., т. е. в третьей четверти жизнь тут еще не прекратилась, как и в Керкинитиде. Окончание жизни на греческом поселении чайкинского городища произошло, по-видимому, по причине ухода населения сначала, возможно, в Керкинитиду, а затем, как предполагает В. А. Кутайсов, в Херсонес [Попова, 2009, с. 107–108; Кутайсов, 1990, с. 146]. Трагические события III в. до н.э. коснулись не только сельскохозяйственной херсонесской хоры. Набеги скифов вынудили греков усилить уже существующие укрепления Калос Лимен и возвести новую линию обороны, но уже во II в. до н. э. город переходит в руки скифов. Вскоре он, наряду с Керкинитидой, стал важнейшим морским портом позднескифского государства. Хотя существуют нерешенные вопросы, связанные с историей позднескифских поселений в Северо-Западном Крыму, очень примечателен уже сам по себе факт единовременного появления совершенно аналогичных по материальной культуре памятников – поселений так называемых поздних скифов – на местах прежних греческих пунктов. Что касается времени этих событий, то, например, исследования на некрополе у поселка Заозерное не позволяют датировать приход поздних скифов на место бывшего греческого поселения ранее последней четверти II в. до н. э., так как их самые ранние захоронения относятся к I в. до н. э. При этом нерешенной остается проблема генезиса оседлой позднескифской культуры, поскольку нет прототипов этой культуры ни в Северо-Западном, ни в Центральном Крыму, где позднескифские памятники известны не ранее чем со II в. до н. э. Главный вопрос — откуда взялось население, многочисленные укрепленные поселения которого появились в Северо-Западном Крыму после ухода с этих мест греков? Ведь в Крыму мы знаем только один очаг прочной оседлости скифского населения – это Восточный Крым, то есть Европейский Боспор [Попова, 2009, с. 117, 119–120].

Несмотря на возрождение жизни на ближней и дальней херсонесской хоре после

[24] Данная проблема рассматривается в другом нашем исследовании, которое сейчас готовится к печати.

разгрома в конце первой четверти III в. до н. э., археологические артефакты второй половины III–II вв. до н. э. не позволяют признать этот период стабилизационным в полной мере. Раскопки памятников в Северо-Западном Крыму дают все больше подтверждений угасанию здесь жизненной активности греческого населения [Попова, 2009, с. 113]. Этот период В. А. Кутайсов справедливо назвал «агонией» Херсонесского государства [Кутайсов, 1990, с. 159]. Но культ змей, как и культ Ахилла в Западном Крыму, поддерживался. Находка на Южно-Донузлавском городище, возле села Поповка Сакского района, описана так: «На маленьком фрагменте амфоры небрежно прочерчено АХ», это граффито датировано III в. до н. э. [Соломоник, 1984, с. 86 № 341]. В самом раннем (III в. до н. э. – I в. н. э.) среди позднескифских могильников Крыма в грунтовом могильнике на косе Беляус [Высотская, 1987, с. 43] на западном берегу Крыма, между Калос Лимен и Керкинитидой (у с.Знаменское в Черноморском районе), могиле 12 найден трехвитковый бронзовый браслет со стилизованными змеиными головками на обоих концах [Дашевская, 1991, табл. 71, *14*] , а также браслет с орнаментацией, похожей на условное обозначение тела змеи (ромбы с многими точками внутри них), – в склепе 114 (катакомба II–I вв. до н.э.) [Пуздровский, 2007, рис. 12, *II-6*]. В кургане эпохи бронзы близ городища Керменкыр (у поселка Мирное близ Симферополя, в 5,5 км к северо-западу от Неаполя Скифского) с пятью впускными позднескифскими склепами с групповыми (от 4 до 6 человек) погребениями (II–I вв. до н. э.) в одном из склепов найдена гривна с расклепанным концом, весьма напоминающим головку змеи [Пуздровский, 2007, рис. 50, *1*]. Учитывая находки змеевидных браслетов и гривны, совершенно не удивительно, что генетически погребальные камеры Беляуса и Кермен-Кыра связаны с катакомбами Приднепровья, типологическую линию развития которых они продолжают [Высотская, 1987, с. 46]. При раскопках помещения I вв. до н.э. греко-скифского городища (конец II – начало I в. до н. э.) на западной окраине г. Саки в Северо-Западном Крыму найден бронзовый браслет с концами, оформленными в виде стилизованных змеиных головок [Внуков, 2007, с. 54, 57].

На греко-скифском городище Кара-Тобе (IV в. до н. э. – начало II в. н.э.) – стратегическом пункте, контролирующем дорогу от Херсонеса к Керкинитиде и расположенном близ села Прибрежное Сакского района, на невысоком холме между озерами Сакское и Сасык в помещении 712 найдены четыре фрагмента чернолакового кубка (конца II – начала I в. до н. э.), на которых сохранились остатки греческих букв. При состыковке этих фрагментов выявлено граффито, нанесенное между ручками на шейке чернолакового кубка. Сохранившаяся надпись выглядит следующим образом: Ἀχ[ιλ]λέω[ς] καὶ [...]. Перевод: «*кубок* Ахилла и (…)» или «*священный дар* Ахилла и (…)». Авторы публикации данного граффито совершенно правы, полагая: «Можно было бы предположить, что Ἀχιλλεύς в этой надписи – личное имя владельца сосуда[25], достаточно широко засвидетельствованное в Причерноморье, в частности, в Пантикапее,

[25] Мы не согласны здесь с формулировкой «совершенно правы». См. выше примечание 21.

Ольвии, Истрии, Томах, а также во Фракии и Македонии. Однако этому противоречит соединительный союз καὶ [...], который подразумевает, что кубок принадлежал не только Ахиллу, но и какому-то другому человеку. Граффити на внешней стороне тулова сосудов, особенно нанесенные большими буквами под венчиком, как правило, являлись посвятительными либо сакральными, говорившими о том, что сосуд принадлежал богу, точнее его храму или святилищу, как общественному, так и домашнему. Поэтому можно с большой долей вероятности полагать, что данное граффито сакральное, и в нем упоминался герой–бог Ахилл и еще какое-то божество, связанное с ним в религиозно-мифологическом плане» [Сапрыкин, Внуков, 2015, с. 112–114, рис. 5].

Рассуждая о том, что же это могло быть за божество, исследователи напомнили, что в устье Тилигульского лимана в окрестностях Ольвии была найдена мраморная плита с посвящением Ахиллу Понтарху и его матери Фетиде (IOSPE I². 142, II в. н. э.). Это могло свидетельствовать, что Фетида почиталась ольвиополитами в одном культе с сыном, причем не тогда, когда Ахилл стал верховным божеством Ольвии (в ипостаси Понтарха – В.Л.), но их совместный культ мог сложиться еще в доримскую эпоху. В итоге С. Ю. Сапрыкин и С. Ю. Внуков заключили: «В этой связи не исключено, что в граффито из Кара-Тобе могла быть упомянута именно мать Ахилла – богиня Фетида, которую почитали вместе с сыном-героем. Однако это только правдоподобное предположение, так как любое дополнение этой надписи будет исключительно умозрительным» [Сапрыкин, Внуков, 2015, с. 115]. С последней фразой нельзя не согласиться, хотя есть определенные основания полагать верным мнение авторов о Фетиде[26]. У нее древнейшая, доолимпийская генеалогия: Нерей, отец Фетиды – старший сын Понта и Геи, как указывают Гесиод (Theog. 234–235) и Гомер (Il. I, 358). Фетида, таким образом, принадлежит к старшему поколению богов. О могуществе и значении Фетиды говорят сохранившиеся в «Илиаде» воспоминания о ее помощи Гефесту, сброшенному Герой с неба (XVIII, 396-399), Дионису, бросившемуся в море для спасения от убийц (VI, 136), и даже Зевсу, когда олимпийские боги, желая свергнуть его, сковали цепями (I, 397–406). Кроме того, Зевс и Посейдон «спорили о ложе Фетиды: / Каждый желая ее, прекраснейшую в супругах, каждый покорствуя в любви» (Pind. Isthm. 8, 26–29), т. е. хотели заключить брак с Фетидой, что свидетельствует о ее практически равном положении с ними (с Верховным богом и его братом!). О том, что образ Фетиды восходит к Великой богине доисторического мира, свидетельствует фрагмент утраченной трагедии Софокла «Поклонники Ахилла» (fr. 154), где она демонстрирует власть над животными и стихиями, в ко-

[26] В связи с этим отметим, что при раскопках Кара-Тобе также найдена ручка красноглиняного сосуда с граффито, изображающим отнюдь не сарматскую тамгу, как полагал автор этой находки П. Н. Шульц, но перевернутое дерево [Соломоник, 1984, с, 44, табл. VII, 113], что, как, известно, символизировало загробный мир и вполне соответствует хтонической сущности как Ахилла, так и Фетиды; подобные граффити встречались, например, на Бейкуше.

торые превращалась, сопротивляясь Пелею: «И львом, и змеем, и огнем, и влагой / Она в моих объятьях обращалась» (пер. Ф. Ф. Зелинского). Она может даже обеспечить бессмертие Пелею (Eurip. Andr., 1254–1258). Поэтому вполне обосновано мнение И.Ю. Шауба, что Фетида в Северном Причерноморье выступает как ипостась Великой богини [Шауб, 2012, с. 7–9]. Только «культурная революция», начатая еще Гомером с целью утверждения олимпийского пантеона, постепенно сделала образ Фетиды второстепенным. Но в Северном Причерноморье, где, вполне вероятно, в среде реликтовых ариев следы ранней индоевропейской мифологии были более устойчивы, значение Фетиды помнили и чтили ее как ипостась Великой богини.

Кстати, определенный интерес, в контексте связи Великой богини и Ахилла, представляет собой находка при раскопках в Керкинитиде фрагмента краснофигурного кратера (IV в. до н. э.) с изображением сцены схватки Ахилла и Пентесилеи [Кутайсов, 1992, с. 128]. Предания гласят, что Пентесилея во главе амазонок сражалась на стороне троянцев, убила много греков, но была поражена в схватке с Ахиллом. Подробно и красочно описывает эти события Квинт Смирнский в поэме «После Гомера» (I, 311–665). Но главное – Ахилл влюбился в уже мертвую Пентесилею. Тот же Квинт Смирнский (I, 671–674)пишет: «Сам же Ахилл беспрестанно в поникшей душе сокрушался, / Ибо обрек на погибель, не ввел как жену дорогую / в конелюбивую Фтию он ту, что и видом, и статью / лучшей была среди всех и богиням бессмертным подобна» (пер. А. П. Большакова). У Нонна Панополитанского (XXXV, 26–28) видим: «Воин влюбился в деву павшую… Древле ведь было / Так и с Ахиллом, что после гибели Пентесилеи / К хладным устам прижимался, горько плача над мертвой» (пер. Ю. А. Голубца). Всё это имеет важное значение в контексте нашего исследования, поскольку, например, Квинт Смирнский (I, 662–664) приводит прямое сравнение Пентесилеи с Артемидой: «…ибо блаженным богам была павшая дева подобна / Вместе с оружьем лежала она на земле, словно Зевса / неукротимая дщерь, Артемида, что лежит, отдыхая» (пер. А. П. Большакова). Напомним, что посмертной супругой Ахилла на острове Левка античные источники чаще всего называют Елену или Ифигению. Но Ифигения – это эпитет Артемиды (Paus. II, 35, 2), кроме того, по воле Артемиды Ифигения стала Гекатой (Paus. I, 43, 1). Сущность Поликсены – та же. Все эти персонажи представляют собой ипостась Великой богини в ее загробном аспекте [Шауб, 2007, с. 189]. Ахилл же предстает паредром Великой богини, независимо, как ее называют: Артемида ли, Ифигения или Поликсена. О том же, что главной богиней античного Херсонеса была Дева или Артемида Партенос, общеизвестно. Так что вслед за именем Ахилла в граффито из Кара-Тобе вполне могла бы быть упомянутой Дева (Партенос). Напомним попутно, что образ Великой богини тесно связан со змеями.

Скорее всего, подобные допущения, хотя и в определенной степени обоснованные, высказывались бы еще долго, и что это за божество могло быть упомянуто вслед за именем Ахилла в граффито из Кара-Тобе, рассмотренном выше, еще долго оставалось бы загадкой, если бы не публикация ряда граффити, найденных при охранных

обследованиях А. Н. Щеглова в урочище Джангуль на полуострове Тарханкут. Здесь было обнаружено святилище божества, само имя которого ранее не встречалось в источниках. Оно сохранилось в нескольких граффити II в. до н. э. на тонкостенных сосудах и амфорах. Часть граффити была найдена еще раньше А. Б. Колесниковым и М. И. Горбатовской и передана ими А. Н. Щеглову. По его данным, «комплекс (святилища) однороден и относится целиком ко II в. до н. э.». Что касается посвятительных граффити на керамике, то это были посвящения богине Таргос или Таргас, как первоначально А. Н. Щеглов определил ее имя [Щеглов, 1986, с. 334; 1988]. С.Р.Тохтасьев заключил, что имя этого божества (Тарга или Тарка) употреблялось и в грецизированной форме Ταργώ, которая возникла из Ταργα, а рассуждая о его происхождении, пришел к выводу: «Само *Tarkā/*Targā, насколько я могу судить, не поддается объяснению на почве иранских языков»[27]. Исследователю принадлежит также издание самого интересного из граффити святилища в урочище Джангуль, которое он представил следующим образом:

1. Δια?[- - - |- - -]N Ἀχ<ι>λλεῖ Σῳ[τῆρι (καὶ)] | Ταρκη Σωτ[είραι] | [ἀνέθη]κεν (?)7
2. Σώπ̣ο[λις] | ὑπὲρ [τ. δεῖνος] |...τ̣αρ̣γ[αι]
3. [- - -] τᾶι Ταργα[ι - - -]
4. Ταργο ‹ῖ› >, σοῖ, Αρε.[- - - ἀνέθηκεν (?)]. Перевод данного граффито при публикации не был приведен [Тохтасьев, 2013, с. 194–195][28]. Но это граффито на плече родосской амфоры бесспорно представляет собой совместное посвящение Ахиллу Сотеру (Спасителю) и Тарге Сотере (Спасительнице)[29].

Вскоре после этого детальный анализ этого граффити из святилища в урочище Джангуль[30] предпринял С. Ю. Сапрыкин, полностью сохранив конъюнктуру С.Р.Тохтасьева. Он констатировал: «Керамический материал показывает, что святилище переживало расцвет во второй – третьей четвертях II в. до н. э. и прекратило свое существование вскоре после присоединения западного побережья Таврики к Скифскому царству… Как показывают граффити, эллины делали посвящения богине, которую они именовали Ταργα, Ταργη, Ταργκη. Имя этого божества негрече-

---

[27] Мы полагаем, с известной долей вероятности, что имя Тарга можно вывести из индоарийских реликтов *tara- ‘берег’ и *tarika- ‘береговой, прибрежный’ [Трубачев, Шапошников, 1999, с. 282–283]. Таким образом, «Тарга» может означать «Прибрежная», что соответствует расположению ее святилища поблизости от морского берега.

[28] Примечательно, что А. В. Белоусов, включив обсуждаемое граффито в свой обзор опубликованных в 2013 году надписей [Белоусов, 2014], совершенно не комментирует относительно Ахилла это впервые опубликованное в рассматриваемой им работе С. Р. Тохтасьева, без преувеличения сенсационное граффито с одновременным упоминанием Ахилла и Тарки, хотя сам является автором нескольких обстоятельных работ по культу Ахилла.

[29] Здесь можно видеть определенную аналогию с совместным почитанием Ахилла и Гекаты, также ипостасью Великой богини, зафиксированным в Нижнем Побужье.

[30] Бóльшая часть граффити из комплекса данного святилища за редким исключением дошла во фрагментах. Из 27 найденных здесь граффити 19 содержат имя Тарга и, как правило, имя дедиканта [Сапрыкин, 2014, с. 10–22].

ское» [Сапрыкин, 2014, с. 9–10, 22]. Мы поддерживаем суждения С. Ю. Сапрыкина в следующей части (кроме ее последней фразы): «Нет сомнения, что в основе почитания местной богини Тарги – Тарки лежал культ Верховной женской богини производительных сил природы и всего сущего, богини, покровительствовавшей всему живому и душам умерших[31]… Поскольку в иранских языках не удалось найти параллели этимологии имени этой богини[32], есть большая вероятность, что ее культ восходит к пласту доскифских религиозных представлений. Близость характера расположения Джангульского святилища местоположению известных таврских горных святилищ в окрестностях Ялты заставляет связывать богиню с исконным таврским населением Крыма. В этом, как представляется, скрывается причина популярности Тарги среди херсонеситов, которые могли воспринимать ее в отдельных ипостасях так, как они привыкли делать это по отношению к своей верховной богине Деве, Артемиде или Афродите. Нескифское происхождение культа богини Тарги косвенно подтверждается тем, что ее святилище перестало функционировать после присоединения Западной Таврики к Позднескифскому царству, что произошло около середины – начала третьей четверти II в. до н. э. Конечно, можно допустить, что святилище обрушилось в результате землетрясения еще до прихода скифов. Однако то, что оно не было восстановлено, показывает нежелание скифов возрождать культ некогда популярной владычицы морских путей и окрестных берегов» [Сапрыкин, 2014, с. 23].

Мы не можем согласиться с крайне ограниченным функционально определением «популярная владычица морских путей и окрестных берегов» в отношении Тарги, поскольку этого слишком мало для богини, которую считают ипостасью Великой богини, в т. ч. сам С. Ю. Сапрыкин: «Верховной женской богини производительных сил природы и всего сущего, богини, покровительствовавшей всему живому и душам умерших». Вполне возможно, что «Тарга воспринималась греками как божество, наделенное апотропеическими и сатирическими функциями» (что естественно

---

[31] Надеемся, что выделенное нами курсивом в следующем высказывании С. Ю. Сапрыкина: «Эллины сближали Таргу со своими собственными божествами – охранителями и спасителями, поэтому они сделали ее *мужским* паредром одного из своих богов или обожествленных героев, в частности Ахилла, владыки Понта» [Сапрыкин, 2014, с. 19], является просто опечаткой. Конечно же, это Ахилл являлся мужским паредром Великой богини в различных ее ипостасях (см. выше).

[32] В последние годы работами А. К. Шапошникова и В. П. Яйленко показано, что иранские лексемы в Северном Причерноморье крайне редки, имея при этом позднее происхождение, а многие скифские реликты имеют индоарийское происхождение [Шапошников, 2005; Яйленко, 2016]. В то же время языковые реликты фракийского облика и другие манифестации базовых знаковых систем фракийского происхождения оставлены скифами [Шапошников, 2012, с. 303]. Примечательно, что Стефан Византийский (s. v. Σκύθαι) называет скифов фракийским племенем, а Страбон (VII, 3, 2) высказал мнение об общем происхождении скифских и фракийских племен со ссылкой на Гомера. Аполлоний Родосский (Arg. IV, 316) пишет: «…скифы – они полукровки фракийцам». Всё это делает необходимым учитывать фракийский фактор и реликты языка и верований ранних индоевропейцев при рассуждениях как о скифах, так и о происхождении в рассматриваемый нами период какого-либо культа в Северном Причерноморье, в т. ч. в Крыму.

для Великой богини), но вызывают сомнения следующие недостаточно обоснованные заключения С. Ю. Сапрыкина: «Греки, которые если и не являлись искренними ее почитателями, были вынуждены приносить ей приношения и делать посвящения, так как рассматривали богиню как спасительницу, прежде всего на море» и «Посвящения ей делали в основном мореходы, которые активно использовали древний морской путь плавания к Херсонесу, пролегавший вдоль побережья Северо-Западной Тавриды, и находившийся, как они полагали, под владычеством Тарги», а таже «Эпиклеса Тарги "Спасительница" и воздаяние ей благодарности вместе с Ахиллом Спасителем свидетельствуют, что местная богиня Тарга воспринималась в качестве покровительницы мореплавания, осуществлявшегося вдоль берегов Западной Тавриды» [Сапрыкин, 2014, с. 23]. Оставим в стороне не совсем понятное «вынуждены», но определение «в основном мореходы» просто некорректно, так как ни в одном из граффито святилища в урочище Джангуль нет прямых указаний на мореходов; лишь одно посвящение предположительно сделано «за спасение» непонятно где, и еще одно – опять же лишь предположительно – «в честь памятного возвращения или обратного плавания» [Сапрыкин, 2014, с. 12–14]. Кроме того, среди дедикантов встречаются и женщины (которые явно не мореходы), «что легко объясняется женской сущностью Тарги» [Сапрыкин, 2014, с. 22]. Такой же акцент на функции «спасателя на водах» виден у С. Ю. Сапрыкина и в отношении Ахилла: «Культ Ахилла Сотера… крайне редок для всего Северного Причерноморья… появление Ахилла в ипостаси Сотера связано с тем, что он выступал как спаситель людей на море… Ахилл считался покровителем моряков, которые плавали по Черному морю. Поэтому его почитали как Понтарха – владыку Понта» [Сапрыкин, 2014, с.22]. Сразу же отметим, что культ Ахилла Понтарха появился заметно позже[33], чем было сделано обсуждаемое совместное посвящение Ахиллу и Тарге. С другой стороны, культ Ахилла Сотера был бы гораздо более распространен, чем это имело место, если бы основной функцией Ахилла было спасение моряков. Кроме того, у бога с эпиклезой Сотер, как известно, широкие охранительные функции (буквально «от всех бед и несчастий»), в т. ч. весьма важная – медицинская.

Подчеркнем, что Ахилл упомянут в обсуждаемой надписи первым, что показывает его культовое главенство, хотя это святилище в урочище Джангуль считается не Ахилловым (то есть он здесь персонально не почитался), а святилищем Тарги. Но последнее достаточно спорно – Й. Хупе, говоря о двух вотивных граффити с именем Ахилла, найденных здесь, полагает, что «почитание Ахилла в этом святилище свидетельствует о религиозном взаимодействии местного населения и греков на территории Херсонеса», а также что именно в данном святилище Тарги «культ Ахилла испытывал сильное воздействие местных факторов» [Hupe, 2006, S. 238]. Форма написания данного граффито, в частности аттическое окончание

[33] Культ Ахилла Понтарха сформировался уже в римское время, причем не ранее конца I в. до н. э., когда Ольвия только начала восстанавливаться после гетского нашествия.

датива имени Ἀγ<ι>λλεῖ, напоминает граффито-посвящение Ахиллу V в. до н. э. с Березани [Яйленко, 1980, с. 86]. Кстати, круглые керамические вотивы [Сапрыкин, 2014, с. 23, рис. 31] или «глиняные вотивные хлебцы» [Щеглов, 1986], найденные на «святилище Тарги», очень напоминают «кружки» из святилища Ахилла на Бейкуше [Русяєва, 1971]. При этом С. Ю. Сапрыкин считает: «На функцию богини как покровителя возрождающейся и умирающей природы указывают модели хлебцев, округлые по форме и напоминающие солнечный круг». Но следует учитывать, что глиняные «хлебцы» – «лепешки» обнаружены в Западном Крыму при исследовании поселений поздней бронзы Кировское, Бурун-Эли и Дружное-2 [Колотухин, 2003, с. 47, рис. 66, 1; Тощев, 2003, с. 191]. И в скифской среде глиняные «лепешки» или «хлебцы» были хорошо известны: большое количество их найдено на Мотронинском, Бельском, Люботинском, Циркуновском городищах [Пеляшенко, 2016, с. 274]. При исследовании нижних слоев позднескифского зольника II–I вв. до н. э. на некрополе у пос. Заозерное близ Евпатории найдены терракотовый алтарик и глиняные модели зерна и выпеченного хлеба [Попова, Егорова, 2009, с. 276–277]. Авторы совершенно верно интерпретируют алтарик как культовую находку, но, к сожалению, лишь приводят фото, не описывая его. Между тем, на этом фото в средней части тулова алтарика отчетливо виден извитой валик, который можно трактовать как змееподобный (рис. 18). В связи с этим важна находка на соседнем городище Чайка круглого глиняного предмета с рисунком перевернутого дерева, что, как известно, символизировало загробный мир. Напомним также, что на поселении Дружное-2 обнаружен ряд артефактов, свидетельствующих о наличии там культа змей (см. выше).

Эти «хлебцы» – «лепешки», особенно в сочетании со следами культа змей и символами загробного мира, могли быть тогда подношением Áhi-Змею – Первопредку и олицетворению родившегося в Северном Причерноморье индоевропейского мировоззрения. Напомним, что в своих ранних истоках, как паредр Великой богини, Ахилл был «умирающим и воскресающим божеством» [Шауб, 2007, с. 186]. Поэтому «хлебцы» в «святилище Тарги» вполне могли быть даром Ахиллу, что совершенно очевидно в случае его святилища на Бейкуше. Всё это представляется не случайным, поскольку данное святилище – наиболее близкое к Березани (где обнаружены самые ранние граффити – посвящения Ахиллу) и мысу Бейкуш (где, напомним, найдено много граффити, имеющих отношение к Ахиллу) место в Крыму. Эти обстоятельства в определенной мере показывают преемственность характера поклонения Ахиллу в его самом раннем культовом центре Северного Причерноморья и в Крыму спустя три века после прекращения функционирования святилища на Бейкуше. Приоритет же Ахилла в данном посвящении перед Таргой, хоть и ипостасью Великой богини, но все же местного значения, связан с тем, что Ахилл не просто очередной герой-бог, но в своих истоках, память о которых сохранялась в историческую эпоху, древнейшее Верховное божество и Первопредок. Якобы «внезапное» появление в римское время культа Ахилла

Понтарха – «Владыки Чёрного моря» и бога нельзя объяснить ничем, кроме огромной значимости прообраза Ахилла в Северном Причерноморье в предыдущие времена, от начала формирования индоевропейской общности.

Особое отношение к Ахиллу в Крыму иллюстрируется двумя надписями, найденными в Неаполе Скифском. Одна из них – посвящение Посидея. Издавая этот памятник в IOSPE, I², № 672 по публикациям А. С. Уварова, В. В. Латышев не дал датировку данной надписи (IOSPE, I², № 672) и восстанавливал надпись следующим образом:

Ἀχιλλεῖ νήσου [μεδέοντι
Ποσίδεος Ποσι[δέου τοὺς
Σαταρχαίους [νικήσας]

πειρατεύσαντ[ας ἀνέθηκεν (?). Перевод: «Ахиллу[владыке] острова [посвятил] Посидей (сын) Посидея, [победив] пиратствующих сатархеев» [Latyschev, 1916, p. 506–507]. Э. И. Соломоник предложила «новый вариант дополнения последней строки, заменив слово τὴν νῆσον словом τὴν ἀκτήν (берег), совпадающим с ним по количеству букв» (т. е. заменила слово «остров» словом «берег» [Соломоник, 1962, с. 37–39]. Это, видимо, было вызвано тем, что слово «остров» (А. С. Уваров полагал, что здесь «подразумевали, вероятно, Березань или Фидониси»[34] [Уваров, 1854, с. 527], не очень подходило к посвящению, найденному в центре современного Крыма. А. С. Уваров, видевший оригинал данной надписи, отмечал, что камень с посвятительной надписью Посидея Ахиллу «явным образом доказывает, что служил подножием для изваяния, представляющего божество, в ней упомянутое» и заключил: «Судя по правописанию и форме букв Σ и Е можно отнести надпись к последнему столетию до Р. Х.» [Уваров, 1854, с. 527]. На основе описания Я.И.Смирнова, видевшего памятник в имении А. С. Уварова «Поречье», В.В.Латышев в IOSPE сообщает, что в верхней части камня сохранился след от правой ступни статуи длиной 16 см. Учитывая это, можно считать, что на данном постаменте стояла бронзовая или мраморная статуя высотой 100–110 см, поскольку, как известно, в длине всего тела стопа укладывается до семи раз. В современной версии IOSPE, сохранившей, в принципе конъюнктуру В. В. Латышева[35], указано: «Углубление для стопы статуи длиной 15 см», а надпись датируется серединой – 2-й половиной II века до н. э. [IOSPE III]. Поэтому, опираясь на неточную датировку А. С. Уварова и рассуждая о смысле данной надписи, Э. И. Соломоник вольно или невольно допустила ту же ошибку, что и современные авторы (см. выше), соотнося надпись II в. до н. э. с культом Ахилла Понтарха [Соломоник, 1962, с. 39], который, напомним, появился уже в римское время, не ранее конца I в. до н. э., когда Ольвия только начала восстанавливаться после гетского нашествия.

---

[34] Фидониси – старое название современного острова Змеиного, в древности – Левка.

[35] Правда, в IOSPE III дан несколько иной перевод: «Посидеос, (сын) Посидеоса, (посвятил) Ахиллу, [правителю] острова, победившему сатархов, которые занимались пиратством».

В Неаполе Скифском был найден фрагмент еще одной посвятительной надписи (IOSPE, I², № 673). Как и в предыдущей надписи, здесь назван Ахилл, но имя посвятившего утрачено. В. В. Латышев датировал эту надпись II веком н. э. и дополнил текст следующим образом:

1. …… ….
2. …….βα]σιλει[…..
3. Ἀχιλ]λεῖ καὶ θεοῖς
4. πασι]ν. Перевод: «…Ахиллу и всем богам» [Latyschev, 1916, p. 507].

Отметим, что здесь Ахилл занимает приоритетное положение, как и в рассмотренном выше посвящении из «святилища Тарги» в урочище Джангуль на полуострове Тарханкут. Причем там он поставлен перед ипостасью Великой богини, а в рассматриваемой надписи – перед «всеми богами». Такое положение может быть только у Верховного божества, которое почитали с доисторических времен. Поэтому понятно, каким по значимости он был богом для граждан Ольвии, о чем свидетельствует фрагмент «Борисфенитской речи, произнесенной на Родине» Диона Хрисостома (XXXVI. 14): «Ахилл – для нас бог, как ты сам видишь» (пер. М. Е. Грабарь-Пассек). Это подкрепляется и одним из культовых эпитетов Ахилла в Ольвийском полисе – «Вечный отец», содержащимся в надписи, сделанной «не позднее самого начала IIIв. н. э. [Латышев, 1904, с. 3–5], который не объяснить иначе, как понимание Ахилла чем-то значительно больше просто бога и тем более – героя.

В Западном Крыму имеются свидетельства культа Ахилла и в римское время, но уже в менее заметной мере. На ближней хоре Херсонеса найдены два граффити АХ: на обломке чашки, обнаруженной при раскопках в так наз. «балке Бермана»[36] и датированной I в. до н. э., а также на дне небольшой чашечки – при исследовании могильника первых веков н. э. в Инкерманской долине, около бывшего совхоза «Севастопольский» [Соломоник, 1978, с. 32, 38]. На поселении Чайка (в поселке Заозерном, в нескольких км к западу от Евпатории) найдено несколько граффити АХ: на двух фрагментах плеч амфор с датировкой – рубеж нашей эры и I в. до н. э. – I в. н. э., а также небольшой фрагмент стенки амфоры – не позднее I в. до н. э. [Соломоник, 1984, с. 64, 70–71, табл. XXIV, 241; XXIX, 297; XXIX, 298; XXX, 299].

Вместе с тем свидетельства культа змей в это время становятся очень многочисленными. Так, в южной камере катакомбы № 18 могильника Левадки[37] (приблизительно в 4 км к юго-западу от могильника Фонтаны) обнаружен бронзовый браслет со стилизованными змеиными головками на обоих концах [Храпунов, Мульд, 2004, с. 251, рис. 13, *44*]. В ходе раскопок Тавельских курганов (у сегодняшнего села

---

[36] Балка Бермана – балка в Балаклавском и Гагаринском районах Севастополя в южной части Гераклейского полуострова, в трех километрах на северо-восток от мыса Фиолент. Названа так по имени Г.К. Бермана, владельца хутора, располагавшегося здесь в конце XIX – начале XX в.

[37] Могильник Левадки датируется II–I вв. до н. э. – серединой III в. н. э. [Храпунов, Мульд, 2004, с. 242].

Краснолесье Симферопольского района) в 1897 г. среди прочих артефактов в кургане № 2 [38] найдены два позднескифских браслета с головками змей на одном из концов каждого, показанными не только соответствующей формой, но и различной гравировкой; кроме того, одна из найденных здесь же фибул имеет на щитке гравировку в виде извитой линии [Пуздровский, 2007, рис. 45, *9, 10, 17*], что также может трактоваться как изображение змеи. То же относится и к найденным здесь кольцу и браслету с коническими головками [Пуздровский, 2007, рис. 45, *8, 14*], показывающим сохранение фракийского влияния и в это время. В другом Тавельском кургане среди найденных бронзовых проволочных браслетов выделяется браслет конца I в. н. э. с расплющенными концами, выполненными в виде стилизованных змеиных голов [Троицкая, 2015, с. 55, 58].

Говоря о поздних скифах в Крыму, О. Д. Дашевская указывает, что со II–I вв. до н.э. появляются бронзовые браслеты с головками животных на концах, а затем вплоть до III в. н.э. становятся характерными круглопроволочные и пластинчатые браслеты с концами в виде змеиных головок[39]; таким же образом оформлялись иногда и перстни [Дашевская, 1989, с. 136, табл. 55, *26, 27, 35*]. Среди инвентаря погребального обряда при раскопках могильника городища Куру-Баш раннего периода позднескифской культуры (II – середина I в. до н.э.), которое находится на холме рядом с селом Виноградное Феодосийской административной зоны, отмечены бронзовые браслеты, концы которых оформлены в виде стилизованных змеиных головок [Гаврилов, Труфанов, 2012, с. 33]. В Битакском могильнике[40], расположенном в 0,8км к северо-востоку от Неаполя Скифского, в склепе 106 среди диагностируемых находок, по мнению А. Е. Пуздровского, имеется браслет из круглого дрота с головкой змеи на одном из его концов, а в склепе 170 – несколько подобных браслетов; в склепе 105 найдено навершие с гравировкой в виде зигзага (также отнесенное автором раскопок к диагностируемым находкам) [Пуздровский, 2007, рис. 37, I-3, II-2, *5, 6*; рис. 36, *I-4*], что возможно трактовать как символ змеи. В могильнике (где преобладают погребения II в. н.э.) близ с. Заветное[41] Бахчисарайского района в Крыму обнаружено значительное число украшений и среди них несколько перстней из плоского дрота с концами в виде змеиных головок, а также ряд бронзовых браслетов, большинство из которых – 60% (! – В. Л.) составляют имеющие на обоих концах изображения головок змей [Богданова, 1963, с. 101, рис. 4, *2, 3*]. На Заветнинском могильнике также найдены глиняные и алебастровые прясла, некоторые из которых украшены прочер-

[38] Материал данного кургана датируется достаточно широко, но браслеты и фибула отнесены к концу I – началу II в. н. э. [Пуздровский, 2007, с. 21].

[39] О.Д. Дашевская здесь же упоминает, что браслеты были обычными, их носили мужчины, женщины, дети на руках, реже – на ногах.

[40] Битакский могильник находится на территории Симферополя, в развалинах бывшей татарской деревни Битак.

[41] Заветнинский могильник относится к I в. до н. э. – III в. н. э. Он был оставлен сельским земледельческим населением долины Альмы [Высотская, 1987, с. 51–52].

ченными рисунками [Богданова, 1963, рис. 6, *10*], в том числе весьма похожими, на наш взгляд, на маленьких змеек. Разнообразие типов погребальных сооружений и антропологические материалы могильника свидетельствуют об этнической неоднородности этого района. Здесь есть элементы населения таврского, позднескифского, сарматского [Богданова, 1963, с. 109].

Браслеты, концы которых оформлены в виде змеиных головок, очень широко представлены в погребениях, относящихся к позднескифской археологической культуре Крыма. Это видно на примере могильника крымского Неаполя Скифского[42], столице позднескифского государства, в том числе в большом коллективном погребении (около 30 костяков, расположенных в три круга). Так, в грунтовом могильнике восточного склона (на Восточном некрополе) Неаполя обнаружены: в могиле № 22 – два браслета (один из круглого дрота, другой из плоского) со змеиными головками на обоих концах, в могиле № 16 – браслет из плоского дрота и перстень со змеиной головкой на одном из концов, в могиле № 4 и склепе № 49 – по одному браслету из круглого дрота со змеиной головкой на одном из концов, в могиле № 14 – перстень со змеиной головкой на одном из концов, в могилах № 21, 70 и 71 – по одному круглому дротовому браслету со змеиными головками на обоих концах; особо богатым подобными находками оказался склеп № 62, где найдены браслет из круглого дрота со змеиной головкой на одном из концов, а также браслет из круглого дрота в семь оборотов и пластинчатый браслет – оба со змеиными головками на обоих концах [Бабенчиков, 1957, с. 127, табл. III, *1, 2, 6-8, 10*; IV, *6, 7, 10*; Троицкая, 2015, с. 55, 57, рис. 4, *2, 4, 5*; Зайцев, 2003, рис. 95, *9*; 123, *15*; 138, *5*; Пуздровский, 2007, рис. 29, IV, 3-5; *VI, 2*; рис. 31, *9*]. В. П. Бабенчиков считает, что всё это вещи местного производства и датирует их II–IV вв. н. э. К особому типу могил относится комплекс погребений в курганной насыпи у поворота дороги, ведущей из Неаполя, по восточному склону, к Алуштинскому шоссе. Здесь в женском погребении № 5 был найден браслет из плоского дрота со змеиными головками на обоих концах, а в грунтовом склепе №16, где были погребены две женщины с младенцами, у одной из них на обеих руках у локтей обнаружены по одному бронзовому браслету со змеиными головками; все они, как и другие находки в данном кургане, датируются I в. н.э. [Бабенчиков, 1957, с. 139, табл. IX, 8, *15*], а Т. Н. Троицкая отмечает, что этот «тип (браслетов) широко распространен у крымских скифов с конца I в. н. э.» [Троицкая, 2015, с. 55]. Данные артефакты, как и описанные выше, найденные на Восточном некрополе, могут указывать на то, что в первые века нашей эры к скифскому населению, по выражению В.П. Бабенчикова, «примешивается в значительном количестве элемент сарматский» [Бабенчиков, 1957, с. 139]. В контексте же нашего исследования представляется важным, что наиболее ранние культурные остатки, обнаруженные на территории Неаполя Скифского, представляют собой следы поселения кизил-кобинской архео-

[42] Время существования некрополя Неаполя Скифского – со II в. до н. э. по III в. н. э. [Высотская, 1987, с. 48].

логической культуры конца IV – начала III в. до н. э. [Зайцев, 1995, с. 84]. Интересны находки в каменной гробнице мавзолея Неаполя Скифского серебряного наконечника кожаных ножен, украшенного двумя зигзагами, которые, напомним, толкуются как символы змеи, также фрагмент черепицы с изображением черной краской из зольника № 3 горизонта В [Зайцев, 2003, рис. 80, *6*; рис. 114, *4*], которое явно имеет «змеиный» смысл. Вполне вероятно, что последний артефакт представляет собой отражение древних верований греков о змее как охранителе дома.

Раскопки позднескифского Усть-Альминского некрополя[43], на юго-западном побережье Крыма, между Херсонесом и Керкинитидой, у современного села Песчаного Бахчисарайского района, продолжаются уже более 45 лет, и на сегодняшний день он может считаться крупнейшим позднескифским могильником Крыма. С учётом исследований 2019 г. количество выявленных и учтённых погребальных сооружений достигло 1258 [Труфанов и соавт., 2020]. Именно здесь были сделаны особенно многочисленные находки «змеиной» тематики. Так, в склепе 390 на третьем (нижнем) ярусе найдены двух- и трехвитковый браслеты из круглого дрота со стреловидной головкой змеи на одном из концов каждого; «шея» змеи в каждом случае передана значительным количеством поперечных полосок [Пуздровский, 2007, рис. 59, *1, 4*]. В подбойной могиле 580 этого же некрополя обнаружено два подобных браслета, но с головками змей на каждом из их концов; отличается также гравировка «шеи» змеи на одном из них [Пуздровский, 2007, рис. 69, *7, 8*]. Кроме того, на данном некрополе найдены золотые гривна с обоими расклепанными концами, браслет с одним расклепанным концом (напоминающим головку змеи), четырехвитковое кольцо с отогнутой головкой змеи на одном из концов, а также серебряный браслет из круглого дрота с головками змеи на обоих концах [Пуздровский, 2007, рис. 111, *2, 8, 9, 11*]. Дальнейшие исследования этого некрополя принесли еще более впечатляющие результаты. Так, в могиле 1069 склепа центральной части некрополя найдена бронзовая фибула с узкой пластинчатой спинкой, украшенной проволочной обмоткой в виде наложенной «змейки», с четырехвитковой пружиной и нижней тетивой; такие фибулы датируются второй половиной II – III в. н. э. Там же обнаружены фрагментированные бронзовые браслеты, которые по ромбовидной форме расплющенных окончаний[44] могут быть сопоставлены с изделиями II – первой половины III в. н.э. [Пуздровский, Труфанов, 2015, с. 213, рис. 15, *1, 4, 5*]. В склепе 973 обнаружены два бронзовых браслета со змеиными головками на обоих концах каждого из них. В по-

[43] Погребальные сооружения и обряд Усть-Альминского могильника характеризуют население, оставившее данный могильник как скифское. Датировка I в. до н. э. – III в. н. э. [Высотская, 1987, с. 50].

[44] Авторы почему-то не связали их со змеями, но в самой широкой части каждого из расплющенных окончаний отчетливо видны два глаза, а при переходе от головы змеи к шее – изображение дерева (особенно на рис. 26 внизу в центре и справа). Это, безусловно, говорит не только о том, что изображены змеи, но и включает в композицию образ Мирового дерева, что делает такое изделие еще более знаковым, поскольку тесная связь змея с Мировым древом отчетливо зафиксирована в индоевропейской традиции.

гребениях 2 и 3 склепа 974, а также в могиле 1045 – по бронзовому браслету с одной змеиной головкой; в погребении 6, как и в склепах 1002 и 1010, – по два таких браслета. В могиле 985 обнаружен бронзовый браслет с двумя змеиными головками, а в подбое 2 могилы 995 – две серебряные серьги с одной стилизованной головкой змеи у каждой. В склепе 1040 и в могиле 1069 найдены фрагменты бронзовых браслетов со змеиными головками [Пуздровский, Труфанов, 2016, рис. 11, *16, 18*; 16, *12*; 17, *2*; 18, *2, 4*; 39, *13*; 56, *3, 4*; 68, *5, 6*; 85, *5, 6*; 138, *2, 3*; 143, *11*; 181, *5, 6*].

В подъемном материале некрополя Лучистое-2 (Южный Крым) присутствуют фрагменты бронзовых браслетов со змеиными орнаментированными головками и один целый браслет с неорнаментированными змеиными головками на обоих концах, а в могиле № 1 (наиболее вероятно, рубежа I–II вв. н.э.) данного некрополя найдены бронзовые браслеты со змеиными орнаментированными головками на расплющенных концах [Лысенко и соавт., 2015, с. 310; рис. 3, 1*7, 18, 20*; 17, *1, 2*]; кроме того, в этой же могиле найдены фибулы со схематическим изображением змеек на их щитках [Лысенко и др., 2015, с. 306, рис. 13, *15, 16, 19*]. О сохранении в Западном Крыму фракийских традиций даже в римское время, т. е. в течение минимум уже шести веков, свидетельствует обнаружение в этой же могиле браслетов с коническими шишечками и орнаментированными окончаниями щитков [Лысенко и соавт., 2015, рис. 18, *1–3*]. На Чернореченском могильнике II–IV вв. н. э. (в восточной части г. Севастополя, на левом берегу р. Черной – восточный склон II Федюхиной высоты) обнаружены серебряное кольцо и бронзовый браслет со змеиными головками на каждом из концов обоих предметов, а также бронзовое кольцо с гравированной на нем змейкой [Дашевская, 1991, табл. 67, *26, 38*; 71, *15*].

Напомним, что Т. Н. Троицкая заключила: «Традиции коллективных захоронений получили своё дальнейшее развитие у коренных жителей Крыма – горных тавров… скифские курганы этого типа расположены в предгорной части Крыма, в непосредственном соседстве с областью горных тавров, в другом же районе оседания скифов – на западном побережье Крыма – подобные захоронения неизвестны… Таврским влиянием можно объяснить и появление скорченных костяков в скифских могилах… В горном Крыму, у тавров, обычай скорченного захоронения сохраняется вплоть до III–IV вв. н.э. … Археологические данные, подтверждаемые письменными свидетельствами, заставляют говорить о наличии тесных взаимосвязей, а возможно, и о слиянии таврской и скифской культур в последние века до н. э. – первые века н. э.» [Троицкая, 2015, с. 60-61]. И всё это представляется весьма важным, поскольку тавры относятся, как было показано выше, к реликтовым ариям, а обычай скорченного захоронения связан с носителями арийской гаплогруппы R1a ещё со времен культуры шнуровой керамики [Haak et al., 2008], то есть с окончанием формирования и началом распада индоевропейской общности. О весьма же вероятной связи скифов и более раннего арийского населения Северного Причерноморья свидетельствует то, что недавно при специальном исследовании древних останков скифского могильника у с. Глиное (Слободзейский район Приднестровья) обнаружен носитель гапло-

группы R1a [Krzewińska et al. 2018]. Об этом же говорит также находка гаплогруппы R1a в ископаемой скифской ДНК (датировка 2305±90 лет назад), сделанная в волжских степях Самарской области [Haak et al. 2015]. Обычай скорченного захоронения сопровождается сохранением культа змей. Об этом свидетельствуют находки на некрополе Дружное, расположенном в Центральном Крыму, в 20 км к юго-востоку от Симферополя, в 1 км от села Дружное, на склоне горы Шпиль, одного из отрогов Долгоруковской яйлы. Здесь, в погребении № 4,5 южного подбоя, среди других артефактов найден бронзовый браслет с окончаниями в виде змеиных головок, одна из которых лишена орнамента, а другая имеет 5 поперечных черточек около «носа» и стилизованные полукруглые «глаза» за ними. В этом же погребении найдены также две фибулы (длиной 68 и 73 мм) со спинкой, декорированной наложенной проволочной «змейкой». Авторы этих находок полагают, что, возможно, фибулы с орнаментом в виде «змейки» возникли в позднескифской среде. Наиболее ранние экземпляры происходят из некрополей Неаполя Скифского и Усть-Альминского городища, относящихся к позднему горизонту могильников. Пластинчатые фибулы с проволочной змейкой появились, видимо, на рубеже II–III вв. н. э. и употреблялись в первой половине III в. н. э. [Храпунов, Масякин, 1998, с. 137–142, рис. 3, *49*; 3, *17*; 4, *19*]. При исследовании могильника Нейзац – самого позднего (III–V вв. н. э.) из рассматриваемых могильников Крыма [Высотская, 1987, с. 55] и расположенного приблизительно в 20 км от Симферополя (в предгорной зоне, в долине реки Зуя), в могиле № 511, содержащей три погребения, было обнаружено среди прочего 2 серебряных браслета, датированных III в. н. э. Оба они имели окончания в виде стилизованных змеиных головок [Храпунов, 2016, рис. 7, *24, 26*]. Приведенными в настоящей работе данными из доступных нам публикаций пока ограничиваются археологические свидетельства наличия культа змей в Западном Крыму в доисторическое и античное время и наличия здесь культа Ахилла с V в. до н. э. по II в. н. э.

Однако есть существенное дополнение к этим данным. Анализируя древние сведения о деяниях апостола Андрея, С. В. Петровский нашел главное для нашего исследования: в перечне географических пунктов проповеди апостола Андрея, согласно апокрифам, входят, в частности: страна антропофагов, которая ассоциируется с Таврией и которую достиг апостол морем, а также населенный пункт Мирмидон. В поздней латинской и англосаксонской редакции – это «Мирмидония», «страна Мирмидонян», «Мармедоняне» и конечный пункт проповеди апостолов Андрея и Матфея – «город Мармедонян (Мирмидон, Мармедон, Мермедон», который ассимилируется с Херсонесом Таврическим. Кроме того, С. В. Петровский показывает, с привлечением ряда античных авторов, в том числе Геродота и Страбона, что локализация «страны антропофагов (скифов и тавров)» и Мирмидона в Таврии вполне обоснована; более того, привлекая античные источники об Ахилле в Северном Причерноморье, он полагает рассматриваемые сведения церковных писателей вполне достоверными [Петровский, 1898, 3, 9–26]. В. Г. Васильевский утверждал: «Апокрифические сказания об апостоле Андрее также древни или даже ещё древнее,

чем те краткие сведения, которые находятся у церковных писателей и в списках апостолов», а также то, что среди апокрифов выделяются «Деяния Андрея и Матфея в стране антропофагов (Хождение в страну антропофагов или мирмидонян)»; это сказание передается в «Апостольских историях» псевдо-Авдия, где упоминается город Мирмидон, в котором проповедовали апостолы Андрей и Матфей [Васильевский, 1877, с. 53, 58–59, 66]. В. Г. Васильевский также указывает, что наиболее полную версию «хождения апостола Андрея к антропофагам» содержит англосаксонская поэма об Андрее (VIII – начало IX в.), где упоминается «народ мирмидонян» – «Volkder Mermedonier», а антропофаги иначе именуются, причем постоянно, мирмидонянами [Васильевский, 1877, с. 67–68, 70]. Мы так подробно приводим выдержки из работ историков церкви в связи с тем, что, как известно, предводителем мирмидонян в Трое был Ахилл. При этом только он и его отец Пелей являются вождями мирмидонян в эпосе вообще. Отсюда очевидно, что упоминание «народа мирмидонян» и населенного пункта с названием Мирмидон в описаниях деяний апостола Андрея в «стране антропофагов» – в Таврике, т. е. в современном Крыму, связано с культом Ахилла, существовавшим там много веков. Таким образом, апокрифические сказания об апостоле Андрее, видимо, дают наиболее полное объяснение одного из культовых эпитетов Ахилла в Северном Причерноморье – «Вечный отец», поскольку он оказывается неразрывно связан с целым народом тавров.

Приведенные данные и их обсуждение позволяют сделать следующие выводы:

1. Местное население Западного Крыма ко времени появления греческих колонистов и далее, до начала нашей эры, представляло собой так или иначе потомков ранних индоевропейцев (ариев), среди которых был развит культ Áhi-Змея (Верховного божества и Первопредка) – возможного прообраза Ахилла. Об этом свидетельствуют многочисленные находки на памятниках, начиная с дотаврского (белозерского) времени змеевидных браслетов различных форм и орнаментов, змеевидных валиков и змеевидного орнамента лепной керамики белозерской и кизил-кобинской культуры, а также некоторые росписи в погребальных каменных ящиках, характерных для тавров. Артефакты «змеиной» тематики были обнаружены в значительном числе и на памятниках Западного Крыма более позднего времени, вплоть до III в. н. э.

2. Святилище Ахилла на Бейкуше относилось к Борисфену, бывшему в позднеархаическое время самостоятельным полисом, и, когда население ввиду возникновения военно-политической нестабильности в степной зоне Северного Причерноморья стало массово покидать Борисфен, адепты культа Ахилла тоже вполне могли переселиться в Западный Крым после прекращения деятельности Бейкушского святилища в V в. до н. э. Дело не только в них, но и в ионийцах, основавших Керкинитиду и Калос Лимен, а также первыми прибывшими на территорию будущего Херсонеса. Распространенное ранее мнение об исключительно милетском (греческом) происхождении культа Ахилла в Северном Причерноморье представляется несостоятельным, поскольку в Милете (как и в Ионии в целом) сколь-либо развитый культ Ахилла не подтверждается ни древними источниками, ни данными археологии.

3. Решающим фактором формирования культа Ахилла в Западном Крыму, как и в Нижнем Побужье, на начальном этапе явилась встреча колонистов с мощным идеологическим феноменом – почитанием местными племенами (реликтовыми ариями-таврами и, вероятно, фракийцами) Áhi-Змея – Первопредка и олицетворения родившегося в Северном Причерноморье индоевропейского мировоззрения. Фракийское влияние, многочисленные свидетельства которого имеются в Западном Крыму, также могло сыграть определенную роль, поскольку образ Верховного бога фракийцев, Фракийского всадника, имел в истоках ранние индоевропейские корни и во многих аспектах был схож с образом Ахилла, включая тесную связь со змеями.

4. При этом большое значение могли иметь архетипические верования дорийцев, основавших Херсонес, а затем освоивших его дальнюю хору по всему Западному Крыму. Почвой для этого, по всей вероятности, служил весьма специфический культ Ахилла Аспета в древнейшем дорийском Эпире, который имел с древнейших времен важное значение в индоевропейском аспекте при формировании Эллады, причем – в тесной связи с Ахиллом. Древние представления об Ахилле дорийцев (прибывших в Западный Крым дальних потомков ранних индоевропейцев Северного Причерноморья) не могли не совпасть с почитанием реликтовыми ариями данного региона, таврами, Áhi-Змея (Верховного божества и Первопредка) – возможного прообраза Ахилла. Херсонес с самого начала своего основания был не чисто греческим, а греко-варварским городом.

5. Почитание Ахилла в Западном Крыму отразилось в ряде граффити, обнаруженных в Херсонесе и на его хоре. Их действительное число значительно больше, чем считалось ранее. Общее количество граффити античного Херсонеса с возможным посвящением Ахиллу оказывается почти в полтора раза больше, чем найденных при раскопках святилища Ахилла на Бейкуше. Большинство из них обнаруживает сходство с посвящениями Ахиллу из Нижнего Побужья (с Бейкуша, Черноморки-II и Березани), которые представлены очень кратко – A, AX, AXI. На ближней и дальней хоре Херсонеса обнаружено около пятнадцати граффити, большинство из которых обозначают AX или AXI. В подавляющем большинстве такие граффити из Херсонеса датируются IV–III вв. до н. э., лишь три – серединой-концом V в. до н. э. и четыре – II в. до н. э., а все краткие граффити с ближней и дальней хоры относятся к IV–III вв. до н. э. Сравнивать Ахилла данных посвящений с Ахиллом Понтархом некорректно, поскольку культ последнего появился в Ольвии заметно позже – уже в римское время, не ранее конца I в. до н. э., когда Ольвия только начала восстанавливаться после гетского нашествия.

6. Мы считаем, на основании критического исследования большого количества археологических данных, что «монеты-стрелки» действительно являлись «монетами-копьями» и во Фракии принадлежали культу Фракийского всадника, а в Нижнем Побужье – культу Ахилла. Поэтому и «монеты-стрелки» («монеты-копья») Керкинитиды тоже могли принадлежать культу Ахилла, а не Аполлона Врача. В пользу наличия в Керкинитиде культа последнего нет ни литературных,

ни археологических данных; здесь, например, даже нет ни единого граффито типа ΙΗΤΡΟΣ (Врач), что, как правило приписывается Аполлону Врачу.

7. На хоре Херсонеса найдены два граффити, имеющие важнейшее значение. И если одно из них (из Кара-Тобе конца II – начала I в. до н. э.) только показывает возможную связь Ахилла с Великой богиней, то другое (из урочища Джангуль, II в. до н. э.) бесспорно подтверждает это. Такие посвящения свидетельствуют о почитании Ахилла не просто в качестве героя-бога, но свидетельствуют о том, что Ахилл мыслился в Западном Крыму как Верховное божество.

8. В Западном Крыму имеются многочисленные свидетельства того, что культ змей продолжал существовать здесь, как минимум, до III в. н. э. Имеются здесь и свидетельства культа Ахилла в римское время, но уже значительно меньше, чем ранее: найдено всего шесть граффити АХ, все они датированы рубежом нашей эры – I в. н. э. Однако надпись II в. н. э. из Неаполя Скифского: «…Ахиллу и всем богам», где Ахилл упоминается перед «всеми богами», свидетельствует о сохранении значимости его образа. Такое положение может быть только у Верховного божества, которое почитали с доисторических времен. Вероятно, что именно такая природа сохраняется и у Ахилла-бога (Ахилла Понтарха), о котором свидетельствует Дион Хрисостом (XXXVI, 14): «Ахилл – для нас бог, как ты сам видишь». Это подкрепляется одним из культовых эпитетов Ахилла в Ольвийском полисе – «Вечный отец», который не объяснить иначе, как понимание сущности образа Ахилла в значительно большей степени, чем просто бога, и тем более – просто героя. Таким образом, культ Ахилла на протяжении около шести веков был почитаем гораздо в большей степени, чем раньше. При этом данный культ сохранил архаические черты, что было утеряно в Ольвийском полисе после V в. до н. э. Это связано с тем, что в Западном Крыму культ Ахилла (не государственный, а частный) существовал в более смешанной с местным населением, таврами, среде. Кроме того, археологические данные, подтверждаемые письменными свидетельствами, заставляют говорить о наличии тесных взаимосвязей, а возможно, и о слиянии таврской и скифской культур в Крыму в последние века до н. э. – первые века н. э., что проявилось, в частности, в преемственности культа змей. Это и позволило частному культу Ахилла-бога сохраняться здесь долгое время.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Бабенчиков В. П. Некрополь Неаполя Скифского // История и археология древнего Крыма / Отв. ред. П. Н. Шульц. Киев: Изд-во АН УССР. 1957. С. 94–141.

Белов Г. Д. Северный прибрежный район Херсонеса: по новейшим раскопкам // Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). МИА № 34. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 11–31.

Белоусов А. В. Греческая и римская эпиграфика Северного Причерноморья. 2013 г. // Аристей / Гл. ред. А. В. Подосинов. 2014. Т. X. С. 317–341.

Богданова Н. О. Могильник I ст. до н. э. – III ст. н. э. біля с. Завітне, Бахчисарайського району // Археологія. 1963. Т. 15. С. 95–109.

Буйских С. Б. К истории открытия Бейкушского святилища // Северное Причерноморье в античное время. Киев: Институт археологии НАН Украины, 2002. С. 21–32.

Вальчак С. Б. Киммерийский период // Большая российская энциклопедия. Т. 13. М., 2009. С. 684.

Васильевский В. Г. Русско-византийские отрывки: Хождение апостола Андрея в страну мирмидонян // Журнал Министерства народного просвещения. 1877. Вып. 189.Часть 2. СПб. С. 41–82.

Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. Изд-е 5-е. СПб., 1899. 1370 с.

Виноградов Ю. Г. Ольвиополиты в Северо-Западной Таврике // Древнее Причерноморье (чтения памяти профессора Петра Осиповича Карышковского). Тезисы докладов конференции (9–11 марта 1989 г., Одесса, 1989). Одесса, 1990. С. 17–19.

Внуков С. Ю. Новые открытия на городище Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму в 2007 г. // АДУ 2005–2007 р. / Гол. ред. Н. О. Гаврилюк. Київ; Запоріжжя: ІА НАН України; Дике Поле, 2007. С. 54–58.

Высотская Т. Н. Этнический состав населения Крымской Скифии (по материалам могильников) // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н. э. – VII в. н. э. Киев: Наукова думка, 1987. С. 40–67.

Гаврилов А. В., Труфанов А. А. Исследование могильника городища Куру-Баш // АДУ в 2011 р. / Гол. ред. Д. Н. Козак. Київ: Волинські старожитності, 2012. С. 33–34.

Гаврилюк Н. А. Лепная керамика городища Чайка // Очерки археологии Северо-Западного Крыма (по материалам городища Чайка и некрополя у поселка Заозерное) / Отв. ред. Е. А. Попова. М.: МГУ, 2016. С. 179–271.

Гайдукевич В. Ф., Капошина С. И. К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья // Советская археология. 1951. XV. С. 162–187.

Голан А. Миф и символ. М.: Русслит, 1993. 375 с.

Дараган М. Памятники раннескифского времени Среднего Поднепровья и Гальштатт: поиски хронологических реперов // Revista Arheologică. Serie nouă. 2010. Vol. VI. № 2. Chişinău. Pp. 85–113.

Дашевская О. Д. Поздние скифы (III в. до н. э. – III в. н. э.) // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. А. И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. С. 125–146.

Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму. М.: Наука, 1991. 141 с.

Доманский Я. В. К предыстории Херсонеса Таврического // Античный мир и археология. 1974. Вып. 2. Саратов. С. 37–46.

Доманский Я. В., Фролов Э. Д. Развитие межполисных отношений в Античном Причерноморье в VI–I вв. до н. э. (принципиальный обзор) // Античный полис. Межвузовский сборник / Отв. ред. Э. Д. Фролов. С. 103–111.

Зайцев Ю. П. Хронология Неаполя Скифского // Древности Степного Причерноморья и Крыма / Отв. ред. Г. Н. Тощев. Запорожье: Запорожский государственный университет, Запорожский областной краеведческий музей, 1995. Вып. V. С. 67–90.

Зайцев Ю. П. Неаполь Скифский (II в. до н. э. – III в. н. э.). Симферополь: Универсум, 2003. 212 с., ил.

Златковская Т. Д. Возникновение государства у фракийцев. М.: Наука, 1971. 267 с.

Золотарев М. И. Херсонесская архаика // ВДИ. 1995. № 3. С. 138–151.

Кагаров Е. Г. Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. М.: Либроком., 2012. 336 с.

Кияшко А. В. Морфология и орнаментика керамики эпохи средней бронзы Волго-Донских степей // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2001. Вып. 4. С. 25–43.

Клёсов А. А. Гаплогруппа R1b. Часть 2. Гаплогруппа R1b по странам и регионам // Вестник Российской академии ДНК-генеалогии. 2010. Т. 3. № 3. С. 406–475.

Клёсов А.А. Миграции ариев от 6000 до 3000 лет назад – как их видит ДНК-генеалогия, археология и лингвистика. Часть 2 // Вестник Академии ДНК-генеалогии. 2016. Т. 9. № 2. С. 187–240.

Колобова К. М., Глускина Л. М. Очерки истории Древней Греции. Л.: Госучпедиздат, 1958. 347 с.

Колотухин В. А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начале железного века. Киев: Южногородские ведомости, 1996. 160 с.

Колотухин В. А. Киммерийцы и скифы Степного Крыма (подкурганные погребения Степного Крыма начала железного века). Симферополь: Сонат, 2000. 120 с.

Колотухин В. А. Население горного и предгорного Крыма VII–V вв. до н. э. // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н. э. – VII в. н. э. Киев: Наукова думка, 1987. С. 6–27.

Колотухин В. А. Поздний бронзовый век Крыма. Киев: Стилос, 2003. 139 с.

Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н. Скифские погребения в курганах Юго-Западного Крыма // ИАК. Вып. II / Отв. ред. В. В. Майко. Симферополь: [б.и.], 2015. С. 79–101.

Котенко В. В. Місце та роль поселення Маслини в системі археологічних пам'яток херсонеської хори у Північно-Західній Таврициі // Laurea I. Античный мир и Средние века: Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева. Материалы. Харьков: ООО «НТМТ», 2015. С. 36–38.

Кравченко Е. А. Кизил-кобинська культура у Західному Криму. Київ: ІА НАН України, 2010. 276 с.

Кутайсов В. А. Античный город Керкинитида. Киев: Наукова думка, 1990. 176 с.

Кутайсов В. А. Керкинитида. Симферополь: Таврия, 1992. 192 с.

Кутайсов В. А. Керкинитида в античную эпоху. Киев: Корвин Пресс, 2004. 324 с.

Кутайсов В. А. Кизил-кобинская керамика из раскопок Керкинитиды // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н. э. – VII в. н. э. Киев: Наукова думка, 1987. С. 27–40.

Кутайсов В.А. Ольвия и Северо-Западный Крым // Ольвія та Античний світ: Матеріали наукових читань, присвячених 75-річчю утворення історико-археологічного заповідника «Ольвія» НАН Украіни, 19–22 листопада 2001 р. Київ, 2001. С. 77–80.

Кутайсов В. А. О туземном компоненте в составе населения Керкинитиды // Скифо-сибирская культурно-историческая общность. Мат. конф. Часть 2 / Отв. ред. В. И. Матющенко. Омск, 1987. С. 144–146.

Лазаренко В. Г. Ахилл – бог Северного Причерноморья. Ижевск: Шелест, 2018. 416 с.

Лазаренко В. Г. Культ Ахилла в Северном Причерноморье и Фракийский всадник // НГ. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. Вып. IX / Отв. ред. И. Ю. Шауб. СПб., 2017. С. 97–152.

Лазаренко В. Г. Культ змей в Северном Причерноморье IV–I тысячелетий до н. э. // Вісник Національного історико-археологичного заповідника «Кам'яна Могила». Вип. I / Відп. ред. Я. Б. Михайлов. Запоріжжя: Дике Поле, 2016. С. 37–48.

Лазаренко В. Г. Образ Змея и архаический культ Ахилла в Северном Причерноморье // НГ. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. Вып. VII / Глав. ред. А. Б. Егоров. СПб., 2015. С. 30–54.

Лазаренко В. Г. Особенности культа Ахилла в Крыму и на Азиатском Боспоре // БИ / Глав. ред. В. Н. Зинько. 2019. Вып. XXXIX. Керчь-Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского. С. 20–57.

Лазаренко В. Г. Ранний период архаического культа Ахилла в Северном Причерноморье // НГ. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. Т. VIII / Глав. ред. А. Б. Егоров. СПб., 2016. С. 13–60.

Лазаренко В. Г. Феномен монет-стрелок: проблемы и поиск их решений. Часть 1. Происхождение и время обращения монет-стрелок // НГ. Вестник классической археологии, антиковедения и медиевистики. 2020. Вып. XII, 2 / Глав. ред. И. Ю. Шауб. С. 96–148.

Лазаренко В. Г. Феномен монет-стрелок: проблемы и поиск их решений. Часть 2. Существуют ли эпиграфические доказательства обращения монет-стрелок в греческой среде и действительно ли это «монеты-стрелки»? // НГ. Вестник классической археологии, антиковедения и медиевистики. 2021. Вып. XIII, 1 / Глав. ред. И. Ю. Шауб. С. 20–66.

Лазаренко В. Г. Феномен монет-стрелок: проблемы и поиск их решений. Часть 3. Культовое предназначение монет-стрелок. Раздел 1. О мнимом целительстве Аполлона-лучника и его стрел // НГ. Вестник классической археологии, антиковедения и медиевистики. 2021а. Вып. XIII, 4 / Глав. ред. И. Ю. Шауб. С. 116–141.

Латышев В. В. Эпиграфические новости из южной России (находки 1901–1903 годов) // ИИАК. 1904. Вып. 10. СПб. С. 1–91.

Лесков А. М. Горный Крым в I тысячелетии до нашей эры. Киев: Наукова думка, 1965. −198 с.

Лесков О. М., Кравченко Е. А. Гряда А могильника кизил-кобинської культури Уркуста-I у Південно-Західному Криму // Археологія. 2007. № 4. С. 11–22.

Лысенко А. В., Масякин В. В., Мордвинцева В. И. Могила № 1 некрополя римского времени Лучистое-2 (Южный Крым) // ИАК. Вып. II / Отв. ред. В. В. Майко. Симферополь, 2015. С. 295–333.

Мелюкова А. И. Скифские курганы Тираспольщины (по материалам И. Я. и Л. П. Стемпковских) // Памятники скифо-сарматской культуры. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 114–166.

Отрешко В. М. Граффити, найденные на поселении Большая Черноморка-II в 1973 г. // Некоторые вопросы археологии Украины / Отв. ред. Н. Н. Бондарь. Киев: Вища школа, 1977. С. 40–44.

Папанова В. А. Символика оружия в античных погребениях // БФ: Погребальные памятники и святилища. 2002. Часть 2. СПб., С. 279–285.

Пеляшенко К. Ю. Глиняная мелкая пластика Циркуновского городища // Археологія та етнологія півдня Східної Європи / Відп. ред. З.П. Маріна. Дніпро: Ліра. 2016. С. 270–278.

Петренко В. Г. Украшения Скифии VII–III вв. до н. э. М.: Наука, 1978. 144 с., 52 табл.

Петровский С. В. Апокрифические сказания об апостольской проповеди по Черноморскому побережью // Записки Одесского общества истории и древностей. 1898. Вып. 21. Одесса. С. 1–184.

Подосинов А. В., Скржинская М. В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. М.: Индрик, 2011. 504 с.

Попова Е. А. Орнаментированные лепные курильницы с городища Чайка в Северо-Западном Крыму // Scythia et Sarmatia / Отв. ред. А. А. Малышев. М: МАКС Пресс, 2019. С. 207–212.

Попова Е. А. Проблемы археологии и истории Северо-Западного Крыма в IV в. до н. э. – Iв. н. э. (по материалам городища Чайка в Евпатории и некрополя у поселка Заозерное) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2009. № 3. С. 102–128.

Попова Е. А., Егорова Т. В. Исследования Крымской археологической экспедиции МГУ на городище Чайка близ Евпатории и на некрополе у пос. Заозерное в 2007 г. // АДУ 2008р. Київ: Волинські старожитності, 2009. С. 276–278.

Порциг В. Членение индоевропейской языковой области / Пер. с нем. Изд-е 2-е, исправл. М.: Едиториал УРСС, 2003. 332 с.

Птолемей Хенн. Новая история для многознающих. Из «Библиотеки» Фотия (Cod. 190) / Пер. Д.В. Мещанского // w.w.w. simposium.ru/ru/node/10516. Дата обращения 14.01.2022.

Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с., ил.

Пуздровский А. Е., Труфанов А. А. Два склепа в центральной части Усть-Альминского некрополя // ИАК. Вып. II / Отв. ред. В. В. Майко. Симферополь, 2015. С. 200–269.

Пятышева Н. В. Культ греко-тавро-скифского божества в Херсонесе // ВДИ. 1947. № 3. С. 213–218.

Пятышева Н. В. Тавры и Херсонес Таврический // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК. М. –Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Вып. XXIX. С. 122–124.

Репников Н. И. Каменные ящики Байдарской долины // ИИАК. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1909. Вып. 30. С. 127–155.

Рогов Е. Я. Ольвиополиты в Северо-Западном Крыму // ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб: Гос. Эрмитаж; Алетейя, 2000. С. 269–274.

Романчук А. И. Исследования Херсонеса–Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы: Монография: В 2 т. Т. 1: Античный полис. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2008. 720 с., 88 ил.

Русяєва А. С. Культові предмети из поселення Бейкуш поблизу о-ва Березань // Археологія. 1971. № 2. С. 22–29.

Сапрыкин С. Ю. Денежное обращение на хоре Херсонеса Таврического в античную эпоху. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2005. 204 с.

Сапрыкин С. Ю. Памятники малой эпиграфики Северо-Западного Крыма античной эпохи // История и археология Северо-Западного Крыма. Материалы к археологической карте Крыма. Выпуск XIV / Ред. В. А. Кутайсов и Т. Н. Смекалова. Симферополь: Феникс, 2014. С. 7–32.

Сапрыкин С. Ю., Внуков С. Ю. Греческие надписи из Кара-Тобе (Северо-Западный Крым) // ВДИ. 2015, № 2. С. 98–119.

Сенаторов С. Н. Керамика кизил-кобинской культуры второй половины VI – первой половины IV в. до н. э. // БФ: Население, языки, контакты. СПб., 2011. С. 354–362.

Соломоник Э. И., отв. ред. Граффити античного Херсонеса (на чернолаковых сосудах). Киев: Наукова думка, 1978. 139 с., табл.

Соломоник Э. И. Граффити с хоры Херсонеса. Киев: Наукова думка, 1984. 114 с., табл.

Соломоник Э. И. Некоторые группы граффити из античного Херсонеса // ВДИ. 1976. № 3. С. 121–142.

Соломоник Э. И. Эпиграфические памятники Неаполя Скифского // Нумизматика и эпиграфика. 1962. Т. III. М.: Изд-во АН СССР. С. 32–44.

Снітко І. А. Архітектура греко-скіфського городища Беляус: проблеми дослідження та інтерпретації // Проблеми історії та археології України: Тези доповідей XII Міжнародної наукової конференції, присвяченої 215-річчю Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна (Харків, листопад 2020). Харків: ТОВ «НТМТ», 2020. С. 30–31.

Снітко І. О. Ще раз про межі ольвійського поліса // Археологія. 2012, № 4. С. 31–42.

Стржелецкий С. Ф. Раскопки таврского некрополя Херсонеса в 1945 г. // Херсонесский сборник. Вып. IV / ред. А. П. Смирнов. Симферополь: Крымиздат, 1948. С. 69–95.

Сулимирский Т. Сарматы. Древний народ юга России / Пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2008. 191 с.

Тельнов Н., Синика В. Фракийские влияния на материальную культуру и погребальный обряд скифов III–II вв. до н. э. на левобережье Нижнего Днестра // RA. Serie nouă. 2012. Vol. VIII. Nr. 1–2. Pp. 69–83.

Техов Б. В. Средняя Европа и Центральный Кавказ в эпоху поздней бронзы и раннего железа // Между Европой и Азией. Кавказ в IV–I тыс. до н. э. СПб., 1996. С. 101–104.

Топоров В. Н. К древним балкано-балтийским связям в области языка и культуры // Античная балканистика. Первый симпозиум по балканскому языкознанию (23–24 мая 1972 г.). Предварительные материалы. М., 1972. С. 24–38.

Топоров В. Н. К происхождению некоторых поэтических символов. В кн. Топоров В.Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. В 2 тт. Т. 1. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. С. 52–82.

Топоров В. Н. Об архаическом слое в образе Ахилла // Образ-смысл в античной культуре. М.: ГМИИ, 1990. С. 64–95.

Тохтасьев С. Р. Из ономастики Северного Причерноморья. XXI. TPAKANA // ВДИ. 2013. №1. С. 193–196.

Тощев Г. Н. Крым в эпоху бронзы. Запорожье: Запорожский национальный университет, 2007. 304 с., ил.

Троицкая Т. Н. Скифские коллективные погребения в курганах Крыма // ИАК. Вып. II / Отв. ред. В. В. Майко. Симферополь: [б.и.], 2015. С. 54–65.

Трубачев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1999. 320 с.

Трубачев О. Н., Шапошников А. К. Этимологический словарь языковых реликтов Indoarica. В кн. Трубачев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье. М.: Наука. 1999. 320 с. С. 220–288.

Труфанов А. А., Зайцев Ю. П., Медведев Г. В., Соломоненко А. Е., Шкрибляк И. И. Исследования Усть-Альминского некрополя в 2019 году // ИАК. 2020. Вып. XIII. С. 393–400.

Уваров А. С. Несколько слов об археологических изысканиях близ Симферополя и Севастополя // Пропилеи. IV. М., 1854. С. 525–537.

Фролов Э. Д. Копьё как орудие и символ знатности у древних греков // Мнемон: Исследования и публикации по истории Древнего мира. 2012. № 11. СПб. С. 57–64.

Храпунов И. Н. Две подбойные могилы III в. н. э. из некрополя Нейзац (Крым) // РА. 2016. №2. С. 132–149.

Храпунов И. Н. Об этнической принадлежности кизил-кобинской культуры // История и археология Юго-Западного Крыма / Ред.-сост. М. М. Могаричев. Симферополь: Таврия, 1993. С. 3–10.

Храпунов И. Н., Масякин В. В. Могила с двумя подбоями III в. н. э. из некрополя Дружное в Крыму // РА. 1998. № 4. С. 133–149.

Храпунов И. Н., Мульд С. А. Катакомбы из могильников Фонтаны и Левадки в связи с происхождением позднескифской культуры // Проблемы истории, филологии, культуры. 2004. Вып. 14. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорского гос. техн. университета. С. 239–269.

Шапошников А. К. Языковые реликты фракийского облика в Северном Причерноморье //

Этимология 2009–2011 / Отв. ред. Ж. Ж. Варбот. М.: Наука, 2012. С. 252–308.

Шапошников А. К. Indoarica в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания. 2005. – №5. С. 30–67.

Шауб И. Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.). СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2007. 484 с.

Шауб И. Ю. О семантике изображений на золотом браслете из Куль-Обы // НГ. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. Вып. V / глав. ред. А. Б. Егоров. СПб., 2012. С. 5–9.

Шубин В. И. Копье как символ в поэмах Гомера //Античное общество – IV: Власть и общество в Античности. Материалы международной конференции антиковедов, проводившейся 5–7 марта 2001 г. на историческом факультете СПбГУ. СПб., 2001. http://www.ctntant.pu. ru/centrum/publik/confcent/2001-03/shubin.htm (дата обращения 10.01.2022).

Щеглов А. Н. Большой Кастель и святилище II в. до н.э. в урочище Джангуль // Проблемы античной культуры: Тезисы докладов Крымской научной конференции 19–24 сентября 1988 г. Ч. III / отв. ред. Л. В. Павленко. Симферополь, 1988. С. 273–275.

Щеглов А. Н. Работы в Черноморском районе Крыма // Археологические открытия 1984 года / Отв. ред. В. П. Шилов. М., 1986. С. 333–334.

Щеглов А. Н., Рогов Е. Я. Погребения в подбойных могилах в Нижнем Побужье, в Нижнем Поднестровье и в Северо-Западном Крыму // Проблемы исследования Ольвии. – Парутино, 1985. С. 86–88.

Эпир // Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. В 86 тт. Т. XLa. СПб.: Семеновская типолитография (И.А. Ефрона), 1904. С. 919–920.

Яйленко В. П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 2. С.72–99.

Яйленко В. П. Греческая колонизация VII–III вв. до н. э. (по данным эпиграфических источников). М.: Наука, 1982. 312 с.

Яйленко В. П. Три историко-ономастических фракийско-скифских очерка: алазоны, амазонки, Эксампей // БИ. Вып. XXXIII / Отв. ред. В.Н.Зинько, Керчь: Керченская городская типография, 2016. С. 30–94.

Allentoft M.E., Sikora M., Sjögren K.G., Rasmussen S. et al. Population genomics of Bronze Age Eurasia // Nature. 2015. 522. Pp. 167–172.

Haak W., Brandt G., de Jong H.N., Meyeretal C. Ancient DNA, Strontium isotopes, and osteological analyses shed light on social and kinship organization of the Later Stone Age // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2008. 105. Pp. 18226–18231.

Haak W., Lazaridis I., Patterson N., Rohland N. et al. Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe // Nature. 2015. 522. Pp. 207 – 211.

Hupe J. Syntese: Akkulturation prozesse im Spiegel des Achilleus-Kult. Der Achilleus-Kult im nördlichen Schwarzmeerraum vom Beginn der griechischen Kolonisation bis in die römische Kaiserzeit / Beiträge zur Akkulturationsforchung / Joachim Hupe (Hrsg.). Rahden / Westf.: Leidorf, 2006. (Internationale Archäologie. Bd. 94). S. 235–241.

IOSPE III. https://iospe.kcl.ac.uk/3.596-ru.html.

Krzewińska M., Kilinç G.M., Juras A., Koptekin D., Chyleński M. et al. Ancient genomes suggest the eastern Pontic-Caspian steppe as the source of western Iron Age nomads. Science Advances. 03 Oct 2018: Vol. 4, no. 10, eaat 4457.

Latyschev B. Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. 2nd ed. (IOSPE I²). Vol. I. Petropoli, 1916, pp. 598.

Liddel H.G., Scott R. Greek-English Lexicon. Eighth edition, revised throughout. New York, Chicago, Cincinati: American book company, 1901, 1776 p.

Mathieson I., Lazaridis I., Rohland N., Mallick S., Patterson N. et al. Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians. Nature. 2015. 528. Pp. 499–503.

Solovyov S. L. Monetary Circulation and Political History of Archaic Borysthenes. Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2006. Vol. 12.1–2, pp. 63–75.

REFERENCES

Allentoft M. E., Sikora M., Sjögren K. G., Rasmussen S. et al. Population genomics of Bronze Age Eurasia. *Nature*, 2015, 522, pp. 167–172.

Babenchikov V. P. Nekropol' Neapolja Skifskogo. *Istorija i arheologija drevnego Kryma*. Ed. P. N. Shul'c. Kiev: AN USSR Publ. 1957, pp. 94–141.

Belov G. D. Severnyj pribrezhnyj rajon Hersonesa: Po novejshim raskopkam. *Arheologicheskie pamjatniki Jugo-Zapadnogo Kryma (Hersones, Mangup)*. MIA № 34. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1953, pp. 11–31.

Belousov A. V. Grecheskaja i rimskaja jepigrafika Severnogo Prichernomor'ja. 2013 g. *Aristej*. Ed. A. V. Podosinov. 2014. Vol. X, pp. 317–341.

Bogdanova N. O. Mogil'nik I st. do n. je. – III st. n. je. bilja s. Zavitne, Bahchisarajs'kogo rajonu *Arheologija.* 1963. Vol. 15, pp. 95–109.

Bujskih S. B. K istorii otkrytiya Bejkushskogo svyatilishcha. *Severnoe Prichernomor'e v antichnoe vremya.* Kiev, Institut arheologii NAN Ukrainy, 2002, pp. 21–32.

Dashevskaya O. D. Pozdnie skify (III vv. do n. e. – III vv. n. e.). *Stepi Evropejskoj chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya.* A. I. Melyukova (Ed.). Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 125–146.

Dashevskaya O. D. *Pozdnie skify v Krymu.* Moscow, Nauka Publ., 1991, 141 p.

Domanskij Ja. V. K predystorii Hersonesa Tavricheskogo. *Antichnyj mir i arheologija.* 1974. Issue 2. Saratov, pp. 37–46.

Domanskij Ja. V., Frolov Je. D. Razvitie mezhpolisnyh otnoshenij v Antichnom Prichernomor'e v VI–I vv. do n. je. (principial'nyj obzor). *Antichnyj polis*. Mezhvuzovskij sbornik. Ed. Je. D. Frolov, pp. 103–111.

Frolov Je. D. Kop'jo kak orudie i simvol znatnosti u drevnih grekov. *Mnemon:* Issledovanija i publikacii po istorii Drevnego mira. 2012, no. 11. St. Petersburg, pp. 57–64.

Gavrilov A. V., Trufanov A.A. Issledovanie mogil′nika gorodishcha Kuru Bash. Kozak D. N. (Ed.). *ADU v 2011 r.* Kiiv, Volins′ki starozhitnosti Publ., 2012, pp. 33–34.

Gavriljuk N. A. Lepnaja keramika gorodishha «Chajka». *Ocherki arheologii Severo-Zapadnogo Kryma (po materialam gorodishha «Chajka» i nekropolja u poselka Zaozernoe)*. Ed. E. A. Popova. Moscow, MGU Publ., 2016, pp. 179–271.

Gajdukevich V. F., Kaposhina S. I. K voprosu o mestnyh jelementah v kul'ture antichnyh gorodov Severnogo Prichernomor'ja. *Sovetskaja arheologija.* 1951, vol. XV, pp. 162–187.

Golan A. Mif i simvol. Moscow, Russlit Publ, 1993, 375 p.

Haak W., Brandt G., de Jong H. N., Meyeretal C. Ancient DNA, Strontium isotopes, and osteological analyses shed light on social and kinship organization of the Later Stone Age. *Proceedings of the National Academy of Sciences,* 2008, 105, pp. 18226–18231.

Haak W., Lazaridis I., Patterson N., Rohland N. et al. Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe. *Nature*, 2015, 522, pp. 207–211.

Hrapunov I. N. Dve podbojnye mogily III v. n. je. iz nekropolja Nejzac (Krym). *RA.* 2016, no. 2, pp. 132–149.

Hrapunov I. N. Ob jetnicheskoj prinadlezhnosti kizil-kobinskoj kul'tury. *Istorija i arheologija Jugo-Zapadnogo Kryma.* Ed. M. M. Mogarichev. Simferopol', Tavrija Publ., 1993, pp. 3–10.

Hrapunov I. N., Masjakin V. V. Mogila s dvumja podbojami III v. n. je. iz nekropolja Druzhnoe v Krymu. *RA*, 1998, no. 4, pp. 133–149.

Hrapunov I. N., Mul′d S.A. Katakomby iz mogil′nikov Fontany i Levadki v svyazi s proiskhozhdeniem pozdneskifskoĭ kul′tury. *Problemy istorii, filologii, kul'tury.* 2004, issue 14, Magnitogorsk, Magnitogorsk iĭ gos. tekhn. Universitet Publ., pp. 239–269.

Hupe J. Synthese: Akkulturationsprozesse im Spiegel des Achilleus-Kultes. Joachim Hupe (Hrsg.). *Der Achilleus-Kult im nördlichen Schwarzmeeraum vom Beginn der griechischen Kolonisation bis in die römische Kaiserzeit.* Beiträge zur Akkulturationsforchung. Rahden, Westf., Leidorf, 2006, S. 235–241 (Internationale Archäologie. Bd. 94).

IOSPE III. https://iospe.kcl.ac.uk/3.596-ru.html.Daragan M. Pamjatniki ranneskifskogo vremeni Srednego Podneprov'ja i Gal'shtatt: poiski hronologicheskih reperov. *Revista Arheologică.* Serie nouă. 2010, vol. VI, no 2, Chişinău, pp. 85–113.

JEPIR. *Brokgauz i Efron. Jenciklopedicheskij slovar'.* V 86 tt. T. XLa. St. Petersburg, 1904, pp. 919–920.

Jajlenko V. P. Graffiti Levki, Berezani i Ol'vii. *VDI.* 1980, no. 2, pp.72–99.

Jajlenko V. P. *Grecheskaja kolonizacija VII–III v. do n. je. (po dannym jepigraficheskih istochnikov).* Moscow, Nauka Publ., 1982, 312 p.

Jajlenko V. P. Tri istoriko-onomasticheskih frakijsko-skifskih ocherka: alazony, amazonki, Jeksampej. *BI.* Issue XXXIII. Ed. V. N.Zin'ko, Kerch': Kerchenskaja gorodskaja tipografija, 2016, pp. 30–94.

Kagarov E. G. *Kul't fetishej, rastenij i zhivotnyh v Drevnej Grecii.* Moscow, Librokom Publ., 2012, 336 p.

Kijashko A. V. Morfologija i ornamentika keramiki jepohi srednej bronzy Volgo-Donskih stepej *Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik.* Volgograd, 2001, issue 4, pp. 25–43.

Kljosov A. A. Gaplogruppa R1b. Chast' 2. Gaplogruppa R1b po stranam i regionam. *Vestnik Rossijskoj Akademii DNK-genealogii.* 2010, vol. 3, no. 3, pp. 406–475.

Klyosov A. A. Migracii ariev ot 6000 do 3000 let nazad – kak ih vidit DNK-genealogiya, arheologiya i lingvistika. CHast′ 2. *Vestnik Akademii DNK-genealogii.* 2016, vol. 9, no. 2, pp. 187–240.

Kolobova K. M., Gluskina L. M. *Ocherki istorii Drevnej Grecii.* Leningrad, Gosuchpedizdat Publ., 1958, 347 p.

Kolotukhin V. A. *Gornyĭ Krym v ėpokhu pozdneĭ bronzy – nachale zheleznogo veka.* Kiev, YUzhnogorodskie vedomosti Publ., 1996, 160 p.

Kolotuhin V. A. *Kimmerijcy i skify Stepnogo Kryma (podkurgannye pogrebenija Stepnogo Kryma nachala zheleznogo veka).* Simferopol', Sonat Publ., 2000, 120 p.

Kolotuhin V. A. Naselenie gornogo i predgornogo Kryma VII–V vv. do n. je. *Materialy k jetnicheskoj istorii Kryma VII v. do n. je. – VII v. n. je.* Kiev, Naukova dumka Publ., 1987, pp. 6–27

Kolotuhin V. A. *Pozdnij bronzovyj vek Kryma.* Kiev, Stilos Publ., 2003, 139 p.

Koltukhov S. G., Senatorov S. N. Skifskie pogrebeniya v kurganah YUgo-Zapadnogo Kryma. *IAK*. Issue II. Ed. V. V. Majko. Simferopol′, 2015, pp. 79–101.

Kotenko V. V. Misce ta rol' poselennja Maslini v sistemi arheologichnih pam'jatok hersones'koï hori u Pivnichno-Zahidnij Tavrici. *Laurea I. Antichnyj mir i Srednie veka:* Chtenija pamjati

professora Vladimira Ivanovicha Kadeeva. Materialy. Har'kov, NTMT Publ., 2015, pp. 36–38.
Kravchenko E. A. *Kizil-kobins'ka kul'tura u Zahidnomu Krimu.* Kiïv, IA NANU Publ., 2010. 276 p.
Krzewińska M., Kilinç G.M., Juras A., Koptekin D., Chyleński M. et al. Ancient genomes suggest the eastern Pontic-Caspian steppe as the source of western Iron Age nomads. *Science Advances.* 03 Oct 2018: Vol. 4, no. 10, eaat4457.
Kutajsov V. A. *Antichnyj gorod Kerkinitida.* Kiev, Naukova dumka Publ., 1990, 176 p.
Kutajsov V. A. Kerkinitida. Simferopol': Tavrija Publ., 1992, 192 p.
Kutajsov V. A. Kerkinitida v antichnuju jepohu. Kiev, Korvin Press Publ., 2004, 324 p.
Kutajsov V. A. Kizil-kobinskaja keramika iz raskopok Kerkinitidy. *Materialy k jetnicheskoj istorii Kryma VII v. do n. je. – VII v. n. je.* Kiev: Naukova dumka, 1987, pp. 27–40.
Kutajsov V.A. Ol'vija i Severo-Zapadnyj Krym. *Ol'vija ta Antichnij svit:* Materiali naukovih chitan', prisvjachenih 75-richchju utvorennja istoriko-arheologichnogo zapovidnika «Ol'vija» NAN Ukraini, 19–22 listopada 2001 r. Kiïv, 2001, pp. 77–80.
Kutajsov V. A. O tuzemnom komponente v sostave naselenija Kerkinitidy. *Skifo-sibirskaja kul'turno-istoricheskaja obshhnost'.* Mat. konf. Chast' 2. Ed. V. I. Matjushhenko. Omsk, 1987, pp. 144–146.
Lazarenko V.G. *Akhill – bog Severnogo Prichernomor'ya.* Izhevsk, SHelest Publ., 2018, 416 p.
Lazarenko V. G. Kul't Ahilla v Severnom Prichernomor'e i Frakijskij vsadnik. *NG. Vestnik antichnoj istorii, arheologii i klassicheskoj filologii.* Issue IX. Ed. I. Ju. Shaub. St. Petersburg, 2017, pp. 97–152.
Lazarenko V. G. Kul't zmej v Severnom Prichernomor'e IV–I tysjacheletij do n. je. *Visnik Nacional'nogo istoriko-arheologichnogo zapovidnika «Kam'jana Mogila».* Issue I. Ed. Ja. B. Mihajlov. Zaporizhzhja, Dike Pole Publ., 2016, pp. 37–48.
Lazarenko V. G. Obraz Zmeja i arhaicheskij kul't Ahilla v Severnom Prichernomor'e. *NG. Vestnik antichnoj istorii, arheologii i klassicheskoj filologii.* Issue VII. Ed. A. B. Egorov. St. Petersburg, 2015, pp. 30–54.
Lazarenko V. G. Osobennosti kul'ta Ahilla v Krymu i na Aziatskom Bospore. *BI*. Ed. V. N. Zin'ko. 2019. Issue XXXIX. Kerch'–Simferopol', Krymskij federal'nyj universitet im. V. I. Vernadskogo, pp. 20–57.
Lazarenko V. G. Rannij period arhaicheskogo kul'ta Ahilla v Severnom Prichernomor'e. N*G. Vestnik antichnoj istorii, arheologii i klassicheskoj filologii.* Issue VIII. Ed. A. B. Egorov. St. Petersburg, 2016, pp. 13–60.
Lazarenko V. G. Fenomen monet-strelok: problemy i poisk ih reshenij: Chast' 1. Proishozhdenie i vremja obrashhenija monet-strelok. *NG. Vestnik klassicheskoj arheologii, antikovedenija i medievistiki.* 2020. Issue XII, 2. Ed. I. Ju. Shaub. St. Petersburg, pp. 96–148.
Lazarenko V. G. Fenomen monet-strelok: problemy i poisk ih reshenij Chast' 2. Sushhestvujut li jepigraficheskie dokazatel'stva obrashhenija monet-strelok v grecheskoj srede i dejstvitel'no li jeto «monety-strelki»? *NG. Vestnik klassicheskoj arheologii, antikovedenija i medievistiki.* 2021. Issue XIII, 1. Ed. I. Ju. Shaub. St. Petersburg, pp. 20–66.
Lazarenko V. G. Fenomen monet-strelok: problemy i poisk ih reshenij Chast' 3. Kul'tovoe prednaznachenie monet-strelok. Razdel 1. O mnimom celitel'stve Apollona-luchnika i ego strel. *NG. Vestnik klassicheskoj arheologii, antikovedenija i medievistiki.* 2021a. Issue XIII, 4. Ed. I. Ju. Shaub. St. Petersburg, pp. 116–141.
Latyschev B. *Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae.* 2nd ed. (IOSPE I²). Vol. I. Petropoli, 1916, 598 p.

Latyshev V. V. Epigraficheskie novosti iz yuzhnoj Rossii (nahodki 1901–1903 godov). *IIAK*. 1904, issue 10, St. Petersburg, pp. 1–91.

Leskov A. M. *Gornyĭ Krym v I tysyacheletii do nasheĭ ėry.* Kiev, Naukova dumka Publ., 1965. –198p.

Leskov O. M., Kravchenko E. A. Grjada A mogil'nika kizil-kobins'koï kul'turi Urkusta I u Pivdenno-Zahidnomu Krimu. *Arheologija.* 2007, no. 4, pp. 11–22.

Liddel H.G., Scott R. *Greek-English Lexicon*. Eighth edition, revised throughout. New York, Chicago, Cincinati: American book company, 1901, 1776 p.

Lysenko A. V., Masyakin V. V., Mordvinceva V. I. Mogila № 1 nekropolya rimskogo vremeni Luchistoe-2 (YUzhnyj Krym). *IAK*. Issue II. Ed. V. V. Majko. Simferopol′, 2015, pp. 295–333.

Meljukova A. I. Skifskie kurgany Tiraspol'shhiny (po materialam I. Ja. i L. P. Stempkovskih. *Pamjatniki skifo-sarmatskoj kul'tury.* Moscow, AN SSSR Publ., 1962, pp. 114–166.

Otreshko V.M. Graffiti, najdennye na poselenii Bol'shaya CHernomorka II v 1973 g. Bondar′ N.N. (Ed.). *Nekotorye voprosy arkheologii Ukrainy.* Kiev, Vishcha shkola Publ., 1977, pp. 40–44.

Papanova V. A. Simvolika oruzhija v antichnyh pogrebenijah. *BF: Pogrebal'nye pamjatniki i svjatilishha.* 2002. Chast' 2. St. Petersburg, pp. 279–285.

Peljashenko K. Ju. Glinjanaja melkaja plastika Cirkunovskogo gorodishha // Arheologija ta etnologija pivdnja Shidnoï Єvropi. Ed. Z.P. Marina. Dnipro, Lira Publ., 2016, pp. 270–278.

Petrenko V. G. *Ukrasheniya Skifii VII–III vv. do n.ė.* Moscow, Nauka Publ, 1978. 145 s., tabl.

Petrovskij S. V. Apokrificheskie skazaniya ob apostol'skoj propovedi po chernomorskomu poberezh'yu. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostej*. 1898. Issue 21, Odessa, pp. 1–184.

Podosinov A. V., Skrzhinskaja M. V. *Rimskie geograficheskie istochniki: Pomponij Mela i Plinij Starshij.* Moscow, Indrik Publ., 2011, 504 p.

Popova E. A. Ornamentirovannye lepnye kuril'nicy s gorodishha «Chajka» v Severo-Zapadnom Krymu. *Scythia et Sarmatia.* Ed. A. A. Malyshev. M: MAKS Press, 2019. S. 207–212.

Popova E. A. Problemy arheologii i istorii Severo-Zapadnogo Kryma v IV v. do n. je. – I v. n. je. (po materialam gorodishha «Chajka» v Evpatorii i nekropolja u poselka Zaozernoe). *Vestnik Moskovskogo universiteta.* Serija 8. Istorija. 2009. № 3. S. 102–128.

Popova E. A., Egorova T.V. Issledovaniya Krymskoj arheologicheskoj ekspedicii MGU na gorodishche «CHajka» bliz Evpatorii i na nekropole u pos. Zaozernoe v 2007 g. *ADU v Ukraïni 2008 r.* Kiiv, Volins′ki starozhitnosti Publ., 2009, pp. 276–278.

Porcig V. *CHlenenie indoevropejskoj yazykovoj oblasti.* Izd-e 2-e. Moscow, Editorial URSS, 2003, 332 p.

Ptolemej Henn. *Novaja istorija dlja mnogoznajushhih. Iz «Biblioteki» Fotija* (Cod. 190). w.w.w. simposium.ru/ru/node/10516. Data obrashhenija 14.01.2022.

Puzdrovskij A.E. *Krymskaja Skifija II v. do n. je. – III v. n. je. Pogrebal'nye pamjatniki.* Simferopol', Biznes-Inform Publ., 2007, 480 p., il.

Puzdrovskiĭ A.E., Trufanov A.A. Puzdrovskij A. E., Trufanov A. A. Dva sklepa v central'noj chasti Ust'-Al'minskogo nekropolya. Majko V.V. (Ed.). *IAK*. Issue II, Simferopol′, 2015, pp. 200–269.

Pjatysheva N. V. Kul't greko-tavro-skifskogo bozhestva v Hersonese. *VDI.* 1947, no. 3, pp. 213–218.

Pjatysheva N. V. Tavry i Hersones Tavricheskij. *Kratkie soobshhenija o dokladah i polevyh issledovanijah IIMK.* Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1949. Issue XXIX, pp. 122–124.

Repnikov N. I. Kamennye jashhiki Bajdarskoj doliny. *IIAK*. St. Petersburg, Tipografija Glavnogo upravlenija udelov, 1909, issue 30, pp. 127–155.

Rogov E. Ja. Ol'viopolity v Severo-Zapadnom Krymu. *ΣΥΣΣΙΤΙΑ*. Pamjati Jurija Viktorovicha Andreeva. St. Petersburg, Gos. Jermitazh, Aletejja Publ., 2000, pp. 269–274.

Romanchuk A. I. *Issledovanija Hersonesa–Hersona.* Raskopki. Gipotezy. Problemy: Monografija: V 2 t. T. 1: Antichnyj polis. Tjumen', 2008, 720 p., 88 il.

Rusyaєva A. S. Kul'tovi predmeti iz poselennya Bejkush poblizu o-va Berezan'. *Arheologiya.* 1971, no. 2, pp. 22–29.

Saprykin S. Ju. *Denezhnoe obrashhenie na hore Hersonesa Tavricheskogo v antichnuju jepohu.* Moscow, Institut vseobshhej istorii RAN, 2005, 204 p.

Saprykin S. Ju. Pamyatniki maloj epigrafiki Severo-Zapadnogo Kryma antichnoj epohi. *Istoriya i arheologiya Severo-Zapadnogo Kryma.* Materialy k arheologicheskoj karte Kryma. Issue XIV. Ed. V. A. Kutajsov i T. N. Smekalova. Simferopol', Feniks Publ., 2014, pp. 7–32.

Saprykin S. Ju., Vnukov S. Ju. Grecheskie nadpisi iz Kara-Tobe (Severo-Zapadnyj Krym). *VDI,* 2015, nr. 2, pp. 98–119.

Senatorov S. N. Keramika kizil-kobinskoj kul'tury vtoroj poloviny VI – pervoj poloviny IV v. do n. e. *BF*: Naselenie, yazyki, kontakty. St. Petersburg, 2011, pp. 354–362.

Shaposhnikov A. K. Jazykovye relikty frakijskogo oblika v Severnom Prichernomor'e. *Jetimologija 2009–2011.* Ed. Zh. Zh. Varbot. Moscow, Nauka Publ., 2012, pp. 252–308.

Shaposhnikov A. K. Indoarica v Severnom Prichernomor'e. *Voprosy jazykoznanija.* 2005. № 5, pp. 30–67.

Shaub I. Ju. Mif, kul't, ritual v Severnom Prichernomor'e (VII–IV vv. do n. je.). St. Petersburg, 2007, 484 p.

Shaub I. Ju. O semantike izobrazhenij na zolotom braslete iz Kul'-Oby. *NG. Vestnik antichnoj istorii, arheologii i klassicheskoj filologii.* Issue V. Ed. A. B. Egorov. St. Petersburg, 2012, pp. 5–9.

Shubin V. I. Kop'e kak simvol v pojemah Gomera. *Antichnoe obshhestvo – IV: Vlast' i obshhestvo v antichnosti.* Materialy mezhdunarodnoj konferencii antikovedov, provodivshejsja 5–7 marta 2001 g. na istoricheskom fakul'tete SPbGU. St. Petersburg, 2001. http://www.ctntant.pu. ru/centrum/publik/confcent/2001-03/shubin.htm (data obrashhenija 10.01.2022).

Shheglov A. N. Bol'shoj Kastel' i svjatilishhe II v. do n.je. v urochishhe Dzhangul'. *Problemy antichnoj kul'tury:* Tezisy dokladov Krymskoj nauchnoj konferencii 19–24 sentjabrja 1988 g. Ch. III / otv. red. L. V. Pavlenko. Simferopol', 1988, pp. 273–275.

Shheglov A. N. Raboty v Chernomorskom rajone Kryma. *Arheologicheskie otkrytija 1984 goda /* Ed. V. P. Shilov. Moscow, 1986, pp. 333–334.

Shheglov A. N., Rogov E. Ja. Pogrebenija v podbojnyh mogilah v Nizhnem Pobuzh'e, v Nizhnem Podnestrov'e i v Severo-Zapadnom Krymu. *Problemy issledovanija Ol'vii.* Parutino, 1985, pp. 86–88.

Snitko I. A. Arhitektura greko-skifs'kogo gorodishha Beljaus: problemi doslidzhennja ta interpretacij. *Problemi istorij ta arheologij Ukraïni:* Tezi dopovidej HII Mizhnarodnoï naukovoï konferencij, prisvjachenoï 215-richchju Harkivs'kogo nacional'nogo universitetu imeni V. N. Karazina (Harkiv, listopad 2020). Harkiv, 2020, pp. 30–31.

Snitko I. O. Shhe raz pro mezhi ol'vijs'kogo polisa. *Arheologija.* 2012, № 4. S. 31–42.

Solomonik È. I. *Graffiti s khory Xersonesa.* Kiev, Naukova dumka Publ., 1984, 144 p.

Solomonik È. I. (Ed.). *Graffiti antichnogo Xersonesa (na chernolakovykh sosudakh)* Kiev, Naukova dumka Publ., 1978, 139 p., tabl.

Solomonik Je. I. Nekotorye gruppy graffiti iz antichnogo Hersonesa. *VDI.* 1976, no. 3, pp. 121–142.

Solomonik Je. I. Jepigraficheskie pamjatniki Neapolja Skifskogo. *Numizmatika i jepigrafika.* 1962. T. III. Moscow, AN SSSR, pp. 32–44.

Solovyov S. L. Monetary Circulation and Political History of Archaic Borysthenes. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia.* 2006. Vol. 12.1–2, pp. 63–75.

Strzheleckij S. F. Raskopki tavrskogo nekropolja Hersonesa v 1945 g. *Hersonesskij sbornik.* Issue IV. Ed. A. P. Smirnov. Simferopol', Krymizdat Publ., 1948, pp. 69–95.

Sulimirskij T. *Sarmaty. Drevnij narod juga Rossii.* Moscow, Centrpoligraf Publ., 2008, 191 p.

Tel′nov N., Sinika V. Tel'nov N., Sinika V. Frakijskie vliyaniya na material'nuyu kul'turu i pogrebal'nyj obryad skifov III–II vv. do n. e. na levoberezh'e Nizhnego Dnestra. *Revista Arheologică.* Serie nouă. 2012, vol. VIII, nr. 1–2. Pp. 69-83.

Tehov B. V. Srednjaja Evropa i Central'nyj Kavkaz v jepohu pozdnej bronzy i rannego zheleza. *Mezhdu Evropoj i Aziej. Kavkaz v IV–I tys. do n. je.* St. Petersburg, 1996, pp. 101–104.

Tokhtas′ev S. R. Tohtas'ev S. R. Iz onomastiki Severnogo Prichernomor'ya. XXI. TRAKANA. *VDI,* 2013, no. 1, pp. 193–196.

Toporov V. N. K drevnim balkano-baltijskim svjazjam v oblasti jazyka i kul'tury. *Antichnaja balkanistika:* Pervyj simpozium po balkanskomu jazykoznaniju (23–24 maja 1972 g.): Predvaritel'nye materialy. Moscow, 1972, pp. 24–38.

Toporov V. N. K proishozhdeniju nekotoryh pojeticheskih simvolov. V kn. Toporov V.N. Mirovoe derevo: Universal'nye znakovye kompleksy. V 2 tt. T. 1. Moscow, Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi, 2010, pp. 52–82.

Toporov V. N. Ob arhaicheskom sloe v obraze Ahilla. *Obraz–smysl v antichnoj kul'ture.* Moscow, GMII, 1990, pp. 64–95.

Toshhev G. N. *Krym v jepohu bronzy.* Zaporozh'e: Zaporozhskij nacional'nyj universitet, 2007, 304 p., il.

Troickaya T. N. Skifskie kollektivnye pogrebeniya v kurganah Kryma. IAK. Issue II. V.V. *Maĭko (Ed.).* Simferopol′, 2015, pp. 54–65.

Trubachev O. N. *Indoarica v Severnom Prichernomor'e.* Moscow, Nauka Publ., 1999, 320 p.

Trubachev O. N., Shaposhnikov A. K. *Jetimologicheskij slovar' jazykovyh reliktov Indoarica.* In: Trubachev O. N. Indoarica v Severnom Prichernomor'e. Moscow, Nauka Publ., 1999, pp. 220–288.

Trufanov A. A., Zajcev Ju. P., Medvedev G. V., Solomonenko A. E., Shkribljak I. I. Issledovanija Ust'-Al'minskogo nekropolja v 2019 godu. *IAK.* 2020. Issue XIII, pp. 393–400.

Uvarov A. S. Neskol'ko slov ob arheologicheskih izyskanijah bliz Simferopolja i Sevastopolja. *Propilei*. IV. Moscow, 1854, pp. 525–537.

Val'chak S. B. Kimmerijskij period. *Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya.* T. 13, Moscow, 2009, p. 684.

Vasil'evskij V. G. Russko-vizantijskie otryvki: Hozhdenie apostola Andreya v strane mirmidonyan *ZHurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya.* 1877. Issue 189, part 2, St. Petersburg, pp. 41–82.

Vejsman A. D. *Grechesko-russkij slovar'.* Izd-e 5-e. St. Petersburg, 1899. 1370 p.

Vinogradov YU. G. Ol'viopolity v Severo-Zapadnoj Tavrike. *Drevnee Prichernomor'e (chtenija pamjati professora Petra Osipovicha Karyshkovskogo).* Tezisy dokladov konferencii (9–11 marta 1989 g., Odessa, 1989). Odessa, 1990, pp. 17–19.

Vnukov S. YU. Novye otkrytiya na gorodishche Kara-Tobe v Severo-Zapadnom Krymu v 2007 g. *ADU* 2005–2007 r. Ed. N. O. Gavrilyuk. Kiïv; Zaporizhzhya: IA NAN Ukraïni, Dike Pole Publ., 2007, pp. 54–58.

Vysotskaja T. N. Jetnicheskij sostav naselenija Krymskoj Skifii (po materialam mogil'nikov). *Materialy k jetnicheskoj istorii Kryma VII v. do n. je. – VII v. n. je.* Kiev: Naukova dumka Publ., 1987, pp. 40–67.

Zajcev YU. P. Hronologiya Neapolya Skifskogo. *Drevnosti Stepnogo Prichernomor'ya i Kryma.* Ed. G. N. Toshchev. Zaporozh'e, Zaporozhskij gosudarstvennyj universitet, Zaporozhskij oblastnoj kraevedcheskij muzej, 1995. Issue V, pp. 67–90.

Zajcev YU. P. *Neapol′ Skifskiĭ (II v. do n.ė. – III v. n.ė.).* Simferopol′, Universum Publ., 2003, 212 p., il.

Резюме

Местное население Западного Крыма ко времени появления греческих колонистов и далее, до начала нашей эры, представляло собой так или иначе потомков ранних индоевропейцев (ариев), среди которых был развит культ Áhi-Змея (Верховного божества и Первопредка) – возможного прообраза Ахилла. Решающим фактором формирования культа Ахилла в Западном Крыму, как и в Нижнем Побужье, на начальном этапе явилась встреча колонистов с мощным идеологическим феноменом – почитанием местными племенами (реликтовыми ариями-таврами и, вероятно, фракийцами) Áhi-Змея – Первопредка и олицетворения родившегося в Северном Причерноморье индоевропейского мировоззрения. Фракийское влияние, многочисленные свидетельства которого имеются в Западном Крыму, также могло сыграть определенную роль, поскольку образ Верховного бога фракийцев, Фракийского всадника, имел в истоках ранние индоевропейские корни и во многих аспектах был схож с образом Ахилла, включая тесную связь со змеями. Почитание Ахилла в Западном Крыму отразилось в ряде граффити, обнаруженных в Херсонесе и на его хоре. Их действительное число значительно больше, чем считалось ранее. Общее количество граффити античного Херсонеса с возможным посвящением Ахиллу оказывается почти в полтора раза больше, чем найденных при раскопках святилища Ахилла на Бейкуше. Большинство из них обнаруживает сходство с посвящениями Ахиллу из Нижнего Побужья, будучи представлены очень кратко – А, АХ, АХІ и датированы IV–III вв. до н. э., лишь три – серединой-концом V в. до н. э. и четыре – II в. до н. э. На ближней и дальней хоре Херсонеса обнаружено около пятнадцати граффити, большинство из которых обозначают АХ или АХІ, все краткие граффити с ближней и дальней хоры относятся к IV–III вв. до н. э., а Сравнивать Ахилла данных посвящений с Ахиллом Понтархом некорректно, поскольку культ последнего появился в Ольвии заметно позже – уже в римское время, не ранее конца I в. до н. э. Находки на хоре Херсонеса двух граффити более позднего времени имеют важнейшее значение. И если одно из них (из Кара-Тобе, конца II – начала I в. до н. э.) только показывает возможную связь Ахилла с Великой богиней, то другое (из урочища Джангуль, IIв. до н. э.), бесспорно, подтверждает это. Такие посвящения свидетельствуют о почитании Ахилла не просто в качестве героя-бога, но свидетельствуют о том, что Ахилл мыслился в Западном Крыму как Верховное божество. В Западном Крыму имеются многочисленные свидетельства того, что культ змей продолжал существовать здесь, как минимум, до III в. н. э. Имеются здесь и свидетельства культа Ахилла в римское время, но уже значительно меньше, чем ранее. Однако надпись II в. н. э. из Неаполя Скифского: «…Ахиллу и всем богам», где Ахилл упоминается перед «всеми богами», свидетельствует о сохранении значимости его образа.

Такое положение может быть только у Верховного божества, которое почитали с доисторических времен. Это подкрепляется одним из культовых эпитетов Ахилла в Ольвийском полисе – «Вечный отец».

Ключевые слова: Западный Крым, тавры, керамика, браслеты, культ змей, культ Ахилла, граффити, Херсонес.

Summary

The local population of the Western Crimea at the time of the appearance of the Greek colonists and further, until the beginning of our era, was, one way or another, the descendants of the early Indo-Europeans (Aryans), among whom the cult of the Áhi-Snake (the Supreme Deity and First Ancestor) was developed – a possible prototype of Achilles. The decisive factor in the formation of the cult of Achilles in the Western Crimea, as well as in the Lower Bug region at the initial stage, was the meeting of the colonists with a powerful ideological phenomenon – the veneration of the local tribes (relic Aryans-Tauris and, probably, the Thracians) Áhi-Snake – the First Ancestor and the personification of the one born in the Northern Black Sea region Indo-European worldview. The Thracian influence, of which there are numerous testimonies in the Western Crimea, could also play a certain role, since the image of the Supreme God of the Thracians, the Thracian horseman, had early Indo-European roots in its origins and was similar in many respects to the image of Achilles, including a close connection with snakes. The veneration of Achilles in the Western Crimea was reflected in a number of graffiti found in Chersonese and on its choir. Their actual number is much larger than previously thought. The total number of graffiti of ancient Chersonesus with a possible dedication to Achilles turns out to be almost one and a half times more than those found during excavations of the sanctuary of Achilles in Beykush. Most of them reveal similarities with the dedications to Achilles from the Lower Bug region, being presented very briefly – A, AX, AXI and dated to the 4th-3rd centuries BC, only three - to the middle-end of the 5th century BC and four – II century BC. About fifteen graffiti were found on the near and far choir of Chersonesus, most of which designate AH or AHI, all short graffiti from the near and far choir belong to the 4th-3rd centuries BC, and it is incorrect to compare Achilles of these dedications with Achilles Pontarchus, since the cult of the latter appeared in Olbia much later - already in Roman times, not earlier than the end of the 1st century BC. Findings of two later graffiti on the choir of Chersonesos are of great importance. And if one of them (from Kara-Tobe, late II - early I century BC) only shows the possible connection of Achilles with the Great Goddess, then the other (from the tract Dzhangul, II century BC) is indisputable confirms this. Such dedications testify to the veneration of Achilles not just as a hero-god, but testify to the fact that Achilles was conceived in the Western Crimea as the Supreme deity. In the Western Crimea, there is abundant evidence that the cult of snakes continued to exist here, at least until the 3rd century AD. There is also evidence of the cult of Achilles in Roman times, but to a much lesser extent than before. However, the inscription of the II century AD from Scythian Naples: «... Achilles and all the gods», where Achilles is mentioned before «all the gods» testifies to the preservation of the significance of his image. Only the Supreme Deity, who has been revered since prehistoric times, can have such a position. This is reinforced by one of the cult epithets of Achilles in the Olbian policy - «Eternal Father».

Key words: Western Crimea, Taurus, ceramics, bracelets, snake cult, cult of Achilles, graffiti, Chersonese.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Лазаренко Владимир Григорьевич, профессор.
Федеральное бюджетное государственное
образовательное учреждение высшего образования
(ФБГОУ ВО) «Ижевский государственный технический
университет имени М. Т. Калашникова».
426066, г. Ижевск, ул. Студенческая, 7.
+7 (912)-853-0667.
E-mail: lazvgr@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Lazarenko Vladimir G., Professor.
Federal state-financed educational institution
of higher education “Izhevsk’ state technical
University named after M. T. Kalashnikov”.
426066, Izhevsk, Studencheskaya str., 7.
+ 7 (912)-853-0667.
E-mail: lazvgr@yandex.ru

Е.И. АРСЕНТЬЕВА, В. В ВАХОНЕЕВ
E.I. ARSENTIEVA, V. V. VAKHONEEV

БРОНЗОВЫЙ ПЕРСТЕНЬ ИЗ ЗАТОПЛЕННОЙ ЧАСТИ АКРЫ
A BRONZE RING FROM THE SUBMERGED PART OF AKRA

Античное городище Акра расположено вблизи современного села Заветное Ленинского района Республики Крым в 30 км к югу от Керчи. Значительная часть территории Акры находится под водой. С 2011 г. памятник планомерно исследуется совместной экспедицией Государственного Эрмитажа и Института истории материальной культуры РАН. Особенностями современного археологического изучения городища являются комплексные работы как на наземной части Акры, так и в подводной [Вахонеев, Соловьев, Шепко, 2021].

В археологическом сезоне 2021 г. исследования проводились на двух участках городища. В западной части памятника были продолжены исследования культурных напластований и строительного комплекса римского времени, выявленного в 2020г. В центральной части городища исследования проводились под водой на глубине 1,5м в 30 м от берега на участке в 2-х м к северу от городской оборонительной стены. На данном участке проводилось изучение культурных напластований раннеэллинистического времени. В ходе изучения слоя серого суглинка на площади 4 кв. м на глубине 1,8 м по БС был выявлен многочисленный керамический материал конца IV – начала III в. до н.э. Профили амфорных фрагментов были представлены такими центрами производства, как Хиос, Книд, Фасос, Гераклея, Синопа, Пепарет. Кроме того, выявлен 41 фрагмент чернолаковой керамики. Среди находок следует отдельно выделить бронзовый перстень D-образной формы с крупным плоским щитком и овальной в сечении дужкой, нижняя часть которой утрачена (рис. 1)[1].

Данный перстень принадлежит к распространенному виду классических изделий, которые относятся к типу IX по классификации Д. Бордмана [Boardman, 2001, p. 217]. Они иллюстрируют очередной этап эволюции конфигурации щитка от неправильного заостренного овала V в. до н.э. в сторону почти идеальной окружности конца IV – начала III в. до н.э. Подобные кольца обычно датируются второй половиной IV в. до н.э.

Аналогичные памятники входят в состав многих музейных собраний и хорошо

[1] Авторы выражают благодарность начальнику Античной комплексной археологической экспедиции Государственного Эрмитажа С.Л. Соловьеву за возможность публикации находок экспедиции и реставратору С.В. Мыц.

засвидетельствованы археологическими находками. Например, перстень с массивным щитком в форме скругленного овала без резного декора был найден при раскопках Херсонеса Таврического [Журавлев и др., 2017, кат. № 324]. Золотой перстень с миниатюрным изображением Эрота с маской поступил в коллекцию Эрмитажа из находок в Ольвии [Арсентьева, Горская, 2019, кат. № 16]. В собрании музея есть и другие примеры синхронных по времени ювелирных изделий этого же типа как с гладким щитками [Арсентьева, Горская, 2019, кат. № 19], так и с резными изображениями, например, сидящей на троне богини в храме [Арсентьева, Горская, 2019, кат. № 17]. Бронзовое кольцо подобной формы с резным изображением Ники на щитке было представлено на аукционе Бертолами в 2019 г. [Бертолами № 66 2019 г., № 308].

Как видно, перстни этого типа могут быть выполнены из различных материалов, чаще всего бронзы или золота. При этом поверхности щитков остаются гладкими или украшаются резьбой. Именно такой способ декора демонстрирует и памятник, происходящий из раскопок Акры в 2021 году. Выполненная в технике инталии композиция воспроизводит сидящую на корточках обнаженную женскую фигуру в профиль (рис. 2). Волосы спрятаны под головным убором, который обозначен складками на голове и лентами, развевающимися за спиной. В поднятой на уровень лица ладони показано небольшое зеркало. Основные объемы фигуры моделированы мягкими округлыми формами.

Изображение выглядит достаточно суммарным без детализации рельефа с исключением в виде драпировки ткани головного убора и складочки в области талии. Нельзя утверждать, что это указывает на уровень мастерства исполнителя, поскольку может быть связано с состоянием сохранности предмета, происходящего из подводных раскопок. Тем не менее, представленный сюжет ясно читается, поскольку образ сидящей на корточках обнаженной женской фигуры получил широкое распространение в глиптике эпохи классики. Аналогичные изображения с небольшими отклонениями в передаче атрибутов и положения тела героини составляют представительную коллекцию в собрании античных резных камней Эрмитажа.

В качестве ближайшей аналогии можно привести изображение на уникальном сердоликовом перстне (Государственный Эрмитаж, инв. № ГР 20773), выполненном из единого фрагмента минерала (часть дужки утрачена и дополнена золотом, рис. 3). Он происходит из приобретений конца XVIII века и датируется первой половиной IVв. до н.э. [Арсентьева, Горская, 2019, кат. 15]. На лицевой, слегка выпуклой стороне щитка стремявидной формы в технике инталии представлен подобный образ: нагая девушка на корточках с зеркалом в руке. От персонажа на бронзовом перстне из Акры ее отличает показанное анфас лицо, распущенные волосы, лежащие мягкими локонами на плечах, венок на голове и поднятая вверх рука с длинной лентой или повязкой, которая спускается мягкими складками за спиной.

Скульптурно моделированная фигура передана в непростом для исполнения положении: плечи и лицо развернуты анфас, а нижняя часть – в профиль. Детально проработаны мелкие элементы: черты лица, грудь и характерная складочка в области

талии. Линия почвы не обозначена. Тонкая художественная резьба выполнена высококлассным мастером, оставившим лишь некоторые диспропорции в трактовке тела: при достаточно массивном торсе ступни, голени, предплечья и ладони выглядят излишне миниатюрными.

В схожем ракурсе показана и девушка на одновременном сердоликовому перстню халцедоновом скарабеоиде с золотым ажурным шнуром, происходящим из раскопок Пантикапея первой половины XIX века (Государственный Эрмитаж, инв.№П.1834-35.4, рис. 4) [Неверов, 1976, кат. № 36]. В зеркальном отражении по отношению к вышеупомянутому сердолику представлены положения бедер героини, ее торса и плеч, почти идентичен жест поднятой руки с ниспадающей за спиной тканью. Применение драпировок более обильно: покрывало, полностью окутывающее заднюю часть фигуры и ног, мягко спускается по плечу на грудь и удерживается левой рукой у бедра таким образом, что часть туловища оказывается скрыта от зрителя. Голова развернута в профиль и обращена назад. Волосы убраны в высокую прическу. На шее показано ожерелье. Линия почвы, которой касаются обе ступни, обозначена широкой чертой.

Аналогичным образом развернута верхняя часть тела персонажа на пережжённом скарабеоиде с золотой дужкой из раскопок Пантикапея начала XX века (Государственный Эрмитаж, инв. № 1906.119, рис. 5) [Неверов, 1976, кат. № 33]. Торс показан анфас, голова и ноги в профиль, на тонкую линию почвы опираются обе стоящие на полупальцах ступни. Фигура девушки полностью обнажена, обе руки подняты к голове, чтобы подвязать лентой высоко поднятые волосы.

Развивает тему уже знакомого женского образа в драпировках оправленная в золото гемма из халцедона, которая поступила в музей в 1813 г. и происходит из коллекции Ж.-Б. Маллиа (Государственный Эрмитаж, инв. № ГР 20774, рис. 6) [Неверов, 1976, кат. 35]. В качестве основного декоративного элемента на овальном поле камня вырезана фигура девушки с поднятыми над головой обеими руками. Из них плавными складками спускается ее одежда или покрывало, окутывая спину и плечи. Симметричные драпировки ткани, совершенно не скрывая наготу героини, мягко обрамляют верхнюю часть фигуры.

Корпус развернут анфас, как и у женских торсов, упомянутых выше, голова в венке показана в профиль. Детально проработаны и характерные анатомические особенности: грудь, складочка на талии и черты лица. Нижняя часть тела по-прежнему остаётся без изменений: в том же ракурсе показаны бедра и узкая ступня с опорой на пальцы. На линии почвы у ног героини стоит кувшин или гидрия. Более свободная моделировка обнажённой фигуры округлыми объёмами и передача сложного ракурса позволяют датировать гемму, скорее, второй половиной IV в. до н.э. Следует отметить, что тема подчеркивающих наготу драпировок, когда беззащитно поднятые руки героини были полностью заняты снимаемой одеждой, раскрывалась резчиками и ранее [Boardman, 2001, cat. nos. 550, 594].

Аналогичный разворот корпуса к зрителю можно видеть на примере памятника,

представленного в 2019 г. на аукционе Кристи [Кристи, 2019, № 13]. Классический образ обнаженной на корточках здесь сочетается с архаичной формой минерала в виде жука-скарабея с золотой подвижной дужкой. Корпус показан в три четверти, голова слегка развернута в противоположную сторону, совершенно иначе поставлены ноги персонажа с большим подъемом согнутого бедра и выносом одной ступни вперед для большей устойчивости. Поза героини выглядит более целомудренной – скрещенными перед собой руками она прикрывает обнаженную грудь.

Еще более закрытой показана фигура девушки на гемме из раскопок Павловского кургана. В женском погребении было найдено три украшения, являющиеся выдающимися произведениями глиптики и ювелирного искусства [Вильямс, Огден, 1995, с. 166 – 171]. Одно из них – сердоликовый скарабей на подвижной дужке, подобно представленному на аукционе Кристи, также украшает обнаженная женская фигура на корточках (Государственный Эрмитаж, инв. № Пав. 5, рис. 7) [Boardman, 2001, cat.483]. На плоской стороне камня вырезано изображение девушки в профиль. Пряди волос составляют высокую прическу. Согнутыми в локтях руками она придерживает перед собой одежду или покрывало, прикрывая наготу. Спина сильно наклонена, локти касаются коленей. Поза героини с опорой на одну вынесенную вперед ногу еще более устойчива, поскольку ступни показаны на большем расстоянии друг от друга, колено поднято выше. На месте линии почвы обозначена цепочка точек под широкой врезанной полосой. Композицию обрамляет штриховой ободок.

Известный исследователь глиптики О.Я. Неверов отмечал несомненное сходство персонажа на Павловском скарабее с произведениями знаменитого резчика Дексамена Хиосского. Наличие полных аналогий по технике исполнения, форме камня и выбранному сюжету в Берлине [Zazoff, 1983, taf. 34, no. 88] и Нью-Йорке [Boardman, 2001, cat. 585] подтверждает популярность представленного образа и говорит о существовании мастерской, тиражировавшей подобные изделия.

Обращая внимание на отдельные нюансы в манере резьбы, О.Я. Неверов датировал Павловскую гемму последней четвертью V в. до н.э. и атрибутировал одному из учеников прославленного мастера. Выбор архаической формы камня в виде скарабея и применение штрихового ободка свидетельствуют о том, что копировалась одна из ранних работ учителя, относящаяся к середине того же столетия [Неверов, 1983, с. 46].

Эту версию подтверждает не совсем корректная передача масштаба композиции, что вряд ли случилось бы с опытным мастером. Отдельные элементы помешали резчику закончить штриховое обрамление: в их числе длинные пальцы героини и края нижнего объекта, расположенного под ступнями сидящей на корточках фигуры. Здесь обычно показывали линию почвы, которую в глиптике и ювелирном искусстве эпохи классики традиционно обозначали врезанной прямой или невысоким частым зигзагом. В данном случае применен неординарный способ для передачи линии почвы – широкая углубленная полоса с рядом точек под ней. Интересно, что и на ближайших аналогиях из Берлина, Парижа и Нью-Йорка условная линия почвы также имеет усложненную конструкцию, напоминающую архитектурный элемент – пли-

ту или базу статуи, тем самым делая вероятным предположение о наличии единого скульптурного прототипа. Более устойчивая поза героини с опорой на выставленную вперед ступню также кажется более подходящей для воплощения в статуарном образце.

В скульптуре тип, который известен как «купальщица» или «Афродита на корточках», восходит к оригиналу греческого скульптора Дойдалса, упомянутому Плинием (Plin. Nat. Hist. XXXVI, 35). Он известен во множестве повторений, которыми по праву гордятся многие музеи мира. В эрмитажном собрании к числу таких памятников принадлежит мраморная статуя Афродиты с Эротом, выполненная римским скульптором по греческому оригиналу (Государственный Эрмитаж, инв. № ГР 4163) [Аромат древности, 2007, кат. 55] (рис. 8). Богиня показана обнаженной, согнутые в локтях руки прикрывают грудь и бедра. Положение ног различно – лишь одна стопа поставлена на полупальцы, вторая полностью опирается на базу. Дополняющие композицию дельфин и сосуд для благовоний можно трактовать как более полное раскрытие сюжета омовения.

Следует отметить, что оригинал работы Дойдалса датируется второй половиной III – первой половиной II в. до н.э., что значительно позднее упомянутых выше произведений глиптики. При этом сам образ обнаженной на корточках в изобразительном искусстве был известен и ранее. Такие примеры во множестве дает поздняя краснофигурная вазопись. В составе крупных многофигурных композиций подобные персонажи встречаются на сосудах IV в. до н.э. (Государственный Эрмитаж, инв. № Ю.О. 32 [Beazley, 1963, 1475,7] в сценах, которые трактуются как женский туалет, омовение невесты или приготовление к свадьбе.

Двухфигурная группа в составе общего декора, как правило, соединяет обнаженную сидящую на корточках девушку и задрапированную в длинную одежду подругу с наклоненной гидрией в руках, очевидно, льющей воду на распущенные волосы первой (рис. 9). Композиция, распространенная в греческой вазописи IV в. до н.э., встречается и на сосудах V в. до н.э., где аккомпанировал омовению Эрот. Прекрасный фрагмент с изображением расчесывающей волосы девушки без помощников происходит из раскопок Пантикапея (рис. 10). Он датируется последней четвертью V в. до н.э. и принадлежит руке так называемого Эритрейского мастера (Государственный Эрмитаж, инв. № П.1872.15. За помощь в атрибуции и датировке выражаем признательность научному сотруднику Отдела античного мира Государственного Эрмитажа Д.С. Васько).

Обнаженная женская фигура на корточках с распущенными волосами без «помощника», показанная на лоне природы или у лутерия, в свою очередь, появляется в вазописи VI в. до н.э. Различные атрибуты, применяемые в скульптуре и вазописи – лутерий, гидрия, зеркало и т.д., как и поза героини с опущенной вниз головой, не оставляют сомнений в понимании смысла происходящего.

Нет единства лишь в трактовке образа центрального персонажа: купающаяся перед судом Париса Афродита в скульптуре [Мечта об Италии, 2001, кат. № 11], ку-

пающаяся Фетида на пелике мастера Марсия из Британского музея [Вильямс, Огден, 1995, с. 90], купающаяся менада или героизированная покойница на пелике мастера Тишины из Эрмитажа [Васько, 2017, с. 31 – 41]. Что касается глиптики, по мнению Джона Бордмана, «все эти неодетые дамы должны восприниматься скорее как нимфы или богини, нежели смертные» [Boardman, 2001, p. 197]. Думается, что наиболее актуально мнение, высказанное об образе купальщицы в вазописи: совершающая омовение обнаженная не должна непременно связываться с брачными торжествами или мифологическим контекстом, являясь символическим гимном женской красоте [Петракова, Ягги, 2019, с. 95].

Подводя итоги, можно сказать, что перстень из Акры, который по характерной форме можно датировать второй половиной IV в. до н.э., при этом воспроизводит профильный образ девушки на корточках, восходящий к более ранним образцам середины V в. до н.э. В качестве основного декоративного элемента в глиптике такой тип был популярен достаточно длительное время и прошел свой путь развития от целомудренно скрытых драпировками сильно согнутых фигур до показанных анфас торсов с поднятыми руками, демонстрирующих женскую красоту. Кроме передачи верхней части тела, со временем меняется и положение ног: от устойчивого полуприседа с опорой на выставленную вперёд ногу до менее стабильной позы сидящей на корточках фигуры с обеими ступнями на полупальцы. Не лишено вероятности предположение о наличии единого скульптурного прототипа для произведений глиптики. К этому же оригиналу, возможно, восходят героини росписей краснофигурных ваз и эллинистическая статуя Афродиты купальщицы.

Интересно, что не потерявший актуальности образ оставался популярным и позднее: в эпоху Римской империи его тиражировали в скульптуре и глиптике. На камеях и инталиях неизменным атрибутом героини в это время стал знакомый по краснофигурным композициям сосуд, который теперь резчики располагают в руках девушки или на линии почвы (Государственный Эрмитаж, инв. № ГР 12432, рис.11) [Неверов, 1988, кат. 189]. Сама фигура обнаженной обычно демонстрируется в три четверти со стороны спины, таким образом, что сценка приобретает характер большей интимности: изящно скрытая от глаз зрителя купальщица одновременно притягивает взоры, покоряя изгибами легкого тела.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аромат древности. Каталог выставки. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. 166 с.

Арсентьева Е.И., Горская О.В. Античные ювелирные изделия из частных собраний. Кольца и перстни: каталог коллекции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2019. 196 с.

Васько Д.С. Мастер Тишины: новое «имя» в истории вазописи керченского стиля // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Вып. 7. СПб., 2017. С. 31–41.

Вильямс Д., Огден Д. Греческое золото: ювелирное искусство классической эпохи V–IV вв. до н.э. СПб.: Славия, 1995. 271 с.

Журавлев Д.В., Новикова Е.Ю., Коваленко С.А., Шемаханская М.С. Золото Херсонеса Таврического (ювелирные изделия из собрания Государственного исторического музея). М.: ООО «РИА Внешторгиздат». 358 с. Крым в истории, культуре и экономике России. Золото Херсонеса Таврического, кат. № 324.

Мечта об Италии. Коллекция маркиза Кампана. Каталог выставки. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2021. 560 с.

Неверов О.Я. Античные инталии в собрании Эрмитажа. Л.: Аврора, 1976. 111 с.

Неверов О.Я. Античные камеи в собрании Эрмитажа. Л., 1988. 191 с.

Неверов О.Я. Геммы античного мира. М.: Наука, 1983. 144 с.

Петракова А., Ягги О. Эрот с золотыми крыльями: рецепция краснофигурных ваз из мастерской мастера Марсия в Северном Причерноморье // Боспорские исследования. Вып. № 39. Симферополь-Керчь, 2019. С. 89 – 116.

Соловьев С.Л., Вахонеев В.В., Шепко Л.Г. Акра – античный город на Европейском Боспоре (итоги археологических исследований). СПб.: Изд-во ООО «Невская Типография», 2021. 163 с.

Beazley J. D. Attic Red-figure Vase-painting. Oxford, 1963. 2036 p.

Boardman J. Greek Gems and Finger Rings. London, 2001. 458 p.

Zazoff P. Die Antiken Gemmen. Munchen: C.H. Beck, 1983. 446 p.

REFERENCES

Aromat drevnosti. Katalog vystavki. SPb.: Izd-vo Gos. Ermitazha, 2007. 166 s.

Arsent'eva E.I., Gorskaia O.V., Antichnye iuvelirnye izdeliia iz chastnykh sobranii. Kol'tsa i perstni: katalog kollektsii. SPb.: Izd-vo Gos. Ermitazha, 2019. 196 s.

Vas'ko D.S. Master Tishiny: novoe «imia» v istorii vazopisi kerchenskogo stilia // Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva. Vyp. 7. SPb., 2017. S. 31–41.

Vil'iams D., Ogden D. Grecheskoe zoloto: iuvelirnoe iskusstvo klassicheskoi epokhi V–IV vv. do n.e. SPb.: Slaviia, 1995. 271 s.

Boardman J. Greek Gems and Finger Rings. London, 2001. 458 p.

Zhuravlev D.V., Novikova E.Iu., Kovalenko S.A., Shemakhanskaia M.S. Zoloto Khersonesa Tavricheskogo (Iuvelirnye izdeliia iz sobraniia Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia). M.: OOO «RIA Vneshtorgizdat». 358 s. Krym v istorii, kul'ture i ekonomike Rossii. Zoloto Khersonesa Tavricheskogo, kat. № 324

Mechta ob Italii. Kollektsiia markiza Kampana. Katalog vystavki. SPb.: Izd-vo Gos. Ermitazha, 2021. 560 s.

Neverov O.Ia. Antichnye intalii v sobranii Ermitazha. L.: Avrora, 1976. 111 s.

Neverov O.Ia. Antichnye kamei v sobranii Ermitazha. L., 1988. 191 c.

Neverov O.Ia. Gemmy antichnogo mira. M.: Nauka, 1983. 144 s.

Petrakova A., Iaggi O. Erot s zolotymi kryl'iami: retseptsiia krasnofigurnykh vaz iz masterskoi mastera Marsiia v Severnom Prichernomor'e// Bosporskie issledovaniia. 2019. № 39. S. 89-116.

Solov'ev S.L., Vakhoneev V.V., Shepko L.G. Akra – antichnyi gorod na Evropeiskom Bospore (itogi arkheologicheskikh issledovanii). SPb.: Izd-vo OOO «Nevskaia Tipografiia», 2021. 163 s.

Beazley J. D. Attic Red-figure Vase-painting. Oxford, 1963. 2036 p.
Zazoff P. Die Antiken Gemmen. Munchen: C.H. Beck, 1983. 446 p.

Резюме

В статье рассматривается резное изображение на щитке бронзового перстня, найденного в затопленной части Акры в 2021 году. Перстень по характерной форме можно датировать второй половиной IV в. до н.э.. Его декор воспроизводит профильный образ девушки на корточках, восходящий к более ранним образцам середины V в. до н.э., которые, вероятно, имеют скульптурный прототип.

Ключевые слова: Акра, перстень, Афродита, купальщица, глиптика.

Summary

The article examines the carved image on the shield of a bronze ring found in the submerged part of Akra in 2021. The ring in its characteristic shape can be dated to the second half of the IV century BC. Its decor reproduces the profile image of a girl squatting, dating back to earlier samples of the middle of the V century BC, which probably have a sculptural prototype.

Key words: Akra, ring, Aphrodite, bather, glyptic.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
Арсентьева Елена Игоревна,
научный сотрудник отдела античного мира,
Федеральное государственное бюджетное
учреждение культуры «Государственный Эрмитаж»,
190000, г. Санкт-Петербург,
Дворцовая набережная, д. 34.
elenarsent@mail.ru

Вахонеев Виктор Васильевич, к.и.н.,
директор научно-образовательного центра
«Археологические исследования»,
доцент кафедры «История»,
старший научный сотрудник,
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Севастопольский государственный университет»,
Федеральное государственное учреждение науки
«Институт истории материальной культуры РАН»,
299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33,
+7(978)795-88-58.
vvvkerch@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS
Arsentieva Elena,
Researcher of the Department of the Ancient World,
Federal State Budgetary Cultural Institution «State Hermitage»,
190000, St. Petersburg, Dvortsovaya Embankment, 34.
elenarsent@mail.ru

Vakhoneev Viktor, Candidate of Historical Sciences
Director of the Scientific and Educational
Center «Archaeological Research», Associate
Professor of the Chair «History»,
senior researcher,
Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education «Sevastopol State University»,
Federal State Institution of Science «Institute of
the History of Material Culture of the Russian
Academy of Sciences».
299053, Sevastopol, Universitetskaya str., 33,
+7(978)795-88-58.
vvvkerch@mail.ru

Рис. 1. Бронзовый перстень из Акры.

Рис. 2. Оттиск щитка перстня из Акры.

Рис. 3. Фрагментированный сердоликовый перстень с изображением девушки на корточках (Государственный Эрмитаж, ГР-20773, фотограф Д.В. Сироткин).

Рис. 4. Халцедоновый скарабеоид с изображением девушки на корточках (Государственный Эрмитаж, П.1834-35.4, фотограф А.М. Кокшаров).

Рис. 5. Скарабеоид с изображением девушки на корточках (Государственный Эрмитаж, 1906.119, фотограф А.М.Кокшаров).

Рис. 6. Халцедоновая инталия с изображением девушки на корточках (Государственный Эрмитаж, ГР 20774, фотограф А.М. Кокшаров).

Рис. 7. Сердоликовый скарабей с изображением девушки на корточках (Государственный Эрмитаж, Пав. 5, фото А. М. Кокшаров).

Рис. 8. Мраморная статуя Афродиты на корточках (Государственный Эрмитаж, ГР 4163, фотограф А.Я. Лаврентьев).

Рис. 9. Краснофигурная лекана (фрагмент росписи крышки) (Государственный Эрмитаж, Ю.О. 32).

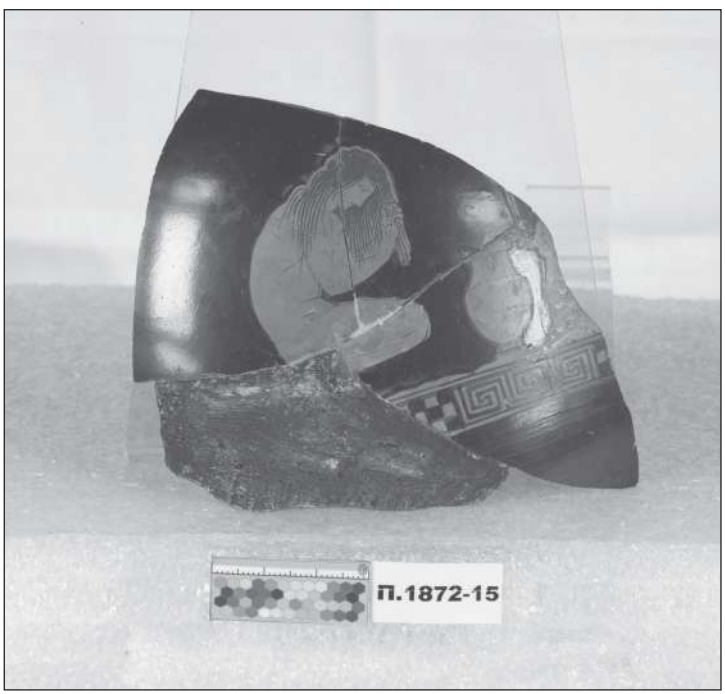


Рис. 10. Фрагмент краснофигурного сосуда Эритрейского мастера с изображением девушки на корточках (Государственный Эрмитаж, П.1872-15).

Рис. 11. Камея из сардоникса с изображением девушки на корточках (Государственный Эрмитаж, ГР 12432, фотограф А.М. Кокшаров).

А.А. ПЕТИН
A.A. PETIN

О ПОГРЕБЕНИЯХ ИЗ ТРЕТЬЕГО КУРГАНА НА МЫСЕ АК-БУРУН (попытка идентификации)
ON BURIALS FROM THE THIRD MOUND ON CAPE AK-BURUN (attempted identification)

Юз-Оба, или Сто холмов – это курганный некрополь представителей боспорской аристократии, который берет своё начало на двух мысах – Павловском и мысе Ак-Бурун и тянется в западном направлении на многие километры, теряясь в степной части Керченского полуострова [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 8]. Раскопки курганов, входивших в комплекс указанного некрополя, берут своё начало со второй половины XIX в. и связаны с именем А.Е. Люценко. Впоследствии раскопки на хребте Юз-Оба неоднократно производились и другими исследователями, в числе которых были С. И. Веребрюсов, Н. П. Кондаков, А. А. Бобринский, В. В. Шкорпил [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 14 – 15].

За многие годы исследований курганного некрополя Юз-Оба было совершено множество замечательных открытий и находок, среди которых катакомба Острого кургана, саркофаг и доспехи из кургана Мирзы Кекуватского, краснофигурная пелика из Второго малого кургана и, конечно же, хрестоматийно известные находки из Третьего кургана на мысе Ак-Бурун. Многие исследователи изучали находки, описывали их, но по каким-то причинам никто не идентифицировал погребения Третьего кургана, высказав лишь предположение о том, что в нём был захоронен представитель военной знати или же знатный скиф [Ростовцев, 1925, с. 388, Ольховский, 1991, с. 153].

Необходимо отметить, что Третий курган содержал в себе два погребения: основное, из которого происходит золотой «шлем» и комплекс вооружения, и впускное, то есть совершенное несколько позже основного и принадлежавшее женщине [Виноградов, 1993, с. 39]. Также следует указать, что все исследователи приходят к единому мнению относительно датировки совершения курганной насыпи – конец IV– начало III в. до н.э. [Виноградов, 1993; Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012; Бутягин, Виноградов, 2014], что отсылает нас к печально известному событию, а именно к гражданской войне на Боспоре. Наиболее полно события гражданской войны на Боспоре описывал Диодор Сицилийский [Diod., XX]. Как известно, Перисад I был убит в 309 г. до н.э., о чём сообщает Лукиан Самосатский [Luc., 44, 46 – 51]. По праву наследования его власть перешла к старшему сыну, Сатиру II. Сатир – это имя, имеющее персидские корни и, вероятнее всего, было заимствовано эллинами в Персии [Шонов, 2019, с. 57]. Это даёт основания пред-

положить, что Сатир II происходил от матери с персидскими корнями, которой, вероятно, была Камасария [Шонов, 2019, с. 178].

«Шлем», найденный в основном погребении Третьего кургана, имеет очень богатую орнаментацию [Бутягин, Виноградов, 2014, кат. 38, рис 1 – 8]. Над нижним гладким краем тянется узкий фриз из гирлянды аканфа, стебель раздваивается в волюты, между которыми расположены цветки аканфа. На основном поле «шлема» расположены три изображения цветков арацеи, которые обрамлены двумя большими волютами. Цветок арацеи имеет форму колокольчика с девятью лепестками, а его сердцевина яйцевидной формы и сплошь покрыта мелкими гравированными кольцами. Вершина шлема украшена стилизованной розеткой, состоящей из шести лепестков [Бутягин, Виноградов, 2014, кат. 38, рис. 9], хотя Ю. А. Виноградов указывает, что лепестков двенадцать [Виноградов, 2017, с. 96]. Юрий Алексеевич Виноградов в своей статье «Золотой «шлем» из кургана Ак-Бурун (1875)» сообщает: археолог из Санкт-Петербурга О. В. Шаров высказал предположение о том, что волюты, изображённые на шлеме, являют собой воспроизведение бараньих рогов, которые могли служить символом фарна [Виноградов, 2017, с. 97]. Это вновь отсылает к персидской традиции.

Прежде чем приступить к описанию и сопоставлению остальных находок из указанного погребения, необходимо вернуться к тексту Диодора Сицилийского, из которого известно, что основные сражения гражданской войны на Боспоре происходили предположительно в землях Прикубанья. Сатир II имел в своём войске немалое количество скифов, и сам по скифскому обычаю расположился в центре войска. Этот факт указывает на то, что правителям Боспорского царства были отнюдь не чужды варварские традиции [Diod., XX].

Основное погребение Третьего кургана на мысе Ак-Бурун было обнаружено 11 августа 1875 г. помощником А.Е. Люценко Ф. И. Гроссом. По сообщению Ф.И.Гросса, захоронение представляло собой кремацию, располагавшуюся в самом центре кургана. Размеры погребального костра составляли 3,60 х 1,80м, в нём же была выкопана могильная яма, перекрытая шестью керамидами. В могиле обнаружен слой древесного угля, по-видимому, от погребального костра и сожжённый остов усопшего. Поверх этого слоя погребальный инвентарь был уложен так, как мог бы быть уложен при погребении по обряду ингумации [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 121 – 122].

Расположение вещей позволило предположить, что остатки тела были уложены головой на восток. Около головы погребенного находились маленький глиняный сосуд с узким горлышком и золотой статер Александра Македонского [Бутягин, Виноградов, 2014, кат. 29]. Возле шеи – четыре золотые застёжки филигранной работы, а на груди – скомканный и разорванный золотой венок. Ниже груди – золотая ворворка [Бутягин, Виноградов, 2014, кат. 35, рис 1 – 2], на поясе – железный крючок, покрытый золотом и изображавший, судя по всему, какую-то птицу [Бутягин, Виноградов, 2014, кат. 34]. Рядом располагался упомянутый выше золотой шлем и ещё одна золотая ворворка.

На месте левой руки обнаружен массивный золотой перстень с железной вставкой [Бутягин, Виноградов, 2014, кат. 37]. У ног покойного располагались: сломанный меч, копья, дротики, стрелы и черепки от ваз, а также каменная шаровидная подвеска, обмотанная золотой проволокой, и остатки железного панциря [Бутягин, Виноградов, 2014, кат. 50]. Рядом с могилой находилась панафинейская амфора с изображением бегунов [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 122].

Сломанный меч [Бутягин, Виноградов, 2014, кат. 46] и разорванный на куски, сильно пострадавший от огня венок, который Ф. И. Гросс обозначил как оливковый, являлись, по сути, вотивными предметами. Скифы почитали свои мечи наравне с богами и относились к оружию как к живому, одушевлённому существу. Отсюда следует, что меч был сломан для того, чтобы умертвить его вместе с хозяином. То же самое касается и венка, который мог являться символом победы, одержанной погребённым. Как известно, в битве на реке Фат Сатир II одержал победу над войсками Евмела и Арифарна.

Также известно, что боспорские правители не награждали золотыми венками своих граждан, но сами, тем не менее, удостаивались такой награды в других государствах. В частности, в Панафинеях за бесперебойные поставки хлеба золотыми венками награждались боспорские цари Сатир I, Левкон I, Спарток II, Перисад I и Спарток III, о чём свидетельствуют Афинские декреты [Скржинская, 2016, с. 33 – 50]. Следует отметить, что в рассматриваемом погребении находилась и панафинейская амфора, которую могли положить усопшему в качестве семейной реликвии. К тому же не следует забывать, что о жизни Сатира II известно крайне мало, и не исключено, что ещё до принятия бремени правителя Боспора он был удостоен золотого венка за какие-либо заслуги на государственном, военном, экономическом или культурном поприще.

Однако А. М. Бутягин и Ю. А. Виноградов утверждают, что венок был изготовлен специально для погребения [Бутягин, Виноградов, 2014, с. 77]. Дело в том, что зачастую венки, изготовленные для погребения, были найдены в своём первозданном виде. В качестве аналогии представляется возможным привести венок, обнаруженный в погребальной камере кургана из земли Мирзы Кекуватского [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 98]. Однако венок, найденный в основном погребении кургана 1875 года, представлен изорванным более чем на 150 кусков [Бутягин, Виноградов, 2014, кат. 32], оплавленным и помятым. Это свидетельствует о том, что он был отправлен в погребение в качестве некоего вотива, а соответственно принадлежал хозяину ещё при жизни. Из этого возникает предположение о том, что усопший являлся скорее представителем правящей династии, чем военной элиты.

Шестнадцать фрагментированных нашивных бляшек [Бутягин, Виноградов, 2014, кат. 33], найденных в указанном погребении, имеют вид двенадцатилучевых звёзд, что не имеет аналогий на Боспоре, а также в скифском и сарматском мире [Бутягин, Виноградов, 2014, с. 77]. Тем не менее, подобные нашивки встречались в курганах Македонии, а именно в курганах династии Аргеадов, представителем кото-

рой являлся Александр Македонский [Андроникос, 1990]. К тому же известно, что подобные звёзды являлись властными символами македонских царей и нередко чеканились на македонских монетах и изображались на щитах [Бутягин, Виноградов, 2014, с. 78]. Представляется возможным предположить, что курган 1875 года, содержащий в себе, с одной стороны, типично варварское, но с другой – имитирующее македонское погребение, даёт нам симбиоз погребальных традиций варварского и эллинского миров. Причём подражание направлено не столько на традиции Эллады, сколько на одного-единственного эллина – Александра Великого. Об этом свидетельствует «шлем» с волютами в виде фарна (Александр часто изображался с бараньими рогами), статер времени правления подражаемой личности и нашивные бляшки в виде двенадцатилучевых звёзд – символа власти династии Аргеадов. Очевидно, что подражать царю (обожествлённому царю!) мог только царь, но никак не знатный воин.

Две крупные шаровидные бусины, найденные в описываемом погребении, были выполнены из перегоревшего камня и обрамлены в оправу из золотой проволоки [Бутягин, Виноградов, 2014, кат. 39 – 40]. В качестве аналога можно привести более поздний по происхождению агатовый шарик из Анапы, на который была нанесена магическая надпись [Блаватская, 1958, с. 235]. Исследователи справедливо полагают, что такие бусы-амулеты не являются украшениями, а носят сакральный характер и усопший, в погребении которого найдены данные предметы, являлся представителем определённой религиозной прослойки, возможно – жрецов [Бутягин, Виноградов, 2014, с. 85]. Тем не менее, достоверно известно, что цари Боспора обладали не только правительственными, но и функциями жреца, а соответственно, вполне допустимо предположить, что в центральном захоронении Кургана 1875 года был погребён представитель самого высшего сословия Боспорского царства.

Ю. В. Виноградов высказал предположение о том, что все три брата – Сатир, Притан и Евмел были погребены в трёх склепах Золотого кургана, опираясь на предположение других исследователей о месте захоронения Перисада I (Царский курган) и эволюцию архитектуры погребальных сооружений [Виноградов, 2007, с.16 – 17]. Тут необходимо вновь обратиться к Диодору, который сообщает, что после гибели Сатира II его младший брат, Притан, устроил ему великолепные похороны и уложил тело в царскую гробницу [Diod., XX]. Однако необходимо учитывать, что, по сообщениям того же Диодора, Сатир II царствовал всего 9 месяцев, по меньшей мере 7 из которых он провел в войне за право на власть. Из этого следует, что времени на возведение «царской» гробницы у него попросту не было, и более того – любая война требует колоссального вливания средств, в то время как постройка гробницы тоже. Представляется логичным предположить, что «великолепные похороны» – это и есть огромный погребальный костёр и соблюдение необходимых ритуалов, а царская гробница – это непосредственно земляная насыпь, которая могла быть сделана исключительно рабским трудом, тем более что впечатляют как размеры указанной насыпи, так и размеры «жжёного точка». Высота насыпи

была равна приблизительно 6,40 м, а размеры погребального костра – 3,60х1,80 м [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 121 – 122.

К тому же, нельзя оставлять без внимания предположение И. В. Шонова, который, опираясь на данные нумизматики и эпиграфики, допускает, что Евмел был усыновлён Перисадом I, то есть не являлся братом Сатиру II и Притану [Шонов, 2019, с. 179]. Соответственно, предположение о погребении в Золотом кургане трёх братьев из правящей династии поддаётся сомнению. Как известно, после захвата власти и убийства Притана Евмел приказал умертвить жён и друзей Сатира II и Притана [Diod., XX]. И тут мы возвращаемся к впускному погребению Третьего кургана, или, как указывал А. Е. Люценко, кургана 1875 года. Указанное погребение представляло собой грунтовую яму, перекрытую керамидами, содержащую в себе слой угля, перегоревших человеческих костей и золы. При исследовании заполнения данной кремации были обнаружены несколько золотых, небольших размеров бусин без каких-либо изображений, разбитые краснофигурная лекана и чернолаковая ваза, два золотых перстня с перегоревшими камнями, один из который изображал скарабея, а другой – без резьбы. Кроме того, в заполнении были обнаружены несколько костяных трубочек с отверстиями и куски сплавившейся меди от какого-то предмета, возможно, музыкального инструмента [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 121]. Состав находок из данного погребения позволяет предположить, что оно является женским, а его расположение в юго-западной подошве кургана явно указывает на то, что оно не было основным [Виноградов, 1993, с. 39]. Представляется возможным предположить, что жену или одну из жён Сатира II после казни захоронили в одном кургане с мужем.

Учитывая вышеизложенную информацию, которая опирается на тексты Диодора Сицилийского, и описание находок из погребений, появляются основания предполагать, что захоронения из Третьего Ак-Бурунского кургана принадлежали Сатиру II и его жене, представителям династии Спартокидов, царствовавшей на Боспоре более трёхсот лет.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Андроникос М. Царская гробница в Вергине (Из истории раскопок) // ВДИ №1 – М: 1990, с.107 – 128.

Блаватская Т. В. Амулет из окрестностей Горгипии // Изследвания в чест на акад. Димитр Дечев по случай 80-годишнината му. София – Софія, 1958, с. 231 – 239.

Бутягин А. М., Виноградов Ю. А. Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. ТомII. – Симферополь-Керчь, 2014 – 184 с.

Виноградов Ю. А. Золотой курган (Алтын-Оба) // БИ – Вып. XVII – Керчь, 2007 – с. 5 – 19.

Виноградов Ю. А. Золотой «шлем» из кургана Ак-Бурун (1875 г.) // Искусство и художественная культура Древнего мира – СПб, 2017 – с. 96 – 102.

Виноградов Ю. А. Курган Ак-Бурун (1875 г.) // Скифия и Боспор (материалы конференции памяти академика М. И. Ростовцева) – Новочеркасск, 1993 – с. 38 – 51.

Виноградов Ю. А., Зинько В. Н., Смекалова Т. Н. Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Том I. – Симферополь-Керчь, 2012. – 287 с.

Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Книга XX / Перевод с древнегреческого О. П. Цыбенко. – М., 2000 – 224 с.

Лукиан Самосатский. Сочинения в 2 т. Т.1 – СПб, 2001 – 480 с.

Лукиан Самосатский. Сочинения в 2 т. Т.2 – СПб, 2001 – 538 с.

Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII – III вв. до н. э.) – М., 1991 – 256 с.

Ростовцев М. И. Скифия и Боспор – Л., 1925 – 621 с.

Скржинская М. В. Золотые венки и их роль на Боспоре и в других античных государствах Северного Причерноморья // БИ – Вып. XXXII – Керчь, 2016 – С. 33 – 50.

Шонов И. В. Монетная чеканка правителей Боспора VI – I вв. до н. э. – Симферополь, 2019 – 475 с.

REFERENCES

Andronikos M. The royal tomb in Vergina (from the history of excavations) // VDI №1 – M: 1990, pp. 107 – 128.

Blavatskaya T. V. An amulet from the vicinity of Gorgippia // Izsledvaniya v chest na akad. Dimitr Dechev po sluchaj 80-godishninata mu. Sofiya – Sofiya, 1958, pp. 231 – 239.

Butyagin A. M., Vinogradov Yu. A. Yuz-Oba. Mound necropolis of the Bosporan aristocracy. Volume II – K.: TOV «Majster Knig», 2014 – 184 p.

Vinogradov Yu. A. Golden mound (Altyn-Oba) // BI – Vol. XVII – Kerch', 2007 – pp. 5 – 19.

Vinogradov Yu. A. Golden helmet from the Ak-Burun mound (1875 y.) // Iskusstvo i hudozhestvennaya kul'tura Drevnego mira – SPb, 2017 – pp. 96 – 102.

Vinogradov Yu. A. Mound Ak-Burun (1875 g.) // Skythia and Bospor – Novocherkassk, 1993 – pp. 38 – 51.

Vinogradov Yu. A., Zin'ko V. N., Smekalova T. N. Yuz-Oba. Mound necropolis of the Bosporan aristocracy. Volume 1. – Simferopol'-Kerch', 2012 – 287 pp.

Diodor Sicilijskij. Historical library book XX / Translated from ancient Greek O. P. Cybenko. – M., 2000 – 224 p.

Lukian Samosatskij. Essays in 2 v. Vol.1 – SPb, 2001 – 480 p.

Lukian Samosatskij. Essays in 2 v. Vol.2 – SPb, 2001 – 538 p.

Ol'hovskij V. S. Funeral and memorial rites of the population of steppe Scythia (VII – III b.c.) – M., 1991 – 256 p.

Rostovcev M. I. Skythia and Bospor – L., 1925 – 621 p.

Skrzhinskaya M. V. Golden wreaths and their role on the Bosporus and in other ancient states of the Northern Black Sea region // BI – Vol. XXXII – Kerch', 2016 – pp. 33 – 50.

Shonov I. V. Coinage of the rulers of Bosporus VI – I b. c. – Simferopol', 2019 – 475 p.

Резюме

Юз-Оба, или Сто холмов – это курганный некрополь представителей боспорской аристократии, который берет своё начало на двух мысах – Павловском и мысе Ак-Бурун и тянется в западном направлении на многие километры, теряясь в степной части Керченского полуострова. За многие годы исследований курганного некрополя Юз-Оба было совершено множество замечательных открытий и находок, которые изучали многие исследователи, но по

каким-то причинам никто не идентифицировал погребения кургана 1875 года. Данная статья является попыткой идентифицировать центральное погребение указанного кургана.

Ключевые слова: курган 1875 года, золотой «шлем», погребение, Сатир II, Евмел, гражданская война на Боспоре.

Summary

Yuz-Oba, or one hundred hills is a burial necropolis of representatives of the Bosporan aristocracy, which originates on two capes - Pavlovsky and Cape Ak-Burun and stretches in a westerly direction for many kilometers, getting lost in the steppe part of the Kerch Peninsula. For many years of research of the kurgan necropolis of Yuz-Oba, many remarkable discoveries and finds have been made, which have been studied by many researchers, but, for some reason, no one has identified the burial of the burial mound of 1875. This article is an attempt to identify the central burial of the specified mound.

Key words: burial mound of 1875, golden helmet, burial, Satyr II, Eumel, civil war on the Bosporus.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Петин Андрей Александрович, магистр,
Центр археологических исследований
Благотворительного фонда
«Деметра».
298300, г. Керчь, ул. Крупской, 50.
Deen_Korso@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Petin Andrey A., magistr,
The Center for Archaeological Research
of the Demeter Charitable
Foundation.
298300, Kerch, Krupskoy str., 50.
Deen_Korso@mail.ru

И. В. ШОНОВ
I. V. SHONOV

МОНОГРАММЫ ПРАВИТЕЛЕЙ НА СЕРЕБРЯНЫХ МОНЕТАХ ПАНТИКАПЕЯ 121– 109 гг. до н.э.
MONOGRAMS OF THE RULERS ON SILVER COINS OF PANTIKAPEY 121–109 gg.bc.

В связи с новыми работами по нумизматике Боспора II в. до н. э. стало понятно, что это государство связано с проблемами внешней политики царства Селевкидов. На эту тему существует мало научных работ и это, прежде всего, исследования П.О.Карышковского [1961, с. 85 – 88; 1962, с. 105 – 114]. В последнее время появились работы, отмечающие находки монет государства Селевкидов в Крыму. Выводы этих исследователей указывают, что денежное обращение Боспора во II в. до н. э. свидетельствует о политических связях с Сирией [Захаров, Смирнов, 2020, с. 89 – 90]. Таких работ очень мало. Они посвящены нумизматическому материалу Сирии, полностью игнорируя местный материал. По мнению В. Н. Розова, античные иноземные монеты крайне редки на Боспоре и в целом не характерны для нумизматики региона. Регистрация привозных монет и случайных находок имеет большое значение для изучения экономической и политической истории Северо-Причерноморского региона [Розов, 2014, с. 272]. К этому следует добавить, что изучение иногороднего нумизматического материала необходимо исследовать вместе с местным материалом. Монограммы и иконография местных монет Боспора, Херсонеса и Ольвии будут указывать на влияние таких государств, как Сирия, Египет, Македония, Понт, а в дальнейшем и Рима на этот регион. Данные о связях Боспора с Понтийским регионом и средиземноморскими государствами в III – II вв. до н. э. в античных письменных источниках очень бедны. Кажется, что связи Боспора в этот период касались незначительных областей. Но по Полибию [IV, 38] известно, что торговля Боспора шла со всеми понтийскими странами, а также были связи со Средиземноморьем. Все это указывает на близкий к истине ход истории с середины II в. до н. э. А именно, в самый малоизученный период Боспора [Блаватская, 1959, с. 133 – 134].

Данная статья является продолжением темы, когда Боспор находился в зоне селевкидского влияния. Ранее вышла в свет статья «Монограммы правителей на золотых и серебряных монетах Пантикапея 187 – 121 гг. до н. э.» [Шонов, 2021, с. 92 – 115]. Как продолжение, данная работа анализирует монеты Пантикапея 122 – 110 гг. до н. э., которые на своих реверсах несут монограммы египетских и селевкидских царей и их приближенных. Эти серебряные драхмы Пантикапея последних двух десятилетий II в. до н. э. объединяются в самую большую группу монет. Ранее для точной датировки этих монет не существовало крепкой точки

опоры. А. Н. Зограф датирует эти драхмы II в. до н. э. [1951, с. 180]. Д. Б. Шелов – первой половиной-серединой II в. до н. э., приписывая хождение этих монет в период более 50 лет [1956, с. 162].

В. А. Анохин датирует данные выпуски 115 – 100 гг. до н. э. [2011, с. 158 – 161, № 1096, 1099, 1108-1112]. Несмотря на разные датировки исследователей и утверждения Д. Б. Шелова о том, что монограммы ничего не могут дать нам для абсолютной хронологии выпусков [Шелов, 1956, с. 161], я попытался исследовать данные выпуски и их хронологию путем прочтения монограмм, опираясь при этом на весовые нормы и стилистику монет, привязывая их к политической ситуации на Боспоре, в Сирии, Египте и в Понте в 122 – 109 гг. до н. э., исследуя нумизматический материал этих государств.

В 121 г. до н. э. умирает Клеопатра Тея и у власти в Сирии остается ее сын Антиох VIII. При нем в Сирии царило спокойствие со 121 по 116 г. до н. э. Но восточные провинции были потеряны. Внутренние распри и обострившиеся отношения с Птолемеем VIII из-за смерти его сестры вели к полному упадку в Сирии.

Попыток вернуть себе потерянные земли не было [Rawlinson, 1899, 25]. В этом же 121 г. до н. э. умирает царица Боспора Камасария Филотекна, оставив на престоле своего сына, уже немолодого Перисада IV. Боспор продолжал входить в зону влияния Сирии. К 120 г. до н. э. можно отнести драхму типа «Аполлон-горит, надпись ΠΑΝΤΙΚΑ-ΠΑΙΤΩΝ, внизу монограмма **ΠΥ**». Одна из монет весом 3,58 г из частной коллекции (табл. 1, *1*). Второй известный экземпляр происходит из книги В. А. Анохина и весит 3,49 г [2011, с. 158 –159, № 1099; 1986, № 186з]. Возможно, эта монограмма обозначает второе имя Антиоха VIII Эпифана (Пифона). Столь малое количество известных экземпляров может указывать на слабое финансирование Боспора.

В связи с этой политической обстановкой Антиоху VIII нужны были какие-то действия для урегулирования дел в регионе. Скорее всего, царь вступил в переговоры с могущественным скифским царем Скилуром приблизительно в 119 г. до н. э. Представителем Антиоха VIII Эпифана был назначен советник Гераклеон. Его монограмма ⊢ΡΑ стоит на последующей драхме (табл. 1, *2*). Такая монета известна в одном экземпляре, вес этой драхмы 3,55 г [Анохин, 1986, табл. 6, № 186д; 2011, с.158 – 159, № 1096]. Ее редкость подтверждает неспособность сирийского царя достаточно финансировать Боспор, из-за чего, очевидно, денежный дефицит вел к упадку экономики. По-видимому, переговоры между советником Гераклеоном, Перисадом IV и Скилуром прошли положительно для Сирийского, Боспорского и Скифского царств. Перисад IV Филометр перед сирийским царем выполнял роль архонта Боспора, возможно, в каких-то вопросах подчиняясь ставленнику сирийского царя, Гераклиду [Ранович, 1950, с. 142; Бикерман, 1985, с. 180]. Данный договор скифов и греков был закреплен браком между Гераклеоном и дочерью скифского царя Скилура, Сенамотис. Об этом сообщает вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея [Толстиков, 1987, с. 100 – 102; Виноградов, 1987, с. 58]. Ранее Ю. Г. Виноградовым надпись дати-

рована 30 – 10-ми гг. II в. до н. э. [Толстиков, 1987, с. 102]. Теперь эту датировку можно сузить и датировать надпись 119 г. до н. э. Эти события позволяют предполагать, что Гераклеона готовили в преемники старому бездетному ПерисадуIV, а именно царем на трон Боспора. Скорее всего, это устраивало Антиоха VIII, Скилура и самого Перисада. Нумизматический и эпиграфический материал позволяет восстановить редкие фрагменты из жизни Гераклида. Этот знатный чиновник оказался очень важным для истории Боспора. Количество нумизматического материала боспорских драхм, который будет описан ниже, хватает на период до 109 г. до н. э. Монограммы Гераклида на драхмах Боспора после 117 г. до н. э. отсутствуют, но присутствуют на сирийских тетрадрахмах Антиоха VIII [Houghton, Catherin, Oliver, 2008, p. 511, №2339.6a, 2340.9a]. Также монограмма Гераклида присутствует на тетрадрахмах типа «Афина Никифорос» Антиоха IX [Houghton, Catherin, Oliver, 2008, p. 513, № 2389, 2346.1]. Все это косвенно указывает, что Гераклид в мирный период мог иметь экономические связи с Антиохом IX Кизикенским, который восстал и начал войну против своего сводного брата в 116 г. до н. э. Эту войну Антиох VIII проиграл, потеряв почти все свои земли. Основываясь на данных первоисточников, этот сирийский царь правил в Сирии со 125 по 113 г. до н. э. и от 111 до 96 г. до н. э. В 112 г. до н. э. он вообще не имел за собой никаких территорий [Еврейская энциклопедия, 1908, с.783], что маловероятно. Договор 116 г. до н. э., который предоставил Антиоху VIII право управлять половиной царства Селевкидов, очевидно, зависел от Птолемея VIII [Аппиан, История Рима: Сирийские войны 68].

Появление после 117 г. до н. э. обильной чеканки серебряных монет Пантикапея может свидетельствовать о вливании средств в Боспор каким-то более могущественным и богатым правителем. В 116 г. до н. э. монограммы Антиоха VIII и Гераклида исчезают на серебряных монетах Пантикапея. Что, скорее всего, связано с потерей для них Боспора.

Необходимо восстановить важные для истории Боспора эпизоды из жизни Гераклида. Падение Деметрия I приписывают Гераклиду, брату Тимарха. Тимарх знатный аристократ из Милета, друг царя Антиоха IV Эпифана, при котором был назначен сатрапом Мидии в 175 г. до н. э. Гераклид стал министром финансов. После смерти Антиоха IV в 163 г. до н. э. Тимарх стал независимым правителем Мидии. В 162 г. до н. э. Тимарх провозгласил себя царем. В 160 г. до н. э. он был убит ДеметриемI Сотером [Chamont, 1987, p. 418 – 438; Аппиан, Сирийские дела 8: 45, 47]. Гераклид поддерживал Александра Баласа, представляя его сыном Антиоха IV Эпифана. Гераклид убедил римский сенат поддерживать Александра Баласа. Деметрий I был повержен в 150 г. до н. э. [Pol., 33. 18. 14]. К власти приходит Александр I – царь Сирии незнатного происхождения. Претензии на престол Александра были признаны Римом и Птолемеем VI Филометром, который в 149 г. до н. э. выдал за Александра свою дочь Клеопатру Тею. После чего Птолемей VI осуществлял протекторат над царством Селевкидов. Очевидно, Гераклид тайно мог служить и египетским царям. После этих событий этот чиновник, по всей видимости, служил Клеопатре Теи. А

после ее смерти находился на службе у Антиоха VIII. Правление Антиоха VIII продлилось до 96 г. до н. э. Этот царь победил своего сводного брата АнтиохаIX. В 95г. до н. э. Гераклеон порывался захватить власть у царя Антиоха VIII, но, потерпев неудачу, убивает его. В 95 г. до н. э. началась война между Антиохом IX и старшим сыном Антиоха VIII – Селевком V Эпифаном. После поражения в битве Антиох IX Кизекен покончил с собой. Антиох Евсебис, сын Кизекена, принял царский титул, победив СелевкаV. Второй сын Антиоха VIII Грипа, Филипп, вел войну с Евсебием и победил его [Rawlinson, 1899, 8]. Предположение Д. Роулинсона о том, что Гераклеон погиб от руки Селевка V Эпифана, старшего сына Грипа [Rawlinson, 1899, 6], ничем не аргументировано. Видимо, Гераклеон, служивший Антиоху Евсебию, после поражения последнего, пользуясь своими скифскими связями, бежал, как и тот в Парфию. Известно, что парфы – скифское племя по происхождению [Попов, 2008, с.55]. Возможно, его конечной остановкой была Ольвия – город, находившийся в центре Скифии, где он благодаря своей скифской жене был в безопасности. В Ольвии он, возможно, и закончил свои дни. Из надписи на золотой погребальной пластине, очевидно, украшавшей венок, возложенный на голову покойного знатного сирийца, мы узнаем о Гераклеоне (Гераклиде), сыне Ника в Ольвии [Потылицын, 1897, с. 17; Карышковский, 1962, с. 12]. Имя Никон (Никанор) у Селевкидов носили верховные военачальники, возможно из одного рода. Так у Селевка I был верховный начальник Никанор, основавший крепость, а потом и город Дура-Европос [Новиков, 2000, с.389]. Со времени Парфянского завоевания около 141 г. до н. э. в значимой степени в управленческую верхушку македонских городов начинают проникать сирийцы [Кошеленко, 1960, с. 74]. Эти сирийцы даже становятся членами совета [Cumount, 1926, № 9, p. 365; № 50 p. 404]. Они роднятся со старыми македонскими фамилиями [Шишова, 1956, с. 117]. Благодаря этому процессу все известные по надписям стратеги и эпистаты как сирийского, так и парфянского времени происходят из старых македонских фамилий [Кошеленко, 1960, с. 74]. В изучаемое время такой военачальник есть. Никанор, стратег Деметрия I Сотера, мог быть отцом Гераклида и Тимарха. Из первой Маккавейской книги мы узнаем, что этот военачальник был послан царем в Иудею, где и погиб. Узнав о гибели своего стратега, Деметрий I отправляет в Иудею новое войско. Это происходит в 152 г. до н. э. [Золотникова, 2000, с. 433 – 435]. Позднее Деметрий I Сотер убил поднявшего против него восстание полководца Тимарха, который был братом Гераклида [Тарн, 1949, с. 50]. Налицо мы видим повод мстить царю Деметрию за гибель отца и брата. Тимарх правил в Сирии меньше года, в 162 г. до н. э. Его монеты выполнены в бактрийских традициях. На тетрадрахмах этого правителя на лицевых сторонах изображена голова Тимарха в шлеме, развернутая вправо. На реверсах – два скачущих всадника с копьями, по кругу надпись – царь великий Тимарх [Houghton, Catherin, and Oliver, 2008, part 2, vol. II, plate 2, № 1588, 1589]. Монеты Тимарха схожи с монетами Парфии, царей Диодота II, Менандра I и других. На многих монетах Бактрии изображена Афина или Аполлон с копьем [Попов, 2008, с. 54 – 56, с. 74 – 84, рис. 9 – 12, 19, 29, 30, 32 – 34,

36]. Таким образом, можно предположить, что Гераклид, как и Тимарх, мог иметь парфянские (скифские) корни знатного происхождения, возможно царского, что позволили в дальнейшем Гераклиду жениться на скифской принцессе. Возможно, этот брак стоит причислить к теории существования скифо-боспорских династийных связей в последней четверти II в. до н. э. [Молев, 2017, с. 169].

Монета с монограммой Гераклида может быть датирована 118 – 117 гг. до н. э. В 116 г. до н. э. начинается выпуск драхм самой обильной серии, имеющих монограммы [illegible] и **П**. Некоторые монеты дополнительно к монограмме имеют изображение в виде палицы или наконечника копья. Часть монет без монограммы, имеющие только изображение копья и палицы. Д. Б. Шелов предполагал, что эта серия была выпущена при одном магистрате и чеканилась долгий срок. Ученый отметил постепенную деградацию этих монет, на основе которой справедливо определил последовательность выпусков. Сначала монеты с монограммой [illegible], потом [illegible]-палица, далее [illegible]-копье и в конце просто с копьем. Было отмечено уменьшение веса и деградация поздних монет данного типа. По мнению исследователя, вся чеканка продолжалась не более 50-ти лет, до середины II в. до н. э. [Шелов, 1956, с. 162].

К первому выпуску данной группы монет можно отнести монеты с монограммой **П** (табл. 1, *3*). Очевидно, что эти монеты чеканились в 116 г. до н. э. Их весовые нормы 3,43 – 3,65 г. Если не считать претендентом на данную монограмму последнего Перисада, который по отношению к сирийскому царю был архонтом Боспора и навряд ли на тот момент имел необходимые средства для чеканки столь обильного выпуска монет из серебра, то эту монограмму целесообразней относить к египетскому царю Птолемею VIII. Очевидно, этот проримский правитель, действуя по принципу «разделяй и властвуй», постоянно вмешивался в дела Сирии, курируя селевкидских царей. Данная монограмма встречается на тетрадрахмах Антиоха IX типа «голова царя вправо – стоящая Афина влево, под вытянутой рукой Афины две монограммы». Одна монограмма [illegible], чуть ниже монограмма Птолемея VIII **П**. Датирована эта монета 112 – 111 гг. до н. э. [Dr. Busso Peus Nachfolger, Auktion 382, p. 37, № 238]. Но Птолемей VIII скончался 28 июня 116 г. до н. э., что зафиксировано в надписи, в храме Эдфу. Этот правитель умер своей смертью в 60 лет [Бивен, 2011, с. 367 – 368], ввиду чего данную тетрадрахму, как и драхму Пантикапея с такой же монограммой, можно датировать не позднее 116 г. до н. э. После смерти Птолемея VIII (он правил 170 – 116 гг. до н. э.) к власти в Египте пришла его жена Клеопатра II со своим сыном соправителем Птолемеем Филометорм Сотером II по прозвищу Лафур или Латир [Павсаний, I, гл. IX]. В этом же 116 г. до н. э. бывшая супруга Птолемея Сотера II – Клеопатра IV отправилась на Кипр, чтобы набрать там собственное войско. С этим войском она пошла в Сирию, чтобы предложить руку и войско Антиоху IX Кизекену, который собирался продолжить воевать со своим братом Антиохом VIII Грипом, мужем Трифены, старшей сестры Клеопатры IV [Юстин, XXXIX, 3; Бивен, 2011, с.369 – 371].

Следующий выпуск монет, относимый к 115 г. до н. э., несет на своих реверсах

подобную монограмму, имеющую дополнение в виде омикрона . Вес этих монет варьирует 3,29 – 4,16 г (табл. 1, *4*). В эту серию входит гемидрахма типа «голова Аполлона вправо в точечном ободке – тирс влево, внизу монограмма , надпись в две строки ΠΑΝΤΙΚΑ-ΠΑΙΤΩΝ», вес 1,73 г (табл. 1, *5*).Эта монограмма ранее встречалась на изучаемом типе драхм [Анохин, 2011, с. 158 – 159, № 1093]. Предположительно, монограмма была отнесена к известному политику, ученому, стратегу того времени Полибию [Шонов, 2021, с. 99]. Монограмма встречается на сирийских тетрадрахмах времени правления в Сирии Деметрия I Никатора [Houghton, Catherin, and Oliver, 2008, vol. II, plate 14, № 1633a, 1635б, 1636]. Также на монетах Фарнака I [Сапрыкин, 1996, с. 83], что указывает на крепкие экономические связи между Фарнаком I и Птолемеем VI Филометром. Более вероятным претендентом на эту монограмму является египетский Царь Птолемей VI Филометр, который на протяжении долгого времени курировал Сирию при царях Деметрии I Сотере, Александре I Баласе и Деметрии II Никаторе [Тарн, 1949, с. 51].

Впервые монограмма появляется на золотых монетах времени правления Александра Македонского [Numismatik Naumann, Lot 202, 05.12.2021]. Под рукой Ники стоит монограмма Птолемея I , внизу монограмма Антигона Одноглазого. По-видимому, в это время и закрепилась данная монограмма за египетскими царями с именем Птолемей. Таким образом, пантикапейские драхмы 115 г. до н. э., скорее всего, чеканились на деньги египетского царя Птолемея Сотера II. К. В. Голенко, исследуя такую же драхму, ошибочно датировал ее III – II вв. до н. э., отмечая, что этот тип относится к одному из последних выпусков. Также он отмечал, что данные драхмы заслуживают самого тщательного изучения, т. к. они носят следы перечеканки. Скорее всего, на монетах Амиса типа «голова Геры в башенной короне вправо – сова с распущенными крыльями на щите» [Голенко,1968, с. 38 – 39].

На следующем выпуске пантикапейских драхм 114 г. до н. э. весом 3,25 – 4,41 г (табл. 1, *6*), присутствует монограмма Птолемея Сотера II. К ней примыкает штандарт Антиоха IX в виде палицы. А на драхмах 113 г. до н. э., с весовыми данными 3,25 – 4,10 г (табл. 1, 7), вместе с монограммой Птолемея Сотера II также стоит новый знак в виде наконечника копья, который тоже относится к штандарту Антиоха IX. Эти знаки ставились на сирийских тетрадрахмах Антиоха IX Никатора [Houghton, Catherin, and Oliver, 2008, vol. II, plate 51, № 2362в, 2366l]. На монетах Антиоха VIII Грипа таких знаков нет. Родовым штандартом Антиоха IX может быть палица Геракла, т. к. этот штандарт присутствует у некоторых царей Сирии, а именно у его прадеда Деметрия I [Шонов, 2021, с. 404]. Это дает возможность приобщать монограммы и символы Антиоха IX к нумизматике Пантикапея. На пантикапейских драхмах вместе с монограммой Птолемея Сотера II могут стоять штандарты Антиоха IX (палица и копье). По-видимому, при разделении сатрапий Птолемеем VIII в 116г. до н. э. Боспор отошел Антиоху IX. Херсонес остался у его соперника Антиоха VIII.

К следующему 112 г. до н. э. можно отнести драхмы весом 3,25 – 4,10 г без монограммы с изображением одного меча (табл. 1, *8*). По-видимому, Антиох IX

сам финансировал этот выпуск. Этот год был отмечен кровопролитием в Сирии. В Антиохии была убита Клеопатра IV, жена Кизекена. Она была казнена АнтиохомVIII и Трифеной [Бивен, 2011, с.369 – 371]. В Таврике в этот год умирает царь скифов Скилур. Власть в скифском царстве перешла его сыну Палаку. По-видимому, в этом году начинаются херсонесские войны [Страбон, VII, 3, 17; VII, 4, 3; VII, 4, 7]. Второй период войны освящен в Херсонесском декрете в честь Диофанта [Юргевич, 1881, XII; IOSPE. I², № 352]. Херсонес Таврический блокируется скифами Палака. АнтиохVIII, занятый войной в Сирии, не в состоянии помочь Херсонесу. Боспор, находясь со скифами в дружественном союзе, держит нейтралитет, который ему был очень выгоден, не вмешиваясь в войну. Ранее высказывалось мнение, что Боспор соблюдал нейтралитет в войне Херсонеса со скифами [Блаватская, 1959, с. 148], но объяснения этому не было. Позднее предполагалось, что характер скифо-боспорских отношений позволяет думать об отсутствии давления скифов на Боспор. Скифы поддерживали боспорского царя Перисада до тех пор, пока поражение их от Диофанта не вызвало изменений в политике последнего Перисада [Молев, 2017, с. 170].

После военных действий в Колхиде Митридат VI получает сообщение, что скифы штурмуют Херсонес. Летом 111 г. до н. э. Митридат отправляет Диофанта в Херсонес с войском [Молев, 2003, с. 181]. 111 г. до н. э. отмечен такой же пантикапейской драхмой типа «голова Аполлона вправо – горит, ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ», на которой уже стоит монограмма , очевидно, принадлежит сыну Антиоха IX, АнтиохуX Евсебию. Рядом с монограммой штандарт Антиоха IX в виде палицы с весовыми нормами 3,73 – 3,75 г (табл. 1, *9*).Появление этой монограммы указывает на какие-то финансовые полномочия Евсебия. В этот год была казнена Антиохом Кизекеном Трифена.

В 110 г. до н. э. выходит пантикапейская драхма с такой же монограммой, смотрящей вниз, со штандартом Антиоха IX в виде меча весом от 3,73 до 3,75 г (табл.1, *10*). В этот год по просьбе о помощи херсонеситов, не надеясь на отправленных сперва малозначимых военачальников, которых Страбон называет безлично «стратегами Митридата» [VII, 3, 17; 4, 7], Митридат VI Евпатор решает послать на защиту Херсонеса выдающегося полководца Диофанта, который прибывает в Херсонес в 110г. до н. э. Освободив ближайшие земли херсонеситов от скифов и тавров, Диофант получает известие из Пантикапея о возможности выступления Боспора на стороне скифов. После этого известия Диофант отправляется на Боспор к ПерисадуIV [Молев, 2003, с. 183].

Весной 110 г. до н. э. Палак возвращается в Таврику. Получив согласие царя роксоланов Тасия на совместные действия в войне осенью 110 г. до н. э., скифский царь снова начинает войну против Херсонеса. Этой же осенью Митридат VI отправляет войско во главе с Диофантом на помощь Херсонесу. Прибыв в Херсонес, этот стратег укрепляет свое войско херсонесским ополчением и предпринимает поход в Скифию. Там он покоряет скифские крепости Хабеи и Неаполь. В процессе военных действий конница скифов и роксолан была отбита. Последовавшая атака македонской фаланги

Диофанта уничтожила всю скифскую пехоту. Комментируя это, Страбон заметил, что против фаланги войско варваров бессильно [Молев, 2003, с. 186 – 187].

В 109 г. до н. э. чеканится пантикапейская драхма того же типа с монограммой Антиоха X Евсебия, но смотрящая вниз Π, обозначая этим выпуск новой серии. В литературе впервые такое начертание монограммы отмечено в 1877 году [Head, Gardner, 1877, p. 7, № 12]. К. В. Голенко считал эту монограмму каким-то особым типом или небрежно вырезанным вариантом какой-то обычной монограммы [1968, с. 38].

Монограмму сопровождает штандарт Антиоха IX в виде меча (табл.1, *11*). Это последний выпуск исследуемых драхм. Их вес колеблется от 2,55 – 3,80 г. Нормальный вес драхмы в Сирии составлял 4,30 г и равнялся драхме Александра Македонского по аттической системе [Segre, 1928, с. 229]. В начале I в. до н. э. содержание серебра снижается до 65 %. А стиль монет в Сирии, начиная с Антиоха VIII, становится грубым [Бикерман, 1985, с. 198 – 199, 202]. На Боспоре стиль монет ухудшается при Антиохе IV Эпифане, но значительная деградация в монетном деле Боспора появляется к 111 г. до н. э. и длится это до 109 г. до н. э. включительно.

Очевидно, что в 108 г. до н. э. скифы снова нарушают договор о мире. Второе прибытие Диофанта в Херсонес с войском и его второй поход на скифские крепости, а также Керкинитиду и Колос Лимен, осажденных скифами, приходится на 108 г. до н. э. Генеральное сражение войск Палака-Тасия и Диофанта заканчивается победой Диофанта [Молев, 2003, с. 189].

Весь известный материал серебряных монет данного времени выстраивается в единую хронологическую цепочку. Этого материала хватает включительно до 109 г. до н. э. В следующем 108 г. до н. э. чеканка этих монет прекращается. Прерывание данной долгосрочной эмиссии пантикапейского серебра, чеканившегося со 187 по 109 г. до н. э., может быть связано с очень важным событием для истории Боспора конца II в. до н. э. Этим событием является восстание Савмака, которое, очевидно, произошло в 108 г. до н. э. [Молев, 2008, с. 132 – 136]. Борьба с Савмаком продолжалась с весны 108 г. до н. э. до зимы 107 г. до н. э. [Молев, 1995, с. 44]. Позднее, несмотря на датировку Т. Рейнака 109 г. до н. э., Е. А. Молев продлевает дату завершения процесса, включения в состав Понта Боспора, Херсонеса, Ольвии в 107/106 гг. до н. э. [2017, с. 203 – 211, 241]. Очевидно, что Митридат VI после всех этих событий возвращает Антиоху VIII Грипу доходы и экономическое влияние на Боспор и Херсонес, которые уже вошли в состав Понта. Бюст сирийского царя Антиоха VIII Грипа находился в галерее союзников и друзей Митридата VI Евпатора в Делосском герооне, построенном жрецом Гелианактом [Durrbach, 1921, p. 221, N 136 g= ID. 1576]. Этот бюст поставлен задолго до 102 г. до н. э. Возможно, это произошло в конце 106 г. до н. э., после подавления восстания Савмака, в котором, по-видимому, участвовали вспомогательные войска Антиоха VIII на стороне Митридата VI. Эти войска Антиох VIII получил от Клеопатры II для борьбы против Птолемея Лафура и Антиоха IX [Бивен, 2011, с. 373; Юстин, XXXIX, 4]. Все

это сходится с историческими датами в работе Е. А. Молева [2017, с. 203 – 211, 241] и нумизматическими выводами в данной статье. Подчинение Боспора сделало Митридата VI повелителем Тавриды. Скифы, Херсонес и Боспор составили новую сатрапию Понта, центром которой был Пантикапей. Помимо этого, Митридат VI получил союзников – Сирию и Египет, в лице Антиоха VIII Грипа и Клеопатры II.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Анохин В. А. Монетное дело Боспора в VI – II вв. до н. э. – К.: Наукова думка. – 1986. – 179 с.

Анохин В. А. Античные монеты Северного Причерноморья: Каталог. – К.: Изд-во «Стилос», 2011. – 328 с.

Аппиан. Римские войны. Изд-во «Алетейя». СПб, 1994. Текст в изд. 1994 г. печатается по изданию: ВДИ, 1946, № 4. Перевод и комментарии С. П. Кондратьева.

Бивен Э. Династия Птолемеев. История Египта в эпоху эллинизма. Центрополиграф. 2011. – 447 с.

Бикерман Э. Государство Селевкидов. Пер. с франц. Л. М. Глускиной. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985. – 264 с.

Блаватская Т. В. Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до нашей эры. Академия наук СССР. Москва. 1959. – 157 с.

Виноградов Ю. Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э. // ВДИ. № 1. – 1987. – С. 55–86.

Голенко К. В. Несколько серебряных монет Пантикапея II в. до н. э. со следами перечеканки // Нумизматика и Эпиграфика. Том VII. Институт археологии АН СССР. Изд-во «Наука». Москва. – 1968. – С. 37–42.

Голенко К. В. Две монеты Пантикапея II в. до н. э. // Нумизматика и Эпиграфика. Том V. Институт археологии АН СССР. Изд-во «Наука». Москва. – 1965. – С. 56–61.

Еврейская энциклопедия. Том 2. Алмогады-Арабский язык. Москва. – 960 с.

Зайцев Ю. П. Неаполь Скифский (II в. до н. э. – III в. н. э.). Симферополь «Универсум». – 2003. – 209 с.

Захаров Е. В., Смирнов С. В. Новые данные о находках монет государства Селевкидов в Крыму //ПриPONTийский меняла: деньги местного рынка. VII. Симферополь. – 2020. – С. 89–90.

Зограф А. Н. Античные монеты // МИА, №16. М.- Л.: 1951. – 264 с.

Золотникова О. А. Селевкиды и Иудея в первой половине II в. до н. э. // Анталогия источников по истории, культуре и религии Древней Греции / Под. ред. Кузищина В. И., разд. XXI.– СПб.: Алетейя. – 2000. – С. 412–440.

Молев Е. А. Властитель Понта. Изд-во Нижегородского университета. Нижний Новгород. – 1995. 144 с.

Молев Е. А. Эллины и варвары. На северной окраине античного мира. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. – 399 с.

Молев Е. А. Боспорские древности. Проблемы политической, социальной и культурной истории Античного Боспора: монография / Е. А. Молев; науч. ред. А. В. Махлаюк, С. К. Сизов. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2017. 339 с.

Новиков С. В. Крепость Дура-Европос селевкидо-парфянского и римского времени по мате-

риалам Пергаменов // Анталогия источников по истории, культуре и религии Древней Греции / Под. ред. Кузищина В. И. – СПб.: Алетейя. – 2000. – С. 389–397.

Карышковский П. О. Из истории отношений Селевкидского государства с городами Северо-Западного Причерноморья // Палестинский сборник, вып. 9 (72) М., Л.: Изд-во АН СССР. 1962. – С. 105–114.

Карышковский П. О. Селевкидские монеты, поступившие в Одесский государственный археологический музей в 1960 г. // Краткие сообщения ОГУ и ОГАМ за 1960 г. Одесса. – 1961. – С. 85–88.

Кошеленко Г. А. Городской строй полисов Западной Парфии //ВДИ. 4. Изд-во Академии наук СССР. Москва. – 1960. – С. 73–82.

Молев Е. А. Боспор и скифы от Агаэта до Савмака // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 4. – 2008. – С. 132–136.

Павсаний. Описание Эллады // Перевод С. П. Кондратьева / под ред. Е. В. Никитюк. СПб.: Изд-во «Алетейя», Т. 1., 1996. – 336 с.

Попов А. А. Греко-бактрийское царство. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета. – 2008. – 240 с.

Потылицын А. Л. О составе и происхождении золота надгробной пластинки из города Ольвии. ЗООИД, т. XX, 1897.

Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль / предисл. В.Н. Дьякова и др. — М.: Издательство АН СССР, 1950. — 382 с.

Розов В. Н. Новые находки греческих привозных монет с территории Таманского полуострова // Древности Боспора . – М., 2014. Т. 18. С. 272–307.

Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. – Москва. – «Наука». – 1996. – 348 с.

Страбон. География / Пер. Г. А.Стратановского. М.: Наука, 1964. – 944 с.

Тарн В. Эллинистическая цивилизация. Изд-во иностранной литературы. – Москва. 1949. – 371 с.

Толстиков В. П. Святилище на акрополе Пантикапея // ВДИ. № 1. – 1987. – С. 88–114.

Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора в VI – II вв. до н. э. – М.: Изд-во АН СССР. – 1956б. – 222 с.

Шишова И. А. Дура-Европос – крепость Парфянского царства // УЗ Ленинградского ун-та. 1956. № 192. Вып. 21. – С. 107–125.

Шонов И. В. Клад серебряных херсонесских монет 178–157 гг. до н. э. // МАИЭТ. Выпуск XXVI. 2021. – С. 401–408.

Шонов И. В. Деметрий III Эвкер в истории Боспора // Боспорские чтения XXII. – Симферополь-Керчь. – 2021. – С. 451–454.

Шонов И. В. Монограммы на серебряных и золотых монетах Пантикапея 175–122 гг. до н. э. // БИ. Вып. XLIII. Керчь-Симферополь. 2021. – С. 92–115.

Юстин Ю. М. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae». СПб.: Издательство СПбГУ. 2005. – 496 с.

Юргевич В. Н. Псифисм древнего города Херсонеса о назначении почестей и наград Диофанту, полководцу Митридата Евпатора, за покорение Крыма и освобождение херсонесцев от владычества скифов // ЗООИД. 1881. – Т. 12. – С. 1–45.

Chaumont M. L. ARMENIA AND IRAN ii. The pre-Islamic period // Encyclopædia Iranica. – 1987. – T. II. – С. 418–438.

Cumount F. Les fouilles de Doura-Europos (1922-1923) avec un appendice sur la Céramique de Doura par M. et Mme Félix Massoul (Bibliothèque archéologique et historique du Service des Antiquités, t. IX), Paris, Librairie Paul Geuthner, 1926, LXVIII. – 533 p.

Durrbach F. Choix d'inscriptions de Délos . Paris. 1921. – 294 p.

Head B. V., Gardner. P. C. B. M., Thrace, London, 1877.

Houghton A., Catherin L., and Oliver H. Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue. Part II: Seleucus IV through Antiochus XIII, vols. II. New York and Lancaster, PA, 2008. – 536 pages, 119 plates, maps, appendices, concordances, and indices.

Latyshev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae: Tyrae, Olbiae, Chersonesi Tauricae. Petropoli, 1916. 594 p.

Polibij. Vseobshhaja istorija / Polibij; per. F. G. Mishhenko. – Moskva: Direkt-Media, 2008. – 3319 s.

Rawlinson G. History of the Syrian Kingdom of the Seleucids (312-65 BC). Ancient history:
from the earliest times to the fall of the Western empire : comprising the history of Chaldæa, Assyria, Media, Babylonia, Lydia, Phœnicia, Syria, Judæa, Egypt, Carthage, Persia, Greece, Macedonia, Parthia, and Rome. New York : Colonial Press, 1899, 488 p.

Segre A. Metrologia e circolazione monetaria degli antichi. Bologna. 1928. – p. 546.

Dr. Busso Peus Nachf. Auktion 382. Antike-Islam. Numismatische Bibliofhek. Prof.Dr.P.R. Franke. 26. April 2005. – p. 134.

Numismatik Naumann, 05.12.2021. Lot 202. https://numismatik-naumann.com.

Каталог монет Боспорского царства. https:// bosporan-kingdom.com.

REFERENCES

Anokhin V. A. Monetnoe delo Bospora v VI – II vv. do n. e. K.: Naukova dumka. 1986. –179 s.

Anokhin V. A. Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ia: Katalog. – K.: Izd-vo «Stilos», 2011. – 328 s.

Appian. Rimskie voiny. Izd-vo «Aleteiia». SPb, 1994. Tekst v izd. 1994 g. pechataetsia po izdaniiu: VDI, 1946, № 4. Perevod i kommentarii S. P. Kondrat'eva.

Biven E. Dinastiia Ptolemeev. Istoriia Egipta v epokhu ellinizma. Tsentropoligraf. 2011. – 447 s.

Bikerman E. Gosudarstvo Selevkidov. Per. s frants. L. M. Gluskinoi. M., Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury izdatel'stva «Nauka», 1985. – 264 s.

Blavatskaia T. V. Ocherki politicheskoi istorii Bospora v V-IV vv. do nashei ery. Akademiia nauk SSSR. Moskva. 1959. – 157 s.

Vinogradov Iu. G. Votivnaia nadpis' docheri tsaria Skilura iz Pantikapeia i problemy istorii Skifii i Bospora vo II v. do n. e. // VDI. № 1. – 1987. – S. 55–86.

Golenko K. V. Neskol'ko serebrianykh monet Pantikapeia II v. do n. e. so sledami perechekanki // Numizmatika i Epigrafika. Tom VII. Institut arkheologii AN SSSR. Izd-vo «Nauka». Moskva. – 1968. – S. 37–42.

Golenko K. V. Dve monety Pantikapeia II v. do n. e. // Numizmatika i Epigrafika. Tom V. Institut arkheologii AN SSSR. Izd-vo «Nauka». Moskva. – 1965. – S. 56–61.

Evreiskaia Entsiklopediia. Tom 2. Almogady-Arabskii iazyk. Moskva. – 960 s.

Zaitsev Iu. P. Neapol' Skifskii (II v. do n. e. – III v. n. e.). Simferopol' «Universum». – 2003. – 209 s.

Zakharov E. V., Smirnov S. V. Novye dannye o nakhodkakh monet gosudarstva Selevkidov v Krymu //PriPONTiiskii meniala: den'gi mestnogo rynka. VII. Simferopol'. – 2020. – S. 89–90.

Zograf A. N. Antichnye monety // MIA, №16. M.- L.: 1951. – 264 s.

Zolotnikova O. A. Selevkidy i Iudeia v pervo polovine II v. do n. e. // Antalogiiia istochnikov po istorii, kul'ture i religii drevnei Gretsii / Pod. red. Kuzishchina V. I. razd. XXI.– SPb.: Aleteia. – 2000. – S. 412–440.

Molev E. A. Vlvstitel' Ponta. Izd-vo Nizhegorodskogo universiteta. Nizhnii Novgorod. – 1995.– 144 s.

Molev E. A. Elliny i varvary. Na severnoi okraine antichnogo mira. – M.: ZAO Tsentrpoligraf, 2003. – 399 s.

Molev E. A. Bosporseie drevnosti. Problemy politicheskoi, sotsial'noi i kul'tunoi istorii antichnogo Bospora: monografiia / E. A. Molev; nauch. red. A. V. Makhlaiuk, S. K. Sizov. – Nizhnii Novgorod: Izd-vo NNGU, 2017. 339 s.

Novikov S. V. Krepost' Dura-Evropos selevkido-parfianskogoi rimskogo vremeni po materialam Pergamenov // Antalogiiia istochnikov po istorii, kul'ture i religii drevnei Gretsii / Pod. red. Kuzishchina V. I. – SPb.: Aleteia. – 2000. – S. 389–397.

Karyshkovskii P. O. Iz istorii otnoshenii Selevkidskogo gosudarstva s gorodami severo-zapadnogo Prichernomor'ia // Palestinskii sbornik, vyp. 9 (72) M., L.: Izd-vo AN SSSR. 1962. – S. 105–114.

Karyshkovskii P. O. Selevkidskie monety, postupivshie v Odesskii Gosudarstvennyi arkheologicheskii muzei v 1960 g. // Kratkie soobshcheniia OGU i OGAM za 1960 g. Odessa. – 1961. – S. 85–88.

Koshelenko G. A. Gorodskoi stroi polisov Zapadnoi Parfii //VDI. 4. Izd-vo Akademii nauk SSSR. Moskva. – 1960. - S. 73–82.

Molev E. A. Bospor i skify ot Agaeta do Savmaka // Vestnik Nizhegoroskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. № 4. – 2008. – S. 132–136.

Pavsanii. Opisanie Ellady // Perevod S. P. Kondrat'eva / pod red. E. V. Nikitiuk. SPb.: Izd-vo «Aleteiia», T. 1., 1996. – 336 s.

Popov A. A. Greko-baktriiskoe tsarstvo. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta. – 2008. – 240 s.

Potylitsyn A. L. O sostave i proiskhozhdenii zolota nadgrobnoi plastinki iz goroda Ol'vii. ZOOID, t. XX, 1897.

Ranovich A. B. Ellinizm i ego istoricheskaia rol' / predisl. V.N. D'iakova i dr. — M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1950. – 382 s.

Rozov V. N. Novye nakhodkigrecheskikh privoznykh monet s territorii Tamanskogo poluostrova // Drevnosti Bospora . – M., 2014. T. 18. S. 272–307.

Saprykin S. Iu. Pontiiskoe tsarstvo. Gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e. – Moskva. – «Nauka». – 1996. – 348 s.

Strabon. Geografiia / Per. G. A.Stratanovskogo. M.: Nauka, 1964. – 944 s.

Tarn V. Ellinisticheskaia tsivilizatsiia. Izd-vo Inostrannoi literatury. – Moskva. 1949. – 371 s.

Tolstikov V. P. Sviatilishche na Akropole Pantikapeia // VDI. № 1. – 1987. – S. 88–114.

Shelov D. B. Monetnoe delo Bospora v VI – II vv. do n. e. – M.: Izd-vo AN SSSR. – 1956b. – 222 s.

Shishova I. A. Dura-Evropos – krepost' Parfianskogo tsarstva // UZ Leningradskogo un-ta. 1956. №192. Vyp. 21. – S. 107–125.

Shonov I. V. Klad serebrianykh khersonesskikh monet 178-157 gg. do n. e. // MAIET. Vypusk XXVI. 2021. – S. 401–408.

Shonov I. V. Demetrii III Evker v istorii Bospora // Bosporskie chteniia XXII. – Simferopol'-Kerch'. – 2021. – S. 451–454.

Shonov I. V. Monogrammy na serebrianykh i zolotykh monetakh Pantikapeia 175–122 gg. do n. e. // BI. Vyp. XLIII. Kerch'-Simferopol'. 2021. – S. 92–115.

Iustin Iu. M. Epitoma sochineniia Pompeia Troga «Historiae Philippicae». SPb.: Izdatel'stvo SPbGU. 2005. – 496 s.

Iurgevich V. N. Psifism drevnego goroda Khersonesa o naznachenii pochestei i nagrad Diofantu, polkovodtsu Mifradata-Evpatora, za pokorenie Kryma i osvobozhdenie khersonestsev ot vladychestva skifov // ZOOID. 1881. — T. 12. – S. 1–45.

Chaumont M. L. ARMENIA AND IRAN ii. The pre-Islamic period // Encyclopædia Iranica. – 1987. – T. II. – S. 418–438.

Cumount F. Les fouilles de Doura-Europos (1922-1923) avec un appendice sur la Céramique de Doura par M. et Mme Félix Massoul (Bibliothèque archéologique et historique du Service des Antiquités, t. IX), Paris, Librairie Paul Geuthner, 1926, LXVIII. – 533 p.

Durrbach F. Choix d'inscriptions de Délos . Paris. 1921. – 294 r.

Head B. V., Gardner. R. S. V. M., Thrace, London, 1877.

Houghton A., Catherin L., and Oliver H. Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue. Part II: Seleucus IV through Antiochus XIII, vols. II. New York and Lancaster, PA, 2008. – 536 pages, 119 plates, maps, appendices, concordances, and indices.

Latyshev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae: Tyrae, Olbiae, Chersonesi Tauricae. Petropoli, 1916. 594 p.

Polibij. Vseobshhaja istorija / Polibij; per. F. G. Mishhenko. – Moskva: Direkt-Media, 2008. – 3319 s.

Rawlinson G. History of the Syrian Kingdom of the Seleucids (312-65 BC). Ancient history:
from the earliest times to the fall of the Western empire : comprising the history of Chaldæa, Assyria, Media, Babylonia, Lydia, Phœnicia, Syria, Judæa, Egypt, Carthage, Persia, Greece, Macedonia, Parthia, and Rome. New York : Colonial Press, 1899, 488 p.

Segre A. Metrologia e circolazione monetaria degli antichi. Bologna. 1928. – r. 546.

Dr. Busso Peus Nachf. Auktion 382. Antike-Islam. Numismatische Bibliofhek. Prof.Dr.P.R. Franke. 26. April 2005. – r. 134.

Numismatik Naumann, 05.12.2021. Lot 202. https://numismatik-naumann.com.

Katalog monet Bosporskogo tsarstva. https:// bosporan-kingdom.com

Резюме

История Боспора конца II в. до н. э. была связана с государством Селевкидов. Изучение местного нумизматического материала II в. до н. э. и сличение его с монетами Сирии и Египта по иконографии и монограммам проливают свет на политическую ситуацию на Боспоре во II в. до н. э. Очевидно, после 121 г. до н. э. селевкидские цари уже не имеют крепкого положения в своей сатрапии Боспор, почти полностью завися от царей Египта. Данная работа предлагает анализ нумизматического материала Пантикапея, Сирии и Египта со 121 по 109 г. до н. э. Все монеты из серебра являются индикатором крупных денежно-торговых операций на территории Боспора, основные доходы от которых, по-видимому, получали архонты Боспора, цари Сирии и Египта, а также их приближенные.

Ключевые слова: Сирия, монограмма, Боспор, Антиох VIII Грип, Антиох IX, Птолемей VIII, Птолемей Сотер II, Селевкиды.

Summary

The history of the Bosporus at the end of the 2nd century BC e. was associated with the Seleucid state. Study of local numismatic material of the 2nd century. BC e. and comparing it with the coins of Syria and Egypt by iconography and monograms, sheds light on the political situation in the

Bosporus in the II century. BC e. Obviously, after 121 BC. e. Seleucid kings no longer have a strong position in their satrapy Bosporus, almost completely dependent on the kings of Egypt. This work offers an analysis of the numismatic material of Panticapaeum, Syria and Egypt from 121 to 109 AD. BC e. All silver coins are an indicator of large monetary and trading operations in the territory of the Bosporus, the main income from which, apparently, received the archons of the Bosporus, the kings of Syria and Egypt, as well as their entourage.

Key words: Syria, monogram, Bosporus, Antiochus VIII Grip, Antiochus IX, Ptolemy VIII, Ptolemy Soter II, Seleucids.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Шонов Игорь Валентинович,
младший научный сотрудник,
Институт археологии Крыма РАН,
просп. Академика В. И. Вернадского, 2,
295007, г. Симферополь,
Российская Федерация.
crimea_1604@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR
Shonov Igor Valentinovich,
Junior Researcher,
Institute of Archeology of Crimea RAS,
ave. Academician V.I. Vernadsky, 2,
295007, Simferopol, Russian Federation.
crimea_1604@mail.ru

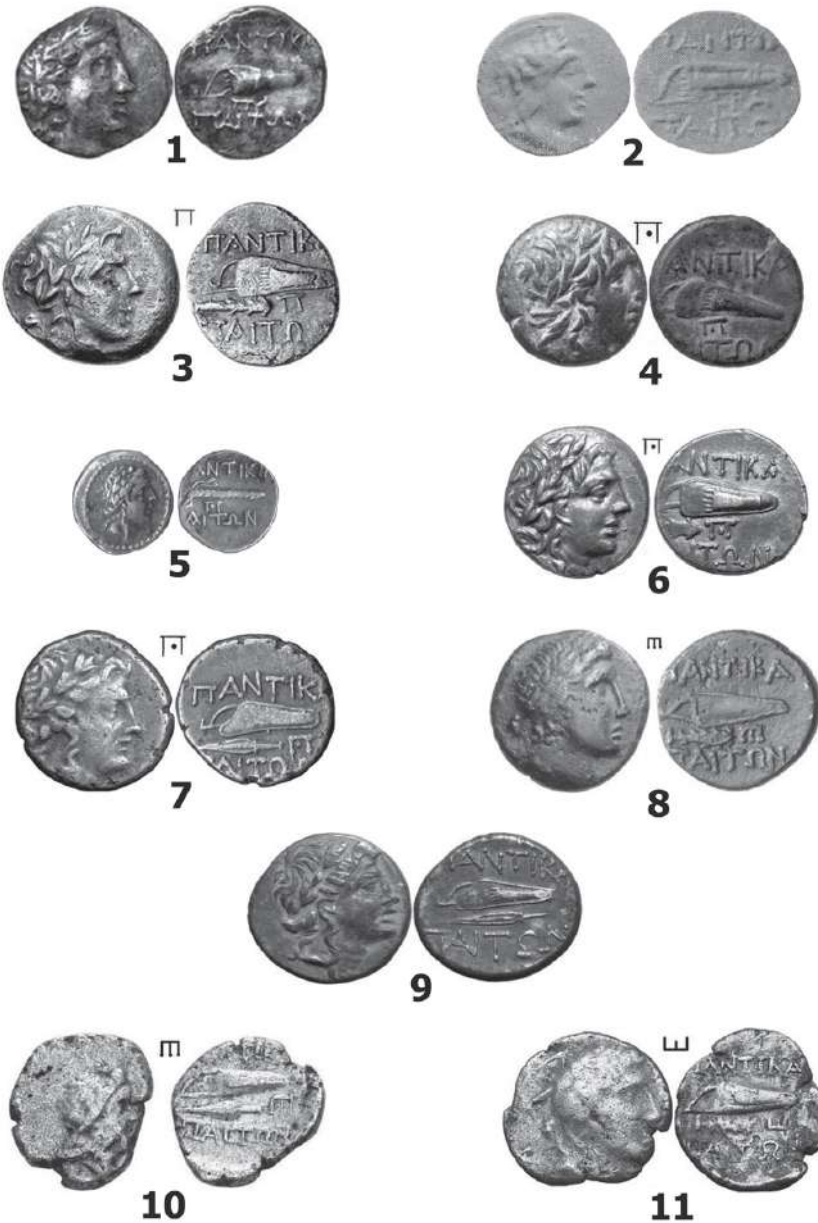


Таблица 1 (1 – 11).

М.М. КАЗАНСКИЙ
M.M. KAZANSKI

«ПАРАДНЫЕ» МЕЧИ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ НА БОСПОРЕ КИММЕРИЙСКОМ
«CEREMONIAL» SWORDS OF THE GREAT MIGRATION PERIOD ON THE CIMMERIAN BOSPORUS

Престижные мечи с богатой отделкой ножен, гарды и рукояти для эпохи Великого переселения народов на Боспоре Киммерийском немногочисленны. Они происходят по большей части из Пантикапея – Керчи[1], Фанагории, Гермонассы и Джурга-Обы (часть некрополя Китея). В данной работе предпринята попытка обобщения имеющихся сведений об этих находках, поскольку это «парадное» оружие показательно с точки зрения культурной и военно-политической ориентации боспорской воинской знати конца IV – середины VI в.

МЕЧИ С ПОЛУСФЕРИЧЕСКИМ НАВЕРШИЕМ РУКОЯТИ И ПОРТУПЕЙНОЙ СКОБОЙ

Наиболее роскошный боспорский меч происходит из двух склепов на Госпитальной улице, разграбленных 24.06.1904 г. Эти гробницы содержали коллективные захоронения боспорской аристократии интересующего нас времени. Среди вещей присутствуют мечи, щиты, кинжалы, элементы конского снаряжния, копье, богатая ременная гарнитура [Засецкая, 1993, с. 51 – 73]. Судя по характеру некоторых фибул и элементов ременной гарнитуры, вещи из этих склепов могут иметь довольно широкие хронологические рамки, включающие и периоды D1-D2 хронологии европейского Барбарикума (соответственно 360/370 – 400/410 и 380/400 – 440/450 гг.). Престижный меч-спата (дл. 87 см) имел ножны и рукоять, украшенные в полихромном стиле перегородчатой инкрустации (бронза, золото, стеклянная паста, гранаты) (рис. 1,*1*) [Засецкая, 1993, № 130, там же подробное описание]. Необходимо отметить такие показательные детали, как полусферическое навершие рукояти (д.3,6см), и портупейную скобу (дл. 14,1 см) (рис. 1,*1а*). Из тех же склепов происходит еще одно полусферическое навершие меча (д. 3 см, золото, оникс, гранат) с декором по-

[1] Здесь не рассматривается меч из т.н. гробницы Мессаксуди 1918 г., на склоне горы Митридат, поскольку состав сохранившегося инвентаря позволяет предложить для него более широкую дату, включавшую и середину – вторую половину IV в. [подробнее см. Beck, Kazanski, Vallet, 1988; Казанский, 2016]. Также в данной работе не рассматривается предмет из нижнего слоя погр. 163.1904 г. в Керчи, определенный как декор ножен меча, что вполне возможно [Европа без границ 2007, с. 299, I.9.7.1]. Однако по своей морфологии он очень напоминает щитки малых пряжек с двумя орлиными головами, известные для постгуннского времени в понто-кавказском регионе [Казанский, 2018, с. 76 – 78, там же библиография].

лихромного стиля (рис. 1,*2*) [Засецкая, 1993, № 135], а также фрагменты декора ножен и рукоятей, принадлежавших другим мечам, кинжалам или боевым ножам, типы которых надежно не устанавливаются [Засецкая, 1993, № 131, 132, 134, 136, 137, 139, 146].

С точки зрения происхождения данного меча большое значение имеет характер его декора в стиле перегородчатой инкрустации *(décor cloisonné)*. Он принадлежит группе 4 по типологии И.П. Засецкой (геометрический декор, покрывающий практически всю поверхность предмета, почти без накладного орнамента, за исключением окантовок краев изделия в виде рубчатой проволоки или зерни). Этот вид декора широко распространен в Европе в эпоху Великого переселения народов. Концентрация изделий с таким декором на Боспоре Киммерийском позволила И.П. Засецкой допустить его местное происхождение [Засецкая, 1982, с. 20 – 22,25]. Впрочем, Б.Аррениус предполагает, что керченские вещи скорее являются продукцией так называемых центральных ателье Восточной Римской империи, предположительно находившихся в Константинополе [Arrhenius, 1985, p. 119, 125, 126]. В целом эту точку зрения разделяет и Н. Адамс, которая относит «геометрический» стиль («стиль А» по e1 терминологии) перегородчатой инкрустации к римской / средиземноморской ювелирной традиции, хотя и не привязывает изделия с таким декором только к продукции константинопольских мастерских [Adams, 2000, p. 30 – 34, 37, 38]. Её точка зрения представляется мне наиболее обоснованной.

Другие ножны мечей, сплошь покрытые инкрустированным декором, как на керченском мече, мне неизвестны, однако в иконографическом материале они представлены на статусе тетрархов из Венеции (рис. 2,*7*) [Miks, 2007, Taf. 340, B-E] и, вероятно, на диптихе Проба Аниция (рис. 2,*5*) [Grabar, 1966, fig. 329], что в целом может свидетельствовать в пользу римского происхождения спаты из склепов 24.06.1904 г.

Полусферические навершия рукоятей с полихромным декором археологически наиболее типичны для позднеримского времени. Необходимо назвать навершие из керченского погребения Мессаксуди 1918 г. (см. выше) (рис. 3,*5*) [Казанский, 2016, рис. 1,*20*], а также находки в Барбарикуме, такие как Брюхановский, на Урале (рис.3,*2*) [Засецкая, 1994, табл. 45,*2*], Тугозвоново, в Южной Сибири (рис. 3, *3*), о котором еще пойдет речь [Уманский, 1979, рис. 8], Сопка-2 погр. 668, также в Южной Сибири (рис. 3,*4*) [Molodin, 1995, Abb. 6,7], Усть-Лабинская, курган 45, на Кубани (рис. 3,*8*) [Гущина, Засецкая, 1994, с.72, табл. 51,*477*], Новокорсунская, также на Кубани (рис. 3,*7*) [Отчет Императорской археологической комиссии за 1902г., с.135, 136, рис. 240], возможно Батырь в Казахстане (рис. 3,*6*) [Скалон, 1961, рис.1]. Некоторые римские изображения, например, на блюде из Гордиковского склепа в Керчи (рис.2,*1*) [Мацулевич, 1926, табл. I] или на диптихе Стилихона (рис. 2,*2*) [Killerich, Torp, 1989, Fig.1,*15*] позволяют говорить о существовании таких наверший и в Римской империи. В Причерноморье, помимо Керчи, клинковое оружие с полусферическим навершием рукояти для эпохи переселения народов известно также в

Абхазии, на могильнике Цибилиум-1, погр. 61 (рис. 6,*2*) [Воронов, 2003, рис. 28,*3*]. Как мы увидим далее, полусферические навершия типичны для мечей и кинжалов «иранского» типа.

Полусферическое навершие рукояти меча (золото, гранаты, д. 3,1 см) из коллекции Массоно, происходящее с Тамани (по сведениям владельца коллекции), сейчас находится в Римско-Германском музее в Кёльне. Оно украшено кабошонами в отдельных гнездах и накладной рубчатой проволокой в виде псевдо-зерни (рис. 3,*1*) [Damm, 1988, 179, 180, №° 102; Eger *et alii* 2017, S. 86,86, № 27].

Портупейная скоба керченского меча из склепов 24.06.1904 г. (рис. 1,*1а*) также может указывать на принадлежность этого оружия римской воинской традиции. Похожие скобы для фиксации портупейного ремня известны на римских мечах [см Miks, 2007, 313 – 316, Taf. 235 – 237], а также на позднеримских изображениях, в том числе на уже упоминавшихся статуе тетрархов и диптихе Стилихона (рис.2,*2,7*) [Казанский, 2019, рис. 1: 2-4,10]. Портупейные скобы получили дальнейшее развитие в эпоху переселения народов [Miks, 2007, 395, 396, Abb. 103]. Они представлены в «вождеской» могиле Альтлюсхейм (Altlussheim) на Рейне (рис. 3,*12*) [Werner, 1956, Taf. 2,*2*], в аланском «княжеском» погребении Брут-1, курган-2, в Северной Осетии (рис. 3,*11*) [Габуев, 2014, рис. 4,*1*, 54], а также на мече из уже упоминавшегося абхазского погребения Цибилиум-1, погр. 61 (рис. 3,*10*) [Воронов, 2003, рис.28,*2*]. Впрочем, если судить по иконографическим данным, похожие скобы бытовали и на Среднем Востоке, у кушан [Mode, 1995] и в сасанидском Иране [Казанский, 2019, рис. 1,*15*]. Можно предполагать, что на Боспоре Киммерийском был рапространен «римский» способ ношения меча – на портупейном ремне через плечо [о нем см.Kazanski, 1991, p. 133], представленный, в частности, на изображении императора на известном серебряном блюде из Гордиковского склепа 1891 г. в Керчи [рис. 2,*1*] [Мацулевич, 1926, табл. I].

Фрагменты «парадного» меча гуннского времени также происходят из так называемого Новиковского склепа 1890 г. в Керчи, представлявшего собой гробницу с несколькими захоронениями (рис. 4,*1-4*) [De Baye, 1892, pl. 3; Отчет Императорского российского исторического музея, 1916, с. 71]. Здесь найдены портупейная скоба ножен с декором в стиле перегородчатой инкрустации и подвеска меча [о них см.Werner, 1956, S. 26 – 37; Anke, 1998, S. 99 – 114]. Такие подвески часто считают «магическими», хотя предложены и более прозаические интерпретации – это могут быть элементы темляка (рис. 5,*1*) [см., напр.: Hagberg, 1967, p. 43 – 45] или элементы фиксации портупейных ремней (рис. 5,*2-7*) [Безуглов, 2000, с. 177, 178]. Из того же склепа происходят две пряжки с инкрустированным щитком и хоботковым язычком (рис. 4,*3,4*), типичные для периода D2 (380/400 – 440/450 гг.) [о них см. Kazanski, 1996a, p. 121 – 123, fig. 9 ; Tejral, 2011, S. 209, 210]. В то же время инкрустационный декор на портупейной скобе и подвеске может свидетельствовать о более поздней дате. На этих изделиях представлены зигзагообразные перегородки стилистической группы Засецкая-5, типичные для Центральной и Западной Европы уже пост-

гуннского времени, т.е. второй половины V – раннего VI в. [Засецкая, 1982, с. 22]. Однако, судя по находками в погребениях первой половины – середины V в., в Регей (Pegöly), в Карпато-Дунайском регионе и Покровск-Восход, в степном Поволжье [Засецкая, 1982, с. 25] или же в гуннском «поминальнике» Сегеде-Надьсекшош (Szeged-Nagyszéksós) [Alföldi, 1932, Taf. XV, 56 – 58], этот тип декора появляется уже в гуннское время. Такой зигзагообразный декор типичен для вещей, относимых Б. Аррениус к уже упоминавшимся «центральным» (константинопольским) ателье [Arrhenius 1985, p. 100 – 113, fig. 116]. Однако представлен он и на предметах, произведенных в «ателье-сателлитах», например, на пряжках из « вождеского» погребения в Блучине (Blučina), в Южной Моравии [Arrhenius,1985, p. 113 – 120, fig. 131; Tejral, 2020, fig. 2, *7,8*].

Еще один «парадный» меч (дл. 91 см) со скобой и полусферическим навершием был обнаружен в Керчи на могильнике Глинище в 1896 г. Это склеп с двумя ингумациями, одна из них содержала меч в ножнах с подвеской, три пряжки, два золотых перстня, золотые бляшки (рис. 4,*5-17*). Меч имеет портупейную скобу с золотоым покрытием и зооморфным окончанием, украшенным двумя гранатами[2], ножны, декорированные аппликациями, и рукоять с золотой обкладкой и полусферическим навершием (золото, бронза), инкрустированным красным стеклом, с перехватом у основания навершия, т.н. иранского / персидского типа, отделенным от рукояти халцедоновым диском (см. ниже). Меч имел подвеску из хрусталя с инкрустированной металлической вставкой [Штерн, 1897; Werner, 1956, Taf. 15; Казанский, 2010, рис. 7,*1-12*].

Наконец, в коллекции Диергардта, в Римско-Германском музее в Кёльне, находится происходящая из Керчи золотая портупейная скоба меча (дл. 38 см), украшенная гранатами в стиле перегородчатой инкрустации (рис. 3, *9*) [Damm, 1988, 182 – 184, № 105]. Её декор относится к уже упоминавшейся стилистической группе Засецкая, 5 (см. выше). На оборотной стороне имеется тисненый декор с растительными и зооморфными мотивами (птица, бык, кошачий хищник).

МЕЧИ «ИРАНСКОГО» ТИПА С ПЕРЕХВАТОМ У НАВЕРШИЯ РУКОЯТИ

Удачную попытку выделения мечей ранней сасанидской традиции предпринял И. Бона [Bóna, 2002, p. 199, fig. 104]. На основании иконографических параллелей он идентифицировал как иранские по происхождению мечи и кинжалы с дисковидным или полусферическим навершим, отделенным от рукояти перехватом (рис. 6, *1 - 6, 8-13*). Их прототипы известны на Ближнем Востоке, в частности в Пальмире, в 229 г. (рис. 6,*7*).

---

[2] Иногда эту скобу принимают за окончание лука, см. подробнее Казанский, 2021а, с. 113. Такая интерпретация мне кажется маловероятной, поскольку, судя по опубликованному описанию, этот предмет плотно прикипел к ножнам меча. С другой стороны, позиция этого предмета не посреди ножен, а у их края, также не характерна для портупейных скоб.

На Боспоре Киммерийском такие мечи представлены как в составе погребений, так и в виде депаспортизированных находок. Три навершия мечей с золотой обкладкой (высота 3,5, 3 и 2,5 см), с перехватом, заканчивающиеся диском, были найдены в тайнике керченского склепа 145.1904 г. (рис. 6,*8-10*) [Засецкая, 1993, с. 47, № 47]. Склеп разграблен, сам тайник с обломками дорогих вещей больше всего напоминает воровской схрон, когда грабители по каким-то причинам не смогли вынести украденное. В том же тайнике находились другие фрагменты богатой отделки мечей [Засецкая, 1993, с. 47, 48, № 48 – 51], но непонятно, принадлежат ли они тем же клинкам, что и навершия. В целом предметы из склепа 145.1904 г. датируются временем от периода C3 до периода D2 (т.е. от 300/320 – 350 / 370 гг. по 380/400 – 440 – 450 гг.).

Еще одна подобная рукоять происходит из керченского склепа 1914 г. на Тарханской дороге (рис. 6,*11*). Золотая обкладка рукояти меча высотой 3 см с дисковидным окончанием сопровождалась золотой обоймой шириной 1,6 см. Эта коллективная гробница также была разграблена [Засецкая, 1993, с. 92, № 364]. Судя по характеру некоторых вещей, склеп использовался в период D1 – D2 (соответственно 360/370 – 400/410 и 380/400 – 440/450 гг.).

Практически полный меч «иранского» типа (дл. 110 см) с золотым навершием был найден в Фанагории, в тайнике склепа 315.2019 г. Пока имеется его предварительная публикация, не оставляющая сомнений в идентификации меча (рис. 6,*13*). Длинная рукоять этого меча (30 см) также характерна для клинков иранской традиции [Ворошилов, Ворошилова, 2019, с. 177 – 179, рис. 2, *2*].

Известны они здесь и в качестве депаспортизированных находок, например на Тамани, из коллекции Массоно (золото, гранат, высота – 5,6 см). Это навершие орнаментировано кабошонами в отдельных гнездах и накладной рубчатой проволокой – псевдо-зернью (рис. 6,*12*) [Damm, 1988, № 103; Eger et alii 2017, S. 86,86, № 27].

К сожалению, иранские мечи интересующего нас периода (последняя треть IV – середина VI в.) археологически на территории Сасанидской империи практически неизвестны. Лучше они представлены в иконографии, в частности на рельефах и на металлической посуде [см., напр., Girshman, 1962 ; Тревер, Луконин, 1987; Overlaet, 1989; Overlaet, 1993]. Благодаря этим изображениям можно утверждать, что типичным для сасанидов был так называемый иранский способ ношения меча, прикреплявшегося портупейными ремнями к поясу [Seyrig, 1937, p. 27, 29]. Такой способ крепления оружия хорошо засвидетельствован на Ближнем и Среднем Востоке (рис.5,*4-7*), причем не только в Иране, но и в Пальмире, и редко встречается на Западе, например, на диптихе Стилихона или на анонимной императорской статуе из Турина (рис. 2,*2,4*).

В Восточной Европе мечи и кинжалы иранской традиции выявлены в Абхазии, на могильнике Цибилиум, на Северном Кавказе, в могильнике Волчьи Ворота, под Кисловодском и в Ингушетии, в Среднем Поднепровье, в погребении Волниковка, у гуннов, в крымском погребении Совхоз Калинина, а также в степных погребениях несколько более раннего времени (середина – вторая половина IV в.), напр., в

Муслюмово (рис. 6,*1,3,4-6*) [подробнее Казанский, 2019, с. 118 – 120, там же библиография находок]. В Центральную и Западную Европу «иранские» мечи с полусферическим навершием и перехватом, насколько мне известно, не попадают.

ЗОЛОТЫЕ НОЖНЫ С ПРОДОЛЬНОЙ НЕРВЮРОЙ

В Римско-Германском музее в Кёльне хранятся ножны клинкового оружия из золотого листа с инкрустационным декором, входившие в состав коллекции Диергардта (рис. 7,*1*) [Damm, 1988, S. 184 – 186, Abb. 197 – 199]. Длина ножен 50 см, что, скорее, указывает на принадлежность кинжалу или боевому ножу, устье, средняя часть и бутероль украшены накладной пластиной с инкрустационным геометрическим декором, сама бутероль имеет форму U. В средней части ножен имется продольная нервюра.

Характер геометрического инкрустационного декора более всего соответствует стилистической группе Засецкая-4 – Адамс А (см. выше), что в целом позволяет отнести данные ножны к позднеримскому времени и эпохе переселения народов. Ножны с медианными нервюрами известны как для позднеримского времени, так и для эпохи переселения народов, например в позднесарматском погребении Щербаковка в степном Поволжье, в погребении Брюхановский на Южном Урале [Засецкая, 1993, табл. 45,*1,9,10*], в керченской гробнице Мессаксуди 1918 г., в Альтлюсхейм (рис. 7,*3*), а также на порфировых статуях позднеримских императоров из Турина (рис. 2,*4*) и Равенны [Beck, Kazanski, Vallet, 1988, p. 65, там же библиография]. U - образные бутероли клинкового оружия хорошо представлены в Европе в эпоху Великого переселения народов [напр., Miks, 2007, S. 430 – 434, Taf.286 – 288]. Территориально наиболее близкой является бутероль мечей из погребения 50. 1936 – 1937 гг. в Фанагории [Сокольский, 1954, табл. IX, 1,6]. Мечи из этой гробницы по характеру декора нельзя отнести к числу престижных (рис. 8,*7,8*), но они происходят из могил явно привилегированного характера [Блаватский, 1941, с. 45 – 47; Строков, 2018а, с. 207, 209; Строков, 2018б, с. 19, рис. 3].

В связи с коротким клинковым оружием эпохи переселения необходимо упомянуть и боевой нож / скрамасакс из коллекции Диергардта, происходящий откуда-то с Боспора Киммерийского. Довольно короткий однолезвийный клинок находится в ножнах с серебряным декорированным устьем в форме Г и бутеролью в форме U, рукоять украшена бронзовым изображением орлиной головы (рис. 7,*2*) [Reinerth, 1940, Taf. 498; Fremersdorf, 1953, S. 17, Taf. 17, D *687*][3]. Судя по характеру Г-образного устья ножен, этот нож относится к эпохе Великого переселения народов [об этом подробнее: Kazanski, Mastykova, Périn, 2002, p. 175, fig. 12,*4,7,* 13,*10,14*]. Орлиноголовые навершия рукоятей типичны для римского оружия (напр., рис. 2,*5-8*), по иконографическим данным, оружие с орлиноголовыми навершиями очень часто связано с императорскими и консульскими регалиями, впрочем, встречаются такие мечи и

[3] Без подробного анализа этого артефакта невозможно сказать, в самом ли деле все его детали принадлежат одному предмету или же это плод «реставрационной» деятельности торговцев древностями.

на изображениях рядовых солдат [Miks 2007, s. 210]. Реже такие рукояти имеются и на сасанидских изображениях [Тревер, Луконин 1987, табл. 8]. Обращает на себя внимание изображение на серебряной чаше из Авиньона (так называемая чаша Брисеиды) (рис. 2,*8*), датируемой IV в. [A l'aube de France, 1981, № 51]. Здесь изображено оружие с довольно коротким клинком, орлиноголовой рукоятью и бутеролью в форме U, что напоминает боспорский боевой нож.

МЕЧИ «ПОНТИЙСКОГО» ТИПА С ШИРОКОЙ ИНКРУСТИРОВАННОЙ ГАРДОЙ

В 1912 г. в станице Тамань (античная Гермонасса, существовавшая по меньшей мере до царствования Юстиниана) был вскрыт курган, содержавший ингумацию, сопровождавшуюся конем и парадным мечом. Меч-спата (дл. 90,1 см), ныне находящийся в Берлине, имеет богатый декор в стиле cloisonné на бронзовых со следами позолоты гарде и устье ножен (рис.8,*1*). Сохранилась также халцедоновая подвеска от меча (рис.8,*2*) [Европа без границ, 2007, с. 327, I.34,5]. Меч явно ранневизантийского происхождения, относится к типу 2 (два декоративных поля на гарде, каждое разделено на три горизонтальные зоны) [Казанский, 2007, с. 123], представленному также находкой в уже неоднократно упоминавшемся «вождеском» погребении гуннского времени в Альтлюссхайме. Мечи с широкой гардой, украшенной перегородчатой инкрустацией, получили название «понтийские» [Menghin, 1994 – 1995, s.176 – 186]. Данный меч по стилистическим особенностям декора гарды может быть датирован второй половиной V – первой половиной VI в. [Казанский, 2007, с. 136].

Фрагменты еще престижного меча были найдены в могильнике Джурга-Оба, который представляет собой часть некрополя города Китея на Европейском Боспоре. В разграбленном погребении 40 найдены престижный женский убор, датируемый второй половиной V в. [Ермолин, 2009, с. 71 – 77; Ermolin, 2012, p. 346], а также фрагменты клинкового оружия – обломок железного перекрестья большого меча, фрагмент гарды или ножен с золотой обкладкой и перегородчатой инкрустацией (рис. 8,*5*) ранневизантийского типа 3 (два декоративных поля с арочным декором), датируемого по аналогам в степи и на Севером Кавказе постгуннским временем [Казанский, 2007, с.123, 124, 136; Казанский, 2018, с. 80], и халцедоновая гарда (рис.8,*6*) [Ермолин, 2009, рис. 5, *8,9*; Ermolin, 2012, fig. 5,10,11]. Как известно, последние поступают в Европу с Востока, может быть, из Китая [см. Ли Джи Ин, 2010] и изредка встречаются в воинских комплексах римского времени и переселения народов, напр., в Альтлюссхейме [Werner, 1994, Abb. 5,*2*; Quast, 1999, s. 716, Abb. 7]. Попадают они и в Крым [Белов, 1927, рис. 21,7; Quast, 1999, Abb. 7,*2*].

В Эрмитаже хранится железная гарда меча с инкрустированным декором, поступившая из частного собрания (железо, золото, гранаты, дл. 10,5 см), предположительно происходящая из Керчи (рис. 8,*3*) [Засецкая, 1993, с. 64, № 384 ; Европа без границ 2007, с. 303, I.13.1; Казанский, 2018, с. 80]. Перекрестье принадлежит мечу ранневизантийского типа 1 (два декоративных концентрических поля) постгуннского времени, о чем свидетельствуют находки на Северном Кавказе и в Абхазии [подробнее см.

Казанский, 2007, с. 124, 136]. Железная массивная гарда позволяет отнести её к оружию т.н. азиатского типа [Menghin, 1994/1995, s. 165 – 175]. По мнению Я. Тейрала, «азиатские» мечи в Европе распространяются на поздней стадии гуннского времени, т.е. в период D2/D3 хронологии Европейского Барбарикума, соответствующий времени Аттилы и распаду гуннского объединения (430/440 – 460/470гг.) [Tejral, 2011, s. 282 – 285]. Среди других находок «азиатских» мечей на Боспоре Киммерийском надо назвать уже упоминавшиеся мечи из Фанагории [Сокольский, 1954, табл. V,5, IX; Anke, 1998, Teil 2, s. 102, Taf. 40, 3, 105, 5-7; Казанский, 2010, рис.8; Tejral, 2011, Abb. 216] (рис. 8,*7,8*). Но вряд ли стоит связывать напрямую появление мечей «азиатского» типа с каким-то реальным восточным импульсом в гуннскую эпоху хотя бы потому, что клинковое оружие с железной гардой хорошо известно в восточноевропейской степи уже в позднесарматское время [подробнее Казанский, 2019, с. 115, 116, там же библиография вопроса].

Также в собрании Эрмитажа имеется еще один фрагмент гарды малого клинкового оружия, предположительно из Керчи (рис. 8,*4*) [Засецкая,1993, с. 94, № 383; Европа без границ, 2007, с. 3035, I.15.4]. Здесь на гарде (железо, золото, серебро, гранаты, длина сохранившейся части 3,8 см) имеется характерный «ступенчатый» декор, который известен как в гуннское, так и в постгуннское время [Казанский, 2018, с. 80].

Инкрустированный орнамент гарды этих мечей очень разнообразен, их, несомненно, изготовляли на заказ. При этом мотивы декора и характер обработки камней-инкрустаций являются типичными для изделий средиземноморских мастерских [Arrhenius, 1986, p. 101 – 113; Kazanski, Périn, 1996]. В Западной и Центральной Европе находки таких мечей единичны, стало быть, речь идет прежде всего о восточно-римском/византийском оружии. Иконографические данные подтверждают римское/византийское происхождение мечей с инкрустированной гардой (см., напр., рис. 2, *7*). Вторым центром распространения подобных мечей мог быть также и сасанидский Иран [подробнее Казанский, 2019, с. 116, там же библиография].

На обкладке рукояти таманского меча представлен «четырехлепестковый» мотив, который имеет больше всего параллелей на западных, меровингских и визиготских украшениях (рис. 8,*1*). Поэтому мною в свое время было высказано предположение, что данный меч мог попасть на Тамань в 533 – 534 гг. с отрядом ромейских, точнее италийских[4] войск Юстиниана под руководством Далматия, источники их называют «испанцами» [Kazanski, 1996, p. 329]. Однако, как подчеркнул А. Фурасьев, такие италийские «испанцы» могли появиться в византийской армии значительно позднее, так как Южная Италия была завоевана византийцами только в 535 г., а Восточная Испания – в 552 г. Скорее всего, эти «итало-испанские» отряды появились после

[4]По мнению А.И. Айбабина, речь идет о войсках, квартировавших в Южной Италии [Айбабин, 1999: 94, 95].

552г., когда Юстиниан отправляет в Испанию отряды сицилийцев. Видимо, в отношении Боспора Киммерийского, речь идет о каких-то событиях 560 – 570-х гг. [Furasiev, 2012, p. 376]. Но в это время мечи с инкрустированной гардой уже вышли из употребления и, таким образом, таманская находка вряд ли может быть связана с «испанцами» Далматия, «западному» элементу декора этого меча надо искать другое объяснение.

МЕЧИ С ЗООМОРФНЫМИ НАКЛАДКАМИ НА НОЖНЫ

Меч из коллекции Диергардта, найденный или купленный на Тамани, сейчас находится в Римско-Германском музее в Кельне (рис. 9,*1*) [о нем подробно: Казанский, 2021б]. Таманский меч смонтирован, скорее всего, торговцами древностями, из разнородных элементов [Menghin, 1995, S. 184, 185]. Так его U-образная бутероль из серебряного листа, вероятно, принадлежала какому-то боевому ножу (скрамасаксу) и приклеена к клинку канифолью. Красный камень в золотой оправе и две стеклянные вставки приклеены к кожаным ножнам, пропитанным консервантами. Навершие меча в виде округлой бусины из халцедона со сферическим гранатом овальной огранки в золотой оправе также, похоже, было добавлено в процессе коммерческой «реставрации». Реально к мечу эпохи переселения народов, помимо собственно клинка, принадлежит устье ножен из серебряной пластины шириной 1,8 см, а также другие некоторые детали. Это в первую очередь две серебряные окантовки ножен длиной 12,5 см, украшенные птичьими головами. Их декорированные концы покрыты золотым листом и приклепаны к ножнам железными гвоздями. Еще один сохранившийся первоначальный элемент – бронзовая, покрытая золотой фольгой пластина-накладка (4,6 х 3,5 см) с окончанием в виде двух развернутых в разные стороны птичьих голов и кольцом на противоположной оконечности.

Сохранившиеся детали позволяют отнести таманский меч к эпохе Великого переселения народов. Наиболее близкими параллелями являются мечи из могильника Дюрсо под Новороссийском, принадлежавшего готам-тетракситам (евдусианам) [Дмитриев, 2003]. При этом оба интересующих нас элемента – окантовки с орнитоморфным декором и накладка с двумя выступами, вероятно имитирующими декор в виде птичьих голов, имеются на мече из погр. 300 (рис. 9,*2*) [Дмитриев, 1979, с. 222, 223, рис. 7,*1,3,4,39*]. В погр. 479 имеются окантовки с окончаниями в виде птичьих голов. Золотая пластина в верхней части ножен (рис. 9,*3*) здесь не имеет завершения в виде стилизованных птичьих голов.

Помимо таманского меча, на Боспоре Киммерийском окантовки ножен с окончаниями в виде птичьих голов (серебро, дл. 9,4 см) происходят из уже упоминавшегося склепа 145.1904 г. в Керчи (рис. 9,5) [Засецкая, 1993, № 51], а также из погр. 16 на могильнике Джурга-Оба, где окантовки украшали ножны скрамасакса (рис. 9,10) [Ермолин, Казанский, 2021].

Мечи с окантовками ножен, украшенными птичьими головками, довольно широко распространены в V – раннем VI в. от Кавказа до Рейна. Помимо уже названных мечей из Дюрсо, необходимо упомянуть находки из Лара, на восточном побережье

Черного моря, Тарнамеры (Tarnaméra), в Карпато-Дунайском бассейне, а также из рейнских могил раннемеровингского времени Роммерсхейм (Rommersheim), возможно из Рюбенах (Rübenach), погр. 11 и Крефельд-Геллеп (Krefeld-Gellep), погр.576. Кроме того, окантовки с птичьими головами на бутероли меча известны в погребении из Сирмабешенье (Szirmabesényo) (рис. 9,*4,6-9*) [подробнее Казанский, 2021б, с.154, 155, там же библиография].

Параллели между мечами из Дюрсо, керченского склепа 145.1904 г. и таманским клинком из коллекции Диергардта еще раз подчеркивают культурные связи готов-тетракситов и Боспора Киммерийского, которые проявляются и в других чертах материальной культуры, появившихся под боспорским влиянием или же просто принесенных оттуда в ходе миграции тетракситов. Захоронения воинских предводителей готов-тетракситов с «парадными» мечами в качестве основного оружия [см. Дмитриев, 1979] также находят соответствие в погребальных обычаях постгуннского Боспора [о них см. Казанский, 2018]. Эти аналогии, вне всякого сомнения, объясняются тем фактом, что готы-тетракситы Черноморского побережья Северного Кавказа являются выходцами с Боспора Киммерийского. Они были увлечены на восток гуннами, возвращавшимися из понтийских степей (по Прокопию Кесарийскому, после 429 г., а скорее всего, в 450-е гг.) и столкнувшимися с готами при переправе через Керченский пролив [Прокопий из Кесарии, Война с готами, IV.5].

* * *

Итак, если судить по находкам престижного клинкового оружия, на Боспоре Киммерийском в воинской аристократической культуре эпохи Великого переселения народов прослеживаются две разные традиции, римско-византийская и иранская, причем первая по количеству находок доминирует. Богатое престижное оружие изготовлялось на заказ или же поступало как военная добыча. Кроме того, «парадное» вооружение и конское снаряжение входили в состав дипломатических даров, а также использовались во время символической инвеституры варварских царьков [см. подробнее Засецкая и др., 2007, с. 96]. Насколько можно судить по сообщениям древних авторов, сфера военно-политического влияния Восточной Римской империи в понто-кавказских степях распространялась очень далеко, вплоть до территории гунновсавир, населявших Северо-Восточный Кавказ [см. Артамонов, 1962, с. 71]. В то же время политическое и соответственно военное влияние сасанидского Ирана засвидетельствовано письменными источниками, в первую очередь для Кавказа [см. подробнее Артамонов, 1962, с. 61, 70 – 74], где оно подтверждается и яркими находками престижного вооружения [примеры см. Габуев, 2014; Казанский, 2019].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.

Артамонов М.И. История хазар. Ленинград: Издательство Государственного Эрмитажа, 1962. 524 с.

Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Ю.К. Гугуев Ю,К, (отв. ред.), сарматы и их соседи на Дону (материалы и исследования по археологии Дона-1). Ростов-на-Дону: Терра, 2000.. С. 169 – 232.

Белов Г.Д. Римские приставные склепы № 1013 и 1914 // Херсонесский сборник. 1927. Вып.2. С. 107 – 146.

Блаватский В.Д. Отчет о раскопках в Фанагории в 1936 – 1937 гг. // Труды Государственного исторического музея. 1941. Вып. XVI. Работа археологических экспедиций. Москва: Издание Государственного исторического музея. С. 4 – 74.

Воронов Ю.Н. Могилы апсилов. Итоги исследований некрополя Цибилиума в 1977 – 1986 годах. Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2003. 348 с.

Воронов Ю.Н. Древности Азантской долины // Воронов Ю.Н. Научные труды. том II. Сухум: Абхазский институт гуманитарных исследований АН Абхазии, 2009. С. 365 – 430.

Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М. Тайник в позднеантичном склепе Фанагории (предварительная публикация) // Краткие сообщения Института археологии. 2019. Вып. 257. С.174 – 181.

Габуев Т.А. Аланские княжеские курганы V в.н.э. у села Брут в Северной Осетии. Владикавказ: Институт истории и археологии РСО-Алания; Гос. музей искусства народов Востока, 2014. 184 с.

Гущина И.И., Засецкая И.П., «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. Санкт-Петербург: Фарн. 172 с.

Дмитриев А.В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // Советская археология. 1979. № 4. С. 212–229.

Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков // Макарова Т.И., Плетнева С.А. (отв. ред.), Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья: IV–XIII вв., Москва: Наука, 2003. С. 200–206.

Ермолин А.Л. Кроваво-золотой стиль «клуазонне» в ювелирных изделиях Боспора (по материалам некрополя Джурга-Оба) // Зуев В.Ю. (отв. ред.), Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2009. С. 70–77.

Ермолин А.Л., Казанский М.М. О клинковом оружии из погребения 16 эпохи Великого переселения народов на могильнике Джурга-Оба в Восточном Крыму // Краткие сообщения Института археологии. 2021. Вып. 263. С. 235 – 252.

Засецкая И.П. Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным // Амброз А.К., Эрдели И.Ф. (отв. ред.). Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков: Советско-Венгерский сборник. Москва: Наука, 1982. С. 13–30.

Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1993. Т. III. С. 23 – 105.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V в.]. Санкт-Петербург: Эллипс, 1994. 224 с.

Засецкая, И.П., Казанский, М.М., Ахмедов, И.Р., Минасян, Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2007. 212 с.

Казанский М.М. Ранневизантийские мечи с инкрустированной гардой // Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2007. С. 122 – 141.

Казанский М.М. «Вождеские» погребения гуннского времени с мечами // Носов Е.Н., Белецкий С.В. (отв. ред.). Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Том I . Москва: Ломоносовъ, 2010. С. 307 – 320.

Казанский М.М. Находка 1918 г. в Керчи (коллекция Месаксуди) // Зинько В.Н., Зинько Е.А. (отв. ред.), XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Исследователи и исследования. Керчь: Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Центр археологических исследований Благотворительного Фонда «Деметра», 2016. С. 206 – 215.

Казанский М.М. Воинские погребения боспорской знати постгуннского периода (вторая половина V – первая половина VI в.) // Stratum plus. 2018. № 5. С. 75 – 86.

Казанский М.М. О двух традициях декора клинкового оружия эпохи Великого переселения народов на юге Восточной Европы // Белецкий С.В. (отв. ред.), Земля наша велика и обильна : сборник статей, посвященный 90-летию А.Н. Кирпичникова. Санкт-Петербург: Институт истории материальной культуры, 2019. С. 113 – 124.

Казанский М.М. Гунны на Боспоре Киммерийском // Боспорские исследования. 2021 (а). Вып. XLII. С. 108 – 131.

Казанский М.М. Таманский «парадный» меч эпохи Великого переселения народов // Зинько В.Н., Зинько Е.А. (отв. ред.), XXII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Новые открытия, новые проекты. Симферополь-Керчь: Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им В.И. Вернадского, Институт археологии Крыма Российской академии наук, Центр археологических исследований Благотворительного Фонда «Деметра», 2021 (б). С. 153 – 160.

Ли Джи Ын Нефритовые детали мечей в Восточной Европе в сарматское время // Археология, древний мир и средние века. 2010. Вып. IV, С. 41 – 55.

Мацулевич Л.А. Серебряная чаша из Керчи. Ленинград: Государственный Эрмитаж, 1926. 66 с.

Отчет Императорского Российского исторического музея имени императора Александра III за XXV лет. Москва: Синодальная типография. 1916. 208 с.

Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. С.П. Кондратьева. Москва: Издательство АН СССР, 1950. 516 с.

Скалон К.М. О культурных связях Восточного Прикаспия в позднесарматское время // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1961. Вып. 2. С. 114 – 140.

Сокольский Н.И. Боспорские мечи // Кобылина М.М. (отв. ред.). Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья (материалы и исследования по археологии СССР. № 33). Москва: Издательство Академии наук СССР, 1954. С. 123 – 196.

Строков А.А. Склеп эпохи Великого переселения народов из раскопок В.Д. Блаватского в Фанагории // Краткие сообщения Института археологии. 2018 (а). Вып. 251. С. 204 – 217.

Строков А.А. К изучению социальной структуры позднеантичного Азиатского Боспора // Российская археология, 2018 (б). № 1. С. 17 – 35.

Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. Москва: Искусство, 1987. 156 с.

Уманский А.П. Погребение эпохи Великого переселения народов на Чарыше // Молодин В.И. (отв. ред.), Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. С. 129 – 163.

Эпоха меровингов – Европа без границ. Археология и история V – VIII вв. 2007. // Hrsg. W. Menghin. Berlin : Minerva. 592 с.

Штерн Э. К вопросу о происхождении «готского стиля» предметов ювелирного искусства // Записки Одесского общества истории и древностей. 1897. Т. 20. С. 1 – 15.

Adams N. The Development of Early Inlaid Ornaments. In: Bálint C. (Hrsg.), Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6. -7. Jahrhundert. Budapest - Napoli - Roma: Archäologisches Institut der UAW, 2000. P. 13 – 70.

Alföldi A. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 1932. 90 s.

Anke B. Studien zur reiternomadischen Kultur des 4. bis. 5. Jahrhunderts. Weissbach: Beier & Beran, 1998. Teil 1. 224 S., Teil 2. 156 s.

Arrhenius B. Merovingian Garnet Jewellery. Stockholm : Almqvist & Wiksell International, 1985. 230 p.

A l'aube de France. La Gaule de Constantin à Childéric. Paris : Editions de la Réunion des musées nationaux, 1981. 256 p.

De Baye J. La bijouterie des Goths en Russie // Mémoire de la Société nationale des antiquaires de France. 1892. Vol. 51. P. 359 – 382.

Beck F., Kazanski M., Vallet F. La riche tombe de Kertch du Musée des Antiquités Nationales // Antiquités Nationales. 1988. T. 20. P. 63 – 81.

Böhner K. Das Langschwert des Frankenkönigs Childerich // Bonner Jahrbücher. 1948. Bd. 148. S.218 – 248.

Bóna I. Les Huns. Le grand empire barbare d'Europe (IVe-Ve siècles). Paris : Errance, 2002. 240 p.

Damm I.G. Goldschmiedarbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem Nördlischen Schmarzmeergebiet. Katalog der Sammlung Diergardt 2 // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. 1988. Bd. 21. S. 65 – 210.

Eger C. et alii. Goldenes Zeitalter. 100 Meisterwerke er Völkerwanderungszeit. Köln - München: Römisch-Germanischen Museums der Stadt Köln, Hirmer Verlag, 2017, 272 s.

Ermolin A. Džurga-Oba – a cemetery of the Great Migration period in the Cimmerian Bosporus // Ivanišević V., Kazanski M. (dir.), The Pontic-Danubian Realm in the Periode of the Great Migration. Paris: ACHByz, 2012. P. 340–348.

Filtzinger P., Planck D., Cämmere B. (Hrsg.). Die Römer in Baden-Württemberg. Strttgart, Aalen: K. Theiss. 1976. 600 s.

Fremersdorf F. Goldschmuck der Völkerwanderungszeit. Ausstellung der Sammlung Diergardt des Römisch - Germanischen Museums Köln. Köln: Römisch-Germanisches Museum, 1953. 118 s.

Furasiev A. Byzance et la Crimée du Sud-Ouest au VIe siècle. Relations culturelles et particularités du costume féminin // Ivanišević V., M. Kazanski M. (dir.),, The Pontic-Danubian Realm in the Period of the Great Migration. Paris: ACHByz, 2012. P. 380.

Girshman R. Parthes et Sassanides. Paris : Gallimard, 1962. 422 p.

Grabar A. L'age d'or de Justinien. De la mort de Théodose à l'Islam. Paris : Gallimard, 1966. 416 p.

Hagberg E. The Archaeology of Skedemosse II. The votive Deposits in the Skedemosse Fen and their Relation to the Iron-Age Settlement on Öland, Sweden. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1967. 152 p.

Kazanski M. A propos des armes et des éléments de harnachement «orientaux» en Occident à l'époque des Grandes Migrations (IVe-Ve s.) // Journal of Roman Archaeology. 1991. № 4. P.123 – 139.

Kazanski M. Les tombes «princières» de l'horizon Untersiebenbrunn, le problème de l'identification ethnique // L'identité des populations archéologiques. Actes des XVIe rencontres internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes. Sophia Antipolis : APDCA, 1996. P. 109 – 126.

Kazanski M. Les Germains orientaux au Nord de la mer Noire pendant la seconde moitié du Ve s. et au VIe s. // Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии. 1996 (b). T. V. P. 324 – 337, 567 – 581.

Kazanski M., Mastykova A., Périn P. Byzance et les royaumes barbares d'Occident au début de l'époque mérovingienne // Tejral J. (Hrsg.), Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonauraum. Brno : Archeologický ústav AV ČR Brno, 2002. P. 159 – 194.

Kazanski M., Périn P. La tombe de Childéric et la question de l'origine des parures du style cloisonné // Antiquités Nationales. 1996. Vol. 28. P. 203 – 209.

Kessler A., Schnellerkamp W. Ein frühmerowingischer Grab bei Rommersheim (Eichloch) // Mainzer Zeitschrift. 1933. Bd. 28. S. 118 – 125.

Killerich B., Torp H., Hic est: hic Stilicho. The Date and Interpretation of a Notable Diptych // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. 1989. Bd.104. S. 319 – 371.

Menghin W. Das Schwert im Frühen Mittelalter. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag, 1983. 368 s.

Menghin W. Schwerter des Goldgriffspathenhorizonts im Museum für Vor - und Frühgeschichte, Berlin // Acta Praehistorica et Archaeologica. 1995. Bd. 26/27. S. 140 – 192.

Miks C. Studien zur römischen Schwertbewaffnung in der Kaiserzeit. Bd. 1: Text; Bd. 2: Katalog und Tafeln. Rahden: Verlag Marie Leidorf, 2007. 937 s.

Mode M. Some Notes on the Sword of Kanishka // Allchin R., Allchin B. (eds.), South Asian Archaeology 1995. Proceedings of the 13th Conference of the European Association of South Asian Archaeologists, Cambridge 5-9 July 1995. Cambridge, New Delhi, Calcutta: Science Publishers, Inc., Oxford & Ibn Publishing Co. 1997. Vol. 2. P. 543 – 556.

Molodin V.I. Sopka 2, Grab 688 - ein reiches hunno-sarmatisches Männergrab in der westsibirischen Waldsteppe // Primas M., Schmid-Sikimić B., Della Casa P. (Hrsg.), Trans Europam (Antiquitas. Bd. 34). Bonn: R. Habelt, 1995. S. 277 – 285.

Nagy M. 2002. Tarnamérs - Szarvas Árpád Homokbányája // Bóna I., M. Nagy M. (Hrsg.), Gepidische Gräberfeld am Theissgebiet. Budapest : Magyar Nemzeti Múzeum, 2002. S. 240 – 242.

Overlaet B.J. Swords of the Sassanians, notes on scabbard tips // Meyer L., Haerinck E. (eds.), Archaeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in honorem Louis Vanden Berghe. Gent: Peeters, 1989. P. 741 – 755.

Overlaet B.J. Organisation militaire et armement // Overlaet. B.J. (coord.), Splendeur des Sassanides. L'empire perse entre Rome et Chine (244-642). Bruxelles : Musées royaux d'Aert et d'Histoire, 1993. P. 89 – 94.

Quast D. Das „Pektorale" von Wolfsheim, Kr. Mainz-Bingen // Germania. 1999. Bd. 77-2. S. 705 – 718.

Quast D. Höhensiedlungen – donauländische Einflüsse – Goldgriffspathen Verändungen im archäologischen Material der Alamannia im 5. Jahrhundert und deren Interpretation // Tejral J. (Hrsg.), Probleme der frühen Merowingerzeit im Mitteldonauraum. Brno: Archeologický ústav AV ČR Brno, 2002. P. 273 – 295.

Reinerth H. (Hrsg.). Vorgeschichte der deutschen Stämme. Germanische Tat und Kultur auf deutschem Boden. Bd. III: Ostgermanen und Nordgermanen. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1940. S. 867 – 1489.

Seyrig H. Antiquités syriennes. 20. Armes et costumes iraniens de Palmyre // Syria. 1937. Vol. 18. P. 4 – 31.

Tejral J. Einhemische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung. Brno: Archäologisches Institut Akademie Věd České Republiky Brno, 2011. 466 s.

Tejral J. The Princely Grave at Blučina (Morava, CZ) and the Posthunnic Elite Warrior Burials from the Middle Danube Region // Kazanski M., Périn P. et alii (dir.), Autour du règne de Clovis Les grands dans l'Europe du Haut Moyen Âge Histoire et archéologie Actes des XXXIIe Journées de l'Association française d'archéologie mérovingienne. Caen: Association française d'archeologie mérovingienne, 2020. P. 252 – 305.

Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Rechies. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1956. 138 s.

Werner J. Chinesischer Schwerttragbügel der Han-Zeit aus einem thrakischen Häuptlingsgrab von Čatalka (Bulgarien) // Germania. 1994. Bd. 72-1. S. 269 – 282.

Резюме

Престижные мечи с богатой отделкой ножен, гарды и рукояти для эпохи Великого переселения народов на Боспоре Киммерийском немногочисленны. Они происходят по большей части из Керчи, Фанагории, Гермонассы и Джурга-Обы. Здесь предпринята попытка обобщения имеющихся сведений об этих находках, поскольку это «парадное» оружие показательно с точки зрения культурной и военно-политической ориентации боспорской воинской знати конца IV – середины VI вв. Если судить по находкам престижного клинкового оружия, на Боспоре Киммерийском в воинской аристократической культуре эпохи Великого переселения народов прослеживаются две разные традиции, римско-византийская и иранская, причем первая доминирует. Богатое престижное оружие изготовлялось на заказ или же поступало как военная добыча. Кроме того, «парадное» вооружение и конское снаряжение входили в состав дипломатических даров, а также использовались во время символической инвеституры варварских царей. Сфера военно-политического влияния Восточной Римской империи в понто-кавказских степях распространялась очень далеко, вплоть до гуннов-савир, населявших Северо-Восточный Кавказ. В то же время политическое и соответственно военное влияние сасанидского Ирана засвидетельствовано письменными источниками, в первую очередь для Кавказа, где оно подтверждается и яркими находками престижного вооружения.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, Великое переселение народов, «парадные» мечи, престижное вооружение, «княжеская» и «воинская» культура.

Summary

Prestigious swords with richly trimmed sheaths, guards and hilts for the Great Migration Period on the Cimmerian Bosporus are few. They come mostly from Kerch, Phanagoria, Hermonassa and Dzhurga-Oba. An attempt is made here to generalize the available information about these finds, since this «ceremonial» weapon is indicative from the point of view of the cultural and military-political orientation of the Bosporan military nobility of the late 4th - mid-6th centuries. Judging by the finds of prestigious blade weapons, in the Cimmerian Bosporus, in the military aristocratic culture of the Great Migration Period, two different traditions can be traced, Roman-Byzantine and Iranian, with the former dominating. Rich, prestigious weapons were either custom-made or received as war booty. In addition, «ceremonial» arms and horse equipment were included in diplomatic gifts, and were also used during the symbolic investiture of the barbarian kings. The sphere of military-political influence of the Eastern Roman Empire in the Ponto-Caucasian steppes

spread very far, up to the Huns - Savirians inhabiting the North-Eastern Caucasus. At the same time, the political and, accordingly, the military influence of Sassanian Iran is attested by written sources, primarily for the Caucasus, where it is also confirmed by striking finds of prestigious weapons.

Key words: Bosporus Cimmerian, Great Migration Period, «ceremonial» swords, prestigious weapons, «princely» and «military» culture.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Казанский Михаил Михайлович, доктор-хабилитат,
ведущий научный сотрудник (эмеритат),
Национальный центр научных исследований
Лаборатория UMR 8167 «Восток и Средиземноморье»,
(33) 687-46-74-12.
michel.kazanski53@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Kazanski Michel, dr. hab.
Directeur de Recherche (émérite),
CNRS - UMR 8167 «Orient et Méditerranée»,
(33) 687-46-74-12.
michel.kazanski53@gmail.com

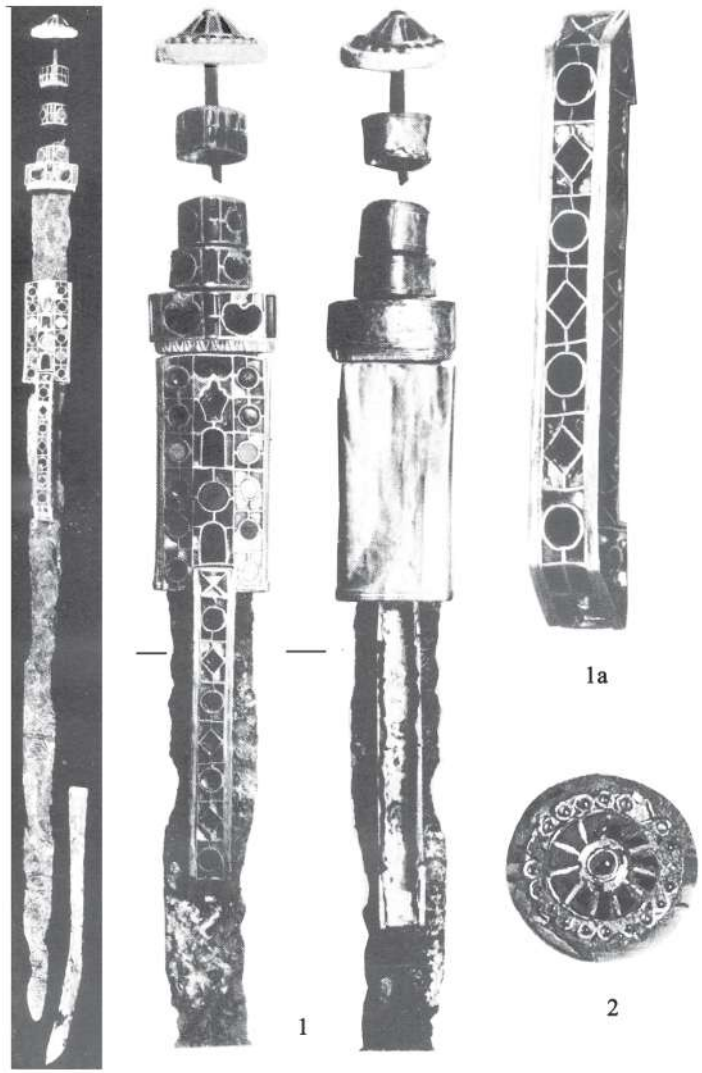


Рис. 1. Меч (1) и навершие (2) из керченских склепов, 24 июня 1904 г. По Засецкая, 1993, табл. 28,*130*, 29,*135*.

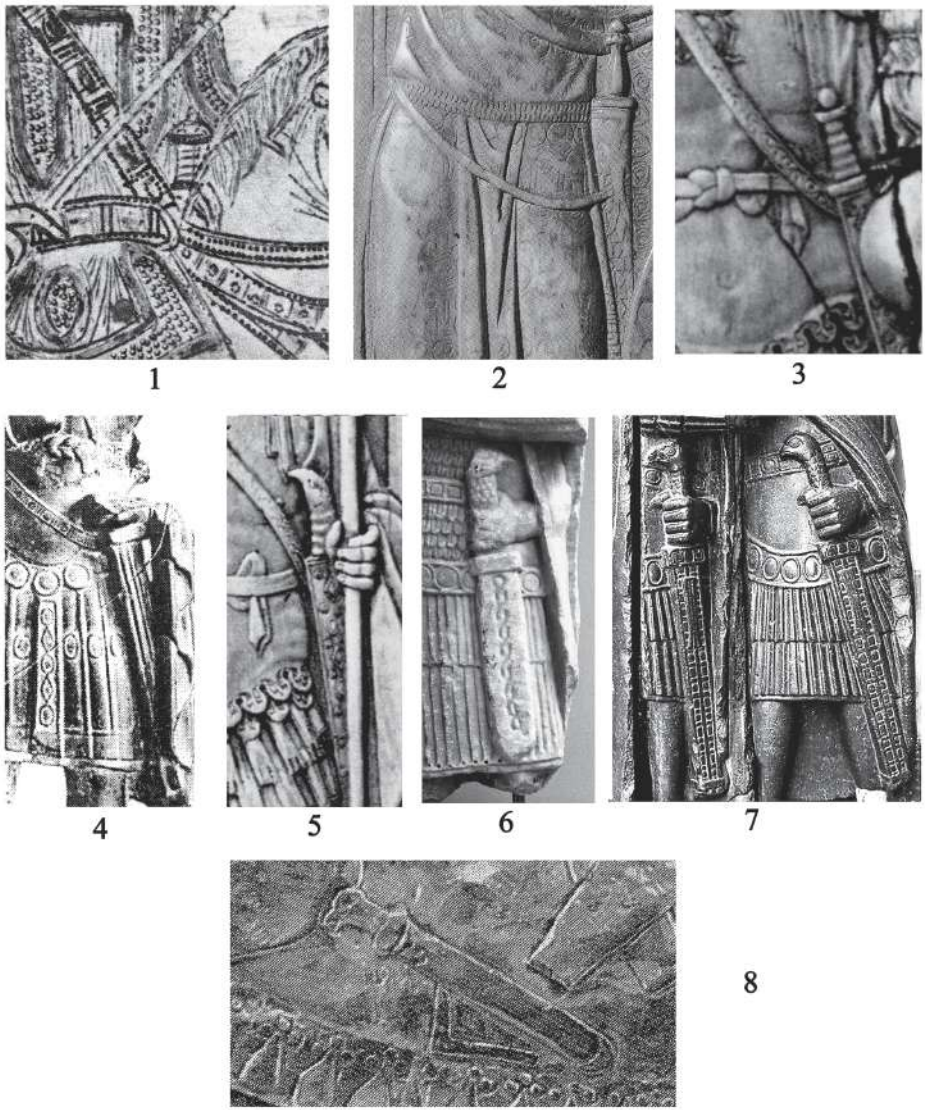


Рис. 2. Изображения позднеримского клинкового оружия.
1:Керчь, Гордиковский склеп; 2: консульский диптих из Монцы (вероятно, Стилихон); 3,5: консульский диптих Проба Аниция; 4: статуя императора из Турина; 6: статуя из Константинополя / Стамбул-Едикуле (Стамбул, Археологический музей, № 1094E); 7: Статуя тетрархов из Венеции; 8: Авиньон, «чаша Брисеиды».
1:по Мацулевич, 1926, табл. I; 2: Killerich, Torp, 1989, fig.1,*15*; 3,5: по Grabar 1966, fig. 329; 4: по Adams, 2000, pl. VIII,*12*; 6: фото М.М. Казанского; 7: фото А.В. Мастыковой; 8: по A l'aube de France 1981, № 51, fig. 28.

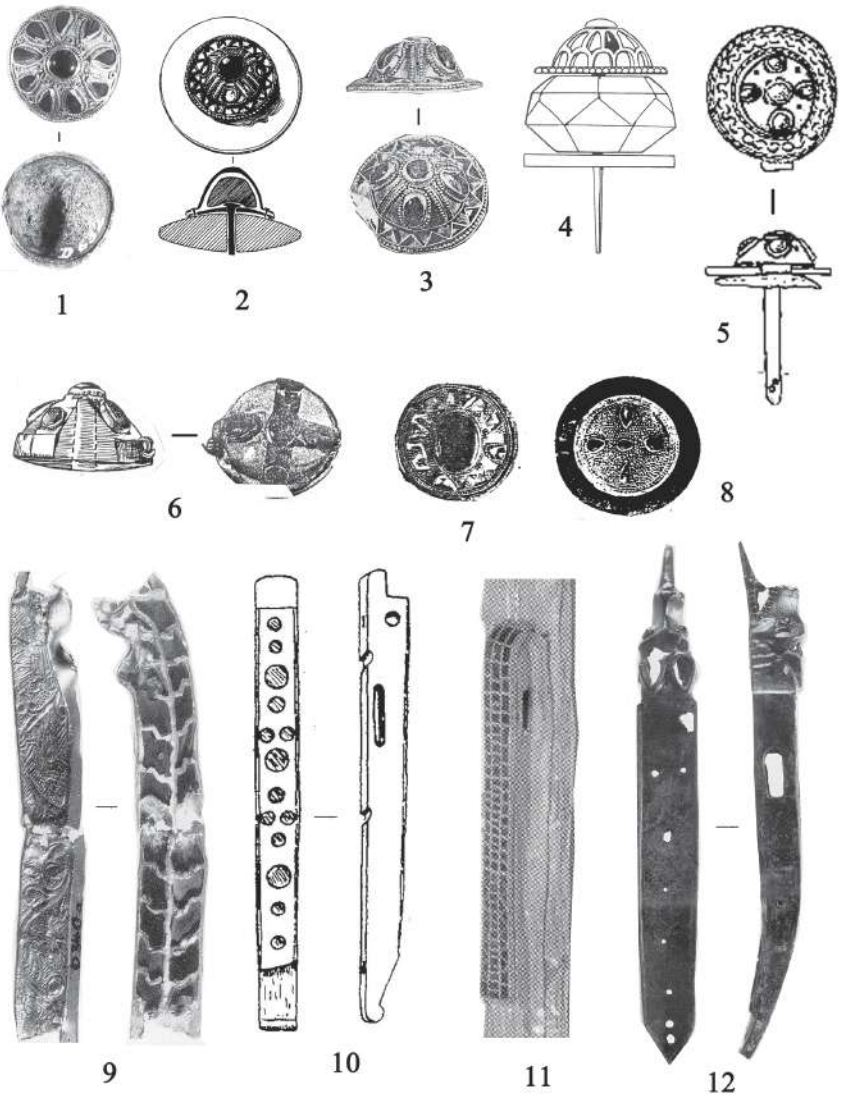


Рис. 3. Полусферические навершия мечей и портупейные скобы.
1,9: Керчь; 2: Брюхановский; 3: Тугозвоново; 4: Сопка, погр. 668; 5: Керчь, гробница Мессаксуди, 1918 г.; 6: Батырь ; 7: Новокорсунская; 8: Усть-Лабинская;10: Цибилиум-1, погр. 61; 11: Брут-1, курган 2; 12: Альтлюсхейм.
1,9: по Damm, 1988, Abb. 187,188,194,195; 2: по Засецкая, 1994, табл. 45,*2*; 3: по Уманский, 1979, рис. 8; 4: Molodin 1995, Abb. 6; 5: по Казанский, 2016, рис. 1,*20*; 6: по Скалон, 1961, рис. 1; 7: по ОАК 1902, рис. 240 ; 8: по Гущина, Засецкая, 1994, табл. 51,*477*; 10: по Воронов, 2003, рис. 28,*2*; 11: по Габуев, 2014, рис. 54; 12: по Werner, 1956, Taf. 2,*2*.

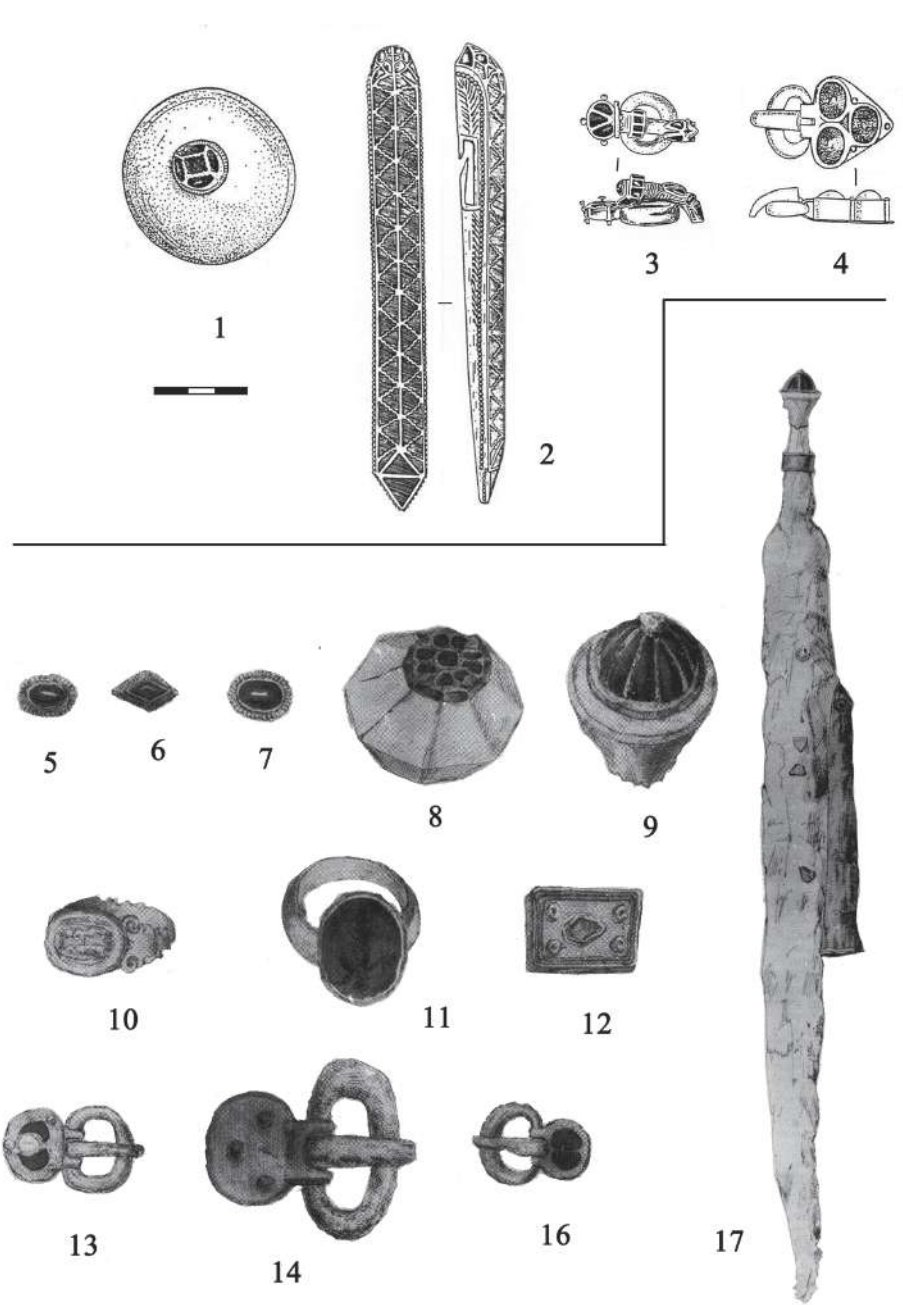


Рис. 4. Находки из Новиковского склепа 1890 г. (1-4) и из склепа 1896 г. на Глинище (5-17). 1-4: по Казанский, 2010, рис. 7,*13-16*; 5-17: по Werner, 1956, Taf. 15.

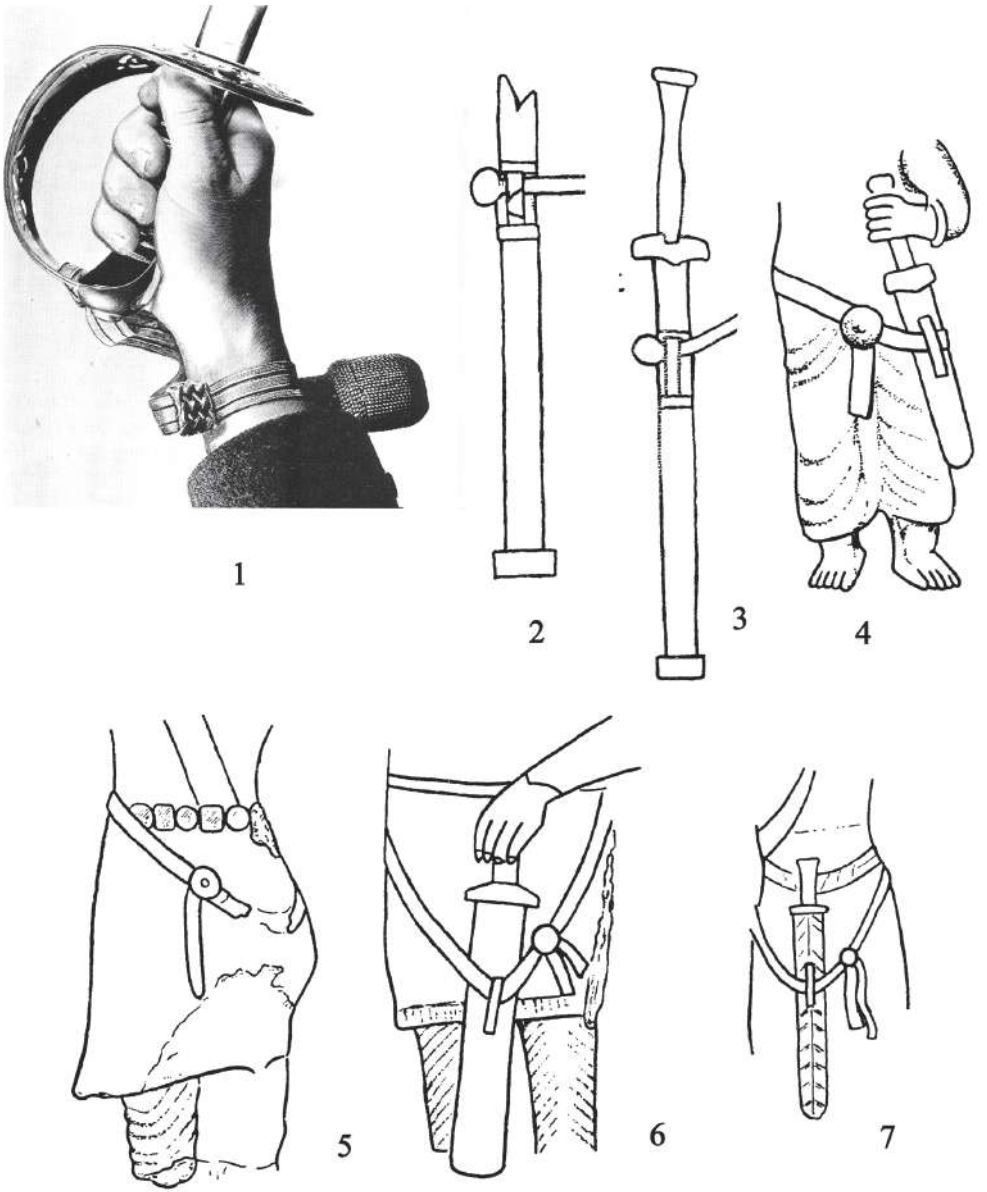


Рис. 5. Темляки (1) и фиксаторы портупейных ремней на античном Среднем Востоке (2-7).
1: вооружение шведской кавалерии 1943 г.; 2,3: Орлат; 4: Шоторак; 5: статуя кушанского царя; 6:Хадда; 7: Гандхара.
1: по Hagberg, 1967, fig. 23; 2-7: по Безуглов, 2000, рис. 7,*11,12,14-17*.

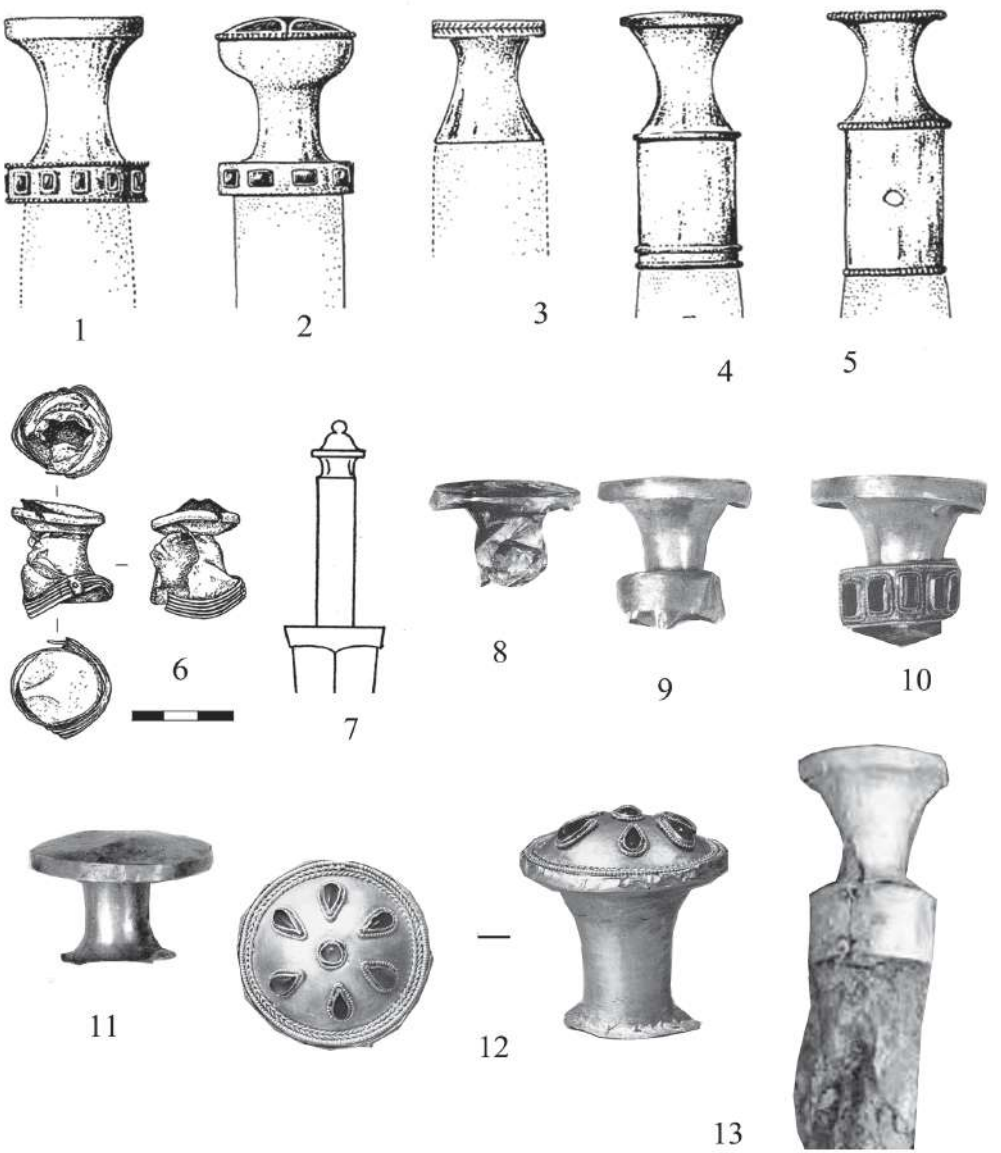


Рис. 6. Навершия рукоятей мечей «иранского» типа.
1: Совхоз Калинина; 2: Цибилиум; 3, 8-10: Керчь, склеп 145.1904 г.; 4: Тураево, курган 5; 5: Муслюмово; 6: Волчьи Ворота; 7: Пальмира, изображение 229 г.; 8: Керчь, склеп 1914 г. у Тарханской дороги.
1 - 7: по Казанский, 2019, рис. 4; 8 - 10: по Засецкая, 1993, табл. 17,*47а-в;* 11: по Засецкая 1993, табл. 62,*364б*; 12: по Damm, 1988, Abb. 189, 190; 13: Ворошилов, Ворошилова, 2019, рис. 2, *2*.

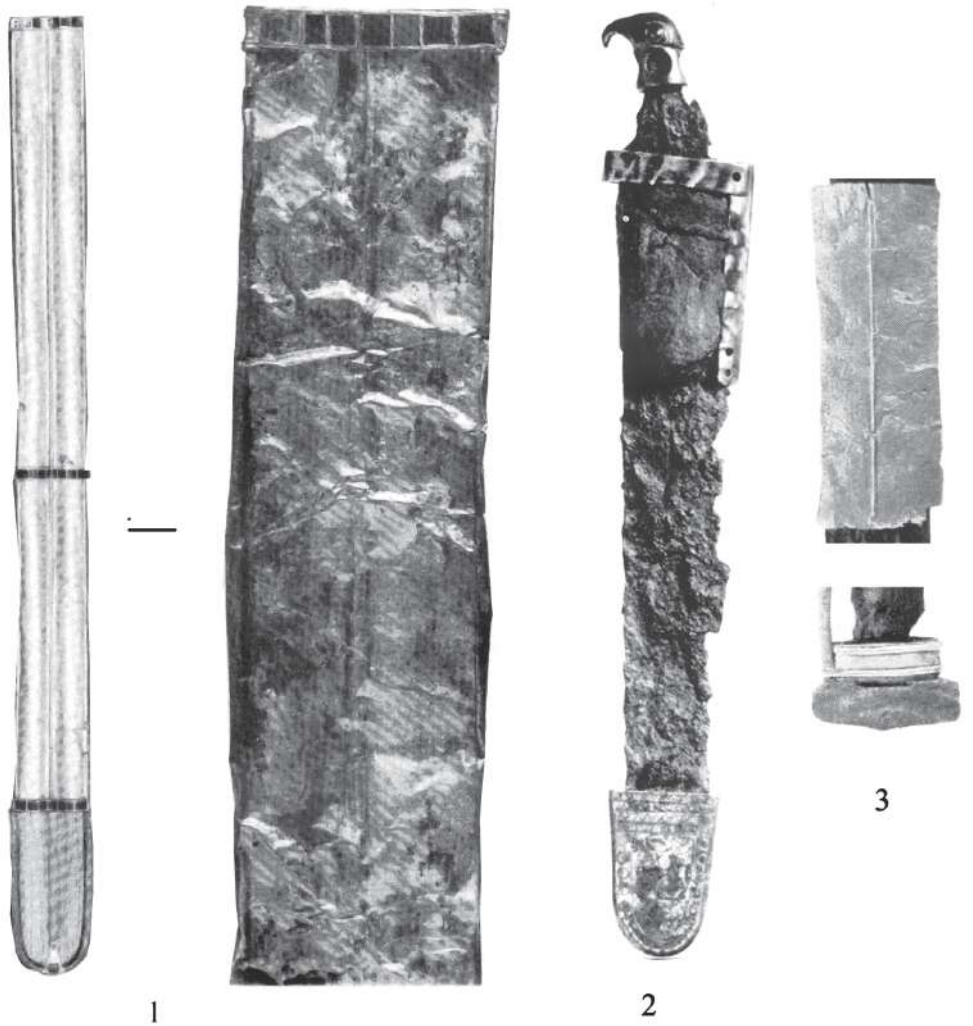


Рис. 7. Короткие мечи и боевые ножи Боспора Киммерийского и детали меча из Альтлюсхейма.
1: Керчь; 2: Боспор Киммерийский; 3: Альтлюсхейм.
1: по Damm, 1988, Abb. 197, 199; 2: по Fremersdorf, 1953, Taf. 17, D 687; 3: по Werner, 1956, Taf. 2,*1*.

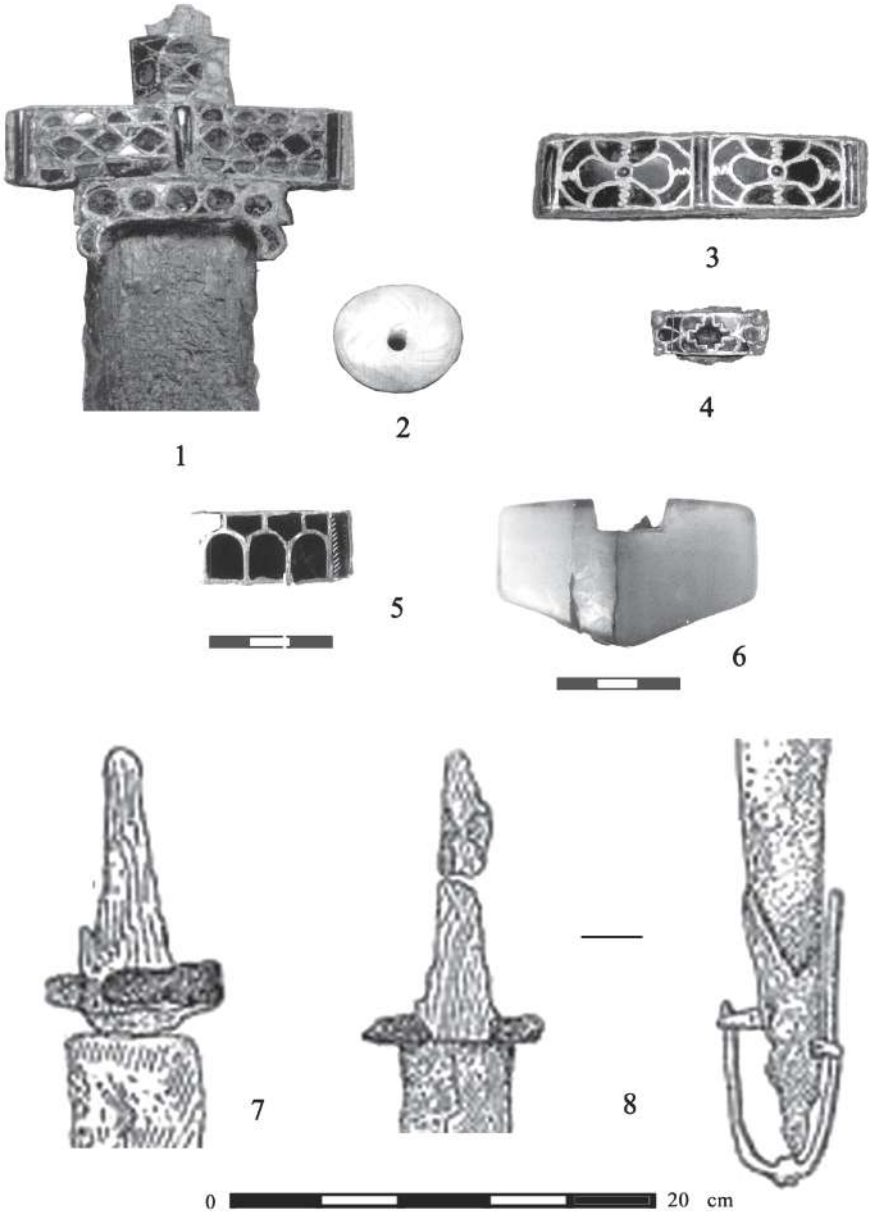


Рис. 8. Боспорские мечи «понтийского» типа и их фрагменты (1,3,5) и мечи «азиатского» типа.
1,2: Тамань, погр. 1912 г.; 3,4: Керчь (?); 5,6: Джурга-Оба, погр. 40; 7,8: Фанагория, погр. 50.
1,2: по Европа без границ 2007, I.34,5; 3,4: по Засецкая, 1993, табл. 6, *383, 384*; 5,6: по Ermolin, 2012, fig. 5,*10,11*; 7,8: по Сокольский, 1954, табл. V,5, IX.

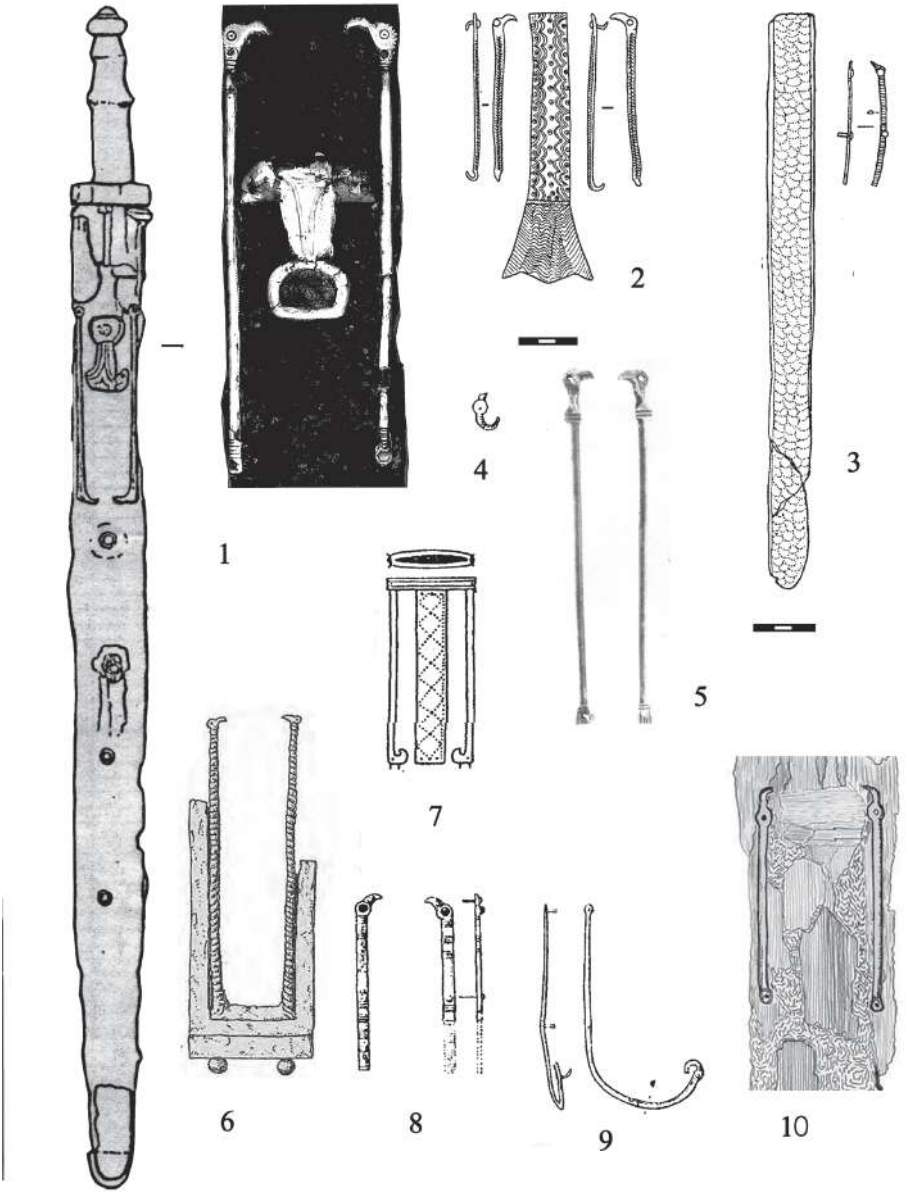


Рис. 9. Боспорские мечи с птицевидными накладками и их параллели.
1: Тамань; 2: Дюрсо, погр. 300; 3: Дюрсо, погр. 479; 4: Рюбенах; 4: Керчь, тайник погр. 145.1904 г.; 6: Сирмабешенье; 7: Лар; 8: Роммерсхейм; 9: Крефельд-Геллеп, погр. 756; 10: Джурга-Оба, погр. 16. 1-4, 6-9: по Казанский, 2021б, рис. 1 и 2; 5: по Засецкая, 1993, табл. 18,*51*; 10: по Ермолин, Казанский, 2021, рис. 7, *5*.

В.Г. ЗУБАРЕВ, В.В. МАЙКО, М.Р. МОГУЧЕВА
V.G. ZUBAREV, V.V. MAIKO, M.R. MOGUCHEVA

ЯМЫ В СТРУКТУРЕ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА АНТИЧНОГО И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ВРЕМЕНИ (НА ПРИМЕРЕ РАСКОПА «ВОСТОЧНЫЙ» ГОРОДИЩА БЕЛИНСКОЕ В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ)[1]

PITS IN THE STRUCTURE OF RURAL SETTLEMENTS OF THE EUROPEAN BOSPORUS OF ANCIENT AND EARLY MEDIEVAL TIME (USING THE EXAMPLE OF THE «EASTERN» HILLFORT BELINSKOYE IN THE EASTERN CRIMEA)

Как уже неоднократно указывалось, одним из наиболее распространённых типов строительных остатков позднеантичного и раннесредневекового времени на территории сельских поселений Европейского Боспора являются многочисленные ямы, вырытые в материковой глине или вырубленные в скальном грунте. Более поздние ямы зачастую впущены в ранние культурные слои и могут перекрывать полностью или частично ямы ранних периодов.

Городище Белинское, расположенное вблизи северной оконечности Узунларского вала в Крымском Приазовье, не является в этом плане исключением. За весь период систематических раскопок (1996 – 2021 гг.) на нём было выявлено и исследовано 173 ямы, соотносимые с различными периодами истории городища. Наибольшее их число приходится на северную и восточную части плато, на котором располагалось поселение. В западной части не зафиксировано ни одной ямы.

Восточный участок городища Белинское (раскоп «Восточный») представляет собой выступающий в сторону Аджиэльской балки мыс, резко обрывающийся по склону с восточной, юго-восточной и южной сторон. Он выше по уровню, чем северная и северо-западная части плато, но ниже, чем южная и юго-западная. Участок серьёзно пострадал в годы Великой Отечественной войны. Дневная поверхность нарушена воронками от разрывов снарядов и следами оборонительных земляных сооружений. Возможно, часть плато по южной границе раскопа и к западу от него полностью разрушена. В отличие от северного участка (раскоп «Северный»), где пока не обнаружен культурный слой и строительные остатки раннесредневекового времени, соотносимые с носителями салтово-маяцкой археологической культуры, в восточной части этот период представлен в достаточно полном объёме. Именно этим объясняется наш выбор предмета исследования.

К настоящему времени на раскопе «Восточный» (площадь полностью исследо-

[1] Работа выполнена в рамках проекта РНФ 22-28-00056 «Салтово-маяцкая культура Западного и Восточного Крыма. Общее и особенное».

ванного участка раскопа составляет 620 кв. м) зафиксировано 59 ям. Большинство из них после прекращения использования были заполнены грунтом. Это заполнение происходило либо единовременно, например во время строительных работ, либо постепенно, зачастую в течение достаточно длительного времени. В первом случае грунт заполнения почти не содержит находок и включает большое количество камней, особенно если горловина ямы полностью или частично попадает под фундамент возводимого сооружения. Во втором случае заброшенные ямы чаще всего использовались под сброс бытового мусора.

Чрезвычайно сложной в этой связи является проблема определения времени функционирования ям. За редким исключением (ямы под пифосы и культовые объекты) в них отсутствуют предметы, зафиксированные in situ на момент их функционирования. Местоположение ям в стратиграфическом разрезе также часто мало чем может помочь. Многие из них удалось зафиксировать лишь в нижней части на уровне материковой скалы, что объясняется проведением на этом участке масштабных нивелировочных работ, например в ранневизантийский период. Таким образом, в большинстве случаев приходится полагаться на результаты анализа материала, найденного в засыпи ям, однако при этом к выводам следует подходить с осторожностью, так как исключить возможность использования для засыпки ям в более поздний период грунта, содержащего ранний материал, полностью нельзя. Тем не менее, как показал анализ материала из ям в восточной части городища Белинское, определённые результаты в понимании относительной датировки их функционирования получить можно.

В целом материал из грунта заполнения ям на раскопе «Восточный» позволяет выделить четыре возможных временных периода, когда могла быть произведена их засыпка.

Первый период определяется характерным набором фрагментов амфор в сочетании с немногочисленными обломками краснолаковой посуды. Время их бытования в подавляющем большинстве не выходит за рамки последней четверти III – начала IV в. н.э. В целом амфорный материал типичен для слоя серо-коричневого суглинка начала/первой половины II – середины/третьей четверти III в. н.э. [Зубарев, 2021, с.181–186], однако при этом ближе к той его части, которая доминировала во второй половине III – начале IV в. н.э. (рис. 1, *4*). В качестве примера приведём перечень фрагментов амфор и краснолаковой керамики из грунта заполнения одной из самых богатых на находки ям этого периода[2].

Керамический материал из раскопок ямы последней четверти III – начала IV в. н.э. городища Белинское

Амфоры красноглиняные с воронковидным горлом и треугольным в сечении массивным венчиком фр-т	IV в. н. э.

[2] Определение в таблице материала проведено Шапцевым М.С.

Венчика-валика амфоры красноглиняной фр-т	Мирмекийского типа III – IV вв. н. э. Тип «72» по И.Б. Зеест.
Фрагмент сложнопрофилированной ручки светлоглиняной амфоры	Тип «С» по Д. Б. Шелову.
Амфоры красноглиняной ручки круглой в сечении фр-т	Синопа. III – IV вв. н. э.
Ручки амфоры красноглиняной овальной в сечении фр-т	Покрыта светлым ангобом, эллинизм, Херсонес (?)
Тарелки краснолаковой с двучастным венчиком фр-т	Понтийская сигиллата. III в. н. э.
Амфоры красноглиняной с воронковидным горлом и массивным уплощённым венчиком-валиком фр-т	Тип «83» по И.Б.Зеест. IV в. н. э.
Крышек гончарных фр-ты	Боспорское производство. III в. н. э.
Чашки краснолаковой с вертикальным бортиком венчика фр-т	III в. н. э.
Фрагмент ручки светлоглиняной амфоры	Неопределенный тип синопского производства.
Тарелки краснолаковой с вертикальным бортиком фр-т	IV в. н. э.
Чашки с вертикальным бортиком, профилированным 2 горизонтальными желобками, и туловом усеченно-конической формы фр-т	III в. н. э.
Чашки с вертикальным бортиком, профилированным 2 горизонтальными желобками, и туловом усеченно-конической формы фр-т	III в. н. э.
Горло с ручками амфоры	Тип «С» по Д.Б. Шелову.
Кувшина красноглиняного с воронковидным горлом и венчиком в виде уплощенного валика фр-т	светлоангобированный III – IV вв. н. э.
Амфоры красноглиняной с воронковидным горлом и массивным уплощённым венчиком-валиком фр-т	IV в. н. э.
Фрагмент сложнопрофилированной ручки светлоглиняной амфоры	Тип «С» по Д.Б.Шелову.
Фрагмент сложнопрофилированной ручки светлоглиняной амфоры	Тип «D» по Д.Б.Шелову.
Чашки краснолаковой с вертикальным бортиком венчика фр-т	III в. н. э.
Чашки краснолаковой с вертикальным бортиком венчика фр-т	III в. н. э. – начало IV в. н. э.
Чашек с вертикальным бортиком и валютовидным налепом на бортике венчиков фр-ты	III в. н. э.

Чашки краснолаковой с вертикальным бортиком венчика фр-т	III в. н. э.
Чашки краснолаковой с вертикальным бортиком венчика фр-т	III в. н. э.
Миски краснолаковой с туловом полусферической формы и вертикальным бортиком фр-т	IV в. н. э.
Солена синопского бортика с полем фр-т	Синопское производство.
Ручки амфоры красноглиняной овальной в сечении фр-т	Большое количество слюды. Неопределенный тип боспорского производства. IV в. н. э.
Ручки амфоры красноглиняной овальной в сечении фр-т	Большое количество слюды. IV в. н. э.
Фрагмент сложнопрофилированной ручки светлоглиняной амфоры	Тип «С» по Д.Б.Шелову.
Амфоры с воронковидным горлом венчика фр-т	IV в. н. э.
Кувшина красноглиняного двучастного венчика фр-т	Светлоангобированный. IV в. н. э.
Миски краснолаковой с туловом полусферической формы и вертикальным бортиком фр-т	IV в. н. э.
Чашки краснолаковой на плоском дне с туловом усеченно-конической формы, оканчивающимся ребром закраиной, образующим вертикальный бортик фр-т	III в. н. э. – начало IV в. н. э.
Кастрюли гончарной венчика с ручкой фр-т	Боспорское производство. III в. н. э.
Кувшина на плоском дне придонной части фр-т	III – IV вв. н. э.
Амфор красноглиняных с воронковидным горлом и горизонтально отогнутым массивным венчиком фр-ты	Боспорское производство. III – IV вв. н. э.
Фрагмент сложнопрофилированной ручки светлоглиняной амфоры	Тип «С» по Д.Б. Шелову.
Кувшина красноглиняного двучастного венчика фр-т	Херсонес, светлоангобированный, IV в. н. э.
Амфоры красноглиняной ручки круглой в сечении фр-т	Боспорское производство. III – IV вв. н. э.
Кувшина красноглиняного дна на кольцевом поддоне фр-т	Херсонес, светлоангобированный, III – IV вв. н. э.

Кувшина краснолакового с воронковидным горлом и горизонтально отогнутым венчиком фр-т	III в. н. э.
Солена синопского бортика с полем фр-т	Глина синопского типа.
Амфоры красноглиняной сложнопрофилированной ручки фр-т	Мирмекийского типа. Тип «72» по И.Б.Зеест. III – IV вв. н. э.
Фрагмент сложнопрофилированной ручки светлоглиняной амфоры	Тип «С» по Д.Б.Шелову.
Кувшина на плоском дне придонной части фр-т	III – IV вв. н. э.
Амфоры красноглиняной ручки круглой в сечении фр-т	Светлоангобированная. Тип «84»-«85» по И.Б.Зеест. III – IV вв.н.э.
Фрагмент сложнопрофилированной ручки светлоглиняной амфоры	Тип «D» по Д.Б. Шелову.
Фрагмент сложнопрофилированной ручки светлоглиняной амфоры	Тип «D» по Д.Б. Шелову.
Горла амфоры красноглиняной с горизонтально отогнутым венчиком и круглой в сечении ручкой фр-т	IV в. н. э.
Фрагмент венчика светлоглиняной амфоры	Тип «С» по Д.Б. Шелову.
Фрагмент сложнопрофилированных ручек светлоглиняных амфор	Тип «D» по Д.Б. Шелову.
Кувшина краснолакового с воронковидным горлом и горизонтально отогнутым венчиком фр-т	III в. н. э.
Фрагмент венчика со стенкой пифоса боспорского производства	Со следами ремонта. III в. н. э.
Фрагмент овальной в сечении ручки красноглиняной амфоры с большой примесью слюды	(Воронковидка Пелопонесс?) III – IV вв. н. э.
Кувшина краснолакового с воронковидным горлом и горизонтально отогнутым венчиком фр-т	III в. н. э.
Фрагмент горла красноглиняной амфоры с массивным венчиком в виде уплощенного валика	Тип «83» по И.Б.Зеест. IV в. н. э.
Фрагмент массивной круглой в сечении ручки красноглиняной амфоры	Тип «83» по И.Б.Зеест. IV в. н. э.
Фрагмент венчика красноглиняной амфоры с воронковидным горлом	IV в. н. э.

Придонная часть красноглиняного кувшина на массивном кольцевом поддоне	III в. н. э.
Чашки с вертикальным бортиком венчика фр-т	III в. н. э.
Чашки с вертикальным бортиком венчика фр-т	III в. н. э.
Фрагмент синопского солена	Глина синопского производства.
Фрагмент ножки светлоглиняной амфоры	Тип «D» по Д.Б. Шелову.
Фрагмент тулова с конической ножкой красноглиняной амфоры	С воронковидным горлом (?) с примесью слюды в тесте IV в. н. э.

Таким образом, можно достаточно уверенно отнести время функционирования этих ям к первому периоду в истории античного городища, а время их засыпки определяется периодом восстановительных работ в последней четверти III – начале IV в. н.э.

Общее количество ям, соотносимых с первым периодом, составляет 17. В разрезе большинство ям имеют колоколовидную или конусовидную форму (12), но встречаются и ямы, имеющие грушевидную и цилиндрическую формы. Глубина ям варьируется от 0,54 м до 3,5 м от уровня материковой скалы. Часть ям была впущена с уровня стерильного предматерикового суглинка (рис. 1, *1*), часть – с уровня материковой скалы, на некоторых сохранилась крышка горловины (рис. 1, *2,3*). Отдельные ямы были сильно повреждены более поздними перекопами, преимущественно салтово-маяцкого времени.

Локализация ям первого периода на местности позволяет выявить определённую закономерность их положения. Большинство ям расположено внутри остатков прямоугольного в плане помещения № 52 или в непосредственной близости от него (рис. 2, *1*). Остальные вытянуты цепочкой по юго-восточному и северо-западному обрывам плато, на котором расположено городище. Функционирование помещения относится к первому строительному периоду. Предложенная ранее датировка помещения вторым строительным периодом [Зубарев, Ярцев, 2020, с. 169] должна быть признана ошибочной, так как в это время ямы внутри помещения и вокруг него уже не функционировали, а в заполнении части из них присутствовали строительные блоки со стен помещения. Кроме того, подобное расположение наиболее ранних по времени ям характерно и для северной части городища, где исследованы два аналогичных помещения, непосредственно примыкавшие к северо-западной оборонительной стене. Все помещения или только их неотапливаемая часть использовались в хозяйственных целях, например в качестве хранилищ запасов продовольствия для стоявшего на поселении военного гарнизона [Зубарев, Седых, 2013, с. 257–258]. Эти же функции выполняли и находившиеся поблизости ямы.

Во вторую группу ям включены всего два объекта, расположенные по краю плато в юго-восточной части периметра помещения № 52. Они частично разрушили фун-

дамент одной из стен, образующих помещение, и затронули одну из ям первого периода, перекрыв её. Обе ямы уже были опубликованы ранее [Зубарев, Шапцев, 2016, с. 86 –106], и в данной статье нет необходимости останавливаться на этом вопросе ещё раз. Ограничимся лишь констатацией того факта, что обе ямы содержали крупные развалы амфор типа «Делакеу», массовое распространение которых на городище Белинское относится к концу первой четверти – началу второй четверти IV в. н. э. Именно в это время и произошла засыпка ям.

Несколько слов касательно назначения данных объектов. Неправильная конфигурация ям, их относительно незначительная глубина (соответственно 0,7 и 0,9 м), а также расположение на явно заброшенном в это время участке позволяют предположить, что вырыты они были не для дальнейшего хозяйственного использования, а с целью добычи скальной крошки, которая активно использовалась на городище, например в качестве нивелировочной подсыпки. Подобные ямы (с той лишь разницей, что образовались в результате добычи глины) обнаружены и на раскопе «Северный». После извлечения необходимого материала, ямы использовались для сброса мусора. При этом засыпка производилась не единовременно, а постепенно. На это, в частности, указывает наличие в одной из ям десятисантиметровой прослойки золы с кусочками древесного угля, разделяющей две группы амфорного боя.

Третью группу составляют ямы, засыпка которых была осуществлена не раньше ранневизантийского периода в истории городища. Общее их количество – 10. Из них 8 ям имеют однотипную конструкцию и территориально локализуются вблизи остатков круглого сооружения (помещение № 55) (рис. 2, *2*). Одна яма имела небольшие размеры и предназначалась, скорее всего, для установки амфоры. Ещё одна яма, вырытая в зольнике, занимает особое место, и речь о ней пойдёт позже.

Общим у всех 8 ям является наличие устья, впущенного в нивелировочный слой жёлтого суглинка и имеющего обкладку из плоских камней (рис. 3, *1*). Горловина ямы расположена на уровне материковой скалы, была закрыта крышкой и иногда укреплена каменной кладкой (рис. 3, *2*). Сама яма была вырублена в материковой скале и в разрезе имеет грушевидную или конусовидную форму (рис. 3, *3*). Глубина ям варьируется от 0,8 м до 3,05 м.

Находки из грунта заполнения ям представлены в первую очередь фрагментами амфор типа Е по Д.Б. Шелову, типа 96/97 по И.Б. Зеест, LR IBI, Антонова V, Антонова I и некоторыми другими (рис. 3, 4). Более ранний материал, как правило, обнаруживается в нижней придонной части ямы, попав туда с грунтом обвалившегося устья. В целом набор амфорного материала позволяет отнести время окончательной засыпки большинства ям к периоду строительных работ на восточном участке городища в ранневизантийский период [Зубарев, 2021, с. 194 –195].

В качестве примера приведём статистическую таблицу керамического материала из грунта заполнения ямы № 169. Общее количество фрагментов составляет 111.

Статистика керамического материала из раскопок городища Белинское (яма № 169)

Наименование	Венчики	Ручки	Ножки амфор, днища	Стенки	Состав глины	Процент от общего числа фрагментов
Черепица	–	–	–	1	Глина светлая	**1**
Пифосы	–	–	–	3	Глина оранжевая по краю и серая в центре	**3**
Амфоры Из них:	**2**	**3**	**1**	**56**	–	**56**
тип F по Д.Б. Шелову	1	–	–	–	Глина светлая	2
тип Антонова V (рис. 3, *4*)	1	–	1	28	Глина светло-оранжевая с розоватым оттенком	48
тип 96-97 по И.Б. Зеест	–	1	–	20	Глина красно-оранжевая различных оттенков	34
тип 77 по И.Б. Зеест	–	–	–	3	Глина пёстрая	5
тип 83-89 по И.Б. Зеест	–	–	–	5	Глина розовая или оранжевая по краю с серым закалом в центре	8
неопределённые	–	2	–	–	Глина оранжевая по краю с серым закалом в центре (профилирована по кругу)	3
Посуда на гончарном круге	**1**	–	–	**8**		**8**
Из них:	1	–	–	–	Глина серая, лощение	11
	–	–	–	8	Глина оранжевая	89
Краснолаковая посуда	1	–	–	–	Глина светло-коричневая	**1**
Лепная посуда	2	1	1	31	Глина серая	**31**

Набор амфорного материала позволяет отнести время окончательной засыпки большинства ям к периоду строительных работ на восточном участке городища в ранневизантийский период (рис. 3, *4*) [Зубарев, 2021, с. 194 –195].

Некоторым диссонансом среди исследованных ям этого периода является яма № 162, материал из засыпи которой представлен преимущественно фрагментами изделий салтово-маяцкой археологической культуры (фрагменты амфор «причерноморского» типа, фрагменты ойнохой «скалистинского» типа, фрагменты салтово-маяцких сероглиняных горшков) [Зубарев, Ярцев, Бутовский, 2021, с. 225 – 227]. Возможно, яма использовалась и в ранневизантийский период либо не мешала проведению строительных работ. В салтово-маяцкий период участок активно осваивался и яма была окончательно засыпана.

Отнесение времени функционирования рассматриваемой группы ям ко второму строительному периоду (последняя четверть III – конец первой четверти IV вв. н. э.) основывается на том, что большинство этих объектов привязано к круглой постройке (помещение № 55), причём конструктивно отдельные ямы связаны с фундаментом образующей его стены. Помещение достаточно чётко датируется вторым строительным периодом [Зубарев, Ярцев, 2020, с. 164]. В более позднее время на его месте был зольник, перекрывший не только остатки помещения, но и часть соседних с ним ям.

Назначение ям третьей группы аналогично ямам первой группы с учётом того, что одной из возможных функций его было использование в качестве складского помещения [Зубарев, Ярцев, 2020, с. 173]. Впрочем, даже если это было культовое сооружение, ямы могли выполнять ту же функцию хранилищ.

Последняя яма третьей группы существенно отличается от остальных. Яма была выявлена в 2018 году на глубине 0,6м от дневной поверхности в зольнике. Форма ямы грушевидная в разрезе. Верхняя часть ямы впущена в слой золы, нижняя прорезает слой жёлтого суглинка. Дно ямы вырублено в скале. Горловина и стенки ямы не укреплены, что свидетельствует о разовом её использовании. Диаметр горловины – 0,5м, диаметр дна – 0,77м, глубина – 0,8м, дно плоское. Соединение со стенками слегка закруглено.

Грунт заполнения ямы однороден – рыхлая зола, частично напоминающая серый пепел, с фрагментами печины и мелкими кусками горелого ракушечника. На глубине 0,4-0,55м от горловины ямы выявлены 18 компактно сложенных фрагментов печины. Материал из грунта заполнения располагался в нём неравномерно. Все отдельные фрагменты керамики, попавшие в яму при её засыпке, выявлены выше закладки из печины. Это ножка светлоглиняной амфоры с воронкообразным горлом второй половины IV – начала V в. н.э. и ручка лепного сосуда. Ниже печины, на глубине 0,7м от горловины, обнаружен развал амфоры типа 99 по И.Б. Зеест со сбитыми профилированными частями (рис. 4, *1*). Под ним по центру на глубине 0,8м от горловины найден фрагмент топора эпохи бронзы из чёрного гранита (в античное время топор использовался в качестве лощила или тёрочника) (рис. 4, *2*).

Структура заполнения ямы и археологические предметы, обнаруженные в ней, позволяют предположить её культовое назначение. Яма была вырыта в зольнике специально для отправления какого-то обряда, скорее всего, связанного с хтоническим культом, на последнем этапе существования античного городища в первой половине V в. н.э.

В четвёртую группу ям включены ямы салтово-маяцкого периода. Общее их количество – 29. Некоторые их них уже рассматривались в литературе [Майко, Зубарев, Ярцев, 2016, с. 98 –104], что избавляет от повторений. Все объекты чётко делятся на две подгруппы. Первую составляют пифосные ямы (16). Вторую подгруппу составляют ямы, впущенные, как правило, в зольник ранневизантийского времени (13). Территориально, за исключением одной ямы, расположенной в юго-восточном углу раскопа на краю обрыва, все ямы этой подгруппы сосредоточены в северной и центральной частях раскопа «Восточный». При этом пифосные ямы сосредоточены в северо-западном углу, а ямы второй подгруппы вытянуты цепочкой по линии юго-запад – северо-восток в центральной части (рис. 4, *3*).

Пифосные ямы представляют собой небольшие углубления в материковом скальном грунте овальной или конической формы под дно пифоса. В нескольких случаях эти ямы были заключены в углубления в скале прямоугольной или трапециевидной формы (внутри от одной до трёх ямок). В четырёх ямах in situ сохранились нижние части пифосов салтово-маяцкого времени, в том числе в одной из них присутствовали крупные фрагменты венчика пифоса (рис. 5, *1*). На одном из фрагментов имелось граффито в виде стилизованного изображения рыбы (рис. 5, *2*).

Помимо обломков пифосов в заполнении некоторых ям первой подгруппы присутствовали и фрагменты иных керамических изделий как салтово-маяцкого периода, так и более раннего времени. Последние, скорее всего, попали в заполнение из культурного слоя, в который были впущены пифосы. Салтово-маяцкая керамика представлена фрагментами амфор «причерноморского» типа и сероглиняных горшков с орнаментом или без такового. В целом отнесение ям первой подгруппы ко времени салтово-маяцкой археологической культуры сомнений не вызывает.

Концентрация пифосных ям в северо-западной части раскопа «Восточный» можно объяснить наличием здесь остатков как минимум одного ливневого водостока, уверенно датируемого салтово-маяцким временем. Вероятнее всего, именно для сбора дождевой воды и были предназначены установленные здесь пифосы.

Конструкция ям второй подгруппы выглядит следующим образом. Горловина ямы, впущенная в зольник, обозначена вертикально вкопанными плоскими камнями (рис. 5, *3*). Верхняя часть всех ям была заполнена золой, не содержащей никаких находок. Ниже следовал слой суглинка с большей или меньшей примесью золы, в котором и были все находки из заполнения ямы. Нижняя часть всех ям вырублена в материковом скальном грунте жёлтого ракушечника. Три пары ям являлись смежными и были разделены в вырубленной в скале части перегородкой в виде каменной кладки (рис. 5, *4*). В двух ямах аналогичная кладка присутствовала на одном из

участков стенки, также в основании ямы. Глубина ям от 0,5 м до 2,1 м. Форма либо близка к цилиндрической, либо незначительно расширяется книзу.

Салтово-маяцкий материал присутствует в заполнении почти всех ям (исключение составляют ямы, в которых находок вообще не было), в том числе непосредственно со дна (рис. 5, *5*). В качестве особо интересных находок со дна ям можно отметить целую амфору «причерноморского» типа (вторая амфора, заполненная жидкостью, была найдена в заполнении верхней части этой же ямы) и развал керамической фляги с граффити на одной из стенок (рис. 5, *6*).

Функциональное назначение ям второй подгруппы неясно. Возможно, они использовались в сакральных целях, однако каких-либо артефактов, связанных с культовой деятельностью, за исключением антропоморфа из жёлтого ракушечника, в заполнении ям не найдено. Обращает на себя внимание наличие в заполнении верхних частей ям золы, однако, являлась ли эта зола результатом горения на месте или же её откуда-то приносили, определить невозможно. Таким образом, пока вопрос остаётся открытым.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Зубарев В.Г. О датировке античных и ранневизантийских слоёв на городище Белинское // ДБ. Т. 26. 2021. С. 178 – 198.

Зубарев В.Г., Седых Е.Е. Планировка и основные этапы застройки городища Белинское во II – первой половине V в. н. э. // БИ. Вып. XXVIII. 2013. С. 250 – 274.

Зубарев В.Г., Шапцев М.С. Комплексы с амфорами позднеримского времени из раскопок городища Белинское // БИ. Вып. XXXII. 2016. С. 86 – 106.

Зубарев В.Г., Ярцев С.В. Круглые каменные сооружения на городише Белинское// ДБ. Т.25.2020. С. 155 – 175.

Зубарев В.Г., Ярцев С.В., Бутовский А.Ю. Яма № 162 в восточной части городища Белинское (раскопки 2019 – 2920 гг.) // БИ. Вып. XLII. С. 124 – 233.

Майко В.В., Зубарев В.Г., Ярцев С.В. Хозяйственные ямы средневекового поселения в восточной части городища античного времени Белинское // Таврические студии № 10 (2016). Симферополь, 2016. С. 98 – 104.

REFERENCES

Zubarev V.G. O datirovke antichnyh i rannevizantijskih sloyov na gorodishche Belinskoe // DB. Vol. 26. 2021. P. 178 – 198.

Zubarev V.G., Sedyh E.E. Planirovka i osnovnye etapy zastrojki gorodishcha Belinskoe vo II – pervoj polovine V v. n. e. // BI. Vol. XXVIII. 2013. P. 250 – 274.

Zubarev V.G., Shapcev M.S. Kompleksy s amforami pozdnerimskogo vremeni iz raskopok gorodishcha Belinskoe // BI. Vol. XXXII. 2016. P. 86 – 106.

Zubarev V.G., Yarcev S.V. Kruglye kamennye sooruzheniya na gorodishe Belinskoe// DB. Vol. 25. 2020. P. 155 – 175.

Zubarev V.G., Yarcev S.V., Butovskij A.Yu. YAma № 162 v Vostochnoj chasti gorodishcha Belinskoe (raskopki 2019 – 2920 gg.) // BI. Vol. XLII. P. 124 – 233.

Majko V.V., Zubarev V.G., Yarcev S.V. Hozyajstvennye yamy srednevekovogo poseleniya v vostochnoj chasti gorodishcha antichnogo vremeni Belinskoe // Tavricheskie studii № 10 (2016). Simferopol', 2016. P. 98 – 104.

Резюме

В статье анализируются ямы, выявленные в восточной части городища Белинское в Восточном Крыму в период с 2013 по 2021 год. Определяется их место в структуре поселения, рассматриваются конструктивные особенности и функции. На основе анализа находок из грунта заполнения ям авторы выделяют четыре возможных временных периода, когда могла быть произведена их засыпка. Два из них относятся к римскому и позднеримскому периодам, один – к ранневизантийскому и один – к салтово-маяцкому периоду. Установлено, что засыпка ям в большинстве случаев по времени совпадает с ключевыми моментами в истории городища и, в первую очередь, с проведением восстановительных строительных работ. На основании этих выводов определяется время функционирования ям.

Ключевые слова: Восточный Крым, городище Белинское, раскоп «Восточный», ямы, античный период, салтовский период.

Summary

The article analyzes the pits identified in the eastern part of the Belinskoye settlement in the Eastern Crimea from 2013 to 2021. Their place in the structure of the settlement is determined, constructive features and functions are considered. Based on the analysis of finds from the soil of filling the pits, the authors identify four possible time periods when they could be backfilled. Two of them belong to the Roman and late Roman periods, one to the early Byzantine and one to the Saltovo-Majaki period. It was established that the filling of pits in most cases coincides in time with key points in the history of the settlement and, first of all, with the reconstruction of construction work. Based on these conclusions, the operation time of the pits is determined.

Key words: Eastern Crimea, Belinskoye settlement, "Vostochny" excavation, pits, ancient period, Saltovo period.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
Зубарев Виктор Геннадьевич, д.и.н.,
профессор, заведующий кафедрой,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого»,
300026, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.
parosta@mail.ru, +79107005455

Майко Вадим Владиславович, д.и.н., директор,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт археологии Крыма РАН»,
295007, Республика Крым, г. Симферополь, проспект
Академика Вернадского, 2.
vadimmaiko1866@mail.ru, +79787354827

Могучева Мария Романовна,
студентка 2 года магистратуры,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого»,
300026, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.
moguchevamr@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS
Zubarev Viktor G., DSc,
Professor, Head of the Department,
Federal State Budget Education Institution
of Higher Education «Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University»,
Russia, 300026, Tula Region, Tula, Lenin Avenue, 125.
parosta@mail.ru, +79107005455

Maiko Vadim V., DSc, Director,
Federal State Budgetary Institution of Science
«Institute of Archeology of Crimea of RAS,»
Russia, 295007, Republic of Crimea, Simferopol,
Academician Vernadsky Avenue, 2.
vadimmaiko1866@mail.ru, +79787354827

Mogucheva Maria Romanovna,
Student 2 years of master's degree,
Federal State Budget Education Institution
of Higher Education «Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University»,
Russia, 300026, Tula Region, Tula, Lenin Avenue, 125.
moguchevamr@mail.ru

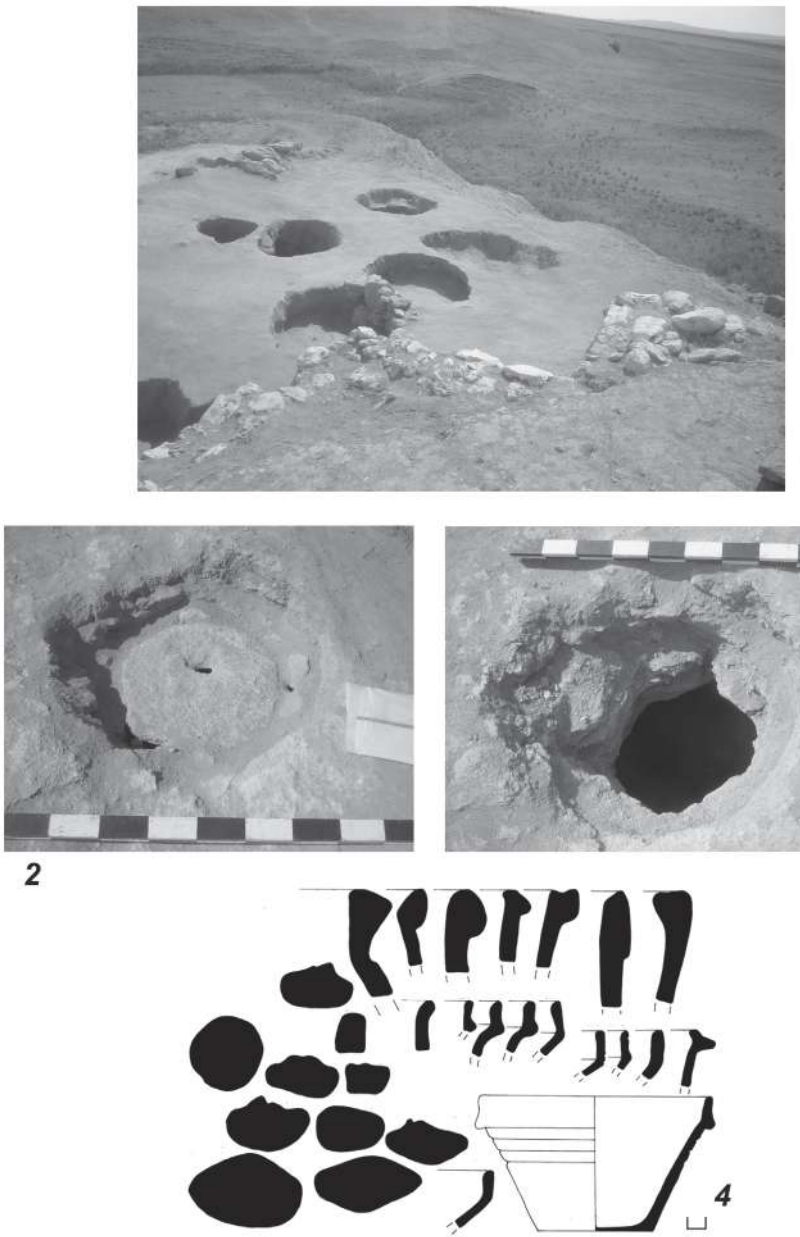


Рис. 1. Ямы первой группы городища Белинское.
1 – ямы первой группы. Вид с северо-запада; 2,3 – горловина ямы первой группы, закрытая крышкой и после расчистки; 4 – фрагменты керамики из ям первой группы.

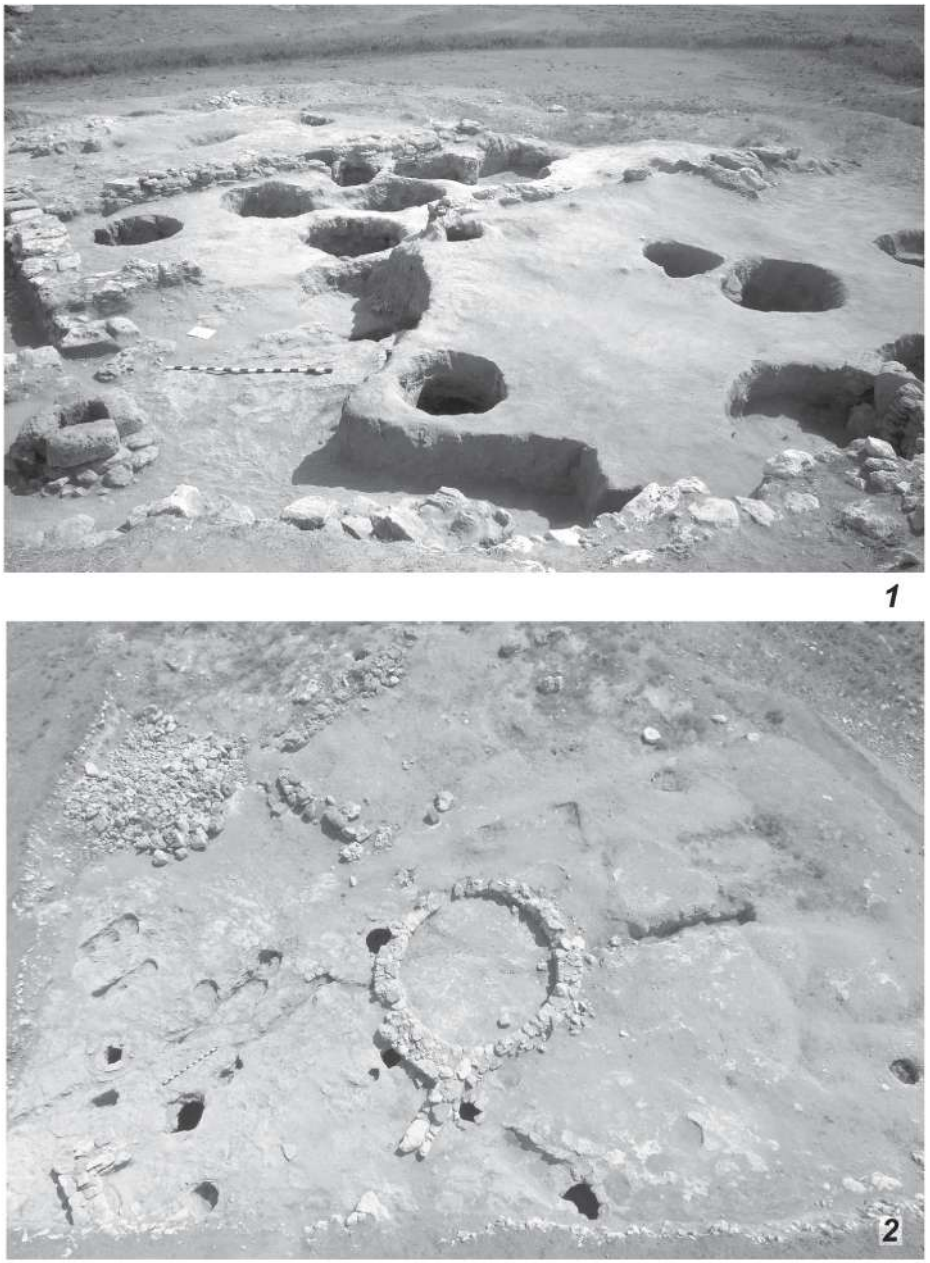


Рис. 2. Ямы первой и третьей групп городища Белинское.
1 – ямы первой группы внутри и вокруг помещения № 52; 2 – ямы третьей группы, снимок с дрона.

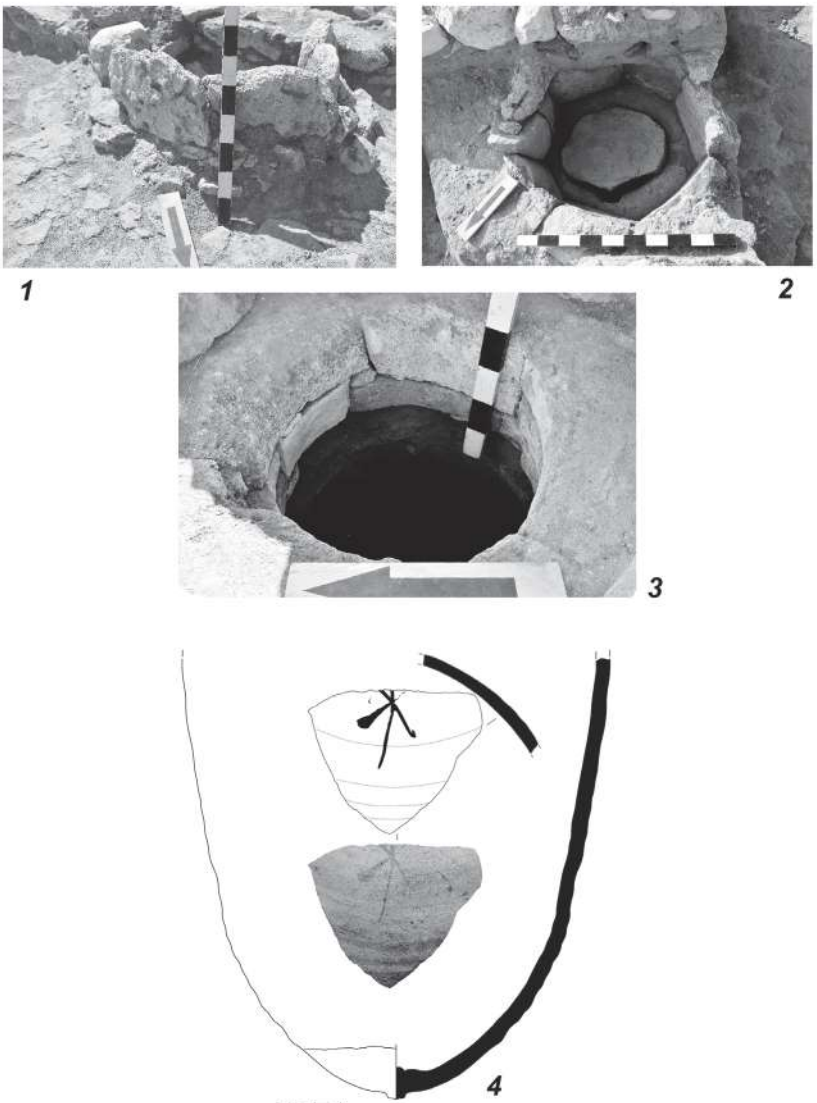


Рис. 3. Ямы третьей группы городища Белинское.
1,2 – устье ямы третьей группы в каменной обкладке и горловина ямы, закрытая крышкой; 3 – яма третьей группы после расчистки; 4 – фрагменты амфоры типа Антонова V из заполнения ямы № 169 третьей группы.

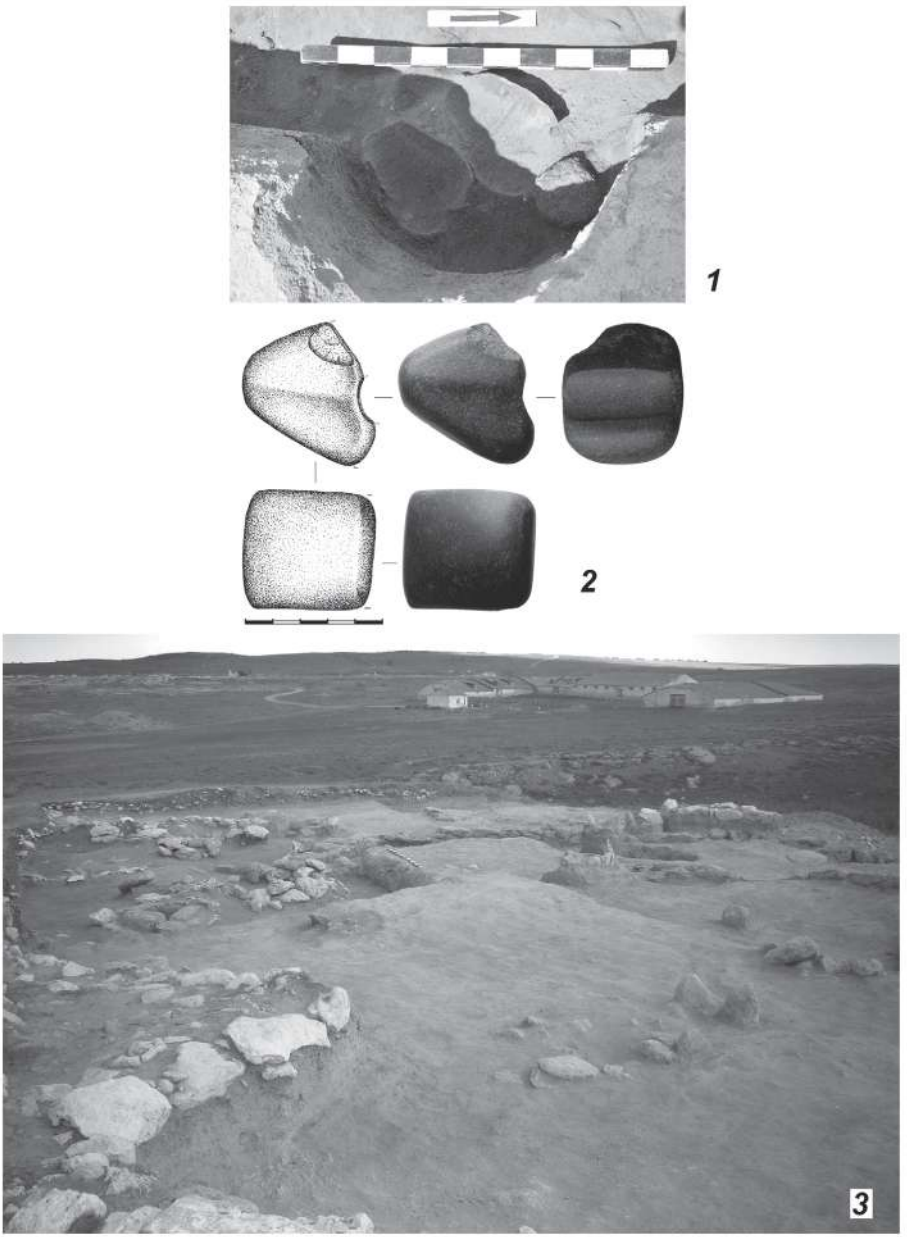


Рис. 4. Яма 158 и ямы четвертой группы городища Белинское.
1,2 – развал амфоры типа 99 по И.Б. Зеест и фрагмент топора периода бронзы из заполнения ямы № 158; 3 – ямы четвёртой группы. Вид с юго-запада.

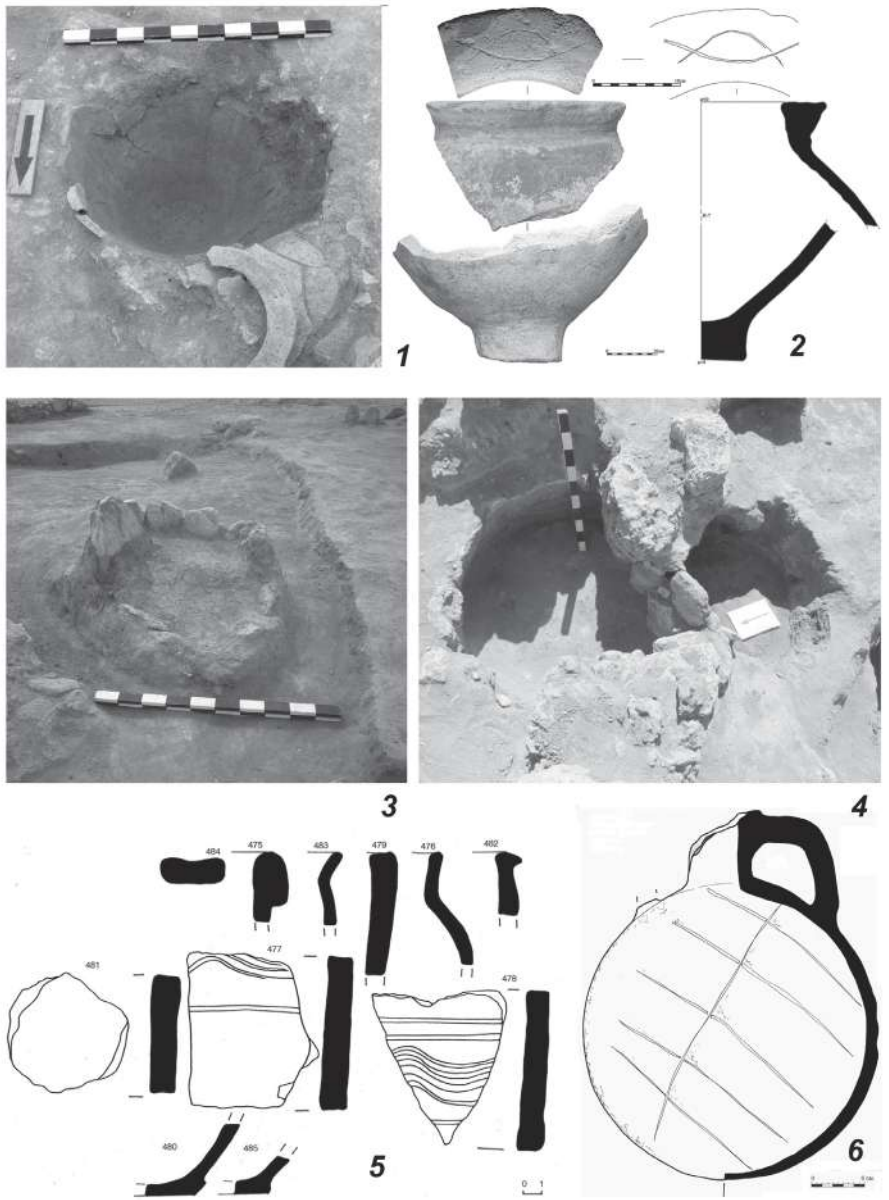


Рис. 5. Ямы четвертой группы городища Белинское.
1,2 – остатки пифоса в яме четвёртой группы (первая подгруппа) и граффито на его венчике; 3,4 – горловина и каменная перегородка между ямами; 5 – материал из грунта заполнения ям; 6 – керамическая фляга с граффити со дна ямы.

Н. А. АЛЕКСЕЕНКО
N. A. ALEKSEIENKO

СФРАГИСТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ТАВРИКИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ В СФЕРЕ КОНТАКТОВ С ЦЕНТРАЛЬНОЙ АДМИНИСТРАЦИЕЙ
SIGILLOGRAPHIC SOURCES OF BYZANTINE TAURICA: NEW DISCOVERIES IN THE SPHERE OF CONTACTS WITH THE CENTRAL ADMINISTRATION

База данных памятников сфрагистики в Крыму достаточно весома, многочисленна и информативна. Многие ценные сведения по истории региона стали известны лишь благодаря находкам моливдовулов. Постоянное пополнение крымской сфрагистической коллекции новыми артефактами не только дополняет и расширяет уникальный комплекс ценных и важных источников по истории региона, но и попрежнему не перестаёт нас удивлять новыми интересными открытиями, проливающими свет на ту или иную сферу жизнедеятельности этой византийской провинции.

Сегодня можно констатировать, что структура имперской администрации в византийской Таврике уже достаточно хорошо изучена в большей степени благодаря именно появлению многочисленных булл местных чиновников [Alekseyenko, 2012; Алексеенко, 2017a]. Новые находки печатей местных функционеров в последнее время, как правило, уже занимают лишь соответствующую строку в каталоге, в большинстве своём дублируя уже известные экземпляры [см., например: Алексеенко, 2017b; 2020]. Однако и здесь всё ещё остаются отдельные дискуссионные вопросы, например, связанные с историей образования фемы в Таврике или периодом кризиса фемного строя в XI столетии. Вне всякого сомнения, новые находки моливдовулов чиновников фемы Климатов (в особенности с хорошей сохранностью легенды), функционеров местной администрации постфемного периода или высокопоставленных представителей византийской аристократии и других корреспондентов не только внесут свои коррективы в решение проблемы административного устройства на полуострове, но и позволят существенно дополнить наши знания о развитии взаимоотношений региона с окружающим миром в самых разнообразных сферах (политико-административных, финансово-экономических, церковных и др.).

В этой связи особый интерес приобретают моливдовулы, отражающие именно категорию отправителей корреспонденции на полуостров. Печати внешних адресантов византийской Таврики неоднократно привлекали внимание исследователей, но, как правило, их публикация осуществлялась в контексте находок моливдовулов в Херсоне, Сугдее или некоторых других местах полуострова (Мангуп, Керчь, Южный берег Крыма и др.) [Вишнякова, 1939; Соколова, 1992; Sokolova, 1993; Alexeenko, Romančuk, Sokolova, 1995; Шандровская, 1995; Смычков, 1999;

Степанова, 2001; Stepanova, 2003; Булгакова, 2008 и др.]. Таким образом, до сих пор в научный оборот, за редким исключением, введены лишь отдельные экземпляры печатей, сопровождавших служебную или личную документацию, направленную тем или иным получателям в Таврике, как различным чиновникам, представителям официальных властей, так и частным лицам [Алексеенко, 1997; 2000; 2004; 2008; 2013; 2015; 2016a (с библиографией основных находок печатей адресантов; прим. 36–60), 2016b; Смычков, 2000; 2013]. Сбор и анализ доступных данных о собственниках булл корреспондентов региона представляется перспективным и ценным проектом, способным во многом расширить наши представления о связях Таврики с окружающим её миром: центральными светскими или церковными ведомствами, разнообразными провинциальными службами или представителями аристократических кругов империи [Алексеенко, 2020a]. База данных сфрагистических памятников Крыма активно пополняется и сегодня, в том числе и моливдовулами адресантов [Алексеенко, 2020b; 2021; Alekseienko, 2021; Чхаидзе, Гукин, 2019; Виноградов, Чхаидзе, 2021; Чхаидзе, Виноградов, 2021]. Введение в научный оборот новых печатей, порой обладающих ценной и важной информацией, или ретроспектива известных сфрагистических данных нередко стимулирует развитие новых, ранее практически не проводившихся направлений исследований [см., например: Евдокимова, 2021]. В то же время продолжается и кропотливая работа по атрибуции уже накопленного материала, поиску аналогий в различных мировых собраниях и, конечно же, выявлению новых сфрагистических памятников.

Яркой иллюстрацией последнему являются несколько печатей как из старых ранее неатрибутированных находок, так и новых открытий, связанных, на наш взгляд, с весьма показательной и важной для истории региона группой моливдовулов, представляющих чиновников центральной администрации Византии из департамента государственного фиска. Абсолютное большинство среди них составляют печати главных логофетов (ὁ λογοθέτης τοῦ γενικοῦ), возглавлявших финансовое ведомство империи [Oikonomidès, 1972, p. 313–314].

Несмотря на достаточную многочисленность моливдовулов главных логофетов, происходящих из различных регионов империи, при отсутствии перечня исполнителей этой должности находка каждого нового экземпляра позволяет не только внести дополнения в список этих должностных лиц, но и в какой-то мере расширить наши представления о взаимодействии региональных служб с центральным ведомством государственного фиска в тот или иной период. В Корпусе византийских печатей известнейшего французского исследователя памятников сигиллографии В. Лорана эта категория чиновников представлена 62 моливдовулами VII–XI вв. [Laurent, 1981, p.130–159, nr. 269–330], а в болгарском Корпусе византийских печатей И. Йорданова их 69 [Jordanov, 2009, p. 282–295, nr. 765–831].

В Крыму печати логофетов значительно многочисленнее. Их количество уже давно превысило сотню экземпляров только в одном Херсоне [Соколова, 1991,

с.210, 211, № 41–44; Sokolova, 1993, p. 104, 105, pl. V,1-5; Alexeenko, Romančuk, Sokolova, 1995, p. 148, 149, nr. 12; Смычков, 2000, с. 28–30, рис. 1–4; 2013, с.342–344, № 7; Alekséenko, 2003, p. 75–79, nr. 2–4; Алексеенко, 2003, с.174–205, №1–47; 2017c, с. 59–61]. Известны они и в Сугдее [Šandrovskaja, 1993, p.90–93, M-12450, M-12451, M-12453, M-12454, M-12476; Шандровская, 1995, с. 122, 123, № 1–4; Stepanova, 1999, p. 55, 56, nr. 17–19; Степанова, 2001, с. 101; Булгакова, 2008, с. 298, 306–308, 318, № 3, 10–14, 36a-b] и даже обнаружены и на периферии некоторых византийских центров. Напомним интереснейшую находку под северо-западным обрывом мыса Тешкли-бурун на Мангупе моливдовула императорского логофета патрикия Дорофея второй половины VII в. (рис. 1) [Герцен, Алексеенко, 2002, с. 61], владельцем которого, очевидно, был известный по письменным источникам стратиг Сицилии, патрикий Дорофей [Laurent, 1981, p.132], в правление Константа II (641–668) выступавший свидетелем на процессе папы Мартина (654 г.) [Diehl, 1905, p. 283, n. 3]. С дальней хоры византийского Херсона происходят буллы главных логофетов, патрикия Петроны (первая половина IX в.) и анфипата, патрикия и императорского протоспафария Елисея (конец X в.) [Алексеенко, 2016b, с. 9–11, № 3, 4].

Сравнивая Таврику с другой византийской провинцией Болгарией, где также обнаружено значительное количество моливдовулов главных логофетов, следует отметить, что, несмотря на наличие в обоих регионах некоторого количества булл одних и тех же исполнителей должности главного логофета, в Таврике обнаружен целый ряд уникальных экземпляров, которые нигде более не зафиксированы.

Сегодня эту группу печатей мы можем дополнить ещё четырьмя интересными экземплярами. В первую очередь это два моливдовула из херсонесских раскопок Р. Х. Лепера в 1914 г. и С. Г. Рыжова в 1989 г., которые хранились в экспедиционных коллекциях, но стали известны и были атрибутированы лишь весной 2018 г.

1. **Феодор, императорский протоспафарий и главный логофет** (рис. 2)

Н-21623. ГИАМЗ «Херсонес Таврический» (Севастополь).

D – 19×21 mm; толщина заготовки – ок. 2,5 mm.

Сохранность: малый модуль, часть изображений вышла за край заготовки; в центре круглое сквозное отверстие; на оборотной стороне справа разрыв поля по линии канала; в нижней части на обеих сторонах нечеткий оттиск; незначительные разрывы на концах канала.

Происхождение: найдена в Херсонесе; раскопки Р. Х. Лепера, 1914 г. (п/о 783).

Аналогии: [Алексеенко, 2003, с. 180, 181, 202, № 15, 16, рис. 15, 16].

Публикуется впервые.

Аверс. Шестиконечный патриархальный крест с расширяющимися концами на трёх ступенях. Вокруг между двух жемчужных ободков круговая легенда с инвокативным обращением: +Ḳ[ЄRОНΘЄ]ІТѠСѠ[ΔОVΛ] – K(ύρι)ε βοήθει τ[ῷ σῷ δούλῳ].

Реверс. Четырехстрочная надпись в ободке из слившихся в линию жемчужин (практически вышел за край заготовки):

+ΘЄΟΔ[ΟΡ]	Θεοδ[όρ]
ѠRϛẠϛCΠẠ[Θ]	ῳ β(ασιλικῷ) (πρωτο)σπα[θ(αρίῳ)]
ϛΓЄ̣[ΝΙΚѠΛΟ]	(καὶ) γε[νικῳ λο]
ΓΟ[ΘЄΤΗ]	γο[θέτῃ]

Κύριε βοήθει τῷ σῷ δούλῳ Θεοδόρῳ βασιλικῷ πρωτοσπαθαρίῳ καὶ γενικῳ λογοθέτῃ
– Господи, помоги твоему рабу Феодору,
императорскому протоспафарию и главному логофету.

Последняя треть IX в.

2. Лев, примикирий императорский протоспафарий и главный логофет (рис. 3)

Н-21624. ГИАМЗ «Херсонес Таврический» (Севастополь).

D – 21×22 mm; толщина заготовки – ок. 2 mm.

Сохранность: лицевая сторона децентрирована влево, в правой стороне круглая несквозная коверна; на оборотной стороне в нижней части слева слабый оттиск (часть литер не оттиснулась); незначительные разрывы на концах канала.

Происхождение: найдена в Херсонесе; раскопки С. Г. Рыжова, 1989 г. (кв. XI, усадьба 1, двор, засыпь).

Аналогий не найдено.

Публикуется впервые.

Аверс. Четырехконечный патриархальный крест на трех ступенях, расположенных на шаре. На концах ветвей креста перпендикулярные планки, украшенные жемчужинами. Внизу по сторонам креста шестиконечные звездочки (сохранилась левая). По кругу традиционная легенда с инвокативным обращением:0+0K[EbOHYE] ITVSV[DOUL2] – K[(ύρι)ε βοήθε]ι τῷ σῷ [δούλ(ῳ)].

Реверс. Пятистрочная надпись в ободке из слившихся в линию жемчужин:

+ΛЄΟΝ	Λέον
Τ·ΠΡΙΜ̣Η̣Κ	τ(ι) πριμηκ(ηρίῳ)
[R]ϛΑϛ̣C̣ΠΑΘ̣Ϛ	[β(ασιλικῷ)] (πρωτο)σπαθ(αρίῳ) (καὶ)
[ΓЄ]ΝΗΚϛΛΟ	[γε]νηκ(ῳ) λο
[ΓΟΘ]ЄΤ[Η]	[γοθ]έτ[ῃ]

Κύριε βοήθει τῷ σῷ δούλῳ
Λέοντι πριμηκηρίῳ βασιλικῷ πρωτοσπαθαρίῳ καὶ γενηκῳ λογοθέτῃ
– Господи, помоги твоему рабу Льву, примикирию,
императорскому протоспафарию и главному логофету.

Конец IX в.

3. Григорий, императорский протоспафарий ἐπὶ τοῦ Χρυσοτρικλίνου и главный логофет (рис. 4)

ГК 24033554. МЗ «Судакская крепость» (Судак).

D – 18 mm; толщина заготовки – ок. 2 mm; вес – 3,92 g.

Сохранность: малый модуль заготовки; края изображения и легенды вышли за поле печати. Лицевая сторона децентрирована вправо. По линии канала на аверсе печати характерное вздутие, на обороте – трещина с небольшими утратами поля. Разрывы металла на концах канала незначительные. Ободок не сохранился, вышел за поле печати.

Происхождение: найдена в акватории Судакской бухты; разведки С. В. Иванова, 2019 г.

Аналогии: [Смычков, 2013, с. 342, 343, № 7; Чхаидзе, 2015, с. 70, 71, № 31].

Публикуется впервые: упоминание печати (АРХ-293) и её фото см. в материалах Отчётной конференции о раскопках в Крыму в 2019 г. [Иванов, Зеленко и др., с. 184, 186, рис. 2]

Аверс. Погрудное изображение Богоматери, держащей перед собой медальон с образом младенца Христа, анфас. По кругу частично сохранившаяся инвокативная легенда: +YKEb0O[HYEITVSVDOULV] – Θ(εοτό)κε βο[ήθει τῷ σῷ δούλῳ] – Богородица, помоги твоему рабу.

Изображение заключено в ободок из слившихся в линию жемчужин.

Реверс. Шестистрочная надпись (первая строка вышла за поле печати), украшенная сверху (не сохранился, вышел за поле печати) и снизу небольшим крестиком, составленным из четырёх жемчужин:

[⁘]	[⁘]
[+ΓΡΗΓΟΡ]	[Γρηγο]
[ΡΙ]ω̣Rꞩ Α̣·Ç[ΠΑ]	[ρί]ῳ β(ασιλικῷ) (πρωτο)σ[πα]
[ΘⲒ]ЄΠΙ[Τ]Ο̣VΧ[ΡV]	[θ](αρίῳ) ἐπὶ τοῦ Χ[ρυ]
[C]ΟΤΡ[Ι]Κ̣ΛΙΝ̣Ο[V]	[σ]οτρ[ικ]λίνο[υ]
[S]ΓЄΝ̣ΙΚꞩΛΟ	[(καὶ)] γενικ(ῷ) λο
ΓΟΘ[Є]Τ[Η]	γοθ[έ]τ[ῃ]
⁘	⁘

Θεοτόκε βοήθει τῷ σῷ δούλῳ Γρηγορίῳ
βασιλικῷ πρωτοσπαθαρίῳ ἐπὶ τοῦ Χρυσοτρικλίνου καὶ γενικῷ λογοθέτῃ
– Богородица, помоги твоему рабу Григорию, императорскому протоспафарию ἐπὶ τοῦ Χρυσοτρικλίνου и главному логофету.

Начало X в. (первая треть).

Полная легенда моливдовула восстанавливается по аналогичным экземплярам из Херсонеса [Смычков, 2013, с. 342, 343, № 7] и Тамани [Чхаидзе, 2015, с. 70, 71, № 31].

И наконец одна из самых последних находок, обнаруженных в южном пригороде Херсонеса при разведках 2020 г.

4. Епифаний, императорский протоспафарий и главный логофет (рис. 5)

Н-22799. ГИАМЗ «Херсонес Таврический» (Севастополь).

D – 26,5 mm; толщина заготовки – 3,5–4 mm; вес – 16,6 g.

Сохранность: поверхность с обеих сторон частично коррозирована; изображения слегка децентрированы вверх; по полю мелкие трещины.

Происхождение: найдена в южном пригороде Херсонеса, разведки С. Г. Рыжова, 2020 г. (шурф 3; контекст 6; п/о 49).

Аналогий не найдено.

Публикуется впервые.

Аверс. Крестообразная монограмма с инвокативным обращением (Laurent, типV) в ободке из слившихся в линию жемчужин. В углах тетраграмма: [T]V|S0V – 0D0W|0LV.

Реверс. Четырехстрочная надпись в ободке из слившихся в линию жемчужин (ободок большей частью вышел за край заготовки):

.ЄΠΙΦΑ̣	[+]Ἐπιφα
.ΙѠΒϛΑϛCΠΑΘ̣	[ν]ίῳ β(ασιλικῷ) (πρωτο)σπαθ(αρίῳ)
ϛΓ.Ν̣ΙΚѠΛ̣Ο	(καὶ) γ[ε]νικῳ λο
Γ̣ΟΘЄΤΗ̣	γοθέτῃ

Θεοτόκε βοήθει τῷ σῷ δούλῳ Ἐπιφανίῳ βασιλικῷ πρωτοσπαθαρίῳ καὶ γενικῳ λογοθέτῃ
– Богородица, помоги твоему рабу Епифанию,
императорскому протоспафарию и главному логофету.

Первая половина IX в.

Как известно, с VIII столетия должность логофета становится одним из самых высоких гражданских постов в Византийской империи. В IX в. его роль ещё более возрастает, и он занимает первое место среди четырёх «больших» логофетов [Constantini Porphirogeniti, 1910, p. 713 D (II, 52)]. Согласно сведениям Клиторология Филофея (899), логофет геникона – казначейства государственной казны, занимал 33-е место в иерархии византийских должностей и стоял выше трёх других своих коллег – логофета стратиотиков (35), логофета дрома (37) и логофета стад (40) [Oikonomidès, 1972 p. 100–103]. К концу X в. он по-прежнему входил в состав верхушки высших придворных и в иерархии следовал за сакелларием и дворцовыми евнухами (протоспафариями и примикириями) [Oikonomidès, 1972, p. 268, 26925]. Но и в XI столетии логофет геникона по-прежнему занимает высокое место в имперской иерархии [Bury, 1911, p. 86–90; Millet, 1925, p. 563–573; Dölger, 1927, Bd. 9. p. 19–21; Gulliand, 1971, p. 11–24]; в хрисовулах его подпись следует сразу же за сакелларием – главным инспектором департамента государственных финансов [Oikonomides, 1972, p. 312].

В ведомство государственного фиска, возглавляемое главным логофетом, входило более десяти разрядов чиновников, среди которых важную роль играли диойкиты и коммеркиарии [Oikonomides, 1972, p. 313, 314]. Примечательно, что печати именно этих имперских инспекторов – сборщиков налогов и таможенных пошлин достаточно хорошо представлены в Херсоне. В этой группе моливдовулов можно назвать функционеров из самых различных регионов империи, к примеру, коммеркиариев Гелеспонта и южного побережья Понта, известных портов Амиса и Авидоса, диойкитов Халдии, Амастриды и Митилены, генимата Хрисополиса [Соколова, 1991, с.211–212, № 47; Алексеенко, 1997, с. 123–129, № 1–7; 2000, с. 101–102, № 2–4. Рис.2 – 4; 2004, с. 265–267, 270–271. № 1–3, 5. Рис. 1–3, 12; 2013, с. 277, 285, рис. 1; 2018, с.248–257]. Очевидно, уместным будет отметить, что моливдовулы местных коммеркиариев составляют одну из доминирующих групп печатей представителей византийских властей в Херсоне [Alekseyenko, 2012, p. 51–59, 181–211; Алексеенко, 2017, с. 121–138, 358–400].

Таким образом, находки печатей высокопоставленных финансовых чиновников империи и их субординантов из регионов как в самом Херсоне, так и в целом в Таврике, вне всякого сомнения, имеют немаловажное значение в раскрытии взаимоотношений региональных властей с центральной и провинциальными администрациями [подробнее на эту тему см. Алексеенко, 2008, с. 8–15; 2013, с. 275–285; 2015, с. 415–424]. Не вызывает сомнения, что анализ всех возможных сфрагистических данных этой категории государственных служащих позволит существенно расширить список логофетов, в своё время представленный Р. Гийяном [Gulliand, 1971, p.20–24 (43 фигуранта)]. Как отмечалось выше в работах В. Лорана и И. Йорданова, определённые успехи в этом направлении уже наметились. А крымские находки в известной мере их развивают (существенно дополняя список Р. Гийяна) и дают возможность проследить динамику развития взаимоотношений департамента государственного фиска империи с таможней и другими налогово-податными службами таврического региона, по крайней мере с IX по рубеж X/XI – начало XI столетия. Судя по всему, в этот период византийская Таврика находится под весьма пристальным вниманием службы государственных налоговых органов. Как показывают печати, отдельные чиновники проявляли завидную активность на протяжении достаточно длительного времени. Об этом свидетельствуют и целые серии одинаковых моливдовулов (оттиснутых одной парой матриц), и использование некоторыми персонажами нескольких буллотириев для печатей, на которых порой отразились ранговые различия и титулярный рост их владельцев.

Обилие печатей главных логофетов в Крыму вне всякого сомнения свидетельствует о постоянных контактах финансового департамента столицы со своими инспекторами в Таврике. Находки печатей диойкитов и коммеркиариев показывают, что в первую очередь в регионе, безусловно, взимались таможенные пошлины за экспорт и импорт различных товаров, а также, вероятно, традиционные государственные подати, связанные с земельным кадастром.

Не вызывает сомнения, что введение в научный оборот новых экземпляров ещё в большей степени расширит сфрагистическую базу данных, что в свою очередь позволит сделать новые интересные наблюдения и прийти к определённым выводам о развитии финансово-экономических связей региона. Этому будут способствовать всё ещё ожидающие публикации неизданные моливдовулы главных логофетов из собрания музея-заповедника «Херсонес Таврический» и других коллекций.

Как видим, появляются и новые находки. Так что сегодня есть все основания для того, чтобы считать изучение сферы развития межрегиональных контактов на основе данных моливдовулов адресантов как византийского Херсона, так и других таврических центров и даже их округи, достаточно перспективным и многообещающим направлением исследований, способным пролить свет на многие стороны жизни региона и его связей с окружающим миром.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеенко Н. А. Моливдовулы адресантов Херсона // Древности 1996. – Харьков: Бизнесинформ, 1997. С. 122–133.

Алексеенко Н. А. Херсон и города Малой Азии по данным сфрагистики // АДСВ. – Екатеринбург, 2000, Вып. 31. С. 98–104.

Алексеенко Н. А. Печати главных логофетов из херсонского архива // АДСВ. – Екатеринбург, 2003. Вып. 34. С. 174–205.

Алексеенко Н. Чиновники балкано-малоазийского региона на моливдовулах херсонского архива // AMV. – Варна, 2004, Т. 2. С. 265–275.

Алексеенко Н. А. Торговый и военный порт византийского Херсона по данным печатей представителей морского ведомства империи // Сугдейский сборник. – Киев; Судак, 2008. Вып. III. С. 8–15.

Алексеенко Н. А. Ранневизантийская Таврика в ареале интересов имперских таможен (находки моливдовулов коммеркиариев как отражение процесса развития крымских городских центров в «темные века») // БИ. – Керчь, 2013. Вып. XXVIII. С. 275–285.

Алексеенко Н. А. Византийская Таврика в системе имперских финансовых и экономических коммуникаций по данным печатей чиновников фиска и торгово-таможенной службы // ТГЭ. – СПб: ГЭ., 2015. Т. LXIV. С. 415–424.

Алексеенко Н. А. «И страж, и пастырь, и купец…»: византийский Херсон в зеркале данных сфрагистики // ВВ. – М., 2016a. Т. 100. С. 133–149.

Алексеенко Н. А. Новые сфрагистические находки в окрестностях византийского Херсона (к вопросу об адресатах корреспонденции) // Вестник ВолГУ. (Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения). – Волгоград, 2016b. Том. 21. № 5. С. 6–18.

Алексеенко Н. А. Византийский Херсон VI–XIII столетий в памятниках сфрагистики. 1. Чиновники Херсона VIII–XI вв. – Севастополь: Колорит, 2017a. 476 с.

Алексеенко Н. А. Новые буллы чиновников Херсона: дополнения к каталогу // IX Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: ИМПЕРИЯ И ПО-

ЛИС» (Севастополь, 29 мая – 3 июня 2017 г.). Материалы научной конференции. – Симферополь, 2017b. С. 20–28.

Алексеенко Н. А. Логофеты из византийского Херсона: взаимоотношения центра и провинции // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXIX Международной научной конференции (Москва, 13–15 апреля 2017 г.). – М., 2017c. С. 59–61.

Алексеенко Н. А. Моливдовул коммеркиария Амиса из византийского Херсона // БИ. – Керчь, 2018, Вып. XXXVI. С. 248–257.

Алексеенко Н. А. Перспективы исследований византийских печатей в Крыму // БИ. – Керчь, 2020a, Вып. XL. С. 158–170.

Алексеенко Н. А. Несколько новых крымских сфрагистических находок // XII Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: ИМПЕРИЯ И ПОЛИС» (Севастополь, 25 – 29 мая 2020 г.). Материалы научной конференции / отв. ред. Н. А. Алексеенко. – Симферополь, 2020b. С. 31–36.

Алексеенко Н. А. Ксилиниты на службе императоров Византии: печать протоспафария и ἐπὶ τοῦ κοιτῶνος Никиты Ксилинита из византийской Таврики // Вестник ВолГУ. (Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения). – Волгоград, 2021. Т. 26. № 6. С. 99–108.

Булгакова В. И. Сигиллографический комплекс порта Сугдеи (материалы подводных исследований 2004–2005 гг.) // Сугдейский сборник. – Киев; Судак, 2008. Вып. III. С. 296–330.

Виноградов А. Ю., Чхаидзе В. Н. Печать Константина Авлина (30-е гг. XIII в.) // XIII Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: ИМПЕРИЯ И ПОЛИС» (Севастополь, 29 мая – 3 июня 2021 г.). Материалы научной конференции / отв. ред. Н. А. Алексеенко. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2021. С. 77–82.

Вишнякова А. Ф. Свинцовые печати византийского Херсонеса // ВДИ. – М., 1939. № 1(6). С. 121–133.

Герцен А. Г. Алексеенко Н. А. Византийские моливдовулы из раскопок Мангуп-Кале // АДСВ. – Екатеринбург, 2002. Вып. 33. С. 59–65.

Евдокимова А. А. Системы акцентуации в легендах византийских моливдовулов XI–XII вв. из коллекции Dumbarton Oaks // XIII Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: ИМПЕРИЯ И ПОЛИС» (Севастополь, 29 мая – 3 июня 2021 г.). Материалы научной конференции / отв. ред. Н. А. Алексеенко. – Симферополь, 2021. С. 111–126.

Иванов С. В., Зеленко С. М., Горбунов П. А., Царенко С. А. Подводные археологические разведки в акватории Судакской бухты в 2019 г. // ИАКр. – Симферополь, 2020. С. 183–186.

Смычков К.Д. Новые находки печатей военно-административных округов из Херсонеса // Проблемы истории и археологии Украины. Тезисы докладов научной конференции. – Харьков, 1999. С. 75–76.

Смычков К. Д. Новые находки моливдовулов главных логофетов X в. в Херсонесе // Нумізматика і фалеристика. –Київ, 2000. № 2(14) С. 28–30.

Смычков К. Д. Несколько моливдовулов с территории Древней Руси и Херсонеса (по материалам частного собрания) // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. Сборник научных трудов. – Севастополь, 2013. Вып. 01: Империя и полис. С. 331–348.

Соколова И. В. Византийские печати VI – первой половины IX в. из Херсона // ВВ. – М., 1991. Т. 52. С. 201–213.

Соколова И. В. Византийские печати из Херсонеса // АДСВ. – Барнаул: День, 1992. Вып. 26. Византия и средневековый Крым. С. 191–213.

Степанова Е. В. Судакский архив печатей: предварительные выводы // АДСВ. – Екатеринбург, 2001. Вып. 32. С. 97–108.

Чхаидзе В. Н. Византийские печати из Тамани. – М., 2015.

Чхаидзе В. Н., Гукин В. Д. Новые византийские печати из средневековой Сугдеи // АДСВ. – Екатеринбург, 2019. Т. 47. С. 110–120.

Чхаидзе В. Н., Виноградов А. Ю. Моливдовул Никифора Ватаца (60-е гг. XI в.) с Южного берега Крыма // Нумизматические чтения ГИМ 2021 года. Памяти Н. К. Мельник. Материалы докладов и сообщений. – М., 2021. С. 48–52.

Шандровская В. С. Таможенная служба в Сугдее VII–X вв. // АДСВ. – Симферополь: Таврия, 1995. Вып. 27: Византия и средневековый Крым. С. 119–123.

Alekséenko N. Les relations entre Cherson et l'Empire, d'après le témoignage des sceaux des archives de Cherson // SBS. – München; Leipzig, 2003. Bd. 8. S. 75–83.

Alekseienko N. Correspondents of Byzantine Cherson: new sigillographic evidence // TAKTIKON. Studies on the Prosopography and Administration of the Byzantine themata / O. Karageorgiou, P. Charalampakis, Chr. Malatras (eds.). Athens: ΑΚΑΔΗΜΙΑ ΑΘΗΝΩΝ, Research Centre for Byzantine and Post-byzantine Art, 2021, pp. 605–611.

Alekseyenko N. L'administration Byzantine de Cherson / Catalogue des sceaux. – Paris, 2012.

Alexeenko N., Romančuk A., Sokolova I. Die neuen Funde an Bleisiegeln aus Cherson // SBS. – Washington, 1995. Vol. 4. P. 139–151.

Bury J. B. The Imperial Administrative System in the Night Century. – London, 1911.

Constantini Porphirogeniti. De Ceremoniis aulae byzantinae / ed. I. I. Reiske – Cambridge, 1910. Vol. 1.

Diehl Ch. Etudes Byzantines. – Paris, 1905.

Dölger F. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung, besonders des 10. und 11. Jachrhunderts // Byzantinisches Archiv. – Leipzig; Berlin, 1927, Bd. 9.

Jordanov I. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. Sofia, 2009. Vol. 3. Part 1–2.

Gulliand R. Les Logothètes // REB. – Paris, 1971. Vol. XXIX. P. 1–115.

Laurent V. Le Corpus des Sceaux de l'empire byzantin II : L'administration. – Paris, 1981.

Millet G. L'origine du logothète général // Mélanges d'Histoire du Moyen Âge offerts à M. Ferdinand Lot. – Paris, 1925, p. 563–573.

Oikonomidès N. Les listes préséance Byzantines des IXe et Xe siècles. – Paris. 1972, p. 313.

Sokolova I. V. Les sceaux Byzantins de Cherson // SBS. – Washington, 1993. Vol. 3. P. 99–111.

Stepanova E. New Seals from Sudak // SBS. – Washington, 1999. Vol. 6. P. 47–58.

Stepanova E. New Seals from Sudak // SBS. – Washington, 2003. Vol. 8. P. 123–130.

Šandrovskaja V. Die Funde der byzantinischen Bleisiegel in Sudak // SBS. – Washington, 1993. Vol. 3. P. 85–98.

REFERENCES

Alekseienko N. A. Molivdovuly adresantov Chersona. *Drevnosti 1996*, Khar'kov: Biznes Inform Publ., 1997, pp. 122–133.

Alekseienko N. A. Cherson i goroda Maloy Azii po dannym sfragistiki. *Antichnaya Drevnost i Srednie Veka*, Ekaterinburg, 2000, iss. 31, pp. 98–104.

Alekseienko N. A. Pechati glavnykh logofetov iz chersonskogo arkhiva. *Antichnaya Drevnost i Srednie Veka,* Ekaterinburg, 2003, iss. 34, pp. 174–205.

Alekseienko N. Chinovniki balkano-maloaziyskogo regiona na molivdovulakh chersonskogo arkhiva. *Acta Musei Varnaensis*, Varna, 2004, iss. 2, pp. 265–275.

Alekseenko N. A. Torgovyj i voennyj port vizantiyskogo Chersona po dannym pechatey predstaviteley morskogo vedomstva imperii. *Sugdeyskiy sbornik*. Kiev; Sudak, 2008. iss. III, pp. 8–15.

Alekseienko N. A. Rannevizantiyskaya Tavrika v areale interesov imperskikh tamozhen (nahodki molivdovulov kommerkiariev kak otrazhenie protzessa razvitiya krymskikh gorodskikh centrov v «temnye veka»). *Bosporskie issledovaniya*. Kerch', 2013, vol. XXVIII, pp. 275–285.

Alekseienko N. A. Vizantijskaja Tavrika v sisteme imperskih finansovych i ekonomicheskich kommunikacij po dannym pechatej chinovnikov fiska i torgovo-tamozhennoj sluzhby. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha.* St Petersburg: GE Publ., 2015, vol. LXIV, pp. 415–424.

Alekseienko N. A. «I strazh, i pastyr', i kupec…»: vizantiyskiy Cherson v zerkale dannykh sfragistiki. *Vizantiyskiy vremennik*, Moscow, 2016a, vol. 100, pp. 133–149.

Alekseienko N. A. Novye sfragisticheskie nahodki v okrestnostyakh vizantiyskogo Chersona (k voprosu ob adresatakh korrespondencii). *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta* (Serija 4: Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija), Volgograd, 2016b, vol. 21, № 5, pp. 6–18.

Alekseienko N. A. *Vizantiyskiy Cherson VI–XIII stoletiy v pamyatnikakh sfragistiki. 1. Chinovniki Chersona VIII–XI vv.* Sevastopol': Kolorit Publ., 2017a. 476 p.

Alekseienko N. A. Novye bullly chinovnikov Chersona: dopolnenija k katalogu. *IX Mezhdunarodnyiy Vizantiyskiy Seminar «ΧΕΡCONOC ΘΕΜΑΤΑ: IMPERIA I POLIS» (Sevastopol', 29.05 – 3.06 2017 g.).* Materialy nauchnoy konferencii. Simferopol', 2017b, pp. 20–28.

Alekseienko N. A. Logofety iz vizantiyskogo Chersona: vzaimootnosheniya centra i provincii. *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny v sovremennom nauchnom znanii.* Materialy XXIX Mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii (Moskva, 13–15.04 2017 g.). Moscow, 2017c. S. 59–61.

Alekseienko N. A. Molivdovul kommerkiariya Amisa iz vizantiyskogo Chersona. *Bosporskie issledovaniya,* Kerch', 2018, vol. XXXVI, pp. 248–257.

Alekseienko N. A. Perspektivy issledovaniy vizantiyskikh pechatey v Krymu. *Bosporskie issledovaniya,* Kerch', 2020a, vol. XL, pp. 158–170.

Alekseienko N. A. Neskol'ko novykh krymskikh sfragisticheskikh nahodok. *XII Mezhdunarodnyiy Vizantiyskiy Seminar «ΧΕΡCONOC ΘΕΜΑΤΑ: IMPERIA I POLIS» (Sevastopol', 25–29.05 2020 g.).* Materialy nauchnoy konferencii / otv. red. N. A. Alekseienko. – Simferopol': Kolorit Publ., 2020b, pp. 31–36.

Alekseienko N. A. Ksilinity na sluzhbe imperatorov Vizantii: pechat' protospafarija i epi tou koitonos Nikity Ksilinita iz vizantiyskoy Tavriki. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta* (Serija 4: Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija). Volgograd, 2021, vol. 26. N 6. pp. 99–108.

Bulgakova V. I. Sigillograficheskiy kompleks porta Sugdei (materialy podvodnykh issledovaniy 2004–2005 gg.). *Sugdeyskiy sbornik.* Kiev; Sudak, 2008, iss. III, pp. 296–330.

Vinogradov A. Ju., Chhaidze V. N. Pechat' Konstantina Avlina (30-e gg. XIII v.). *XIII Mezhdunarodnyj Vizantijskij seminar «ΧΕΡCONOC ΘΕΜΑΤΑ: IMPERIA I POLIS» (Sevastopol', 29.05–3.06 2021 g.)* Materialy nauchnoy konferencii / otv. red. N. A. Alekseenko. Simferopol': Arial Publ., 2021, pp. 77–82.

Vishnyakova A. F. Svincovye pechati vizantiyskogo Chersonesa. *Vestnik Drevney Istorii*, Moscow, 1939, vol. 1(6), pp. 121–133.

Gertsen A. G. Alekseienko N. A. Vizantiyskie molivdovuly iz raskopok Mangup-Kale. *Antichnaya Drevnost i Srednie Veka,* Ekaterinburg, 2002. iss. 33, pp. 59–65.

Evdokimova A. A. Sistemy akcentuacii v legendakh vizantiyskikh molivdovulov XI–XII vv. iz kollekcii Dumbarton Oaks. *XIII Mezhdunarodnyiy Vizantiyskiy Seminar «ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: IMPERIA I POLIS» (Sevastopol', 29.05 – 3.06 2021 g.).* Materialy nauchnoy konferencii / otv. red. N. A. Alekseienko. Simferopol', 2021, pp. 111–126.

Ivanov S. V., Zelenko S. M., Gorbunov P. A., Tsarenko S. A. Podvodnye arheologicheskie razvedki v akvatorii Sudakskoy bukhty v 2019 g. *Istoriya I Arkheologiya Kryma*, Simferopol', 2020, pp. 183–186.

Smychkov K. D. Novye nakhodki pechatey voenno-administrativnykh okrugov iz Chersonesa. Problemy istorii i arkheologii Ukrainy. Tezisy dokladov nauchnoy konferencii. Khar'kov, 1999, pp. 75–76.

Smychkov K. D. Novye nahodki molivdovulov glavnykh logofetov X v. v Chersonese. *Numizmatika i faleristika.* Kyïv, 2000, N 2(14), pp. 28–30.

Smychkov K. D. Neskol'ko molivdovulov s territorii Drevney Rusi i Chersonesa (po materialam chastnogo sobraniya). *ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ.* Sbornik nauchnyh trudov. Sevastopol', 2013, iss. 01 (Imperiya i polis), pp. 331–348.

Sokolova I. V. Vizantiyskie pechati VI – pervoy poloviny IX v. iz Chersona. *Vizantiyskiy vremennik*, Moscow, 1991, vol. 52, pp. 201–213.

Sokolova I. V. Vizantiyskie pechati iz Chersonesa. *Antichnaya Drevnost i Srednie Veka*, Barnaul: Den' Publ., 1992, iss. 26 (Vizantija i srednevekovyj Krym), pp. 191–213.

Stepanova E. V. Sudakskiy arkhiv pechatey: predvaritel'nye vyvody. *Antichnaya Drevnost i Srednie Veka*, Ekaterinburg, 2001, iss. 32, pp. 97–108.

Chhaidze V. N. *Vizantijskie pechati iz Tamani.* Moscow, 2015.

Chhaidze V. N., Gukin V. D. Novye vizantiyskie pechati iz srednevekovoy Sugdei. *Antichnaya Drevnost i Srednie Veka*, Ekaterinburg, 2019, iss. 47, pp. 110–120.

Chhaidze V. N., Vinogradov A. Ju. Molivdovul Nikifora Vataca (60-e gg. XI v.) s Juzhnogo berega Kryma. *Numizmaticheskie chtenija GIM 2021 goda.* Pamyati N. K. Mel'nik. Materialy dokladov i soobshheniy. Moscow, 2021, pp. 48–52

Shandrovskaja V. S. Tamozhennaya sluzhba v Cugdee VII–X vv. *Antichnaya Drevnost i Srednie Veka*, Simferopol': Tavriya Publ., 1995, iss. 27 (Vizantija i srednevekovyiy Krym), pp. 119–123.

Alekséenko N. Les relations entre Cherson et l'Empire, d'après le témoignage des sceaux des archives de Cherson. *Studies in Byzantine Sigillography,* München; Leipzig, 2003, vol. 8, pp.75–83.

Alekseienko N. Correspondents of Byzantine Cherson: new sigillographic evidence. T*AKTIKON. Studies on the Prosopography and Administration of the Byzantine themata /* O. Karageorgiou, P. Charalampakis, Chr. Malatras (eds.). Athens: ΑΚΑΔΗΜΙΑ ΑΘΗΝΩΝ, Research Centre for Byzantine and Post-byzantine Art, 2021, pp. 605–611.

Alekseyenko N. *L'administration Byzantine de Cherson / Catalogue des sceaux.* Paris, 2012.

Alexeenko N., Romančuk A., Sokolova I. Die neuen Funde an Bleisiegeln aus Cherson. *Studies in Byzantine Sigillography,* Washington, 1995, vol. 4, pp. 139–151.

Bury J. B. *The Imperial Administrative System in the Night Century.* London, 1911.

Constantini Porphirogeniti. *De Ceremoniis aulae byzantinae* / ed. I. I. Reiske. Cambridge, 1910. Vol. 1.

Diehl Ch. Etudes Byzantines. Paris, 1905.

Dölger F. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung, besonders des 10. und 11. Jachrhunderts. *Byzantinisches Archiv.* Leipzig; Berlin, 1927, Bd. 9.

Jordanov I. *Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria.* Sofia, 2009. Vol. 3. Part 1–2.

Gulliand R. Les Logothètes. *Revue des Études Byzantines,* Paris, 1971, vol. XXIX, pp. 1–115.

Laurent V. *Le Corpus des Sceaux de l'empire byzantin.* Paris, 1981. Vol. II : L'administration.

Millet G. L'origine du logothète général. *Mélanges d'Histoire du Moyen Âge offerts à M. Ferdinand Lot.* Paris, 1925, p. 563–573.

Oikonomidès N. *Les listes préséance Byzantines des IXe et Xe siècles.* Paris. 1972.

Sokolova I. V. Les sceaux Byzantins de Cherson. *Studies in Byzantine Sigillography.* Washington, 1993, vol. 3, pp. 99–111.

Stepanova E. New Seals from Sudak. *Studies in Byzantine Sigillography.* Washington, 1999, Vol.6. P. 47–58.

Stepanova E. New Seals from Sudak. *Studies in Byzantine Sigillography.* Washington, 2003. vol.8, pp. 123–130.

Šandrovskaja V. Die Funde der byzantinischen Bleisiegel in Sudak. *Studies in Byzantine Sigillography.* Washington, 1993, vol. 3, pp. 85–98.

Резюме

Анализ данных о собственниках булл корреспондентов региона позволяет во многом расширить наши представления о связях Таврики с окружающим миром: центральными светскими или церковными ведомствами, разнообразными провинциальными службами или представителями имперской аристократии. Особый интерес здесь приобретают моливдовулы, отражающие категорию адресантов, связанных с центральной администрацией. Введение в научный оборот новых моливдовулов, представляющих высокопоставленных финансовых чиновников центральной администрации Византии из департамента государственного фиска – главных логофетов: императорского протоспафария Епифания (первая половина IXв.), императорского протоспафария Феодора (конец IX в.), примикирия и императорского протоспафария Льва (конец IX в.) и императорского протоспафария ἐπὶ τοῦ Χρυσοτρικλίνου Григория (начало X в.), лишний раз подтверждает факт существования тесных контактов финансового департамента столицы со своими инспекторами в Таврике в период образования и становления здесь фемы.

Ключевые слова: история Византии, византийская Таврика, Херсон, центральная администрация, главные логофеты, сфрагистика, печати, моливдовулы.

Summary

The analysis of the data on the owners of the seals of the regional correspondents largely extends our notion of Taurica's connections to the outside world: central secular or church administrations, various provincial services, and representatives of the imperial aristocracy. In this regard, especially interesting are the molybdoboulla reflecting the category of addressees connected with the central administration. The introduction of new lead seals of high-rank financial officials of the Byzantine central administration from the state fiscal department, genikos logothetai Epiphanios, imperial protospatharios (ninth century), Theodore, imperial protospatharios (late ninth century), Leo,

primikerios and imperial protospatharios (late ninth century), and Gregory, imperial protospatharios ἐπὶ τοῦ Χρυσοτρικλίνου (early tenth century) supplies another confirmation to the close contacts between the capital's financial administration and its inspectors in Taurica in the period when the theme was established and developed in the region in question.

Key words: Byzantine history, Byzantine Taurica, Cherson, central administrations, genikos logothetes, sigillography, seals, molybdoboulla.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Николай Александрович Алексеенко, к.и.н.,
Dr. Etudes médiévales (Paris IV-Sorbonne),
ведуший научный сотрудник,
Институт археологии Крыма РАН,
просп. Академика В.И. Вернадского, 2,
295007, г. Симферополь, Российская Федерация,
AlekseyenkoNikolaj@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Nikolay A. Alekseienko, Dr.
Etudes médiévales (Paris IV-Sorbonne),
Leading Researcher,
Institute of Archaeology of the Crimea
of the Russian Academy of Science
2, avenu Vernadsky,
295007, Simferopol, Russian Federation,
AlekseyenkoNikolaj@gmail.com

Рис. 1. Печать Дорофея, патрикия и императорского логофета (вторая половина VII в.); Мангуп, 2000 г.

Рис. 2. Печать Феодора, императорского протоспафария и главного логофета (конец IX в.); раскопки Р. Х. Лепера в Херсонесе, 1914 г.

Рис. 3. Печать Льва, примикирия и императорского протоспафария и главного логофета (конец IX в.); раскопки С. Г. Рыжова в Херсонесе, 1989 г.

Рис. 4. Печать Григория, императорского протоспафария ἐπὶ τοῦ Χρυσοτρικλίνου и главного логофета (начало X в.); разведки С. В. Иванова в Судакской гавани, 2019 г.

Рис. 5. Печать Епифания, императорского протоспафария и главного логофета (первая половина IX в.); разведки С. Г. Рыжова в южном пригороде Херсонеса, 2020 г.

ПУБЛИКАЦИИ

С.В. КАШАЕВ, Н.И. СУДАРЕВ
S.V. KASHAEV, N.I. SUDAREV

МАТЕРИАЛЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ПОСЕЛЕНИИ АРТЮЩЕНКО-2[1]
MATERIALS OF THE BRONZE AGE AT THE SETTLEMENT ARTYUSCHENKO-2

С 2000 г. Таманский отряд Боспорской экспедиции ИИМК РАН проводит плановые археологические работы на поселении и некрополе Артющенко-2. Памятники расположены в южной части Таманского полуострова на обрывистом берегу Черного моря, в 17 км к юго-востоку от станицы Тамань и в 4-х км к юго-востоку от поселка Артющенко. Напомним, что поселение Артющенко-2 выявлено в ходе разведок, проводившихся в 1997 – 1999 гг. под руководством Е.Я. Рогова, а с 2000 г. памятник исследуется С.В. Кашаевым.

Поселение расположено примерно в 3 км к ЮВ от п. Артющенко (рис.1), на высоком обрывистом берегу Черного моря, и интенсивно разрушается в результате абразии. Вследствие этого ежегодно значительные участки культурного слоя откалываются от коренного берега, сползают по склону и размываются морем. В плане поселение имеет подтреугольную форму, длинной стороной примыкает к обрыву берега Черного моря (рис.2). Размеры памятника примерно 1000 х 450 м, площадь около 22 га. Мощность культурного слоя на некоторых участках превышает 1,5 м [Виноградов, Кашаев, 2016, с.97]. Территория памятника много лет распахивалась в сельскохозяйственных целях, глубина распашки 30 – 50 см.

По данным Я.М. Паромова, на территории поселения расположены четыре кургана эпохи бронзы. Приведем их краткое описание:

Курган Артющенко-39. Расположен в 2,22 км к ЮВ от окраины одноименного хутора, 0,17 км к С от берега Черного моря (от обрыва), 0,14 км к С от грунтовой дороги, на пологой гряде в восточной части поселения Артющенко-2. Обследован в 1910-е годы В.В. Соколовым. Высота курганной насыпи 0,6 – 0,9м,

[1] Кашаев С. В. – Исследование проведено в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук по теме государственной работы: FMZF-2022-0013 «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным».

Сударев Н. И – Исследование проведено в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук по теме государственной работы: № НИОКТР 122011200269-4. «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций».

диаметр 50 – 60 м. Сглажен многолетней распашкой. В районе кургана в подъемном материале встречен обломок керамики майкопской культуры.

Курган Артющенко-40. Расположен в 2,29 км к ЮВ от юго-восточной окраины одноименного хутора, 0,36 км к С от берега Черного моря (от обрыва), 0,3 км к С от грунтовой дороги, 0,24 км к ВСВ от кургана № 39, 0,07 км к ССЗ от кургана № 41 на пологой гряде у северо-восточной границы поселения Артющенко-2. Выявлен впервые в 1998 г. Высота курганной насыпи 0,5 – 0,7 м, диаметр около 45 м. Сглажен многолетней распашкой.

Курган Артющенко-41. Расположен в 2,35 км к ЮВ от юго-восточной окраины одноименного хутора, 0,29 км к С от берега Черного моря (от обрыва), 0,26 км к С от грунтовой дороги, 0,4 км к ЮЗ от грейдерной дороги и ореховой лесополосы, 0,25 км к В от кургана 39, на пологой гряде, у восточной границы поселения Артющенко-2. Обследован В.В. Соколовым в 1910-е годы [Соколов, 1919, с.55, №99]. Высота курганной насыпи 1,2 м, диаметр 50 – 55 м. Сглажен многолетней распашкой.

Курган Артющенко-42. Расположен в 2,42 км к ЮВ от юго-восточной окраины одноименного хутора, 0,28 км к С от берега Черного моря, 0,25 км к С от грунтовой дороги, 0,38 к ЮЗ от грейдерной дороги и ореховой лесополосы, 0,07 км к В от кургана 41, на пологой гряде у восточной границы поселения Артющенко-2. Высота курганной насыпи 0,4-0,6 м, диаметр около 40 м. Сглажен многолетней распашкой.

В 1998 г. были начаты первые спасательные раскопки поселения Артющенко-2. За 1998 – 2002 гг. на памятнике вскрыта площадь более 600 кв. м. Исследованы участки поселения, расположенные вдоль берегового обрыва. Там обнаружены хозяйственные ямы с материалом V – III вв. до н.э. [Рогов, 2000, с.210; Рогов, 2001, с.164]. К 2020 г. исследовано примерно 1200 кв.м площади памятника, общее количество открытых хозяйственных ям достигло 50. Большинство обнаруженных на поселении хозяйственных комплексов (ям) можно датировать началом V – IV вв. до н.э. Самая поздняя из раскопанных ям относится примерно к середине III в. до н.э. Комплексов римского времени при раскопках не обнаружено. Коллекции хранятся в Таманском музейном комплексе (ст. Тамань).

Некрополь расположен к востоку от поселения, он был обнаружен после значительного обвала берега, который произошел зимой-весной 2002 г. С 2003 г. Таманский отряд приступил к спасательным раскопкам этого активно разрушающегося некрополя [Кашаев, 2009, с.188–267; Кашаев, 2019, с. 230]. Летом 2009 г. на некрополе Артющенко-2 впервые были зафиксированы следы масштабных грабительских работ, проведенных в период с декабря 2008 по май 2009 г. Следы мелкого грабежа фиксировались на некрополе и ранее, но никогда разрушения и ущерб не имели столь значительного характера.

Для того чтобы оценить ущерб, нанесенный памятнику грабителями, и составить оптимальный план дальнейших исследований перед началом раскопок, был проведен тщательный осмотр некрополя, фиксация его общего

состояния и всех грабительских шурфов, заметных на поверхности.

Для каждого грабительского шурфа была взята отметка координат JPS, проведена фотофиксация общего вида и находок с поверхности (если они были). Все шурфы были засыпаны грабителями и иногда замаскированы травой. Определить размеры шурфов без раскопок сложно, поэтому фиксировались примерные размеры пятна распространения отвала, заметного на поверхности. Там, где на поверхности были обнаружены фрагменты костей или керамики, можно говорить, что грабительский шурф попал на погребение. Все обнаруженные шурфы нанесены на план некрополя с привязкой к раскопу «Н» и сетке квадратов. Всего в 2009 г. было зафиксировано 42 грабительских шурфа, к 2020 г. их количество выросло до 69.

Среди всех выявленных и зафиксированных грабительских шурфов шурф №41 (далее ГШ-41) сразу привлек к себе особое внимание (рис.2). Во-первых, это был самый западный шурф. По нашим представлениям, он расположен за пределами некрополя, но, возможно, попадает на территорию поселения. Во-вторых, в отвале шурфа была найдена необычная керамика, по виду отличная от античной, и кости животных. Возникло предположение, что ГШ-41 уничтожен некий археологический комплекс, аналогии которому неизвестны на данном памятнике. Для его исследования на месте грабительского перекопа заложен разведочный шурф. Его размеры и ориентация определены формой и расположением этого перекопа. Размер разведочного шурфа 1,0 х 2,0 м.

В процессе исследования разведочным шурфом была вскрыта бесформенная грабительская яма, в заполнении которой в переотложенном после грабителей состоянии были обнаружены:

-каменные орудия (терочники и грузила) (рис.3.1-5, 5.8)

-крупный фрагмент лепного горшка, дающий полный профиль сосуда (рис.3.6, 6.7)

-фрагменты орнаментированных венчиков и стенок лепных горшков (рис.4.1-6, 5.1-7)

-фрагменты донышек лепных горшков (рис.4.7-12, 6.1-6)

-фрагменты костей животных.

По заключению А.К. Каспарова[2], среди костей имеется: от коровы – обломок ребра, обломок нижней части плеча, обломок таза и обломок таранной кости. Кроме того, один обломок раковины устрицы. Неопределимых обломков от крупных животных – 29, от мелких – 3 и совсем неясных мелких фрагментов – 15. Среди неопределимых обломков обнаружены и останки, очевидно, некрупных животных. По всей вероятности, мелкого рогатого скота. Рассмотрим подробнее эти находки и возможный контекст их обнаружения на площади сельского поселения античного времени Артющенко-2.

Скорее всего, грабители в поисках погребений вышли за границу некрополя и обнаружили некую «аномалию». Раскопав ее, они не нашли для себя ничего интересного, для нас же, наоборот, данный материал представляет большой

[2] Выражаем признательность А.К. Каспарову (ИИМК РАН) за обработку данного материала.

интерес. Предположительно этот комплекс оказался хозяйственной ямой или скоплением керамики эпохи бронзы.

До недавнего времени памятники эпохи поздней бронзы – раннего железного века на Таманском полуострове были практически не изучены. Публиковались отдельные находки, погребения, материалы кладов и т.д. [Сударев, 2020, с. 68], однако обобщающих работ было крайне мало. Отмечались различные волны миграций как по линии «юг – север», так и «запад – восток», однако во всех «названных системах пространственных связей бронзового века» Таманский п-ов представлялся периферийной территорией, своего рода приморским тупиком. Исследование Тамани для специалистов по эпохе палеометалла, в отличие от ученых антиковедов, никогда не было приоритетной задачей [Кияшко, 2019, с. 54]. Более того, вплоть до последнего времени большинством авторов считалось, что в период поздней бронзы – раннего железного века территория Тамани была практически незаселенной и по ней свободно перемещались редкие группы номадов, да и их ко времени появления на этой территории греков практически не было [Завойкин, 2011, с. 259 – 264; 2013, с.164 – 197; Виноградов, Марченко, 1991, с.145 – 155; Ванчугов, 1994, с. 162 – 165; Полидович, 1992, с.189 – 191]. Авторы включали ее в ареал распространения тех или иных культур (или оставляли ее «белым пятном»), отмечая полное или почти полное отсутствие памятников этого времени на данной территории [Дубовская, 1997, с.181 – 218; Новичихин, 2006, с. 12, 39; Сорокина, 1989, с. 279 – 287; Черниенко, 2014, с.17. Рис.1; Эрлих, 2002а, с. 28; 2002б, с. 46; 2007. с. 73 – 74, 138. Рис. 4, 13; Dubovskaja, 1997, p. 277 – 328; Reinhold, 2013, p. 63 – 82].

Наиболее развернутый свод памятников эпохи бронзы Таманского полуострова, исследованных до 2005 года, опубликован Я.М. Паромовым совместно с А.Н. Геем в 2005 году. В эту сводку попало 55 памятников эпохи камня-бронзы [Паромов, Гей, 2005, с. 320 – 339]. Была предложена наиболее точная и структурированная на тот момент культурная и хронологическая атрибуция погребений и поселений. К периоду позднего бронзового века они относят только 14 пунктов, включая клады бронзовых предметов. Одним из интересных наблюдений, сделанных авторами, является то, что они отмечают связь древних поселений с древними дорогами и совпадение расположения ряда античных поселений и памятников более раннего времени [Паромов, Гей, 2005, с. 334 – 335].

С 2006 года на территории Таманского полуострова и прилегающих районов были проведены широкомасштабные работы, одной из целей которых было выявление памятников времени, предшествующего греческой колонизации региона [Сударев, 2020, с. 70 – 71]. Особенно активно они развернулись в связи с масштабными работами, связанными со строительством моста через Керченский пролив, а также связанных с ним подъездных путей, газопроводов и линий электропередач и т.д., продолжившимся строительством порта Тамань и коммуникаций. В результате за последние несколько лет было выявлено и исследовано более десятка поселений эпохи поздней бронзы – раннего железного века, а также ряд могильников, курганов и отдельных

погребений. Речь идет о более чем десятке поселений (Старотитаровское-19 и 20, Юбилейный-XIV, Балка Хреева-II и III, Волна-I, Тузла-VII, Тамань-XIV, Чиркова-I, Белое-Восточное, Белое-Юго-Восточное, нижние слои античного Патрея, поселение под Западным некрополем Гермонассы и поселение у х. Ильич и т.д.), в том числе и очень крупных (свыше 40 га) – Балка Лисовицкого-IV и Панагия-I – с наличием жилых, хозяйственных и производственных сооружений. Найдены также грунтовые могильники периода поздней бронзы (Юбилейный-IV) и отдельные погребения на поселениях (Тузла-VII, Виноградный-7, у х. Ильич, Волна-1, Панагия-1, зап.некрополь Гермонассы и др.); [подробнее об этом, с библиографией см.: Сударев, 2020, с. 68 – 79].

Благодаря этому, а также близким аналогиям с материалами памятников бронзового века Крыма и Северного Причерноморья стала возможна предварительная культурно-хронологическая оценка материалов памятников этого времени Таманского полуострова. Подобная работа была проведена на основе материалов многослойного поселения Балка Лисовицкого-V [Кияшко, Сударев, 2018, с. 212 – 218; в более развернутом виде: Кияшко, 2020, с.217 – 221].

Все это поставило перед исследователями новые задачи – введение в оборот и осмысление нового материала. В связи с этим открытие каждого нового памятника и введение в оборот нового материала являются чрезвычайно важной задачей, которая позволяет не только дать культурно-историческую атрибуцию, но и понять место того или иного памятника в системе расселения древнего населения в периоды, предшествующие греческой колонизации.

Материал, представленный на поселении Артющенко-2, относится, к раннесабатиновскому этапу [Кияшко, Сударев, 2018, с. 212 – 218, рис. 1, II, 4-5,7-8; Кияшко, 2020, с. 217 – 218]. Это сосуды плавных очертаний с налепными валиками, имеющими пальцевые вдавления (рис. 4.2,5,6; 5.2,5,6,7). Они расположены по краю венчика либо в тех или иных сочетаниях на всех частях тулова: на венчике, горловине, плечике, максимальном диаметре и у дна [Кияшко, 2020, с. 217]. Эти керамические традиции генетически связаны с предшествующей эпохой – памятниками бабинской и каменской культур [Березанская и др., 1986, с. 115]. Однако подобные валики с налепами встречаются в поселенческих материалах и более позднего времени, в частности они есть на поселении Панагия-1, на котором представлены материалы, имеющие сходство с материалами памятников сабатиново-белозерского круга. Подобные сосуды широко представлены на поселениях Балка Лисовицкого-IV, Балка Хрееева-2,3, Таманский-4 – 7, Тузла-7 (у м. Тузла), Ильич-1, а также на поселении Луговое Северо-Западное в Крыму и Гастагай-Зозулино в Анапском районе [Кияшко 2020. С. 219 – 220; Горошников, Горошникова, 2020, с. 110 – 112, рис.1,2; Клемешова, 2018, с. 209, рис. 1,5]. Также такие сосуды широко представлены на поселениях Северо-Западного Причерноморья, в Пруто-Днестровском междуречье и Карпато-Дунайском регионе, то есть на территории распространения культур круга Сабатиновка-Ноуа-Кослоджень [Sava, 2014. p. 583 – 585, fig. 54, 56, 69 и др;

Гершкович, 1997, с. 126, рис. 1б; Гершкович, 2016, с. 105, рис. 17, в/22, рис. В23]. Распространены в этих регионах и сосуды с неорнаментированными валиками и рельефом на горле (рис. 4.4; 5.4) [Sava, 2014, p. 583 – 585, fig. 96, 131, 150; Гершкович, 1997, с. 126, рис. 1з, с. 130, рис. 3,5, рис.7,2 Гершкович, 2016, с. 105, рис. 17, в/20, рис. В22,6; Шарафутдинова, 1982, рис. 29].

Также в комплексе встречены фрагменты кубков и столовой посуды, аналогии которой нам известны в памятниках эпохи поздней бронзы Тамани (рис. 4.3; 5.3) [Горошников, Горошникова, 2020, с. 110 – 112, рис. 1,1; Кияшко, Горошников, 2020, с. 45, рис.2,6,8,10], Крыма [Колотухин, 2003, с. 126, рис. 59,6,12] и переходного периода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку Северо-Западного Причерноморья [Гершкович, 2016, рис. В22,7].

Значительно реже встречаются горшки с орнаментом в виде полос, прочерченных пальцами на плечах и горле сосудов (рис. 3.6; 6.6), однако сосуды подобной формы также известны в материалах памятников эпохи позднего бронзового – раннего железного века [Клемешова и др., 2021, рис.5,13; Гершкович, 2016, рис. В49,2, В51,5, В77,12; Шарафутдинова, 1982, рис. 29, 12; 37,9; Шаров, Клемешова, 2019, с. 344 – 362].

Каменное грузило имеет стандартную форму и встречается в широком территориальном и хронологическом диапазоне, однако отметим, что подобные предметы встречены также и в материалах памятников Таманского полуострова, например, на поселении Панагия-1 [Горошников, Горошникова, 2020, с. 110 – 112, рис. 2,4].

Таким образом, мы можем предварительно датировать время существования данного поселения в пределах всего позднего бронзового века и начала раннего железного века. На поселении представлены материалы раннего и позднего этапов сабатиновской культуры, а также встречаются фрагменты, которые можно датировать и несколько более поздним временем – в пределах X – IX веков до н.э.

Очень важным представляется местоположение поселения. Оно находится на древнем пути из юго-западной Синдики (территории совр. Анапского района), от Анапского палеолимана по Благовещенской косе к юго-западной части Таманского полуострова и далее – к Южной переправе через Керченский пролив. Именно на этом пути расположены памятники эпохи позднего бронзового – раннего железного века, которые отличаются сходными чертами в производстве лепной керамики [Клемешова, 2019, с. 30 – 32], общими чертами в материальной культуре и т.д. Вероятно, существовал и другой путь – от Южной переправы, через Южную часть Таманского полуострова к совр. х. Белый и далее, по древней перейме через Кубанский палеолиман в сторону совр. пос. Джигинка. Именно на этих путях цепочки курганов, поселения и некрополи позднего бронзового – раннего железного веков. Не прекращалось движение по этим путям и позднее, в период греческой колонизации. Именно на этом пути и расположено поселение Артющенко-2, которое существовало с эпохи позднего бронзового века.

В 2009 г. на территории поселения были проведены разведочные работы и про-

слежены границы распространения подъемного материала. В ходе этих работ к востоку от поселения Артющенко-2 зафиксирована зона распространения керамики эпохи бронзы. Как правило, эта керамика представлена мелкими фрагментами красноватого снаружи оттенка, в изломе черепок серого цвета.

Выявленная таким образом зона является территорией поселения эпохи бронзы, которое предшествовало греческому поселению Артющенко-2. Это еще один пример того, что греки селились на Таманском полуострове не на пустом месте, а часто вблизи уже существовавших до греческой колонизации поселений.

Примерные границы распространения керамики эпохи бронзы показаны на плане (рис. 2). Как видно из плана, ГШ-41 находится к юго-востоку от этой границы. Тут может быть два объяснения: либо яма, задетая ГШ-41, находится на периферии поселения, в обозначенные границы попала центральная часть поселения, либо границы этого поселения выявлены пока не очень точно. Причем второе кажется более вероятным в силу того, что керамике бронзового века сложно оказаться на дневной поверхности. Это могло произойти, например, при глубокой плантажной распашке.

В контексте этой статьи будет интересен еще один комплекс, открытый летом 2021 г. на некрополе Артющенко-2. В ходе раскопок было обнаружено погребение-202 (рис.7). Его могильное пятно на зачистке не прослеживалось; оно стало слабо читаться на уровне костей. Заполнение могилы почти не отличалось от слоя, в котором оно обнаружено. Могильная яма яйцевидной в плане формы, ее размеры – 0,8 х 1,3 м, глубина от современной поверхности до дна – 1,7 м.

Скелет лежал скорченно на левом боку, напоминал «позу эмбриона», головой ориентирован на восток, лицом на юг. Ноги согнуты в коленях и подтянуты к животу. Анатомический порядок не нарушен. Костяк очень плохой сохранности, принадлежал женщине 35-45 лет. Сохранились длинные кости ног и рук, фрагменты таза и черепа. Инвентарь в погребении не обнаружен. Точная датировка погребения затруднительна, предположительно его можно отнести к эпохе поздней бронзы. Таким образом, мы имеем еще один комплекс этого времени, расположенный вблизи от поселения Артющенко-2.

Подведем некоторые итоги. В период позднего бронзового века, примерно в XIII – XII вв. до н.э., на территории Таманского полуострова появляются представители сабатиновской культуры [Кияшко, Сударев, 2018, с. 212 – 218; Сударев, Соловьев, Шаров, 2018, с. 263 – 266; Шаров, Клемешова, 2019, с. 344 – 362; Sudarev et al., 2021, p. 46 – 48]. Эта культура сформировалась в Карпато-Дунайском регионе на стыке взаимодействия Волго-Уральского и Карпато-Дунайского очагов культурогенеза [Черниенко, 2014, с. 19] и образовала единый культурный блок Сабатиновка-Ноуа-Кослоджень [Черняков, 1985, с. 152; Gerskovic, 1999, p. 74, 81, 92]. Существует предположение, что представители этой культуры были прафракийцами [Березанская и др., 1986, с. 84; Григорьев, 2003, с. 150; Шепард, 2010, с. 304]. В любом случае они относились к кругу палеобалканских народов, вовлеченных в XIV – XIII веках в глобальный процесс, известный нам под названием «Великое переселение народов

позднего бронзового века» [Сафронов, 2000, с. 275; 2018, с. 9, 136]. Они двинулись на восток с территории Карпато-Дунайского региона/Восточных Балкан и через Северо-Западное Причерноморье и Крым проникли на территорию Таманского полуострова и далее – в Анапский и Крымский районы. Позднее их сменяют носители белозерской культуры, которую более определенно связывают с древними фракийцами и западными культурами [Березанская и др., 1986, с. 50, 117, Новикова, 1976, с.55 – 56, Подобед, Цимиданов, 2010, с. 109, Черниенко, 2014, с. 87; Иванов, Сударев, 2018, с.48 – 55].

Приблизительно в то же время на Таманский полуостров последовательно проникают представители восточных племен, в более раннее время – представители срубной культуры [Клемешова, Мимоход, Сударев, 2021; Шаров, Клемешова, 2019, с. 344 – 362], позже – представители протомеотских и раннемеотских групп [Иванов, Сударев, 2012, с. 178 – 199; 2013, с.213 – 217; 2013а. с. 176 – 186; 2014. с. 197 – 205] и, вероятно, ранних скифов. Однако параллельно с движениями по траектории «Запад – Восток» мы видим и движение по южному направлению. В XIII в. до н.э. мы видим влияние на традиции производства керамики жителей Таманского полуострова со стороны поздних представителей дольменной культуры [Шаров, Клемешова, 2019, с. 344 – 358], позднее – движение племен сабатиновской и белозерской культуры в Анапский регион и обратно. И именно в этом контексте мы и предлагаем рассматривать исследуемое Таманским отрядом Боспорской экспедиции ИИМК РАН поселение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Березанская С. С., Отрощенко В. В., Чередниченко Н. Н., Шарафутдинова И. Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев. 1986. 164 с.

Ванчугов В.П. Демографическая ситуация в Северо-Западном Причерноморье в позднейшем предскифском периоде // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс.до н.э. – V в.н.э. Тирасполь. 1992. С. 162 – 165.

Виноградов Ю.А., Кашаев С.В. Античные поселения Артющенко-1 и 2 на Таманском полуострове. К оценке масштабов природного разрушения // Боспорские исследования. Вып XXXIII. Керчь. 2016. С. 95 – 109.

Виноградов Ю.А., Марченко К.К. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // СА, № 1. 1991. С. 145 – 155.

Гершкович Я. П. Происхождение и эволюция сабатиновского керамического комплекса //Археологический альманах. №.6. Донецк. 1997. С. 61 – 92

Гершкович Я. П. Суботовское городище. Киев. 2016. 508с.

Григорьев С. Археологические основания ближневосточной локализации индоевропейской прародины на территории Евразии //Вестник Челябинского государственного университета. №. 2. 2003. С. 142 – 157.

Дубовская О. Р. Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских» погребений Северного Причерноморья // Археологический альманах. №. 6. Донецк. 1997. С. 181 – 218.

Горошников А.А., Горошникова З.В. Исследования поселения эпохи поздней бронзы Панагия-I в юго-западной части Таманского полуострова в 2017 – 2019 гг. // XV Всероссийская ар-

хеологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы». Ростов-на-Дону. 2020. С. 106 – 115.

Завойкин А. А. Эллины Таманского полуострова и их соседи: первые контакты // Боспорский феномен: население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции. СПб. 2011. С. 259 – 264.

Завойкин А. А. Боспорские греки и «азиатские варвары» в период архаики раннего эллинизма // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Т. 3. 2013.– С. 164 – 197.

Иванов А. В., Сударев Н. И. К вопросу о догреческом населении Таманского полуострова // Древности Боспора. Т. 16. М., 2012. С. 178 – 199.

Иванов А. В., Сударев Н. И. Комплексы догреческого населения, исследованные на Западном некрополе Гермонассы // XIV Боспорские чтения. Керчь 2013. С.213 – 217.

Иванов А. В., Сударев Н. И. Об автохтонном населении Тамани накануне колонизации // Древности Боспора. Т. 17. М., 2013а. С. 176 – 186.

Иванов А.В., Сударев Н.И. О двух моделях колонизации Азиатского Боспора // XV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Керчь. 2014. С. 197 – 205.

Иванов А. В., Сударев Н. И. Арифарн – царь фракийцев? // Боспорский феномен: общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург. 2018. Ч. 2. С.48 – 55

Кашаев С.В. Некрополь Артющенко-2 (общая характеристика, результаты раскопок 2003–2005 гг., погребения № 1–23) // Степи Евразии и история Боспора Киммерийского. Боспорские исследования. Т. XXII, Симферополь; Керчь. 2009. С. 188–267.

Кашаев С.В. Грунтовый некрополь Артющенко-2 (V – II вв. до н.э.) // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии). СПб. 2019. 420 с.: ил. С. 230 – 254.

Кияшко А. В. Финал среднего – позднего бронзового века Тамани и Восточного Крыма: к постановке проблемы // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). СПб. Т.II. 2019. С. 54 – 55.

Кияшко А. В. Поселение эпохи бронзы Балка Лисовицкого-IV на Тамани: общий обзор и характеристика металлического инвентаря // Археологические вести. 2020. №. 30. С.207 – 222.

Кияшко А. В., Горошников А. А. О памятниках белозерской культуры на Таманском полуострове // Волго-Уральский регион от Древности до Средневековья. Материалы VI Нижневолжской международной археологической научной конференции, Волгоград. 2020. С. 40 – 46.

Клемешова М.Е. Предварительные результаты технико-технологического анализа керамики эпохи поздней бронзы из раскопок поселения Ильич-1 // Материалы международной научной конференции «XXX Крупновские чтения». Кавказ в системе культурных связей Евразии в Древности и Средневековье. Карачаевск. 2018. С. 207 – 210.

Клемешова М. Е. К вопросу о возможных греческих гончарных традициях изготовления лепной керамики (по материалам раскопок поселения Ильич-1 в 2015-2016 гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского № 1. Нижний Новгород. 2019.С. 28 – 37.

Клемешова М. Е., Мимоход Р. А., Сударев Н. И. Горизонт погребений эпохи поздней бронзы в некрополе античного времени Волна-1 на Таманском полуострове // РА 2021. №. 1. С. 59 – 73.

Колотухин В. А. Поздний бронзовый век Крыма. Киев. 2003. 139 с. Новикова Л. А. Западные связи северопричерноморского очага металлообработки в эпоху поздней бронзы // СА. № 3. 1976. С. 25 – 53.

Новичихин А. М. Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н. э. Анапа. 2006. 220 с.

Паромов Я. М., Гей А. Н. Памятники эпохи камня и бронзы на Таманском полуострове (краткий обзор) // Древности Боспора. 2005. Т. 8. С. 320 – 339.

Подобед В.А., Цимиданов В.В. 2010 Погребения с шильями и иглами в культурах Восточной Европы эпохи поздней бронзы и предскифского времени // Донецький археологічний збірник. 2009/2010. №13/14. Донецьк. 2010. С. 98 – 120.

Полидович Ю.Б. К вопросу о хронологии раннескифских памятников степной зоны Северного Причерноморья // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. – V в.н.э. Тирасполь. 1992. С. 189 – 191.

Рогов Е.Я. Разведки в юго-западной части Таманского полуострова // Археологические открытия 1998 г. М. 2000. С.210 – 211.

Рогов Е.Я. Работы на юге Таманского полуострова // Археологические открытия 1999 г. М. 2001. С.163 – 165.

Сафронов А. В. Проблема датировки Троянской войны в контексте Великого переселения народов в последней четверти II тыс. до н. э. // Сборник Русского исторического общества. Т. 2. М. 2000. С. 275 – 292.

Сафронов А. В. Очерки по истории Восточного Средиземноморья в XIV – XII вв. до н. э. М. 2018.

Соколов В.В. Карта древних поселений и могильников в районе станицы Таманской // ИТУАК. 56. Симферополь. 1919. С. 39 – 59.

Сорокина И. А. О прикубанском варианте срубной культурно-исторической общности // Древности Ставрополья. М. 1989. С. 279 – 287.

Сударев Н.И. Историография изучения памятников эпохи поздней бронзы – раннего железного века Таманского полуострова // XV Всероссийская археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы». Ростов-на-Дону. 2020. С. 68 – 79.

Сударев Н.И., Соловьев С.Л., Шаров О.В. 2018. Население северо-западной части Таманского полуострова накануне и в период греческой колонизации // XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Кавказ в системе культурных связей Евразии в Древности и Средневековье. Карачаевск. С. 263 – 266

Черниенко Ю. А. Сабатиновская культура в системе древностей бронзового века юга Восточной Европы // Stratum plus. Археология и культурная антропология. №. 2. Кишинев-Бухарест-СПб. 2014. С.15 – 112.

Черняков И. Т. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тысячелетия до н. э. Киев. 1985. 172 с.

Шарафутдинова И. Н. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев. 1982. 160 с.

Шаров О. В., Клемешова М. Е. Лепная керамика эпохи бронзы поселения Ильич-1 по данным технико-технологического анализа // Краткие сообщения Института археологии. №. 256. М., 2019. С. 344 – 362.

Шепард Г. К вопросу об истоках культа Диониса // Индоевропейская история в свете новых исследований. М., МГОУ. 2010. С. 297 – 310.

Эрлих В. Р. Переход от бронзового к железному веку на северо-западном Кавказе (К постановке проблемы). Часть I // РА. 2002а. №. 3. С. 26 – 38.

Эрлих В. Р. Переход от бронзового к железному веку на северо-западном Кавказе (К постановке проблемы). Часть I // РА. 2002б. №. 4. С. 40 – 49.

Эрлих В. Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. М. 2007.

Gerskovic J. P. Studien zur spätbronzezeitlichen Sabatinovka-Kultur am unteren Dnepr und an der Westküste des Azov'schen Meeres // Archăologie in Eurasien, Hand 7, Deutches Archăologisches Institut Eurasien-Abteilung, Verlag Marie Leidorf GmbH - Rahden/Westf, 1999, 103 p.

Dubovskaja O. Zur ethnischen und kulturellen Einordnung der» Novocerkassk-Gruppe» // Eurasia antiqua: Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. 1997. №. 3. P. 277 – 328.

Reinhold S. Geschlechtsbezogene Kommunikationsräume – Zeichen paralleler Welten? // Hansen S., Meyer M. (ed.). Parallele Raumkonzepte. V. 16. Walter de Gruyter. 2013. P. 63 – 82.

Sava E. Aşezări din perioada târzie a epocii bronzului (Noua-Sabatinovka) în spaţiul pruto-nistrean // Biblioteca „Tyragetia" XXVI. Chişinău. 2014. 592 p.

Sudarev N.I., Garbuzov G.P., Ivanov A.V., Kargin Yu.Yu., Mataev V.V., Voronin K.V. The Asian Bosporus before and during the Greek Colonisation // An den Ufern des Bug. На берегах Бугу. Deutsch-ukrainische Ausgrabungen in Olbia Pontike im Kontext internationaler Forschungen zu antiken Migrationsprozessen. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH 2021. S. 43 – 72.

REFERENCES

Berezanskaya S. S., Otroshhenko V. V., Cherednichenko N. N., Sharafutdinova I. N. Kul`tury` e`poxi bronzy` na territorii Ukrainy`. Kiev. 1986. 164 s.

Vanchugov V.P. Demograficheskaya situaciya v Severo-Zapadnom Prichernomor`e v pozdnejshem predskifskom periode // Drevnejshie obshhnosti zemledel`cev i skotovodov Severnogo Prichernomor`ya V ty`s.do n.e`. – V v.n.e`. Tiraspol`. 1992. S. 162 – 165.

Vinogradov Yu.A., Kashaev S.V. Antichny`e poseleniya Artyushhenko 1 i 2 na Tamanskom poluostrove. K ocenke masshtabov prirodnogo razrusheniya // Bosporskie issledovaniya. Vy`p. XXXIII. Kerch`. 2016. S. 95 – 109.

Vinogradov Yu.A., Marchenko K.K. Severnoe Prichernomor`e v skifskuyu e`poxu. Opy`t periodizacii istorii // SA, № 1. 1991. S. 145 – 155.

Gershkovich Ya. P. Proisxozhdenie i e`volyuciya sabatinovskogo keramicheskogo kompleksa // Arxeologicheksij al`manax. №.6. Doneczk. 1997. S. 61 – 92.

Gershkovich Ya. P. Subotovskoe gorodishhe. Kiev. 2016. 508s.

Grigor`ev S. Arxeologicheskie osnovaniya blizhnevostochnoj lokalizacii indoevropejskoj prarodiny` na territorii Evrazii //Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. №. 2. 2003. S. 142 – 157.

Dubovskaya O. R. Ob e`tnokul`turnoj atribucii «novocherkasskix» pogrebenij Severnogo Prichernomor`ya // Arxeologicheskij al`manax. №. 6. Doneczk. 1997. S. 181 – 218.

Goroshnikov A.A., Goroshnikova Z.V. Issledovaniya poseleniya e`poxi pozdnej bronzy` «Panagiya I» v yugo-zapadnoj chasti Tamanskogo poluostrova v 2017 – 2019 gg. // XV Vserossijskaya arxeologicheskaya konferenciya studentov i aspirantov «Problemy` arxeologii Vostochnoj Evropy`». Rostov-na-Donu. 2020. S. 106 – 115.

Zavojkin A. A. E`lliny` Tamanskogo poluostrova i ix sosedi: pervy`e kontakty` // Bosporskij fenomen: naselenie, yazy`ki, kontakty`. Materialy` mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. SPb. 2011. S. 259 – 264.

Zavojkin A. A. Bosporskie greki i» aziatskie varvary`» v period arxaiki-rannego e`llinizma // Scripta antiqua. Voprosy` drevnej istorii, filologii, iskusstva i material`noj kul`tury`. T. 3. 2013.– S. 164 – 197.

Ivanov A. V., Sudarev N. I. K voprosu o dogrecheskom naselenii Tamanskogo poluostrova // Drevnosti Bospora. T. 16. M., 2012. S. 178 – 199.

Ivanov A. V., Sudarev N. I. Kompleksy` dogrecheskogo naseleniya issledovanny`e na Zapadnom nekropole Germonassy` // XIV Bosporskie chteniya. Kerch` 2013. S. 213 – 217.

Ivanov A. V., Sudarev N. I. Ob avtoxtonnom naselenii Tamani nakanune Kolonizacii // Drevnosti Bospora. T. 17. M., 2013a. S. 176 – 186.

Ivanov A.V., Sudarev N.I. O dvux modelyax kolonizacii Aziatskogo Bospora // XV Bosporskie chteniya. Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov`ya. Aktual`ny`e problemy` xronologii. Kerch`. 2014. S. 197 – 205.

Ivanov A. V., Sudarev N. I. Arifarn – czar` frakijcev? // Bosporskij fenomen: obshhee i osobennoe v istoriko-kul`turnom prostranstve antichnogo mira. Materialy` mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Sankt-Peterburg. 2018. Ch. 2. S. 48 – 55.

Kashaev S.V. Nekropol` Artyushhenko-2 (obshhaya xarakteristika, rezul`taty` raskopok 2003–2005gg., pogrebeniya № 1–23) // Stepi Evrazii i istoriya Bospora Kimmerijskogo. Bosporskie issledovaniya T. XXII Simferopol`; Kerch`. 2009. S. 188 – 267.

Kashaev S.V. Gruntovy`j nekropol` Artyushhenko-2 (V – II vv. do n.e`.) // Proshloe chelovechestva v trudax peterburgskix arxeologov na rubezhe ty`syacheletij (K 100-letiyu sozdaniya rossijskoj akademicheskoj arxeologii). SPb. 2019. 420 s.: il. S. 230 – 254.

Kiyashko A. V. Final srednego-pozdnij bronzovy`j vek Tamani i Vostochnogo Kry`ma: k postanovke problemy` // Drevnosti Vostochnoj Evropy`, Central`noj Azii i Yuzhnoj Sibiri v kontekste svyazej i vzaimodejstvij v evrazijskom kul`turnom prostranstve (novy`e danny`e i koncepcii). SPb. T. II. 2019. S. 54 – 55.

Kiyashko A. V. Poselenie e`poxi bronzy` Balka Lisoviczkogo IV na Tamani: obshhij obzor i xarakteristika metallicheskogo inventarya // Arxeologicheskie vesti. 2020. №. 30. S. 207 – 222.

Kiyashko A. V., Goroshnikov A. A. O pamyatnikax belozerskoj kul`tury` na Tamanskom poluostrove // Volgo-Ural`skij region ot drevnosti do srednevekov`ya. Materialy` VI Nizhnevolzhskoj Mezhdunarodnoj arxeologicheskoj nauchnoj konferencii Volgograd. 2020. S. 40 – 46.

Klemeshova M.E. Predvaritel`ny`e rezul`taty` texniko-texnologicheskogo analiza keramiki e`poxi pozdnej bronzy` iz raskopok poseleniya Il`ich-1 // Materialy` mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «XXX Krupnovskie chteniya». Kavkaz v sisteme kul`turny`x svyazej Evrazii v drevnosti i srednevekov`e. Karachaevsk. 2018. S. 207 – 210.

Klemeshova M. E. K voprosu o vozmozhny`x grecheskix goncharny`x tradiciyax izgotovleniya lepnoj keramiki (po materialam raskopok poseleniya Il`ich-1 v 2015-2016 gg.) // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. NI Lobachevskogo. №. 1.Nizhnij Novgorod. 2019.S. 28 – 37.

Klemeshova M. E., Mimoxod R. A., Sudarev N. I. Gorizont pogrebenij e`poxi pozdnej bronzy` v nekropole antichnogo vremeni Volna-1 na Tamanskom poluostrove // RA 2021. № 1. S. 59 – 73.

Kolotuxin V. A. Pozdnij bronzovy`j vek Kry`ma. Kiev. 2003. 139 s.

Novikova L. A. Zapadny`e svyazi severoprichernomorskogo ochaga metalloobrabotki v e`poxu pozdnej bronzy` // SA. № 3. 1976. S. 25 – 53.

Novichixin A. M. Naselenie Zapadnogo Zakuban`ya v pervoj polovine I ty`syacheletiya do n. e`. Anapa. 2006. 220s.

Paromov Ya. M., Gej A. N. Pamyatniki e`poxi kamnya i bronzy` na Tamanskom poluostrove (kratkij obzor) // Drevnosti Bospora. 2005. T. 8. S. 320 – 339.

Podobed V.A., Cimidanov V.V. 2010 Pogrebeniya s shil`yami i iglami v kul`turax Vostochnoj Evropy` e`poxi pozdnej bronzy` i predskifskogo vremeni // Donecz`kij arxeologichnij zbirnik. 2009/2010. № 13/14. Donecz`k. 2010. S. 98 –120.

Polidovich Yu.B. K voprosu o xronologii ranneskifskix pamyatnikov stepnoj zony` Severnogo Prichernomor`ya // Drevnejshie obshhnosti zemledel`cev i skotovodov Severnogo Prichernomor`ya V ty`s. do n.e`. – V v.n.e`. Tiraspol`. 1992. S. 189 – 191.

Rogov E.Ya. Razvedki v yugo-zapadnoj chasti Tamanskogo poluostrova // Arxeologicheskie otkry`tiya 1998 g. M. 2000. S.210 – 211.

Rogov E.Ya. Raboty` na yuge Tamanskogo poluostrova // Arxeologicheskie otkry`tiya 1999 g. M. 2001. s.163 – 165.

Safronov A. V. Problema datirovki troyanskoj vojny` v kontekste velikogo pereseleniya narodov v poslednej chetverti II ty`s. do n. e`. // Sbornik Russkogo istoricheskogo obshhestva. T. 2. M. 2000. S. 275 – 292.

Safronov A. V. Ocherki po istorii Vostochnogo Sredizemnomor`ya v XIV-XII vv. do n. e`. M. 2018.

Sokolov V.V. Karta drevnix poselenij i mogil`nikov v rajone stanicy Tamanskoj // ITUAK. 56. Simferopol`. 1919. S. 39 – 59.

Sorokina I. A. O prikubanskom variante srubnoj kul`turno-istoricheskoj obshhnosti // Drevnosti Stavropol`ya. M. 1989. S. 279 – 287.

Sudarev N.I. Istoriografiya izucheniya pamyatnikov e`poxi pozdnej bronzy` – rannego zheleznogo veka Tamanskogo poluostrova // XV Vserossijskaya arxeologicheskaya konferenciya studentov i aspirantov «Problemy` arxeologii Vostochnoj Evropy`». Rostov-na-Donu. 2020. S. 68 – 79.

Sudarev N.I., Solov`ev S.L., Sharov O.V. 2018. Naselenie severo-zapadnoj chasti Tamanskogo poluostrova nakanune i v period grecheskoj kolonizacii // XXX «Krupnovskie chteniya» po arxeologii Severnogo Kavkaza. Kavkaz v sisteme Kul`turny`x svyazej Evrazii v Drevnosti i Srednevekov`e. Karachaevsk. S. 263 – 266.

Chernienko Yu. A. Sabatinovskaya kul`tura v sisteme drevnostej bronzovogo veka yuga Vostochnoj Evropy` // Stratum plus. Arxeologiya i kul`turnaya antropologiya. №. 2. Kishenev-Buxarest-SPb. 2014. S.15 – 112.

Chernyakov I. T. Severo-Zapadnoe Prichernomor`e vo vtoroj polovine II ty`syacheletiya do n. e`. Kiev. 1985. 172 s.

Sharafutdinova I. N. Stepnoe Podneprov`e v e`poxu pozdnej bronzy`. Kiev. 1982. 160 s.

Sharov O. V., Klemeshova M. E. Lepnaya keramika e`poxi bronzy` poseleniya Il`ich-1 po danny`m texniko-texnologicheskogo analiza // Kratkie soobshheniya Instituta arxeologii. № 256. 2019. S. 344 – 362.

Shepard G. K voprosu ob istokax kul`ta Dionisa // Indoevropejskaya istoriya v svete novy`x issledovanij. M., MGOU. 2010. S. 297 – 310.

E`rlix V. R. Perexod ot bronzovogo k zheleznomu veku na severo-zapadnom Kavkaze (K postanovke problemy`). Chast` I // RA. 2002a. № 3. S. 26 – 38.

E`rlix V. R. Perexod ot bronzovogo k zheleznomu veku na severo-zapadnom Kavkaze (K postanovke problemy`). Chast` I // RA. 2002b. № 4. S. 40 – 49.

E`rlix V. R. Severo-Zapadny`j Kavkaz v nachale zheleznogo veka. M. 2007.

Gerskovic J. P. Studien zur spätbronzezeitlichen Sabatinovka-Kultur am unteren Dnepr und an der Westküste des Azov'schen Meeres // Archäologie in Eurasien, Hand 7, Deutches Archäologisches Institut Eurasien-Abteilung, Verlag Marie Leidorf GmbH - Rahden/Westf, 1999, 103 p.

Dubovskaja O. Zur ethnischen und kulturellen Einordnung der» Novocerkassk-Gruppe» // Eurasia antiqua: Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. 1997. № 3. P. 277 – 328.

Reinhold S. Geschlechtsbezogene Kommunikationsräume – Zeichen paralleler Welten? // Hansen S., Meyer M. (ed.). Parallele Raumkonzepte. V. 16. Walter de Gruyter. 2013. P. 63 – 82.

Sava E. Aşezări din perioada târzie a epocii bronzului (Noua-Sabatinovka) în spaţiul pruto-nistrean // Biblioteca „Tyragetia" XXVI. Chişinău. 2014. 592 p.

Sudarev N.I., Garbuzov G.P., Ivanov A.V., Kargin Yu.Yu., Mataev V.V., Voronin K.V. The Asian Bosporus before and during the Greek Colonisation // An den Ufern des Bug. На берегах Бугу. Deutsch-ukrainische Ausgrabungen in Olbia Pontike im Kontext internationaler Forschungen zu antiken Migrationsprozessen. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH 2021. S. 43 – 72.

Резюме

Поселение Артющенко-2 расположено примерно в 3 км к ЮВ от п. Артющенко на высоком обрывистом берегу Черного моря (рис.1). В плане поселение имеет подтреугольную форму, длинной стороной примыкает к обрыву берега Черного моря (рис.2). К 2020 г. исследовано примерно 1200 кв.м. площади памятника, общее количество открытых хозяйственных ям достигло 50. Большинство обнаруженных на поселении хозяйственных ям можно датировать началом V – IV в. до н.э. Самая поздняя из раскопанных ям относится примерно к середине III в. до н.э.

В 2009 г. в грабительском шурфе № 41 обнаружена необычная керамика, по виду отличная от античной, изделия из камня и кости животных. Материал, обнаруженный на поселении Артющенко-2, относится к раннесабатиновскому этапу. Это сосуды плавных очертаний с налепными валиками, имеющими пальцевые вдавления. Также в комплексе встречены фрагменты кубков и столовой посуды, аналогии которой нам известны в памятниках эпохи поздней бронзы Тамани и переходного периода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку Северо-Западного Причерноморья (рис.3-6).

Очень важным представляется местоположение поселения. Оно находится на древнем пути из юго-западной Синдики (территории совр. Анапского района), от Анапского палеолимана по Благовещенской косе к юго-западной части Таманского полуострова и далее – к Южной переправе через Керченский пролив. Именно на этом пути расположены памятники эпохи позднего бронзового – раннего железного века, которые отличаются сходными чертами в производстве лепной керамики, общими чертами в материальной культуре и т.д.

Ключевые слова: эпоха бронзы, Северное Причерноморье, Таманский полуостров, поселение, курган, погребение, хозяйственная яма, керамические сосуды, каменные орудия.

Summary

The settlement Artyuschenko-2 is located in about 3 km to the south-west of the village Artyuschenko on a high steep coast of the Black Sea (fig. 1). The settlement has a triangular shape in plan, with a long side adjoining to the coastal cliff (fig. 2). By 2020 about 1200 square meters were explored; total number of household pits discovered reached 50 examples. The main part of

the pits revealed at the settlement can be dated the early 5th – 4th centuries BC. The latest of the excavated pits belongs approximately to the mid. 3rd century BC.

In 2009 in a predatory surface hole no. 41 a specific ceramics which by its appearance varied from classical pottery, items made of stone and animal bones were found. The material uncovered at the settlement Artyuschenko-2 belongs to the Early Sabatinov period. There were the vessels having smooth shape and modeled ledges with finger depressions. In the complex fragments of bowls and table-ware which have analogies at the sites of the Late Bronze Age of Taman and at the sites of the transitional period from Late Bronze to Iron Age periods of the Black Sea Coastal Region were also discovered (fig. 3-6).

The location of the settlement seems to be very important. It was situated on the ancient route from south-west Sindica (the area of the modern Anapa region), from Anapa paleoestuary along the Blagoveschenskaya spit to the south-west part of Taman peninsula and further – towards the Southern crossing over the Kerch strait. And exactly on this rout the sites of Late Bronze – Early Iron periods which have similar features in handmade pottery production, material cultures etc. are located.

Key words: Bronze age, Northern Black Sea Coastal Region, Taman peninsula, settlement, mound, burial, household pit, clay vessels, stone tools.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
Кашаев Сергей Владимирович,
младший научный сотрудник,
Отдел истории античной культуры,
Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18.
8 (812) 764-85-71.
kashaevs@mail.ru

Сударев Николай Игоревич, к.и.н.,
научный сотрудник
Отдела классической археологии,
Институт археологии РАН,
Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.
8 (499) 126-47-98.
sudarev@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS
Kashaev Sergey V.
Institute of History of material culture RAS,
Sankt-Petersburg, Dvortsovaja nab., 18.
8 (812) 764-85-71.
kashaevs@mail.ru

Sudarev Nikolay I.
Institute of archaeology of RAS,
117036, Moscow, Dm. Ulyanova street, 19.
8 (499) 126-47-98.
sudarev@list.ru

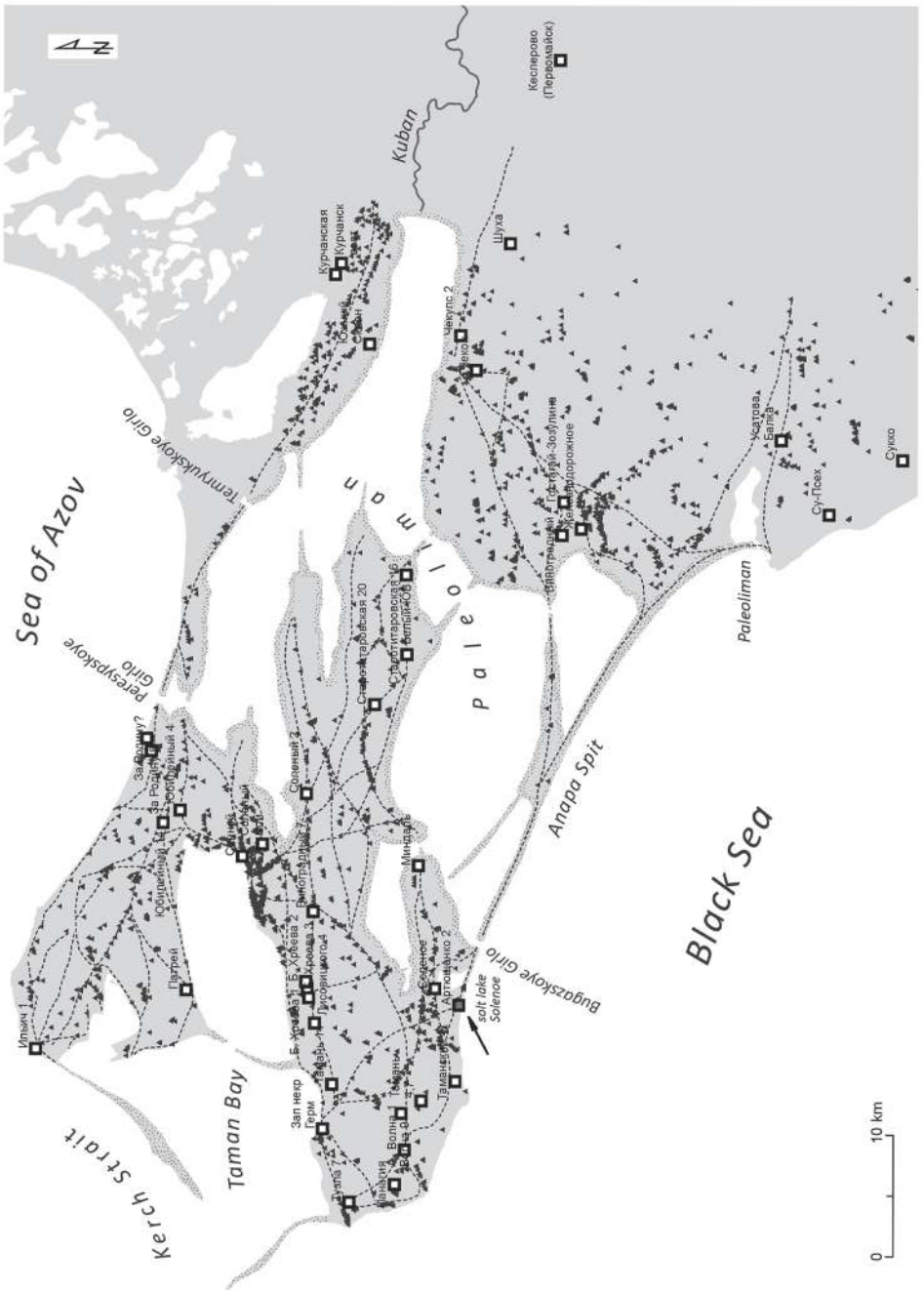


Рис.1. Карта Азиатского Боспора до греческой колонизации.

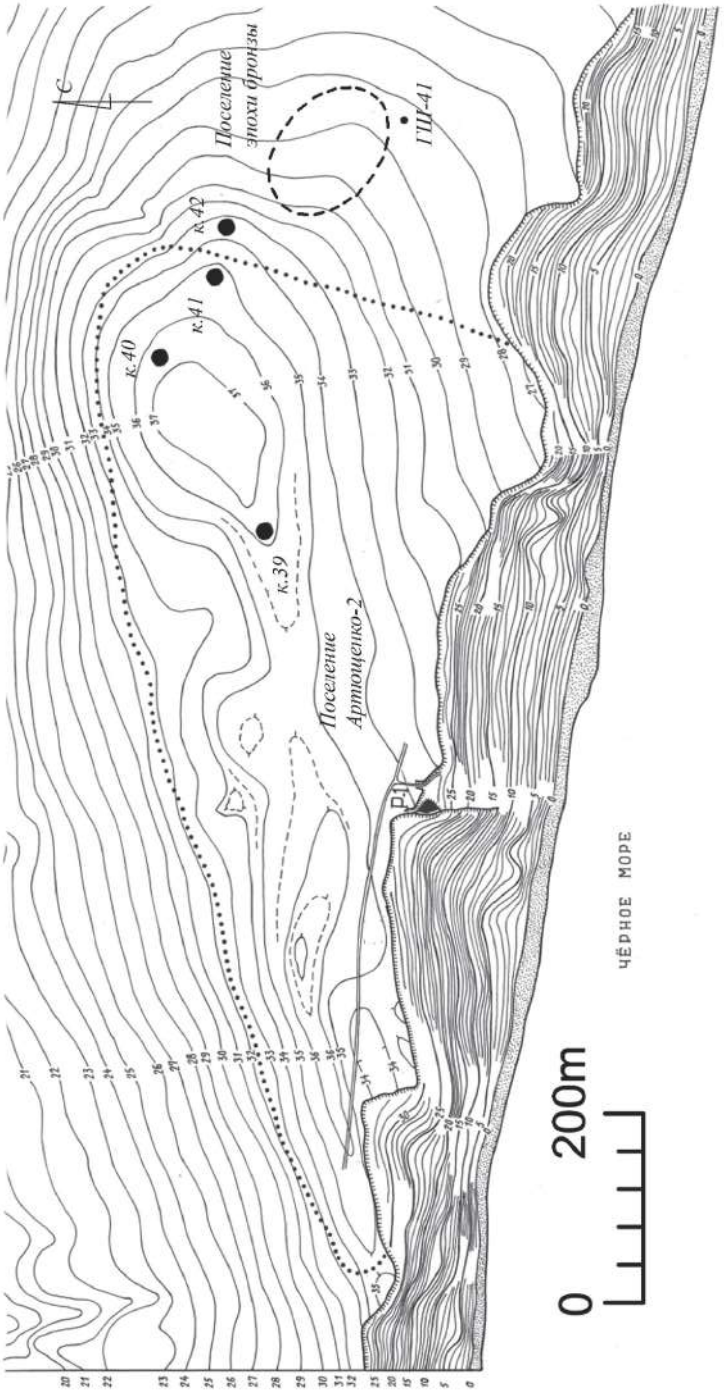


Рис. 2. План поселения Артющенко-2 (по Паромову Я.М.) и поселения эпохи бронзы.

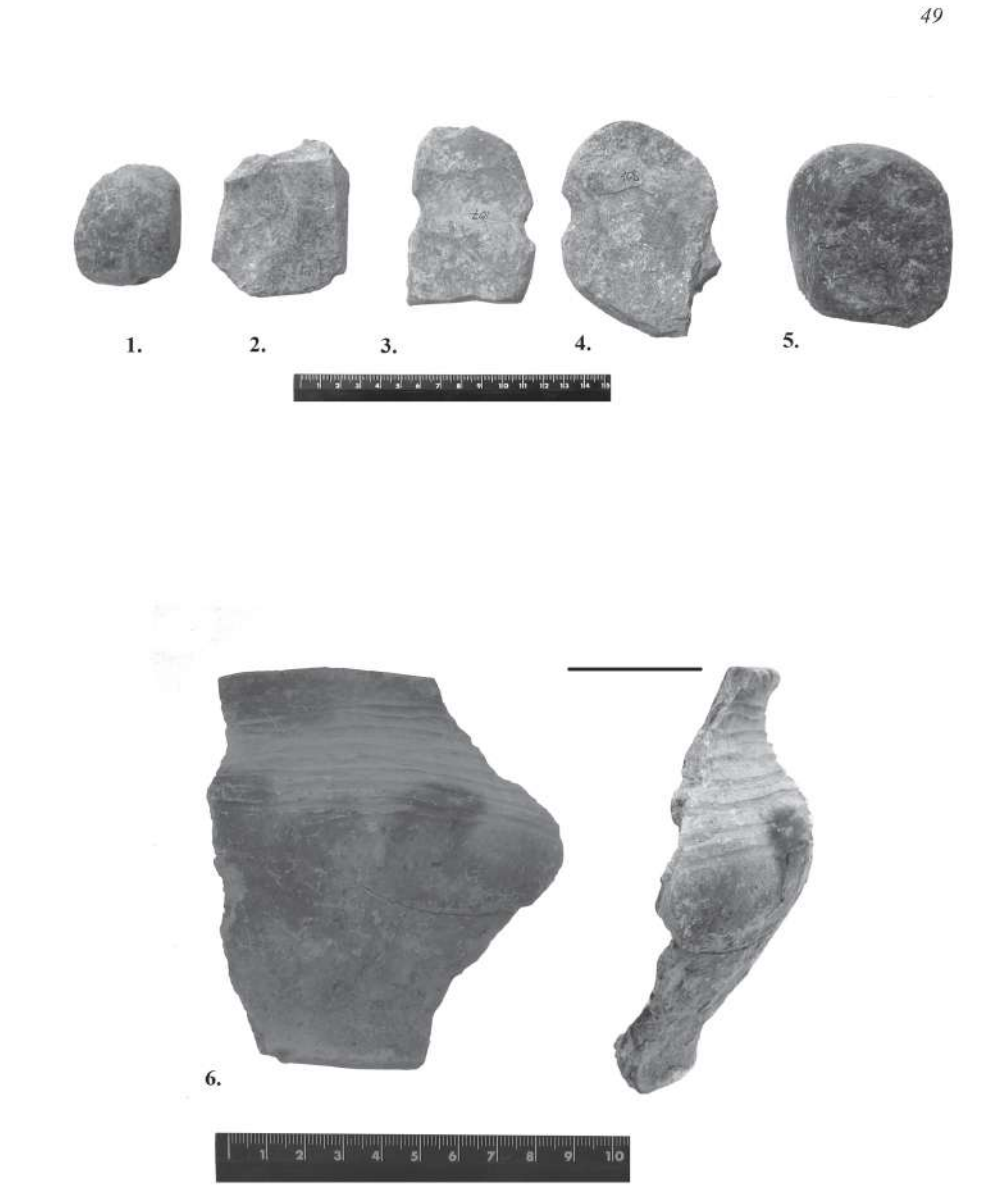


Рис. 3. Поселение Артющенко-2. Комплекс эпохи бронзы. 1-5 – изделия из камня, 6 – лепной горшок.

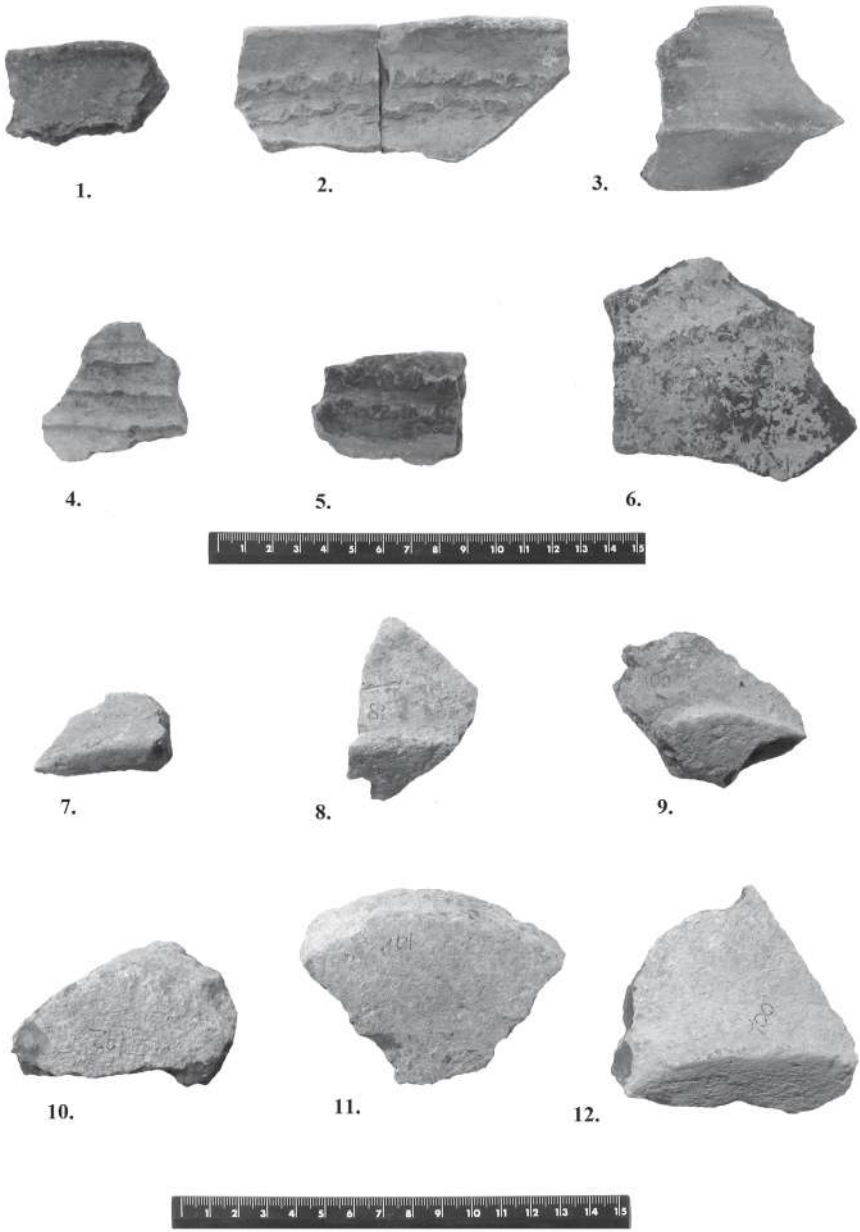


Рис. 4. Поселение Артющенко-2. Комплекс эпохи бронзы.
1-6 – орнаментированные венчики и стенки лепных сосудов,
7-12 – донца лепных сосудов.

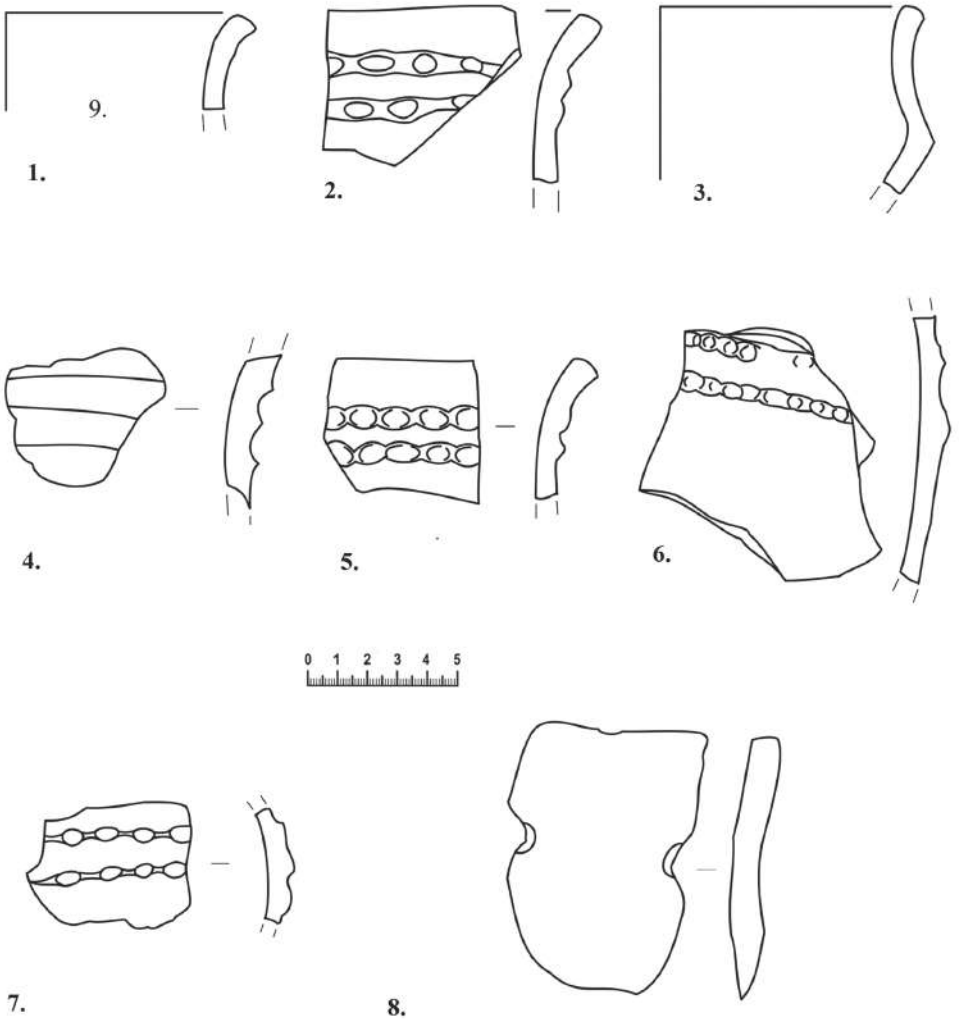
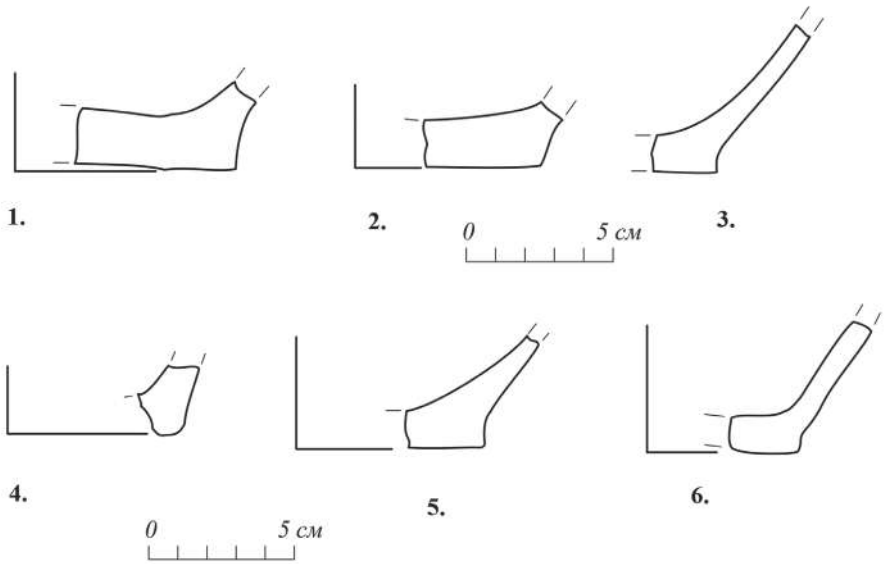


Рис. 5. Поселение Артющенко-2. Комплекс эпохи бронзы.
1-7 – орнаментированные венчики и стенки лепных сосудов,
8 – каменное грузило.



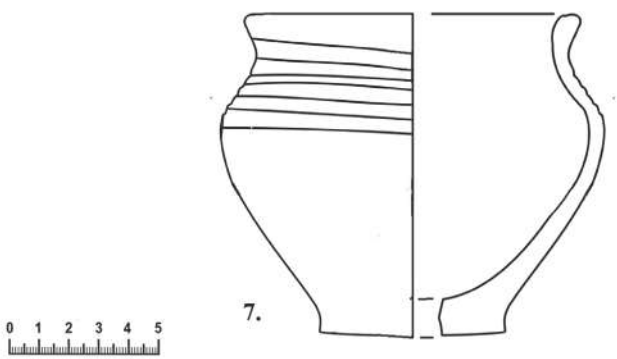
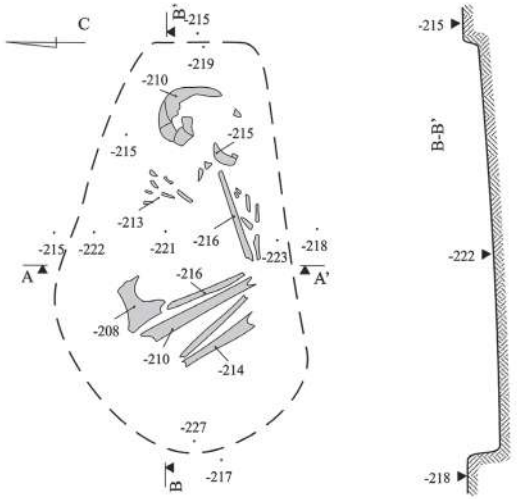


Рис. 6. Поселение Артющенко-2. Комплекс эпохи бронзы.
1-6 – донца лепных сосудов, 7 – лепной горшочек.



1.

2.

Рис. 7. Некрополь Артющенко-2. Погребение 202.
1 – План и профили.
2 – Вид с запада.

Э.Д. ЗИЛИВИНСКАЯ, П.А. ПЕТРОВ, П.М. СОКОЛОВ
E.D. ZILIVINSKAYA, P. A. PETROV, P.M. SOKOLOV

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ И МОГИЛЬНИКА СОЛЕНЫЙ-II НА ТАМАНИ
STUDIES OF THE SETTLEMENT AND BURIAL GROUND SOLENY-II ON TAMAN

В 2015 – 2016 гг. отряд ООО «Инженерно-технический центр специальных работ и экспертиз» проводил широкомасштабные раскопки у пос. Соленый в Темрюкском районе Краснодарского края (рис.1). Работы выполнялись в связи с реконструкцией автомобильной дороги Новороссийск – Керченский пролив, ведущей к строящемуся Керченскому мосту. О существовании здесь поселения было известно достаточно давно. Оно обозначено на карте С.Ф. Войцеховского как «следы античной культуры» [Паромов, 1992, рис. 4]; на карте А.А. Миллера этот памятник, вероятно, отмечен под № 50 [Археологическая карта... 1930 – 1931 гг.].

В 1968 г. здесь проводила работы Таманская экспедиция ИА АН СССР. На поселении был заложен небольшой раскоп и обследована траншея строящегося водопровода. В результате были сделаны выводы о начале существования памятника уже в Vв. до н.э., однако более активная жизнь его относится к I – II вв. н.э. Возможно, между этими периодами был некоторый перерыв [Сокольский, 1968, с. 11 – 14].

В 1983 г. поселение было обследовано разведочным отрядом Института археологии АН СССР под руководством Я.М. Паромова. По материалам Я.М. Паромова, поселение Солёный-2 расположено в 2,9 км к ЮЮВ от границы п. Солёный, на землях АФ ТОО «Восход» (бывший совхоз им. Ильича), в 5 – 20 м над уровнем моря, вблизи низкого берега древнего протока, соединявшего Ахтанизовский лиман с Таманским заливом. Памятник имеет размеры 700 м х 450 м и ориентировочную площадь около 23 га. Он был датирован по подъемному материалу IV в. до н.э. – IV в. н.э., а также VIII – XI и XIV вв. и охарактеризован как сельское поселение античного и средневекового времени [Паромов, 1992, с. 336 – 338].

Детальные археологические разведки по проекту «Создание сухогрузного района морского порта Тамань» были проведены под руководством Н.И. Сударева в 2011г. Был составлен топографический план памятника, собран подъемный материал, выкопаны шурфы с целью уточнения границ, датировки и мощности культурного слоя. Эти исследования показали, что глубина культурного слоя поселения составляла от 0,02 до 0,8 м, а археологический материал относится к эпохе Средневековья. По уточненным данным, площадь поселения составила 31, 67 га.

В 2013 г. при подготовке к прокладке магистрального трубопровода на территории поселения Соленый-2 отрядом ООО «ЮРЦАИ» было заложено 11 шурфов, в

которых был зафиксирован культурный слой на глубине 0,03 – 1,1 м от дневной поверхности. Большая часть материала в шурфах представлена фрагментами керамических сосудов, предварительно датированных эпохой Средневековья. Также была несколько изменена конфигурация памятника, по распространению подъемного материала уточнены границы территории. Поселение занимает северный и южный склоны возвышения, вытянутого с востока на запад, понижающегося на западе и ограниченного извилистой балкой, широким устьем выходящей на север к урочищу Соленый лиман. Южной границей является лощина, спускающаяся к этой балке. В центральной части поселения, на хребте возвышенности, сохранились развалины фермы, а также многочисленные рвы и траншеи, вероятно, остатки силосных ям. Большая часть территории поселения использовалась под сельскохозяйственные угодья и подвергалась распашке на глубину до 0,5 м. Микрорельеф поселения сложный с перепадами высот. К югу от центра поселение пересекает большой отрог балки, возможно, искусственного происхождения.

Площадь памятника археологии – поселения Соленый-2 по уточненным данным составляет 33,3 га. По подъемному материалу и материалу из шурфов памятник датировался тремя хронологическими периодами: IV в. до н.э. – IV в. н.э., VIII – XIвв. и XIV в. По материалам разведок он считался сельским поселением античного и средневекового времени. Границы зон охраны были определены как 500 м от границы памятника по его периметру. Трасса строящейся автодороги была спроектирована по южной, юго-восточной, центральной и северо-восточной частям поселения Соленый-2. Так как для данных участков возникла угроза полного или частичного разрушения, здесь были проведены охранные раскопки, площадь которых составила 33 395 кв. м. Эти раскопки во многом изменили взгляд на датировку и культурную атрибуцию памятника, а также дали богатый и часто неожиданный материал.

К самому раннему периоду освоения этой территории относятся кремневые изделия, найденные в культурном слое. Это кремневые отщепы, микролиты и три кремневых наконечника (рис. 2). Датировка этих предметов достаточно широкая – от верхнего палеолита до раннего бронзового века[1]. Эпоха поздней бронзы представлена четырьмя погребениями, в которых покойники лежали в скорченной позе. В качестве сопроводительного инвентаря были положены лепные черноглиняные сосуды баночной формы (рис. 3) и мелкие медные предметы. По мнению А.В. Кияшко, в этих комплексах сочетаются черты срубной и сабатиновской культур[2].

К античному времени относятся многочисленные ямы и скопления керамики в культурном слое. Керамика античного времени представлена фрагментами амфор, красноглиняных гончарных сосудов различных форм, лепными сосудами, светильниками. Датируется керамический комплекс по амфорам в основном II – IVвв[3]. Наряду

[1]Авторы благодарят за консультацию С.О. Ремизова.

[2]Авторы приносят благодарность А.В. Кияшко за устную консультацию.

[3]Определение С.А. Науменко.

с керамикой в ямах встречается большое количество керамических грузил, что свидетельствует об активном занятии населения рыболовством. Также были найдены четыре медные монеты Боспорского царства[4]. Самая ранняя монета Пантикапея датируется I половиной III в. до н.э. К этому же времени относится синопская амфора IV – III вв. до н.э. Еще одна монета Пантикапея чеканена во II в. до н.э. Фанагорийская монета Асандра относится к I в. до н.э. Самым поздним по времени является статер Рискупорида VI (314 – 341 гг.). Все эти находки свидетельствуют о том, что эта территория осваивается уже с III в. до н.э., но наиболее активно используется во II – IVвв. Скорее всего, она являлась округой античного поселения.

Комплексы развитого Средневековья на памятнике отчетливо не выделяются. В культурном слое встречаются фрагменты воротничковых амфор, высокогорлых кувшинов с плоской ручкой, сероглиняных лощеных кувшинов и мисок. К этому же времени, вероятно, относятся некоторые металлические предметы, такие как железные ножи, наконечники стрел, медные пряжки, накладки, бубенчики. Из раскопов происходит небольшая (12 экз.) коллекция монет Тмутараканского княжества, которые представляют собой подражания милиарисию Василия II и Константина VIII, чеканенному около 977 – 989 гг. Эмиссия монет первой половины XI в.[5] Две серебряные монеты датируются концом X – началом XI в., монета из биллона – первой половиной XI в. Остальные монеты медные, относятся к первой – второй трети XI в.

Следующий хронологический период XVI – XVII вв. представлен двумя русскими монетами и монетой Крымского ханства. Это копейка Ивана Грозного эмиссии 1547 – 1584 гг. и копейка Михаила Федоровича (1613 – 1645 гг.)[6], а также акче Девлет Гирея I (1550 – 1577 гг.).

К этому же периоду относится клад испанских монет конца XVI – начала XVIIв., который, вне всякого сомнения, является самой интересной находкой, происходящей из раскопок окрестностей поселения Соленый-II. Монеты находились в кувшине, который был закопан очень неглубоко. Он был найден на уровне II пласта, то есть на глубине 0,4 м от поверхности. Яма, в которую был опущен сосуд, не прослеживалась. Сосуд представлял собой широкогорлый двуручный кувшин без слива. Кувшин светлоглиняный с зеленой поливой, высота его 14,6 см, диаметр 10,5 см (рис.4). В сосуде находилось 15 серебряных испанских монет – макукинов двух номиналов – 8 реалов и 4 реала (рис. 5). Большинство относится к правлению Филиппа III, одна монета – к правлению Филиппа II, еще одна – к правлению Филиппа IV. Самая ранняя дата – 1586, самая поздняя – 1623 г. Монеты чеканены в Севилье, Толедо, Сеговии, Мехико и Потоси (Боливия, вице-королевство Перу)[7].

Наиболее активно данная территория использовалась в XVIII в. В раскоп попали

---

[4] Определение С.И. Безуглова.

[5] Определения С.И. Безуглова и Е.Ю. Гончарова.

[6] Определение С.И. Безуглова и Е.Ю. Гончарова.

[7] Определение и прорисовки М. Мальцева.

многочисленные хозяйственные ямы и производственные комплексы, связанные с каким-то ремеслом (рис. 6). Последние представляли собой скопления ям, заполненных золой, и остатков небольших круглых в плане очагов диаметром 1,0 – 1.5м. Очаги были слегка заглублены в землю, имели плоское дно и отвесные стенки, которые сохранились на высоту 15 – 20 см. Стенки и дно очагов обмазаны слоем (5 – 8 см) глины, которая прокалена до оранжево-красного цвета. В центре одного такого комплекса расположен колодец. Эти мастерские либо находились на улице, либо над ними были сделаны легкие навесы, никаких следов построек здесь не обнаружено. К сожалению, пока не удалось понять, какое именно производство здесь было.

К производственным комплексам относится и небольшой горн для обжига керамики (рис. 7). Горн представлял собой овальную яму, выкопанную в культурном слое. Стенки ямы обмазаны глиной с примесью органики и соломы в тесте. Затем в яме был сооружен деревянный каркас, на котором вылеплена перегородка между топочной и обжигательной камерами горна. В южной стенке ямы было сооружено топочное отверстие, к которому вела входная яма. Обжигательная камера горна имела размеры 1,62 х 1,5 м и сохранилась на высоту до 0,3 м. В дне обжигательной камеры было сделано 13 продухов неправильной округлой формы. Продухи располагались по кругу у стен камеры и в ее центральной части. Под дном обжигательной камеры располагалась топочная камера также овальной формы размерами 1,86 х 1,5 м. Стенки и дно топочной камеры обмазаны глиной с примесью органики и соломы в тесте. Общая высота ее – 0,6 м . На дне стояли два подпрямоугольных в сечении столбика (0,32 х 0,22 м и 0,28 х 0,22 м), которые служили опорой перегородке между камерами печи. Входное отверстие топочной камеры имело овальную форму (0, 56 х 0,36 м). К нему вела длинная входная яма размерами 1,92 х 1,2 м и глубиной 0,5 м.

С производственными комплексами, вероятно, связана и небольшая, явно нежилая полуземлянка (рис. 8). Яма полуземлянки была неправильно овальной, яйцевидной формы длиной 6,6 м и шириной в южной части 3,6 м и 5,4 м в северной части. Глубина котлована полуземлянки 56-65 см, в средней части до 90 см. С южной стороны находился вход из двух ступенек. По периметру ямы прослежено семь ям округлой формы от столбов. На дне столбовых ям лежали необработанные камни, служившие основанием для столбов, подпиравших крышу землянки. В центре пола находились две ямы вытянутой формы, которые, возможно, являлись очагами.

В культурном слое этого времени было найдено большое количество бытовых предметов. Железные предметы представлены гвоздями, ножами, кресалами, сапожными подковами, замками, различными пряжками. Также найдено одно стремя и наконечник от ножен. Достаточно много изделий из медных сплавов. В основном это мелкие предметы: пряжки, накладки, пуговицы, различные застежки, наперстки. Из меди и серебра также делались украшения: перстни, серьги, подвески.

Керамика этого периода весьма разнообразна (рис. 9). Анализ ее показывает,

что весь массив керамики можно разделить на несколько групп[8]. Наибольшее количество фрагментов и целых форм гончарной керамики произведено в мастерских Юго-Восточного Крыма (ЮВК). Она включает в себя неполивную ангобированную (красный ангоб) красноглиняную (светлоглиняную и пр.) керамику и неполивную красноглиняную керамику с росписью красно-коричневым и белым ангобом. Основные формы – кувшины и кувшины-водолеи. Также в эту группу входит поливная (полива зеленого, салатного, желто-коричневого, коричневого цветов) красноглиняная керамика. Поливой покрывали чаши/пиалы, чашечки (солонки?), тарелки глубокие и мелкие, кувшины и кувшинчики одноручные и двуручные, водолеи, подсвечники. Поливные тарелки и чаши также имели «мраморовидную» роспись поливой зеленого и желто-коричневого цветов. Среди поливных сосудов (преимущественно открытой формы) встречаются орнаментированные. Орнамент – врезной (тонкие концентрические окружности, реже – волнообразные линии), подангобный.

Местная гончарная (производства мастерских Тамани) керамика представлена неполивной красноглиняной неангобированной и с красным ангобом. Основные формы – это чаши, миски, кувшины, водолеи, корчаги, крышки сосудов, туваки (?), подсвечники. Данная группа керамики занимает второе место по численности после керамики ЮВК. Среди находок встречаются лощеные экземпляры и довольно много орнаментированных изделий. Орнамент – врезной (сравнительно тонкие врезные горизонтальные прямые и волнообразные линии). Небольшая группа местной посуды представлена лепной керамикой (горшки, миски/тазики (?), котлы с ручками?). Встречаются отдельные орнаментированные сосуды. Орнамент – пальцевые вдавления по краю венчика.

Две немногочисленные группы керамики происходят из османских керамических центров. К группе «урн с горизонтальными ручками» относятся фрагменты «буроглиняных» неполивных тарных сосудов (т.н. урн) с горизонтальными ручками (иногда покрытых красно-коричневым ангобом) и больших гончарных сосудов закрытой формы (кувшинов?). Группа «сосудов с рельсовидным венчиком» состоит из неполивных гончарных коричневоглиняных кувшинов и горшков. Керамика этих групп производилась в неустановленном пока османском керамическом центре (возможно, нескольких центрах). Также найдены 3 фрагмента малоазийских расписных полуфаянсовых кофейных чашечек. Центр их производства – г. Кютахья (Османская империя).

Довольно представительную коллекцию составляют керамические курительные трубки (рис. 10). Из рассмотренных 98 экз. целых трубок и фрагментов 57% составляют «турецкие» трубки (Османская империя); 41% – «крымские» трубки (ЮВК); 1% – итальянские трубки (Венеция?); 1% – трубки неизвестных центров[9]. 11 экз. имеют клейма и надписи, многие из которых поддаются чтению.

---

[8]Авторы благодарят И.Р. Гусач за проведенный анализ керамики османского периода и предоставленные результаты исследования.

[9]Определение И.Р. Гусач.

Среди трубок имеются «крымские» подделки (имитации) «турецких» трубок.

В целом, керамический комплекс османского времени позволяет датировать поселение (а также могильник) Соленый-II XVII – XVIII вв.

Последний период существования памятника представлен также монетами Крымского ханства, которые охватывают вторую половину XVIII в.[10]. Это монеты Селим Гирея II (1743 – 1748 гг.), Максуд Гирея I (1767 – 1768 гг.), Дэвлет Гирея III (1775 – 1777 гг.) и Шахин Гирея (1777 – 1783 гг.). Самой поздней является монета османского султана Селима III (1789 – 1807 гг.), чеканенная в Константинополе.

Все эти находки свидетельствуют о том, что территория, попавшая в зону раскопок, является ближней округой какого-то поселения. На «Военной топографической карте полуострова Крыма» 1817 г. на этом месте стоит обозначение «Биюк обла раз.» (рис. 11). То есть здесь находились развалины селения Биюк-Обла, остатками которых, вероятно, и является археологический памятник Соленый-II.

Несомненно, к этому селению относится грунтовый могильник, часть которого вошла в зону раскопок. Всего было вскрыто 163 погребения, из них 63 мужских, 46 женских и 54 детских[11]. Все они совершены по единому обряду: погребенные лежат вытянуто на спине, головой на запад, в большинстве с доворотом на юг. Некоторые положены в гробах. Большая часть захоронений безынвентарная, то есть здесь соблюдается мусульманский обряд. В то же время во многих могилах обнаружены различные вещи. Погребальный инвентарь находился примерно в 35% мужских погребений, 40% женских и 30% детских.

В мужских погребениях в качестве сопроводительного инвентаря встречаются ножи, железные кресала и кремни, ножницы, железные пряжки, возможно от узды (12). В трех случаях в ногах стояли широкогорлые кувшины. Умерших хоронили в одежде, о чем свидетельствуют находки латунных пуговиц и бляшек, также у нескольких покойников на пальцы были надеты медные перстни.

В женских погребениях инвентарь более разнообразен (рис. 13). В качестве предметов, необходимых в хозяйстве, в могилу клали железные ножи в ножнах и без, ножницы, глиняные пряслица. В большинстве инвентарных погребений присутствуют латунные наперстки. К элементам костюма относятся медные пуговицы и бляшки, а также застежки в виде крючков и петелек. В женских погребениях найдено много бусин, как из стекла разных цветов, так и из сердолика и гагата. Некоторые бусы были собраны в ожерелья, другими были обшиты элементы костюма, например, обшлага рукавов. В качестве украшений женщины использовали серьги, браслеты, цепочки, подвески и перстни из меди и серебра. Очень интересен амулет из челюсти мелкого хищника в медной оправе, подвешивавшийся на шею (рис. 13.12). Частой находкой являются серебряные височные подвески в виде дисков с отверстием в центре (рис.13.2-3). К некоторым крепилась подвеска в виде трех полых метал-

[10]Определение С.И. Безуглого и Е.Ю. Гончарова.

[11]Антропологические определения Е.Г. Зубаревой.

лических бусин (рис. 13.1). В части женских погребений также найдены сосуды – кувшины, чайники, миски. Они клались либо у ног, либо за головой с левой стороны.

Антропологические исследования показали, что уровень жизни жителей поселка был достаточно высоким. Смертность мужчин и женщин до 40 лет примерно одинакова (табл. 1). Значительный процент мужчин, умерших в возрасте 40 – 50 лет. Мужчины и отдельные женщины доживали до 50 – 65 лет. Ранняя смерть женщин, скорее всего, связана с деторождением. В двух погребениях лежали женщины с младенцами, в одном – мать и ребенок 3,5 – 4 лет. Высокая детская смертность характерна как для Средневековья, так и для Нового времени и связана, вероятно, не с плохим питанием, а с низким уровнем медицинской помощи.

Таблица 1

	Всего определимых	До 20 лет	20-30 лет	30-40 лет	40-50 лет	50-65 лет
Мужчины	61	3	18	15	17	8
Женщины	45	8	14	15	6	2

Таким образом, материалы могильника показывают, что он принадлежал оседлому населению, преимущественно исповедовавшему ислам, но не отказавшемуся до конца от доисламских верований. Сделать достоверные выводы об этнической принадлежности жителей селения Биюк-Обла мы пока не можем. Можно лишь предположить, что здесь проживала какая-то группа адыгов, принявшая мусульманство. На это указывают некоторые предметы из погребального инвентаря, в частности серебряные дисковидные височные кольца с прорезью (рис. 13.1-3). Аналогии им известны как в белореченских курганах [Левашева, 1953, с. 204, рис. 12,2], так и в материалах склеповых погребений первой половины XVIII – начала XIX в. у сел. Пялинг горной Ингушетии [Чахкиев, 1998, с. 63, 82, рис. 13, 3-4], а также в курганных погребениях эпохи позднего Средневековья в Верховьях Кубани [Дружинина, 2012, рис. 3.22-24]. Также группа перстней из Соленого-II имеет значительное сходство с перстнями из кабардинского могильника Каррас, расположенного в Пятигорье. Это перстни-«печатки» с узким сплошным обручем плоского поперечного сечения и припаянным к обручу массивным щитком (рис. 13.18-19). Общая форма щитка – усеченный конус с гладкой или рельефной боковой поверхностью, фронтальная площадка щитка – круглая и либо плоская, орнаментированная насечкой, либо оформлена в виде рельефной розетки. Исследователи относят их к периоду не ранее XVIIв. [Дружинина, Пежемский, 2014, с. 36 – 37]. Однако для подтверждения этой гипотезы требуется тщательный анализ всех материалов, происходящих как из культурного слоя, так и из могильника.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Археологическая карта Таманского полуострова, составленная сотрудниками Таманской экспедиции ГАИМК 1930 –1931 гг. // Архив ЛОИА. Р-I. № 158, инв. № 1210.

Войцеховский С.Ф. Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова применительно к эпохе Страбона и позднейшему времени // Записки СКОАИЭ. Кн. I (т. 3), вып. 5-6. Ростов на Дону, 1929 –1930. С. 4 – 9.

Дружинина И.А. О группе средневековых курганов бассейна Верховий Кубани // КСИА. Вып.226. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 196 – 212.

Дружинина И.А., Пежемский Д.В. Кабардинский курганный могильник Каррас (по материалам раскопок Д.Я. Самоквасова в Пятигорье в 1881 г.). Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том III. Казань: Отечество, 2014. С.34 – 38.

Левашева В.П., 1953. Белореченские курганы // Археологический сборник. Труды государственного исторического музея. Вып. XXII. М.: ГИМ, 1953. С. 163 – 213.

Паромов Я.М., 1992. Археологическая карта Таманского полуострова. М., 1992. (Депонировано в ИНИОН РАН. № 47103).

Сокольский Н.И. Отчет о работах Таманской археологической экспедиции 1968 г.// Архив ИА РАН. Р-I, № 37IO.

Чахкиев Д.Ю. Башнеобразный склеп в селении Пялинг // Новое в археологии и этнографии Ингушетии / отв. ред. Д.Ю. Чахкиев. Нальчик: Эль-Фа, 1998. С.46 – 82.

REFERENCES

Arheologicheskaya karta Tamanskogo poluostrova, sostavlennaya sotrudnikami Tamanskoj ekspedicii Gosudarstvennoj akademii istorii material'noj kul'tury 1930 –1931 gg. // *Arhiv Leningradskogo otdeleniya instituta arheologii.* P-I. № 158, inv. 1210.

Vojcekhovskij S.F. Opyt vosstanovleniya rel'efa Tamanskogo poluostrova primenitel'no k epohe Strabona i pozdnejshemu vremeni // *Zapiski Severo-Kavkazskogo obshchestva arheologii, istorii, etnografii.* Kn. I (t. Z), vyp. 5-6. Rostov na Donu, 1929 – 1930. S. 4 – 9.

Druzhinina I.A. O gruppe srednevekovyh kurganov bassejna Verhovij Kubani // *Kratkie soobshcheniya instituta arheologii.* Vyp. 226. M.: YAzyki slavyanskih kul'tur, 2012. S. 196 – 212.

Levasheva V.P., 1953. Belorechenskie kurgany // *Arheologicheskij sbornik. Trudy gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya.* Vyp. XXII. M.: GIM, 1953. S. 163–213.

Paromov YA.M., 1992. *Arheologicheskaya karta Tamanskogo poluostrova*. M., 1992. (Deponirovano v INION RAN. № 47103).

Sokol'skij N.I. Otchet o rabotah Tamanskoj arheologicheskoj ekspedicii 1968 g.// *Arhiv Instituta arheologii Rossijskoj akademii nauk.* P-I, № 37IO.

Chahkiev D.YU. Bashneobraznyj sklep v selenii Pyaling // D.YU. CHahkiev *D.YU. D.(Ed.) Novoe v arheologii i etnografii Ingushetii.* Nal'chik: El'-Fa, 1998. S.46 – 82.

Резюме

В статье приводятся предварительные результаты исследований поселения и могильника Соленый-II в Темрюкском районе Краснодарского края. По материалам многочисленных разведок памятник датировался античным временем и периодом Средневековья. Широкомасштабные раскопки, проведенные в связи со строительством подъездов к Крымскому мосту, показали, что данная территория была заселена с глубокой древности. Здесь были найдены кремневые орудия и погребения бронзового века. К античному периоду относятся много-

численные ямы и скопления керамики в культурном слое. Комплексы развитого Средневековья на памятнике отчетливо не выделяются, но в культурном слое встречается средневековая керамика и монеты Тмутараканского княжества. Наиболее ярко представлен период XVII – XVIII вв. К нему относятся производственные комплексы, гончарный горн и могильник. В культурном слое встречаются многочисленные артефакты этого времени: керамика, хозяйственная утварь, украшения и детали костюма. Наиболее интересной находкой является клад испанских серебряных монет XVII в.

Ключевые слова: охранные раскопки, бронзовый век, Средневековье, Новое время, поселение, могильник, погребения, керамика, монеты.

Sammary

The article presents preliminary results of studies of the settlement and burial ground Soleny II in the Temryuk district of the Krasnodar Territory. According to the materials of numerous preliminary studies, the monument was dated to ancient times and the Middle Ages.Large-scale excavations carried out in connection with the construction of entrances to the Crimean bridge have shown that this area has been inhabited since ancient times. Flint tools and burials from the Bronze Age were found here.Numerous pits and accumulations of ceramics in the cultural layer belong to the ancient period. Complexes of the developed Middle Ages are not clearly distinguished on the site, but medieval ceramics and coins of the Tmutarakan Principality are found in the cultural layer.The period of the XVII – XVIII centuries is most clearly represented. It includes production complexes, a pottery forge, and a burial ground. Numerous artifacts of this time are found in the cultural layer: ceramics, household utensils, jewelry and costume details. The most interesting find is the hoard of Spanish silver coins XVII v.

Key words: security excavations, Bronze Age, Middle Ages, Modern times, settlement, burial ground, burials, ceramics, coins.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Зиливинская Эмма Давидовна, д.и.н.,
ведущий научный сотрудник
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук,
г. Москва, Российская Федерация.
eziliv@mail.ru

Петров Павел Алексеевич,
начальник управления
научно-исследовательских работ
ООО «ИТЦ специальных работ»,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.
pavel_petrov@me.com

Соколов Павел Михайлович, к.и.н.,
главный научный сотрудник
ООО «ИТЦ специальных работ»,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.
sokolov.pm@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Emma Davidovna Zilivinskaya, DhS,
leading researcher of the Institute
of ethnology and anthropology.
N.N. Maclay
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.
eziliv@mail.ru

Petrov Pavel Alekseevich,
Head of the Department
of Research and Development,
LLC «ITC for Special Works»,
St. Petersburg, Russian Federation.
pavel_petrov@me.com

Sokolov Pavel Mikhailovich, Ph.D.
Chief Researcher
of LLC «ITC for Special Works»,
St. Petersburg, Russian Federation.
sokolov.pm@gmail.com

Рис. 1. Поселение Соленый-II на карте Таманского полуострова.

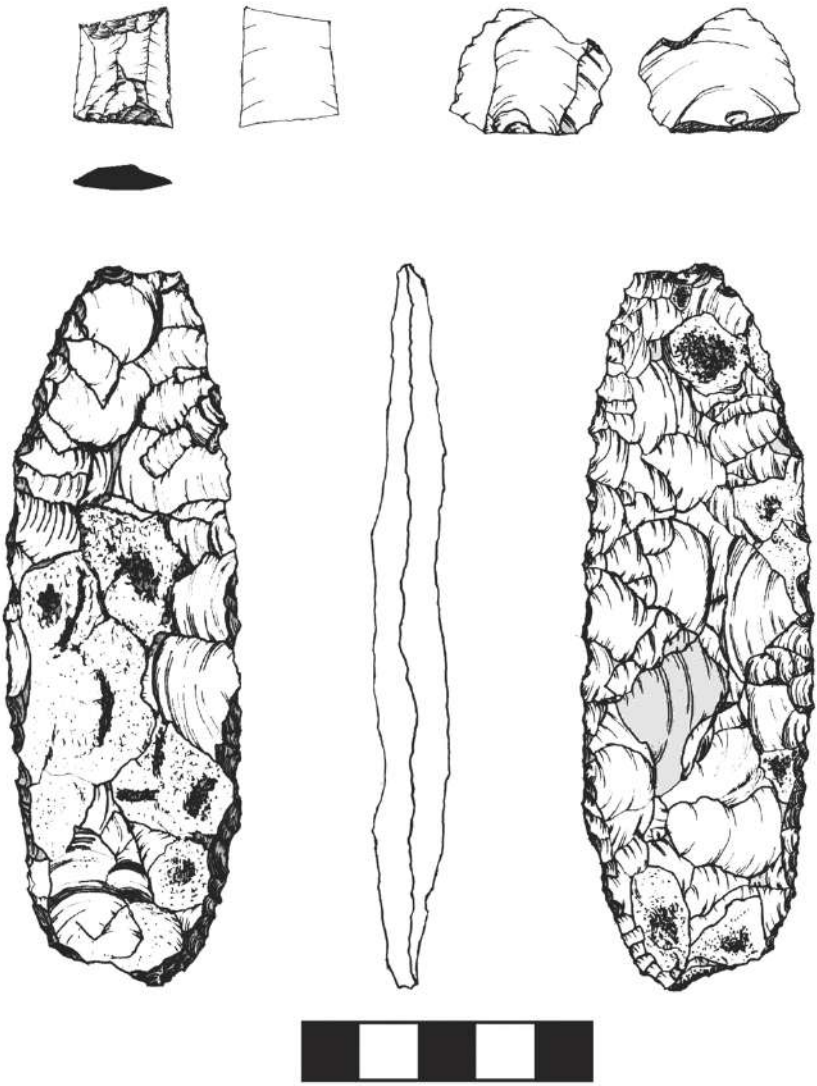


Рис. 2. Кремневые орудия.

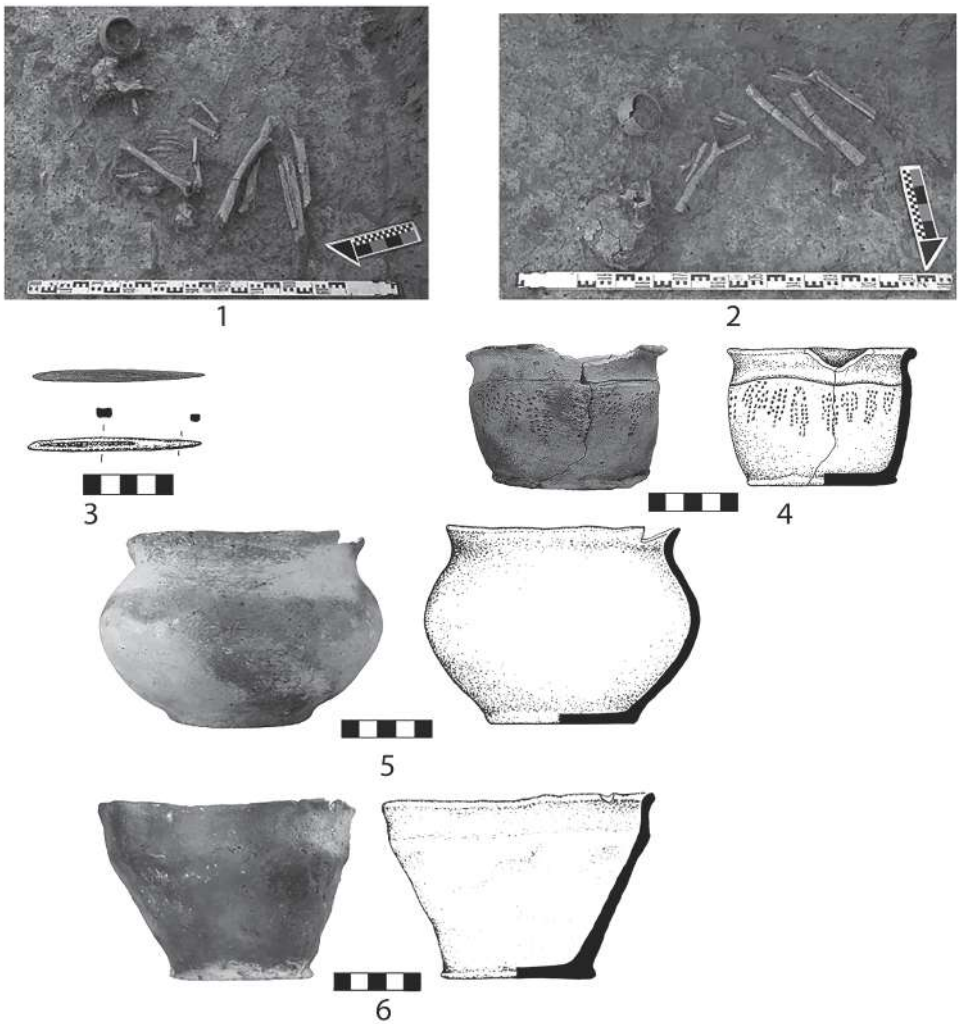


Рис. 3. Комплексы эпохи бронзы: 1, 2 – погребения; 3 – шило бронзовое; 4-6 – лепные сосуды.

Рис. 4. Кувшин, в котором хранился клад серебряных монет.

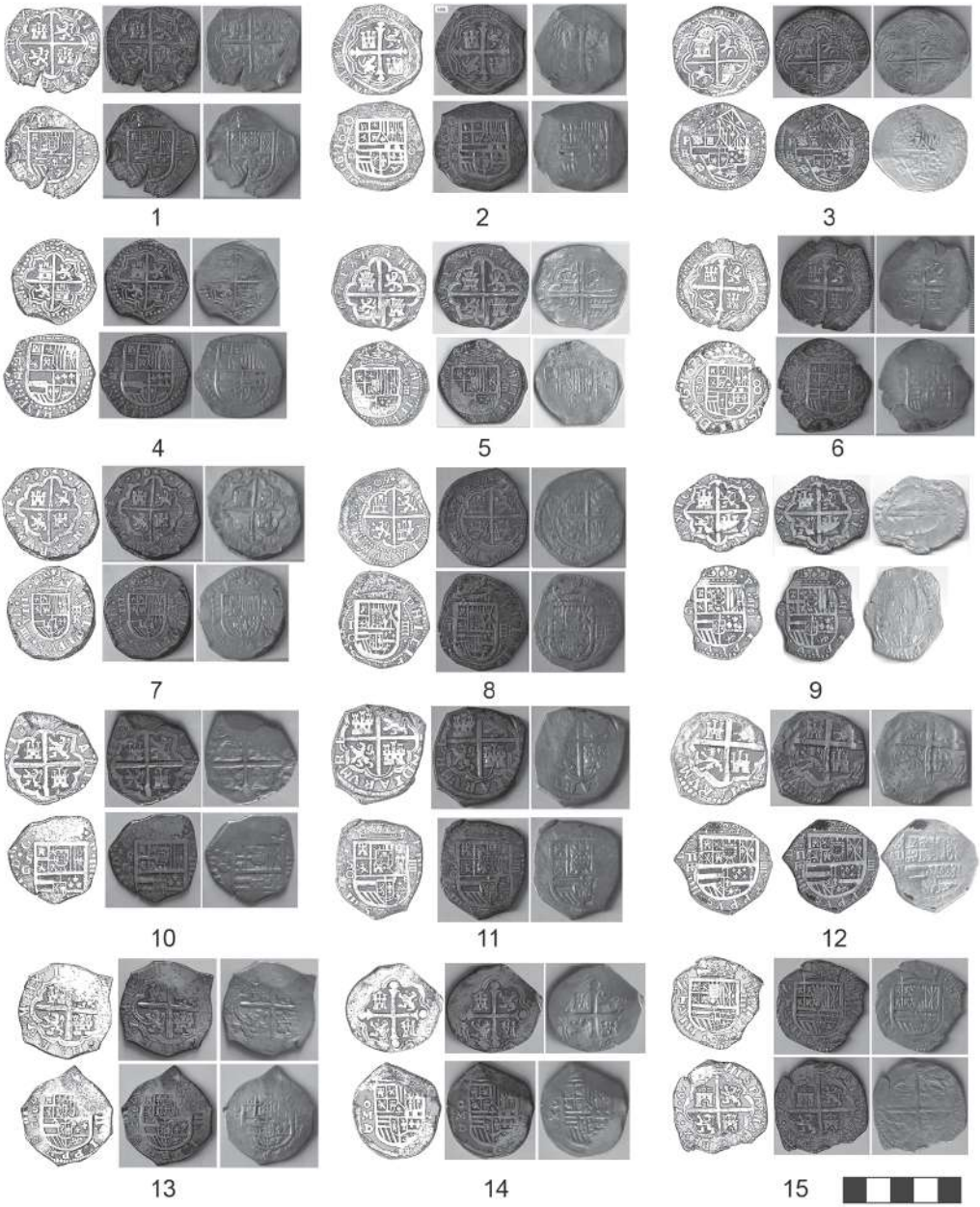


Рис. 5. Испанские макукины (прорисовка М. Мальцева).

Рис. 6. Производственный комплекс.

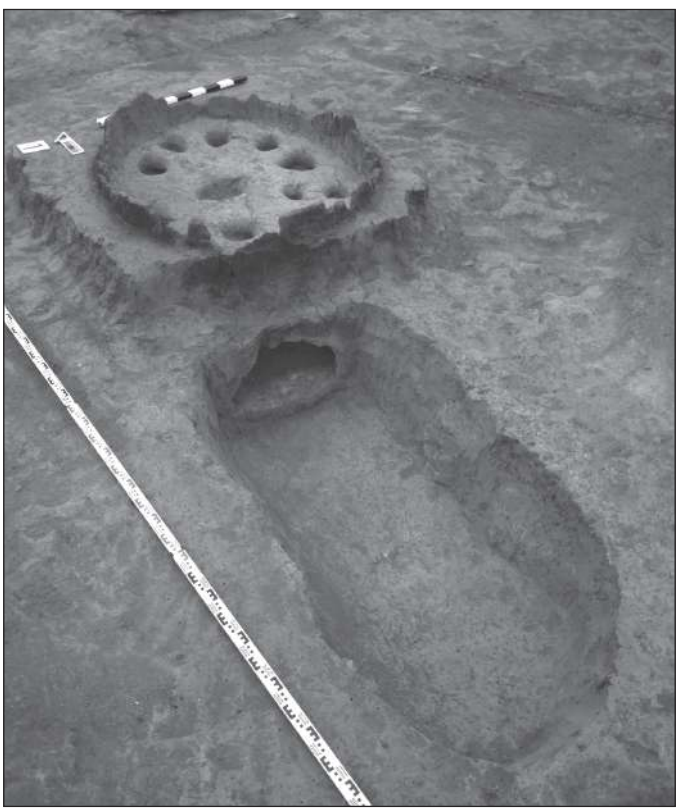


Рис. 7. Горн для обжига керамики.

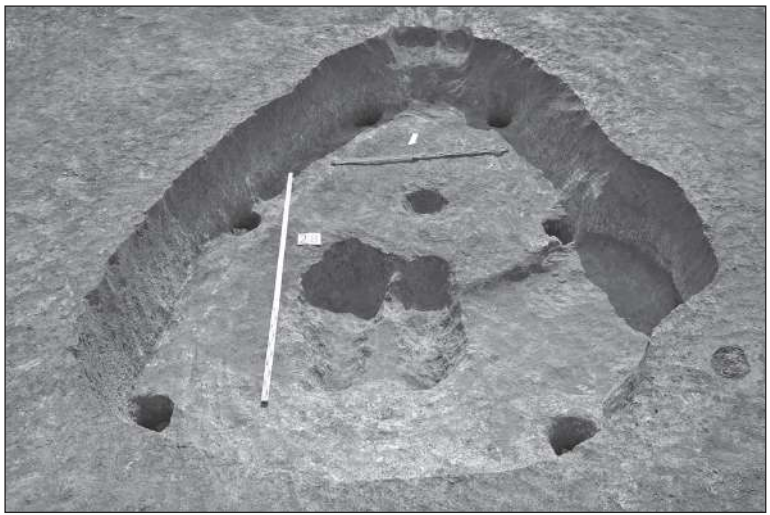


Рис. 8. Полуземлянка.

Рис. 9. Керамика: 1-2 – кувшины; 3-4 – чайники; 5 – тувак; 6 – чаша; 7 – тарелка.

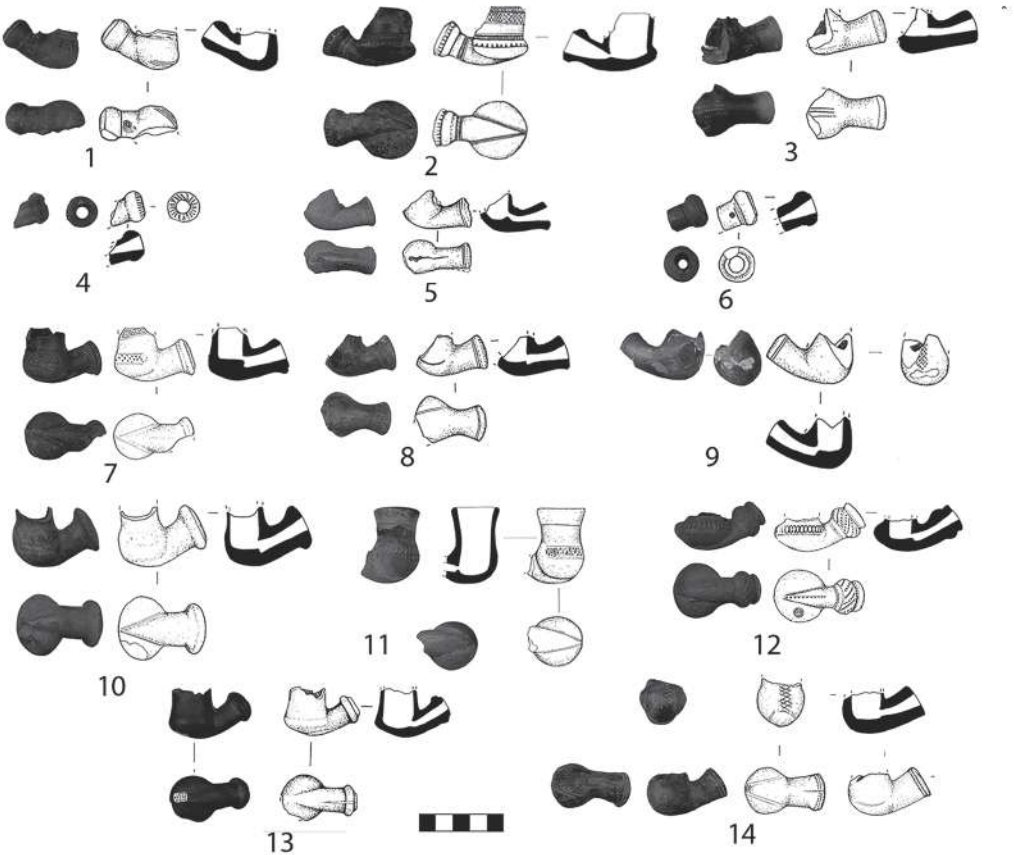


Рис. 10. Трубки керамические.

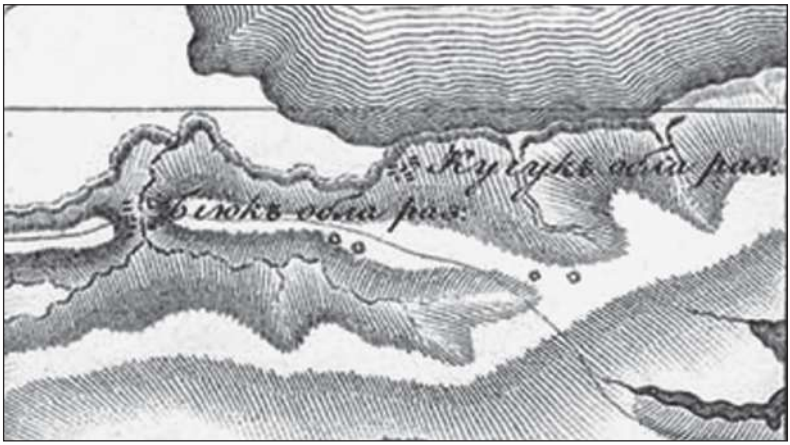


Рис. 11. Фрагмент «Военной топографической карты полуострова Крыма» 1817 г.

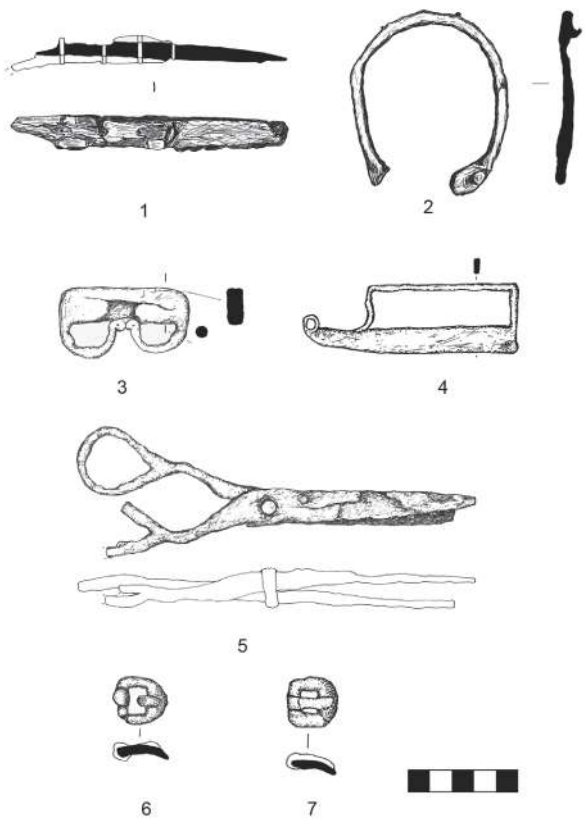


Рис. 12. Предметы железные: 1 – нож; 2 – подкова; 3,4 – кресала; 5 – ножницы; 6,7 – пряжки.

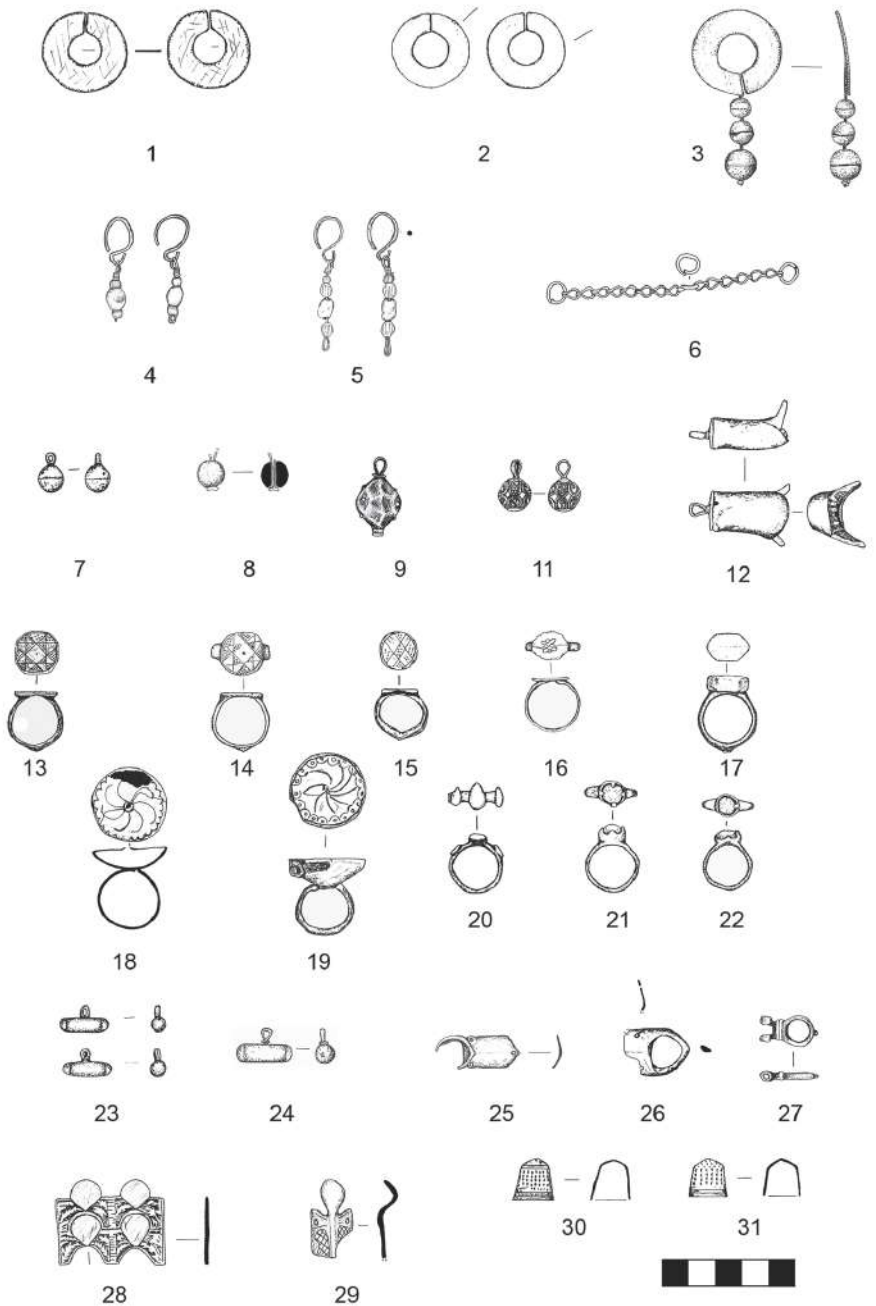


Рис.13. Предметы из серебра (1-2) и меди (3-31): 1-3 – височные кольца; 4-5 – серьги; 6 – цепочка; 7-12 – подвески; 13-22 – перстни; 23- 24 – пуговицы; 25-27- застежки; 28-29 – накладки; 30-31 – наперстки.

Л.Ю. ПОНОМАРЕВ
L. IU. PONOMAREV

ОСМАНСКАЯ КЕРЧЬ В ОПИСАНИИ УЧАСТНИКОВ «КЕРЧЕНСКОГО ПОХОДА» 1699 г.: ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ, ГРАЖДАНСКИЕ И КУЛЬТОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ И ИХ ДАЛЬНЕЙШАЯ СУДЬБА
OTTOMAN KERCH IN THE DESCRIPTION OF THE PARTICIPANTS OF THE MARCH TO KERCH IN 1699 g.: FORTIFICATION, CIVIL AND CULTURAL FACILITIES AND THEIR FURTHER FATE

В 1475 г. Воспоро, как и все остальные генуэзские города и фактории Северного Причерноморья, был захвачен османской армией под командованием великого визиря Гедик Ахмеда-паши [Мурзакевич, 1837а, с. 77–84; Vasiliev, 1936, p. 235–266; Мыц, 2009, с. 404–500; Руев, 2014, с. 157–264; Хайбуллаева, 2001, с. 364–365]. Город, переименованный турками в Керчь (Kerš), стал центром одной из административно-территориальных единиц санджака (затем эйялета-бейлербейлика) Кефе [Челеби, 1999, с. 87, 88, 97; Челеби, 2008, с. 174, 176, 192; Дортелли д'Асколи, 1902, с. 113; Veinstein, 1980, p. 230; Курникова, 2016, с. 17] и на протяжении трех столетий – до июня 1771 г. оставался небольшим провинциальным городом на северной окраине Османской империи[1].

К сожалению, этот период его средневековой истории обратил на себя внимание исследователей сравнительно недавно, при этом основное внимание они сконцентрировали на изучении топографии города и его фортификационных памятников [Бочаров, 2003а, с. 46; Бочаров, 2003б, с. 35–42; Бочаров, 2005, с. 145–150; Бочаров, 2013, с. 342–348; Bocharov, 2015, p. 443–458; Бочаров, 2015, с. 127–148; Белик, 2009, с. 56–59; Белик, 2010а, с. 509–516; Белик, 2015, с. 9–18; Белик, 2016, с. 50–57; Михайлова, 2012, с. 113–126; Артеменко, 2007, с. 18–24][2].

---

[1] 2 июля 1771 г. авангард «легких войск» во главе с секунд-майором Степаном Даниловичем Бурнашевым, входивший в состав отдельного корпуса русской армии под командованием князя, генерал-майора Ф. Ф. Щербатова, без боя вступил в Керчь – «пороху и снарядов там ничего не было, только две пушки». На следующий день им же была занята крепость Ени-Кале, которая, как и Керчь, была оставлена турецким гарнизоном и мусульманским населением. Ключи от крепости ему вынес «тамошний» муфтий Гасан-эфенди. В отличие от Керчи, в Ени-Кале были захвачены «восемь знамен, 66 пушек, пять мортир, довольное число снарядов и до 1500 пуд. пороху». 26 ноября 1774 г. за овладение этими двумя крепостями Бурнашев С.Д., уже премьер-майор, получил орден Св. Георгия IV степени [Журнал.., б. г., с. 563–564; Бутурлин, 1829, с. 68; Записки.., 1894, с. 115–116; Бурнашев, 1901, с. 44–45; Козлов, 1913, с.9–10; Мальгин, 2016, с. 112–113].

[2] В Керченском музее древностей «татарско-турецкий» уголок в «готском» зале появился только к 1923–1924 гг., но и он не давал четкого представления о Керчи османского периода, а больше напоминал этнографическую экспозицию [Быковская, 2014, с. 31–32].

Ведущая роль в изучении градостроительной модели Керчи османского периода, включая ее границы, планировку, основные функциональные узлы и наиболее значимые фортификационные, гражданские и культовые сооружения, отводится немногочисленным письменным источникам XVII – третьей четверти XVIII в. Существенно дополняют их генеральные планы, рисунки и описания Керчи последней четверти XVIII – первой четверти XIX в. Археологические источники в силу небольшого объема проведенных раскопок и опубликованных материалов существенного вклада пока еще не внесли, поскольку в первой четверти XIX в. городское ядро Керчи полностью поглотило территорию, которую она занимала в XV–XVIII вв. В результате ее средневековые культурные напластования оказались практически недоступными для проведения масштабных и планомерных раскопок. К тому же в результате активной и не прекращающейся по нынешний день строительной деятельности слои XV–XVIII вв. понесли наиболее значительные утраты. Именно этот горизонт в первую очередь разрушался фундаментами, котлованами и подвалами построек XIX–XX вв. [Науменко, Пономарев, 2018а, с. 348–358].

Что касается письменных источников, наиболее информативными из них оказались «Книга путешествия» Эвлии Челеби, посетившего Керчь в 1666–1667гг. [Челеби, 1999, с. 97–98; Челеби, 2008, с. 192–196] и «Топографическое описание доставшимся по мирному трактату от Оттоманской Порты во владение Российской империи землям», составленное в 1774 г. инженером-подполковником Р. Н. Томиловым (рис. 2,3) [Томилов, 1868, с. 192–193][3]. В остальных источниках подробное описание Керчи приведено не было, в лучшем случае упоминались отдельные значимые сооружения. К их числу относятся «Описание Татарии» Мартина Броневского [Описание.., 1867, с. 349–350; Броневский, 2005, с. 157–190], «Описание Черного моря и Татарии» Эмиддио Дортелли д'Асколи » [Dortelli d'Askoli, 1891, с. 32; Дортелли д'Асколи, 1902, с. 113, 122], «Описание Украины» Гийома Левассера де Боплана [Боплан, 1832, с. 38; Боплан, 2004, с. 210–211] и анонимный турецкий трактат, датируемый 1740 или 1742 г. [Брун, 1867, с. 7; Губоглу, 1964, с. 149].

В связи с этим особенный интерес представляют описания Керчи, оставленные участниками «Керченского похода» русского флота, состоявшегося в августе 1699г. Одно из них приведено в походном журнале вице-адмирала Корнелия Ивановича Крейса (Корнелия Крюйса) (1655–1727 гг.) (рис. 2,1) [Крейс, 1850, с. 367–394].

[3] В 1773 г. Роман Никифорович Томилов (1731–1796 гг.), на тот момент еще инженер-майор, был направлен в Арабатскую крепость, а в 1774 г. – в Ени-Кале и Керчь. 17 марта 1774 г. он произведен в подполковники, а завершил военную карьеру в чине инженера-генерал-поручика. Его биография, формулярный список и генеалогия рода приведены в монографии В. Ф. Игнатенко [Игнатенко, 2003, с. 17–19]. Полный текст «Топографического описания…» был опубликован в 1868 г. в рукописи, переданной председателем Елизаветградской земской уездной управы П. А. Зеленым в библиотеку Императорского Одесского общества истории и древностей [Томилов, 1868, с. 166–199; Рыстенко, 1910, № III.3.136].

Второе – опубликовано в книге Готлиба Зигфрида Байера «Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу», изданной в 1738 г. [Байер, 1738; Байер, 1768, с. 256–258; Байер, 1782, с. 211–212].

Самому «Керченскому походу» посвящена обширная литература, что избавляет нас от необходимости еще раз вдаваться в его подробности. Напомним лишь, что организован он был не только для того, чтобы сопроводить корабль «Крепость», на котором направлялось в Стамбул русское посольство во главе с думным дьяком Е.И.Украинцевым (рис. 2,1). Попутно решались и другие, не менее важные задачи: политическая демонстрация военного флота, обучение команд, испытание мореходных качеств и прочности недавно построенных кораблей, разведка и практическое освоение театра возможных военных действий [Письма.., 1887, с. 303; Веселаго, 1875, с. 118–121; Елагин, 1864а, с. 122–137; Елагин, 1864б, с. 429–446, приложение IV, № 23; Устрялов, 1858а, с. 274–289; 504–513; Устрялов, 1858б, с. 3–40; Брикнер, 1903, с. 13–14; Бобровский, 1900, с. 352].

Тетрадь, в которой находился «экстракт из журнала, держанного от господина вице-адмирала Крейса», была обнаружена в архиве Морского министерства в делах «Приказа морского флота». При издании в 1850 г. этой рукописи в переводе Петра Ларионова (с голландского) «кроме поправок орфографических никаких изменений… делано» не было [Крейс, 1850, с. 367–368]. После реорганизации архива в 1873г. этот документ хранился в особом отделении, размещенном в зале Адмиралтейств-совета. В описании дел архива Морского министерства (том I), изданном в 1877 г., приведено его полное название («1699 г. марта. Экстракт из журнала держанного от господина вице-адмирала Крейса, на пути из Москвы на Воронеж в Азов на Таганрог и к Керчи, а оттуды паки назад к Азову»), а также инвентарный номер, краткое содержание и количество листов [Описание.., 1877, с. 4–5, № 4, I, л. 1–21; Майкова, 1969, с. 379][4].

Поскольку изданный в 1850 г. «экстракт из журнала» К. И. Крейса давно уже стал библиографической редкостью, отрывок из него касательно Керчи приведем полностью: «В понедельник, в 21-й день[5] сего поутру о 6-м часу, послан быть по воду[6]. С час спустя поехал господин вице-адмирал на корабль Его Величества, и просил позволения, с некоторыми офицерами и двумя шлюпками, турскую эсквадру и города Керчь осмотреть, вместе с капитаном Киеман, с капитаном

---

[4] В 1842 г. выдержки из «журнала» К. И. Крюйса были опубликованы в журнале «Маяк», но ознакомиться с ними нам не удалось [Поход..., 1842, с. 79–90]. Информацию об этой публикации привел Е. Ф. Шмурло [Шмурло, 1889, с. 363–364, прим. 9].

[5] 21 августа 1699 г.

[6] Вероятно, это о себе пишет составитель журнала. К сожалению, неизвестно, кто именно из спутников вице-адмирала являлся автором этих записок, во всяком случае не К. И. Крюйс, упоминаемый несколько раз по тексту в третьем лице как «господин вице-адмирал».

Бекганом[7] и с полковником Бломбергом ; на что Его Величество милостиво изволил.

На галеру турскаго адмирала[8] приехав под претекстом покупки кофе, пшена и прочих потребностей, оной генерала их тотчас посадил на маленькую лавку, коврами покрытую. Он был зело учтив в разговорах, и велел тотчас кофе подносить. В разговорах спрашивал нас: какой мы нации? Ответствовали: англичане и голландцы. На что он генерал сказал: то наши наилучшее друзья; и для чего мы Царю Российскому служим? Отвечали: для того, что англичане и голландцы наилучше друзья Его Царскаго Величества Российскаго, так для союзу как и коммерции, и что наши государи ныне мир имеют, и что мы служим тому, кто нам больше денег дает, и друг Англии и Голландии. Он генерал сказал на то: Черное море зело опасно, и что турки такие великие корабли имеют, на которых пушки обретаются, из которых каменныя ядра по 190 фунтов стреляют. На что мы ответствовали: что касается до Чернаго моря, и мы во флоте довольно офицеров имеем, которые по одному уходили гораздо короче путь сыскать могут в Константинополь, нежели они к Керчи. Что же принадлежит до наших кораблей, то обретаются здесь некоторые, почитай из самых меньших; что мы не употребляем пушек, чтоб каменными ядрами стрелять, но всегда железными от 6, 8, 12, 18, 24 до 50 фунтов; ито для того, что железное ядро насквозь проходит, а каменныя иногда в воду падают, иногда же на части разбиваются.

Мы купили на 80 червонных кофе, которые червонные, он генерал-паши сам весил, и брал с нас недовесу и за четверть аса. При прощании спросил нас паша: куды мы далее едим? Отвечали: как мним, к Керчи. На что паша ответствовал: комендант наш нас не впустит. Мы на то сказали, что пойдем и без спросу и с тем поехали.

И так, наше дело отправя, поехал господин вице-адмирал к водяному месту которое пол-мили маленьких на зюйд-вест и норд-ост, прямо против Керчи. Туды прибыв, нашел четыре канала или медныя трубы, чрез который вода из стены в боты течет, зело выгодно; однакож турския боты отведши, поставили свои на их место. И тотчас, приехав турский чауш верхом, спросил нас: что мы за люди? На что ответствовано: офицеры Его Царскаго Величества флота, и ничего не требуем, как что справедливо есть, а именно: две трубы нам и две на турский флот; и что ежели турские корабли к нам придут, с ними також поступлено будет. На что чауш тотчас и позволил, и за что ручается.

Осмотря то, пошли мы к Керчи. Как скоро на берег вышли, и к городским воротам приближилися, пришла большая часть жителей в великом смятении, и спрашивала

---

[7] Капитаны кораблей «Сила» и «Безбоязнь» англичанин Джон Бекэм (Ян Бекгам, Бекман, John Bekham) и голландец Симон Рокер Кин (Рокус-Кин, Рокускин, Rokus Kien) [Веселаго, 1875, с. 120; Елагин, 1864б, с. 430; Общий.., 1885, с. 38, 327; Аваков, 2015, с. 99–100, прим. 18] и полковник Преображенского полка (1696–1700 гг.) барон Иоганн Эрнест (Иван Иванович) фон Блюмберг (Блумберг, Бломберг), спустя три года сдавшийся шведам под Нарвой [Журнал.., 1770, с. 20; Бобровский, 1900, с. 318].

[8] Имеется в виду адмирал Хасан-паша. Турецкая эскадра состояла из 9 галер и 4 «воинских кораблей» [Письма.., 1887, с. 303].

помянутых господ: чего они требуют, и чьему позволению они туды пришли? На что ответствовали, что на то ни от кого позволения не требуют, понеже Его Царское Величество и государь их мир имеют; и они Его Высокопомянутаго Величества подданные, и для того токмо туды приехали, чтоб некоторыя потребности и запасу за наличныя деньги купить; что однакож у жителей немного успеху получило.

Мы остановилися в середине, в воротах; но татары так сильно теснились, в таком страхе и трепете, якобы город уже сдался. Некоторой греческий матроз выскочил из них, и ухватил вице-адмирала за руку, и сказал: здравствуй господин капитан Крейс! – татары то увидя, тотчас онаго грека подхватили и увели. Помянутой матроз был пред 16 летами в западной Индии[9] с господином вице-адмиралом, которой тогда капитаном был.

Татары, между которых по всем видам и сам комендант был, просили, чтоб помянутые господа в город входить не изволили; что они попечение иметь будут, что все тотчас сюды принесено будет. Однакож посланной и на пистолетный перестрел не отшед, паки ответ принес, что ничего достать не можно, и чтоб они господа на свой корабль ехать изволили; и что они старание приложат, что все потребное на берег или к их кораблям тотчас привезено будет, а именно: быки, бараны, куры, овцы и проч. И как оные господа ни старались, чтоб в город войти, однакож принуждены, чрез их учтивые поступки, отступить. Однакож не могли они помешать, чтоб города их накрепко с наружи не осмотреть. И столько времени за городом имели, сколько нам потребно быть мнилось, чтоб все довольно высмотреть. И возвращаясь к нашему флоту, вымеряли мы оной фарватер, и поперег и вдоль.

Керча стоит на северной широте 46 градусов 57 минут, и на глубокую заливу распространялся, от большей части на ост и вест. Дистанция города около 400 шагов в длину, 200 в ширину; по северной стороне к воде, в зюйдскую сторону к горе высокой; обведен каменною стеною нарочитой вышины. На зюйд-остской стороне имеется крепость с пятью башнями; однакоже стены в некоторых местах развалилися, и зело не крепки; и некоторая плохая грудная защита. Ежели из 12 6-фунтовых пушек по ней стрелять, то и стены и та защита попадают.

Домы все вышиною в одно жилье; кровли плоския, из лещеди. Двадцать турских мечетей и две греческия церкви; из которых одна турская, наизначительнейшая, близко водяных ворот, с полуглобусовою кровлею, и со изрядною пирамидою на сторонь; круг оной хорошая галерея, от земли восемь лестниц вышиною» [Крейс, 1850, с. 388–392; см.: Богословский, 1948, с. 93–96].

Помимо «экстракта из журнала» К. И. Крюйса в переводе Петра Ларионова, пребывание в Керчи офицеров русской эскадры нашло отражение в каком-то другом, неизвестном источнике. В 1738 г. в своем сочинении «Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения оного под Российскую

[9] В кратком изложении биография К. И. Крюйса до поступления его на русскую службу приведена: [Берх, 1825, с. 3–4; Иванов, 2012, с. 26–28].

державу» им воспользовался Г. З. Байер, но, к сожалению, привел не дословно. Тем не менее, и в таком варианте (в переводе с немецкого адъюнкта Академии наук И.К.Тауберта) описание Керчи в нем имеет существенные отличия, по-иному изложены и некоторые подробности пребывания офицеров русской эскадры в городе 21 августа 1699 г.[10] В целом же оба источника дополняют друг друга.

Приведем этот фрагмент полностью: «Потом Российский флот вошел в гавань; однакож татары не хотели никого из русских в город пустить, и как некоторые, не смотря на их запрещение, туда вошли[11], то едва смятения не сделалось, и того ради поставлен был для них рынок на берегу. По свежую воду ходили они сперва больше мили; но как скоро увидели не подалеку в некоторых домах колодези, то начали там воду брать, чего им долго позволить не хотели. Фарватер при Керчи был для корабельного ходу весьма способен, и имел довольную глубину и ширину. В 30 саженях от замка находилась глубина от 11 до 13 футов. Город, которой стоит подле крутой горы, простирался близ версты на зюйд-ост и норд-вест, и с флота можно было оной совершено видеть. Вкруг онаго была сделана каменная стена в 22 фута вышиною[12], а на зюйд-ост стоял замок с 7 башнями, также находилась и каменная плотина между гаванью и замком. Корабельщикам казался сей город совершено сходен с Гибралтаром, кроме того, что на горе при Керчи замка не было. В городе видны были 2 греческия церкви и 22 турецкия мечети, из которых седмь имели высокия башни. На северо-западном краю города находилось кладбище, окруженное каменною стеною, которая сделана была с изрядными башнями и сводами. Городское строение было также все каменное с плоскими кровлями» [Байер, 1768, с. 256–258; Байер, 1782, с. 211–212].

Так что же увидели К. И. Крюйс и его спутники во время своего краткого пребывания в Керчи? Судя по записи в журнале, немного, поскольку внутрь крепости их не пустили, а неполного дня, которым они располагали для осмотра городских предместий, вряд ли оказалось достаточно. По существу, более-менее подробно они смогли описать только наиболее значимые постройки и сооружения, которые оказались по пути их следования от «водяного места» к главным крепостным воротам.

---

[10] В 70-е годы XVIII в. этим же источником из книги Г. З. Байера (или, скорее, самой книгой) воспользовался И. Э. Тунманн – автор раздела о Крымском ханстве в «Большом землеописании Бюшинга» [Тунманн, 1936, с. 44; Тунманн, 1991, с. 41]. Позднее сведения из нее были включены в статью «Воспор или Керчь», помещенную Л. М. Максимовичем в «Новый и полный географический словарь Российского государства» [Максимович, 1788, с. 191].

[11] Здесь, вероятно, идет речь о группе офицеров во главе с К. И. Крюйсом, которые сумели дойти до крепостных ворот. Не пустили в Керчь и людей, посланных в город Е. И. Украинцевым. В своем письме Петру I от 26 августа 1699 г. он писал: «в Керчь, Государь, никого твоих Государевых людей, которых посылал я для покупок, не пускали, а привозили продавать съестные харчи к нам к кораблю» [Устрялов, 1858а, с. 510; ср.: Елагин, 1864б, с. 446].

[12] Высота стен внешнего оборонительного пояса составляла около 4,5 м (от уровня горизонта), а с учетом глубины рва – 6,5–7 м [Белик, 2016, с. 53, рис. 5Б].

Итак, высадившись на берег, в «пол-мили маленьких»[13] к северо-востоку от Керчи, вице-адмирал и его спутники осмотрели «водяное место» – каптированный источник (фонтан) в виде каменной продолговатой стенки, вода из которого подавалась по четырем медным трубам и доставлялась к кораблям «ботами». Возможно, именно о нем в 1774 г. упомянул инженер-подполковник Р. Н. Томилов, описавший его как «источник изрядной воды», удержанный «близ города каменной стеною». По его же словам, в него «доделаны трубки, которые ототкнув, довольствуются водою» [Томилов, 1868, с. 193][14]. К сожалению, описания этого гидротехнического сооружения никто больше не оставил. Неизвестно, как долго существовало оно. Но, по всей видимости, именно этот фонтан изображен на четырех очень похожих рисунках первой половины XIX в. с видом Керчи и Керченской бухты. Наиболее ранним из них, неизвестного автора, иллюстрировано краткое описание Керчи, принадлежащее шевалье Жаку-Франсуа де Гамба, побывавшему в Крыму в 1818 г. (рис. 6,2) [Coup…, 1819, p. 151–152; Gamba, 1826a, p. I–IV; Взгляд..., 1824, с. 19–30; Дюбрюкс, 2010, II, рис. 9]. Второй рисунок был помещен в Атласе к сочинению Жака-Франсуа де Гамба «Voyage dans la Russie méridionale», изданному в 1826 г. [Gamba, 1826б, №4]. От более раннего он отличается более насыщенным передним планом, где появились корабли, лодки, люди и новые сооружения. На заднем плане постройки внутри крепости приняли еще более европейский, не свойственный для Керчи облик. Третий рисунок, автором которого считается Августин Франсуа Леметр [Муравьев, 2007, с.514; Філас, 2019, с. 182], был издан в энциклопедическом труде Жана Мари Шопена «Россия» (1838 г.) (рис. 7,1). Но, за исключением мелких деталей и схематичности изображения, он мало чем отличается от рисунка из Атласа 1826 г. [Famin, 1838, p. 32, pl. V; Богословский, 1948, с. 95, рис. 12; Муравьев, 2007]. В 1848 г., уже в четвертом, опять незначительно измененном варианте (тоновой литографии А. Бигатти) рисунок был переиздан в сочинении А. Б. Ашика «Воспорское царство» (рис. 7,2) [Ашик, 1848, I, рис. I; Дюбрюкс, 2010, II, рис. 10][15].

Наиболее ранний рисунок, неизвестный автор которого, скорее всего, изобра-

---

[13] Вероятно, имеется в виду английская миля, которая в отличие от голландской мили (7407 м), старой русской мили (7468 м) и немецкой мили (7420 м), которой пользовались участники похода 1699 г. [Елагин, 1864б, с. 446], составляла 1,60935 м. Таким образом, высадились они менее чем в 1 км от главных ворот в крепость.

[14] Возможно, хотя и маловероятно, что это описание относится к главному общественному фонтану (о нем см. ниже). Он был упомянут Р. Н. Томиловым несколькими предложениями выше как «источник… пред крепостью», в то время как этот фонтан находился «близ города» [Томилов, 1868, с. 193].

[15] Пятый вариант этого рисунка, опять же неизвестного автора, был помещен в английской газете «Illustrated Times» от 9 июня 1855 г. (рис. 8,1). На этот раз он был переработан до неузнаваемости, особенно передний план, крепостные стены (за исключением узнаваемой круглой башни) и городская застройка Керчи в правой части рисунка, которой художник придал более современный вид. Скорее всего, перед автором, который никогда не видел этого города, стояла задача максимально адаптировать рисунок к событиям Крымской войны (в частности, захвату Керчи союзными войсками 12–13 мая 1855 г.), которые он и должен был проиллюстрировать.

зил город с натуры[16] (но с искажениями и откровенными домыслами), может быть датирован 1818 г.[17] На нем фонтан изображен на берегу бухты в виде массивной прямоугольной каменной стенки[18]. На трех других, более поздних рисунках (1826, 1838 и 1848 гг. издания), стенка изображена с трапециевидным выступом в верхней части, который, если он, конечно, был в действительности, мог представлять собой навершие арки, обрамлявшей центральную часть фонтана с трубками[19]. Причем, как и у многих других подобного рода сооружений в мусульманской архитектуре, она, вероятно, была декоративно оформлена [Ачкуріна-Муфтієва, 2007, с. 32–33]. Что касается «медных труб» – из них вода изливалась, а подавалась она, надо думать, из «главного городского фонтана» (о нем см. ниже) [Бочаров, 2005, рис. 1, пункт 20] по керамическим трубам.

К сожалению, невозможно точно установить, где находился этот источник, тем более о нем после Р. Н. Томилова никто более не упоминал. Судя по рисункам, он располагался на берегу бухты к северу от крепости. Согласно сведениям, приведенным в журнале К. И. Крейса, он находился в «пол-мили маленьких на зюйд-вест и норд-ост, прямо против Керчи». Если принимать за них английские мили, то получается примерно в 800 м к северо-востоку от крепостных стен. Таким образом, если наложить это расстояние на карту современной Керчи, он мог располагаться где-то между судоремонтным заводом (бывшим зданием табачной фабрики Месаксуди) и морским вокзалом (напротив гостиницы «Керчь») (рис. 1,1). На генеральном плане Керчи 1773 г. это участок берега между крепостью и мусульманским кладбищем на берегу соленого озера (рис. 3,1)[20] к северу от нее [Бочаров, 2005, рис. 1]. В 20-х гг. XIXв. он еще не был обустроен, что подтверждает рисунок П. П. Свиньина (1825г.) (рис. 5,1,2) [Свиньин, 1828][21]. По словам Ф. Ф. Вигеля (1827 г.), здесь находилось «болото, низменное место, куда стекаются ручьи из всех фонтанов и которое, при сильных ветрах с моря, затопляется» [Вигель, 1864, с. 70; Механиков, 2006, с. 471]. Не за-

---

[16] В целом верно передана конфигурация залива и мыса, на котором расположена крепость. Реалистично изображена и сама крепость, особенно т. н. круглая «генуэзская» башня на ее северном фланге. Вдалеке, за крепостью, показан мыс Ак-Бурун, а справа от него г. Митридат, хотя художник придал им для эффекта вид настоящих гор. В то же время постройки внутри крепости, это уже плод фантазии автора, особенно здание с покатой крышей и шпилем, напоминающее, скорее, ратушу в европейском городе.

[17] Этим же годом А. Б. Ашик датирует рисунок, помещенный в его сочинении [Ашик, 1848, I, с. 20].

[18] Впрочем, возможно, это было изображено какое-то другое сооружение, находившееся у дороги к крепости Ени-Кале.

[19] В качестве примера можно привести стрельчатую арку фонтана XVIII в. в с. Глазовка (бывш. село Баксы, в 4 км к северу от крепости Ени-Кале) [Белик, 2008, с. 14, рис. 4, 2], который еще несколько лет назад имел относительно неплохую сохранность. Этот фонтан такой же по конструкции (но меньше по размерам), каким был и главный городской фонтан в Керчи, поэтому дает о нем общее представление (рис. 11,2).

[20] На генеральном плане Керчи 1809 г. это озеро уже не показано (рис. 3,2).

[21] Гравюра И. В. Ческого «Керченский порт», выполненная с этого рисунка, была опубликована в 1828 г. [Свиньин, 1828; Ровинский, 1895, стлб. 1139, № 119].

строили его и в 30-е – 40-е гг. XIX в., о чем свидетельствуют рисунки Ф.Дюбуа де Монпере (1832 г.), Карла Клауса (1834 г.) (рис. 15,1), Чернецова Н. Г. (1836 г.) и Карло Боссоли (1842 г.) (рис. 16,2) [Дюбрюкс, 2010, рис. 11; Філас, 2019, с. 289; 24 вида Крыма, 1842; Боссоли, 2014, с. 44].

Что касается главного городского фонтана, он в рассматриваемых нами источниках обойден молчанием, но поскольку занимал важнейшее место в городской инфраструктуре и функционально был связан с «водяным местом», имеет смысл сказать и о нем несколько слов. Устроен он был к северу от западных – главных ворот крепости рядом с мечетью Мустафы Челеби (напротив современного здания главпочтамта на площади Ленина) (рис. 1,2). По словам Эвлии Челеби, это «родниковое место», где «в пяти местах бьют чистые источники воды толщиной в руку... Весь народ города нуждается в этих источниках». Однако о самом фонтане в его «Книге путешествий» нет ни строчки [Челеби, 1999, с. 97–98; Челеби, 2008, с. 196]. Впервые о нем, как об «источнике… пред крепостью», в 1774 г. упомянул инженер-подполковник Р.Н. Томилов, при этом отметил, что им в основном «довольствовались» жители форштадта [Томилов, 1868, с. 193].

В конце XVIII в. он обратил на себя внимание путешественников и неоднократно упоминался ими до 30-х гг. XIX в. Среди них: П. С. Паллас (1794 г.), М. Гатри (1795г.), П. И. Сумароков (1799 и 1802 гг.), Э.-Д. Кларк (1800 г.), Жан де Рейи (1803г.), Ф. Дюбуа де Монпере (1832 и 1834 гг.) [Паллас, 1999, с. 123; Pallas, 1801, s. 279; Guthrie, 1802, p. 172; Clarke, 1816, p. 122; Кларк, 1999, с. 30; Сумароков, 1805, с. 109; Сумароков, 1800, с. 71; Reuilly, 1806, p. 141; Montandon, 1834, p. 264; Монтандон, 2011, с. 201–202]. До первой четверти XIX в. фонтан обозначался на генеральных планах Керчи [Михайлова, 1976, рис. 2; Блаватский, 1951, рис. 1; Тункина, 2002, с.133, рис. 39; Дюбрюкс, 2010, II, рис. 37; 407; 408; 424; Белик, 2019, рис. 4]. Он же изображен на некоторых, сделанных в этот период рисунках Керчи. К сожалению, всегда с неудачного ракурса – с тыльной стороны [Coup.., 1819; Gamba, 1826б, №4; Famin, 1838, p. 32, pl. V] (рис. 6,2; 7). Наиболее реалистично его конструкцию (наличие корыт-поилок для скота) передал автор рисунка из французского издания 1819г., но при этом значительно увеличил его высоту, превысившую крепостную стену [Coup.., 1819] (рис. 6,2). Поэтому на более поздних рисунках художники, никогда не видевшие это сооружение и не понимавшие его назначение, изображали тыльную стенку фонтана как часть внешнего оборонительного пояса крепости, хотя она совершенно и не вписывалась в него (рис. 7,1,2) [Famin, 1838, p. 32, pl. V; Ашик, 1848, I, рис. I].

В 1794 г. его в числе других достопримечательностей упомянул П. С. Паллас. Он описал его как «хороший фонтан новой турецкой работы, на что указывает находящаяся на нем надпись» [Паллас, 1883, с. 59; Паллас, 1999, с. 123; Pallas, 1801, s. 279]. В 1795–1796 гг. Мэтью Гатри упомянул о нем как о большом мраморном бассейне, который используют для поения лошадей [Guthrie, 1802, p. 172]. Несколько строк в обоих своих сочинениях ему уделил и П. И. Сумароков, посчитавший его достойным

внимания среди немногих других, сохранившихся в городе «остатков древних времен». В первый раз побывав в Керчи в 1799 г., он сообщил о нем: «здешний фонтан, испускающий очень вкусную и здоровую воду, сделан на большом пространстве из камня, а передняя онаго стена облечена чистым белым мрамором и хорошо обработана». Свое восхищение им он передал ниже следующими словами: «Надобно приметить, что во всех сего края городах много фонтанов, и что искусство азиатцов в построении оных неподражаемо, и заслуживает великое внимание» [Сумароков, 1800, с. 71]. Спустя три года, вернувшись в Керчь, П. И. Сумароков опять упомянул о нем: «общественный фонтан довольствует чрез приводныя из далека трубы город водою; передняя его сторона сделана из мрамора, и он превосходит все другие в Крыму» [Сумароков, 1805, с. 109]. В 1800 г. «прекрасным мраморным фонтаном турецкой работы» заинтересовался Э.-Д. Кларк. Особенно его внимание привлекло «множество старинных надписей» на нем. На некоторых мраморных плитах он увидел «турецкие буквы, на других очень древние греческие надписи» [Clarke, 1816, p.122; Кларк, 1999, с. 30][22]. Сохранил воспоминания о нем и Жан де Рейи, побывавший в Керчи в 1803 г. Он написал о нем как о большом и красивом, сооруженном из камня и украшенном мрамором фонтане, дающем здоровую и прозрачную воду [Reuilly, 1806, p. 141][23]. Не обошел его вниманием и Керчь-Еникальский градоначальник И.А. Стемпковский, хотя, как и все остальные до него, ограничился общими замечаниями об «устроенном татарами… главном керченском фонтане», мраморы которого «очевидно принадлежали к древним гробницам Пантикапеи» [Стемпковский, 1829, с. 153–154]. Фонтан «на берегу моря, имеющий греческую надпись античных времен», упомянул и Ш. Монтандон [Montandon, 1834, p. 264; Монтандон, 2011, с.201–202]. Более подробно фонтан описал Ф. Дюбуа де Монпере. По его словам, он находился «на высоте 6 футов над уровнем моря, неподалеку от площади и берега… был восстановлен турками с использованием фрагментов античных мраморов и представляет собой большую нишу, из глубины которой вытекает вода. Особенно

[22] Античные надгробия, постаменты статуй и архитектурные детали были вмонтированы в стены многих других построек Керчи, причем не только османского периода, но и возведенных после 1771 г. [Федосеев, Пономарев, 2016, с. 124–136; Пономарев, 2021, с. 234–270]. В конце XVIII – первом десятилетии XIX в. на эту особенность городских построек обращал внимание едва ли не каждый из побывавших в Керчи путешественников. Так, в 1786 г. Жильберу Ромму весь город показался «сооруженным из обломков греческих зданий» [Петрова, Прохорова, 2011, с. 97]. Большим количеством античных древностей, использованных в качестве строительного материала, был поражен и Э.-Д. Кларк, посетивший Керчь в 1800 г. По его словам, стены города «покрыты мраморными плитами, целыми и разбитыми, с барельефами и надписями, оставленными без внимания или разрушенными», а некоторые из них использовались в качестве «ступеней перед дверьми домов» или служили их украшением, причем зачастую будучи установленными «наискось или в совершенно перевернутом виде» [Clarke, 1816, p.118–119]. Изобилие мрамора среди «нетесаных камней… во многих униженных хижинах» Керчи отметил в 1802 г. и П. И. Сумароков [Сумароков, 1805, с. 109].

[23] Лейтенант И. М. Будищев, составитель «Морского путеводителя по Азовскому и Черному морям», изданного в 1808 г., характеризуя керченский порт, упоминает, что «вода здесь хороша и ее не недостаточно» [Будищев, 1808, с. 49].

привлекает взгляд надпись справа; она вырезана на белом мраморе и, несмотря на повреждения, свидетельствует, что Савромат III воздвиг монумент в память отца Митридата Евпатора, в год 489 Боспорской эры (162-й по Р.Х.), 4 числа месяца горпайоса» [Dubois de Montperéux, 1843, p. 131–132; Дюбуа де Монпере, 2009, с. 20]. Таким образом, Ф. Дюбуа де Монпере считал фонтан античной постройкой, а турки его только восстановили[24]. Что касается описания самого сооружения, оно не дает о нем конкретного представления. Внимание путешественника привлекла лишь надпись на фасадной стенке. Судя по всему, их было, как минимум, две. Первая – строительная турецкая надпись (упомянутая П. С. Палласом и Э.-Д. Кларком, но никем не изданная), а вторая – «справа» по Ф. Дюбуа де Монпере – позднее неоднократно публиковалась. Это мраморный постамент с надписью, свидетельствующей об установке статуи Аминием в 192 г. н. э. [Стемпковский, 1829, с. 153–155; Ашик, 1848, I, с. 102, № 35; см. лит.: КБН, 1965, с. 58, № 50].

Таким образом, можно заметить, что никто из путешественников не оставил подробного описания самого фонтана, хотя многие из них восхищались этим необычным сооружением. Он по праву назывался главным городским или общественным фонтаном. В нем можно было не только одновременно набрать воду десяткам людей, но и благодаря специальной конструкции напоить скот. В начале 30-х гг. XIX в. его суточный расход воды составлял 3720 английских куб. футов [Дюбуа де Монпере, 2009, с. 20, прим. 19], но вода была подведена к нему не «со дна долины» (северной – низменной части Керчи – Мелек-Чесменской низменности), как полагал Ф. Дюбуа де Монпере[25], а поступала по керамическим трубам из мощного источника у подножия северо-восточного склона г. Митридат[26], где в одном из «городских дворов» под землей была оборудована большая накопительная цистерна, сооруженная из камня [Небожаева, 2015, с. 184][27]. В этом отношении гораздо более осведомленным оказался неизвестный нам автор описания Таврической области, черновики которого были найдены в делах комиссии о разборе земельных споров в Крыму в 1802 г. По его словам, жители города «водою пользуются из крутизны гор, от фонтанов, проведенными подземными трубами, вода в них здоровая» [Лашков, 1916, с. 170, 174].

Сам фонтан представлял собой открытый, вытянутый в одну линию, узкий прямоугольный резервуар, разделенный перегородками на отсеки-корыта, расположен-

---

[24] На схематическом плане Ф. Дюбуа де Монпере «План Пантикапеи, ныне Керчь, бывшей столицы Боспорского царства», неоднократно переиздававшемся, в том числе в книге Сеймура Г.Д. «Россия на Черном и Азовском морях…», 1855 г., он обозначен как «Ancient Greek Fountain» [Тункина, 2010, II, рис. 414; Seymour, 1855, p. 257].

[25] Позднее в этом ему доверился М. А. Селезнев – автор «Руководства к познанию Кавказа» (1847 г.) [Селезнев, 1847, с. 285].

[26] Об этом вряд ли мог знать И. М. Сбитнев, посетивший город в 1820 г., но он верно заметил, что «горы, окружающие долину, доставляют городу чистую и здоровую воду» [Сбитнев, 1829, с. 35].

[27] Возможно, он находился на месте современного двора дома № 8 по ул. Театральной [Санжаровец, 2011, с. 364, прим. 8].

ные каскадом, благодаря чему вода переливалась из одного отсека в другой. Судя по городским планам того времени, общая длина сооружения составляла не менее 40 м [Санжаровец, 2011, с. 364, прим. 8]. С тыльной стороны отсеки обрамляла массивная стенка, облицованная с фасада мраморными плитами из разрушенных античных построек. Помимо плит в облицовку был вмонтирован уже упоминавшийся выше постамент статуи с надписью «192 г. н. э.».[28] Возможно, как и во многих других средневековых постройках Керчи, в конструкции фонтана были использованы античные архитектурные детали и надгробия [Ашик, 1848, I, с. 102].

К сожалению, время его постройки неизвестно, возможно, оно было указано на одной из мраморных плит, на которой П. С. Паллас и Э.-Д. Кларк увидели турецкую надпись. Однако никто не удосужился перевести ее текст и впоследствии она была утрачена. В 1840 г. фонтан был реконструирован [Вишкарев, Кармашева, Кирилин, Кулипанова, 1974, с. 283][29] и стал называться «Большим», но от сооружения османского периода в нем ничего не осталось. Исчезла и мраморная облицовка, о которой А.Б. Ашик в своей книге пишет уже в прошедшем времени [Ашик, 1848, I, с. 102]. Тем не менее, еще в 1840 г. он упомянут в «Новороссийском календаре» как одна из городских достопримечательностей [Новороссийский календарь на 1841 год.., 1840, с. 100]. Краткое его описание приведено в «Лоции Азовского моря и Керчь-Еникальского пролива», составленной А. Сухомлином в 1854 г.: «в улице[30], идущей к адмиралтейским воротам, есть еще другой фонтан[31]; вода в нем хороша, но не всегда обильна, почему полиция иногда не дозволяет ею пользоваться» [Лоция.., 1854, с.19; Дюбрюкс, 2010, II, рис. 417; Михайлова, 1985, с. 72, рис. 4, д; Михайлова, 1976, рис.3, 2]. В 1856 или 1857 г. он был вновь реконструирован на средства керченского купца 1-й гильдии В. Я. Гущина и тогда же стал называться «фонтаном Гущина» или «Гущиновским мраморным фонтаном» [Объявления.., 1858, с. 164; Объявления.., 1859, с. 113]. Именовался он также «большим» фонтаном [Памятная книжка.., 1863,

[28] В 1794 г. П. С. Паллас нашел в доме священника (церкви Иоанна Предтечи) античное надгробие. Как ему сказали, «камень этот взят из бассейна старого фонтана… находящегося на западе от почтовой дороги, ведущей в Керчь» [Паллас, 1883, с. 59; Паллас, 1999, с. 123; Pallas, 1801, s. 279; КБН, 1965, с.464–465, № 833]. Таким образом, в облицовке и этого фонтана, который путешественник, въезжая в Керчь, не мог не заметить, были использованы античные изделия из мрамора, возможно и надгробия. Находился же он при въезде в город (совр. мкрн Мичурино) у почтовой дороги, некогда пролегавшей вдоль северного склона г. Митридат по современным ул. Комарова и Нижняя-Садовая [Санжаровец, 2019, с. 212–216].

[29] В сочинении А. Б. Ашика «Воспорское царство» главный городской фонтан упоминается уже в прошедшем времени [Ашик, 1848, I, с. 102].

[30] На самом деле на небольшой площади, образованной тремя сходящимися улицами – ул. Строгановской (соврем. ул. Кирова), Торговым переулком (соврем. пер. Кооперативный) и ныне не существующим Адмиралтейским пер., соединявшим ул. Воронцовскую с Таманской площадью [Михайлова, 1985, с. 72, рис. 4, д; Михайлова, 1976, рис. 3, 2; Санжаровец, Ходаковский, Ходаковский, 2016, план на с. 373].

[31] Другой фонтан, откуда корабли могли набирать воду, находился на городской набережной рядом с Царской пристанью [Лоция.., 1854, с. 18; Небожаева, 2015, с. 185; Михайлова, 1985, с. 72, рис. 4, г].

с. 203][32]. Княгиня Е. С. Горчакова, посетившая Керчь в 1880 г., упомянула о нем, как о «весьма красивом фонтане… осененном огромными пирамидальными тополями» и заметила, что он «недостаточен для двадцатитысячного населения», поскольку в остальных колодцах и фонтанах «вода мутна и имеет неприятный вкус» [Горчакова, 1884, с. 190][33]. В июне 1890 г. к «Гущиновскому» и «Царскому» фонтанам были подведены новые гончарные трубы от источника по ул. Греческой (ныне ул. Театральная) у северной подошвы г. Митридат. Трубы были получены из Одессы от фирмы Мориса [Отчет по городским.., 1890, с. 1]. Существовал «Гущиновский» фонтан до второй половины 1890-х гг. (рис. 10,1) [Зенкевич,1894, с. 84]. В 1897 г. фонтан напротив магазина А. М. Дубосарского в доме Морозова упоминается в одном из объявлений, помещенных в «Полицейском листке Керчь-Еникальского градоначальства» [Полицейский листок, 1897а, с. 1]. Разобрали его после того, как в центральной части Керчи был проложен городской водопровод. В 1904 г. по решению городской Думы в память В. Я. Гущина на этом же месте был сооружен небольшой мемориальный фонтан (рис. 10,2). Позднее его перенесли к дому Лобырева на углу ул. Строгановской и Адмиралтейского переулка (рис.11,1). В настоящее время от него уцелел только один фрагмент, в начале 1970-х гг. его установили у западного входа церкви Иоанна Предтечи, а потом перенесли на свое историческое место – к зданию главпочтамта [Санжаровец, 2011, с. 364–365, прим. 8; Небожаева, 2015, с. 184].

Следующим объектом, куда от «водяного места» направились К. И. Крейс и его спутники, стала крепость. Они подошли к ней со стороны главных – западных ворот, у которых и были остановлены (рис. 1,3; 3; 4,1). В «журнале» они названы «водяными», почему именно так, вполне понятно – обращены они были к «родниковому месту» и главному городскому фонтану. По словам Эвлии Челеби, это были двойные ворота, между створками которых была установлена мраморная скульптура льва. Над воротами или сбоку от них (на плите, вмонтированной в стену надвратной башни) путешественник увидел надпись, свидетельствующую о постройке этого сооружения в период правления султана Сулеймана I. По мнению издателя «Книги путешествий» Килисли Рефата, на ней была указана дата, соответствующая 1525/1526 гг. [Челеби, 1999, с. 97; Челеби, 2008, с. 192, 196, прим. 406]. Не меньший интерес представляет упомянутая Э. Челеби скульптура льва, имеющая античное происхождение. В конце XVIII – начале XIX в. она неоднократно упоминалась путешественниками. Первым в 1786 г. ее подробное описание привел Жильбер Ромм: «над теми же керченскими воротами виден лежащий лев из белого мрамора в натуральную величину» [Петрова,

[32] В День Предположения Пасхи (на 25-й день после нее) и 1 августа в день «происхождения честнаго древа» к «большому» фонтану совершался Крестный ход для освящения воды [Памятная книжка.., 1863, с. 203].

[33] В 1876 г. на «колодец», окруженный «группой тополей», обратил внимание Василий Иванович Немирович-Данченко, брат известного русского театрального режиссера и драматурга [Немирович-Данченко, 1880, с. 46].

Прохорова, 2011, с. 97]. В 1794 г. мраморного «венецианского льва… вделанного в стену над воротами» заметил П. С. Паллас [Pallas, 1801, s. 272; Паллас, 1883, с. 54; Паллас, 1999, с. 121; Брун, 1877, с. 253]. В 1800 г. эта скульптура напомнила Э.-Д.Кларку изображения львов на гербах Генуи и Венеции [Clarke, 1816, p. 122; Кларк, 1999, с. 30]. В 1802 г. П. И. Сумароков предположил, что «судя по опустевшему месту» такой же лев «был некогда и на другой стороне» ворот [Сумароков, 1805, с. 108]. В 1803 г. «венецианского» льва упомянул Жан де Рейи [Reuilly, 1806, p. 141].

Однако, когда была установлена эта скульптура, неизвестно, скорее всего, при генуэзцах, построивших эту крепость[34]. Неизвестна и ее дальнейшая судьба, поскольку уже в начале XIX в. она перестала упоминаться путешественниками, хотя все они неизменно посещали крепость и соответственно не могли не обратить на нее внимания. И.М. Муравьев-Апостол и Минас Медичи (Бжшкьянц, настоятель армяно-католической церкви в Карасубазаре, 1820–1846 гг.), путешествовавшие по Крыму в 1820 и 1825 гг., считали, что львы, «стоявшие прежде у ворот керченской крепости», были перевезены в Феодосийский музей [Murawiew-Apostol, 1825, s. 208; Муравьев-Апостол, 1823, с. 262; Тункина, 2011, с. 106]. Такой же точки зрения придерживался Хр. Штир, инженер-капитан, командир Еникальской инженерной команды, составивший 17 марта 1827 г. «Описание древним зданиям в крепостях Еникольской и бывшей Керченской и вообще на крымском берегу Таврического или Воспорского пролива» [Дюбрюкс, 2010, с. 55–56]. Однако, как справедливо заметила И. В. Тункина, привезенные в 1811г. в Феодосию львы (установленные у входа в мечеть, где до 1871 г. размещался музей) были найдены в Фанагории, хотя какое-то время находились в карантине близ крепости Ени-Кале, где их и увидели Ж. Ромм и П. С. Паллас. В Фанагории были найдены и два других льва, установленные в воротах сада феодосийского градоначальника С. М. Броневского, представлявшего собой настоящий «склад» античных древностей [Петрова, Прохорова, 2011, с. 99; Паллас, 1883, с. 60, прим. 14; Паллас, 1999, с. 124; Свиньин, 1826, с. 464–465; Дюбуа де Монпере, 2009, с. 83, 86; Погодин, 1872, с. 306; Горчакова, 1884, с. 170; Указатель, 1912, с. 7, № 1; Дюбрюкс, 2010, II, рис.62; 63; Тункина, 2011, с. 37–38, 88–90, 106, 108, рис. 51; 134; Гераков, 1828, с.122–123]. В 1837 г., после смерти С. М. Броневского, две скульптуры из его сада были перевезены в Керчь и установлены у входа в музей на г. Митридат (рис. 13,2) [Тункина, 2011, с.89–90; Беккер, 1858, с. 355][35]. В 1855 г. их, в числе многих других экспонатов

[34] Видимо, при них же в морских (восточных) воротах была установлена плита с изображением грифона (рис. 13,1) [Челеби, 1999, с. 97; Челеби, 2008, с. 192; Петрова, Прохорова, 2011, с. 97; Вигель, 1864, с. 79–80; Спасский, 1846, с. 148; Тункина, 2002, с. 213–214, рис. 77; Дюбрюкс, 2010, II, рис. 72; Тункина, 2011, с. 108, рис. 135–138; Федосеев, 2017, с. 15]. В 1954 г. на г. Митридат В. В. Веселовым был обнаружен фрагмент плиты с зеркальным изображением головы грифона [Веселов, 1956, с. 62–63, рис. 1]. Возможно, обе плиты являлись составными частями единой композиции [Федосеев, 2015, с. 377–378, рис. 1; Федосеев, 2013, с. 125].

[35] П. С. Савельев, побывавший в Феодосии в сентябре 1856 г., ошибочно указал их прежнее местоположение – «в саду Котляревского (Броневского – авт.) под городом» [Жизнь.., 1871, с. 111].

музея, похитили англичане, оккупировавшие Керчь, хотя в начальный период оккупации их успел на одном из своих рисунков изобразить Уильям Симпсон (29мая 1855г.) и другой неизвестный художник, рисунок которого был помещен в одном из номеров «L'illustration journal universel» (рис. ...). С этого времени они стали частью античной коллекции Британского музея [McPherson, 1857, p. 51; Мак-Ферсон, 2008, с. 73]. Поэтому маловероятно, чтобы один из них происходил из керченской крепости, как в свое время предположили Н. Ф. Федосеев и Н. Л. Кучеревская [Кучеревская, Федосеев, 2003, с. 162]. Скорее, скульптура льва из керченской крепости была демонтирована одновременно с плитой с изображением грифона в ее восточных воротах[36]. Но если плита с грифоном действительно попала в Феодосийский музей в 1811 г. (где хранится и поныне), о чем есть многочисленные свидетельства, включая опись коллекции музея, найденную в бумагах А. Н.Оленина [Свиньин, 1826, с.463; Вигель, 1864, с. 79; Дюбуа де Монпере, 2009, с. 87; Жизнь.., 1871, с. 111–112; Погодин, 1872, с.306; Латышев, 1889б, с.113; Указатель.., 1912, с. 7, № 2; Тункина, 2011, с. 108], то куда переместили скульптуру льва, документальных свидетельств обнаружить не удалось. По мнению Н.Ф.Федосеева и Н.Л. Кучеревской, возможно, это один из трех мраморных львов, хранившихся в Керченском музее до оккупации города союзными войсками в 1855–1856 гг. Два из них (из Фанагории, привезенные в 1837 г. из Феодосийского музея) были похищены англичанами, а третий – о котором идет речь – наиболее плохой сохранности хранится в Керченском лапидарии и по сей день (КЛ-814) [Кучеревская, Федосеев, 2003, с. 162][37].

К сожалению, как уже упоминалось выше, русских офицеров внутрь крепости не пустили, и «как оные господа ни старались, чтоб в город войти» они вынуждены были «отступить». Впрочем, это не помешало им город «накрепко с наружи… осмотреть» [Крейс, 1850, с. 391]. Согласно сведениям, приведенным в «экстракте» из журнала К.И. Крюйса, размеры крепости, «обведенной каменною стеною нарочитой вышины», составляли около 400 шагов в длину и 200 в ширину. В юго-восточной ее части располагалась цитадель – «крепость с пятью башнями». Что касается обороноспособности крепостных сооружений, они вызвали у русских офицеров ряд критических замечаний. Крепость не была способна выстоять против артиллерийского

---

[36] Изъятием керченских древностей мог заниматься П. Дюбрюкс, получивший в 1811 г. «поручение» от С. М. Броневского «перенести в Феодосийский музей мраморы и другие древности, которые мог... собрать» в Керчи [Латышев, 1889а, с. 136; Дюбрюкс, 2010, с. 135]. Возможно, некоторые из них были куплены городским головой Феодосии и первым заведующим Феодосийского музея А. В. Галлерой (Галерой), отправленным в 1811 г. С. М. Броневским в Керчь и Ени-Кале для приобретения предметов древности [Гейман, 1916, с. 103–104; Тункина, 2011, с. 98, прим. 7].

[37] Фрагмент еще одного барельефного изображения грифона «на камне», а также обломки мраморных скульптурных изображений льва и грифона числились в «Описи предметам древности, приобретенные для Керченского музея в течение 1829 года», причем большая их часть была найдена при разборке стен турецкой крепости [Дюбрюкс 2010, I, с. 33, прим. 72].

огня, к тому же нуждалась в ремонте. Ее стены «в некоторых местах развалилися, и зело не крепки; и некоторая плохая грудная защита. Ежели из 12 6-фунтовых пушек по ней стрелять, то и стены и та защита попадают» [Крейс, 1850, с. 392].

В неизвестном источнике, использованном в 1738 г. Г. З. Байером, описание крепости еще лаконичней: «Город, которой стоит подле крутой горы, простирался близ версты на зюйд-ост и норд-вест, и с флота можно было оной совершено видеть. Вкруг онаго была сделана каменная стена в 22 фута вышиною, а на зюйд-ост стоял замок с 7 башнями, также находилась и каменная плотина между гаванью и замком» [Байер, 1768, с. 257; Байер, 1782, с. 212]. Однако, в отличие от «экстракта из журнала» К. И. Крюйса, оно более содержательно и правдоподобнее. К примеру, гораздо точнее указаны размеры города, приведены высота крепостных стен и общее количество башен – семь (пять – в цитадели, 2 – на внешнем оборонительном кольце)[38].

В действительности крепость в Керчи была возведена генуэзцами. Как считает С. Г. Бочаров, не ранее второй половины 60-х гг. XIV в. они возвели цитадель, а к 80-м – 90-м гг. XIV в. внешнее оборонительное кольцо, [Бочаров, 2015, с. 140–142][39]. В 1475 г. и незадолго до этого (в 1470 г.), как планировала генуэзская администрация Каффы [Мыц, 2009, с. 361; Богданова, 1991, с. 99], она не была разрушена и на протяжении всего османского периода не претерпела существенных перестроек, затронувших ее планировку и внешний облик. В 80-е гг. XV в. и в первой четверти XVI в., при султанах Баязиде и Сулеймане, реконструкции, видимо, подверглись лишь некоторые ее оборонительные узлы, о чем свидетельствуют тарихи на западных и восточных воротах крепости, текст которых привел Эвлия Челеби [Челеби, 1999, с. 97; Челеби, 2008, с. 192].

В 1920-е годы, используя картографические источники, Ю. Ю. Марти реконструировал ее внешнее оборонительное кольцо в пределах ул. Адмиралтейской (Адмиралтейский проезд), южной оконечности – ул. Энгельса (ул. Кирова), юго-восточной оконечности – ул. Воронцовской (ул. Ленина), сквера Л.Н.Толстого (сквером за нынешним памятником Ленину) и пер. Церковный (пер. Димитрова) [Марти, 1928, с. 311; Белик, 2015, с. 11; Белик, 2016, рис. 2А]. В целом же

---

[38] Что интересно, семь башен в старой крепости упоминаются и в книге барона Феликса де Божура «Voyage militaire dans l'empire Othoman», материалы для которой он собирал между 1816–1818 гг. [Beaujour, 1829, p. 514].

[39] О том, что Керчь построена во времена генуэзцев, упомянул Жан де Люк (1620-е – 1640-е гг.) [Описание..., 1879, с. 484–485]. Генуэзскими сооружениями назвал крепости Керчь и Ени-Кале А. Х. Бенкендорф (1804 г.) [Бенкендорф, 2004, с. 81]. Такие же сведения получил в Керчи и А. И. Михайловский-Данилевский (1818 г.), отметивший в своих путевых записках: «начало построения ее приписывают генуэзцам» [Михайловский-Данилевский, 1897, с. 92]. Позднее к такому же выводу пришел английский путешественник Джон Бакен Телфер, посетивший Керчь в начале 70-х гг. XIX в. [Telfer, 1876, с. 89]. По мнению И. В. Тункиной, к генуэзскому периоду относится только цитадель крепости, которая в опубликованном ею «Описании древним зданиям…» инженер-капитана Хр. Штира (17 марта 1827 г.) названа примыкающим к крепости «древним готическим замком» [Дюбрюкс, 2010, I, с. 56, 338, прим. 66].

площадь, защищенная стенами части города, в генуэзский и турецкий период составляла 3,52 га, а протяженность стен достигала 617 м [Бочаров, 2003а, с.36–38; Бочаров, 2003б, с. 46; Бочаров, 2015, с. 142].

В свою очередь, генуэзская крепость могла повторить обводы внешнего оборонительного кольца ранневизантийского Боспора [Зеест, Якобсон, 1965, с. 62; Якобсон, 1958, с. 466; Якобсон, 1970, с. 29; Якобсон, 1979, с. 7; Гадло, 2004, с. 100, прим. 84; Михайлова, 1976, с. 50; Науменко, Пономарев, 2012, с. 337; Зинько, Пономарев, 2016, с. 107, 110]. Речь идет о крепости, разрушенные стены которой, по словам Прокопия Кессарийского, были отремонтированы или усилены при Юстиниане I [Прокопий Кесарийский, 1939, с. 249, VIII, 10, 12–13; Блаватский, 1964, с. 226]. К сожалению, обнаружить остатки фундаментов ранневизантийских фортификационных сооружений в приморской части Боспора пока не удалось [Якобсон, 1958, с. 466; Макарова, 1982, с. 98], как и нет указаний в источниках, когда они были возведены [Блаватский, 1985, с. 255].

Что касается самой генуэзско-турецкой крепости, некоторое представление о ней дают рисунки Керчи третьей четверти XVIII – первой четверти XIX в. и генеральные планы города, на которые вплоть до 40-х гг. XIX в. наносились крепостные верки [Брикнер, 1885а, с. 421; Брикнер, 1885б, с. 509; Санжаровец, 2007, с. 41; Coup.., 1819; Famin, 1838, p. 32, pl. V; Ашик, 1848, I, рис. I; Свиньин, 1828; Свиньин 1839, с.360, рис. XXXVII; Дружинина, 1955, с. 294; Михайлова, 1976, рис. 1; 2; Дюбрюкс, 2010, II, рис. 9; 10; 37; 406–408; 417; 420; 424; Белик, 2015, с. 13; Белик, 2016, рис.4А; 5А][40] (рис. 3-9). Причем более реалистичным Е. П. Шевелев считал рисунок «Вид крепости Керчь», сделанный в 1820 г. Э. В. Тетбу де Мариньи (1793–1852) (рис.9,1) [Шевелев, 1848, с. 738; Тункина, 2002, с. 143; Тункина, 2011, с. 91, прим. 71; Мурзакевич, 1881, с. 50, 56, № 45, 4, № 49; Маркевич, 1894, с. 362, № 6695; Краткий указатель.., 1873, с. 13, № 19d; Краткий указатель.., 1887, с. 75, № 65; Краткий указатель.., 1916, с. 91, № 47]. Именно с него была сделана литография «Керченская крепость»[41], опубликованная в сочинении А. М. Зайончковского «Восточная война 1853–1856». Но автором рисунка в нем указан П. Мариньи [Зайончковский, 1908,

[40] Наиболее ранним из них является рисунок, гравюра с которого была сделана Н. Я. Саблиным (1736–1808 гг.) [Брикнер, 1885, с. 421; Санжаровец, 2007, с. 41] (рис. 8,2). Что касается самого рисунка, скорее всего, его автором был художник-аматор Афанасий де Палдо, исполнивший с натуры большую часть иллюстраций к книге П. И. Сумарокова «Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду», в том числе рисунки Керчи и Ени-Кале [Сумароков, 1805; Ровинский, 1895, стлб. 537–538; Філас, 2017, с. 181–183; Філас, 2019, с. 198–199].

[41] Одесское общество истории и древностей приобрело ее для своего музея в 1870 или 1871 гг. [Отчет.., 1872, с. 14]. В «Каталоге картам, планам, чертежам, хранящемся в музее Императорского Одесского общества истории и древностей» Н. Н. Мурзакевич привел полное название этой литографии: «Fortresse du Kertch (1820) prise du côté du Norde. Dess. Par P. d'après Taitbou de Marigni. Litogr. de Lasterie» [Мурзакевич, 1881, с. 56, № 49]. Таким образом, получается, что ее изготовил известный французский литограф – граф Шарль-Филибер де Ластерье дю Сайян (1759–1849 гг.). Что касается самого рисунка, более реалистично на нем показана не только крепость, но и рядовая застройка, которая не напоминает европейский город, как на изображениях Керчи из французских изданий 1819, 1826 и 1838 гг.

с.653; Зайончковский, 2002, с. 574; Гусаров, Чуистова, 1963; Белик, 2016, рис. 6А].

Подробное описание и анализ фортификационных сооружений керченской крепости приведены в публикациях С. Г. Бочарова и Ю. Л. Белика, что избавляет нас от необходимости повторять их [Бочаров, 2003б, с. 35–42; Бочаров, 2005, с. 145–150; Бочаров, 2013, с. 342–348; Bocharov, 2015, p. 443–458; Бочаров, 2015, с. 127–148; Белик, 2009, с. 56–59; Белик, 2010а, с. 509–516; Белик, 2015, с. 9–18; Белик, 2016, с.50–57]. Отметим лишь, что в рассматриваемых нами источниках имеется одна неточность – количество башен в крепости. В «экстракте из журнала» К. И. Крюйса их указано пять, в другом источнике – семь. На самом деле их было девять – пять в цитадели и четыре башни по внешнему оборонительному периметру [Бочаров, 2001, с. 158; Бочаров, 2015, рис. 1; Белик, 2015, с. 14–15; Белик, 2016, с. 54–55].

Правы оказались русские офицеры и в оценке боеспособности крепости. С расширением северных границ Османской империи она перестала быть пограничной, поэтому турецкая администрация считала излишним тратить средства на модернизацию второстепенной крепости [Белик, 2015, с. 9; Белик, 2016, с. 51]. К концу XVII в. она морально устарела и не отвечала новым требованиям фортификации. К тому же располагалась в глубине залива, поэтому не могла контролировать Керченский пролив, важнейшую в этом регионе военную и торговую коммуникацию[42]. Неудачным оказалось и соседство крепости с г. Митридат, высота которой в значительной мере превосходила высоту стен крепости [Белик, 2016, с. 57][43]. И если от небольших отрядов казаков, неоднократно пытавшихся захватить ее в XVII в., она еще могла защитить [Dortelli d'Askoli, 1891, с. 32; Дортелли д'Асколи, 1902, с. 122; Белик, 2016, с. 52; Сухоруков, 1867, с. 173, 175–176, 185–186, прим. 214, 219; Тушин, 1978, с.122], то противнику с мощным артиллерийским вооружением она уже не могла оказать длительного сопротивления. Как позднее заметил П. И. Сумароков: «оборона ея, равно и всех других на здешнем полуострове крепостей, были бы надежными до изобретения только огнестрельных оружий; в наши же времена и малое число войска одержало бы над ними победу» [Сумароков, 1805, с. 107].

Все ее недостатки, особенно проявившиеся после успешного похода к Керчи русского флота, надо думать, осознавала и турецкая администрация. Поэтому, устра-

---

[42] В таком же состоянии пребывала и Тамань, расположенная на противоположной стороне пролива. В 60-е гг. XVII в. Эвлия Челеби назвал ее «самой благоустроенной» и «отлично выложенной из камня» крепостью [Челеби, 2008, с. 209–210]. Но уже в первом десятилетии XVIII в. Ферран описал ее следующим образом: «Город сей защищается ветхою башнею и окружен полуразвалившейся стеной, остатками укреплений генуэзцев, некогда владевших сим берегом» [Ферран, 1842, с. 47; Чхаидзе, 2014, рис. 1, 2]. В 1711 г. Обри де ла Мотрэ упомянул о Тамани как о небольшой крепости с неглубоким рвом, гарнизон которой состоял из небольшого числа янычар [Motraye, 1727, p. 60]. В июле 1771 г. генерал-майор Ф. Ф. Щербатов «нашел ту крепость старинную и развалившуюся» [Журнал.., б. г., с. 570].

[43] На этот ее недостаток указал в 1827 г. Ф. Ф. Вигель в присущей ему своеобразной манере изложения: «Крепость, построенная турками, вероятно, для обороны со стороны пролива, ибо с Митридатовой горы весь гарнизон можно забросать каменьями» [Вигель, 1864, с. 78].

нить их попыталась при помощи новой крепости (Ени-Кале), которую возвели в 1703–1707 гг. с учетом современных требований фортификации и в более удобном для контроля пролива месте – на северо-восточной оконечности Керченского полуострова [Белик, 2007а, с. 282–290; Белик, 2011, с. 11–15; Белик, 2015, с. 51–98; Белик, 2016, с. 69–106]. Керченская крепость с этого времени стала играть вспомогательную роль, поэтому сил и средств на ее модернизацию выделять не стали.

На момент вступления в Керчь русских войск она еще больше обветшала, в крепости оставалось только одно орудие, а гарнизона не было вовсе [Томилов, 1868, с. 192]. В 1775 г. обер-комендант крепостей Керчь и Ени-Кале полковник Иван Алексеевич Ступишин (23 июля 1774 – 1775 гг.) [Макидонов, 2011, с. 103][44] в рапорте князю Г. А. Потемкину доложил следующее: «…замок, так и стены крепости весьма в ветхом состоянии и нападения всегдашнего ожидать надлежит» [Пряхин, 2013, с. 62; Пряхин, 2008, с. 10]. В июле 1775 г. в связи с прибытием в Керчь и Ени-Кале первой группы переселенцев-греков из Архипелага (270 чел.) Г. А. Потемкин отдал распоряжение В. А. Черткову «приступить к восстановлению оных в желаемое состояние» [Дубровин, 1893, с. 22–24; Из дел.., 1893, с. 24], но из более раннего письма Г. А. Потемкина графу З. Г. Чернышеву (от 16 февраля 1775 г.) видно, что при планировании оборонительных мероприятий в расчет керченскую крепость фактически не принимали, собственно, как и крепость Ени-Кале, которая «кажется теперь и совсем надобную для нас не будет», поскольку закрывала «только вход из Азовского моря». Ссылаясь на мнение инженер-капитана Фуникова, составившего в 1774 г. планы крепостей Керчь и Ени-Кале, Г. А. Потемкин главным образом рассчитывал на Павловскую батарею (м. Ак-Бурун), напротив которой (на косе Тузла) Фуников предложил построить еще одну батарею (редут) на «крепких сваях». Впрочем, и эти два укрепления, не имевшие источников пресной воды, предлагались как временные, для «одной только обороны приходящего неприятеля с воды». В случае опасности их гарнизоны должны были «ретироваться в главную крепость», которую Фуников предложил возвести на новом месте[45]. В заключение Г. А. Потемкин отметил – «сие не есть прожект», а только «подробная идея» и добавил, что «по грунту сей земли и по безлесице здесь великую сумму употребить надобно на достижение хорошей крепости» [Дубровин, 1893, с. 15–17][46]. Тем не менее, в 1777 г. при обер-коменданте

---

[44] Согласно реляции князя В. М.Долгорукого от 20 октября 1774 г., комендантами в Керчь и Еникале были назначены полковник Иван Алексеевич Ступишин и майор Булдаков Матвей Дмитриевич [Архив.., 1869, стлб. 294–295]. В 1779 г. Булдаков М.Д., будучи уже полковником (с 28 июня 1777 г.), замещал в должности обер-коменданта Борзова Н.В., отбывшего в отпуск на год [Макидонов, 2011, с. 103].

[45] На плане Фуникова пригодное место для «главной крепости» было обозначено специальным значком, но в письме оно не указано. По словам Г. А. Потемкина, Фуников «опасался и в разговоре со мной сказать, где бы он лучше выбрал место для крепости» [Дубровин, 1893, с. 16–17].

[46] За отсутствием леса в окрестностях Керчи Г. А. Потемкин предложил В. А. Черткову отправлять его «туда из тех мест, которые вы удобными к тому признаете, способом подряда и за казенным присмотром» [Дубровин, 1893, с. 23].

(10 июля 1775 – 28 декабря 1781 гг.) генерал-майоре Николае Владимировиче Борзове [Макидонов, 2011, с. 103] керченскую крепость попытались модернизировать. Однако в полном объеме осуществить задуманные мероприятия не удалось, и в первую очередь ввиду нехватки строительных материалов и людей[47]. Как отметил В. М. Долгорукий в рапорте Г. А. Потемкину (16 декабря 1774г.), «ежели какое заведение ко укреплению Керчи и Яниколя располагать изволите, то наверное и люди и материалы неотменно туда доставлены быть должны, посколику нет там ни бревна ни доски. Сии же варвары (татары – авт.) ниже кола ни за какую цену продать не захотят и в работу не пойдут, поставляя то за грех и будучи тверды в своем ожесточении» [Из дел.., 1914, с. 44–45]. Ввиду нехватки людских ресурсов и строительных материалов (известняк в то время под Керчью если и разрабатывался, то не в промышленных масштабах) работы ограничились возведением со стороны побережья дополнительного вала с бастионно-реданным профилем, а с юга – фортификационным сооружением с тенальным профилем («крепостью в виде интершанца» в «форме звезды») (рис. 3,2; 9,2). Массив возведенных стен и валов был заполнен глиной, а фасады облицованы тесаным камнем. Предназначались эти сооружения для защиты крепости со

---

[47] Согласно смете, составленной Н. В. Борзовым, на строительные работы в крепостях Керчь и Ени-Кале в течение 5 лет требовалось 138 862 рубля и 11,5 тыс. человек [Быковская, 2006, с. 287]. Однако найти в таком количестве рабочую силу было попросту невозможно. Население обоих городов в то время было очень малочисленным [Петрова, Прохорова, 2011, с. 97; Паллас, 1999, с. 121; Мурзакевич, 1853, с. 294; см.: Пономарев, Бейлин, 2016, с. 304]. Не справился бы с этой задачей и размещавшийся здесь воинский контингент. Согласно «расписанию войскам» генерал-поручика А. А. Прозоровского, в сентябре 1776 – весной 1777 гг. в распоряжении Н. В. Борзова, помимо уже находившихся в Керчи и Ени-Кале (с августа и октября 1774 г.) Белёвского и Тамбовского полков Крымского корпуса Украинской дивизии генерал-фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского (в среднем по 2000 чел. рядового состава) [Из дел..., 1914, с. 13, 29; Дубровин, 1893, с. 56; Высочайшие рескрипты..., 1872, с. 65, 80], находились два гарнизонных батальона Ростовского и Азовского полков, а также артиллерийские, инженерные команды и «Компанейских полков команда Албанского войска» (944 чел.) [Дубровин, 1885, I, с. 85]. В 1777 г. Тамбовский полк был включен в состав Кубанского корпуса [Дубровин, 1885, II, с.232–233], а в мае-июне 1779 г. из Керчи и Ени-Кале вместе с другими войсками Крымского корпуса вывели Белёвский полк, что в еще большей степени сократило имевшиеся в распоряжении Н. В. Борзова (и замещавшего его в 1779 г. полковника М. Д. Булдакова) людские ресурсы [Дубровин, 1887, III, с.192–195; Дубровин, 1893, с. 113]. К тому же Албанское войско в расчет можно было не принимать. В этом смысле очень показательно письмо графа Н. И. Панина П. В. Бакунину от 13 мая 1776 г. В нем его беспокоит «неизвестность о состоянии крепостей Керчь и Ени-Кале», и не только из-за татар и турок, а «более» потому, что они находятся теперь в «окружении... такою развратною и неустроенную сволочью, каковы суть показывавшиеся Албанцы и другие, может быть, им подобные пришельцы» [Архив.., 1882, с. 160]. Насколько проблемным оказался поиск людских резервов, и как пытались решить этот вопрос, видно из письма Г. А. Потемкина В. А. Черткову от 14 августа 1776 г.: «если бы по публикам вольных мастеров и работных людей, за настоящую плату, из проживающих в Азовской, Новороссийской и других соседственных губерниях не отыскалось, в таком случае нарядить их подлежащее число из гарнизонных батальонов, которых и препроводить немедленно к оному г. Борзову» [Дубровин, 1893, с. 90–91; Гуковский, 1933, с. 128–129].

стороны моря [Паллас, 1999, с. 121; Дюбуа де Монпере, 2009, с. 12; Белик, 2015, с.17–18; Михайлова, 1976, рис. 2; Тимофеенко, 1984, рис. на с. 193].

В марте 1778 г. генерал-майор П. С. Потемкин, «учиня» по распоряжению Г.А.Потемкина «осмотр крепостям Ениколю и Керчи», нашел их в «совершеннейшем порядке» и отдал должное Н. В. Борзову, который в «сих пустых местах» так много успел сделать. В то же время в своем рапорте он отметил и их недостатки. В частности, керченская крепость «укреплением вновь сделанным кругом замка, усилена гораздо и могла бы много противостоять нападению, но укрепление ее, будучи смазано только глиною, не довольно крепко, чтобы от упорного нападения не разрушилось. Сверх того, локальное положение сей крепости есть под самою горою, которую овладев неприятель может командовать совершенно». В итоге, поскольку «сии крепости (Ени-Кале и Керчь – авт.)... ныне по ветхости стен время от время приходить будут к разрушению», П. С. Потемкин рекомендовал сконцентрировать все имеющиеся средства и силы на новом укреплении, усилив его со стороны суши и увеличив численность гарнизона. Не увидел он нужды и в строительстве Павловской батареи на мысе Ак-Бурун [Дубровин, 1885, II, с. 374–378].

Недостатки керченской крепости прекрасно осознавал и Н. В. Борзов, который отметил в своем рапорте, что, несмотря, на возведение нового укрепления, ее старые фортификационные сооружения находятся в ветхом состоянии, а для гарнизона не хватает казарм [Быковская, 2006, с. 288]. Об отсутствии удобных жилых помещений для «полковых служителей» в своем рапорте упомянул и новый обер-комендант Керчи и Ени-Кале (1781 – 1 января 1783 гг.) генерал-майор Ф. П. Филисов. По его словам, проживают они «большею частию в землянках… от чего и терпят по мокрости и холоду все крайнюю нужду» [Быковская, 2006, с. 289][48]. Недостаточно прочным оказалось и новое фортификационное сооружение. В 1784 г. в своем рапорте князю Г. А. Потемкину инженер-полковник Н. И. Корсаков охарактеризовал его следующим образом: «В Керчи держаться почти никоим образом не можно. Горы висят над головою и укрепления сего бруствера каменные с глиною, от чего не только что от первого выстрела они разрушатся, но и обломками его или перебьют тех самых людей, которые за оными обороняться будут… сия крепость только именем, а существом евом им не стоит того острога, что ныне на Ингульце (г. Николаев – авт.) построен» [Главная.., 1997, с. 203][49]. Поэтому в этом же году было принято реше-

---

[48] В декабре 1774 г., в связи с предстоящим прибытием в Керчь и Ени-Кале Дунайской флотилии, В.М.Долгорукий писал: «теснота квартир» там столь велика, что «принуждено очищать такие жилища, в коих обитающие погибли от заражения язвы» [Из дел.., 1914, с. 45].

[49] «Несколько лучше», по мнению Н. И. Корсакова, выглядела крепость Ени-Кале, но и ее оборонительные сооружения вызвали у него ряд критических замечаний. Для надежной защиты Керченского пролива он посоветовал возвести небольшие укрепления, одно из них на месте Павловской батареи, а два других – на Таманском берегу, расположив их на песчаных косах Тузла и Чушка. Г. А. Потемкин на основании доклада Н. И. Корсакова рекомендовал в своем докладе Екатерине II усилить Павловскую батарею, построив рядом с ней «небольшое, но прочное укрепление». Что касается «полагавшейся прежде»

ние крепость упразднить, разместив в ней лишь казармы на два батальона солдат и провиантский магазин[50]. Вместо бывших турецких крепостей Керчь и Ени-Кале планировали построить новую крепость «Воспор» рядом с Павловской батареей на мысе Ак-Бурун [Изменения.., 1834, с. 141]. Но эти намерения не были приведены в исполнение [Керчь.., 1913, с. 511]. В 1787 г., с началом очередной войны с Турцией, крепости Керчь и Ени-Кале с помощью местных жителей отремонтировали и привели, насколько это было возможно, в боевую готовность, но нужды в них не оказалось [Керчь.., 1913, с. 511; Пряхин, 2008, с. 46][51]. После окончания войны, по словам генерал-аншефа М. В. Каховского (1792 г.), она, как и другие «пограничные» крепости (Кинбурн, Каланчак, Перекоп, Арабат и Ени-Кале) служила «для содержания внутреннего порядка, а более для поклажи военных припасов»[52]. Их нужно было только «несколько поправить и снабдить каждую двумя гарнизонными ротами» [Каховский, 1873, стлб. 604][53]. В 1796 г. князь П. А. Зубов предложил «привести в назначенное состояние» только крепость Ени-Кале (под наблюдением инженер-полковника Ф. П. де Воллана), а керченскую крепость упразднить. Соответственно, Керчь он планировал предоставить «для надобностей торговли, не делая тут никаких военных заведений», а крепость с ее «строениями» превратить «с пользою» в карантин [Ордера.., 1896, с. 11]. Однако эти планы не были реализованы, крепость по-прежнему использовалась как арсенал и склад военного имущества. Согласно черновику описания Таврической области (составленному между 1797–1799 гг.),

---

крепости «при проливе Еникальском», она была «найдена ненужною для того, что по широте пролива проходу судов неприятельских препятствовать не можно» [Копии.., 1872, с. 214; Дубровин, 1893, с. 121].

[50] 21 сентября 1777 г. из размещенных в Керчи и Ени-Кале 1-го Азовского и 3-го Дмитровского гарнизонных батальонов был сформирован пехотный полк. 12 июня 1783 г. Екатерина II издала рескрипт, в котором «составленный для охранения крепостей Ениколя и Керчи из двух гарнизонных батальонов пехотный полк наименовать Таврическим (с 1784 г. – Севастопольским – авт.) и включить в число прочих полевых полков» [Дубровин, 1893, с. 114].

[51] К июлю 1790 г. «у Ениколя» разместили крупный воинский контингент под командованием генерал-поручика А. Г. Розенберга и генерал-майора А. О. фон Шица, состоявший из 4 батальонов Таврического егерского корпуса, 1 батальона Старооскольского мушкетерского полка, 1 батальона Вятского пехотного полка, 10 эскадронов Кинбурнского драгунского полка и 6 эскадронов Таврического легкоконного полка [Дубровин, 1895, с. 100, № 133]. В июне 1791 г. большая его часть во главе с генерал-майором А. О. фон Шицем была отправлена на Таманский полуостров, а затем к Анапе. В октябре 1791 г. в Керчи и Ени-Кале размещались 2 батальона Таврического егерского корпуса, «Еникольская» артиллерийская рота (с 10 пушками) и инженерная команда [Дубровин, 1895, с. 236, 281, 286].

[52] С 1792 г. по январь 1797 г. крепости Керчь и Ени-Кале находились в ведомстве Экспедиции строения южных крепостей, которое в разные годы возглавляли В. В. Каховский, А. В. Суворов и П. А. Зубов [Столетие.., 1902, с. LIX]. В 1795 г. в крепости Ени-Кале предполагали устроить «магазейн» на 25 тыс. четвертей муки для обеспечения сухопутных войск [Из дел.., 1895, с. 31].

[53] Обер-комендантом Керчи и Ени-Кале в то время (1783–1788 или 1794 г.) был генерал-майор (генерал-поручик с 1790 г.) А. Г. Розенберг (в его ведении находилась и Фанагорийская крепость). Непосредственно в должности коменданта Керчи и Ени-Кале в 1792 г. состоял подполковник 2-го батальона Таврического егерского корпуса Григорий Яковлевич Плохута [Макидонов, 2011, с. 194], хотя капитан А.Клобуков в письме М. Л. Фалееву назвал его «керченским комендантом» [Из дел.., 1895, с. 21].

найденному в делах комиссии о разборе земельных споров в Крыму в 1802 г., на территории крепости помимо «древней греческой церкви с мраморными столбами» находились «казармы и магазейны из дикого камня для приходящих суден из Таганрога и Ахтиара с припасами» [Лашков, 1916, с. 170, 174]. Среди этих же бумаг была найдена ведомость о числе поселений и жителей Таврической области, составленная, как считают, главным землемером Чуйко, командированным для генерального межевания Новороссийской губернии. В этом документе упоминаются 10 помещичьих крестьян, проживавших в крепости и принадлежащих генерал-майору Куприну[54] и поручику артиллерии Болотникову [Негри, Соколов, Михневич, Лиликов, Шевелев, 1848, с. 751–752; Лашков, 1916, с. 166, 170]. Таким образом, документ свидетельствует о том, что в крепости на тот момент, помимо артиллерийской команды, размещался батальон(?) одного из егерских полков[55]. В 1806 г., со слов Реджинальда Хебера, ее гарнизон состоял из четырех рот «легкой пехоты» при подполковнике и майоре [Храпунов, 2008, с. 668]. В 1808 г. Шарль Рене Пикте де Рошемон сообщил, что в крепости вместо гарнизона размещался «охотничий» (егерский?) полк во главе с генерал-майором [Lettres, 1810, с. 140][56]. Спустя два года французский путешественник Габриэль де Кастельно д'Орос, отметил, что крепость еще существует, и в ней есть казармы для гарнизона [Castelnav, 1820, p. 241]. В 1811 г. в ней размещался 2 батальон Алексопольского пехотного (мушкетерского) полка [La guerre.., 1907, с.196]. В 1818 г. в Керчи квартировал 8 егерский полк [Памятка.., 1913, с. 47]. Что касается ее артиллерийского вооружения, оно в 1818 г. насчитывало семь орудий [Керчь.., 1913, с. 511]. В то же время состояние крепостных сооружений продолжало ухудшаться. В 1800 г. Э.-Д. Кларк охарактеризовал крепость как пребывающую в руинах [Кларк, 1999, с. 30]. Примерно в таком же состоянии ее в 1818 и 1820 гг. застали А. И. Михайловский-Данилевский и И. М. Сбитнев. Первый из них заметил, что она «вовсе развалилась», другой – что «крепость от времени очень повреждена» [Михайловский-Данилевский, 1897, с. 92; Сбитнев, 1829, с. 36].

---

[54] Куприн Андриан Дмитриевич (род. в 1747 г.). В 1795 г., будучи подполковником, находился в Фанагорийской гарнизонной команде при 1-м и 2-м батальонах Таврического егерского корпуса, в 1797 г. произведен в полковники, в 1798 г. – в генерал-майоры, в 1797–1798 гг. – командир 15 егерского полка.

[55] Напомним, что оба документа (черновик описания Таврической области и ведомость о числе ее поселений и жителей) были найдены среди бумаг, датированных 1802 г. Однако, возможно, они относятся к более раннему времени, поскольку в одном из них в крепости Ени-Кале упоминаются две церкви – старая Успенская церковь в крепостной мечети и новая Успенская церковь в предместье [Лашков, 1916, с. 174]. Новую церковь возвели к октябрю 1799 г. и в этом же году она была освящена [Говоров, 1897, с.800, 802; Гавриил, 1848, с. 203; Пономарев, 2020, с. 148–150]. Соответственно, старую церковь упразднили в ноябре 1799 г. [Белик, Ткачук, 2007, с. 533–534; Белик, 2010б, с. 441]. Последним о них сообщил П. И. Сумароков, посетивший Керчь и Ени-Кале летом 1799 г. [Сумароков, 1800, с. 72]. Таким образом, не позднее 1799 г. могут быть датированы и оба документа, оказавшиеся в папке с делами 1802 г.

[56] Возможно, речь идет о 12-м егерском полке и его шефе – генерал-майоре С. Г. Гангеблове, который в 1810 или 1811 г. предпринял раскопки одного из курганов под Керчью [Дюбрюкс, 2010, с. 32, 132–133; Федосеев, 2017, с. 7].

В 1820 г. крепость была упразднена и передана в ведомство гражданских властей[57]. Спустя год, со вступлением в силу указа об открытии торгового порта в Керчи [Скальковский, 1838, с. 308], ее судьба была решена. В 1821 г. одесский архитектор Франсуа Шаль под руководством инженера-полковника К. И. Потье разработал генеральный план реконструкции города и «забытой турецкой крепости»[58] в нем места не оказалось [Бунин, Ильин, Поляков, Шквариков, 1945, с. 231–232, 236, рис.257; Михайлова, 1976, с. 52–53]. В последний раз попытку привести ее в порядок предпринял инспектор Керченского портового карантинного округа полковник (коллежский советник) Ефим Иванович фон Ден, в 1822 – октябре 1823 гг. временно исполнявший обязанности Керчь-Еникальского градоначальника [Месяцеслов.., 1824, с.211]. К лету 1822 г., по словам английского путешественника, доктора Р. Лайелла, она была «недавно отремонтирована» [Layall, 1825, p. 376]. Тогда же Е. И. фон Ден «велел белить» и «почерневшую от столетий… древнюю церковь» в крепости (Иоанна Предтечи) [Вигель, 1864, с. 67, 78]. В 1824 г. крепость, как не отвечающую новому генеральному плану города, «назначили уничтожить»[59], и в 1827 г. ее стали разбирать на камень, который продавался жителям города для строительных нужд [Стемпковский, 1827, с. 66; Дюбрюкс, 2010, I, с. 338][60]. Когда точно, неизвестно, но в апреле 1827 г. она еще была. На запрос главноуправляющего путями сообщений и публичных зданий «об остатках древних зданий в городах и о воспрещении разрушать оные» Керчь-Еникальский градоначальник Ф. Ф. Вигель в своей записке от 29апреля 1827 г. ограничился лишь представлением чертежей (плана, «фасада и профиля») церкви Иоанна Предтечи, при этом указал «…хотя и есть ограда керченской

---

[57] Что касается Ени-Кале, 11 ноября 1826 г. ее причислили к крепостям 2-го класса. Но в таком качестве она существовала недолго, 15 июля 1835 г. крепость в Ени-Кале и комендантское управление при ней были упразднены [Городские.., 1864, с. 779].

[58] Так образно, правда, о самой Керчи отозвался в 1817 г. граф А. Ф. Ланжерон [Скальковский, 1838, с. 263].

[59] На «Генеральном плане крепости и городу Керчи» 1824 г. на территории, занимаемой крепостью, нанесены дома плац-майора и обер-офицера, офицерские дома, «генералитетский» дом, солдатские казармы, артиллерийская солдатская казарма, артиллерийский и инженерный цейхгаузы. В некоторых башнях цитадели и отдельном здании внутри нее размещались пороховые погреба, а в южном укреплении в 1817 г. была построена баня. Время сооружения последней известно благодаря бронзовому кадилу с евангельскими сюжетами, найденному штаб-лекарем Кульчицким (Кульчинским) «при рытье фундамента для солдатской бани на берегу моря» [Ашик, 1850, с. 176–177; Мурзакевич, 1853а, с. 565–566; Науменко, Пономарев, 2013а, с. 253]. Крепостным командиром Керчь-Еникальского гарнизона в 1825–1826 гг. был подполковник 10 полевой артиллерийской бригады, кавалер ордена Св. Георгия IV класса Банов Иосиф Гаврилович [Список.., 1825, с. 88].

[60] 17 марта 1827 г. «предполагаемая к сломке» по утвержденному императором градостроительному плану Керченская крепость и примыкающий к ней «в виде древнего готического замок» были включены в «Описание древним зданиям в крепостях Еникольской и бывшей Керченской и вообще на крымском берегу Таврического или Воспорского пролива», составленное Хр. Штиром, инженер-капитаном, командиром «Еникольской инженерной команды» [Тункина, 2002, с. 88; Дюбрюкс, 2010, с. 55–56]. К сожалению, оно так и не было опубликовано.

крепости, генуэзцами построенной; но как крепость сия по Высочайшему повелению упразднена, то затем я не считаю нужным представлять Вашему высокопревосходительству план ограды, которая вскоре должна быть разрушена» (Дюбрюкс, 2010, с.56). Спустя два года, за исключением круглой приморской башни на северном фланге внешнего оборонительного пояса[61], она была полностью разобрана [Ашик, 1848, I, с. 91, прим. 3; Тункина, 1999, с. 51; Дюбрюкс, 2010, I, с. 338]. Спустя несколько лет на месте разобранной крепости появилась восьмигранная площадь, окруженная со стороны залива галереей, поддерживаемой колоннами и пилястрами (рис. 15,2). Основной доминантой площади, названной позднее Предтеченской, стал соборный храм – церковь Иоанна Предтечи, единственный уцелевший после реконструкции центральной части города, средневековый памятник в Керчи [Дюбуа де Монпере, 2009, с. 13; Скальковский, 1836; Михайлова, 1976, с. 51–54; Дюбрюкс, 2010, I, с. 289–290; II, рис. 11; 417; Смоленский, 1840, с. 284; Демидов, 1853, с. 474; Марков, 1898, рис. на с. 260; Толстиков, 2007, рис. 3].

Что касается «каменной плотины между гаванью и замком», упомянутой в источнике, приведенном Г. З. Байером [Байер, 1768, с. 257; Байер, 1782, с. 212], – «каменной» или «древней плотиной» именовался мол, построенный еще в античную эпоху и, вероятно, функционировавший в средневековый период. Как долго, неизвестно (рис. 1,5) [Шкорпил, 1908, с. 63; Шкорпил, 1914, с. 16, прим. 3; Марти, 1926, с. 15; Якобсон, 1958, с. 494; Толстиков, 1992, с. 56]. В XIX – начале XX в. его «едва покрытые водой» остатки отчетливо прослеживались в виде каменистой гряды, вытягивающейся по направлению к северо-востоку более чем на 300 метров[62] (рис. 17,1) [R… de S.., 1822a, p. 7; Свиньин, 1828, с. 4; Свиньин, 1839, с. 362; Дюбрюкс, 2010, I, с.288; II, рис. 46; 49; 406–408; Jesse, 1841, p. 108; Лоция.., 1854, с. 18; Шевелев, 1846, с. 362;

---

[61] Возможно, именно о ней в 1827 г. упомянул Ф. Ф. Вигель: «в ней (в крепости – авт.) примечательного есть одна древняя башня, говорят еще генуэзская» [Вигель, 1864, с. 78]. А. Б. Ашик в своем сочинении «Воспорское царство» пишет о ней: «на берегу моря, близ адмиралтейства, красовалась уцелевшая каменная башня, единственный памятник владычества генуэзцев… К сожалению, башня эта была сломана, потому что по новому плану городу находилась среди улицы», вероятно, будущего Адмиралтейского переулка [Ашик, 1848, I, с. 20; ср.: Краткий.., 1892, с. 2]. Как о «единственном памятнике – свидетеле Средневековья» об уцелевшей башне сообщил Фредерик Дюбуа де Монпере, посетивший город в 1832 и 1834 гг. [Дюбуа де Монпере, 2009, с. 13]. В 1855 г. в своем путеводителе по Крыму (и дважды переизданной главе из него – «Керчь и Ени-Кале») о ней упомянул Ф. А. Федоров, но, скорее всего, использовал уже устаревшие к тому времени сведения именитого швейцарского ученого и путешественника [Федоров, 1855а, с. 128–129; Федоров, 1855б, с. 567; Федоров, 1855в]. Башню, видимо, разобрали между 1832 и 1834 г., поскольку она отсутствует на детальном и реалистичном рисунке Керчи русского химика и ботаника Карла-Эрнста Карловича Клауса, посетившего город в 1834 г. в составе научной экспедиции Карла Христиана Гёбеля [см. Філас, 2019, с. 289] (рис. 15,1).

[62] Лишь изредка, после того как уровень воды в заливе понижался после особенно сильных штормов, его отдельные участки выступали над водой, как это случилось после двухнедельного шторма в октябре 1861 г. К 18 октября уровень воды в бухте понизился более чем на 2 фута [Полицейский листок.., 1861, с. 170].

Ашик, 1848, I, табл. IV; Ставровский, 1910, с. 810; Гайдукевич, 1949, с. 159, рис. 26; Толстиков, 2007, рис. 3]. В «Морском путеводителе по Азовскому и Черному морям», составленном в 1898 г. лейтенантом И. М. Будищевым, они именуются «керченским рифом» и описаны следующим образом: «от бастиона Керченской крепости есть каменный риф, положение его на О и W до 2 кабельтовых, глубина на нем 3 и 4 фута» [Будищев, 1808, с. 50]. Не позднее 1832 г. его длину измерил Керчь-Еникальский градоначальник И. А. Стемпковский. Об этом в своем сочинении упомянул Дюбуа де Монпере: «Г-н Стемпковский измерил подо льдом участок последнего, еще не занесенный песком и имеющий 160 саженей длины» [Дюбуа де Монпере, 2009, с.16]. В 1822 г. он упоминается в «Записке о Керченском порте...» Р. А. де Скасси: «порт разделен на два бассейна крепостью, у оконечности которой почти на уровне воды видны еще остатки древнего мола, естественным образом защищенного со всех сторон от ветров с открытого моря». На момент ее составления у оконечности мола, длина которого со слов Р. А. Скасси составляла «не более пятидесяти шагов», могли загружаться суда грузоподъемностью до 200 тонн [R… de S.., 1822a, p. 7; R… de S.., 1822б, p. 69; Записка.., 2016, с. 415; Орехов, 2018, с. 96][63]. В 1827 г. «бывшая плотина» была включена в «Описание древним зданиям, находящимся в крепостях Еникольской и бывшей Керченской…», составленное Хр. Штиром, инженер-капитаном при «Еникольской инженерной команде» [Тункина, 2002, с. 88][64]. В описании Н.Н. Мурзакевича, посетившего Керчь в 1836 г., «след древнего эллинского мола», хорошо видный в «тихую и ясную погоду», представлял собой длинную полосу красного цвета «которая тянется от берега сажень на двести» и «удостоверяет в существовании эллинской гавани на этом месте» [Мурзакевич, 1837б, с. 675]. По словам П.Дюбрюкса, в районе, занимаемом крепостью, «не сохранилось никаких следов древности, за исключением старого мола, начинавшегося за греческой церковью, простиравшегося на северо-восток более чем на сто саженей и прикрывавшего арсенал или порт, упоминаемый Страбоном» [Дюбрюкс, 1858, с. 25; Дюбрюкс, 2010, I, с.288]. В Лоции, составленной капитаном 1-го ранга Егором Павловичем Манганари (между 1828 и 1837 г.), длина старого мола (он назван рифом) обозначена в пределах «одного и три четверти кабельтова» [Лоция.., 1845, с. 90–91]. А. Б. Ашик в донесении Керчь-Еникальскому градоначальнику З. С. Херхеулидзе от 16 декабря 1845 г. определил его длину в 160 саженей и уточнил, что «следы» его «еще не совсем занесены песком» [Шкорпил, 1908, с. 63]. В этом же году «двухтысячелетний Киммерийский

[63] В переводе С. Н. Наумкина остатки древнего мола превратились в «насыпную пристань» [Записка.., 2016, с. 415].

[64] Впрочем, не совсем понятно, о какой «плотине» идет речь, поскольку Хр. Штир отметил ее местоположение в совершенно другом месте: «Следы бывшей плотины» — «в 5 верстах от г. Керчи, к Ениколю, видны на море близ берега остатки каменной плотины, бывшей некогда поперек всего залива Керченского и ограждавшей гавань сего города. Она построена, вероятно, также жителями древнего Воспорского царства, в первые времена их существования» [Дюбрюкс, 2010, с. 56]. Остатки другого древнего мола в Керченском проливе неизвестны и никогда никем другим не упоминались.

мол, покрытый только на пол-аршина водою» показали среди других городских достопримечательностей Великому князю Константину Николаевичу. Он узнал о его длине, ширине и «прочном способе сооружения» [Северная пчела.., 1845, с. 798]. Подробное его описание приведено в «Лоции Черного моря» и «Лоции Азовского моря и Керчь-Еникальского пролива», составленной подпоручиком корпуса штурманов Андреем Моисеевичем Сухомлином[65]: «от набережной, против Греческой церкви, выдается рифом к востоку на два кабельтова остаток древнего мола; чрез него нельзя даже проехать на шлюпке» [Лоция.., 1851, с. 117–118; Лоция.., 1854, с. 18]. В начале XX в. он был хорошо заметен только в ветреную погоду, когда его покрывали пенящиеся буруны [Шкорпил, 1914, с. 16, прим. 3], что хорошо заметно на фотографиях того времени, помещенных на почтовых карточках.

В 1884 г. Керчь-Еникальский градоначальник контр-адмирал Н. К. Вейс ходатайствовал о строительстве мола на месте «бывшего в древности т. н. Генуэзского мола». Его предложение получило дальнейшее развитие в виде проекта, представленного в 1886 г. в Министерство путей сообщения главным инженером Новороссийских коммерческих портов генерал-лейтенантом Н. Гора. Проект предусматривал строительство Г-образного мола из бетонных массивов на каменной наброске длиной 70 саженей и шириной 18 саженей. Однако «за отсутствием кредитов» в исполнение он не был приведен. В 1893 г. за недостатком средств отклонили и проект инженера В.Ю. Руммеля [Ивановский, 1904, с. 131–134, рис. XVII; XX; Руммель, 1896, с.50, 55–61; Руммель, 1900, с. 1]. Окончательно проект сооружения Генуэзского (или Узкого) мола шириной 20 саженей и длиной 100 саженей, предназначавшегося для прикрытия каботажной гавани (гавани № 2) [Приморские.., 1908, с. 20, черт. 2], был одобрен в 1905 г., но поскольку устройство последней было отнесено к работам второй очереди, его возвели только в период между 1912–1913гг.[66] (рис. 17,2) [Полицейский листок.., 1897б, с. 3; Шкорпил, 1914, с. 16, прим. 3; Приморские.., 1908, с. 26–27, 29–30; Описание.., 1916, с. 49–55]. Используется он по назначению и по нынешний день. В 1940 г. остатки древнего мола были исследованы Р. А. Орбели. В основании нового мола на расстоянии 60 м от берега он обнаружил «древние каменные массивы», приблизившие, по мнению исследователя, «разрешение проблемы о месте нахождения Пантикапейской пристани» [Орбели, 1945].

К сожалению, ни в одном из других источников османского времени портовый мол не упоминается. Не счел нужным упомянуть его и Р. Н. Томилов, хотя такого рода объект (пусть даже и в разрушенном состоянии) должен был заинтересовать военного инженера. При этом он сообщил о небольшой каменной пристани в Керчи,

---

[65] 23 декабря 1861 г. на 114 заседании ООИД лейтенант А.М. Сухомлин был избран корреспондентом общества [Полицейский листок.., 1862, № 4, 28 января].

[66] Иногда время его сооружения относят к 1911–1912 гг. [Федоров, 1934, с. 63]. Согласно сведениям, приведенным в «Памятной книжке Керчь-Еникальского градоначальства» за 1914 г., основные работы по его сооружению были выполнены между 1910–1912 гг., но окончательно их планировали закончить только к середине 1914 г. [Памятная книжка.., 1914, с. 41].

служившей для «приставания и нагрузки шлюпок» [Томилов, 1868, с. 192, 198][67]. Находилась она, вероятно, между крепостью и «водяным местом», там же, где в османский период располагались рыбные склады [Бочаров, 2003б, с. 40; Бочаров, 2005, с. 150, рис. 1, 27]. Таким образом, логично предположить, что, поскольку в 1699 г. «каменная плотина» была упомянута русскими офицерами, древний мол на тот момент еще сохранился, прикрывая гавань с юга. Однако в XVIII в. о нем нет никаких свидетельств, не обозначен он и на генеральных планах Керчи 1771 и 1774 гг., поэтому когда стала разрушаться его надводная часть, неизвестно, во всяком случае после 1771 г. его не собирались или не имели сил и средств восстановить, и ко второму десятилетию XIX в. он был практически полностью уничтожен штормами[68].

Помимо мола, в рассматриваемых нами источниках упоминаются и некоторые другие постройки, находившиеся в крепости и предместье города. К сожалению, поскольку в крепость русских офицеров не пустили, ее подробного описания приведено не было. В предместье их внимание привлекла только одна мечеть, хотя неизвестно, удалось ли им осмотреть остальные более-менее значимые общественные и культовые сооружения.

В «экстракте из журнала» К. И. Крюйса городские сооружения описаны следующим образом: «Домы все вышиною в одно жилье; кровли плоския, из лещеди. Двадцать турских мечетей и две греческия церкви; из которых одна турская, наизначительнейшая, близко водяных ворот, с полуглобусовою кровлею и со изрядною пирамидою на сторонь; круг оной хорошая галерея, от земли восемь лестниц вышиною» [Крейс, 1850, с. 392].

Неизвестный источник, использованный Г. З. Байером, дополняет его: «В городе видны были 2 греческия церкви и 22 турецкия мечети, из которых седмь имели высокия башни. На северо-западном краю города находилось кладбище, окруженное каменною стеною, которая сделана была с изрядными башнями и сводами. Городское строение было также все каменное с плоскими кровлями» [Байер, 1768, с. 258; Байер, 1782, с. 212].

Таким образом, помимо рядовой застройки, основное внимание было уделено греческим церквям, мечетям и одному из городских кладбищ.

Что касается мечетей, в одном случае их насчитали 20, в другом – 22, но в том и другом случае их приведенное число не имеет под собой реальной основы[69]. В 60 гг. XVII в. Эвлия Челеби сообщает о пяти мечетях в Керчи, включая соборную мечеть (где совершался Джума-намаз – пятничная молитва) султана Баязида Вели в

---

[67] Вероятно, эта же пристань упоминается в «Описании городов и уездов Азовской губернии», время составления которого определяется между 1779 г. – февралем-мартом 1783 г. [Мурзакевич, 1853б, с.294; Гедьо, 2006, с. 354–355].

[68] Поэтому «едва покрытые водой» остатки древнего мола иногда называли «рифом» или «генуэзским рифом» [Лоция.., 1854, с. 18; Керчь.., 1865, с. 575; Ивановский, 1904, с. 140, рис. XXIV; Приморские.., 1908, с. 22].

[69] Тем не менее, со ссылкой на сочинение И. Э. Тунманна, эта цифра приводится и в некоторых современных публикациях [Сющук, 2002, с. 42, прим. 1].

крепости, квартальную безымянную мечеть в цитадели, мечеть Мустафы Челеби в пригороде у западных ворот крепости и еще две безымянных за ее пределами [Челеби, 1999, с. 98; Челеби, 2008, с. 195–196]. Одну из безымянных мечетей, располагавшуюся к югу от мечети Мустафы Челеби, С. Г. Бочаров локализовал как мечеть Ходжа Синан, упомянутую в дефтере 1542/1543 гг. [Бочаров, 2003б, с. 39, рис. 1, 8; Бочаров, 2005, с. 150, рис. 1, 8; Fisher, 1981, p. 165]. В 1774 г. Р.Н.Томилов насчитал в Керчи восемь мечетей, из них три – в крепости, пять – в северном и западном предместье [Томилов, 1868, с. 192]. За исключением мечети в цитадели, их местоположение удалось локализовать [Бочаров, 2005, с. 147–150, рис. 1; Бочаров, 2015, с. 135, рис. 10][70].

---

[70] В сравнении, для турецкого гарнизона крепости Ени-Кале и жителей ее предместья было построено пять мечетей, но ни одна из них также не сохранилась. В крепостной мечети в 1778–1799 гг. размещалась Успенская церковь [Томилов, 1868, с. 190–191; Белик, 2007б, с. 19–22, рис. 1–3; Белик, 2007в, с.10–11]. Проживавшие в предместье Ени-Кале армяне «содержали одного попа», но своей церкви не имели и «службу исправляли в домах» [Томилов, 1868, с. 190]. Еще одна «каменная, хорошо построенная мечеть с минаретом» была в крепости Арабат [Паллас, 1999, с. 118; Демидов, 1853, с. 490; Белик, 2016, с. 66–67, рис. 11; 12А; 15Б]. Построили ее в 50-е гг. XVIII в. при хане Арслан Гирее, реконструировавшем крепость [Негри, 1848, с. 391–392]. Впервые на время ее постройки в 1785 г. указал А.В.Жиленков, один из участников «астрономической» экспедиции Ф. О. Чёрного в Крым: «из надписи, находящейся над дверьми оной явствует, что она построена султаном Мустафой III, и почему и его именем называется. Внутри мечети на стенах написаны имена владеющего тогда в Крыму хана Арслан Гирея и ближних его» [Кондараки, 1883, с. 59]. Разрушена мечеть была в 50-е гг. XX в., но благодаря рисункам К. Ф. Богаевского и У. А. Боданинского (1920-е гг.), а также фотографиям второй половины 1920-х гг. и 1936 г. мы имеем о ней некоторое представление (рис. 12, 1,2) [Виноградов, Гончаров, 2010, рис. на с.16]. В 1911 г. несколько фотографий мечети Арабатской крепости сделал Л. П. Колли, но они так и не были опубликованы [Протоколы.., 1912, с. 31]. Кроме того, в 60-е гг. XVII в. Эвлия Челеби упомянул о мечетях в крепости Тане-бай (Дана-бай) и селении Кара-Али, находившихся (насколько можно понять из его довольно скупого и путаного описания) на побережье Азовского моря Керченского полуострова [Челеби, 2008, с. 197]. Согласно сведениям, представленным Г. А. Потемкину бароном О. А. Игельстромом («Регистр разным письмам, изъясняющим состояние Крымского полуострова и какое в оном было течение дел земских с 16 августа 1783 года. Июня 1784 г.»), в 1783 г. в 132 деревнях, расположенных на территории Орта-Керченского, Тепе-Керченского и Арабатского кадылыков Кефинского каймаканства, было 135 «целых» и 2 «разломанных» татарских мечети. Таким образом, практически в каждой из деревень была одна мечеть, а в трех из них – Чегене, Чорелеке и Коп-Кучугене (современное с. Золотое и ныне не существующие с. Высокое и Стрелковое) [Ковыркин, Санжаровец, 2014, с. 460, 468, 501] две и даже три мечети [Камеральное.., 1888, с. 45; Скальковский, 1841, с. 24; Лашков, 1886, с. 120, 127, 128, 131, 132, 134, 135]. К сожалению, мы не имеем представления, как они выглядели, если не считать краткого их описания Дюбуа де Монпере. В 1834 г., следуя из дер. Тузла (Опук) в дер. Аргин (не сохр.), он остановился в дер. Даут-Эли (ныне с. Марфовка). В ней он увидел две больших мечети, одна из них была с минаретом. По его словам, «их изящество контрастировало с бедностью мечетей в деревнях, которые я только-что проезжал (дер. Куйясс, Узунлар, Чокул, Кенегез) и где видел лишь убогие хижины с войлоком вместо ковра посредине и ничего более: они не выбелены и не оштукатурены; вестибюль с проваленной крышей и полуразвалившейся стеной не прибавляет им вида» [Дюбуа де Монпере, 2009, с. 73]. К сожалению, ни одна из деревенских мечетей не сохранилась (если не считать мечеть в с. Яковенково (бывш. Кыз-Аул), построенную в 1914 г., причем многие из них были разрушены уже в XIX в.

Примерно столько же мечетей было в Керчи и в 1699 г., что подтверждает количество минаретов при них, которых автор одного из рассматриваемых нами источников насчитал семь [Байер, 1768, с. 258; Байер, 1782, с. 212]. К сожалению, более подробно описана была только одна «наизначительнейшая» мечеть – Мустафы Челеби, находившаяся перед западными («водяными») воротами, т. е. по пути следования к крепости русских офицеров [Бочаров, 2005, с. 150, рис. 1, 9]. Она имела минарет, завершалась «полуглобусовым» куполом, а вокруг ее стен была пристроена «хорошая галерея, от земли восемь лестниц вышиною» [Крейс, 1850, с. 292]. За три десятилетия до этого ее описал Эвлия Челеби. По его словам, она располагалась «за большими воротами, в благоустроенном пригороде, на краю рва» и недалеко от моря – «месте прогулок всех знатных людей... Под ее харемом в пяти местах бьют чистые источники воды толщиной в руку… Это светлая мечеть с высоким куполом, крытая свинцом». Судя по тариху, построил ее некий Мустафа Челеби в мае – июне 1587 г. [Челеби, 1999, с. 98; Челеби, 2008, с. 196].

К сожалению, ни одна из упомянутых мечетей не сохранилась. Поскольку мусульманского населения в городе не осталось, все они были разобраны к концу XVIIIв., возможно, поэтому и не упоминались путешественниками, посетившими Керчь в 80-е – 90-е гг. XVIII в. Новая мечеть в Керчи была заложена только в июле 1842 г. [Северная пчела, 1842, с. 685][71], до этого ввиду малочисленности мусульманского населения нужды в ней не было. К 1830 г. в мещане был записан только 41 «магометанин» [Санжаровец, 2012, с. 213]. Построили мечеть в 1844 г. на западной окраине города в «магометанском форштате» [позднее «татарская» («русско-татарская») слободка, в районе между соврем. ул. Чкалова и ул. Комарова], который учредили 25 апреля 1839 г. с «дозволением переселиться… на первый раз 150 семействам татар из окружных волостей» [Городские.., 1864, с. 779][72].

Помимо мечетей в «журнале» К. И. Крюйса и другом источнике были упомя-

---

К примеру, в 1908 г. в дер. Коп-Кипчак Феодосийского уезда (с. Журавлиное на Керченском полуострове, ныне не существует) в связи с выездом из нее татар была упразднена и пришла в «совершенную ветхость» соборная мечеть, от которой остались одни стены [Протоколы.., 1910, с. 100]. Что касается изображений деревенских мечетей, известны рисунки нескольких из них – в дер. Чурубаш (с.Приозерное), дер. Джау-Тепе (с. Вулкановка, ныне не существует), дер. Баш-Киргиз (с. Яркое, ныне не существует), которые были сделаны в 1926 г. У. А. Боданинским (хранятся в коллекции БГИКЗ). Мечеть в дер. Сун-Эли (с. Борисовка) известна по фотографии 1914 г. Однако когда они были сооружены – неизвестно, хотя мечеть в дер. Чурубаш упоминается в 1783 г. [Лашков, 1886, с. 135].

[71] Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор, князь М. С. Воронцов исходатайствовал из Государственного казначейства 5 тыс. руб. ассигнациями на ее постройку (безвозвратно), но их оказалось недостаточно. Для пополнения сумм «хозяйственным способом» в 1842 г. была создана особая комиссия, в которой «первым членом и распорядителем работ» был купец В. Я. Гущин [Памятная книжка на 1863 г., с. 255].

[72] Всего в «здешние жители» было причислено 387 татар, переселившихся из деревень, находившихся на территории Керченского полуострова в пределах Чурбашской, Чалтемирской и Агермак-Элинской волостей Феодосийского уезда [Смоленский, 1840, с. 290; Санжаровец, 2012, с. 215].

нуты и две греческих церкви. Одна из них, вне всякого сомнения, церковь Иоанна Предтечи, находившаяся в то время внутри крепости, у ее южной стены (рис. 1,4; 14). О второй церкви ничего неизвестно, во имя кого она была освящена и где располагалась. В письменных источниках османского времени о ней нет ни слова[73]. Нельзя исключать, что речь идет о банальной ошибке, за церковь было принято какое-то другое сооружение, тем более, напомним, какая грубая ошибка была допущена в подсчете мечетей.

Одну действующую церковь в 1774 г. застал в Керчи и инженер-подполковник Р. Н. Томилов. Он упомянул ее среди других построек на территории крепости («в самом городе и замке»), но, к сожалению, не указал название и описал очень кратко, как «греческую церковь, которая и поныне содержится» [Томилов, 1868, с. 192]. Но, поскольку других альтернатив церкви Иоанна Предтечи мы не знаем, есть все основания утверждать, что именно она и являлась этим последним, уцелевшим в период османского владычества городским христианским храмом [Пономарев, 2019а, с.470–478; Пономарев, 2019б, с. 275–309][74].

---

[73] Помимо церкви Иоанна Предтечи (возведенной в X в. и реконструированной в XIV в.) в Керчи известна только одна церковь византийского периода – церковь «Шевелева» или «церковь 1833 г.». Обнаружена она была в 1833 г. при сооружении погреба под домом керченского купца Дементия (Дмитрия) Степановича Митрова «не далее 50 саженей» или «в аршинах 50-ти» к юго-западу церкви Иоанна Предтечи (соврем. пер. Димитрова) [Шевелев, 1848, с. 731–732; Ашик, 1848, I, с. 26, прим. 1, с. 53, № 7, прим. 2, с. 61, № 12, прим. 2; Науменко, Пономарев, 2010, с. 88–89; Дюбрюкс, 2010, I, с. 290–291, 340, прим. 73]. Храм имел прямоугольно-вытянутую форму и завершался в восточной части тремя полукруглыми апсидами, расположенными по одной оси. При его раскопках были найдены «обломки колонн, баз, капителей, различные архитектурные обломки» [Дюбрюкс, 2010, I, с. 290]. В алтарной части «внизу горнего места» был обнаружен закладной «четырехугольный камень с изображением креста», вмонтированный в одну из стен. Со всех сторон храм, по словам П. А. Дюбрюкса, окружали «могилы из тесаного камня». Во многих из них были найдены останки двух или трех погребенных [Дюбрюкс, 2010, I, с. 291]. В 2018 г., возможно, участок этого же могильника (три плитовые могилы) был раскопан при строительстве гостиничного комплекса в пер. Димитрова, примерно в 70-80 м к юго-западу от церкви Иоанна Предтечи. Предварительно они были датированы первой половиной XII в. [Майко, 2021, с. 65, рис. 1; Майко, Шарапа, Юрочкин, Михайлов, 2021, с. 104, рис. 3; 14, 21-23; 15].Таким образом, есть все основания полагать, что на протяжении длительного периода в приморской части Боспора на расстоянии не более чем 100 м друг от друга одновременно функционировали две церкви – храм «1833 г.» и базилика(?) на месте церкви Иоанна Предтечи, которую в X в. сменил небольшой крестово-купольный храм. Когда была разрушена церковь «Шевелева», неизвестно, но, учитывая мощность отложившегося над ней к 1833 г. культурного слоя, скорее всего, одновременно с кварталами X–XII вв., раскопанными Т. И. Макаровой к северу от церкви Иоанна Предтечи [Науменко, Пономарев, 2013а, с. 249–250; Науменко, Пономарев, 2013б, с. 295–309].

[74] Удалось также установить имя священника, состоявшего при церкви накануне вступления в Керчь русских войск в 1771 г. Это священник Леонтий, возглавлявший общину до 1778 г. В 1773 г. к церкви был причислен священник Дмитрий Георгиевич Триполит (Сателар, Сателарий). Родился он в 1735 г. в Синопе. В 1759 г. «Даниилом митрополитом Ренским» рукоположен в священники. До 1769 г. состоял при Успенской церкви г. Бендер. В 1770 г. митрополитом Готфийским и Кафайским Игнатием определен на «приход в село Карасую», а спустя год «произведен наместником». В 1773 г. направлен в Керчь

Однако еще в XIX в. некоторые исследователи считали, что церковь в османский, возможно даже генуэзский период, была превращена в мечеть. Впервые такую возможность в 1827 г. допустил Керчь-Еникальский градоначальник Ф. Ф. Вигель, аргументировав свое предположение неким «высоким минаретом», который якобы располагался у ее входа и впоследствии служил колокольней [Механиков, 2006, с. 473; Вигель, 1864, с. 78; ср.: Белик, 2015, с. 17; Белик, 2016, с. 56]. Его современники об этой постройке не упоминают, нет ее на гравюре Н. Я. Саблина (с рисунка Афанасия де Палдо(?), 1802 г.) [Брикнер, 1885, с. 421] и рисунке церкви, опубликованном Н.Н.Мурзакевичем [Мурзакевич, 1837б, с. 682][75]. Двухъярусная звонница церкви была возведена вместе с западным приделом между 1801–1804 гг. [Пономарев, Бейлин, 2016, с. 305–307].

Позднее предположение Ф. Ф. Вигеля поддержал А. А. Авдеев, но, к сожалению, ничем его не аргументировал [Авдеев, 1887, с. 382]. Противоположной точки зрения придерживался Ю. А. Кулаковский. По его мнению, «храм не был в запустении» в XIV в., «не запустел он и позднее, дождавшись времен утверждения русского го-

---

к «тамошней Предтечевской церкви... при коем поныне находясь тамошнему греческаго исповедания народу преподавал христианские требы по незнанию ими греческаго на турецком языке, а литургию, заутреню и вечерню отправлял на греческом языке». В 1776 г., вместе с другими вышедшими из архипелага греками, был приведен к присяге и принят в русское подданство. В 1780 г. Д. Триполит был обвинен в незаконном займе церковных купцам Георгию Трандафилову и Стерию, проживавшим в Керчи и Ени-Кале. По распоряжению Славянской Духовной консистории на период проведения следствия его отстранили от службы, временно назначив в керченскую церковь иеромонаха Максима и местного полкового священника [Православна.., 2004, с. 405–408, № 327–329; Єременко, Лиман, 2014, с. 274, №63]. Спустя год, с условием возврата заемных сумм (731 руб.), своевременного отправления в консисторию ведомостей и рапортов, а также с учетом знания Д. Триполитом турецкого языка, на котором в то время только и разговаривали жители Керчи, ему разрешили вернуться к своим прежним обязанностям. Кроме того, консисторией вменялось избрать новых ктиторов церкви, составить новый реестр ее имущества, прислать Никифору, архиепископу Славянскому и Херсонскому, хранящиеся в церкви архиерейские серебряные рипиды, продать сверх необходимых недогоревшие свечи, записав их в доход храма и выдать из церковных сумм прибывшему в Керчь для расследования злоупотреблений Д.Триполита протопопу Павлову 30 рублей на проезд в Керчь и обратно. Немаловажную роль в решении вопроса о его реабилитации сыграл обер-комендант Керчи и Ени-Кале (1775–1781 гг.) генерал-майор Н. В. Борзов, выступивший в защиту опального священника. В письме к Славянскому и Херсонскому архиепископу Никифору он характеризовал Д. Триполита как небогатого, бескорыстного и «хорошего поведения» духовного пастыря, имеющего большую семью и пользующегося уважением со стороны живущих в обеих крепостях местных жителей. Учитывалась в письме и финансовая сторона вопроса. По мнению Н. В.Борзова, одолженную в татарской монете, не пользующейся популярностью среди местного населения, сумму из церковной кассы должники обязались вернуть в срок, к тому же русскими деньгами, что принесет церкви прибыль [Православна.., 2004, с. 408, № 329]. Последние упоминания о нем относятся к 1787 г. [Макаревский, 1880, с. 1048; Сухарев, 2004, с. 182; Макидонов, 2014, с. 171].

[75] В «Каталоге планам, чертежам, видам, хранящимся в музее Императорского общества истории и древностей» он указан со следующей подписью: «Церковь Иоанна Предтечи в Керчи, в древнем ее виде. Рис. в 1836 г.» [Мурзакевич, 1881, с. 32, № 60]. Однако в 1836 г. в таком виде автор рисунка застать церковь уже не мог, в 1801–1804 гг. к ней пристроили западный придел и колокольню, а к 1835 г. – северный придел.

сподства на берегах Керченского пролива» [Кулаковский, 1908, стлб. 544]. При этом в качестве единственного аргумента использовал свидетельство Ибн-Батутты, увидевшего на одной из стен местной церкви изображение святого и горящую перед ним лампаду [Тизенгаузен, 1884, с. 279]. «Неприкосновенной» во время «турецко-татарского господства» в Крыму назвал церковь и Н. Н. Мурзакевич [Церковь.., 1856, с. 440]. Позднее его точку зрения поддержал Х. Х. Зенкевич, отметив при этом существование противоположной точки зрения по этому вопросу [Зенкевич, 1894, с. 144]. В советский период дискуссия по этому вопросу продолжилась, при этом в числе сторонников А. А. Авдеева оказались Т. И. Макарова и Е. И. Лопушинская, одни из авторитетнейших исследователей церкви [Лопушинская, 1970, с. 36–37; Макарова, 1972, с. 377; Макарова, 2003, с. 72; Лазенкова, 2005, с. 120; Воронов, Михайлова, 1983, с. 73; Кирилін, 1981, с. 55; Пономарьова, 1997, с. 88; Дюбрюкс, 2010, I, с. 338, прим. 62; Науменко, Пономарев, 2018б, с. 40]. Однако их точка зрения не подтвердилась, прежде всего ей противоречат письменные источники.

Впервые церковь Иоанна Предтечи упоминается арабским купцом и путешественником Ибн-Баттутой, прибывшим в Керчь из Синопы в 1333/1334 гг. (734 г.х.) [Тизенгаузен, 1884, с. 279]. В церкви его внимание привлекла фреска с изображением святого воина, которого он описал как «араба в чалме, опоясанного мечом и с копьем в руке». К удивлению путешественника, встретившийся ему здесь же «монах» пояснил, что это «изображение пророка Али». На наш взгляд, столь неожиданное пояснение монаха можно объяснить только затруднениями в переводе, и, как следствие, недопониманием, возникшим между собеседниками, плохо понимавшими язык друг друга [Пономарев, Бейлин, Бейлина, 2009, с. 130]. Иными словами, речь идет не более чем о казусе или ошибке перевода [Брун, 1877, с. 251; Брун, 1880, II, с.322; Крамаровский, 2014, с. 67].

Не меньший интерес представляет сочинение Эмидио Дортелли д'Асколи, префекта доминиканской миссии в Каффе, посетившего (или посещавшего) Керчь между 1624–1634 гг. В нем упоминается «церковь во имя св. Георгия», принадлежащая «грекам, в которой есть алтарь с куполом, поддерживаемым 4-мя великолепными колоннами из мрамора» [Dortelli d'Askoli, 1891, с. 32; Дортелли д'Асколи, 1902, с.122]. Именно эта деталь интерьера храма позволяет уверенно соотнести его с церковью Св. Иоанна Предтечи [Пономарев, Бейлин, 2016, с. 302–303].

Спустя три десятилетия (в 1666 или 1667 гг.) Керчь посетил турецкий дипломат и путешественник Эвлия Челеби. В городе на тот момент функционировали несколько мечетей и «церковь неверных», на стенах которой сохранились фрески, позволившие ему заключить, что это был «древний храм генуэзских франков» [Челеби, 1999, с.98; Челеби, 2008, с. 195–196]. К сожалению, ее название он не привел, но указанное им местоположение церкви (внутри крепости) и фрески, о которых за три столетия до Эвлии Челеби сообщил Ибн-Баттута, позволяют говорить о том, что речь идет о церкви Иоанна Предтечи. Уцелевшие фрагменты самих фресок были открыты и частично расчищены в 1937–1938 гг. реставраторами Государственной Третьяковской

галереи П. И. Юкиным и И. А. Барановым. Датируются они началом или второй половиной XIV в. [Кызласова, 2009, с. 249; Мемуары.., 2013, с. 350–351, прим. 22; Домбровский, 1966, с. 10, 68–70; Попов, 1995, с. 117–126].

Что касается ее современного названия, впервые как церковь «Рождества Иоанна Предтечи», «Святого Иоанна» и «Иоанно-Предтеченская» она упоминается только с 70-х гг. XVIII в., причем в первое время исключительно в официальных консисторских документах, в частности, реестре церквей Павловского духовного правления, составленном священником Андреем Коваленским в 1777 г., реестре церковного имущества, составленном священником Дмитрием Триполитом в 1778 г., реестре церквей Павлоградского духовного правления от 6 июля 1784 г. и в клировой ведомости 1794 г. [Макидонов, 2014, с. 166, 170–171; Православна.., 2004, № 325; Макаревский, 1880, с. 366; Лебединцев, 1883, с. 207]. В обиходе же и записках путешественников конца XVIII – первой трети XIX в. она именовалась «греческой» или «древней» церковью, без указания имени ее небесного покровителя.

Иными словами, есть все основания полагать, что церковь Св. Георгия, которую между 1624–1634 гг. посетил Эмидио Дортелли д'Асколи, была спустя какое-то время повторно освящена. Однако, когда именно и в связи с чем, документально установить пока не удалось. Для такого рода обряда, как известно, нужны весомые причины. В качестве таковой в настоящее время можно лишь допустить некое событие, повлекшее за собой полную реконструкцию престола, который, судя по вторично использованному при его сооружении мусульманскому надгробию [Авдеев, 1887, с.382–383; Гермоген, 1886, с. 249; Протоколы.., 1909, с. 71], был устроен не ранее 1771 г., и, скорее всего, после того, как церковь вышла из канонического подчинения Константинопольской патриархии. В османский период использовать мусульманские надгробия для сооружения престола вряд ли бы кто решился. Позднее же, когда город вошел в состав Российской империи, заброшенные мусульманские кладбища постепенно застроили, а большую часть надгробий использовали в качестве строительного материала.

Таким образом, в нескольких заслуживающих доверия источниках первой трети XIV – третьей четверти XVIII вв. церковь упоминается как действующий храм, и он не был превращен в мечеть ни в XIV в. и ни в XVI – начале XVII в., как полагали и полагают до сих пор некоторые исследователи. В отличие от остальных храмов, возведенных в византийскую эпоху, церковь Иоанна Предтечи (Св. Георгия) продолжала обслуживать христианскую общину Воспоро-Керчи в генуэзский и османский период, вплоть до 1771 г., после которого для нее начался новый период истории [Пономарев, Бейлин, 2016, с. 300–328].

Помимо культовых сооружений, в одном из рассматриваемых нами источников на «северо-западном краю города» было упомянуто кладбище, «окруженное каменною стеною, которая сделана была с изрядными башнями и сводами» [Байер, 1768, с.258; Байер, 1782, с. 212]. В османской Керчи, судя по картографическим источникам, было два кладбища. Одно из них находилось в западной части города и

располагалось вдоль Каффийской дороги, по которой можно было попасть к караван-сараю, главному городскому фонтану и западным крепостным воротам. В настоящее время этот участок занимают городские кварталы, прилегающие с севера к ул. Ленина [Бочаров, 2005, рис. 1; Бочаров, 2015, рис. 10]. В 1990 и 2006 гг. небольшой участок этого кладбища (между ул. Ленина и пер. Кооперативный) был открыт А.И.Айбабиным [Айбабин, 2000, рис. 1; Айбабин, Хайрединова, 2020, с. 33]. Находок в могилах не оказалось, но слои, в которые они были впущены, датировались второй половиной XVI – первой половиной XVIII в. За исключением одной каменной гробницы все погребения совершены в грунтовых ямах. В некоторых из них сохранились остатки гробов. Погребенные были уложены в вытянутом положении на спине и правом боку, головой на ЮЗ, СВ, З, В, СЗ [Радочин, 2008, с. 215–216; Радочин, 2009, с. 481–482]. В 2001 г. несколько таких же могил по конструкции и обряду захоронения были обнаружены во время работ по реконструкции ул. Ленина (на ее отрезке к юго-востоку от пересечения с ул. Дубинина).

Второе кладбище располагалось на северо-восточной окраине города, на западном берегу небольшого соленого озера, вдоль которого пролегала дорога к крепости Ени-Кале. В настоящее время его территорию занимают городские кварталы между ул. Дубинина и ул. Кирова напротив судоремонтного завода [Бочаров, 2005, рис. 1]. Вероятно, об этом кладбище и идет речь, поскольку оно находилось недалеко от места высадки русских офицеров. К сожалению, прокомментировать его описание не представляется возможным. Кладбища, как и многие другие объекты инфраструктуры османской Керчи, стали в 70-е гг. XVIII в. разбирать на строительный материал, а их территория позднее была застроена. В качестве строительного материала использовались и мусульманские надгробия, к примеру, одно из них послужило опорным столбом для реконструированного престола церкви Иоанна Предтечи [Авдеев, 1887, с. 382–383; Гермоген, 1886, с. 249; Протоколы.., 1909, с. 71; Матвеева, 2002, с. 185; Пономарев, Бейлин, 2016, с. 318; Пономарев, 2019б, с. 279][76]. Как долго существовало кладбище на северо-восточной окраине города, неизвестно, но на «генеральном плане Керченской крепости», скопированном при Еникольской инженерной команде 23 октября 1824 г., примерно на этом же месте показано кладбище, занимавшее небольшое, овальное в плане возвышение или холм [Тункина, 2010, II, с. 20, рис. 37].

Последнее, чему уделили внимание в 1699 г. русские офицеры, это рядовая застройка Керчи, при этом, как и в других случаях, оба источника дополняют друг друга. Поскольку в крепости они не были, осмотреть жилые дома смогли только в

[76] Недалеко от церкви в XIX – начале XX в. было найдено еще два мусульманских надгробия. В 1820г. «столп с чалмою, обыкновенный надгробный камень мусульманов… посреди крепостной площади… среди груды мраморных обломков» нашел И. М. Муравьев-Апостол [Муравьев-Апостол, 1828, с. 262]. В 1911 г. во время реконструкции торговых рядов на Предтеченской площади и на Рыбном базаре Таманской площади (обе площади ныне занимает площадь Ленина), недалеко от раскопанной В. В. Шкорпилом турецкой бани, было найдено «турецкое надгробие из белого мрамора» [Шкорпил, 1914, с. 16–21, 74].

предместье. Судя по их описанию, оно было застроено одноэтажными каменными домами с плоскими черепичными крышами – «домы все вышиною в одно жилье; кровли плоския, из лещеди», «городское строение… все каменное с плоскими кровлями». В некоторых домах были устроены колодцы [Крейс, 1850, с. 392; Байер, 1768, с. 257–258; Байер, 1782, с. 212].

Похожим образом, но только в крепости, описывает жилую застройку Керчи и Эвлия Челеби: «в крепости всего двести домов, с верхними и нижними этажами, сложенные из камня, но без садов и виноградников, и стоящие тесно. Все они покрыты дерном и черепицей». Как минимум, еще 300 «благоустроенных домов, крытых дерном», располагались в предместье [Челеби, 1999, с. 98; Челеби, 2008, с. 195]. Таким образом, в Керчи возводились и двухэтажные дома, а в качестве кровельного материала использовалась не только черепица, но и дерн. О ее городской застройке в июне 1771 г. в своей реляции о взятии крепостей Керчь и Еникале упомянул генерал-майор Ф. Ф. Щербатов, но ограничился лишь общими сведениями – «в Керчи и предместье строения очень много, но пустое» [Журнал…, б.г., с. 563]. К 1774 г., как сообщил Р.Н.Томилов, большая часть «турецких и татарских» домов в городе была разорена, и только некоторые из них «под постоем войск починя содержатся». Упомянул он и о колодцах, которые «у многих и по дворам поделаны» [Томилов, 1868, с. 193][77]. По свидетельству же Ф. Дюбуа де Монпере, большая часть этих домов была разрушена целенаправленно, камень из них использовали для новых фортификационных сооружений, возведенных к северу, востоку и югу от крепости [Дюбуа де Монпере, 2009, с.12; Краткий.., 1892, с. 24; Белик, 2015, с. 17; Михайлова, 1976, рис. 2; Тимофеенко, 1984, рис. на с. 193]. В 1785 г. Керчь посетили участники «астрономической» экспедиции Ф. О. Чёрного. Один из ее участников – А. В. Жиленков описал ее следующим образом: «Я предполагал, что Керчь, Чарше или Корчев, это такой же город, как виденные мною раньше в Крыму, но это не город, а скорее масса избушек между развалинами города, занятыми архипелажскими греками» [Кондараки, 1883, с. 61–62]. В 1799 г. русский писатель В. В. Измайлов увидел вместо города «бедную слободу с несколькими дворами» и «бедными строениями» [Измайлов, 1805, с. 108, 110]. Ничего примечательного о Керчи, помимо «строений из земляного кирпича», не смог сообщить и неизвестный нам автор описания Таврической области, найденного в делах комиссии о разборе земельных споров в Крыму в 1802 г. [Лашков, 1916, с. 174]. В 1810 г., обыскав весь город, только отдельные старые здания смог увидеть в нем Габриэль де Кастельно д'Орос [Castelnav, 1820, p. 241].

Тем не менее, несмотря на то, что большая часть городской застройки османской Керчи была разрушена к концу XVIII в., она еще несколько десятилетий сохраня-

[77] В письмах от 7 сентября и 21 октября 1774 г. Г. А. Потемкину В. М. Долгорукий характеризует Керчь и Ени-Кале как «место разоренное», в которых зимовать войскам «должно с крайнею тягостию» и «крайне изнурительно». Причем интересно, что ответственность за состояние этих городов он возложил на флот [Из дел.., 1914, с. 17, 29].

ла свой «азиатский облик». Город в начале – первой четверти XIX в. «был ничто иное как небольшая деревушка... Строения тянулись в одну линию, по направлению Воронцовской улицы, без всякой симметрии, и дома обыкновенно строились в азиатском вкусе из мелкого дикаря» [Апостолов, 1860, с. 203; ср. Прибрежные.., 1870, с. 791]. Летом 1822 г. Керчь представилась Р. Лайеллу «все еще… жалким местом» и только «несколько недавно возведенных частных домов имеют довольно живой вид среди общего уныния» [Lyall, 1825, p. 375–377]. В 1825 г. П. П. Свиньин описал Керчь следующим образом: «В городе лишь одна прямая улица; остальные состоят из кривых переулков и разбросанных домов по отлогости Митридатовой горы… Вновь воздвигаемые дома принимают европейскую наружность, а старые на образец – азиатский; равномерно и базар здешний живо еще напоминает бывшее владычество татар» [Свиньин, 1828, с. 25]. Такой же Керчь увидел и Ф. Ф. Вигель в марте 1827 г: «Первая половина большой улицы довольно широка, идет по прямой линии и отстроилась только с учреждением градоначальства, другая же, составлявшая старый город, и крива, и коса, и грязна. Пять или шесть, вновь построенных каменных двухэтажных домов дают Керчи вид города» [Вигель, 1864, с. 71].

Европейский город с «прекрасными улицами и зданиями» Керчь стала напоминать только в 30-е – 40-е гг. XIX в., благодаря усилиям градоначальника З.С.Херхеулидзе и «городового архитектора» А. А. Дигби (рис. 15; 16) [Демидов, 1853, с. 471–472; Голицын, 1845, с. 21; Хоєцький, 2008, с. 281; Neilson, 1855, p. 95–97; Лазенкова, 2016, с. 319–321][78]. Именно при них, по выражению Н. И. Лорера, Керчь «сделалась маленькой Одессой» [Лорер, 1874, с. 415]. Описание изменившейся городской застройки в 1833 г. оставил П. Дюбрюкс: «Город обустраивается со вкусом и растет быстро, побывавший здесь пять лет назад не узнал бы его. Крепость преобразовалась в прекрасную восьмиугольную площадь с галереей вокруг, поддерживаемой колоннами и пилястрами, что превращает ее в одну из лучших площадей Юга России. Низкие и серые дома и лавки главной улицы (будущая Воронцовская ул. – Л.П.) сменили другие – с очень пропорциональными высокими аркадами, берег моря отчасти уже украсили большие магазины и красивые дома. Г-н градоначальник, князь Херхеулидзев, исполненный вкуса, сам прекрасный рисовальщик и архитектор, направляет все работы, наблюдает за ними с редкостной активностью. Набережные, которые сейчас возводят по его распоряжению, украсят весь периметр старой крепости… уже проложены пять или шесть новых улиц, что начинаешь замечать, как поднимаются хорошей постройки здания с колоннами. Русская церковь, строительство которой сейчас завершается, гауптвахта — уже украшены, как и один из частных домов, воздвигнутых в этом году. Новая часть города, которую назвали

[78] Писатель и декабрист А. А. Бестужев в письме, написанном 19 июня 1836 г. из Керченского карантина братьям Николаю и Михаилу, отметил: «Керчь, старинная Пантикапея, из пепла возникающий городок премиленькой наружности... надо дивиться, как в такое короткое время Керчь так отстраивается» [Семевский, 1870, с. 68–69; Зильберштейн, 1956, с. 35].

Боспором, находящаяся к югу от горы Митридат, уже располагает некоторыми строениями, и на будущий год, глядь, над берегом моря встанут многие прекрасные магазины, места под которые уже выделены и чертежи которых подписаны» [Дюбрюкс, 2010, I, с. 289–290, 292–293]. О. Ф. Мармон, посетивший Керчь в 1834 г., отметил: «Керчь, за пятнадцать лет ничтожная деревенька, теперь красивый город, населенный тремя тысячами жителей». Здания в нем «воздвигаются изящные» [Мармон, 1840, с. 237]. Одной из красивейших «в Новороссийском крае по... симметричному расположению и по хорошим общественным и частным зданиям» в 1836 г. Керчь назвал Н. Н.Мурзакевич [Мурзакевич, 1837б, с. 674]. К 1846 г. в ней уже насчитывалось до 1336 домов «большей частью прекрасных» [Мурзакевич, 1846, с. 25]. И хотя число упомянутых им «прекрасных» домов было явно преувеличено, тем не менее в то время она уже выглядела как «красивый европейский городок, со всевозможными житейскими удобствами» [Ашик, 1849, III, с. VI].

К сожалению, «расплатиться» за это пришлось полной утратой исторической (средневековой) застройки города. За исключением церкви Иоанна Предтечи, все сооружения генуэзского Воспоро и османской Керчи были разобраны, что подтверждает «Записка о древностях Таврической губернии», составленная Ф.Ф.Вигелем 29 апреля 1827 г. по указанию Таврического гражданского губернатора Д. В. Нарышкина на запрос главноуправляющего путями сообщений и публичных зданий: «кроме надгробных насыпей никаких древних зданий, ни остатков оных в сим месте нет, и хотя к числу таковых и относят тамошнюю церковь, но достоверных доказательств, чтобы оная была слишком древнее здание, не имеется» [Стевен, 1891, с. 47]. Спустя несколько десятилетий известный русский ориенталист В. В. Бартольд в своей статье «Керчь», опубликованной в первом издании «Энциклопедии ислама», охарактеризовал ее следующим образом: «Город, всемирно прославленный памятниками греческого, римского и раннехристианского времени, в мусульманский период не имел более того же значения и потому не располагает выдающимися мусульманскими постройками» [Barthold, 1913, s. 916; Бартольд, 2002, с. 459]. Согласиться с ним можно в одном – выдающихся сооружений в Керчи при османах, действительно, не построили, но достойные внимания историков и искусствоведов наверняка были, и их, насколько это возможно, еще предстоит нанести на карту города, использовав письменные, картографические, изобразительные и археологические источники. Среди них по своей значимости не последнее место занимают описания Керчи, оставленные участниками «Керченского похода» русского флота в 1699 г., которые до этого не использовались для реконструкции градостроительного облика города османского периода. В этих двух очень похожих и в то же время дополняющих друг друга документах упомянуты важнейшие городские постройки и инфраструктурные объекты – крепость, портовый мол, мечети, греческие церкви, кладбище и гидротехнические сооружения. И можно лишь сожалеть, что русские офицеры не смогли осмотреть город во всех подробностях, поэтому описание большинства объектов получилось предельно скупым. Тем не менее, введение в научный оборот любого

нового, пусть даже и очень краткого письменного источника по истории османской Керчи в наше время это большая удача. В дальнейшем их поиски могут увенчаться успехом только в случае тщательного изучения документов, хранящихся в архивах России и Турции. То же самое можно сказать о картографических и изобразительных источниках, возможности которых еще далеко не исчерпаны. Огромный скрытый потенциал имеют и археологические источники, поскольку исследовать удалось лишь ничтожную часть средневековой Керчи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

24 вида Крыма, снятых с натуры и литографированных К. Бассоли в 1842 г. / [литогр. К. Бассоли]. Одесса: Литография Д. Кленова, [1842]. 24 л.

Аваков П.А. Джон Бекэм: британец на берегах Азовского моря (1699–1711) // Россия – Великобритания: Пять веков культурных связей. Материалы VI Международного Петровского конгресса. Санкт-Петербург, 6–8 июня 2014 г. / Ред. Е.Н. Кальщиков, Б.Г. Богуславская. СПб.: «Европейский Дом», 2015. С. 95–111.

Авдеев А.А. Церковь Св. Иоанна Предтечи в Керчи // Труды VI Археологического съезда в Одессе, 1884 год / под ред. Н.П. Кондакова. Одесса: Типография А. Шульце, 1887. Ч. III. С. 382–386.

Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи // МАИЭТ. Симферополь, 2000. Вып. VII. С. 168–185.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Предметы византийского прикладного искусства X–XI вв. из Керчи // XXI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Объекты искусства в археологическом контексте. Материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь-Керчь, 2020. С. 33–37.

Апостолов А. Из рассказа старожила о Керчи. I // Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства. 1860. № 51. 18 декабря. С. 203.

Артеменко Е.Д. Старая крепость Керчь // Материалы научно-практической конференции «VII Таврические научные чтения», г. Симферополь, 19 мая 2006 г. / Гл. ред. Е.Б. Вишневская. Симферополь, 2007. Ч. 1. С. 18–24.

Архив Государственного совета. СПБ.: Типография Второго отделения собственной Е.И.В. Канцелярии, 1869. Т. 1: Совет в царствование императрицы Екатерины II (1768–1796). Ч. 1: Отделение историческое. 1036 стлб.

Архив князя Воронцова. М.: Университетская типография (М. Катков), 1882. Кн. XXVI: Бумаги разного содержания. 1747–1791. 531 с.

Ачкуріна-Муфтієва Н. Водні джерела та фонтани Криму в контексті ісламських традицій // Українське мистецтвознавство: матеріали, дослідження, рецензії. Київ, 2007. Вип. 7. С. 32–36.

Ашик А.Б. Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Одесса: Типография Т. Неймана и К°, 1848–1849. Ч. I. 117 с.; Ч. II. 88 с.; Ч. III. 96 с.

Ашик А.Б. Часы досуга с присовокуплением писем о керченских древностях. Одесса: Типография А. Брауна, 1850. 183 с.

[Байер Г.З.] Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу / пер. с нем. И.К. Тауберта. СПб.: Императорская Академия наук, 1738. 284 с.

[Байер Г.З.] Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу. Издание второе / пер. с нем. И.К. Тауберта. СПб.: Императорская Академия наук, 1768. 292 с.

[Байер Г.З.] Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу / пер. с нем. И.К. Тауберта. СПб.: Императорская Академия наук, 1782. 240 с.

Бартольд В.В. Керчь // Бартольд В. В. Работы по исторической географии / подгот. к изданию О.Г. Большаковым; отв. ред. А.М. Беленицкий / перепеч. с изд. 1965 г. М.: Восточная литература РАН, 2002. С. 458–459.

Беккер П.В. Керчь и Тамань в июле месяце 1852 года // Пропилеи. Сборник статей по классической древности, издаваемый П. Леонтьевым. М.: Типография Каткова и К°, 1858. Кн.3. Изд. 2-е. Отд. 1. С. 349–382.

Белик Ю.Л. Некоторые элементы ограды крепости Ени-Кале // БИ. Симферополь-Керчь, 2007а. Вып. XVI. С. 282–290.

Белик Ю.Л. Мусульманские культовые объекты Ени-Кале // VIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Святилища и сакральные объекты. Материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько. Керчь, 2007б. С. 19–22.

Белик Ю.Л. Мечеть крепости Ени-Кале // Небесные патроны и земные служители культа. Тезисы докладов и сообщений IX Международной Крымской конференции по религиоведению, Севастополь, 15–19 мая 2007 г. / Гл. ред. Ю.А. Бабинов. Севастополь, 2007в. С. 10–11.

Белик Ю.Л. Некоторые вопросы водоснабжения крепости Ени-Кале в XVIII–XIX вв. // Научный сборник Керченского заповедника. Керчь, 2008. Вып. II. С. 312–338.

Белик Ю.Л. Некоторые особенности фортификационных сооружений османской крепости Керчь в XVII–XVIII вв. // XIII Сходознавчі читання А. Кримського. Тези доповідей міжнародної наукової конференції, м. Київ, 22–23 жовтня 2009 р. Київ, 2009. С. 56–59.

Белик Ю.Л. Некоторые фортификационные особенности крепости Керчь в XVII–XVIII вв. // БИ. Симферополь-Керчь, 2010а. Вып. XXIII. С. 509–520.

Белик Ю.Л. Крепость Ени-Кале в конце XVIII – начале XIX в. // Дюбрюкс П. Собрание сочинений: в 2 т. / сост. и отв. ред. И.В. Тункина; подгот. текстов И.В. Тункиной и Н.Л.Сухачева; пер. с фр. яз. Н.Л. Сухачева. СПб.: Коло, 2010б. Т. I. С. 437–444.

Белик Ю.Л. Влияние артиллерии на конструкцию оборонительных сооружений крепости Ени-Кале // XII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Взаимовлияние культур. Материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько. Керчь, 2011. С. 11–15.

Белик Ю.Л. Крепости Керченского полуострова (XVII–XIX вв.). Симферополь: Бизнес-Информ, 2015. 120 с. (Керченская старина. Вып. II).

Белик Ю.Л. Османские оборонительные сооружения на Керченском полуострове (XVII–XVIII вв.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2016. 236 с.

Белик Ю.Л. Итоги и перспективы исследований крепостей Керченского полуострова // XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и

Средневековья. Основные итоги и перспективы исследований. Материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь-Керчь, 2019. С. 70–74.

Белик Ю.Л., Ткачук Г.В. Крепость «Ени-Кале» на рубеже XVIII–XIX вв. // МАИЭТ. Симферополь, 2007. Вып. XIII. С. 523–540.

Бенкендорф А.Х. Воспоминания, 1802–1837 / публ. М.В. Сидоровой, А.А. Литвина; пер. с фр. О.В. Маринина. М.: Российский фонд культуры, 2012. 759 с.

Берх В.Н. Жизнеописание российского адмирала К. И. Крюйса. СПб.: Типография Н. Греча, 1825. 85 с.

Блаватский В.Д. Материалы по истории Пантикапея. План города // МИА. М.-Л., 1951. №19: Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. I. С. 9–62.

Блаватский В.Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М.: Наука, 1964. 232 с.

Блаватский В.Д. Боспорское царство в позднеантичное время // Блаватский В. Д. Античная археология и история / Отв. ред. М.М. Кобылина. М.: Наука, 1985. С. 242–260.

Бобровский П.О. История лейб-гвардии Преображенского полка. С портретами, планами, изображениями, автографами. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1900. Т. 1. 380 с.

Богданова Н.М. Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. М., 1991. Вып. 1. С. 8–172.

Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. М.: ОГИЗ. Госполитиздат, 1948. Т. 4: 1699–1701 гг. 514 с.

[Боплан Гийом Левассер де] Описание Украйны /пер. с фр./. СПб.: Типография Карла Крайя, 1832. 179 с.

Боплан Гийом Левассер де. Описание Украины / пер. с фр. З.П. Борисюк, ред. перевода А.Л.Хорошкевич, Е.Н. Ющенко. М.: Древлехранилище, 2004. 576 с.

Боссоли К. Пейзажи и достопримечательности Крыма в рисунках Карло Боссоли / Альбом / вступ. ст., науч. коммент. Е. Вишневской. Симферополь: Н. Оріанда, 2014. 76 с.

Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV–XV веков // 175 лет Керченскому музею древностей. Материалы международной конференции (27–29 июля 2001 г.) / Гл. ред. П.И. Иваненко. Керчь, 2001. С. 157–161.

Бочаров С.Г. Генуэзская крепость Воспоро в XIV–XV веках // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Резюме докладов XI международной научной конференции (31 мая – 5 июня 2003 г.) / Отв. ред. В.П. Копылов. Ростов-на-Дону, 2003а. С. 46.

Бочаров С.Г. Топография города Керчи XVI–XVIII вв. // Древнее Причерноморье. Материалы международной конференции V Чтения памяти профессора Петра Осиповича Карышковского (Одесса, 12–14 марта 2001 года) / Гл. ред. В.Н. Станко. Одесса, 2003б. С. 35–42.

Бочаров С.Г. Топография города Керчи XVI–XVIII веков // Археологические записки. Ростов-на-Дону, 2005. Вып. 4. С. 145–151.

Бочаров С.Г. Крепостные сооружения города Боспора – Воспоро в XIV–XV вв. Реконструкция // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке: Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 19–22 ноября 2013 г.) / Ред. М.Ю. Вахтина и др. СПб., 2013. С. 342–348.

Бочаров С.Г. Фортификационные сооружения генуэзского Воспоро // Причерноморье в средние века. СПб., 2015. Вып. 9. С. 127–148.

Брикнер А.[Г.] История Екатерины второй с 300 гравюрами и украшениями на дереве, исполненными лучшими иностранными и русскими граверами: в 5 ч. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1885а. Ч. 3: Внешняя политика. 516 с.

Брикнер А.Г. Путешествие Екатерины II в Крым. Гл. III–IV (Окончание) // Исторический вестник. СПб., 1885б. Т. 21. С. 444–509.

Брикнер А.Г. Иллюстрированная история Петра Великого. СПб.: Издание П.П. Сойкина, 1903. Т. 2. 294 с.

Броневский М. Описание Крыма (подготовка републикации текста М. Мачинской и А. Герцена, предисловие и комментарий А. Герцена) // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2005. № 10. С. 156–200.

Брун Ф.К. Крым в половине XVIII столетия. Одесса: Типография Л. Нитче, 1867. 28 с.

Брун Ф.К. О разных названиях Керчи и ее окрестностей в древности и средних веках // Записки Императорского Новороссийского университета. Одесса, 1877. Т. XXIII. С. 231–253.

Брун Ф.К. О разных названиях Керчи и ее окрестностей в древности и средних веках // Черноморье: Сборник исследований по исторической географии Южной России (1852–1877гг.). Одесса: Типография Г. Ульриха, 1880. Ч. II. С. 299–324.

[Будищев И.М.] Морской путеводитель по Азовскому и Черному морях. СПб.: Морская типография, 1808. Ч. 1. 65 с.

Бунин А.В., Ильин Л.А., Поляков Н.Х., Шквариков В.А. Градостроительство. М.: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1945. 328 с.

Бутурлин Д.П. Картина войн России с Турцией в царствование императрицы Екатерины II и императора Александра I. СПб.: Типография Императорского воспитательного дома, 1829. 171 с.

[Бурнашев С.Н.] Новые материалы для жизнеописания и деятельности С. Д. Бурнашева, бывшего в Грузии с 1783 по 1787 г. / под ред. А.А. Цагарели. СПб.: Государственная типография, 1901. 64 с.

Быковская Н.В. Крепости Керчь и Еникале в сфере Крымской политики России в конце XVIIIв. // Научный сборник Керченского заповедника. Керчь, 2006. Вып. I. С. 286–296.

Быковская Н.В. Керченский музей древностей в 20-е гг. XX в. по документам архива Главнауки и архива Керченского заповедника // Научный сборник Керченского заповедника. Симферополь, 2014. Вып. IV. С. 24–50.

Веселаго Ф.Ф. Очерк русской морской истории. СПб.: Типография Демакова, 1875. Ч. I. 652 с.

Веселов В.В. Плита из Керчи с изображением грифона // КСИАУ. 1956. Вып. 6. С. 62–63.

Взгляд на колонии Южной России французского путешественника, посетившего сии страны в 1818 г. // Северный архив. СПб., 1824. № 1. Январь. С. 19–30.

[Вигель Ф.Ф.] Записка о Керчи // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1864. Кн. 1. Январь-Март. Отд. 2. С. 11–99.

Виноградов К.А., Гончаров В.Т. Василий Михайлович Долгоруков-Крымский // Феодоситы: Специальное историко-краеведческое издание. Феодосия: «Арт-Лайф», 2010. Вып. 1. С. 4–78.

Вишкарев Л.А. Кармашева В.З., Кирилин Д.С., Кулипанова В.Н. Керчь – город-герой // История городов и сел Украинской ССР. Крымская область / предс. редколл. Л.Д. Солодовник. Киев: Главная редакция Украинской Советской энциклопедии, 1974. С. 283–303.

Воронов А.А., Михайлова М.Б. Боспор Киммерийский. М.: Искусство, 1983. 184 с.

Высочайшие рескрипты Екатерины II и министерская переписка по делам крымским. Из семейного архива графа В. Н. Панина // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.: Университетская типография, 1872. Кн. 2. Апрель-июнь. Отд. II. С. 1–130.

Гавриил. Хронологико-историческое описание церквей епархии Херсонской и Таврической // ЗООИД. Одесса, 1848. Т. II. Отд. 1. С. 140–210.

Гадло А.В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 362 с.

Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 624 с.

Гедьо А.В. Топографічні описи як джерело з історії грецьких громад України (кін. XVIII – поч.XIX ст.) // Історико – географічні дослідження в Україні. Київ, 2006. Ч. 9. С. 347–365.

Гейман В.[Д.] Из Феодосийской старины (архивные справки) // ИТУАК. Симферополь, 1916. № 53. С. 96–110.

Гераков Г.В. Путевые записки по многим российским губерниям 1820. Петроград: Типография Императорского воспитательного дома, 1828. 172 с.

[Гермоген] Справочная книжка о приходах и храмах Таврической епархии Гермогена, епископа Таврического (ныне Псковского). Симферополь: Таврическая губернская типография, 1886. 271 с.

«Главная крепость должна быть Севастополь». Документы о создании базы Черноморского флота 1784–1793 гг. / публ. Ю.Ю. Болотиной // Исторический архив. М., 1997. № 2. С. 201–213.

Говоров Д.[Г.] Описание соборной церкви Успения Пресвятыя Богородицы в городе Ени-Кале Таврической епархии. 1797–1897 годы // Таврические епархиальные ведомости. Симферополь, 1897. № 29. С. 798–814.

Голицын Н. Поездка из Южной России по берегам Крыма // Библиотека для чтения, журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. СПб.: Типография К.Жернакова, 1845. Т. 71. С. 1–46.

Городские поселения в Российской империи. СПб.: Типография К. Вульфа, 1864. Т. 4. 814 с.

[Горчакова Е.С.] Воспоминания о Крыме кн. Е. Горчаковой. М.: Типография Общества распространения полезных книг, 1884. Ч. II. 215 с.

Губоглу М. Турецкий источник 1740 г. о Валахии, Молдавии и Украине // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы / под ред. А.С. Тверитиновой. М.: Наука, 1964. Т. 1. С. 131–161.

Гуковский Г.А. Солдатские стихи XVIII века // Литературное наследство. М.: Журнально-газетное объединение, 1933. Вып. 9–10. С. 112–152.

Гусаров Ф.Т., Чуистова Л.И. Керчь. Историко-краеведческий очерк. Керчь: Крымиздат, 1963. 128 с.

[Демидов А.Н.] Путешествие, совершенное в Южную Россию и Крым, через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году Анатолием Демидовым. М.: Типография А.Семена, 1853. 543 с.

Домбровский О.И. Фрески средневекового Крыма. Киев: Наукова думка, 1966. 112 с.

[Дортелли д'Асколи Э.] Описание Черного моря и Татарии, составил доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи, префект Каффы, Татарии и проч. 1634 г. / пер. Н.Н. Пименова, изд. с прим. почетн. чл. А.Л. Бертье-Делагарда // ЗООИД. Одесса, 1902. Т. XXIV. Отд. 1. С.89–180.

Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М.: Изд-во АН СССР, 1955. 368 с.

Дубровин Н.Ф. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции, донесения. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1885. Т. 1: 1775–1777 гг. 872 с.; Т. 2: 1778 г. 924 с.

Дубровин Н.Ф. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции, донесения. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1887. Т. 3: 1779–1780 гг. 739 с.

Дубровин Н.Ф. Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. 1774–1778гг. СПб.: Военная типография, 1893. 378 с. (Сборник военно-исторических материалов. Вып. 6).

Дубровин Н.Ф. Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. 1790–1793 гг. / под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб.: Военная типография, 1895. 375 с. (Сборник военно-исторических материалов. Вып. 8).

Дюбрюкс П. Описание развалин и следов древних городов и укреплений некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно при Черном море / пер. с фр. А. Дюбрюкса // ЗООИД. Одесса, 1858. Т. IV. Отд. 1. С. 3–84.

Дюбрюкс П. Собрание сочинений: в 2 т. / сост. и отв. ред. И.В. Тункина; подгот. текстов И.В. Тункиной и Н.Л. Сухачева; пер. с фр. яз. Н.Л. Сухачева. СПб.: Коло, 2010. Т. 1: Тексты. 726 с.; Т. 2: Иллюстрации. 310 с.

Дюбуа де Монпере Фредерик Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым: в 6 т. Париж, 1843. Т. 5, 6 / пер. с фр., пред. и прим. Т.М. Фадеевой. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. 328 с.

Елагин С.И. История русского флота. Период Азовский. СПб.: Типография комиссионера Императорской академии художеств Гогенфельдена и К°, 1864а. 319 с.

Елагин С.И. История русского флота. Период Азовский. Приложения. СПб.: Типография комиссионера Императорской академии художеств Гогенфельдена и К°, 1864б. Ч.I. 513 с.

Єременко М.М., Лиман І.І. Військове духовенство на півдні України (1734–1853 рр.). Мелітополь: Видавничий будинок Мелітопольської міської друкарні, 2014. 436 с.

Жизнь и труды П. С. Савельева преимущественно по воспоминаниям и переписке с ним В. В. Григорьева. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1871. 306 с.

Журнал военных действий армий Ее Императорского Величества 1769–1771. СПб.: Государственная военная коллегия, [б. г.], 584 с.

Журнал или поденная записка блаженныя и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго с 1698 года, даже до заключения Нейштатскаго мира. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1770. Ч. 1. 460 с.

Зайончковский А.М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной и политической обстановкой: в 2 т. СПб.: Экспедиция изготовления государственных бумаг, 1908. Т. I. 763 с.

Зайончковский А.М. Восточная война 1853–1856. СПб.: ООО Изд-во «Полигон», 2002. Т. 1. 928 с.

Записка Р. А. Скасси о Керченском порте / коммент. В.Ф. Санжаровца, пер. С.Н. Наумкина // Научный сборник Восточно-Крымского музея-заповедника. Симферополь: Бизнес-Информ, 2016. Вып. V. С. 414–436.

Записки Мухаммеда Неджати-эфенди, турецкого пленного в России в 1771–1775 гг. / коммент. В.Д. Смирнова // Русский архив. СПб., 1894. Т. 81. Март. С. 113–134.

Зеест И.Б., Якобсон А.Л. Раскопки в Керчи в 1963 г. // КСИА. 1965. Вып. 104. С. 62–69.

Зенкевич Х.Х. Керчь в прошедшем и настоящем. Историко-археологический и географический очерк с приложением описания достопримечательностей города и его окрестностей, хронологического указателя и статистических сведений и с рисунками. Керчь: Скоропечатная типолитография Х. Н. Лаго и К° (бывш. Холева), 1894. 162 с.

Зильберштейн И.Н. Николай Бестужев и его живописное наследие. История создания портретной галереи декабристов / Литературное наследство. Т. 60: Декабристы-литераторы. Кн. 2: Художественное наследие и иконография декабристов / Гл. ред. В.В. Виноградов. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 463 с.

Зинько А.В., Пономарев Л.Ю. К топографии ранневизантийского Боспора и его плитово-грунтовых могильников // БИ. Керчь, 2016. Вып. XXXII. С. 107–148.

Иванов Ю.В. Корнелий Крюйс // Протестанты на службе России. Биографические очерки. СПб.: Издательство РХГА, 2012. С. 26–39.

Ивановский А.В. Азовское море. Технико-экономический обзор // Труды отдела торговых портов. СПб.: Государственная типография, 1904. Вып. XII. 171 с.

Игнатенко В.Ф. Усадьба Успенское. Люди и судьбы. Генеалогия дворянских родов: Томиловы и Шварцы. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2003. 194 с.

Из дел Московского отделения архива Главного штаба / сообщ. П.А. Иванов // ИТУАК. Симферополь, 1893. № 19. С. 23–78.

Из дел Московского отделения общего архива Главного штаба. Письма кн. В. М. Долгорукого-Крымского кн. Г. А. Потемкину и др. / предисл. Ф.Ф. Лашкова, сообщ. Н.П. Поликарпов // ИТУАК. Симферополь, 1914. № 51. С. 1–46.

Из дел Николаевского портового архива / сообщ. П.А. Иванов // ИТУАК. Симферополь, 1895. № 22. С. 18–34.

Измайлов В.В. Путешествие в полуденную Россию Владимира Измайлова: в 4 ч. / Новое издание, вновь обработанное автором. Ч. 3. М.: Типография Христоф. Клаудия, 1805. 274 с.

Изменения в составе и числе городов, произошедшие в царствование Екатерины II // ЖМВД. СПб., 1834. Ч. 12. № 5. С. 129–190.

Камеральное описание Крыма 1784 г. (продолжение) / сообщ. Ф.Ф. Лашков // ИТУАК. Симферополь, 1888. № 7. С. 25–45.

[Каховский М.В.] Краткое примечание о полуострове Таврическом и острове Тамани / сообщ. Г.И. Александров // Русский архив. СПБ., 1873. № 4. Стлб. 592–607.

Керчь // Географическо-статистический словарь Российской империи в 5 т. / сост. П. Семенов. СПб.: Типография В. Безобразова и комп., 1865. Т. II: Дабанъ – Кяхтинское градоначальство. С. 574–577.

Керчь // Военная энциклопедия / под ред. К.И. Величко и др. СПб.: Типография Товарищества И. Д. Сытина, 1913. Т. 12. С. 510–513.

Кирилін Д.С. Сучасниця Київської Русі // Пам'ятники України. Київ, 1981. № 1 (47). С. 55.

Кларк Э.-Д. Путешествие по России, Татарии и Турции. Глава XVIII. От Боспора Киммерийского до Каффы / пер. Н. Иванкевич, Н. Бусаревой // Археология и история Боспора. Керчь, 1999. Т. III. С. 11–38.

Ковыркин К.К., Санжаровец В.Ф. Керченский полуостров. Географический словарь // Научный сборник Керченского заповедника. Симферополь, 2014. Вып. IV. С. 443–585.

Козлов Д.Ф. Краткая боевая истории 117-го пехотного Ярославского полка. 1763–1913. Рогачик: Типография насл. Г. З. Залкинда, 1913. 90 с.

Кондараки В.Х. В память столетия Крыма. М.: Типография В.В. Чичирина, 1883. 145 с.

Копии писем Светлейшего князя Г. А. Потемкина-Таврического разным лицам // ЗООИД. Одесса, 1872. Т. VIII. Отд. 2. С. 201–221.

Корпус Боспорских надписей (КБН) / отв. ред. В.В. Струве. М.-Л.: Наука, 1965. 950 с.

Крамаровский М.Г. Ибн-Баттута о тюркском исламе // Золотоордынское обозрение. Казань, 2014. № 1 (3). С. 64–74.

Краткий исторический очерк г. Керчи, составленный по поручению Общества керченских врачей лекарем В. Мочульским // Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства. 1892. № 45. 15 ноября. С. 2.

Краткий указатель музея Императорского Одесского общества истории и древностей. Изд-е 3-е, дополненное. Одесса: Городская типография Алексомати, 1873. 52 с.

Краткий указатель музея Императорского Одесского общества истории и древностей / Сост. В.Н. Юргевич. Одесса: Типография А. Шульце, 1887. 96 с.

Краткий указатель музея Императорского Одесского общества истории и древностей. Изд-е 6-е, дополненное. Одесса: Типография Товарищества «Братья Кульберг», 1916. 112 с.

[Крейс К.И.] Экстракт из журнала, держанного от господина вице-адмирала Крейса, на пути из Москвы на Воронеж, с Воронежа на Азов, на Таганрог и к Керчи, а оттуды паки назад к Азову, 1699 год / пер. по рукописи с голланд. П. Ларионова // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. СПб.: Морская типография, 1850. Ч. VIII. С. 367–394.

Кулаковский Ю.А. Керчь и ее христианские памятники // Православная богословская энциклопедия в 12 т. / под ред. Н.Н. Глубоковского. СПб.: Типография Сибирского акционерного общества печатного и писчебумажного дела в России, 1908. Т. IX: Кармелиты – Κοινή. Стлб. 535–544.

Курникова О.М. Сравнительный анализ поселений эялета Кефе в XVI–XVIII вв. // IV Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна. Бахчисарай, 8–9 сентября 2015 г. Тезисы докладов и сообщений / Ред.-сост. О.М. Стойкова. Бахчисарай, 2016. С. 17–18.

Кучеревская Н.Л, Федосеев Н.Ф. Лев в искусстве древнего Боспора Киммерийского // IV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько. Керчь, 2003. С. 160–164.

Кызласова И.Л. О Павле Ивановиче Юкине (1883–1945) // Софійські читання. Матеріали IV Міжнародної науково-практичної конференції Пам'ятки Національного заповідника «Софія Київська»: культурний діалог поколінь (Київ, 25–26 жовтня 2007 р.) / Ред. Н.М. Нікітенко. Київ: ЧП Горобець, 2009. Вип. 4. С. 243–272.

Лазенкова Л.М. История и культура Керчи: храм Иоанна Предтечи // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2005. № 9. С. 119–126.

Лазенкова Л.М. «Городовой архитектор» Керчи Александр Дигби // Научный сборник Восточно-Крымского музея-заповедника. Симферополь: Бизнес-Информ, 2016. Вып. V. С. 317–325.

Латышев В.В. Неизданная рукопись Дюбрюкса: Извлечение из дневника раскопок, произве-

денных в нескольких керченских курганах в 1817–1818 годах // ЗООИД. Одесса, 1889а. Т. XV. Отд. 1. С. 116–149.

Латышев В.В. К истории археологических исследований в Южной России. Из переписки А.Н. Оленина // ЗООИД. Одесса, 1889б. Т. XV. Отд. 1. С. 61–115.

Лашков Ф.Ф. Статистические сведения о Крыме, сообщенные каймаканами в 1783 году // ЗООИД. Одесса, 1886. Т. XIV. Отд. 1. С. 91–156.

Лашков Ф.Ф. К вопросу о количестве населения Таврической губернии в начале XIX столетия // ИТУАК. Симферополь, 1916. № 53. С. 158–176.

Лебединцев А.А. Столетие церковной жизни Крыма. 1783–1883 г. // ЗООИД. Одесса, 1883. Т. XIII. Отд. 3. С. 201–219.

Лопушинская Е.И. Древний памятник Керчи // Строительство и архитектура. М., 1970. Вып. 10. С. 36–37.

[Лорер Н.И.] Из записок Николая Ивановича Лорера // Русский архив. М., 1874. № 2. С. 362–418.

Лоция Черного и Азовского морей, составленная капитаном 1-го ранга Е. Манганари. Николаев, 1845. 330 с.

Лоция Азовского моря и Керчь-Еникальского пролива / составил Андрей Сухомлин. Николаев: Типография Черноморского гидрографического депо, 1854. 96 с.

Лоция Черного моря. Николаев: Типография Черноморского гидрографического депо, 1851. 476 с.

Майко В.В. Салтово-маяцкие горизонты Боспора (по материалам раскопок 2018 г.) // Михеевские чтения. Харьков, 2021. Вып. II. С. 65–78.

Майко В.В., Шарапа А.В., Юрочкин В.Ю., Михайлов А.М. К вопросу о материальной культуре Боспора второй половины X – XII вв. (на примере охранных раскопок 2018 г.) // История и археология Крыма. Симферополь, 2021. Вып. XIV. С. 95–122.

Майкова Т.С. Военные «юрналы» петровского времени (по материалам ЦГАДА) // Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX века / Отв. ред. В.И. Шунков. М.: Наука, 1969. С. 368–390.

Мак-Ферсон Д. Древности Керчи / пер. с англ. О.Н. Герардини; ком. А.Д. Тимиргазина. Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография», 2008. 176 с.

Макаревский (Феодосий). Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии: Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. Екатеринослав: Типография Я. М. Чаусского, 1880. Вып. 2: Нынешние уезды – Бахмутский, Славяносербский, Ростовский на (Д.), Александровский и Мариупольский. 372 с.

Макарова Т. И. Раскопки около церкви Иоанна Предтечи в Керчи // Археологические открытия 1971 года / под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1972. С. 375–377.

Макарова Т.И. Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // СА. 1982. № 4. С. 91–106.

Макарова Т.И. Боспор-Корчев // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья. IV–XIII века. / под ред. Т.И. Макаровой, С.А. Плетневой. М.: Наука, 2003 (археология). С. 68–73.

Макидонов А.В. Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII в. Запорожье: Просвіта, 2011. 336 с.

Макидонов А.В. Днепровская линия (1770–1797). Запорожье: Акцент Инвест-трейд, 2014. 556 с.

Максимович Л.М. Новый и полный географический словарь Российского государства или Лексикон…: в 6 ч. М.: Университетская типография, у Н. Новикова, 1788. Ч. I: А – Ж. 292 с.

Мальгин А.В. Завоевание Крыма войсками 2-й армии князя В. М. Долгорукова в 1771 году // Историческое наследие Крыма / Гл. ред. С.А. Ефимов. Симферополь: ООО «Антиква», 2016. С. 98–116.

Маркевич А.И. Taurica. Опыт указателя сочинений, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще // ИТУАК. Симферополь, 1894. № 20. 394 с.

Марков Е.Л. Крым и его особенности // Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении: в 12 т. / под ред. П.П. Семенова. СПб.-М.: Издание Товарищества М. А. Вольф, 1898. Т. 5: Малороссия и Новороссия. Ч. 2: Бессарабская, Херсонская, Екатеринославская и Таврическая губернии. С. 187–260.

[Мармон О.Ф.] Путешествие маршала Мармона, герцога Рагузского, в Венгрию, Трансильванию, Южную Россию, по Крыму и берегам Азовского моря в Константинополь, некоторые части Малой Азии, Сирию, Палестину и Египет / пер. с фр. К. Полевого. М.:Типография Н. Степанова, 1840. Т. 1. 266 с.

Марти Ю.Ю. Путеводитель по Керченским древностям. Керчь: 4-я Гостипография Крымполиграфтреста, 1926. 60 с.

Марти Ю.Ю. Проблема раскопок древнего Пантикапея // Труды секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН. М., 1928. Т. IV. С. 306–315.

Матвеева Л.В. Юлиан Кулаковский. Киев: Стилос, 2002. 484 с.

Мемуары Павла Юкина. 40 лет моей работы / публ. и коммент. И.Л. Кызласовой // Софія Київська: Візантія, Русь, Україна. Київ, 2013. Вип. III. С. 345–370.

Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1824. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1824. Ч. 2.

Механиков С.В. «Записка о Керчи» Филиппа Филипповича Вигеля // Научный сборник Керченского заповедника. Керчь, 2006. Вып. I. С. 469–476.

Михайлова М.Б. Основные этапы формирования Керчи в XVIII–XIX вв. // Архитектурное наследство. М., 1976. Вып. 25: Проблемы градостроительства IV–XIX вв. С. 50–56.

Михайлова М.Б. Малые архитектурные формы и скульптура в ансамблях южно-русских городов первой половины XIX в. // Архитектурное наследство. М., 1985. Вып. 33: Город и его застройка. С. 69–77.

Михайлова М.Б. Крепость Керчь – памятник средневековой фортификации и ядро русского города периода классицизма // Архитектурное наследство. М., 2012. Вып. 56. С. 113–128.

[Михайловский-Данилевский А.И.] Из воспоминаний Михайловского-Данилевского. Путешествие с императором Александром I по Южной России в 1818 году / сообщ. Н.К. Шильдера // Русская старина. СПб., 1897. Т. XCI. № 7. Июль-август-сентябрь. С. 69–102.

Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым / пер. с фр. В.В. Орехова. Киев: Издательский дом «Стилос», 2011. 416 с.

Муравьев А.Н. Таврида / изд. подгот. Н.А. Хохлова, отв. ред. А.А. Карпов. СПб.: Наука, 2007. 518 с.

Муравьев-Апостол И.М. Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб.: Типография при Особенной канцелярии Министерства внутренних дел, 1823. 337 с.

Мурзакевич Н.Н. История генуэзских поселений в Крыму. Одесса: Городская типография, 1837а. 91 с.

Мурзакевич Н.Н. Поездка в Крым в 1836 г. // ЖМНП. СПб., 1837б. Ч. 13. № 3. Отд. 4. С. 625–691.

Мурзакевич Н.Н. Очерк успехов Новороссийского края и Бессарабии в истекшее двадцатипятилетие, т.е. с 1820 по 1846 год. Одесса: б.и., 1846. 88 с.

Мурзакевич Н.Н. Греческое древнее кандило // ЗООИД. Одесса, 1853а. Т. III. Отд. 3. С. 565–566.

Мурзакевич Н.Н. Описание городов и уездов Азовской губернии. (1779 года) // ЗООИД. Одесса, 1853б. Т. III. Отд. 2. С. 289–305.

Мурзакевич Н.Н. Каталог картам, планам, чертежам, видам, хранящимся в музее Императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса: Франко-Русская типография Л. Даникана, 1881. 56 с.

Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. 528 с.

Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. «Церковь Шевелева» или «Церковь 1833 г.» (г. Керчь): К вопросу о местоположении и обстоятельствах находки // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VII Международной научной конференции (28–29 октября 2010г.). Харьков, 2010. С. 88–89.

Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. К церковной топографии Боспора X–XII вв. // XIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Проблемы урбанизации. Материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько. Керчь, 2012. С. 336–344.

Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. Христианские памятники и топография Боспора X–XIII вв. // Климентовский сборник. Материалы VI Международной конференции «Церковная археология: Херсонес – город святого Климента» (Севастополь, 2011г.) / под ред. Т.Ю. Яшаевой. Севастополь: Телескоп, 2013а. С. 244–263.

Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. К исторической топографии Боспора X–XII вв.: об обстоятельствах находки и местоположении так называемой «Церкви Шевелева» («Церкви 1833 г.») // Ρωμαίος: сборник статей к 60-летию проф. С. Б. Сорочана / Нартекс. Byzantine Ukrainensis. Харьков: Майдан, 2013б. Т. 2. С. 295–309.

Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. Историческая топография Керчи конца XV–XVIII вв.: состояние источниковой базы и перспективы исследований // XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Традиции и инновации. Материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь-Керчь, 2018а. С. 348–358.

Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. Е. И. Лопушинская и ее «Историческая справка» о керченской церкви Иоанна Предтечи (1968 г.) // Проблеми історії та археології України: Матеріали XI Всеукраїнської наукової конференції, до 60-річчя від початку дослідження Більського городища Харківським університетом (Харків, 14–15 грудня 2018 р.). Харків, 2018б. С. 40–41.

Небожаева Н.В. Водоснабжение // Керченская старина. Симферополь: Бизнес-Информ, 2015. Вып. I / Ред.-сост. Н.В. Быковская, Н.В. Небожаева, В.Ф. Санжаровец. С. 182–192.

Негри А.[Ф.] Извлечения из турецкой рукописи общества, содержащей историю крымских ханов // ЗООИД. Одесса, 1848. Т. II. Отд. 2. С. 379–392.

Негри А., Соколов Г., Михневич И., Лиликов Ф., Шевелев Е. Записка о содержании старых письменных актов Новороссийского края // ЗООИД. Одесса, 1848. Т. II. Отд. 2. С. 740–787.

Немирович-Данченко В.И. На пароходе «Митридат» // Немирович-Данченко В. И. В гостях. СПб.: Типография И. Габермана, 1880. 275 с.

Новороссийский календарь на 1841-й год, издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса: Городская типография, 1840 г. 323 с.

Объявления Керчь-Еникальского градоначальства. 1858. № 32. 10 августа. С. 125–128.

Объявления Керчь-Еникальского градоначальства. 1859. № 28. 12 июля. С. 112–116.

Общий морской список. СПб. Типография В. Демакова, 1885. Ч. I: От основания флота до кончины Петра Великого. 454 с.

Описание дел архива Морского министерства за время с половины XVII – до начала XIX столетия. СПб.: Типография В. Демакова, 1877. Т. I. 759 с.

Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, монаха доминиканского ордена (1625) / пер. с фр. П. Юрченко // ЗООИД. Одесса, 1879. Т. XI. Отд. 3. С. 473–493.

Описание портостроительных работ в 1913 году. Ч. II: Описание работ, произведенных в Одесском, Николаевском, Херсонском, Феодосийском, Туапсинском, Новороссийском, Керченском, Мариупольском, Темрюкском и Петровском портах. СПб.: Типолитография Г. де-Кельш, 1916 (Труды Отдела торговых портов. Вып. XLII). 86 с.

Орбели Р.А. Гидроархеология. Подводные исторические изыскания близ древних греческих городов на Черноморском побережье // Судоподъем. М.-Л., 1945. № 1. С. 140–176.

Ордера графа (князя) Платона Александровича Зубова правителю Таврической области Жигулину. 1796 год / сообщ. Г. Киреенко // ИТУАК. Симферополь, 1896. № 25. С. 1–19.

Орехов В.В. Парижская «Записка…» о Керчи Рафаила де Скасси // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. 2018. Серия «Исторические науки». Т. 4 (70). № 4. С. 84–104.

Отчет Одесского общества истории и древностей. С 14 ноября 1870 по 14 ноября 1871 г. (Читан 25 января 1872 г.). Одесса: Городская типография Алексомати, 1872. 32 с.

Отчет по городским и строительным работам с 11 по 18 июня // Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства. 1890. № 24. 24 июня. С. 1

Паллас П.С. Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань // ЗООИД. Одесса, 1883. Т. XIII. С. 35–107.

Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / пер. с нем. С.Л. Беляевой и А.Л. Бертье-Делагарда. М.: Наука, 1999. 246 с. (Научное наследство; Т. 27).

Памятка 94-го пех. Енисейского полка к 100-летнему юбилею / По поручению командира полка полковника В. З. Гудима. Составлена действительным членом Императорского военно-исторического общества В. И. Годуновым. Ревель: Типография Авг. Миквиц, 1913. 48 с.

Памятная книжка Керчь-Еникальского градоначальства на 1863 год. Керчь: Типография И.Р. Холева, 1863. 290 с.

Памятная книжка Керчь-Еникальского градоначальства. Керчь: Типография Х.Н. Лаго, 1914. 131 с.

Петрова Э.Б., Прохорова Т.А. Крымские путешествия: Шарль Жильбер Ромм. «Путеше-

ствие в Крым в 1786 году». Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. 168 с.

Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб.: Государственная типография, 1887. Т. 1: 1688–1701 гг. 888 с.

Погодин М.[П.] Феодосия и Судак // ЗООИД. Одесса, 1872. Т. VIII. Отд. 2. С. 301–307.

Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства. 1861. № 43. 22 октября. С. 169–172.

Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства. 1897а. № 38. 21 сентября. 4 с.

Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства. 1897б. № 5. 2 февраля. 4 с.

Пономарев Л.Ю. Керченская церковь Иоанна Предтечи в генуэзский и османский периоды (краткий обзор источников по дискуссионным вопросам) // XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Основные итоги и перспективы исследований. Материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь-Керчь, 2019а. С. 470–478.

Пономарев Л.Ю. Керченская церковь Иоанна Предтечи в генуэзский и османский периоды (обзор источников и дискуссионные вопросы) // БИ. Керчь, 2019б. Вып. XXXIX. С. 275–309.

Пономарев Л.Ю. Церкви Ени-Кале (последняя четверть XVIII – первая половина XIX в.) // Владимирский сборник II. Материалы международной научной конференции «III Свято-Владимирские чтения» / Отв. ред. В.В. Майко, Т.Ю. Яшаева. Севастополь, 2020. С. 145–162.

Пономарев Л.Ю. Античные древности в контексте изучения средневековых памятников Керчи (предварительный обзор) // БИ. Керчь-Симферополь, 2021. Вып. XLII. С. 234–270.

Пономарев Л.Ю., Бейлин Д.В. Церковь Иоанна Предтечи в Керчи (третья четверть XVIII – XXвв.) // История и археология Крыма. Симферополь, 2016. Вып. III. С. 300–343.

Пономарьова Л. Перлина візантійського зодчества в Керчі // Пам'ятки України. Київ, 1997. № 1. С. 86–90.

Попов Г.В. Два фрагмента росписи церкви Иоанна Предтечи в Керчи // Древнерусское искусство. Балканы. Русь / отв. ред. А.И. Комеч, О.Е. Этингоф. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 117–126.

Поход Петра В. из Москвы на Воронеж, с Воронежа на Азов, на Таганрог и к Керчи, а оттуда обратно к Азову в 1699 году (из журнала вице-адмирала Крюйса) // Маяк. СПб., 1842. Т. VI. Кн. XII. С. 79–90.

Православна церква на півдні України (1775–1781) / упорядн. І.І. Лиман. Запоріжжя: РА«Тандем – У», 2004. 560 с. (Джерела з історії Південної України. Т. 4.).

Прибрежные города Черного моря (окончание) // Всемирная иллюстрация. СПб., 1870. №99. С. 791–792.

Приморские торговые порты Европейской России. Белое, Балтийское, Черное и Азовское моря. СПб.: Типография Товарищество Р. Голике, 1908 (Труды отдела торговых портов. Вып. XXIV). 92 с.

Прокопий Кесарийский. О постройках / пер. С.П. Кондратьева // ВДИ. 1939. № 4. С. 203–283.

Протоколы заседаний Таврической ученой архивной комиссии // ИТУАК. Симферополь, 1910. № 44. С. 93–121.

Протоколы заседаний Таврической ученой архивной комиссии // ИТУАК. Симферополь, 1912. № 47. С. 8–64.

Протоколы реставрационных заседаний Императорской археологической комиссии за 1-ю

половину 1909 г. Заседание 8 апреля. XVI. г. Керчь. Греческая Иоанно-Предтеченская церковь, IX–X вв. // ИАК. СПб., 1909. Вып. 32 (Вопросы реставрации, вып. 4). С. 69–74.

Пряхин Ю.Д. Греки в истории России XVIII–XIX вв.: исторические очерки. СПб.: Алетейя, 2008. 272 с. (Серия «Новогреческие исследования»).

Пряхин Ю.Д. Некоторые аспекты появления в Крыму Греческого пехотного полка, его размещения в Балаклаве, службы воинов-греков // Греки Балаклавы и Севастополя / Отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Индрик, 2013. С. 57–70.

Радочин В.Ю. Антропологические материалы из раскопок Кооперативного переулка в г.Керчь // IX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Militaria. Материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько. Керчь, 2008. С. 215–216.

Радочин В.Ю. Палеоантропологический материал из могильника позднесредневекового Боспора // МАИЭТ. Симферополь, 2009. Вып. XV. С. 481–500.

Ровинский Д.А. Подробный словарь русских граверов XVI–XIX вв. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1895. Т. II: К–Ф. 1248 стлб.

Руев В.Л. Турецкое вторжение в Крым в 1475 году. Симферополь: Антиква, 2014. 308 с.

Руммель В.Ю. Керчь, Геническ, Ейск, Темрюк, Анапа. Результаты изысканий, произведенных в 1893–1894 гг. / Материалы для описания русских коммерческих портов и истории их сооружения. СПб.: Типография Министерства путей сообщения (Т-во И. Н. Кушнерев и К°), 1896. Вып. XX. 326 с.

Руммель В.Ю. Проект устройства глубокого порта в Керченской бухте // Материалы для описания русских коммерческих портов и истории их сооружения. СПб.: Типография Министерства путей сообщения (Т-во И. Н. Кушнерев и К°), 1900. Вып. XXX: Керчь – глубокий порт, судоходный канал от р. Кубань к Анапе, Сухум. Результаты изысканий, произведенных в 1896–97 гг. С. 1–17.

Рыстенко А.В. Рукописи, принадлежащие библиотеке Императорского Одесского общества истории и древностей // ЗООИД. Одесса, 1910. Т. XXVIII. Отд. 2. С. 35–120.

Санжаровец В.Ф. Легенды Митридатовой горы // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2007. № 18. С. 40–48.

Санжаровец В.Ф. Маршрут «G». Керчь. Ени-Кале. Экскурсия в Азию // Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым / пер. с фр. В.В. Орехова. Киев: Издательский дом «Стилос», 2011. С. 361–374.

Санжаровец В.Ф. О национальном составе населения Керчи в 1771–1856 гг. // Этнография Крыма XIX–XXI вв. и современные этнокультурные процессы: Материалы и исследования / Отв. ред. М.А. Араджиони, Ю.Н. Лаптев. Симферополь, 2012. Вып. 2. С. 211–217.

Санжаровец В.Ф. Скассиев фонтан и его основатель Р. А. Скасси (опыт историко-топонимического исследования) // Топонимика Крыма. Симферополь: Изд-во Н. Оріанда, 2019. Вып. 3 / Ред.-сост. Ю.А. Беляев. С. 200–247.

Санжаровец В.Ф., Ходаковский В.Н., Ходаковский К.Н. Работа над ошибками или пути преодоления заблуждений // Научный сборник Восточно-Крымского музея-заповедника. Симферополь, 2016. Вып. V. С. 334–377.

Сбитнев И.М. Прогулка по Воспорскому проливу и по берегам Азовского моря в 1820 году (продолжение) // Отечественные записки. СПб., 1829. Ч. 37. № 105. Январь. С. 33–57.

Свиньин П.П. Обозрение путешествия издателя Отечественных записок по России в 1825

году относительно археологии // Отечественные записки. СПб., 1826. Ч. XXV. Кн. LXXI. С. 440–467.

Свиньин П.П. Керчь, Древняя Пантикапея. (Из живописного путешествия по России издателя Отечественных записок) // Отечественные записки. СПб., 1828. Ч. 34. Кн. 96. Апрель. С. 3–31.

[Свиньин П.П.] Керчь, Древняя Пантикапея // Картины России и быт разноплеменных ее народов из путешествий П. П. Свиньина. СПб.: Типография Н. Греча, 1839. Ч. 1. С. 361–371.

Селезнев М.[А.] Руководство к познанию Кавказа. СПб.: Типография Морского кадетского корпуса, 1847. Кн. 2: Путь через Кавказские горы и восточный берег Черного моря в Крым. 304 с.

Семевский М.И. Александр Бестужев на Кавказе. 1829–1837. Неизданные письма его к матери, сестрам и братьям (окончание) // Русский вестник. СПб., 1870. № 7. С. 46–85.

Северная пчела. 1842. № 172. 4 августа. С. 685–688.

Северная пчела. 1845. № 200. 6 сентября. С. 797–799.

Скальковский А.[А.] Записка о плавании парохода «Петр Великий» к таврическим и восточным берегам Черного моря. Одесса: Городская типография, 1836. 35 с.

Скальковский А.[А.] Хронологическое обозрение истории Новороссийского края, 1730–1823. Одесса: Городская типография, 1838. Ч. II. С 1796-го по 1823-й год. 349 с.

Скальковский А.[А.] Занятие Крыма в 1783 году. Материалы для истории Новороссийского края // ЖМНП. СПб., 1841. Ч. XXX. Отд. II. С. 1–44.

Смоленский А. Статистическое описание Керчь-Еникальского градоначальства // Новороссийский календарь на 1841 год, издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса: Городская типография, 1840. С. 278–302.

Спасский Г.[И.] Босфор Киммерийский с его древностями и достопамятностями. М.: Университетская типография, 1846. 151 с.

Список по старшинству генералитету, обер-офицерам и капитанам гвардейской и полевой артиллериии. СПб., 1825. 106 с.

Ставровский Я.Ф. Горный Крым и Керченский полуостров // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей: в 19 т. / под ред. В.П. Семенова-Тян-Шанского. СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1910. Т. 14: Новороссия и Крым. С. 689–817.

Стевен А.Х. Дела архива Таврического губернского правления, относящиеся до разыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической губернии // ИТУАК. Симферополь, 1891. № 13. С. 33–54.

Стемпковский И.[А.] Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае // Отечественные записки. СПб., 1827. Ч. 29. Кн. 81. Январь. С. 40–72.

Стемпковский И.А. Древности. Надпись, найденная в Керчи (Antiquité. Inscription ancienne découverte à Kerch) // Одесский вестник / Journal d'Odessa. Одесса, 1829. №39. 15/27 мая. С. 153–155.

Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. VII: Главное инженерное управление. Исторический очерк / Гл. ред. Д.А. Скалон, сост. И.Г. Фабрициус. СПб.: Типография Санкт-Петербургского акционерного общества печатного и писчебумажного дела в России, 1902. Ч. 1. 314 с.

Сумароков П.И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году Павлом Сумароко-

вым. С историческим и топографическим описанием всех тех мест. Ч. I. М.: Университетская типография, у Ридигера и Клаудия, 1800. 238 с.

Сумароков П.И. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. Ч. II. СПб.: Императорская типография, 1805. 244 с.

Сухарєв М.В. Становище православного населення в Криму в 70-і – на початку 80-х рр. XVIIIст. // КНП. Симферополь, 2004. № 50. Т. 2. С. 184–186.

Сухоруков В.Д. Историческое описание земли Войска Донского. Новочеркасск: Издание Войскового статистического комитета, 1869. Т. 1. 290 с.

Сющук Ю.Г. Функциональные разновидности мечетей Крыма (XIII –XVIII вв.) // Проблемы теории и истории архитектуры Украины. Одесса, 2002. № 3. С. 42–45.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1884. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. 563 с.

Тимофеенко В.И. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века. Киев: Наукова думка, 1984. 220 с.

Толстиков В.П. Пантикапей – столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора / под ред. Г.А. Кошеленко. М.: Наука, 1992. С. 45–99.

Толстиков В.П. Акрополь Пантикапея – столицы Боспора Киммерийского. Итоги изучения за 60 лет // Античный мир и варвары на юге России и Украины: Ольвия. Скифия. Боспор / Гл. ред. А.А. Масленников, Н.А. Гаврилюк. Запорожье: Дикое поле, 2007. С. 244–257.

[Томилов Р.Н.] Топографическое описание доставшимся по мирному трактату от Оттоманской Порты во владение Российской империи землям, 1774 года // ЗООИД. Одесса, 1868. Т. VII. Отд. 2. С. 166–198.

Тункина И.В. Первые годы деятельности Керченского музея древностей // Археология и история Боспора. Керчь, 1999. Т. III. С. 39–60.

Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.

Тункина И.В. Открытие Феодосии: Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. 1771–1871 гг. Киев: Болеро, 2011. 240 с.

Тунманн И.Э. Крымское ханство / пер. с нем. изд. 1784 г. Н.Л. Эрнста и С.Л. Белявской; прим., предисл. и прилож. Н.Л. Эрнста. Симферополь: Государственное издательство Крымской АССР, 1936. 105 с.

Тунманн И.Э. Крымское ханство / пер. с нем. изд. 1784 г. Н.Л. Эрнста и С.Л. Белявской; прим., предисл. и прилож. Н.Л. Эрнста. Симферополь: Таврия, 1991. 96 с.

Тушин Ю.П. Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях (XVII век). М.: Наука, 1978. 184 с.

Указатель Феодосийского музея древностей. Изд. 6-е дополн. и исправл. / сост. Л.П. Колли. Феодосия: Типография А.Е. Цвибака, 1912. 32 с.

Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб.: Типография II-го Отделения собств. Его Имп. Вел. канцелярии, 1858а. Т. 3: Путешествие и разрыв со Швецией. 652 с.

Устрялов Н.Г. Керченский поход 1699 года (из III-го тома истории царствования Петра Великого) // Сборник литературных статей, посвященный русскими писателями памяти покойного книгопродавца-издателя Александра Филипповича Смирдина. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1858. Т. 1. С. 4–44.

Федоров А.Т. Характеристика службы бетонных, каменных и железобетонных сооружений в

морских портах // Сборник научно-исследовательских материалов / Центральный научно-исследовательский институт водного транспорта. Ленинград: ЦНИВТ, 1934. С. 23–73.

Федоров Ф.[А.] Крым с Севастополем, Балаклавою и другими его городами. С описанием рек, озер, гор и долин: с его историей, жителями, их нравами и образом жизни. С двумя видами и планом. СПб.: Типография Эдуарда Веймара, 1855а. 191 с.

Федоров Ф.А. Керчь и Ени-Кале // Северная пчела. 1855б. № 110. 2 мая. С. 567–569.

Федоров Ф.А. Керчь и Ени-Кале // Русский художественный листок / изд. В. Тимма. СПб.: Типография Н. Греча, 1855. № 19. 1 июля.

Федосеев Н.Ф. Боспорский грифон // Артикульт. 2013. №12. С. 124–125.

Федосеев Н.Ф. Боспорский грифон // Древности Боспора. М., 2015. Т. 19. С. 377–385.

Федосеев Н.Ф. Греки на Боспоре Киммерийском: 200 лет исследований. Симферополь: Бизнес-Информ, 2017. 320 с.

Федосеев Н.Ф., Пономарев Л.Ю. Античные древности церкви Иоанна Предтечи в Керчи (историографический обзор) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2016. Т. 2 (68). № 2. С. 124–136.

[Ферран] Путешествие из Крыма в Черкесию через земли ногайских татар в 1709 году / перевод с французского П. Хицунова // Русский вестник. СПб., 1842. Т. 6. № 4. Апрель. Отд. 2. С. 41–56.

Філас В.М. Альбом гравюр П. Сумарокова до видання «Досугов Крымского судьи или второе путешествие в Тавриду»: авторська та сюжетна атрибуція // Scriptorium nostrum. Електронний історичний журнал / Голов. ред. В. Андрєєв. Херсон, 2017. Вип. 2 (8). С. 178–185.

Філас В.М. Живопис та графіка як джерело з історії південної України останньої чверті XVIII – середини XIX ст. Діс. … докт. іст. наук. Київ, 2019. 531 с.

Хайбуллаева Ф.Х. Новый турецкий источник по истории Крыма // МАИЭТ. Симферополь, 2001. Вып. VIII. С. 362–365.

Хоєцький Е. Спогади з подорожі по Криму. Сімферополь: ВАТ «Сімферопольська міська друкарня», 2008. 384 с.

Храпунов Н.И. Крым в описаниях Реджинальда Хебера (1806) // МАИЭТ. Симферополь, 2008. Вып. XIV. С. 645–697.

Церковь Св. пророка Предтечи и Крестителя Господня Иоанна в городе Керчи // Новороссийский календарь на 1857 год, издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса: Городская типография, 1856. Отд. 4. С. 439–443.

[Челеби Э.] Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 гг.) / пер. и коммент. Е.В. Бахревского. Симферополь: ДАР, 1999. 140 с.

Челеби Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Изд. 2-е, исправл. и доп. / пер., вступ. ст. и коммент. Е.В. Бахревского. Симферополь: Доля, 2008. 272 с.

Чхаидзе В.Н. Османская крепость Хункала // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы международной научной конференции. Москва, 21–25 апреля 2014 г. / Отв. ред. Д.С. Коробов. М.: ИА РАН, 2014. С. 395–398.

Шевелев Е.[П.] Заметки для путешествующих по Крыму // Новороссийский календарь на 1847 год, издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса: Городская типография, 1846. С. 357–362.

Шевелев Е.[П.] Рец. на: Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памят-

никами, расписными вазами, планами, катами и видами. Соч. Антона Ашика. Одесса, тип. Неймана, 1848, Часть I. IX, 117 стр. и X таблиц. Часть II, 88 стр. и XII таблиц. Часть III, 96 стр. и L таблиц // ЗООИД. Одесса, 1848. Т. II. Отд. 2. С. 725–738.

Шкорпил В.В. Из архива Керченского музея древностей. IV. Остатки древних сооружений в Керчи и ее окрестностях в 1845 г. // ИТУАК. Симферополь, 1908. № 42. С. 56–72.

Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. // ИАК. СПб., 1914. Вып. 56. С. 1–74.

Шмурло Е.Ф. Петр Великий в русской литературе (окончание) // ЖМНП. СПб., 1889. Ч. CCLXIV. Август. С. 305–375.

Якобсон А.Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // МИА. М.-Л., 1958. № 85: Боспорские города. Работы Боспорской экспедиции. 1946–1953 гг. С. 458–501.

Якобсон А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики / МИА. Л., 1970. № 168. 223 с.

Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979. 164 с.

Barthold W. Kerč // Enzyklopädie des Islams. Ceographisches, ethnographisces und biographisches Wörterbush der muhammedaniscen Völker. Leiden-Leipzig, 1913. Bd. 2: E – K / Herausgegeben von M. Th. Houtsma, A. J. Wensinck, W. Heffening, T. W. Arnold.

Bocharov S. Vosporo fortress in the system of Genoese fortification of the Crimean peninsula of XIVth – XVth centuries //Classica et Christiana. Iaşi, 2015. Vol. 10. P. 443–458.

Beaujour F. de Voyage militaire dans l'Empire Othoman, ou Description de ses frontières et de ses principales défenses, soit naturelles, soit artificielles. Paris: Ches Firmin Didot, Bossange, Delaunay, 1829. T. I. 539 p.

Dortelli d'Askoli E. Descrittione del Mar Negro et della Tartaria, 1634 // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. Киев, 1891. Кн. 5. Отд. III. С. 1–46.

Castelnav G. Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la nouvelle Russie. Statistique des provinces qui la composent. Fondation d'Odessa; ses progrès, son état actuel; détails sur son commerce. Voyage en Crimée, dans l'intérêt de l'agriculture et du commerce. Paris: Ches Rey et Gravier, 1820. T. III. 347 p.

Clarke E.D. Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. Part the first. Russia, Tahtary and Turkey. Fourth edition. London: Printed for T. Cadell and W. Davies, 1816. Vol. II. 524 p.

Coup d'oeil sur les colonies de la Russie méridionale, par un voyageur francais qui les a visitées en 1818 // Nouvelles annales des voyages, de la géographie et de l'histoire... publiées par mm. J.B. Eyriés et Malte-Brun. Paris: Librairie de Gide Fils, 1819. T. 2. P. 97–157.

Dubois de Montperéux F. Voyage autour du Caucase ches les tcherkesses et les abkhases en Colchide en Géorgie en Arménie et en Crimée. Paris: Librairie de Gide, 1843. T. V. 464 p.

Famin César M. Crimée // Chopin M. L'univers histoire et description de tous les peuples. Suite et fin de la Russie et provinces Russes et Asie. Tome deuxieme contenant la fin de la Russie D'Europe, y compris la Crimée, par M. Cesar Famin; et les provinces Russes en Asie, Circassie et Géorgie, par M. Cesar Famin. Armenie, par M. Bore, orientaliste. Paris: Firmin Didot Freres, 1838. P. 1–32.

Gamba J.-F. Voyage dans la Russie méridionale, et particulièrement dans les provinces situées au-delà du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'en 1824. Paris: chez C. J. Troué, Imprimeum-libraire, 1826a. T. I. 444 p.

Gamba J.-F. Voyage dans la Russie méridionale. Atlas. Paris: chez C. J. Troué, Imprimeum-libraire, 1826б. 60 p.

Guthrie M. A tour performed in the years 1795–1796, through the Taurida or Crimea, the Ancient Kingdom of Bosphorus, the once powerful Republic of Tauric Cherson, and all the others countries on the north shore of the Euxine, ceded to Russia by the peace of Kainardgi and Jassy. London: T. Cadell, jun. & W. Davies; Elibron Classics edition, 1802. 446 p.

Jesse W. Notes of a half-pay in search of health, or Russia, Circassia and the Crimea in 1839–1840. London: J. Madden and Co, 1841. Vol. 1. 335 p.

La guerre nationale de 1812. Paris: H. Charles-Lavauzelle, 1907. T. IV. 481 p.

Layall R. Travels in Russia, the Krimea, the Caucasus and Georgia. London: Printed for T. Cadell, in the Strand; and W. Blackwood, Edinburgh, 1825. Vol. 1. 528 p.

Lettres sur la Crimée, Odessa et la Mer d'Azof. Moscow: De l'imprimerie de N. S. Vsévologsky, 1810. 290 p.

McPherson D. Antiquities of Kertch and Researches in the Crimea and Bosphorus with remarks on the ethnological and physical history of the Crimea. London: Smith, Elder & Co., 1857. 102 p.

Montandon C.H. Guide du voyageur en Crimée: orné de cartes, de plans, de vues et de vignettes, et précédé d'une introduction sur les différentes manières de se rendre d'Odessa en Crimée. Odessa: imprimerie de la ville, 1834. 384 p.

[Motraye A. de la] Voyages du Sr. A. de la Motraye en Europe, Asie et Afrique. Haye: Ches T. Johnson & J. van Duren, 1727. T. 2. 496 p.

Murawiew-Apostol I.M. Reise durch Taurien im jahre 1820. Berlin: Verlag von Th. Christ Fr. Enslin, 1825. 249 s.

Neilson A. The Crimea, its towns, inhabitants and social customs by a Lady resident near the Alma. London: Partridge, Oakey, and Co. 1855. 143 p.

Pallas P. Bemerkungen auf einer Reise in die Südlichen Staathalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794: in 2 bd. Leipzig: bay Gottfried Martini, 1801. Bd. II. 524 s.

R… de S… Mémoire sur l'ouverture du port de Kertch, situé en Crimée sur la mer Noire. Paris: Ches Bachelier, Libraire, 1822a. 16 p.

R… de S… Mémoire sur l'ouverture du port de Kertch, situé en Crimée sur la mer Noire // Annales de l'industrie nationale et étrangère, ou Mercure technologique. Paris: Ches Bachelier, Libraire-Editeur, 1822б. T. 6. P. 67–77.

Reuilly J. Voyage en Crimée et sur les bords de la mer Noire pendant l'année 1803; Suivi d'un mémoire sur le commerce de cette mer, et des notes sur les principaux ports commerçans dédié à sa majesté l'empereur et roi. Paris: ches Bossange, Masson et Besson, 1806. 302 p.

Seymour H.D. Russia on the Black sea and sea of Azof: being a narrative of travels in the Crimea and bordering provinces; with notices of the naval, military, and commercial resources of those countries. London: John Murray, Albemarle street, 1855. 361 p.

Telfer J.B. The Crimea and Transcaucasia being the narrative of a journey in the Kouban, in Gouria, Georgia, Armenia, Ossety, Imeritia, Swannety, and Mingrelia, and in the Tauric range London: Henry King & Co., 1876. Vol. I. 297 p.

Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge; Massachusetts: The Medieval Academy of America, 1936. 292 p.

Veinstein G. La population du Sud de la Crimée au début dela domination Ottomane // Mémorial Ömer Lûtfi Barkal. Paris, 1980. P. 127–149.

REFERENCES

24 vida Kryma, sniatykh s natury i litografirovannykh K. Bassoli v 1842 g. Odessa: D. Klenov Publ., [1842]. 24 p.

Avakov P.A. Dzhon Bekem: britanets na beregakh Azovskogo moria (1699–1711). *Rossiia – Velikobritaniia: Piat' vekov kul'turnykh sviazei. Materialy VI Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa. Sankt-Peterburg, 6–8 iiunia 2014 g.* Sankt-Peterburg: «Evropeiskii Dom» Publ., 2015. pp. 95–111.

Avdeev A.A. Tserkov' Sv. Ioanna Predtechi v Kerchi. *Kondakov N.P. (Ed.). Trudy VI Arkheologicheskogo s»ezda v Odesse, 1884 god.* Odessa: A. Shul'tse Publ., 1887. Vol. III, pp. 382–386.

Aibabin A.I. Khazarskii sloi v Kerchi. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii.* Simferopol', 2000. Vol. VII. pp. 168–185.

Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Predmety vizantiiskogo prikladnogo iskusstva X–XI vv. iz Kerchi. *XXI Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Ob»ekty iskusstva v arkheologicheskom kontekste. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* Simferopol'-Kerch', 2020. pp. 33–37.

Apostolov A. Iz rasskaza starozhila o Kerchi. I. *Politseiskii listok Kerch'-Enikal'skogo gradonachal'stva.* 1860.Vol. 51. 18 dekabria. p. 203.

Artemenko E.D. Staraia krepost' Kerch'. *Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii «VII Tavricheskie nauchnye chteniia», g. Simferopol', 19 maia 2006 g.* Simferopol', 2007. Vol. 1. pp. 18–24.

Arkhiv Gosudarstvennogo soveta. Sankt-Peterburg: Vtoroe otdeleniie sobstvennoi E.I.V. Kantseliarii Publ., 1869. Vol. 1. Ch. 1. 1036 p.

Arkhiv kniazia Vorontsova. Moskva: Universitetskaia Publ. (M. Katkov), 1882. Vol. XXVI. 531 p.

Achkurina-Muftiєva N. Vodni dzherela ta fontani Krimu v konteksti islams'kikh traditsii. *Ukraïns'ke mistetstvoznavstvo: materiali, doslidzhennia, retsenzii.* Kiïv, 2007. Vol. 7. pp. 32–36.

Ashik A.B. *Vosporskoe tsarstvo s ego paleograficheskimi i nadgrobnymi pamiatnikami raspisnymi vazami, planami, kartami i vidami.* Odessa: T. Neiman i K° Publ., 1848–1849. Vol. I. 117 p.; Vol. II. 88 p.; Vol. III. 96 p.

Ashik A.B. *Chasy dosuga s prisovokupleniem pisem o kerchenskikh drevnostiakh.* Odessa: A. Braun Publ., 1850. 183 p.

[Baier G.Z.] *Kratkoe opisanie vsekh sluchaev, kasaiushchikhsia do Azova ot sozdaniia sego goroda do vozvrashcheniia onogo pod Rossiiskuiu derzhavu.* Sankt-Peterburg: Imperatorskaia Akademiia nauk, 1738. 284 p.

[Baier G.Z.] *Kratkoe opisanie vsekh sluchaev, kasaiushchikhsia do Azova ot sozdaniia sego goroda do vozvrashcheniia onogo pod Rossiiskuiu derzhavu. Izdanie vtoroe.* Sankt-Peterburg: Imperatorskaia Akademiia nauk Publ., 1768. 292 p.

[Baier G.Z.] *Kratkoe opisanie vsekh sluchaev, kasaiushchikhsia do Azova ot sozdaniia sego goroda do vozvrashcheniia onogo pod Rossiiskuiu derzhavu.* Sankt-Peterburg: Imperatorskaia Akademiia nauk Publ., 1782. 240 p.

Bartol'd V.V. Kerch'. Bartol'd V. V. *Raboty po istoricheskoi geografii.* Moskva: Vostochnaia literatura RAN Pabl., 2002. pp. 458–459.

Bekker P.V. Kerch' i Taman' v iiule mesiatse 1852 goda. *Propilei. Sbornik statei po klassicheskoi drevnosti, izdavaemyi P. Leont'evym.* Moskva: Katkov i K° Publ., 1858. Vol. 3. Izd. 2-e. Otd. 1. pp. 349–382.

Belik Iu.L. Nekotorye elementy ogrady kreposti «Eni-Kale». *Bosporskie issledovaniia.* Simferopol'-Kerch', 2007. Vol. XVI. pp. 282–290.

Belik Iu.L. Musul'manskie kul'tovye ob»ekty Eni-Kale. *VIII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Sviatilishcha i sakral'nye ob»ekty. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* Kerch', 2007. pp. 19–22.

Belik Iu.L. Mechet' kreposti «Eni-Kale». *Nebesnye patrony i zemnye sluzhiteli kul'ta. Tezisy dokladov i soobshchenii IX Mezhdunarodnoi Krymskoi konferentsii po religiovedeniiu, Sevastopol', 15–19 maia 2007 g.* Sevastopol', 2007. pp. 10–11.

Belik Iu.L. Nekotorye voprosy vodosnabzheniia kreposti Eni-Kale v XVIII–XIX vv. *Nauchnyi sbornik Kerchenskogo zapovednika.* Kerch', 2008. Vol. II. pp. 312–338.

Belik Iu.L. Nekotorye osobennosti fortifikatsionnykh sooruzhenii osmanskoi kreposti Kerch' v XVII–XVIII vv. *XIII Skhodoznavchi chitannia A. Krims'kogo. Tezi dopovidei mizhnarodnoï naukovoï konferentsiï, m.* Kiïv, 22–23 zhovtnia 2009 r. Kiïv, 2009. pp. 56–59.

Belik Iu.L. Nekotorye fortifikatsionnye osobennosti kreposti Kerch' v XVII–XVIII vv. *Bosporskie issledovaniia.* Simferopol'-Kerch', 2010. Vol. XXIII. pp. 509–520.

Belik Iu.L. Krepost' Enikale v kontse XVIII – nachale XIX vv. *Diubriuks P. Sobranie sochinenii.* Sankt-Peterburg: Kolo Publ., 2010. Vol. I. pp. 437–444.

Belik Iu.L. Vliianie artillerii na konstruktsiiu oboronitel'nykh sooruzhenii kreposti Eni-Kale. *XII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Vzaimovliianie kul'tur. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* Kerch', 2011. pp. 11–15.

Belik Iu.L. *Kreposti Kerchenskogo poluostrova (XVII–XIX vv.).* Simferopol': Biznes-Inform Publ., 2015. 120 p.

Belik Iu.L. *Osmanskie oboronitel'nye sooruzheniia na Kerchenskom poluostrove (XVII–XVIII vv.).* Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani Press, 2016. 236 p.

Belik Iu.L. Itogi i perspektivy issledovanii krepostei Kerchenskogo poluostrova. *XX Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Osnovnye itogi i perspektivy issledovanii. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* Simferopol'-Kerch', 2019. pp. 70–74.

Belik Iu.L., Tkachuk G.V. Krepost' «Eni-Kale» na rubezhe XVIII–XIX vv. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii.* Simferopol', 2007. Vol. XIII. pp. 523–540.

Benkendorf A.Kh. *Vospominaniia, 1802–1837.* Moskva: Rossiiskii fond kul'tury Press, 2012. 759 p.

Berkh V.N. *Zhizneopisanie rossiiskogo admirala K. I. Kriuisa.* Sankt-Peterburg: N. Grech Publ., 1825. 85 p.

Blavatskii V.D. *Materialy po istorii Pantikapeia. Plan goroda. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR.* 1951. Vol.19. pp. 9–62.

Blavatskii V.D. *Pantikapei. Ocherki istorii stolitsy Bospora.* Moskva: Nauka Publ., 1964. 232 p.

Blavatskii V.D. Bosporskoe tsarstvo v pozdneantichnoe vremia. Blavatskii V. D. *Antichnaia arkheologiia i istoriia.* Moskva: Nauka Publ., 1985. pp. 242–260.

Bobrovskii P.O. *Istoriia leib-gvardii Preobrazhenskogo polka. S portretami, planami, izobrazheniiami, avtografami.* Sankt-Peterburg: Ekspeditsiia zagotovleniia gosudarstvennykh bumag Publ., 1900. Vol. 1. 380 p.

Bogdanova N.M. *Kherson v X–XV vv. Problemy istorii vizantiiskogo goroda // Prichernomor'e v srednie veka.* Moskva, 1991. Vol. 1. pp. 8–172.

Bogoslovskii M.M. *Petr I. Materialy dlia biografii.* Moskva: OGIZ. Gospolitizdat Publ., 1948. Vol.4. 514 p.

[Boplan Giiom Levasser de] *Opisanie Ukrainy.* Sankt-Peterburg: Karl Krai Publ., 1832. 179 p.

Boplan Giiom Levasser de *Opisanie Ukrainy.* Moskva: Drevlekhranilishche Publ., 2004. 576 p.

Bossoli K. *Peizazhi i dostoprimechatel'nosti Kryma v risunkakh Karlo Bossoli*. Simferopol': N. Orianda Publ., 2014. 76 p.

Bocharov S.G. Zametki po istoricheskoi geografii genuezskoi Gazarii XIV–XV vekov. *175 let Kerchenskomu Muzeiu Drevnostei. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii (27–29 iiulia 2001 g.)*. Kerch', 2001, pp. 157–161.

Bocharov S.G. Genuezskaia krepost' Vosporo v XIV–XV vekakh. *Mezhdunarodnye otnosheniia v basseine Chernogo moria v drevnosti i srednie veka. Reziume dokladov XI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (31 maia – 5 iiunia 2003 g.)*. Rostov-na-Donu, 2003, p. 46.

Bocharov S.G. Topografiia goroda Kerchi XVI–XVIII vv. *Drevnee Prichernomor'e. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii V-e chteniia pamiati professora Petra Osipovicha Karyshkovskogo (Odessa, 12–14 marta 2001 goda)*. Odessa, 2003, pp. 35–42.

Bocharov S.G. Topografiia goroda Kerchi XVI–XVIII vekov. *Arkheologicheskie zapiski.* Rostov-na-Donu, 2005. Vol. 4, pp. 145–151.

Bocharov S.G. Krepostnye sooruzheniia goroda Bospora – Vosporo v XIV–XV vv. Rekonstruktsiia. *Bosporskii fenomen. Greki i varvary na Evraziiskom perekrestke: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 19–22 noiabria 2013 g.)*. Sankt-Peterburg, 2013, pp. 342–348.

Bocharov S.G. Fortifikatsionnye sooruzheniia genuezskogo Vosporo. *Prichernomor'e v srednie veka.* Sankt-Peterburg, 2015. Vol. 9, pp. 127–148.

Brikner A.[G.] *Istoriia Ekateriny vtoroi s 300 graviurami i ukrasheniiami na dereve, ispolnennymi luchshimi inostrannymi i russkimi graverami.* Sankt-Peterburg: A. S. Suvorin Publ., 1885. Vol.3. 516 p.

Brikner A.G. Puteshestvie Ekateriny II v Krym. Gl. III–IV (Okonchanie). *Istoricheskii vestnik.* Sankt-Peterburg. 1885. Vol. 21, pp. 444–509.

Brikner A.G. *Illiustrirovannaia istoriia Petra Velikogo.* Sankt-Peterburg: P.P. Soikin Publ., 1903. Vol. 2. 294 p.

Bronevskii M. Opisanie Kryma. *Istoricheskoe nasledie Kryma.* Simferopol', 2005. Vol. 10, pp. 156–200.

Brun F.K. *Krym v polovine XVIII stoletiia.* Odessa: L. Nitche Publ., 1867. 28 p.

Brun F.K. O raznykh nazvaniiakh Kerchi i ee okrestnostei v drevnosti i srednikh vekakh. *Zapiski Imperatorskogo Novorossiiskogo universiteta.* Odessa, 1877. Vol. XXIII, pp. 231–253.

Brun F.K. O raznykh nazvaniiakh Kerchi i ee okrestnostei v drevnosti i srednikh vekakh. *Chernomor'e: Sbornik issledovanii po istoricheskoi geografii Iuzhnoi Rossii (1852–1877 gg.)*. Odessa: G. Ul'rikh Publ., 1880. Vol. II, pp. 299–324.

[Budishchev I.M.] *Morskoi putevoditel' po Azovskomu i Chernomu moriakh.* Sankt-Peterburg: Morskaia tipografiia Publ., 1808. Vol. 1. 65 p.

Bunin A.V., Il'in L.A., Poliakov N.Kh., Shkvarikov V.A. *Gradostroitel'stvo.* Moskva: Akademia arkhitektury SSSR Press, 1945. 328 p.

Buturlin D.P. *Kartina voin Rossii s Turtsiei v tsarstvovanie imperatritsy Ekateriny II i imperatora Aleksandra I.* Sankt-Peterburg: Imperatorskogo Vospitatel'nogo doma Publ., 1829. 171 p.

[Burnashev S.N.] *Novye materialy dlia zhizneopisaniia i deiatel'nosti S. D. Burnasheva,*

byvshego v Gruzii s 1783 po 1787 g. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaia Publ., 1901. 64 p.

Bykovskaia N.V. Kreposti Kerch' i Enikale v sfere Krymskoi politiki Rossii v kontse XVIII v. *Nauchnyi sbornik Kerchenskogo zapovednika.* Kerch', 2006. Vol. I, pp. 286–296.

Bykovskaia N.V. Kerchenskii muzei drevnostei v 20-e gg. KhKh v. po dokumentam arkhiva Glavnauki i arkhiva Kerchenskogo zapovednika. *Nauchnyi sbornik Kerchenskogo zapovednika.* Simferopol', 2014. Vol. IV, pp. 24–50.

Veselago F.F. *Ocherk russkoi morskoi istorii.* Sankt-Peterburg: Demakov Publ., 1875. Vol. I. 652 p.

Veselov V.V. Plita iz Kerchi s izobrazheniem grifona. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii AN USSR.* 1956. Vol. 6, pp. 62–63.

Vzgliad na kolonii iuzhnoi Rossii, frantsuzskogo puteshestvennika, posetivshego sii strany v 1818g. *Severnyi arkhiv.* 1824. Vol 1, pp. 19–30.

[Vigel' F.F.] Zapiska o Kerchi. *Chteniia v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete.* Moskva, 1864. Vol. 1, pp. 11–99.

Vinogradov K.A., Goncharov V.T. Vasilii Mikhailovich Dolgorukov-Krymskii. *Feodosity: Spetsial'noe istoriko-kraevedcheskoe izdanie.* Feodosiia: «Art-Laif» Publ., 2010. Vol. 1, pp. 4–78.

Vishkarev L.A. Karmasheva V.Z., Kirilin D.S., Kulipanova V.N. Kerch' – gorod-geroi. *Istoriia gorodov i sel Ukrainskoi SSR. Krymskaia oblast'.* Kiev: Glavnaia redaktsiia Ukrainskoi Sovetskoi entsiklopedii Press, 1974, pp. 283–303.

Voronov A.A., Mikhailova M.B. *Bospor Kimmeriiskii.* Moskva: Iskusstvo Publ., 1983. 184 p.

Vysochaishie reskripty Ekateriny II i ministerskaia perepiska po delam Krymskim. Iz semeinogo arkhiva grafa V. N. Panina. *Chteniia v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei Rossiiskikh pri Moskovskom universitete.* Moskva: Universitetskaia tipografiia Publ., 1872. Vol. 2, pp. 1–130.

Gavriil Khronologiko-istoricheskoe opisanie tserkvei eparkhii Khersonskoi i Tavricheskoi // *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei.* Odessa, 1848. Vol. II, pp. 140–210.

Gadlo A.V. *Predystoriia Priazovskoi Rusi. Ocherki istorii russkogo kniazheniia na Severnom Kavkaze.* Sankt-Peterburg: SPbGU Press, 2004. 362 p.

Gaidukevich V.F. *Bosporskoe tsarstvo.* Moskva-Leningrad: AN SSSR Press, 1949. 624 p.

Ged'o A.V. Topografichni opisi iak dzherelo z istorii grets'kikh gromad Ukraïni (kin. XVIII – poch. XIX st.). *Istoriko – geografichni doslidzhennia v Ukraïni.* Kiïv, 2006. Vol. 9, pp. 347–365.

Geiman V.[D.] Iz Feodosiiskoi stariny (Arkhivnye spravki). Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii. Simferopol', 1916. Vol. 53, pp. 96–110.

Gerakov G.V. *Putevye zapiski po mnogim Rossiiskim guberniiam 1820*. Petrograd: Imperatorskogo Vospitatel'nogo doma Publ., 1828. 172 p.

[Germogen] *Spravochnaia knizhka o prikhodakh i khramakh Tavricheskoi eparkhii Germogena, episkopa Tavricheskogo, (nyne Pskovskogo)*. Simferopol': Tavricheskaia gubernskaia Publ., 1886. 271 p.

«Glavnaia krepost' dolzhna byt' Sevastopol'». Dokumenty o sozdanii bazy Chernomorskogo flota 1784–1793 gg. *Istoricheskii arkhiv.* Moskva, 1997. Vol 2, pp. 201–213.

Govorov D.[G.] Opisanie sobornoi tserkvi Uspeniia Presviatyia Bogoroditsy v gorode Eni-Kale Tavricheskoi eparkhii. 1797–1897 gody. *Tavricheskie eparkhial'nye vedomosti.* Simferopol', 1897.Vol. 29, pp. 798–814.

Golitsyn N. Poezdka iz Iuzhnoi Rossii po beregam Kryma. *Biblioteka dlia chteniia, zhurnal slovesnosti, nauk, khudozhestv, promyshlennosti, novostei i mod.* Sankt-Peterburg: K.Zhernakov Publ., 1845. Vol. 71, pp. 1–46.

Gorodskie poseleniia v Rossiiskoi imperii. Sankt-Peterburg: K. Vul'f Publ., 1864. Vol. 4. 814 p.

[Gorchakova E.S.] *Vospominaniia o Kryme kn. E. Gorchakovoi.* Moskva: Obshchestva rasprostraneniia poleznykh knig Publ., 1884. Vol. II. 215 p.

Guboglu M. Turetskii istochnik 1740 g. o Valakhii, Moldavii i Ukraine. *Tveritinova A.S (Ed.). Vostochnye istochniki po istorii narodov Iugo-Vostochnoi i Tsentral'noi Evropy.* Moskva: Nauka Publ., 1964. Vol. 1, pp. 131–161.

Gukovskii G.A. Soldatskie stikhi XVIII veka. *Literaturnoe nasledstvo.* M.: Zhurnal'no-gazetnoe ob»edinenie Press, 1933. Vol. 9–10, pp. 112–152.

Gusarov F.T., Chuistova L.I. Kerch'. *Istoriko-kraevedcheskii ocherk.* Kerch': Krymizdat Publ., 1963. 128 p.

[Demidov A.N.] *Puteshestvie sovershennoe v Iuzhnuiu Rossiiu i Krym, cherez Vengriiu, Valakhiiu i Moldaviiu, sovershennoe v 1837 godu Anatoliem Demidovym.* Moskva: A. Semen Publ., 1853. 543 p.

Dombrovskii O.I. *Freski srednevekovogo Kryma.* Kiev: Naukova dumka Publ., 1966. 112 p.

[Dortelli d'Askoli E.] Opisanie Chernogo moria i Tatarii, sostavil dominikanets Emiddio Dortelli d'Askoli, prefekt Kaffy, Tatarii i proch. 1634 g. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei.* Odessa, 1902. Vol. XXIV, pp. 89–180.

Druzhinina E.I. *Kiuchuk-Kainardzhiiskii mir 1774 goda (ego podgotovka i zakliuchenie).* Moskva AN SSSR Press, 1955. 368 p.

Dubrovin N.F. *Prisoedinenie Kryma k Rossii. Reskripty, pis'ma, reliatsii, doneseniia.* Sankt-Peterburg: Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1885. Vol. 872 p.; Vol. 2. 924 p.

Dubrovin N.F. *Prisoedinenie Kryma k Rossii. Reskripty, pis'ma, reliatsii, doneseniia.* Sankt-Peterburg. Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1887. Vol. 3. 739 p.

Dubrovin N.F. *Bumagi kniazia Grigoriia Aleksandrovicha Potemkina-Tavricheskogo. 1774–1778 gg.* Sankt-Peterburg: Voennaia Publ., 1893. 378 p.

Dubrovin N.F. *Bumagi kniazia Grigoriia Aleksandrovicha Potemkina-Tavricheskogo. 1790–1793 gg.* Sankt-Peterburg: Voennaia Publ., 1895. 375 p.

Diubriuks P. Opisanie razvalin i sledov drevnikh gorodov i ukreplenii nekogda sushchestvovavshikh na evropeiskom beregu Bosfora Kimmeriiskogo ot vkhoda v proliv bliz Enikal'skogo maiaka do gory Opuk vkliuchitel'no pri Chernom more. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei.* Odessa, 1858. Vol. IV, pp. 3–84.

Diubriuks P. Sobranie sochinenii. Sankt-Peterburg: Kolo Publ., 2010. Vol. 1. 726 p.; Vol. 2. 310 p.

Diubua de Monpere Frederik *Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhazam, v Gruziiu, Armeniiu i v Krym: v 6 t. Parizh, 1843. T. 5, 6.* Simferopol': Biznes-Inform Publ., 2009. 328 p.

Elagin S.I. *Istoriia russkogo flota. Period Azovskii.* Sankt-Peterburg: Komissionera Imperatorskoi Akademii khudozhestv Gogenfel'dena i K° Publ., 1864. 319 p.

Elagin S.I. *Istoriia russkogo flota. Period Azovskii. Prilozheniia.* Sankt-Peterburg: Komissionera Imperatorskoi Akademii khudozhestv Gogenfel'dena i K° Publ., 1864. Vol. I. 513 p.

Єremenko M.M., Liman I.I. *Viis'kove dukhovenstvo na pivdni Ukraïni (1734–1853 rr.).* Melitopol': Vidavnichii budinok Melitopol's'koï mis'koï drukarni publ., 2014. 436 p.

Zhizn' i trudy P. S. Savel'eva preimushchestvenno po vospominaniiam i perepiske s nim V.V.Grigor'eva. Sankt-Peterburg: Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1871. 306 p.

Zhurnal voennykh deistvii armii Ee Imperatorskogo Velichestva 1769–1771. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaia voennaia kollegiia Publ., [b. g.], 584 p.

Zhurnal ili podennaia zapiska blazhennyia i vechnodostoinyia pamiati gosudaria imperatora Petra Velikago s 1698 goda, dazhe do zakliucheniia Neishtatskago mira. Sankt-Peterburg: Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1770. Vol. 1. 460 p.

Zaionchkovskii A.M. *Vostochnaia voina 1853–1856 gg. v sviazi s sovremennoi i politicheskoi obstanovkoi.* Sankt-Peterburg: Ekspeditsiia izgotovleniia gosudarstvennykh bumag Publ., 1908. Vol. I. 763 p.

Zaionchkovskii A.M. *Vostochnaia voina 1853–1856.* Sankt-Peterburg: «Poligon» Publ., 2002. Vol. 1. 928 p.

Zapiska R. A. Skassi o Kerchenskom porte. *Nauchnyi sbornik Vostochno-Krymskogo muzeia-zapovednika.* Simferopol': Biznes-Inform Publ., 2016. Vol. V, pp. 414–436.

Zapiski Mukhammeda Nedzhati-efendi, turetskogo plennogo v Rossii v 1771–1775 gg. *Russkii arkhiv.* Sankt-Peterburg, 1894. Vol. 81, pp. 113–134.

Zeest I.B., Iakobson A.L. Raskopki v Kerchi v 1963 g. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii AN SSSR.* 1965. Vol. 104, pp. 62–69.

Zenkevich Kh.Kh. *Kerch' v proshedshem i nastoiashchem. Istoriko-arkheologicheskii i geograficheskii ocherk s prilozheniem opisaniia dostoprimechatel'nostei goroda i ego okrestnostei, khronologicheskogo ukazatelia i statisticheskikh svedenii i s risunkami.* Kerch': Kh. N. Lago i K° (byvsh. Kholeva) Publ., 1894. 162 p.

Zil'bershtein I.N. Nikolai Bestuzhev i ego zhivopisnoe nasledie. Istoriia sozdaniia portretnoi galerei dekabristov. *Literaturnoe nasledstvo.* Moskva, 1956. Vol. 60. Kn. 2. 463 p.

Zin'ko A.V., Ponomarev L.Iu. K topografii rannevizantiiskogo Bospora i ego plitovo-gruntovykh mogil'nikov. *Bosporskie issledovaniia.* Kerch', 2016. Vol. XXXII, pp. 107–148.

Ivanov Iu.V. Kornelii Kriuis. Protestanty na sluzhbe Rossii. Biograficheskie ocherki. Sankt-Peterburg: RKhGA Press, 2012, pp. 26–39.

Ivanovskii A.V. Azovskoe more. Tekhniko-ekonomicheskii obzor. *Trudy otdela torgovykh portov.* Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaia Publ., 1904. Vol. XII. 171 p.

Ignatenko V.F. *Usad'ba Uspenskoe. Liudi i sud'by. Genealogiia dvorianskikh rodov: Tomilovy i Shvartsy.* Sankt-Peterburg: «Nestor-Istoriia» Press, 2003. 194 p.

Iz del Moskovskogo otdeleniia arkhiva Glavnogo shtaba. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii.* Simferopol', 1893. Vol. 19, pp. 23–78.

Iz del Moskovskogo otdeleniia obshchego arkhiva Glavnogo shtaba. Pis'ma kn. V. M. Dolgorukogo-Krymskogo kn. G. A. Potemkinu i dr. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii.* Simferopol', 1914. Vol. 51, pp. 1–46.

Iz del Nikolaevskogo portovogo arkhiva. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii.* Simferopol', 1895. Vol. 22, pp. 18–34.

Izmailov V.V. *Puteshestvie v poludennuiu Rossiiu Vladimira Izmailova.* Moskva: Khristof. Klaudiia Publ., 1805. Vol. 3. 274 p.

Izmeneniia v sostave i chisle gorodov, proizshedshie v tsarstvovanie Ekateriny II. *Zhurnal ministerstva vnutrennikh del.* Sankt-Peterburg, 1834. Vol. 12. № 5, pp. 129–190.

Kameral'noe opisanie Kryma 1784 g. (prodolzhenie). *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii,* Simferopol', 1888. Vol. 7, pp. 25–45.

[Kakhovskii M.V.] Kratkoe primechanie o poluostrove Tavricheskom i ostrove Tamani. *Russkii arkhiv.* Sankt-Peterburg, 1873. Vol. 4, pp. 592–607.

Kerch'. Semenov P. *Geograficheskо-statisticheskii slovar' Rossiiskoi imperii.* Sankt-Peterburg: V.Bezobrazova i Komp. Publ., 1865. Vol. II, pp. 574–577.

Kerch'. *Velichko K.I. (Ed.). Voennaia entsiklopediia.* Sankt-Peterburg: Tovarishchestvo I.D. Sytina Publ., 1913. Vol. 12, pp. 510–513.

Kirilin D.S. Suchasnitsia Kiïvs'koï Rusi. *Pam'iatniki Ukraïni.* Kiïv, 1981. Vol. 1 (47), p. 55.

Klark E.-D. Puteshestvie po Rossii, Tatarii i Turtsii. Glava XVIII. Ot Bospora Kimmeriiskogo do Kaffy. *Arkheologiia i istoriia Bospora.* Kerch', 1999. Vol. III, pp. 11–38.

Kovyrkin K.K., Sanzharovets V.F. Kerchenskii poluostrov. Geograficheskii slovar'. *Nauchnyi sbornik Kerchenskogo zapovednika*. Simferopol', 2014. Vol. IV, pp. 443–585.

Kozlov D.F. *Kratkaia boevaia istorii 117-go pekhotnogo Iaroslavskogo polka. 1763–1913.* Rogachik: Nasl. G. Z. Zalkinda Publ., 1913. 90 p.

Kondaraki V.Kh. *V pamiat' stoletiia Kryma.* Moskva: V.V. Chichirin Publ., 1883. 145 p.

Kopii pisem Svetleishego kniazia G. A. Potemkina-Tavricheskogo raznym litsam. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei.* Odessa, 1872. Vol. VIII, pp. 201–221.

Struve V.V. (Ed.). *Korpus Bosporskikh nadpisei.* Moskva-Leningrad: Nauka Publ., 1965. 950 p.

Kramarovskii M.G. Ibn-Battuta o tiurkskom islame. *Zolotoordynskoe obozrenie.* Kazan', 2014. Vol.1 (3), pp. 64–74.

Kratkii istoricheskii ocherk g. Kerchi, sostavlennyi po poruchenіiu Obshchestva kerchenskikh vrachei lekarem V. Mochul'skim. *Politseiskii listok Kerch'-Enikal'skogo gradonachal'stva.* 1892. Vol. 45. 15 noiabria. p. 2.

Kratkii ukazatel' muzeia Imperatorskogo Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei. Izd-e 3-e, dopolnennoe. Odessa: Aleksomati Publ., 1873. 52 p.

Kratkii ukazatel' muzeia Imperatorskogo Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei. Odessa: A.Shul'tse Publ., 1887. 96 p.

Kratkii ukazatel' muzeia Imperatorskogo Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei. Izd-e 6-e, dopolnennoe. Odessa: «Brat'ia Kul'berg» Publ., 1916. 112 p.

[Kreis K.I.] Ekstrakt iz zhurnala, derzhannogo ot gospodina vitse-admirala Kreisa, na puti iz Moskvy na Voronezh, s Voronezha na Azov, na Taganrog i k Kerchi, a ottudy paki nazad k Azovu, 1699 god / per. po rukopisi s golland. P. Larionova. *Zapiski Gidrograficheskogo departamenta Morskogo ministerstva.* Sankt-Peterburg: Morskaia Publ., 1850. Vol. VIII, pp. 367–394.

Kulakovskii Iu.A. Kerch' i ee khristianskie pamiatniki. *Glubokovskii N.N. (Ed.). Pravoslavnaia bogoslovskaia entsiklopediia.* Sankt-Peterburg: Sibirskogo aktsionernogo obshchestva pechatnogo i pischebumazhnogo dela v Rossii Publ., 1908. Vol. IX, pp. 535–544.

Kurnikova O.M. Sravnitel'nyi analiz poselenii eialeta Kefe v XVI–XVIII vv. *IV Bakhchisaraiskie nauchnye chteniia pamiati E. V. Veimarna. Bakhchisarai, 8–9 sentiabria 2015 g. Tezisy dokladov i soobshchenii.* Bakhchisarai, 2016, pp. 17–18.

Kucherevskaia N.L, Fedoseev N.F. Lev v iskusstve drevnego Bospora Kimmeriiskogo. IV Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i *srednevekov'ia. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* Kerch', 2003, pp. 160–164.

Kyzlasova I.L. O Pavle Ivanoviche Iukine (1883–1945). *Sofiis'ki chitannia. Materiali IV Mizhnarodnoï naukovo-praktichnoï konferentsiï Pam'iatki Natsional'nogo zapovidnika «Sofiia Kiïvs'ka»: kul'turnii dialog pokolin' (Kiïv, 25–26 zhovtnia 2007 r.).* Kiïv: Gorobets' Publ., 2009. Vol. 4, pp. 243–272.

Lazenkova L.M. Istoriia i kul'tura Kerchi: khram Ioanna Predtechi. *Istoricheskoe nasledie Kryma.* Simferopol', 2005.Vol. 9, pp. 119–126.

Lazenkova L.M. «Gorodovoi arkhitektor» Kerchi Aleksandr Digbi. *Nauchnyi sbornik*

Vostochno-Krymskogo muzeia-zapovednika. Simferopol', 2016. Vol. V, pp. 317–325.

Latyshev V.V. Neizdannaia rukopis' Diubriuksa: Izvlechenie iz dnevnika raskopok, proizvedennykh v neskol'kikh kerchenskikh kurganakh v 1817–1818 godakh. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei.* Odessa, 1889. Vol. XV, pp. 116–149.

Latyshev V.V. K istorii arkheologicheskikh issledovanii v iuzhnoi Rossii. Iz perepiski A. N. Olenina. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei.* Odessa, 1889. Vol. XV, pp. 61–115.

Lashkov F.F. Statisticheskie svedeniia o Kryme, soobshchennye kaimakanami v 1783 godu. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei.* Odessa, 1886. Vol. XIV, pp. 91–156.

Lashkov F.F. K voprosu o kolichestve naseleniia Tavricheskoi gubernii v nachale XIX stoletiia. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii.* Simferopol', 1916.Vol. 53, pp. 158–176.

Lebedintsev A.A. Stoletie tserkovnoi zhizni Kryma. 1783–1883 g. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei.* Odessa, 1883. Vol. XIII, pp. 201–219.

Lopushinskaia E.I. Drevnii pamiatnik Kerchi. *Stroitel'stvo i arkhitektura.* Moskva, 1970. Vol. 10, pp. 36–37.

[Lorer N.I.] Iz zapisok Nikolaia Ivanovicha Lorera. *Russkii arkhiv.* Moskva, 1874. Vol. 2, pp. 362–418.

Lotsiia Chernogo i Azovskogo morei, sostavlennaia kapitanom 1-go ranga E. Manganari. Nikolaev, 1845. 330 p.

Lotsiia Azovskogo moria i Kerch'-Enikal'skogo proliva. sostavil Andrei Sukhomlin. Nikolaev: Chernomorskogo gidrograficheskogo depo Publ., 1854. 96 p.

Lotsiia Chernogo moria. Nikolaev: Chernomorskogo gidrograficheskogo depo Publ., 1851. 476 p.

Maiko V.V. Saltovo-maiatskie gorizonty Bospora (po materialam raskopok 2018 g.). *Mikheevskie chteniia.* Khar'kov, 2021. Vol. II, pp. 65–78.

Maiko V.V., Sharapa A.V., Iurochkin V.Iu., Mikhailov A.M. K voprosu o material'noi kul'ture Bospora vtoroi poloviny X – XII vv. (na primere okhrannykh raskopok 2018 g.). *Istoriia i arkheologiia Kryma.* Simferopol', 2021. Vol. XIV, pp. 95–122.

Maikova T.S. Voennye «iurnaly» petrovskogo vremeni (Po materialam TsGADA). *Shunkov V.I. (Ed.). Voprosy voennoi istorii Rossii XVIII i pervoi poloviny XIX veka.* Moskva: Nauka Publ., 1969, pp. 368–390.

Mak-Ferson D. *Drevnosti Kerchi.* Simferopol': «Simferopol'skaia gorodskaia tipografiia» Publ., 2008. 176 p.

Makarevskii (Feodosii) *Materialy dlia istoriko-statisticheskogo opisaniia Ekaterinoslavskoi eparkhii: Tserkvi i prikhody proshedshego XVIII stoletiia.* Ekaterinoslav: TIa. M. Chausskogo Publ., 1880. Vol. 2. 372 p.

Makarova T.I. Raskopki okolo tserkvi Ioanna Predtechi v Kerchi. *Rybakov B.A. (Ed.). Arkheologicheskie otkrytiia 1971 goda.* Moskva: Nauka Publ., 1972, pp. 375–377.

Makarova T.I. Arkheologicheskie dannye dlia datirovki tserkvi Ioanna Predtechi v Kerchi. *Sovetskaia arkheologiia.* 1982. Vol. 4, pp. 91–106.

Makarova T.I. Bospor-Korchev. *Makarova T.I., Pletneva S.A. (Ed.). Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ia. IV–XIII veka.* Moskva: Nauka Publ., 2003, pp. 68–73.

Makidonov A.V. *Personal'nyi sostav administrativnogo apparata Novorossii XVIII v.* Zaporozh'e: Prosvita Publ., 2011. 336 p.

Makidonov A.V. D*neprovskaia liniia (1770–1797).* Zaporozh'e: Aktsent Invest-treid Publ., 2014. 556 p.

Maksimovich L.M. *Novyi i polnyi geograficheskii slovar' Rossiiskogo gosudarstva ili Leksikon….* Moskva: Universitetskaia, N. Novikova Publ., 1788. Vol. I. 292 p.

Mal'gin A.V. Zavoevanie Kryma voiskami 2-i armii kniazia V. M. Dolgorukova v 1771 godu. *Istoricheskoe nasledie Kryma.* Simferopol': «Antikva» Publ., 2016, pp. 98–116.

Markevich A.I. Taurica. Opyt ukazatelia sochinenii, kasaiushchikhsia Kryma i Tavricheskoi gubernii voobshche. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii.* Simferopol', 1894. Vol. 20. 394 p.

Markov E.L. Krym i ego osobennosti. Semenov P.P. (Ed.). Zhivopisnaia Rossiia: Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii: v 12 t. Sankt-Peterburg–Moskva: Tovarishchestvo M.A. Vol'f Publ., 1898. Vol. 5, pp. 187–260.

[Marmon O.F.] *Puteshestvie marshala Marmona, gertsoga Raguzskogo, v Vengriiu, Transil'vaniiu, Iuzhnuiu Rossiiu, po Krymu i beregam Azovskogo moria v Konstantinopol', nekotorye chasti Maloi Azii, Siriiu, Palestinu i Egipet.* Moskva: N. Stepanov Publ., 1840. Vol. 1. 266 p.

Marti Iu.Iu. *Putevoditel' po Kerchenskim drevnostiam.* Kerch': 4-ia Gostipografiia Krympoligraftresta Publ., 1926. 60 p.

Marti Iu.Iu. Problema raskopok drevnego Pantikapeia. *Trudy sektsii arkheologii Instituta arkheologii i iskusstvoznaniia RANION.* Moskva, 1928. Vol. IV, pp. 306–315.

Matveeva L.V. *Iulian Kulakovskii.* Kiev: Stilos Publ., 2002. 484 p.

Memuary Pavla Iukina. 40 let moei raboty. *Sofiia Kiïvs'ka: Vizantiia, Rus', Ukraïna.* Kiïv, 2013. Vol. III, pp. 345–370.

Mesiatseslov s rospis'iu chinovnykh osob, ili obshchii shtat Rossiiskoi imperii na leto ot Rozhdestva Khristova 1824. Sankt-Peterburg: Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1824. Vol. 2.

Mekhanikov S.V. «Zapiska o Kerchi» Filippa Filippovicha Vigelia. *Nauchnyi sbornik Kerchenskogo zapovednika.* Kerch', 2006. Vol. I, pp. 469–476.

Mikhailova M.B. Osnovnye etapy formirovaniia Kerchi v XVIII–XIX vv. *Arkhitekturnoe nasledstvo.* Moskva, 1976. Vol. 25, pp. 50–56.

Mikhailova M.B. Malye arkhitekturnye formy i skul'ptura v ansambliakh iuzhno-russkikh gorodov pervoi poloviny XIX v. *Arkhitekturnoe nasledstvo.* Moskva, 1985. Vol. 33, pp. 69–77.

Mikhailova M.B. Krepost' Kerch' – pamiatnik srednevekovoi fortifikatsii i iadro russkogo goroda perioda klassitsizma. *Arkhitekturnoe nasledstvo.* Moskva, 2012. Vol. 56, pp. 113–128.

[Mikhailovskii-Danilevskii A.I.] Iz vospominanii Mikhailovskogo-Danilevskogo. Puteshestvie s imperatorom Aleksandrom I po iuzhnoi Rossii v 1818 godu. *Russkaia starina.* Sankt-Peterburg, 1897. Vol. XCI. № 7, pp. 69–102.

Montandon Sh. *Putevoditel' puteshestvennika po Krymu, ukrashennyi kartami, planami, vidami i vin'etami i predvarennyi vvedeniem o raznykh sposobakh pereezda iz Odessy v Krym.* Kiev: «Stilos» Publ., 2011. 416 p.

Murav'ev A.N. *Tavrida*. Sankt-Peterburg: Nauka Publ., 2007. 518 p.

Murav'ev-Apostol I.M. *Puteshestvie po Tavride v 1820 godu.* Sankt-Peterburg: Osobennoi kantseliarii Ministerstva vnutrennikh del Publ., 1823. 337 p.

Murzakevich N.N. *Istoriia genuezskikh poselenii v Krymu.* Odessa: Gorodskaia Publ., 1837. 91 p.

Murzakevich N.N. Poezdka v Krym v 1836 g. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniia.* Sankt-Peterburg, 1837. Vol. 13. № 3, pp. 625–691.

Murzakevich N.N. *Ocherk uspekhov Novorossiiskogo kraia i Bessarabii v istekshee dvadtsatipiatiletie, t.e. s 1820 po 1846-i god.* Odessa: b.i., 1846. 88 p.

Murzakevich N.N. Grecheskoe drevnee kandilo. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei.* Odessa, 1853a. Vol. III, pp. 565–566.

Murzakevich N.N. Opisanie gorodov i uezdov Azovskoi gubernii. (1779 goda). *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei.* Odessa, 1853. Vol. III, pp. 289–305.

Murzakevich N.N. *Katalog kartam, planam, chertezham, vidam, khraniashchimsia v muzee Imperatorskogo Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei.* Odessa: Franko-Russkaia L. Danikan Publ., 1881. 56 p.

Myts V.L. *Kaffa i Feodoro v XV v. Kontakty i konflikty.* Simferopol': Universum, 2009. 528 s.

Naumenko V.E., Ponomarev L.Iu. «Tserkov' Sheveleva» ili «Tserkov' 1833 g.» (g. Kerch'): K voprosu o mestopolozhenii i obstoiatel'stvakh nakhodki. *Problemy istorii i arkheologii Ukrainy: Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (28–29 oktiabria 2010 g.).* Khar'kov, 2010, pp. 88–89.

Naumenko V.E., Ponomarev L.Iu. K tserkovnoi topografii Bospora X–XII vv. *XIII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Problemy urbanizatsii. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* Kerch', 2012, pp. 336–344.

Naumenko V.E., Ponomarev L.Iu. Khristianskie pamiatniki i topografiia Bospora X–XIII vv. *Iashaeva T.Iu. (Ed.). Klimentovskii sbornik. Materialy VI Mezhdunarodnoi konferentsii «Tserkovnaia arkheologiia: Khersones – gorod sviatogo Klimenta» (Sevastopol', 2011 g.).* Sevastopol': Teleskop Publ., 2013, pp. 244–263.

Naumenko V.E., Ponomarev L.Iu. K istoricheskoi topografii Bospora X–XII vv.: ob obstoiatel'stvakh nakhodki i mestopolozhenii tak nazyvaemoi «Tserkvi Sheveleva» («Tserkvi 1833 g.»). *Sorochan S.B. (Ed.). Ρωμαίος: sbornik statei k 60-letiiu prof. S. B. Sorochana. Narteks. Byzantine Ukrainensis.* Khar'kov: Maidan Publ., 2013. Vol. 2, pp. 295–309.

Naumenko V.E., Ponomarev L.Iu. Istoricheskaia topografiia Kerchi kontsa XV–XVIII vv.: sostoianie istochnikovoi bazy i perspektivy issledovanii. *XIX Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Traditsii i innovatsii. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* Simferopol'-Kerch', 2018, pp. 348–358.

Naumenko V.E., Ponomarev L.Iu. E. I. Lopushinskaia i ee «Istoricheskaia spravka» o kerchenskoi tserkvi Ioanna Predtechi (1968 g.). *Problemi istoriï ta arkheologiï Ukraïni: Materiali XI Vseukraïns'koï naukovoï konferentsiï, do 60-richchia vid pochatku doslidzhennia Bil'skogo gorodishcha Kharkivs'kim universitetom (Kharkiv, 14–15 grudnia 2018 r.).* Kharkiv, 2018, pp. 40–41.

Nebozhaeva N.V. Vodosnabzhenie. *Kerchenskaia starina.* Simferopol': Biznes-Inform Publ., 2015. Vol. I, pp. 182–192.

Negri A.[F.] Izvlecheniia iz turetskoi rukopisi obshchestva, soderzhashchei istoriiu krymskikh khanov. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei.* Odessa, 1848. Vol. II, pp. 379–392.

Negri A., Sokolov G., Mikhnevich I., Lilikov F., Shevelev E. Zapiska o soderzhanii starykh pis'mennykh aktov Novorossiiskogo kraia. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei.* Odessa, 1848. Vol. II, pp. 740–787.

Nemirovich-Danchenko V.I. Na parokhode «Mitridat». Nemirovich-Danchenko V. I. *V gostiakh.* Sankt-Peterburg: I. Gaberman Publ., 1880. 275 p.

Novorossiiskii kalendar' na 1841-i god, izdavaemyi ot Rishel'evskogo litseia. Odessa: Gorodskaia Publ., 1840 g. 323 p.

Ob»iavleniia Kerch'-Enikal'skogo gradonachal'stva. 1858. Vol. 32. 10 avgusta, pp. 125–128.

Ob»iavleniia Kerch'-Enikal'skogo gradonachal'stva. 1859. Vol. 28. 12 iiulia, pp. 112–116.

Obshchii morskoi spisok. Sankt-Peterburg: V. Demakov Publ., 1885. Vol. I. 454 p.

Opisanie del arkhiva Morskogo ministerstva za vremia s poloviny XVII – do nachala XIX stoletiia. Sankt-Peterburg: V. Demakov Publ., 1877. Vol. I. 759 p.

Opisanie Perekopskikh i nogaiskikh tatar, cherkesov, mingrelov i gruzin Zhana de Liuka, monakha dominikanskogo ordena (1625). Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei. Odessa, 1879. Vol. XI, pp. 473–493.

Opisanie portostroitel'nykh rabot v 1913 godu. Vol. II: Opisanie rabot, proizvedennykh v Odesskom, Nikolaevskom, Khersonskom, Feodosiiskom, Tuapsinskom, Novorossiiskom, Kerchenskom, Mariupol'skom, Temriukskom i Petrovskom portakh. Sankt-Peterburg: G. de-Kel'sh Publ., 1916 (Trudy Otdela torgovykh portov. Vol. XLII). 86 p.

Orbeli R.A. Gidroarkheologiia. Podvodnye istoricheskie izyskaniia bliz drevnikh grecheskikh gorodov na Chernomorskom poberezh'e. *Sudopod"em*. Moskva-Leningrad, 1945. Vol. 1, pp. 140–176.

Ordera grafa (kniazia) Platona Aleksandrovicha Zubova praviteliu Tavricheskoi oblasti Zhigulinu. 1796 god. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii,* 1896. Vol. 25, pp. 1–19.

Orekhov V.V. Parizhskaia «Zapiska…» o Kerchi Rafaila de Skassi. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo.* 2018. Seriia «Istoricheskie nauki». Vol. 4 (70). № 4, pp. 84–104.

Otchet Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei. S 14 noiabria 1870 po 14 noiabria 1871 g. (Chitan 25 ianvaria 1872 g.). Odessa: Gorodskaia Aleksomati Publ., 1872. 32 p.

Otchet po gorodskim i stroitel'nym rabotam s 11 po 18 iiunia. *Politseiskii listok Kerch'-Enikal'skogo gradonachal'stva.* 1890. № 24. 24 iiunia. p. 1

Pallas P.S. Poezdka vo vnutrennost' Kryma, vdol' Kerchenskogo poluostrova i na ostrov Taman'. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei.* Odessa, 1883. Vol. XIII, pp. 35–107.

Pallas P.S. *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh.* Moskva: Nauka, 1999. 246 p.

Pamiatka 94-go pekh. Eniseiskogo polka k 100-letnemu iubileiu. Po porucheniiu komandira polka polkovnika V. Z. Gudima. Sostavlena deistvitel'nym chlenom Imperatorskogo voenno-istoricheskogo obshchestva V. I. Godunovym. Revel': Avg. Mikvits Publ., 1913. 48 p.

Pamiatnaia knizhka Kerch'-Enikal'skogo gradonachal'stva na 1863 god. Kerch': I.R. Kholev Publ., 1863. 290 p.

Pamiatnaia knizhka Kerch'-Enikal'skogo gradonachal'stva. Kerch': Kh.N. Lago Publ., 1914. 131 p.

Petrova E.B., Prokhorova T.A. *Krymskie puteshestviia: Sharl' Zhil'ber Romm. «Puteshestvie v Krym v 1786 godu».* Simferopol': Biznes-Inform Publ., 2011. 168 p.

Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaia tipografiia Publ., 1887. Vol. 1. 888 p.

Pogodin M.[P.] Feodosiia i Sudak. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei.* Odessa, 1872. Vol. VIII, pp. 301–307.

Politseiskii listok Kerch'-Enikal'skogo gradonachal'stva. 1861. Vol. 43. 22 oktiabria, pp. 169–172.

Politseiskii listok Kerch'-Enikal'skogo gradonachal'stva. 1897a. Vol. 38. 21 sentiabria. 4 p.

Politseiskii listok Kerch'-Enikal'skogo gradonachal'stva. 1897b. Vol. 5. 2 fevralia. 4 p.

Ponomarev L.Iu. Kerchenskaia tserkov' Ioanna Predtechi v genuezskii i osmanskii period (kratkii obzor istochnikov po diskussionnym voprosam). *XX Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Osnovnye itogi i perspektivy issledovanii. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* Simferopol'-Kerch', 2019, pp. 470–478.

Ponomarev L.Iu. Kerchenskaia tserkov' Ioanna Predtechi v genuezskii i osmanskii periody (obzor istochnikov i diskussionnye voprosy). *Bosporskie issledovaniia.* Kerch', 2019. Vol. XXXIX, pp. 275–309.

Ponomarev L.Iu. Kerchenskaia tserkov' Ioanna Predtechi v genuezskii i osmanskii periody (obzor istochnikov i diskussionnye voprosy). *Bosporskie issledovaniia.* Kerch', 2019. Vol. XXXIX, pp. 275–309.

Ponomarev L.Iu. Antichnye drevnosti v kontekste izucheniia srednevekovykh pamiatnikov Kerchi (predvaritel'nyi obzor). *Bosporskie issledovaniia.* Kerch'-Simferopol', 2021. Vol. XLII, pp. 234–270.

Ponomarev L.Iu., Beilin D.V. Tserkov' Ioanna Predtechi v Kerchi (tret'ia chetvert' XVIII – XX vv.). *Istoriia i arkheologiia Kryma.* Simferopol', 2016. Vol. III, pp. 300–343.

Ponomar'ova L. Perlina vizantiis'kogo zodchestva v Kerchi. *Pam'iatki Ukraïni.* Kiïv, 1997. Vol. 1, pp. 86–90.

Popov G.V. Dva fragmenta rospisi tserkvi Ioanna Predtechi v Kerchi. *Komech A.I., Etingof O.E. (Ed.). Drevnerusskoe iskusstvo. Balkany. Rus'.* Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin Publ., 1995, pp. 117–126.

Pokhod Petra V. iz Moskvy na Voronezh, s Voronezha na Azov, na Taganrog i k Kerchi, a ottuda obratno k Azovu v 1699 godu (iz zhurnala vitse-admirala Kriuisa). *Maiak.* Sankt-Peterburg, 1842. Vol. VI. Kn. XII, pp. 79–90.

Liman I.I. (Ed.). Pravoslavna tserkva na pivdni Ukraïni (1775–1781). Zaporizhzhia: «Tandem – U» Publ., 2004. 560 p.

Pribrezhnye goroda Chernogo moria (okonchanie). *Vsemirnaia illiustratsiia.* Sankt-Peterburg, 1870. Vol. 99, pp. 791–792.

Primorskie torgovye porty Evropeiskoi Rossii. Beloe, Baltiiskoe, Chernoe i Azovskoe moria. Sankt-Peterburg: Tovarishchestvo R. Golike Publ., 1908 (Trudy otdela torgovykh portov. Vol. XXIV). 92 p.

Prokopii Kesariiskii O postroikakh. *Vestnik drevnei istorii.* 1939. Vol. 4, pp. 203–283.

Protokoly zasedanii Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii.* Simferopol', 1910. Vol. 44, pp. 93–121.

Protokoly zasedanii Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii.* Simferopol', 1912. Vol. 47, pp. 8–64.

Protokoly restavratsionnykh zasedanii Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissii za 1-iu polovinu 1909 g. Zasedanie 8 aprelia. XVI. g. Kerch'. Grecheskaia Ioanno-Predtechenskaia tserkov', IX–X vv. *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii.* Sankt-Peterburg, 1909. Vol. 32 (Voprosy restavratsii, vol. 4), pp. 69–74.

Priakhin Iu.D. *Greki v istorii Rossii XVIII–XIX vv.: Istoricheskie ocherki.* Sankt-Peterburg: Aleteiia Publ., 2008. 272 p.

Priakhin Iu.D. Nekotorye aspekty poiavleniia v Krymu Grecheskogo pekhotnogo polka, ego razmeshcheniia v Balaklave, sluzhby voinov-grekov. *Nikiforov K.V. (Ed.). Greki Balaklavy i Sevastopolia.* Moskva: Indrik Publ., 2013, pp. 57–70.

Radochin V.Iu. Antropologicheskie materialy iz raskopok Kooperativnogo pereulka v g. Kerch'. *IX Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Militaria. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* Kerch', 2008, pp. 215–216.

Radochin V.Iu. Paleoantropologicheskii material iz mogil'nika pozdnesrednevekovogo Bospora. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii.* Simferopol', 2009. Vol. XV, pp. 481–500.

Rovinskii D.A. *Podrobnyi slovar' russkikh graverov XVI–XIX vv.* Sankt-Peterburg: Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1895. Vol. II, 1248 p.

Ruev V.L. *Turetskoe vtorzhenie v Krym v 1475 godu.* Simferopol': Antikva Publ., 2014. 308 p.

Rummel' V.Iu. *Kerch', Genichesk, Eisk, Temriuk, Anapa. Rezul'taty izyskanii, proizvedennykh v 1893–1894 gg. Materialy dlia opisaniia russkikh kommercheskikh portov i istorii ikh sooruzheniia.* Sankt-Peterburg: Ministerstva putei soobshcheniia (T-vo I. N. Kushnerev i K°) Publ., 1896. Vol. XX. 326 p.

Rummel' V.Iu. Proekt ustroistva glubokogo porta v Kerchenskoi bukhte. *Materialy dlia opisaniia russkikh kommercheskikh portov i istorii ikh sooruzheniia.* Sankt-Peterburg: Ministerstva putei soobshcheniia (T-vo I. N. Kushnerev i K°) Publ., 1900. Vol. XXX, pp. 1–17.

Rystenko A.V. Rukopisi, prinadlezhashchie biblioteke Imperatorskogo Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei.* Odessa, 1910. Vol. XXVIII, pp. 35–120.

Sanzharovets V.F. Legendy Mitridatovoi gory. *Istoricheskoe nasledie Kryma.* Simferopol', 2007. Vol. 18, pp. 40–48.

Sanzharovets V.F. Marshrut «G». Kerch'. Eni-Kale. Ekskursiia v Aziiu. Montandon Sh. *Putevoditel' puteshestvennika po Krymu, ukrashennyi kartami, planami, vidami i vin'etami i predvarennyi vvedeniem o raznykh sposobakh pereezda iz Odessy v Krym.* Kiev: «Stilos» Publ., 2011, pp. 361–374.

Sanzharovets V.F. O natsional'nom sostave naseleniia Kerchi v 1771–1856 gg. *Aradzhioni M.A., Laptev Iu.N. (Ed.). Etnografiia Kryma XIX–XXI vv. i sovremennye etnokul'turnye protsessy: Materialy i issledovaniia.* Simferopol', 2012. Vol. 2, pp. 211–217.

Sanzharovets V.F. Skassiev fontan i ego osnovatel' R. A. Skassi (opyt istoriko-toponimicheskogo issledovaniia). *Toponimika Kryma.* Simferopol': N. Orianda Publ., 2019. Vol. 3, pp. 200–247.

Sanzharovets V.F., Khodakovskii V.N., Khodakovskii K.N. Rabota nad oshibkami ili puti preodoleniia zabluzhdenii. *Nauchnyi sbornik Vostochno-Krymskogo muzeia-zapovednika.* Simferopol', 2016. Vol. V, pp. 334–377.

Sbitnev I.M. Progulka po Vosporskomu prolivu i po beregam Azovskogo moria v 1820 godu (Prodolzhenie). *Otechestvennye zapiski.* Sankt-Peterburg, 1829. Vol. 37. № 105, pp. 33–57.

Svin'in P.P. Obozrenie puteshestviia izdatelia Otechestvennykh zapisok po Rossii, v 1825 godu, otnositel'no arkheologii. *Otechestvennye zapiski.* Sankt-Peterburg, 1826. Vol. XXV. Kn. LXXI, pp. 440–467.

Svin'in P.P. Kerch', Drevniaia Pantikapeia. (Iz zhivopisnogo puteshestviia po Rossii, izdatelia Otechestvennykh zapisok). *Otechestvennye zapiski.* Sankt-Peterburg, 1828. Vol. 34. Kn. 96, pp. 3–31.

[Svin'in P.P.] Kerch', Drevniaia Pantikapeia. *Kartiny Rossii i byt raznoplemennykh ee narodov iz puteshestvii P. P. Svin'ina.* Sankt-Peterburg: N. Grecha Publ., 1839. Vol. 1, pp. 361–371.

Seleznev M.[A.] *Rukovodstvo k poznaniiu Kavkaza.* Sankt-Peterburg: Morskogo kadetskogo korpusa Publ., 1847. Vol. 2. 304 p.

Semevskii M.I. Aleksandr Bestuzhev na Kavkaze. 1829–1837. Neizdannye pis'ma ego k materi, sestram i brat'iam (Okonchanie). *Russkii vestnik.* Sankt-Peterburg, 1870. Vol. 7, pp. 46–85.

Severnaia pchela. 1842. Vol. 172. 4 avgusta, pp. 685–688.

Severnaia pchela. 1845. Vol. 200. 6 sentiabria, pp. 797–799.

Skal'kovskii A.[A.] *Zapiska o plavanii parokhoda Petr Velikii k Tavricheskim i vostochnym beregam Chernogo moria.* Odessa: Gorodskaia Publ., 1836. 35 p.

Skal'kovskii A.[A.] *Khronologicheskoe obozrenie istorii Novorossiiskogo kraia, 1730–1823.* Odessa: Gorodskaia Publ., 1838. Vol. II. 349 p.

Skal'kovskii A.[A.] Zaniatie Kryma v 1783 godu. Materialy dlia istorii Novorossiiskogo kraia. Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniia. Sankt-Peterburg, 1841. Vol. XXX, pp. 1–44.

Smolenskii A. Statisticheskoe opisanie Kerch'-Enikal'skogo gradonachal'stva. *Novorossiiskii kalendar' na 1841 god, izdavaemyi ot Rishel'evskogo litseia.* Odessa: Gorodskaia Publ., 1840, pp. 278–302.

Spasskii G.[I.] *Bosfor Kimmeriiskii s ego drevnostiami i dostopamiatnostiami.* Moskva: Universitetskaia Publ., 1846. 151 p.

Spisok p starshinstvu generalitetu, ober-ofitseram i kapitanam gvardeiskoi i polevoi artilleriii. Sankt-Peterburg, 1825. 106 p.

Stavrovskii Ia.F. Gornyi Krym i Kerchenskii poluostrov. *Semenova-Tian-Shanskii V.P. (Ed.). Rossiia. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva. Nastol'naia i dorozhnaia kniga dlia russkikh liudei.* Sankt-Peterburg: A.F. Devrien Publ., 1910. Vol. 14, pp. 689–817.

Steven A.Kh. Dela arkhiva Tavricheskogo gubernskogo pravleniia, otnosiashchiesia do razyskaniia, opisaniia i sokhraneniia pamiatnikov stariny v predelakh Tavricheskoi gubernii. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii.* Simferopol', 1891. Vol. 13, pp. 33–54.

Stempkovskii I.[A.] Mysli otnositel'no izyskaniia drevnostei v Novorossiiskom krae. *Otechestvennye zapiski.* Sankt-Peterburg, 1827. Vol. 29. Kn. 81, pp. 40–72.

Stempkovskii I.A. Drevnosti. Nadpis', naidennaia v Kerchi (Antiquité. Inssription ancienne désouverte à Kerch). *Odesskii vestnik / Journal d'Odessa.* Odessa, 1829. Vol. 39. 15/27 maia, pp. 153–155.

Skalon D.A. (Ed.). Stoletie Voennogo ministerstva. 1802–1902. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskogo Aktsionernogo obshchestva pechatnogo i pisebumazhnogo dela v Rossii Publ., 1902. Vol. 1. 314 p.

Sumarokov P.I. P*uteshestvie po vsemu Krymu i Bessarabii v 1799 godu, Pavlom Sumarokovym. S istoricheskim i topograficheskim opisaniem vsekh tekh mest.* Moskva: Universitetskaia , Ridigera i Klaudiia Publ., 1800. Vol. I. 238 p.

Sumarokov P.I. *Dosugi krymskogo sud'i ili vtoroe puteshestvie v Tavridu.* Sankt-Peterburg: Imperatorskaia Publ., 1805. Vol. II. 244 s.

Sukharєv M.V. Stanovishche pravoslavnogo naselennia v Krimu v 70-i – na pochatku 80-kh rr. XVIII st. *Kul'tura narodov Prichernomor'ia.* Simferopol', 2004. № 50. Vol. 2, pp. 184–186.

Sukhorukov V.D. *Istoricheskoe opisanie zemli Voiska Donskogo.* Novocherkassk: Voiskovogo statisticheskogo komiteta Publ., 1869. Vol. 1. 290 p.

Siushchuk Iu.G. Funktsional'nye raznovidnosti mechetei Kryma (XIII –XVIII vv.). *Problemy teorii i istorii arkhitektury Ukrainy.* Odessa, 2002. Vol 3, pp. 42–45.

Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordy.* Sankt-Peterburg: Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1884. Vol. I. 563 p.

Timofeenko V.I. *Goroda Severnogo Prichernomor'ia vo vtoroi polovine XVIII veka.* Kiev: Naukova dumka Publ., 1984. 220 p.

Tolstikov V.P. Pantikapei – stolitsa Bospora. *Koshelenko G.A. (Ed.). Ocherki arkheologii i istorii Bospora.* Moskva: Nauka, 1992, pp. 45–99.

Tolstikov V.P. Akropol' Pantikapeia – stolitsy Bospora Kimmeriiskogo. Itogi izucheniia za 60 let. *Maslennikov A.A., Gavriliuk N.A. (Ed.). Antichnyi mir i varvary na iuge Rossii i Ukrainy: Ol'viia. Skifiia. Bospor.* Zaporozh'e: Dikoe pole Publ., 2007, pp. 244–257.

[Tomilov R.N.] Topograficheskoe opisanie dostavshimsia po mirnomu traktatu ot Ottomanskoi Porty vo vladenie Rossiiskoi imperii zemliam, 1774 goda. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei.* Odessa, 1868. Vol. VII, pp. 166–198.

Tunkina I.V. Pervye gody deiatel'nosti Kerchenskogo muzeia drevnostei. *Arkheologiia i istoriia Bospora.* Kerch', 1999. Vol. III, pp. 39–60.

Tunkina I.V. *Russkaia nauka o klassicheskikh drevnostiakh iuga Rossii (XVIII – seredina XIX vv.).* Sankt-Peterburg: Nauka Publ., 2002. 676 p.

Tunkina I.V. *Otkrytie Feodosii: Stranitsy arkheologicheskogo izucheniia Iugo-Vostochnogo Kryma i nachal'nye etapy istorii Feodosiiskogo muzeia drevnostei.* 1771–1871 gg. Kiev: Bolero Publ., 2011. 240 p.

Tunmann I.E. *Krymskoe khanstvo.* Simferopol': Gosudarstvennoe izdatel'stvo Krymskoi ASSR Publ., 1936. 105 p.

Tunmann I.E. *Krymskoe khanstvo.* Simferopol': Tavriia Publ., 1991. 96 p.

Tushin Iu.P. *Russkoe moreplavanie na Kaspiiskom, Azovskom i Chernom moriakh (XVII vek).* Moskva: Nauka Publ., 1978. 184 p.

Kolli L.P. *Ukazatel' Feodosiiskogo muzeia drevnostei.* Feodosiia: Tipografiia A.E. Tsvibaka Publ., 1912. 32 p.

Ustrialov N.G. *Istoriia tsarstvovaniia Petra Velikogo.* Sankt-Peterburg: II-go Otdeleniia sobstv. Ego Imp. Vel. Kantseliarii Publ., 1858. Vol. 3. 652 p.

Ustrialov N.G. Kerchenskii pokhod 1699 goda (iz III-go toma istorii tsarstvovaniia Petra Velikogo). *Sbornik literaturnykh statei, posviashchennyi russkimi pisateliami pamiati pokoinogo knigoprodavtsa-izdatelia Aleksandra Filippovicha Smirdina.* Sankt-Peterburg: Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1858. Vol. 1, pp. 4–44.

Fedorov A.T. Kharakteristika sluzhby betonnykh, kamennykh i zhelezobetonnykh sooruzhenii v morskikh portakh. *Sbornik nauchno-issledovatel'skikh materialov. Tsentral'nyi nauchno-issledovatel'skii institut vodnogo transporta.* Leningrad: TsNIVT Publ., 1934, pp. 23–73.

Fedorov F.[A.] *Krym s Sevastopolem, Balaklavoiu i drugimi ego gorodami. S opisaniem rek, ozer, gor i dolin: s ego istoriei, zhiteliami, ikh nravami i obrazom zhizni. S dvumia vidami i planom.* Sankt-Peterburg: Eduarda Veimara Publ., 1855. 191 p.

Fedorov F.A. Kerch' i Eni-Kale. *Severnaia pchela.* 1855. Vol. 110. 2 maia, pp. 567–569.

Fedorov F.A. Kerch' i Eni-Kale. *Russkii khudozhestvennyi listok.* Sankt-Peterburg: N. Grecha Publ., 1855. Vol. 19. 1 iiulia.

Fedoseev N.F. Bosporskii grifon. *Artikul't.* 2013. Vol. 12, pp. 124–125.

Fedoseev N.F. Bosporskii grifon. *Drevnosti Bospora.* Moskva, 2015. Vol. 19, pp. 377–385.

Fedoseev N.F. *Greki na Bospore Kimmeriiskom: 200 let issledovanii.* Simferopol': Biznes-Inform Publ., 2017. 320 p.

Fedoseev N.F., Ponomarev L.Iu. Antichnye drevnosti tserkvi Ioanna Predtechi v Kerchi (istoriograficheskii obzor). *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo.* Seriia «Istoricheskie nauki». 2016. Vol. 2 (68). № 2, pp. 124–136.

[Ferran] Puteshestvie iz Kryma v Cherkesiiu cherez zemli nogaiskikh tatar v 1709 godu. *Russkii vestnik.* Sankt-Peterburg, 1842. Vol. 6. № 4, pp. 41–56.

Filas V.M. Al'bom graviur P. Sumarokova do vidannia «Dosugov Krymskogo sud'i ili vtoroe puteshestvie v Tavridu»: avtors'ka ta siuzhetna atributsiia. *Scriptorium nostrum.* Elektronnii istorichnii zhurnal. Kherson, 2017. Vol. 2 (8), pp. 178–185.

Filas V.M. *Zhivopis ta grafika iak dzherelo z istorii pivdennoï Ukraïni ostann'oï chverti XVIII – seredini XIX st. Dis. ... dokt. ist. nauk.* Kiïv, 2019. 531 p.

Khaibullaeva F.Kh. Novyi turetskii istochnik po istorii Kryma. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii.* Simferopol', 2001. Vol. VIII, pp. 362–365.

Khoєts'kii E. *Spogadi z podorozhi po Krimu.* Simferopol': «Simferopol's'ka mis'ka drukarnia» Publ., 2008. 384 s.

Khrapunov N.I. Krym v opisaniiakh Redzhinal'da Khebera (1806). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii.* Simferopol', 2008. Vol. XIV, pp. 645–697.

Tserkov' Sv. proroka Predtechi i Krestitelia Gospodnia Ioanna v gorode Kerchi. *Novorossiiskii kalendar' na 1857 god, izdavaemyi ot Rishel'evskogo litseia.* Odessa: Gorodskaia Publ., 1856, pp. 439–443.

[Chelebi E.] *Kniga puteshestviia. Turetskii avtor Evliia Chelebi o Kryme (1666–1667 gg.).* Simferopol': DAR Publ., 1999. 140 p.

Chelebi E. *Kniga puteshestviia. Krym i sopredel'nye oblasti (Izvlecheniia iz sochineniia turetskogo puteshestvennika XVII veka).* Simferopol': Dolia Publ., 2008. 272 p.

Chkhaidze V.N. Osmanskaia krepost' Khunkala. *E. I. Krupnov i razvitie arkheologii Severnogo Kavkaza. KhXVIII Krupnovskie chteniia. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 21–25 aprelia 2014 g.* Moskva: IA RAN Press, 2014, pp. 395–398.

Shevelev E.[P.] Zametki dlia puteshestvuiushchikh po Krymu. *Novorossiiskii kalendar' na 1847 god, izdavaemyi ot Rishel'evskogo litseia.* Odessa: Gorodskaia Publ., 1846, pp. 357–362.

Shevelev E.[P.] Rets. na: Vosporskoe tsarstvo s ego paleograficheskimi i nadgrobnymi pamiatnikami, raspisnymi vazami, planami, katami i vidami. Soch. Antona Ashika. Odessa, tip. Neimana, 1848, Chast' I. IX, 117 str. i Kh tablits. Chast' II, 88 str. i XII tablits. Chast' III, 96 str. i L tablits. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei.* Odessa, 1848. Vol. II, pp. 725–738.

Shkorpil V.V. Iz arkhiva Kerchenskogo muzeia drevnostei. IV. Ostatki drevnikh sooruzhenii v Kerchi i ee okrestnostiakh v 1845 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii.* Simferopol', 1908. Vol. 42, pp. 56–72.

Shkorpil V.V. Otchet o raskopkakh v Kerchi i na Tamanskom poluostrove v 1911 g. *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii.* Sankt-Peterburg, 1914. Vol. 56, pp. 1–74.

Shmurlo E.F. Petr Velikii v russkoi literature (okonchanie). *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniia.* Sankt-Peterburg, 1889. Vol. CCLXIV. Avgust, pp. 305–375.

Iakobson A.L. Rannesrednevekovye poseleniia Vostochnogo Kryma. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR.* Moskva-Leningrad, 1958. Vol. 85, pp. 458–501.

Iakobson A.L. Rannesrednevekovye sel'skie poseleniia Iugo-Zapadnoi Tavriki. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR. Leningrad, 1970. Vol. 168. 223 p.

Iakobson A.L. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoi Tavriki.* Leningrad: Nauka Publ., 1979. 164 p.

Barthold W. Kerč. *Houtsma M.Th. (Ed.). Enzyklopädie des Islams. Ceographisches, ethnographisces und biographisches Wörterbush der muhammedaniscen Völker.* Leiden-Leipzig, 1913. Vol. 2.

Bocharov S. Vosporo fortress in the system of Genoese fortification of the Crimean peninsula of XIVth – XVth centuries. *Classica et Christiana.* Iaşi, 2015. Vol. 10, pp. 443–458.

Beaujour F. de *Voyage militaire dans l'Empire Othoman, ou Description de ses frontières et de ses principales défenses, soit naturelles, soit artificielles.* Paris: Ches Firmin Didot, Bossange, Delaunay, 1829. Vol. I. 539 p.

Dortelli d'Askoli E. Descrittione del Mar Negro et della Tartaria, 1634. *Chteniia v Istoricheskom obshchestve Nestora Letopistsa.* Kiev, 1891. Vol. 5. Otd. III, pp. 1–46.

Castelnav G. *Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la nouvelle Russie. Statistique des*

provinces qui la composent. Fondation d'Odessa; ses progrès, son état actuel; détails sur son commerce. Voyage en Crimée, dans l'intérêt de l'agriculture et du commerce. Paris: Ches Rey et Gravier Publ., 1820. Vol. III. 347 p.

Clarke E.D. *Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. Part the first. Russia, Tahtary and Turkey. Fourth edition.* London: Printed for T. Cadell and W. Davies Publ., 1816. Vol. II. 524 p.

Coup d'oeil sur les colonies de la Russie méridionale, par un voyageur francais qui les a visitées en 1818. *Nouvelles annales des voyages, de la géographie et de l'histoire... publiées par mm. J.B.Eyriés et Malte-Brun.* Paris: Librairie de Gide Fils Publ., 1819. Vol. 2, pp. 97–157.

Dubois de Montperéux F. *Voyage autour du Caucase ches les tcherkesses et les abkhases en Colchide en Géorgie en Arménie et en Crimée.* Paris: Librairie de Gide Publ., 1843. Vol. V. 464 p.

Famin César M. Crimée. Chopin M. *L'univers histoire et description de tous les peuples. Suite et fin de la Russie et provinces Russes et Asie. Tome deuxieme contenant la fin de la Russie D'Europe, y compris la Crimée, par M. Cesar Famin; et les provinces Russes en Asie, Circassie et Géorgie, par M. Cesar Famin. Armenie, par M. Bore, orientaliste.* Paris: Firmin Didot Freres Publ., 1838, pp. 1–32.

Gamba J.-F. *Voyage dans la Russie méridionale, et particulièrement dans les provinces situées au-delà du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'en 1824.* Paris: chez C. J. Troué, Imprimeum-libraire Publ., 1826. Vol. I. 444 p.

Gamba J.-F. *Voyage dans la Russie méridionale. Atlas.* Paris: chez C. J. Troué, Imprimeum-libraire Publ., 1826. 60 p.

Guthrie M. *A tour performed in the years 1795–1796, through the Taurida or Crimea, the Ancient Kingdom of Bosphorus, the once powerful Republic of Tauric Cherson, and all the others countries on the north shore of the Euxine, ceded to Russia by the peace of Kainardgi and Jassy.* London: T. Cadell, jun. & W. Davies; Elibron Classics edition Publ., 1802. 446 p.

Jesse W. *Notes of a half-pay in search of health, or Russia, Circassia and the Crimea in 1839–1840.* London: J. Madden and Co Publ., 1841. Vol. 1. 335 p.

La guerre nationale de 1812. Paris: H. Charles-Lavauzelle Publ., 1907. Vol. IV. 481 p.

Layall R. *Travels in Russia, the Krimea, the Caucasus and Georgia.* London: Printed for T. Cadell, in the Strand; and W. Blackwood, Edinburgh Publ., 1825. Vol. 1. 528 p.

Lettres sur la Crimée, Odessa et la Mer d'Azof. Moscow: De l'imprimerie de N. S. Vsévologsky Publ., 1810. 290 p.

McPherson D. *Antiquities of Kertch and Researches in the Crimea and Bosphorus with remarks on the ethnological and physical history of the Crimea.* London: Smith, Elder & Co. Publ., 1857. 102 p.

Montandon C.H. *Guide du voyageur en Crimée: orné de cartes, de plans, de vues et de vignettes, et précédé d'une introduction sur les différentes manières de se rendre d'Odessa en Crimée.* Odessa: imprimerie de la ville Publ., 1834. 384 p.

[Motraye A. de la] *Voyages du Sr. A. de la Motraye en Europe, Asie et Afrique.* Haye: Ches T. Johnson & J. van Duren Publ., 1727. Vol. 2. 496 p.

Murawiew-Apostol I.M. *Reise durch Taurien im jahre 1820.* Berlin: Verlag von Th. Christ Fr. Enslin Publ., 1825. 249 p.

Neilson A. *The Crimea, its towns, inhabitants and social customs by a Lady resident near the Alma.* London: Partridge, Oakey, and Co Publ.. 1855. 143 p.

Pallas P. *Bemerkungen auf einer Reise in die Südlichen Staathalterschaften des Russischen Reichs*

in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig: bay Gottfried Martini Publ, 1801. Vol. II. 524 p.

R… de S… *Mémoire sur l'ouverture du port de Kertch, situé en Crimée sur la mer Noire.* Paris: Ches Bachelier, Libraire Publ., 1822. 16 гр.

R… de S… *Mémoire sur l'ouverture du port de Kertch, situé en Crimée sur la mer Noire // Annales de l'industrie nationale et étrangère, ou Mercure technologique.* Paris: Ches Bachelier, Libraire-Editeur Publ., 1822. Vol. 6, pp. 67–77.

Reuilly J. *Voyage en Crimée et sur les bords de la mer Noire pendant l'année 1803; Suivi d'un mémoire sur le commerce de cette mer, et des notes sur les principaux ports commerçans dédié à sa majesté l'empereur et roi.* Paris: ches Bossange, Masson et Besson Publ., 1806. 302 p.

Seymour H.D. *Russia on the Black sea and sea of Azof: being a narrative of travels in the Crimea and bordering provinces; with notices of the naval, military, and commercial resources of those countries.* London: John Murray Publ., Albemarle street, 1855. 361 p.

Telfer J.V. T*he Crimea and Transcaucasia being the narrative of a journey in the Kouban, in Gouria, Georgia, Armenia, Ossety, Imeritia, Swannety, and Mingrelia, and in the Tauric range* London: Henry King & Co. Publ., 1876. Vol. I. 297 p.

Vasiliev A.A. *The Goths in the Crimea.* Cambridge; Massachusetts: The Medieval Academy of America Publ., 1936. 292 p.

Veinstein G. La population du Sud de la Crimée au début dela domination Ottomane. *Mémorial Ömer Lûtfi Barkal.* Paris, 1980, pp. 127–149.

Резюме

В статье проанализированы описания Керчи, оставленные участниками похода русского флота в Азовское море и Керченский пролив, состоявшегося в августе 1699 года. Одно из них приведено в походном журнале голландца, контр-адмирала на русской службе Корнелия Ивановича Крейса. Второе было опубликовано в книге Готлиба Зигфрида Байера, изданной в 1738 г. К сожалению, описание Керчи в этих документах очень краткое и автор остался неизвестным. Тем не менее, оно дает общее представление о градостроительной модели города позднего османского времени и его основных фортификационных, культовых и гражданских сооружениях. В частности, упомянуты важнейшие городские постройки и инфраструктурные объекты – крепость, портовый (античный и средневековый) мол, мечети, греческие церкви, жилая городская застройка, одно из городских кладбищ и гидротехнические сооружения – фонтаны и колодцы. Описание Керчи 1699 г. дополняют другие источники, в том числе картографические и изобразительные (рисунки и гравюры). Благодаря им все упомянутые в 1699 г. городские объекты были идентифицированы и более-менее точно нанесены на карту. Удалось проследить и их дальнейшую судьбу. К сожалению, все они, за исключением церкви Иоанна Предтечи, не сохранились. Генуэзско-турецкая крепость в Керчи и все остальные сооружения Керчи османского времени были разрушены в 1830-х – 1840-х гг.

Ключевые слова: Керчь, османский период, адмирал Крейс, Петр I, крепость.

Summary

The article analyzes the descriptions of Kerch, left by the participants of the Russian fleet's campaign in the Sea of Azov and the Kerch Strait, which took place in August 1699. One of them is given in the travel log of a Dutchman, Rear Admiral in the Russian service, Cornelius Ivanovich

Kreis. The second was published in the 1738 book by Gottlieb Siegfried Bayer. Unfortunately, the description of Kerch in these documents is very short and the author remained unknown. Nevertheless, it gives a general idea of the urban planning model of the city of the late Ottoman period and its main fortifications, cult and civil structures. In particular, the most important city buildings and infrastructural objects are mentioned - a fortress, a port (antique and medieval) pier, mosques, Greek churches, residential urban buildings, one of the city cemeteries and hydraulic structures - fountains and wells. The description of Kerch in 1699 is supplemented by other sources, including cartographic and pictorial (drawings and engravings). Thanks to them, all the city objects mentioned in 1699 were identified and more or less accurately mapped. It was possible to trace their further fate. Unfortunately, all of them, with the exception of the Church of St. John the Baptist, have not survived. The Genoese-Turkish fortress in Kerch and all other structures of Kerch during the Ottoman period were destroyed in the 1830s - 1840s.

Key words: Kerch, Ottoman period, Admiral Kreis, Peter I, fortress.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Пономарев Леонид Юрьевич,
научный сотрудник,
Центр археологических исследований
Благотворительного фонда «Деметра»,
г. Керчь, Республика Крым,
Российская Федерация.
L_ponomarev@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Ponomarev Leonid Yurievich,
Researcher Associate
Archaeological center
of the Demetra Charitable Foundation,
Kerch, Russian Federation.
L_ponomarev@mail.ru

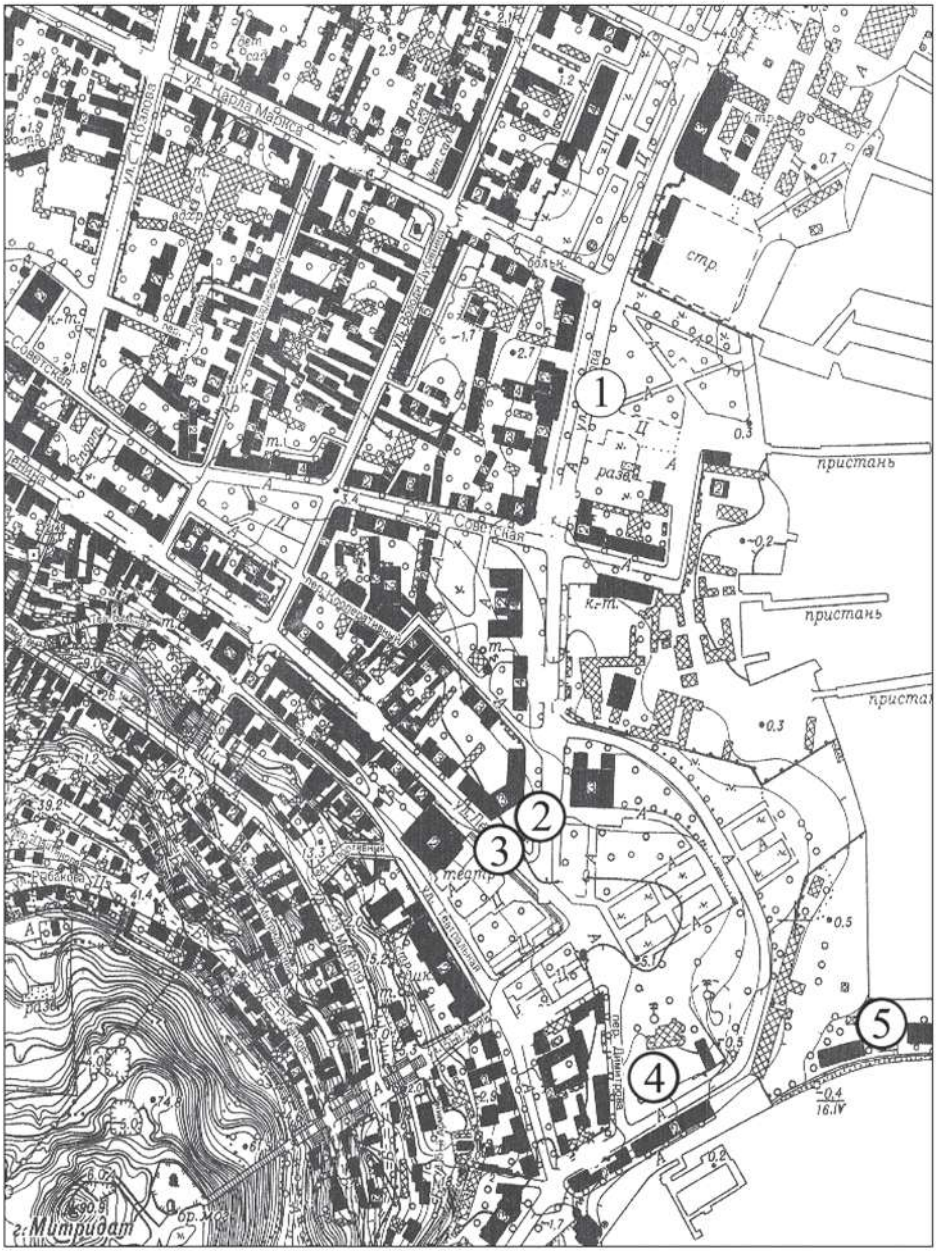


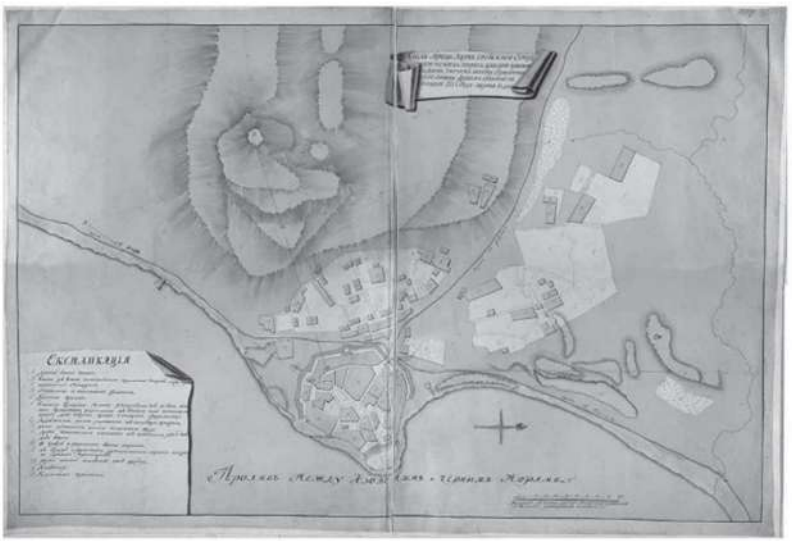
Рис. 1. 1 – примерное местоположение фонтана на месте высадки на берег К.И. Крюйса; 2 – главный городской фонтан; 3 – западные (главные) крепостные ворота; 4 – церковь Иоанна Предтечи; 5 – остатки древнего мола (Генуэзский мол).

1

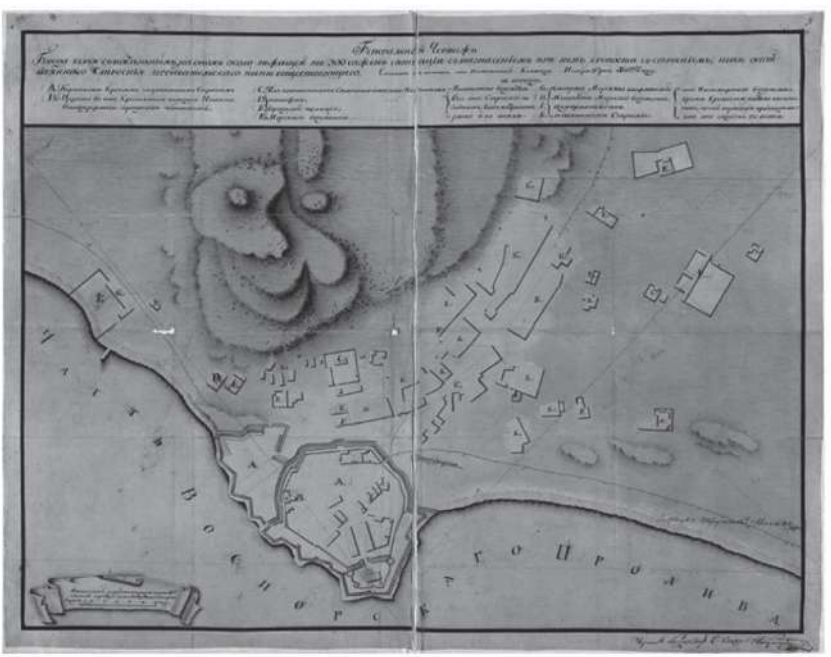
2

3

Рис. 2. 1 – портрет К.И. Крюйса (неизвестный художник, между 1709– 1714 гг.); 2 – корабль «Крепость». Рис. Христиана Отто, 1700 г.; 3 – портрет Р. Н. Томилова (художник Харламов(?), 1786 г., Государственный Русский музей.

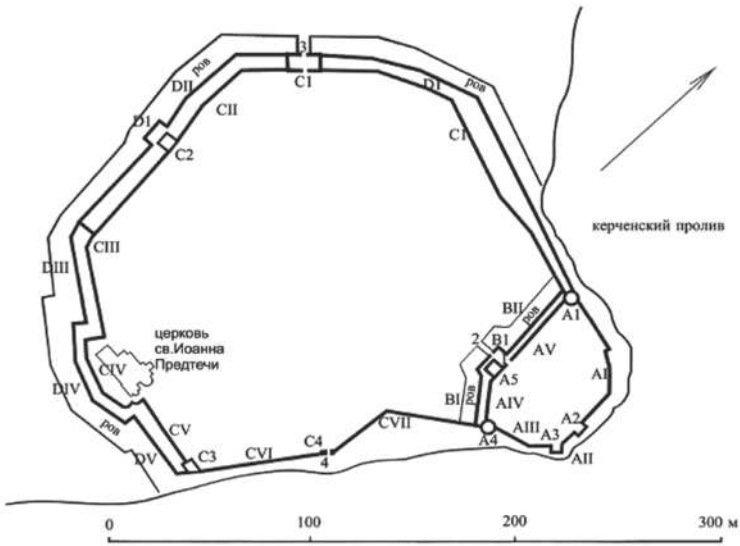


1

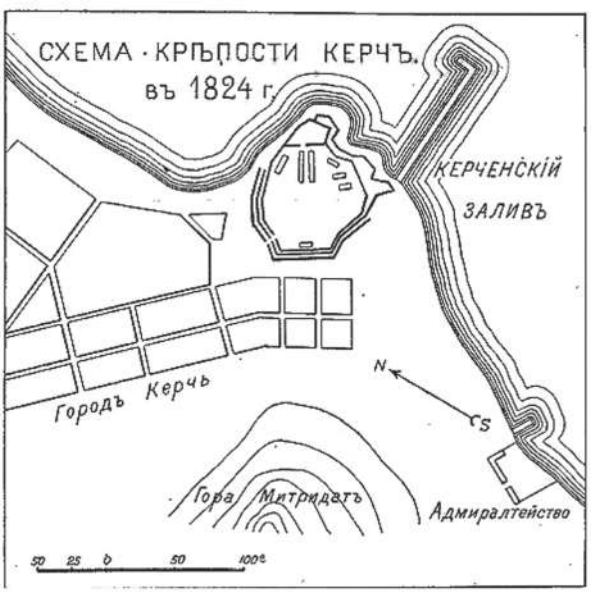


2

Рис. 3. 1 – Генеральный план Керчи 1773 г.; 2 – Генеральный план Керчи 1809 г.

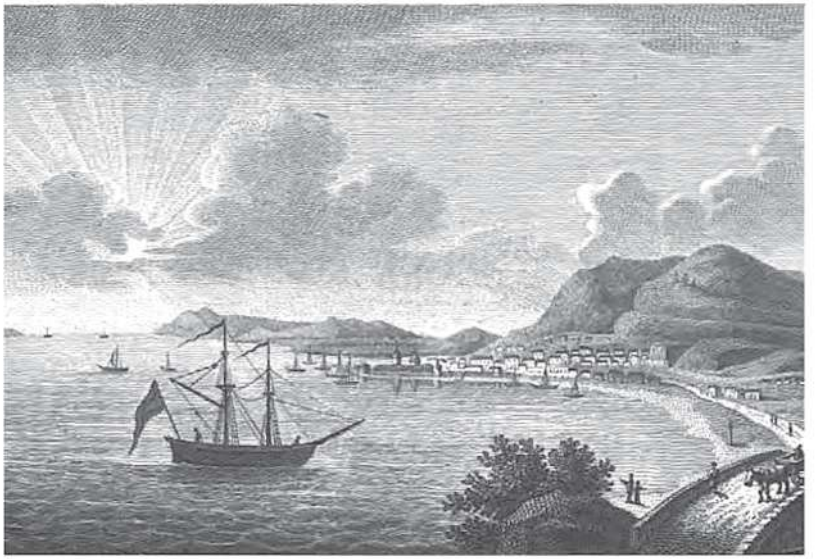


1

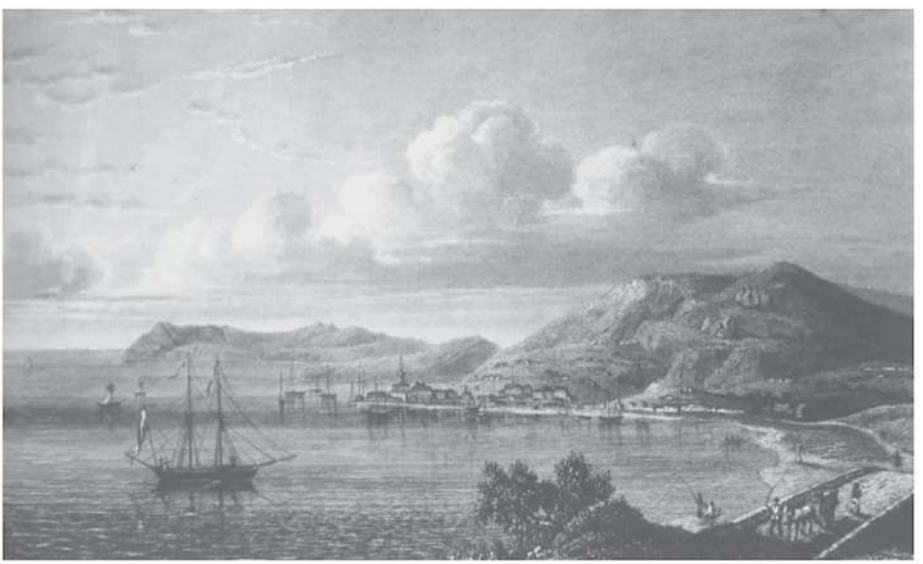


2

Рис. 4. 1 – план-схема Генуэзско-турецкой крепости в Керчи (по С. Г. Бочарову, 2015, рис. 1); 2 – схема крепости Керчи в 1824 г.

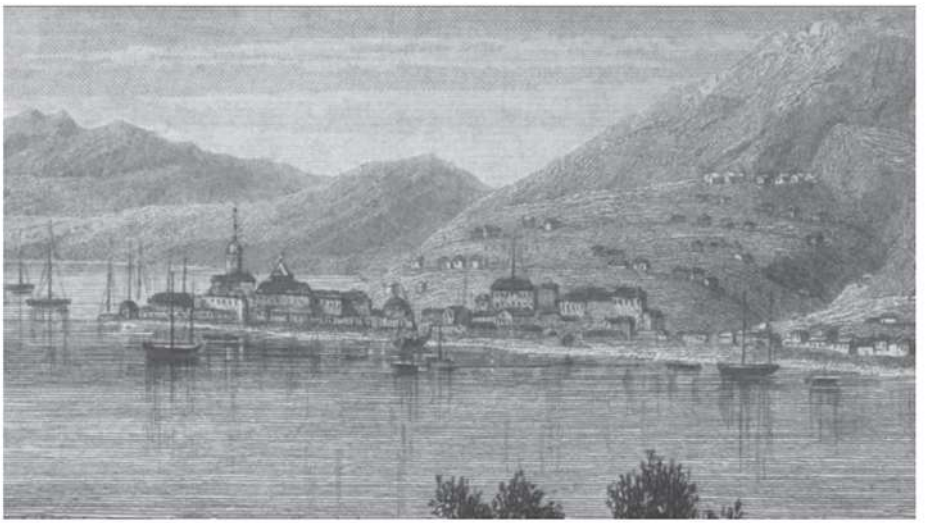


1

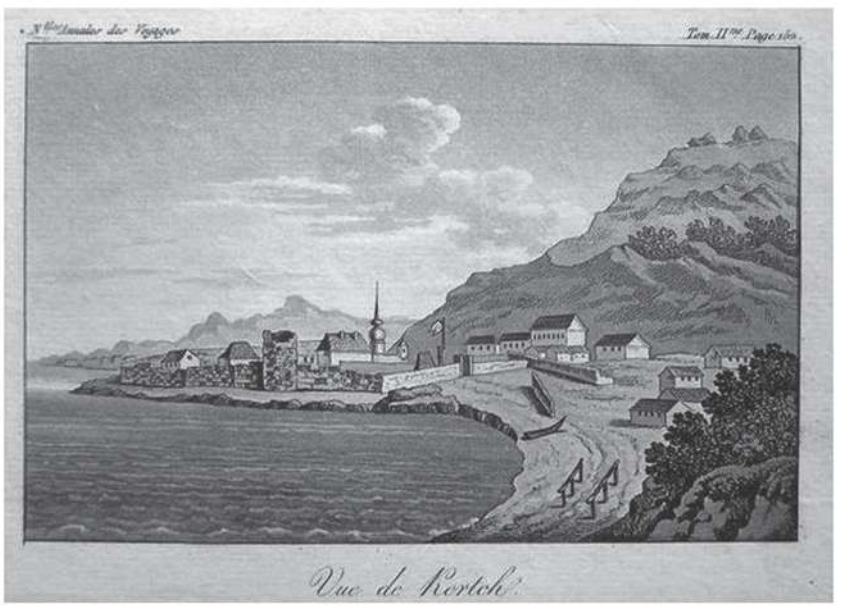


2

Рис. 5. 1 – «Керченский порт» (гравюра И. В. Ческого с рис. П. П. Свиньина 1825 г., опубликована: Свиньин П. П. Керчь. Древняя Пантикапея // Отечественные записки. 1828. Ч. 34. Кн. 96); 2 – «Керчь» (гравюра с рис. П. П. Свиньина, опубликована: Керчь. Древняя Пантикапея // Картины России и быт разноплеменных ее народов из путешествий П. П. Свиньина. Ч. 1. СПб., 1839).

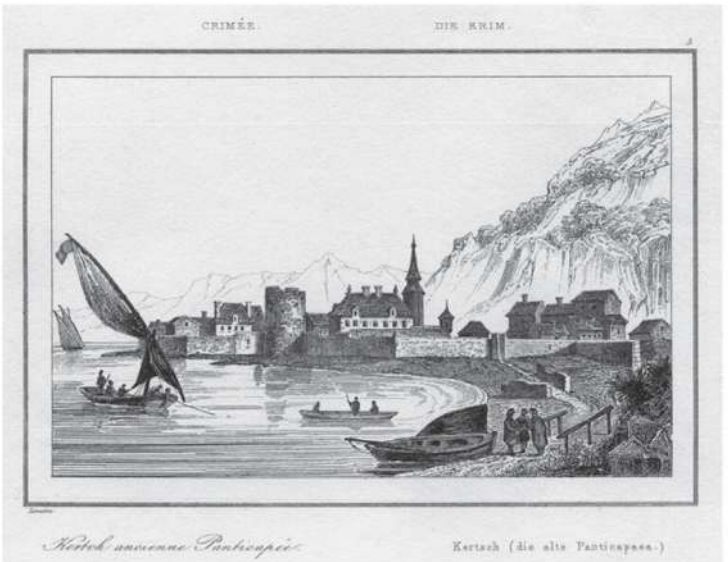


1

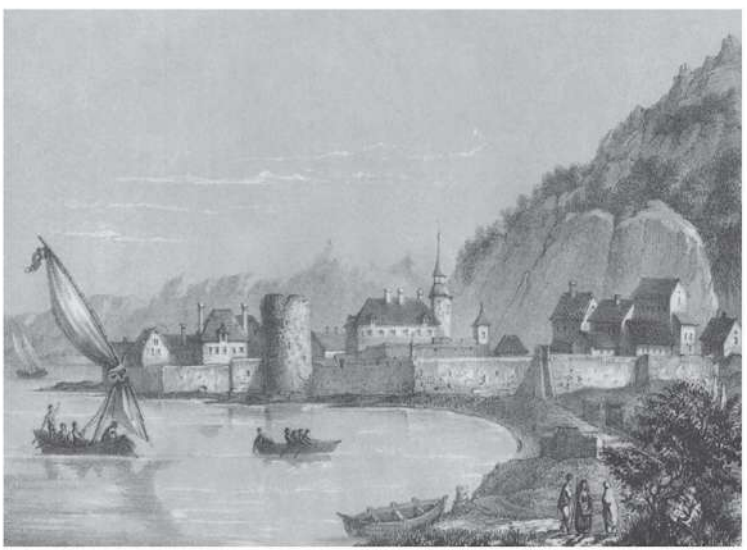


2

Рис. 6. 1 – «Керчь» (фрагмент гравюры с рис. П. П. Свиньина, опубликована: Керчь. Древняя Пантикапея // Картины России и быт разноплеменных ее народов из путешествий П. П. Свиньина. СПб., 1839. Ч.1); 2 – «Вид Керчи» (автор неизвестен, опубликован: Coup d'oeil sur les colonies de la Russie méridionale, par un voyageur francais qui les a visitées en 1818 // Nouvelles annales des voyages, de la géographie et de l'histoire... publiées par mm. J. B. Eyriés et Malte-Brun. Paris, 1819. T. 2).

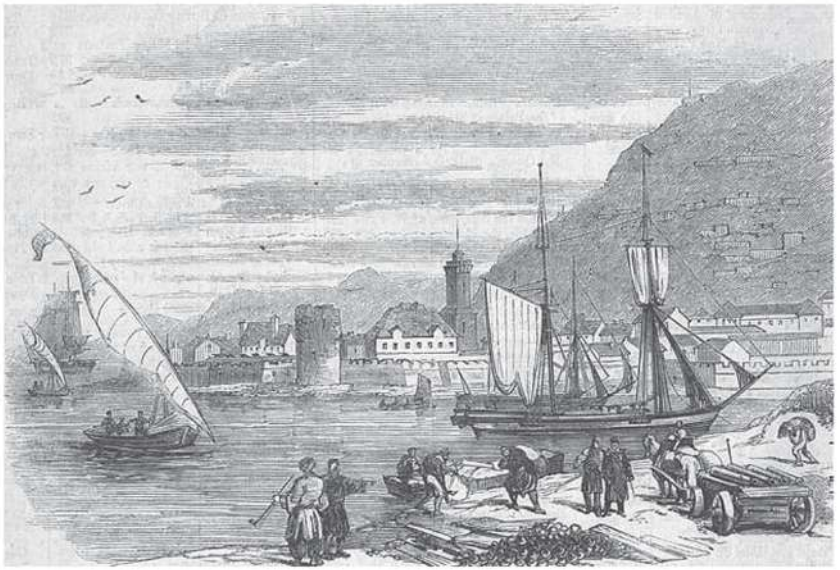


1

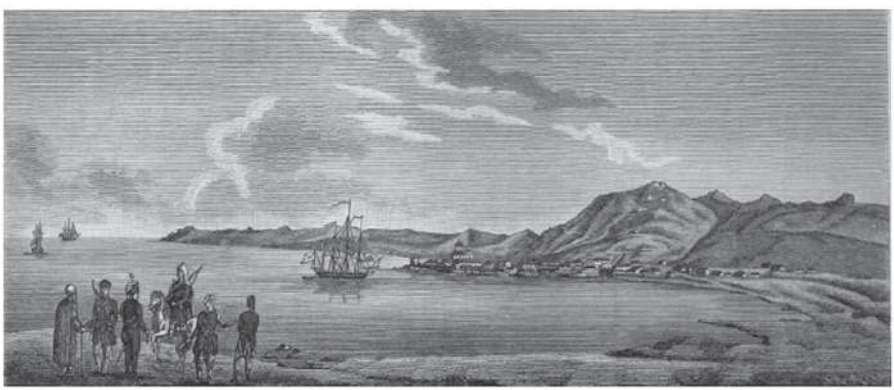


2

Рис. 7. 1 – «Керчь. Древний Пантикапей» (автор неизвестен, опубликован: Famin César M. Crimée // Chopin M. Russie. Paris, 1838. T. II); 2 – «Керчь. Древний Пантикапей» (автор неизвестен, литография А.Бигатти, опубликован: Ашик А.Б. Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Одесса, 1848. Ч. I. рис. I).

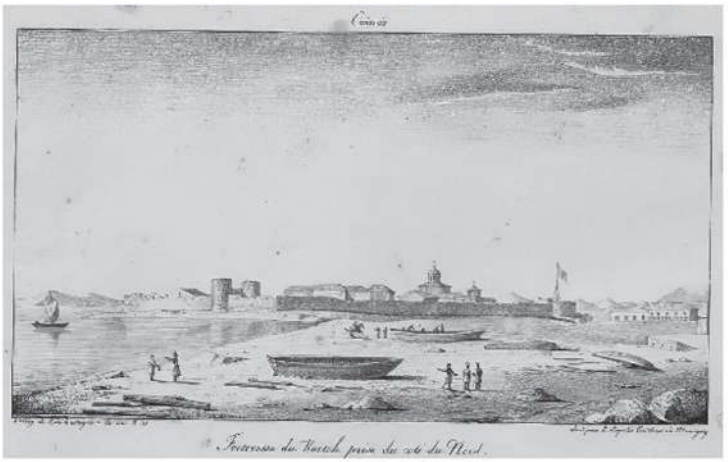


1

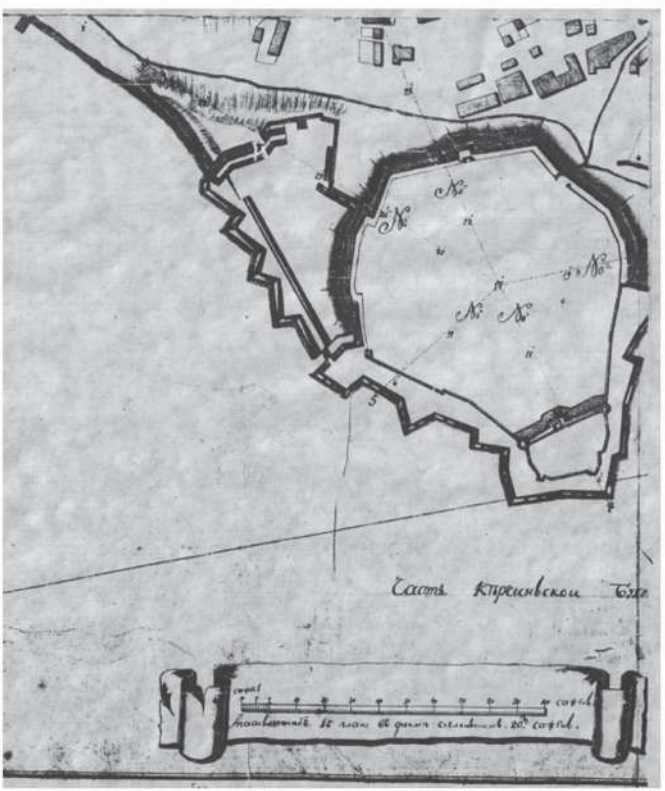


2

Рис. 8. 1 – «Вид Керчи». Автор неизвестен, литография из газеты Illustrated Times от 9 июня 1855 г.; 2 – «Вид Керчи». Рис. Афанасия де Палдо(?), гравюра Н. Я. Саблина.



1



2

Рис. 9. 1 – «Вид крепости Керчь». Рис. Э. В. Тетбу де Мариньи, 1820 г.; 2 – фрагмент Генерального плана Керчи 1780 г.

1

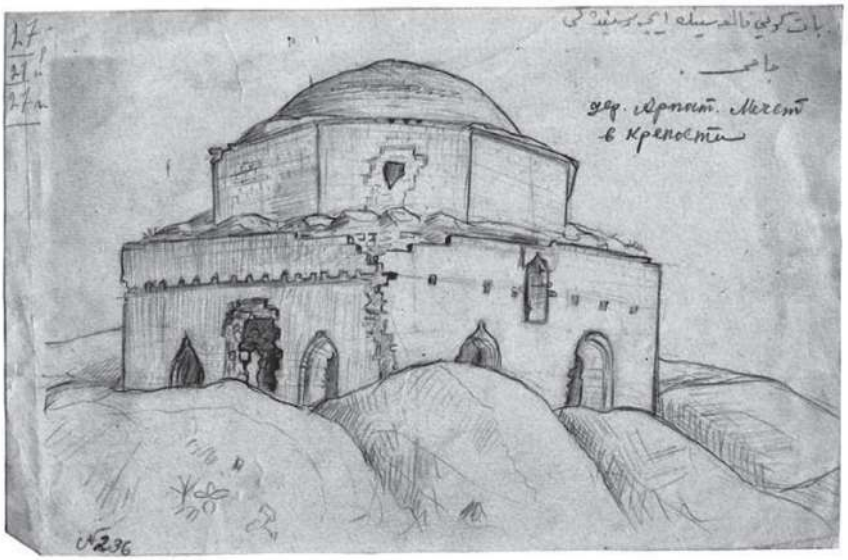
2

Рис. 10. 1 – городской общественный фонтан (Гущиновский) перед домом Мазани Н.И. Фотография конца XIX в. (после 1895 г.); 2 – мемориальный фонтан В.Я. Гущина перед домом Мазани Н.И. (фотография 1918 г.).

1

2

Рис. 11. 1 – мемориальный фонтан В. Я. Гущина на углу ул. Строгановской и Адмиралтейского пер. (фотография нач. XX в.); 2 – фонтан в с. Глазовка (фотография В. Ф. Санжаровца).

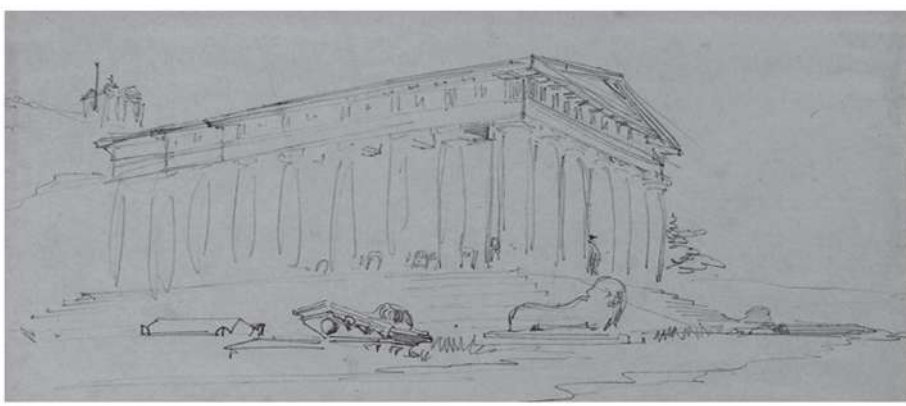


1

2

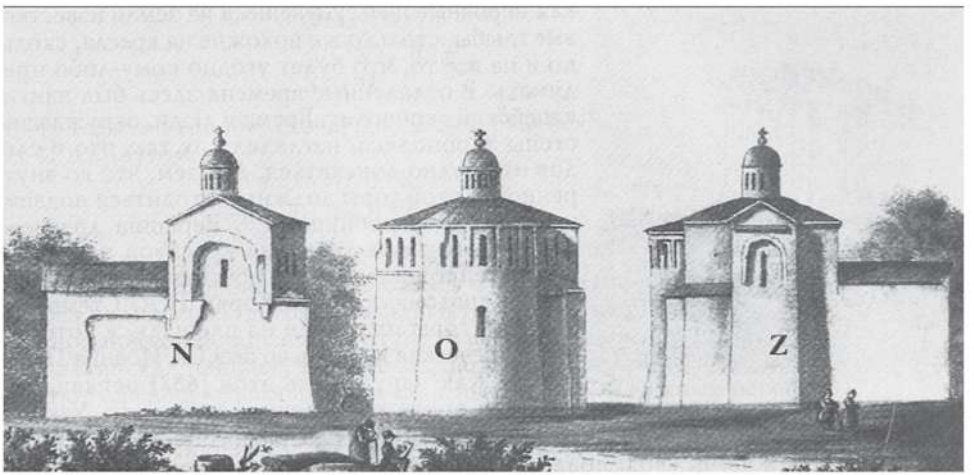
Рис. 12. 1 – мечеть в крепость Арабат. Рис. У. А. Боданинского между 1925–1928 гг. НА БГИГЗ; 2 – мечеть в крепость Арабат. Фотография 1920-х гг. НА ГНИМА.

1



2

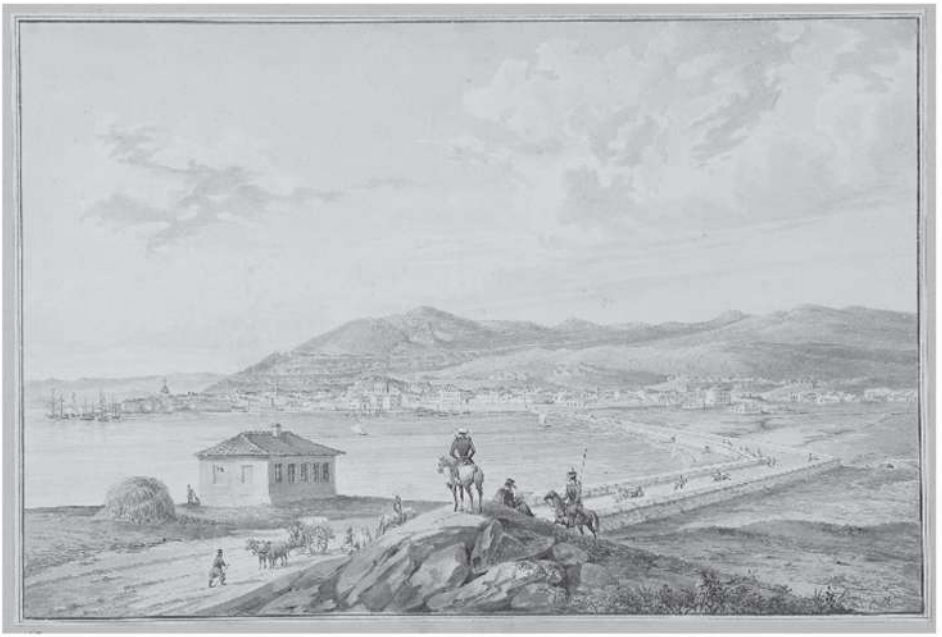
Рис. 13. 1 – плита с изображением грифона (Феодосийский музей, современная фотография);
2 – вид на Керченский музей древностей и часовню И. А. Стемпковского. Рис. У. Симпсона, 29 мая 1855 г.



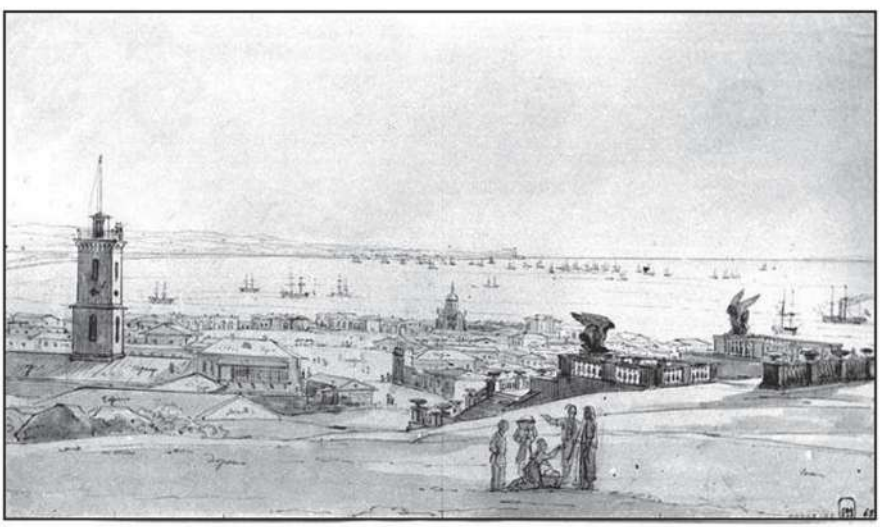
1

2

Рис. 14. 1 – «Церковь Иоанна Предтечи в Керчи, в древнем ее виде» (опубликована: Мурзакевич Н. Н. Поездка в Крым в 1836 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1837. Ч. 13. № 3);
2 – «Вид древней церкви в Керчи». Акварель И. А. Иванова, август 1803 г., Государственный Русский музей.

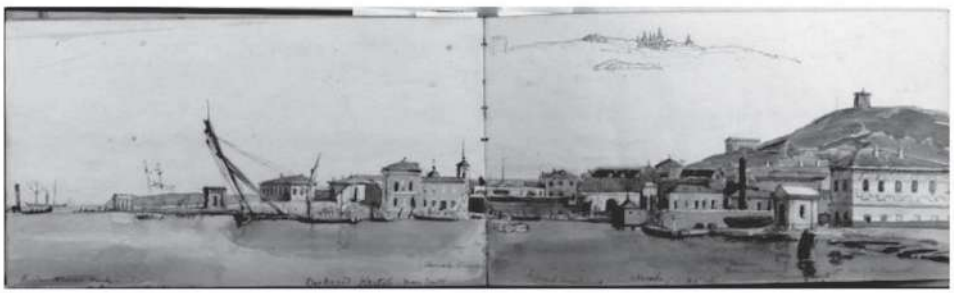


1

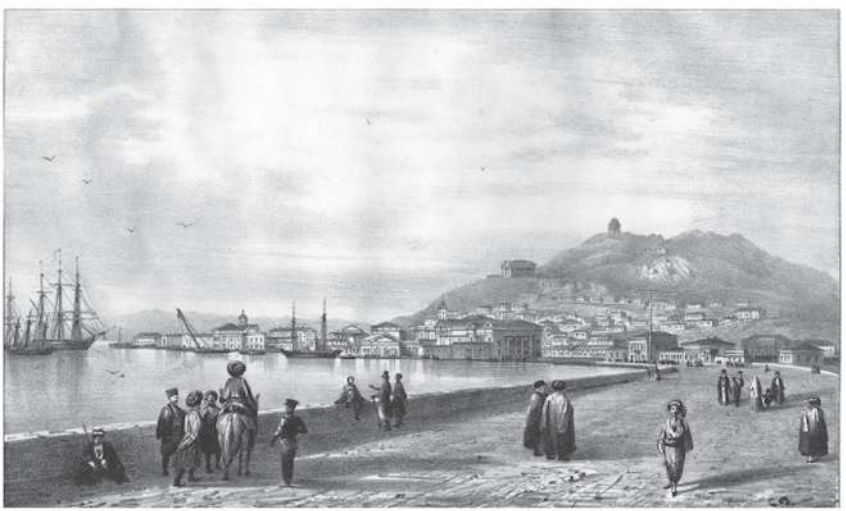


2

Рис. 15. Рис. 14. 1 – «Керчь». Рис. К. К. Клауса, 1834 г.; 2 – «Керчь смотря на восток». Рис. Н. Г.Чернецова, 1836 г. Литография А. Бигатти с этого рисунка опубликована: Скальковский А. Записка о плавании парохода «Петр Великий» к таврическим и восточным берегам Черного моря. Одесса, 1836.

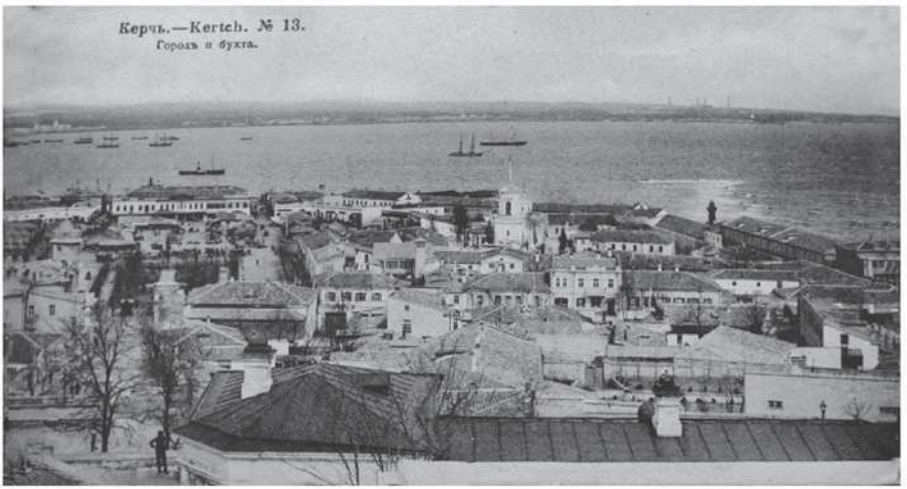


1



2

Рис. 16. 1 – «Керчь, 31 мая 1855 г.» Акварель из альбома Джорджа Голдсмита, капитана парохода-фрегата «Сидон»; 2 – «Керчь со стороны верхней дороги к Ени-Кале». Рис. Карло Боссоли, 1842 г.



1

2

Рис. 17. 1 – вид на Предтеченскую площадь до строительства Генуэзского мола (на его месте пенящиеся буруны, фотография нач. XX в.); 2 – вид на Предтеченскую площадь и Генуэзский мол в процессе его строительства. Фотография 1912 или 1913 г.

Д. А. ЛОМАКИН
D. A. LOMAKIN

МУСУЛЬМАНСКИЕ ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПОСЕЛЕНИЯ КАРАГОЗ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ[1]
MUSLIM LANDMARKS OF THE MEDIEVAL SETTLEMENT OF KARAGOZ: SOURCE STUDY ASPECT

Поселение Карагоз было расположено на северо-восточной окраине современного с. Первомайское Кировского района Республики Крым к востоку от трассы Первомайское–Кировское, на правом восточном берегу реки Чурук-Су в её пойме. На северной окраине татарского поселка находилась мечеть. Неподалеку от ее местонахождения сохранился источник, вода к которому поступает по водоводу, сложенному из плит на известковом растворе. Площадь распространения подъемного материала составляет 0,4х0,3 км, который представлен фрагментами амфор, кувшинов, водопроводных труб, курительных трубок, поливной керамики с различными вариантами геометрического и растительного орнаментов, монетами. На основании археологического материала поселение датировано А. В. Гавриловым XIII – XVIII вв. [Гаврилов, 2008, с. 345]. Территория поселения подвергается распашке. Шурфовки и раскопки не проводились. Поэтому говорить о судьбе архитектурно-археологических памятников поселения имеется возможность только на основании немногочисленных выявленных письменных источников и иллюстративных материалов.

В мае 1794 года по дороге из Старого Крыма в Феодосию селение Карагоз посетил П. С. Паллас, о чем свидетельствует запись в его обширном описании путешествия по югу России, изданном в 1799–1801 годах в Германии в двух томах, вторая часть которого полностью посвящена Крыму [Pallas, 1801]. Впервые на русский язык часть работы П. С. Палласа была переведена в конце XIX века М.А.Славич и Г. Э. Карауловым и опубликована на страницах ЗООИД в 1881 и 1883 годах [Поездка.., 1883; Путешествие.., 1881]. Перевод изобиловал неточностями и ошибками. Интересующий нас фрагмент представлен следующим образом: «Отсюда идет дорога вдоль последних отрогов, спускающихся к богатой травами равнине, до деревни Карагоз (в семи верстах расстояния), где расположено имение гостеприимного и достойного генерала Шюца. При выезде из Эски-Крыма заметен древний вал, настоящее направление которого я не смог проследить и не измерил его протяжение. Здесь видны также следы кладбища с остатками одного могильного памятника, выстроенного из тесаных камней с готическим сводом и

[1]Работа выполнена в рамках проекта по госзаданию Минобрнауки РФ № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму».

татарской надписью 868 года (1454), которая показывает, что в мавзолее этом был похоронен некий Хиазедин-султан, сын Килай-Темир-хана» [Поездка.., 1883, с. 46].

В 1918 году А. Л. Бертье-Делагард, наметивший серию изданий по истории Крыма (идее так и не суждено было осуществиться), совместно с С. Л. Белявской впервые подготовил перевод на русский язык всего второго тома. Перевод по сравнению с предыдущим вариантом был более точным, исправлены ошибки, допущенные М. А. Славич и Г. Э. Карауловым. Подготовленная рукопись была опубликована лишь по прошествии более восьмидесяти лет в 1999 году [Паллас, 1999].

В тексте несколько иным образом трактован приведенный выше фрагмент: «От Старого Крыма опускаются с последней возвышенности известняка в долину, богатую травой, где в семи верстах расстояния находится поместье гостеприимного и бодрого генерала фон Шютца у деревни Кара-Гоз. Сейчас за ней видим старый вал, но я не заметил его направления и не измерил протяжения. В этой местности находят остатки памятника, построенного из тесаного камня с готическим сводом и татарской надписью /868/ 1454, указывающей, что это мавзолей Гиасс-эдин Султана, сына хана Килай-Темира» [Паллас, 1999, с. 116]. Согласно варианту 1883 года П.С.Паллас наблюдал описанные им древности сразу при выезде из Старого Крыма, вариант А.Л. Бертье-Делагарда кардинальным образом изменил их расположение – в местности у деревни Карагоз.

Возможно, именно эта неточность перевода помешала поискам «памятника с готическим сводом» В. Д. Смирнову, пытавшемуся обнаружить его в окрестностях Старого Крыма. Осматривая летом 1886 года возвышенность Кемаль-Ата, востоковед отметил: «Здесь же где-то должен был, по словам г. Караулова, находиться надгробный памятник из тесаных камней, с готическим сводом и татарской надписью 868 = 1454 года, которая показывала, что в мавзолее этом был похоронен некий Хыяс-эд-Динъ-султан, сын Кылай-Темир-хана. Г. Караулов писал в 1883 году об этом памятнике. Теперь и следов его не осталось, и даже на расспросы мои никто не мог указать места, где был этот памятник» [Смирнов, 1886, с. 278].

На неточность перевода сочинения П. С. Палласа 1918 года указал Н. И. Храпунов: «В немецком оригинале речь идет о “склепе” (Bergäbnis), а не “памятнике” или “мавзолее”, как переводят А. Л. Бертье-Делагард и С. Л. Белявская, с “готической подпружной аркой” – Gothischen Schwibbogen» [Храпунов, 2016, с. 839]. При этом автором погребальное сооружение локализовано в пределах одного из могильников на территории Старого Крыма или его окрестностей [Храпунов, 2016, с. 839].

Ряд вопросов вызывает личность погребенного в склепе и датировка надписи на сооружении. И. В. Зайцев, без сомнения, связывает указанного П. С. Палласом Гийас ад-Дина (Hiassedin-Sultan) с отцом основателя Крымского ханства Хаджи Герая. По мнению исследователя, он умер в 868 г. х. (1463–1464 гг.) и был похоронен в Солхате [Зайцев, 2013, с. 495; Зайцев, 2014, с. 140–141]. И. В. Зайцев также обратил внимание на нестыковку указанных в тексте дат – 868 год хиджры соответствует периоду времени между 15 сентября 1463 года и 2 сентября 1464 г. При этом 858 г. х полностью

укладывается в 1454 год (с 1 января по 21 декабря) [Зайцев, 2013, с. 496; Зайцев, 2014, с. 141]. В какой из дат допущена ошибка, в настоящий момент остается лишь догадываться.

По мнению В. П. Гулевича, подобные рассуждения «не могут соответствовать действительности. Во-первых, уже в 1886 г. от «мавзолея» в указанном месте не осталось и следа; во-вторых – Таш-Тимур был огланом, о чем в Крыму помнили и в XVIII в. (Baş Temür Oğlan), а не ханом; в-третьих – сложно исказить его имя так, чтобы спутать с "Килай-Темур-ханом"» [Гулевич, 2018, с. 188–189].

Таким образом, к настоящему моменту незначительное по объему, но крайне важное свидетельство П. С. Палласа вызывает множество вопросов. Прежде всего, не ясно, где именно академик наблюдал памятник. Большинство исследователей (В.П. Гулевич, И. В. Зайцев, Н. И. Храпунов и др.) склонны локализовать погребальное сооружение на территории Старого Крыма или его окрестностей. Там же его безрезультатно пытался обнаружить и В. Д. Смирнов. В последнем случае свою роль, возможно, сыграл неточный перевод текста П. С. Палласа М. А. Славич, которым наверняка пользовался востоковед. В данном контексте важнейшей является ремарка И. В. Тункиной, согласно которой в селении Карагоз в 1833 году П.И.Кёппен видел «остатки мавзолея Гиасс-эдин султана, сына хана Килай-Темира, построенного из тесаного камня, с татарской надписью 1454 г., о котором писал еще П. С.Паллас» [Тункина, 2011, с. 61]. Это является не только подтверждением сведений П. С.Палласа, правильности перевода А. Л. Бертье-Делагарда и С. Л. Белявской относительно расположения памятника, но и его наиболее поздним упоминанием (1833 год. Возможно, вскоре погребальное сооружение было утрачено).

Не установлена личность погребённого. Если предположить, что таковым являлся отец Хаджи-Герая, то возникает ряд несоответствий. 1. Сколь бы короток ни был срок пребывания на престоле Гийас ад-Дина, в надгробной надписи он должен был быть упомянут как хан [Зайцев, 2014, с. 141]. 2. Дед Хаджи Герая Таш-Тимур являлся огланом, а не ханом. К тому же вряд ли возможна столь отдаленная трансформация его имени: Таш-Тимур (Baş Temür Oğlan) – (Kilai-Temir Chan). 3. К настоящему моменту спорной является дата смерти Гийас ад-Дина. В. Д. Смирнов указал на 841 г. х. (1436–1437 гг.) [Смирнов, 2005, с. 179, 189]. И.В.Зайцев не исключает возможности, что это событие произошло именно в 868г. х. [Зайцев, 2013, с. 495; Зайцев, 2014 с. 140], что не противоречит указанной П.С. Палласом дате. В. А. Сидоренко, не соглашаясь с данными П. С. Палласа, считает, что «названная П. С. Палласом дата смерти сына неизвестного хана Килай Темира не соответствует времени смерти Гияс ад-Дина. Он, по сведениям "Умдет ал-ахбар", безмятежно проживал в Крыму во времена правления своего двоюродного брата Улуг Мухаммеда и умер до преследования Сейид Ахмедом осиротевших (по Халим Герая) Хаджи Герая и его брата» [Сидоренко, 2016, с. 123]. Исходя из имеющихся сведений, можно с определенной долей уверенности заключить, что на территории между Старым Крымом и Карагозом (более вероятно, в округе по-

следнего селения) в погребальном сооружении из тесаных камней, с аркой и надписью на арабском языке, между 1454 и 1464 годами (858–868 г. х.) был похоронен представитель знатного татарского рода.

Еще одним утраченным к настоящему моменту мусульманским культовым памятником селения Карагоз является мечеть. Первое ее упоминание относится к представленной выше работе П. С. Палласа. Автор, восторгаясь имением генерала фон Шютца, назвал татарскую мечеть, расположенную у «старых плодовых садов» «в плодородной, немного возвышенной равнине у ручья Серен-Су» [Паллас, 1999, с. 116].

Швейцарский путешественник Ф. Дюбуа де Монпере, посетивший Карагоз проездом из Керчи в Феодосию в 1832 году, оставил следующую запись: «Карагоз известен своей древней мечетью, которая относится к первоначальному татарскому стилю в Крыму. Она – одна из четырех самых древних. <…> Мечеть представляет собой большой куб, перекрытый полукруглым куполом. Здесь преобладают прямые линии или полукружия. Она напоминает церковь крепости Судак[2]. У одного из углов возвышается двенадцатигранный минарет с балкончиком» [Дюбуа де Монпере, 2009, с.63].

В 1833 году, направляясь в Феодосию, Карагоз посетил П. И. Кёппен, обративший внимание на «древнюю» мечеть и остатки оборонительного вала: «Мечеть четвероугольная. Длина оной и ширина внутри по 15 шагов. Надписи никакой нет. Свод поныне (14 ноября 1833 г.) весь цел. Из окон некоторые заложены кирпичом. Минарет из тесаного камня, превосходный. Следы окопа поныне приметны» [Тункина, 2011, с. 61].

Согласно протоколу заседания ТУАК от 17 ноября 1903 года Л. П. Колли было сделано краткое сообщение, в котором подчеркивалась необходимость ремонта памятника: «В интересах сохранения памятников древности в Тавриде позволяю себе обратить внимание Таврической ученой архивной комиссии на татарскую мечеть в д.Карагоз в 16 верстах от Феодосии по дороге в Старый Крым. <…> Здание это требует небольшого, но необходимого и неотложного ремонта. Следовало бы позаботиться о сохранении этого замечательного памятника крымской старины» [Протокол.., 1903, с. 63]. Заслушав доклад, члены комиссии постановили «довести до сведения Императорской археологической комиссии и Высочайше учрежденной Вакуфной комиссии в Симферополе о состоянии древней мечети в д. Карагоз Феодосийского уезда и просить о ее ремонте. Изображение же означенной мечети поместить в Известиях Комиссии, как приложение к настоящему протоколу» [Протокол.., 1903, с. 63–64]. Учрежденная в 1885 году Особая комиссия о вакуфах, находящаяся в непосредственном подчинении Министерства внутренних дел [Конкин, 2014, с. 440], «не нашла возможным отпустить какую-либо сумму на ремонт мечети ввиду того, что мечеть уже упразднена» [Протоколы.., 1909, с. 24].

---

[2] Не соглашаясь с подобным утверждением Дюбуа де Монпере, Б. Н. Засыпкин отметил, что «сходства этой мечети с мечетью в Судаке абсолютно нет <…>» [Засыпкин, 1927, с. 146].

Об отсутствии надлежащих мер и, как следствие, продолжающемся разрушении мечети свидетельствует протокол заседания ТУАК от 9 февраля 1907 г.: «Доложено отношение Высочайше учрежденной Особой комиссии о вакуфах от 6 февраля с[его] г[ода] за № 277 с уведомлением, что здание древней мечети в дер. Карагоз Феодосийского уезда, как доносит пристав 4-го стана Феодосийского уезда, пришло в совершенную негодность, дало громадные трещины и грозит падением» [Протокол.., 1907, с. 105]. Заслушав документ, было принято решение вновь «довести до сведения Императорской археологической комиссии и Г[осподина] Таврического губернатора и о последующем уведомить Комиссию о вакуфах» [Протокол.., 1907, с. 105].

На этом же заседании было рассмотрено письмо Л. П. Колли, адресованное А.И.Маркевичу, в котором он в очередной раз подчеркнул необходимость принятия срочных мер по поддержанию и охране памятника: «До сих пор здание остается заброшенным. <…> Ввиду этого, не найдет ли Таврическая архивная комиссия уместным обратить на это внимание губернского строительного отделения или прямо самого г-на Таврического губернатора. Ведь чем дальше, тем больший будет расход. Мечеть стоит на земле карагозских поселян, но они едва ли позаботятся о ее ремонте, скорее всего, посодействуют ее разрушению. Мне казалось бы, что можно было бы пока их предупредить и не дотрагиваться до этого здания, а весной или летом приступить к основательному ремонту» [Протоколы.., 1909, с. 25].

Получив очередное донесение Таврической ученой архивной комиссии, ИАК «обратилась с таким же ходатайством в Департамент общих дел МВД и получила уведомление от Департамента иностранных исповеданий от 9 ноября 1907 года, что уже сделано распоряжение об отпуске вакуфного капитала упраздненных мечетей в распоряжение Таврического губернатора 900 рублей на производство необходимого ремонта мечети» [Протоколы.., 1909, с. 25].

Ходатайства ТУАК от 19 ноября 1903 года и 28 февраля 1907 года были повторно рассмотрены Императорской археологической комиссией на заседании 29 октября 1908 года, о чем свидетельствует опубликованный протокол собрания [Протоколы.., 1909]. На заседании был рассмотрен ряд документов. Среди них акт осмотра мечети младшим архитектором строительного отделения Таврического губернского правления И. В. Ларионовым от 15 мая 1908 года, в котором были зафиксированы следующие положения: «1. Часть стены, к которой примыкает минарет, и угол минарета внизу разрушены; 2. Обвалилась часть карнизов на протяжении до 3-х саженей; 3. Во всех стенах имеются трещины; 4. Крыши на углах (при переходе квадрата в восьмиугольник) разрушены; 5. Черепичная кровля совершенно разрушена; 6. Внутренняя штукатурка обвалилась на половину всего количества» [Протоколы.., 1909, с. 25]. Смета на ремонт здания по проекту И. В. Ларионова составила 1013 рублей. Согласно проекту, кроме непосредственно ремонта, предполагалось заложить оконные проемы и «поставить дверь, обитую железом» [Протоколы.., 1909, с. 25].

На проект И. В. Ларионова было подготовлено заключение архитектора-рестав-

ратора, члена ИАК П. П. Покрышкина, нашедшего ремонт «вполне целесообразным» [Протоколы.., 1909, с. 25]. На вопрос одного из участников заседания о том, откуда будет получена необходимая сумма на ремонт, Г. И. Котов ответил, что «денежная сторона дела касается Археологической комиссии лишь в тех случаях, где это необходимо по существу» [Протоколы.., 1909, с. 25]. Участники заседания постановили утвердить рассматриваемый проект И. В. Ларионова.

На заседании ТУАК 24 сентября 1909 г. было зачитано отношение Таврического губернского правления от 29 мая этого же года № 1171 с просьбой о назначении, вследствие болезни Л. П. Колли, другого члена Комиссии для участия в осмотре карагозской мечети [Протокол.., 1909, с. 98]. Из этого же донесения следует, что А.И. Маркевич «вместе с инженером И. В. Ларионовым, производящим ремонт карагозской мечети, 7 июня посетили Карагоз и увидели печальную картину состояния тамошней мечети. Северная сторона ее оказалась почти целиком разобранной. Хищники начали разбирать уже один угол мечети и угол минарета. В разных местах стен, особенно западной, видно было много трещин» [Протокол.., 1909, с. 99]. К моменту осмотра двери и окна мечети были заложены, но и «они стали разбираться соседними крестьянами с целью получения строительного материала[3], и если бы своевременно не было обращено внимания на печальное состояние карагозской мечети <…>, то она скоро совсем бы рухнула» [Протокол.., 1909, с. 99].

Угрожающее полным разрушением состояние памятника вынудило начать его срочный ремонт «и произвести следующие работы: сложить вновь разобранную стену, угол мечети и минарета, заложить окна мечети, расчистить и защебенить трещины, подновить штукатурку, побелить мечеть и покрыть ее черепицей» [Протокол.., 1909, с. 99]. Согласно Э. Б. Петровой, ремонт мечети был завершен в 1910 году [Петрова, 2015, с. 203]. На «невежественное» отношение местного населения к памятнику было «сделано зависящее распоряжение о принятии феодосийским уездным исправником необходимых мер к сохранению древней мечети в д. Карагоз, о чем он уведомил в отношении от 24 июня этого года за № 1390» [Протокол.., 1909, с. 99].

Вскоре после установления советской власти на территории Крымского полуострова 17 ноября 1920 года в структуре подотдела изобразительных искусств отдела народного образования Крымского ревкома была образована секция по охране памятников старины и искусства, впоследствии при реорганизации органов власти выделенная в отдельное учреждение – Крымский отдел по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, природы и народного быта [Охрана.., 2008, с. 41]. До ликвидации в 1927 году отдел выполнял основные памятникоохранные функции в Крыму. Согласно «Списку археологических, архитектурных и революционных памятников и музейных зданий Крыма, находящихся в ведении

[3]А. И. Маркевич в дальнейшем с горечью сожалел о том, что «полиция равнодушно смотрела <…> на сильную порчу населением закрытых мечетей в Карагозе и Кулеч-мечети» [Маркевич, 2005, с. 276].

КрымОХРИСа и Главнауки и считающихся национализированными» к 1926 году «древняя мечеть XIV в. в Карагозах» состояла на учете в организации[4].

По заданию Центральных государственных реставрационных мастерских с целью обследования памятников Крыма и разработки мер по их охране и сохранению была организована командировка в Крым архитектора Б. Н. Засыпкина. Основное внимание было «обращено на состояние памятников архитектуры крымских татар, которые в дореволюционное время были почти в полном забвении, кроме известного всем Бахчисарайского дворца»[5]. Среди прочих обследованию подверглась мечеть в селении Карагозы. Согласно «Докладной записке Б. Н. Засыпкина об обследовании крымских памятников в 1926 г.» архитектором был составлен план памятника, акты и сметы по мечетям Колечь, Карагозы и Эль-Бузлы[6].

Итогом поездки архитектора на полуостров стала обширная публикация 1927 года на страницах журнала «Крым» [Засыпкин, 1927]. Один из абзацев посвящен краткому архитектурному анализу памятника: «По дороге из Колечь-мечети в Старый Крым в селении Карагоз имеется в полном забвении купольная мечеть, по общим своим формам и плану весьма близкая к мечети-Колечь, в ее основных массах. План в виде правильного квадрата перекрыт куполом на сферических парусах. Общий вид: кубическая форма, переходящая в восьмигранный барабан, который в настоящее время сверху перекрыт шатровой черепичной кровлей. К северо-восточному углу[7] примыкает минарет, в настоящее время внутри пустой, так как бывшая здесь деревянная лестница выгорела. Северная стена мечети вывалилась и требует срочного укрепления. Внутри мечеть декоративных отделок не сохранила. Михраб представляет из себя гладкую полукруглую нишу, увенчанную коническим полукуполом» [Засыпкин, 1927, с. 146].

В середине 20 годов XX века по инициативе КрымОХРИС была начата зарисовка крымских памятников, порученная феодосийскому художнику К. Ф. Богаевскому. В фондах Феодосийского музея древностей и Феодосийской картинной галереи им. И.К. Айвазовского выявлены две акварели художника с видами мечети[8]. Их искусствоведческий анализ представлен в публикациях М. А. Ломакиной [Ломакина, 2020, с. 96–103; Ломакина и др., 2019]. Работы, выполненные с большой точностью и с разных ракурсов, являются существенным дополнением к сохранившемуся фотографическому материалу.

Наиболее ранним выявленным изображением карагозской мечети является рисунок Дюбуа де Монпере 1832 года из фондов СПФ АРАН[9] (рис. 1), впервые опубли-

[4] ЦГА Москвы, ф. Р-1, оп. 1, д. 505, л. 1–6.

[5] ЦГА Москвы, ф. Р-1, оп. 1, д. 509, л. 18.

[6] ЦГА Москвы, ф. Р-1, оп. 1, д. 509, л. 24–25.

[7] Б. Н. Засыпкиным допущена ошибка – минарет примыкал к северо-западному углу здания.

[8] Феодосийский музей древностей, инв. № Г-2; Феодосийская картинная галерея им. И. К. Айвазовского, инв. № РГ 478

[9] СПФ АРАН, ф. 86, оп. 1, д. 29, л. 51.

кованный И. В. Тункиной в 2011 году [Тункина, 2011, с. 64]. Памятник изображен с северо-востока. К этому моменту оконные проемы второго яруса уже оказались заложенными. Портал (как и на более поздних рисунках В. Руссена) еще сохраняет арочную форму. Важной особенностью рисунка является прорисованное автором углубление над порталом, вероятно, ранее предназначенное для тариха. Мечеть находится в запустении, о чем свидетельствует растительность на куполе.

Полагаясь на рисунки В. Руссена середины XIX века [Петрова, 2015, с. 129, 134] (рис. 2), можно констатировать, что за два десятилетия с памятником произошел ряд изменений. У наружной западной части северной портальной стены появилась пристройка, примыкающая к восточной части цоколя минарета и перекрывающая вход в него. Сооружение из камня с односкатной крышей и прямоугольным дверным проемом напротив входа в минарет, скорее всего, просуществовало недолго, т.к. на фотоснимках начала XX века его уже нет. На рисунках отсутствуют оконные проемы первого и второго ярусов (по крайней мере, на северной и восточной стенах). Исходя из изображения 1832 года, установлено, что арочные окна второго яруса были заложены уже тогда, но при этом сохранялись четкие очертания проемов (они прослеживаются и на фотоснимках 20 годов XX века). Вероятно, это может служить подтверждением низкой детализации рисунков либо небрежности их автора. Можно лишь догадываться, были ли уже в середине XIX века заложены окна нижнего яруса, учитывая, что подобная мера была предложена в 1908 году на заседании ТУАК с целью сохранения памятника и прекращения его разграбления. Также не изображено углубление под тарих над портальным проемом. При этом купол мечети венчает навершие в виде полумесяца (алем).

Схематические рисунки 1903 года, помещенные на страницах ИТУАК [Протокол.., 1903, с. 62], свидетельствуют о запустении памятника и его значительном разрушении, что подтверждает вывал камня из центральной части северной стены, разрушение портала. О значительных восстановительных работах можно судить, ссылаясь на фотоснимок мечети начала XX века (рис. 3). На нем памятник изображен с северо-востока. Северная стена восстановлена, первоначальный портальный проем утрачен, новый приобрел прямоугольные очертания. Оконные проемы нижнего яруса оказались заложенными (как минимум, зафиксированных северной и восточной сторон). Восстановленные фрагменты стен заметно выделяются на фоне остальных частей здания. Все это говорит о низкой квалификации проводившего ремонтные работы мастера.

Фотоснимки 20-х годов XX века зафиксировали памятник с разных сторон и ракурсов (рис. 4–11), что позволило полностью реконструировать его облик. Изображения мечети также свидетельствуют о непрерывном процессе ее разрушения из-за воздействия природных и антропогенных факторов, несмотря на проводимые ремонтные работы и попытки спасти памятник.

Сохранившегося иллюстративного и фотографического материала достаточно,

чтобы судить об общей архитектонике здания. Основанием мечети служил квадрат со стороной 12,5 м (согласно плану Б. Н. Засыпкина, рис. 12). Стены возведены из необработанного камня, отдельные конструктивные детали, углы стен сложены из тесаных блоков. Нижний кубический объем переходил в восьмигранник с помощью среза углов под прямым углом. Барабан увенчан восьмигранным куполом. Оконные проемы располагались в три яруса, нижний представлен прямоугольными окнами, симметрично расположенными по два в каждой стене постройки. Над ними – проемы более узкой формы со стрельчатым арочным завершением, заложены в результате неоднократных ремонтов. Верхний ряд – круглые окна, находящиеся по оси фасадов. Портал располагался в центре северной стены с завершением в виде полукруглой арки (согласно рисунку Дюбуа де Монпере). Над ним, видимо, располагался тарих, утраченный к настоящему моменту, не зафиксирован и сам текст, что вынуждает прибегнуть к условной датировке памятника, исходя из его стилистики. К северо-западному углу примыкал минарет. Вход в него располагался в восточной части квадратного в плане цоколя высокой (доходил до верхнего уровня окон) прямоугольной формы, который завершался призматическим, переходящим в восьмигранный, стволом. В верхней части находился шерфе. Крыша коническая. Верхняя часть ствола с навершием была утрачена, возможно, в результате землетрясения 1927 года. Реконструировать интерьер мечети не представляется возможным. Рисунков и фотоснимков внутреннего убранства памятника не выявлено. К тому же, вероятно, к середине 20-х годов XX века, к моменту его фотофиксации, детали интерьера были утрачены. По сохранившемуся фотоснимку (рис. 13) можно лишь отметить, что «паруса свода, сделанные из желтого камня, в некоторых местах которых находились так называемые “голосники”» [Протокол.., 1909, с. 99], начинались на уровне менее 1 метра от пола. Ближайшей аналогией сооружения является также утраченная к настоящему моменту мечеть в селении Колечь (ныне – с. Новопокровка). Прямых свидетельств о дате возведения памятника не выявлено. Исходя из его архитектурных особенностей, можно предположить, что мечеть была построена в XVI – XVII веке. Памятник, значительно пострадавший в годы Великой Отечественной войны, был разобран до фундаментов вскоре после ее окончания [Петрова, 2015, с. 204]. Археологические исследования не проводились.

Карагозская мечеть может свидетельствовать о существовании на территории современного с. Первомайское значимого крупного поселения в период расцвета Крымского ханства. Если же согласиться с локализацией погребального сооружения, упомянутого П. С. Палласом и П. И. Кёппеном в селении Карагоз, то можно допустить его существование в период Золотой Орды. Наличие сразу нескольких культовых памятников не исключает возможности развития здесь религиозного центра, возможно – функционирование текие, появление поблизости Азизов. Важную роль могло сыграть расположение поселения на тракте между Солхатом и Кафой, обусловив его торговую значимость в качестве транзитного пункта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Гаврилов А. В. Средневековые памятники Юго-Восточного Крыма (материалы к археологической карте) // Сугдейский сборник. 2008. Вып. 3. С. 331–384.

Гулевич В. П. От ордынского Улуса к ханству Гиреев: Крым в 1399–1502 гг. / Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. Казань, 2018. 492 с.

Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и Крым: в 6 т. Т. 5–6 / Под ред. Т. М. Фадеевой. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. 328с. (Сер.: «Старинный путеводитель»).

Зайцев И. В. Кырк-Йер/Кыркор (Чуфут-Кале) и ранняя история Крымского ханства // От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи: к 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского: сборник статей / под ред. В. П. Степаненко, А. Г. Юрченко. М.: ИД Марджани, 2013. С. 494–505.

Зайцев И. В. Образование Крымского ханства // История татар с древнейших времен: в 7-ми т. / Институт истории им. Ш. Марджани; под ред. Р. Хакимова. Т. 4: Татарские государства XV – XVIII вв. Казань, 2014. С. 130–146.

Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. 1927. № 2(4). С. 113–168.

Конкин Д. В. Проекты реформирования управления вакуфами в Крыму в начале XX века // МАИЭТ. 2014. Вып. 19. С. 439–462.

Ломакина М. А. Крымские древности в акварелях К. Ф. Богаевского: к 150-летию со дня рождения художника / Под ред. Е. А. Айбабиной, Д. А. Ломакина. Симферополь: Н. Оріанда, 2020. 448 с. (Серия «Биобиблиография крымоведения»; вып. 30).

Ломакина М. А., Ломакин Д. А. Две несохранившиеся мечети Восточного Крыма в акварелях феодосийского художника К. Ф. Богаевского // IV Международный конгресс археологии евразийских степей «Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований», посвященный 100-летию российской академической археологии, г. Улан-Удэ, 16–21 сентября 2019 г. / Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин: в 2-х кн. Кн. 1. Улан-Удэ: изд-во БНЦ СО РАН, 2019. С. 218–222.

Маркевич А. И. Судьбы памятников древности в Тавриде // Непомнящий А. А. Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения. Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. С. 237–316 (Сер.: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 3).

Мирас-Наследие. Татарстан–Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах: в 3-х т. / Сост. и отв. ред. С. Г. Бочаров, А. Г. Ситдиков. Т.2. Казань: Издат-Принт, 2016. 572 с.

Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / Перевод с немецкого А. Л. Бертье-Делагарда, С. Л. Белявской. М.: Наука, 1999. 246 с. (Сер.: «Научное наследство»; вып. 27).

Петрова Э. Б. Исторический и художественный альбом Тавриды Евгения де Вильнёва и Викентия Руссена / Пер. с фр. А. В. Карпенко. Феодосия: ИД Коктебель; Симферополь: Н.Ореанда, 2015. 240 с. (Сер.: «Палитра времени»; вып. 2).

Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань / Примечания Г. Э. Караулова // ЗООИД. 1883. Т. 13. С. 35–107.

Протокол заседания ТУАК от 17 ноября 1903 г. // ИТУАК. 1903. № 35. С. 60–67.

Протокол заседания ТУАК от 9 февраля 1907 г. // ИТУАК. 1907. № 40. С. 104–113.

Протокол заседания ТУАК от 24 сентября 1909 г. // ИТУАК. 1909. № 44. С. 93–107.

Протоколы реставрационных заседаний Императорской археологической комиссии. Заседание 29 октября 1908 года // Известия Императорской археологической комиссии. 1909. Вып. 31 (Вопросы реставрации. Вып. 8). С. 23–35.

Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах / Перевод с немецкого М.С[лавич] // ЗООИД. 1881. Т. 12. С. 62–208.

Сидоренко В. А. Монетная чеканка Крымского ханства (1442–1475 гг.). Симферополь: Бизнес-Информ, 2016. 384 с.

Смирнов В. Д. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 года // Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества. 1886. Т. 1, вып. 4. С.273–305.

Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты: в 2-х т. / Под ред. С.Ф. Орешковой. Т. 1. М.: ИД «Рубежи XXI», 2005. 542 с. (Сер.: «История России»).

Тункина И. В. Открытие Феодосии: страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. 1771–1871. Киев: Болеро. 2011. 240 с.

Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР: исследования и документы / Авт.-сост. А. В. Хливнюк; под ред., вступ. ст. А. А. Непомнящего. Симферополь: СГТ, 2008. 240 с. (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 11).

Храпунов Н. И. Старый Крым и его памятники глазами путешественников конца XVIII – начала XIX века // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 4. С. 832–860.

Pallas P. S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Bd. 2. Leipzig: Gottfried Martini, 1801. 525 s.

REFERENCES

Gavrilov A. V. Srednevekovye pamiatniki Iugo-Vostochnogo Kryma (materialy k arkheologicheskoi karte). *Sugdeiskii sbornik,* 2008, vol. 3, pp. 331–384.

Gulevich V. P. *Ot ordynskogo Ulusa k khanstvu Gireev: Krym v 1399–1502 gg.* Kazan', 2018, 492 p.

Diubua de Monpere F. *Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhazam, v Gruziiu, Armeniiu i Krym.* Simferopol', Biznes-Inform Publ., 2009. 328 p.

Zaitsev I. V. Kyrk-Ier/Kyrkor (Chufut-Kale) i ranniaia istoriia Krymskogo khanstva. *Stepanenko V. P., Iurchenko A. G. (Ed.) Ot Onona k Temze.* Chingisidy i ikh zapadnye sosedi: k 70-letiiu Marka Grigor'evicha Kramarovskogo. Moscow, Mardzhani Publ., 2013, pp. 494–505.

Zaitsev I. V. Obrazovanie Krymskogo khanstva. *Khakimov R. (Ed.) Istoriia tatar s drevneishikh vremen.* Kazan', 2014, pp. 130–146.

Zasypkin B. N. Pamiatniki arkhitektury krymskikh tatar. *Krym,* 1927, No 2(4), pp. 113–168.

Konkin D. V. Proekty reformirovaniia upravleniia vakufami v Krymu v nachale XX veka. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* 2014, vol. 19, pp. 439–462.

Lomakina M. A. Krymskie drevnosti v akvareliakh K. F. Bogaevskogo: k 150-letiiu so dnia rozhdeniia khudozhnika. Simferopol', N. Orianda Publ., 2020, 448 p.

Lomakina M. A., Lomakin D. A. Dve nesokhranivshiesia mecheti Vostochnogo Kryma v akvareliakh feodosiiskogo khudozhnika K. F. Bogaevskogo. *Bazarov B. V., Kradin N. N. (Ed.) IV mezhdunarodnyi kongress arkheologii evraziiskikh stepei «Kochevye imperii Evrazii v svete arkheologicheskikh i mezhdistsiplinarnykh issledovanii», posviashchennyi 100-letiiu rossiiskoi akademicheskoi arkheologii.* Ulan-Ude, 2019, pp. 218–222.

Markevich A. I. Sud'by pamiatnikov drevnosti v Tavride. Nepomniashchii *A. A. Arsenii Markevich:*

stranitsy istorii krymskogo kraevedeniia. Simferopol', Biznes-Inform, Publ., 2005, pp. 237–316.

Bocharov S. G., Sitdikov A. G. (Ed.) Miras-Nasledie. Tatarstan–Krym. Gorod Bolgar i izuchenie tatarskoi kul'tury v Tatarstane i Krymu v 1923–1929 godakh. Vol. 2, Kazan', Izdat-Print Publ., 2016, 572 p.

Pallas P. S. *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh.* Moscow, Nauka, 1999. 246 p.

Petrova E. B. *Istoricheskii i khudozhestvennyi al'bom Tavridy Evgeniia de Vil'neva i Vikentiia Russena.* Simferopol', N. Oreanda Publ., 2015, 240 p.

Karaulov G. E. (Ed.) Poezdka vo vnutrennost' Kryma, vdol' Kerchenskogo poluostrova i na ostrov Taman'. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei.* 1883, vol. 13, pp. 35–107.

Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii ot 17 noiabria 1903 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii.* 1903, vol. 35, pp. 60–67.

Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii ot 9 fevralia 1907 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii.* 1907, vol. 40, pp. 104–113.

Protokol zasedaniia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii ot 24 sentiabria 1909 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii.* 1909, vol. 44, pp. 93–107.

Protokoly restavratsionnykh zasedanii Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii. Zasedanie 29 oktiabria 1908 goda. *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii.* 1909, vol. 31, pp. 23–35.

Slavich M. (Ed.) Puteshestvie po Krymu akademika Pallasa v 1793 i 1794 godakh. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei.* 1881, vol. 12, pp. 62–208.

Sidorenko V. A. *Monetnaia chekanka Krymskogo khanstva (1442–1475 gg.).* Simferopol', Biznes-Inform Publ., 2016, 384 p.

Smirnov V. D. Arkheologicheskaia ekskursiia v Krym letom 1886 goda. *Zapiski Vostochnogo otdeleniia Imperatorskogo russkogo arkheologicheskogo obshchestva.* 1886, No 1, vol. 4, pp. 273–305.

Smirnov V. D. *Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Otomanskoi Porty.* Vol. 1. Moscow: Rubezhi XXI Publ., 2005, 542 p.

Tunkina I. V. *Otkrytie Feodosii: stranitsy arkheologicheskogo izucheniia Iugo-Vostochnogo Kryma i nachal'nye etapy istorii Feodosiiskogo muzeia drevnostei.* 1771–1871. Kiev, Bolero Publ., 2011, 240 p.

Khlivniuk A. V. (Ed.) *Okhrana i izuchenie pamiatnikov istorii i kul'tury v Krymskoi ASSR: issledovaniia i dokumenty.* Simferopol', SGT Publ., 2008, 240 p. 26. Khrapunov N. I. Staryi Krym i ego pamiatniki glazami puteshestvennikov kontsa XVIII – nachala XIX veka. Zolotoordynskoe obozrenie, 2016, vol. 4, No 4, pp. 832–860.

Pallas P. S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Bd. 2. Leipzig: Gottfried Martini, 1801. 525 s.

Резюме

На основании анализа обширной группы источников представлена история изучения мусульманских историко-археологических памятников средневекового поселения Карагоз (с.Первомайское Кировского района Республики Крым): погребального сооружения с аркой и мечети. К настоящему моменту оба памятника утрачены. Выделены и охарактеризованы основные этапы их существования и изучения. Среди материалов исследования: путевые записи

многочисленных вояжеров, посетивших Крымский полуостров как в личных целях, так и по долгу службы (П. С. Паллас, Ф. Дюбуа де Монпере, П. И. Кёппен и др.); научные разработки отечественных исследователей в сфере памятниковедения Крымского полуострова средневекового периода (А. И. Маркевич, Л. П. Колли, Б. Н. Засыпкин, И. В.Зайцев, В. А. Сидоренко, И. В. Тункина и др.). Использованы архивные материалы из фондов Санкт-Петербургского филиала архива РАН, Центрального государственного архива г. Москвы. Важным дополнением к фотографическому материалу стали акварельные работы феодосийского художника К. Ф. Богаевского середины 20-х годов XX века из фондов Феодосийского музея древностей и Феодосийской картинной галереи им. И. К. Айвазовского. Наиболее ранними изображениями карагозской мечети являются рисунки Фредерика Дюбуа де Монпере и Викентия Руссена. Фрагментарная информация об исследуемых памятниках была получена путем анализа опубликованных протоколов заседаний Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК) и протоколов реставрационных заседаний Императорской археологической комиссии (ИАК). Выявленный иллюстративный и фотографический материал систематизирован, что позволило выполнить стилистический анализ мечети, утраченной к середине XX века. Охарактеризованы попытки сохранения и охраны архитектурно-археологических объектов поселения, связанные с деятельностью сотрудников ТУАК, Центральных государственных реставрационных мастерских (ЦГРМ) и Крымского отдела по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, природы и народного быта (КрымОХРИС). Подчеркнута необходимость проведения археологических исследований.

Ключевые слова: поселение Карагоз, архитектурно-археологический памятник, объект культурного наследия, погребальное сооружение, мечеть, история изучения, исторический источник.

Summary

Based on the analysis of an extensive group of sources, we present the history of study of Muslim historical and archaeological landmarks of the medieval settlement of Karagoz (the village of Pervomayskoye, Kirovsky district of the Republic of Crimea). These landmarks include an arched burial structure and a mosque. To date, both monuments have been lost. The main stages of their existence and study were highlighted and characterized. Among the research materials are the records of numerous travelers, who visited the Crimean peninsula both for personal purposes and on duty (P. S. Pallas, F. DuBois de Montperreux, P. I. Köppen and others) and scientific developments by domestic researchers in the field of studies of Crimean medieval landmarks (A.I.Markevich, L. P. Kolli, B. N. Zasypkin, I. V. Zaitsev, V. A. Sidorenko, I. V. Tunkin and others). Archival materials from the collection of the St. Petersburg Branch of the Russian Academy of Sciences Archives, and the Central State Archives of the City of Moscow were widely used. The mid-1920s watercolors by Theodosia's painter K. F. Bogaevsky from the collection of the Theodosia Museum of Antiquities and the I. K. Aivazovsky Theodosia Picture Gallery make an important addition to the photographic material. The earliest depictions of the Karagoz mosque are drawings by Frédéric DuBois de Montperreux and Vincent Roussen. A fragmentary information about the studied landmarks was obtained by analyzing the published proceedings of the Taurian Scientific Archive Commission and the minutes of the restoration sessions of the Imperial Archaeological Commission. The revealed illustrative and photographic material was systematized, which made it possible to carry out a stylistic analysis of the mosque, which had been lost by the mid-20th century. We characterized the attempts to preserve and protect the architectural and archaeological

objects of the settlement associated with the activities of the staff of the Taurian Scientific Archive Commission, the Central State Restoration Workshops and the Crimean Department for Museums and Protection of Monuments of Art, Antiquity, Nature and People's Daily Life, emphasizing the need to undertake archaeological studies.

Key words: the settlement of Karagoz, architectural and archaeological landmark, cultural heritage site, burial structure, mosque, history of study, historical source.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Ломакин Дмитрий Анатольевич, к.и.н.,
старший научный сотрудник
Научно-исследовательского центра
истории и археологии Крыма
(структурного подразделения)
ФГАОУВО «Крымский федеральный
университет им. В. И. Вернадского»,
Российская Федерация,
295007, Симферополь, проспект Академика
Вернадского, 4.
E-mail: LomakinDA@mail.ru.

ABOUT THE AUTHOR
Dmitriy A. Lomakin, CSc in History,
Senior Researcher,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University 4,
V. I. Vernadsky Avenue, Simferopol
295007, Russian Federation.
E-mail: LomakinDA@mail.ru.

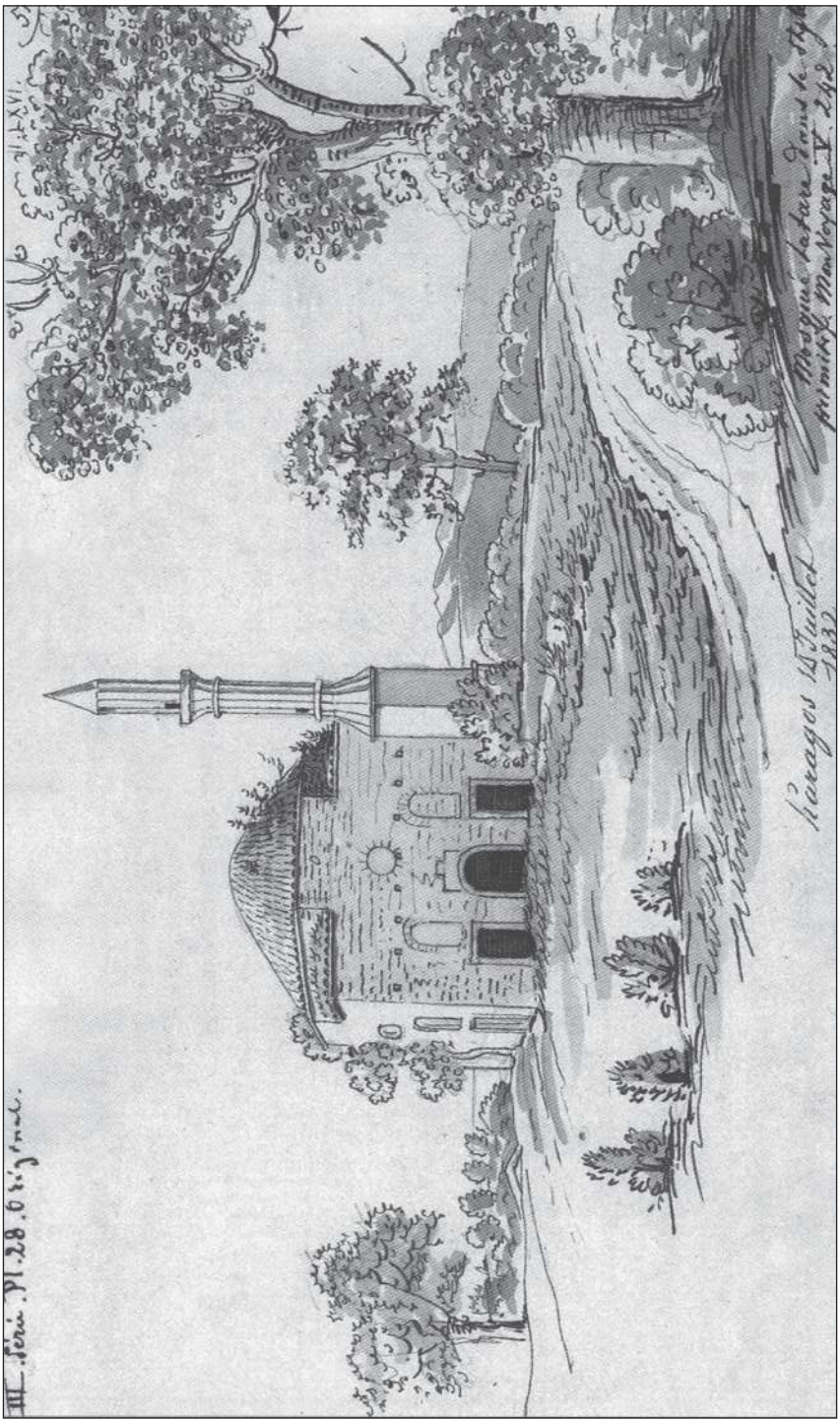


Рис. 1. Дюбуа де Монпере Ф. Карагоз. Вид мечети с северо-востока. 14 июля 1832 г. [рис. по: Тункина, 2011, с. 64].

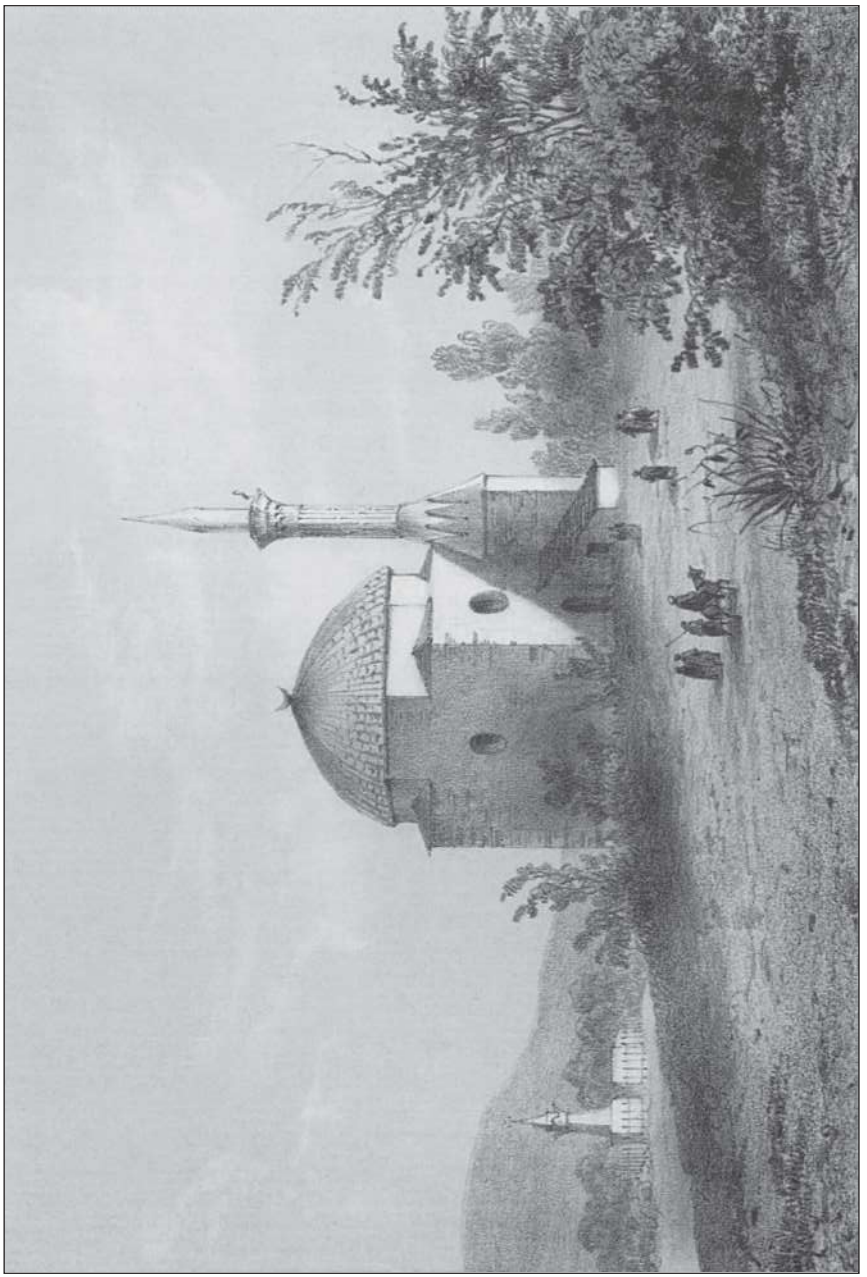


Рис. 2. Руссен В. Мечеть в Карагозе. Вид с северо-востока. Середина XIX в. [рис. по: Петрова, 2015, с. 129].

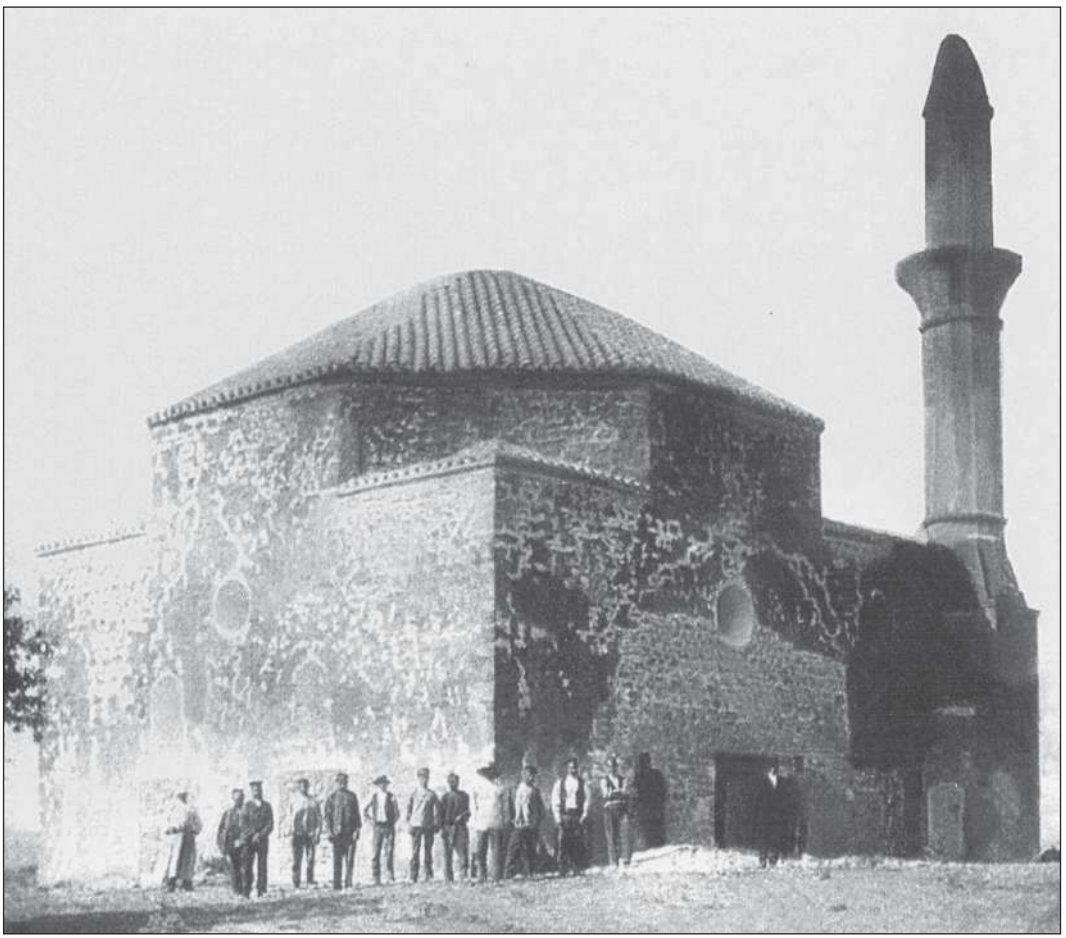


Рис. 3. Карагоз. Мечеть. Вид с северо-востока. Начало XX в. [рис. по: Петрова, 2015, с. 205].

Рис. 4. Карагоз. Мечеть. Вид с запада. Стоит И. Н. Бороздин (?). Середина 20-х гг. XX в., до 1927 г. [рис. по: Мирас-Наследие.., 2016, с. 471, рис. 469].

Рис. 5. Карагоз. Мечеть. Вид с северо-востока. Середина 20-х гг. XX в., до 1927 г. [рис. по: Мирас-Наследие.., 2016, с. 472, рис. 470].

Рис. 6. Карагоз. Вход в мечеть. Середина 20-х гг. XX в., до 1927 г. [рис. по: Мирас-Наследие.., 2016, с. 475, рис. 473].

Рис. 7. Карагоз. Мечеть. Вид с юго-запада. На переднем плане стоит П. И. Голландский (?). Середина 20-х гг. XX в., после 1927 г. [рис. по: Мирас-Наследие.., 2016, с. 507, рис. 505].

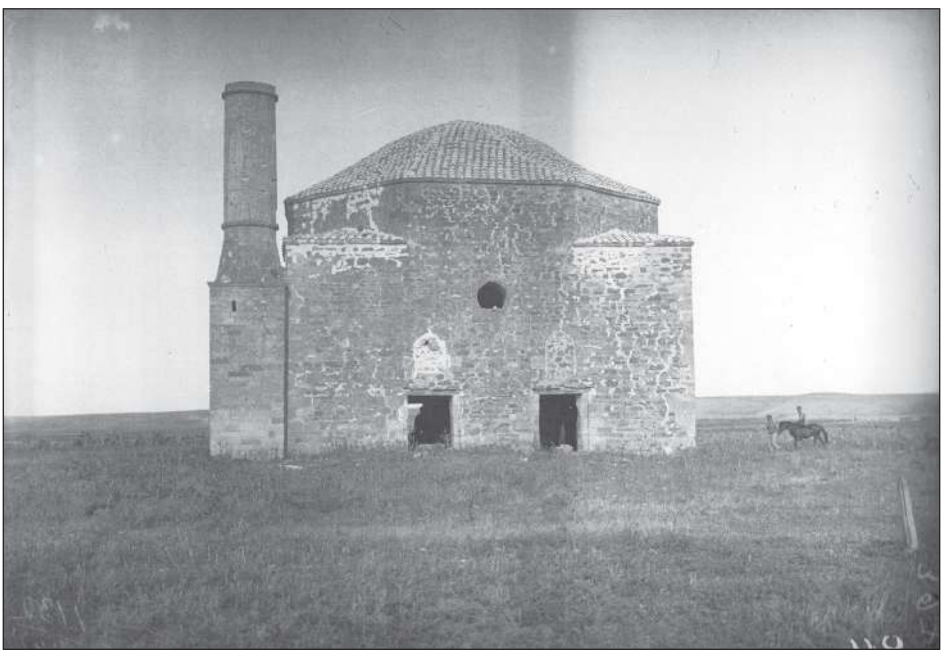


Рис. 8. Карагоз. Мечеть. Вид с запада. Середина 20-х гг. XX в., после 1927 г. [рис. по: Мирас-Наследие.., 2016, с. 506, рис. 504].

Рис. 9. Карагоз. Мечеть. Вид с северо-востока. Середина 20-х гг. XX в., после 1927 г. [рис. по: Мирас-Наследие.., 2016, с. 508, рис. 506].

Рис. 10. Карагоз. Мечеть. Вид с юго-востока. Середина 20-х гг. XX в. [рис. по: Мирас-Наследие.., 2016, с. 470, рис. 468].

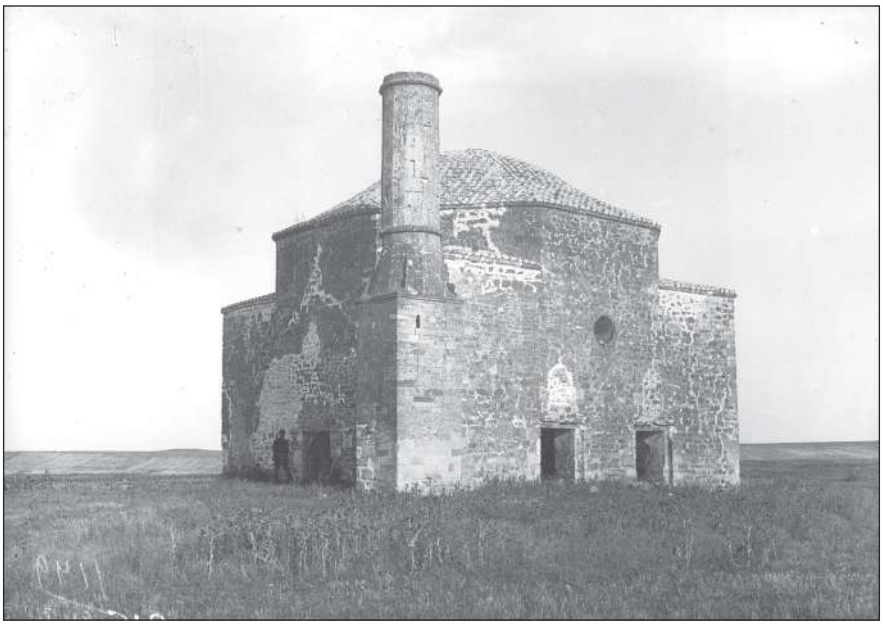


Рис. 11. Карагоз. Мечеть. Вид с северо-запада. Середина 20-х гг. XX в., после 1927 г. [рис. по: Мирас-Наследие.., 2016, с. 509, рис. 507].

Рис. 12. Карагоз. Мечеть. Внутренний вид. Стоит П. И. Голландский (?). Середина 20-х гг. XX в. [рис. по: Мирас-Наследие.., 2016, с. 513, рис. 511].

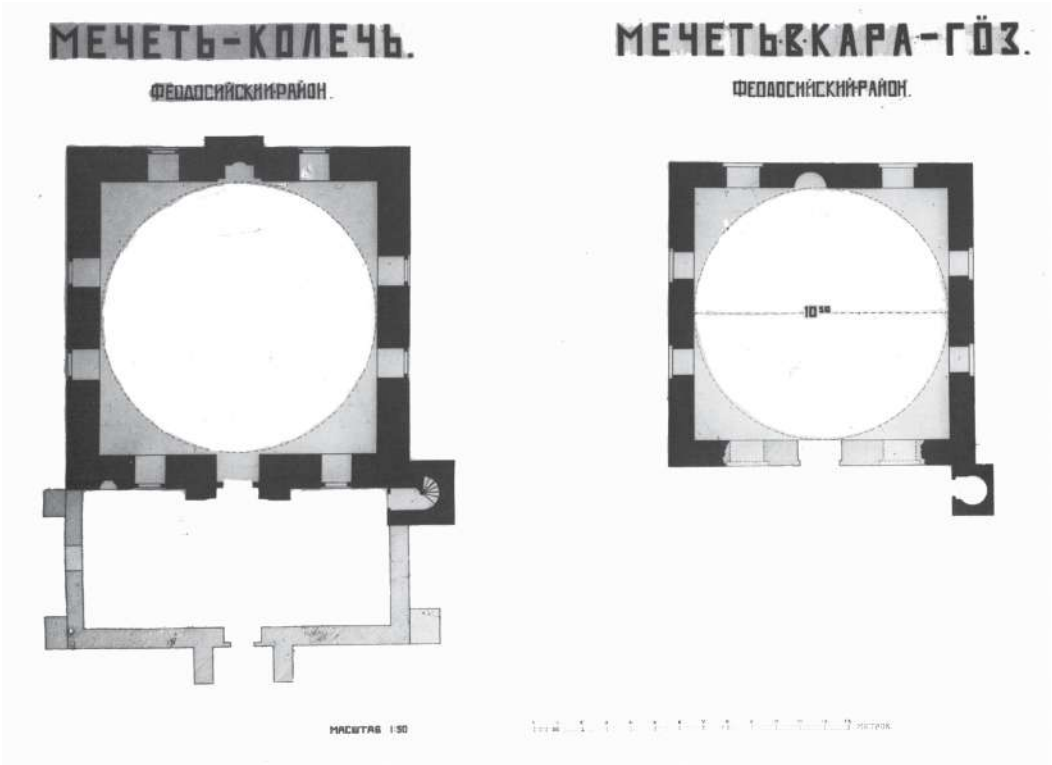


Рис. 13. Негатив. Планы мечетей в Колечь-Мечети и Карагозе. Автор Б. Н. Засыпкин (?). Середина 20-х гг. XX в. [рис. по: Мирас-Наследие.., 2016, с. 519, рис. 517].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	– Античная древность и средние века.
АДУ	– Археологічні дослідження в Україні.
АО	– Археологические открытия в СССР. Москва.
БИКАМЗ	– Бахчисарайский историко-культурный археологический музей-заповедник.
БИ	– Боспорские исследования.
ВВ	– Византийский временник.
ВДИ	– Вестник древней истории.
ГАИМК	– Государственная академия истории материальной культуры, Ленинград.
ГИМ	– Государственный исторический музей.
ГИМ ОПИ	– Государственный исторический музей, отдел письменных источников.
Главнаука	– Главное управление научными, музейными и научно-художественными учреждениями Народного комиссариата просвещения РСФСР.
ЖМНП	– Журнал Министерства народного просвещения, Санкт-Петербург.
ЗООИД	– Записки Одесского общества истории и древностей, Одесса.
ИАК	– Известия Императорской археологической комиссии, Санкт-Петербург.
ИАКр.	– История и археология Крыма.
ИА РАН	– Институт археологии РАН.
ИВ РАН	– Институт востоковедения РАН.
ИИАК	– Известия Императорской археологической комиссии.
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры РАН.
ИНИОН	– Институт научной информации по общественным наукам, Москва.
ИТУАК	– Известия Таврической ученой археологической комиссии.
КНП	– Культура народов Причерноморья, Симферополь.
КрымОХРИС	– Крымский отдел по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, природы и народного быта.

КСИА	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР, Москва.
КСИАУ	– Краткие сообщения Института археологии АН УССР, Киев.
ЛОИА	– Ленинградское отделение Института археологии, Ленинград.
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии, Симферополь.
МАР	– Материалы по археологии России.
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР, Москва-Ленинград.
НГ	– Новый Гермес.
СА	– Советская археология, Москва.
СКОАИЭ	– Северо-Кавказское общество археологии, истории, этнографии, Ростов-на Дону.
СПФ АРАН	– Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук.
РА	– Российская археология.
ТУАК	– Таврическая ученая архивная комиссия (Симферополь).
ЦГА Москвы	– Центральный государственный архив города Москвы.
ЮРЦАИ	– Южно-Российский Центр археологических исследований, Краснодар.
AMV	– Acta Musei Varnaensis.
REB	– Revue des Études Byzantines.
SBS	– Studies in Byzantine Sigillography.
RA	– Revista Arheologică, Chisinau.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Колтухов С.Г.
Погребения периода скифской архаики
в Восточном и Степном Крыму 3

Петракова А.Е.
Аттические чернофигурные вазы
редких форм из раскопок Тиритаки …..... 30

Сударев Н.И., Поротов А.В., Гарбузов Г.П.
К вопросу о древних дорогах и переправах
южной части Таманского полуострова ……..... 62

Лазаренко В.Г.
Генезис и особенности культа
Ахилла в Западном Крыму ……..... 86

Арсентьева Е.И., Вахонеев В.В.
Бронзовый перстень из затопленной части Акры ……..... 140

Петин А.А.
О погребениях из Третьего кургана
на мысе Ак-Бурун
(попытка идентификации) ……..... 155

Шонов И.В.
Монограммы правителей
на серебряных монетах
Пантикапея 121 – 109 гг. до н.э. ……..... 162

Казанский М.М.
«Парадные» мечи эпохи
Великого переселения народов
на Боспоре Киммерийском ……..... 177

Зубарев В.Г., Майко В.В., Могучева М.Р.
Ямы в структуре сельских
поселений Европейского Боспора
античного и раннесредневекового времени
(на примере раскопа «Восточный»
городища Белинское в Восточном Крыму) ……..... 202

Алексеенко Н.А.
Сфрагистические источники
византийской Таврики: новые
открытия в сфере контактов
с центральной администрацией ……..…….. 220

ПУБЛИКАЦИИ

Кашаев С.В., Сударев Н.И.
Материалы эпохи бронзы
на поселении Артющенко-2 ….....….. 236

Зиливинская Э.Д., Петров П.А., Соколов П.М.
Исследования поселения
и могильника Соленый-II на Тамани……....… 258

ИСТОРИЯ НАУКИ

Пономарев Л.Ю.
Османская Керчь в описании участников
«Керченского похода» 1699 г.:
фортификационные, гражданские и культовые
сооружения и их дальнейшая судьба…..... 278

Ломакин Д.А.
Мусульманские памятники
средневекового поселения Карагоз:
источниковедческий аспект ……..... 371

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ……..... 394

CONTENTS

ARTICLES

Koltukhov S.G.
Burials of the Scythian archaic period
in the Eastern and Steppe Crimea ……..... 3

Petrakova A.E.
Athenian black-figure vases
of rare shapes from
the excavations in Tyritake …… 30

Sudarev N.I., Porotov A.V., Garbuzov G.P.
On the question of ancient roads and
crossings of the southern part of the Taman peninsula…….....… 62

Lazarenko V.G.
Genesis and features of the cult
of achilles in the Western Crimea …….....……. 86

Arsentieva E.I., Vakhoneev V.V.
A bronze ring from the
submerged part of Akra …….....… 140

Petin A.A.
On burials from the Third mound
on cape Ak-Burun (attempted identification)….....… 155

Shonov I.V. Monograms of the rulers
on silver coins of Pantikapey 121 – 109 gg. bc. …..…... 162

Kazanski M.M.
«Ceremonial» swords of the Great
migration period on the Cimmerian Bosporus..... 177

Zubarev V.G., Maiko V.V., Mogucheva M.R.
Pits in the structure of rural settlements of the European
Bosporus of ancient and early medieval time
(using the example of the «Eastern»
hillfort Belinskoye in the Eastern Crimea) ……...… 202

Alekseienko N. A.
Sigillographic sources of byzantine Taurica:
new discoveries in the sphere of contacts
with the central administration……..……. 220

PUBLICATION

Kashaev S.V., Sudarev N.I.
Materials of the bronze age at the settlement Artyuschenko-2..... 236

Zilivinskaya E.D., Petrov P. A., Sokolov P.M.
Studies of the settlement and
burial ground Soleny-II on Taman …….....… 258

HYSTORY

Ponomarev L.IU.
Ottoman Kerch in the description
of the participants of the march to Kerch in 1699 g.:
fortification, civil and cultural
facilities and their further fate …….....…….. 278

Lomakin D.A.
Muslim landmarks of the medieval
settlement of Karagoz: source study aspect …….....…… 371

LIST OF ABBREVIATIONS……... 394

Научное издание

Боспорские исследования

Вып. XLIV

Журнал основан в 2001 году, выходит 2 раза в год
Сайт журнала: http://bospor-issled.cfuv.ru

Учредитель: ФГАОУВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Редакция: 295007, Россия, Республика Крым, г. Симферополь,
проспект Академика Вернадского, д. 4, НИЦ истории и археологии Крыма

Главный редактор: А. И. Айбабин

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-61808 от 18.05.2015 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Журнал индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученых степеней доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям наук: 5.6.1 – Отечественная история (исторические науки), 5.6.2 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки), 5.6.3 – Археология (исторические науки).

Перевод на английский *Н.М. Красина*
Корректор *Г.Н. Хлебникова*
Компьютерная верстка *Г.В. Воробьева*

Подписано в печать 22.04.2022 г.
Дата выхода в свет 17.05.2022 г.
Формат 70x100 1/16. Усл. печ. 32,5 л.
Тираж 300 экз. Заказ 91.
Распространяется БЕСПЛАТНО.

Издательство: ООО «Керченская городская типография»
298300, Республика Крым, г. Керчь, ул. Кирова, 13, офис 1.

Отпечатано в ООО «Керченская городская типография»
298300, Республика Крым, г. Керчь, ул. Кирова, 13, офис 1.